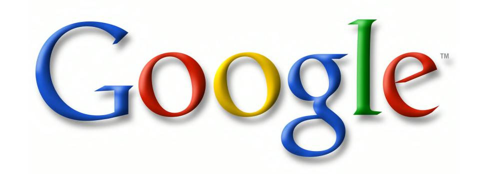
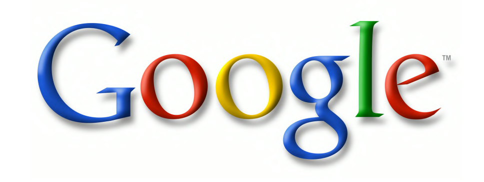

Google

Letter

МУРАВЬЕВЪ

ГРУЗІЯ
И
АРМЕНІЯ

1848

ГРУЗІЯ

И

АРМЕНІЯ.

Часть I.

С. П. Б.

1848.

Грузія и Арменія.

О
ГРУЗІИ
И
АРМЕНІИ.

Часть I.

С. П. Б.
Въ тип. III отдѣл. собств. Е. И. В. канцеляріи.
1848.

От Санктпетербургской Духовной Цензуры печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Октяб. 10 дня, 1847 года.

Цензоръ Казанскаго собора Протоіерей,

Тимоѳей Никольскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издавая въ свѣтъ описаніе моего путешествія по Грузіи и Арменіи, я желаю точнѣе опредѣлить содержаніе книги, которое не можетъ быть довольно высказано въ заглавіи. И такъ скажу, что хотя я смотрѣлъ на Грузію и Арменію, болѣе со стороны церковной, нежели гражданской, однако и любители исторической древности, можетъ быть, найдутъ здѣсь нѣчто достойное ихъ любопытства. Тѣ-

же, коихъ сердце лежитъ къ священнымъ преданіямъ одной изъ древнѣйшихъ Церквей въ мірѣ, современной по своему началу вселенскому торжеству Христіанства, тѣ, я надѣюсь, съ любовію прочтутъ дѣянія святыхъ подвижниковъ Грузіи и повѣсть о ея славнѣйшихъ обителяхъ, вмѣстѣ съ изложеніемъ событій многовѣковаго царства, ознаменованнаго чрезвычайными бѣдствіями но и непоколебимою вѣрою.

Въ продолженіе осьмимѣсячнаго пребыванія въ Грузіи, я старался собрать житія всѣхъ почти Святыхъ единовѣрной намъ Церкви, изъ Патериковъ доселѣ хранящихся въ ея пустынныхъ обителяхъ, и посѣщая ихъ внималъ изустно мѣстнымъ преданіямъ, о монастыряхъ и замкахъ, поражающихъ взоры на недоступныхъ скалахъ. Многое опущено мною, по краткости времени и незнанію языка; но мнѣ хотѣлось

хотя нѣсколько ознакомить Церковь отечественную со священною стариною Церкви Иверской; если же иногда, съ большою подробностію, описываю нѣкоторые древніе храмы или чудотворныя иконы, доселѣ привлекающія благоговѣніе народное: то да не обременится тѣмъ благочестивый читатель! Мнѣ, удостоившемуся посѣтить такую святыню, казалось долгомъ совѣсти, подѣлиться съ соотечественниками тѣмъ, что я видѣлъ или слышалъ, дабы не подвергнуться осужденію Евангельскому, зарывшаго въ землю данный ему талантъ. На концѣ первой части о Грузіи присовокупилъ я краткое обозрѣніе ея исторіи, извлеченное мною изъ перевода лѣтописи Царевича Вахуштія, для того чтобы всѣ событія, описываемыя въ разныхъ мѣстахъ моей книги, представились здѣсь въ постепенномъ ихъ порядкѣ.

Вторая часть, заключающая въ себѣ соб-

ственно описаніе Арменіи, хотя изложена въ томъ же духѣ, имѣетъ однако свое особенное направленіе. Я не имѣлъ нужды касаться богослуженія Церкви Грузинской, потому что она сохранила до малѣйшей черты совершенное согласіе съ Православіемъ, хотя была самостоятельною съ IV вѣка, и такое единство духа и обрядовъ, при взаимной независимости Церквей Восточныхъ, служитъ лучшимъ доказательствомъ ихъ Каѳоличества, основаннаго на соборномъ храненіи Апостольскихъ преданій. Къ сожалѣнію Церковь Армянская не устояла въ этомъ союзѣ. Скорбя сердцемъ о давнемъ ея отдѣленіи, я желалъ, подробнымъ описаніемъ ея древнихъ святилищъ, преданій и обрядовъ богослуженія, разсѣять, по мѣрѣ возможности, неизвѣстность, которая ее облекаетъ, дабы черезъ то сдѣлать хотя одинъ шагъ къ желанному сближенію, и если, не смотря на тѣ средства,

какія я имѣлъ къ изученію сихъ предметовъ, подъ сѣнію верховной Іерархіи Армянской, быть можетъ, мнѣ случилось впасть въ какія либо погрѣшности, я бы почелъ себя весьма обязаннымъ каждому изъ благонамѣренныхъ сыновъ Церкви Армянской, кто бы указалъ мнѣ въ чемъ погрѣшилъ я противъ истины: это послужило бы къ большему сближенію, если бы взаимно увидѣли, что еще менѣе представляется затрудненій къ достиженію желаемаго мира.

Но описывая древности священныя, коснулся я и царственныхъ остатковъ многихъ столицъ Армянскихъ, разсѣянныхъ въ предѣлахъ нашихъ, которыя мнѣ удалось посѣтить; я также старался, по мѣрѣ возможности, прояснить темныя ихъ преданія и дать слово жизни безмолвному краснорѣчію развалинъ. Имеретія и Мингрелія составляютъ содержаніе третьей части.

Я имѣлъ случай хорошо осмотрѣть ихъ замѣчательную святыню и древности, по благорасположенію ко мнѣ Владѣтелей Мингреліи и Абхазіи, съ которыми отчасти совершалъ путешествія, или въ домѣ коихъ гостилъ, стараясь изучать сколько можно было, внутренній бытъ ихъ феодальныхъ владѣній.

КАВКАЗЪ.

«Что это: облака или горы?» спросилъ я, когда мы вихремъ неслись по безпредѣльной равнинѣ, отъ Ставрополя къ полдню. — «Эльборусъ» равнодушно отвѣчалъ ямщикъ, привыкшій уже къ такимъ вопросамъ путешественниковъ. Я устремилъ жадные взоры на дальнюю черту небосклона; свѣтлое облако будто бы расло въ серебристую гору, которая отражала радужные цвѣты заходящаго солнца и вмѣстѣ съ нимъ угасла. Съ разсвѣтомъ опять загорѣлась, на той-же полосѣ неба, сія вѣчная лампада Кавказа, но уже сіяла золо-

томъ восходящаго свѣтила. Мало по малу стали показываться влѣво отъ нее черныя пятна, слитыя вмѣстѣ или отдѣльно разбросанныя по горизонту. Я опять обратился съ вопросомъ, къ другому природному чичерони сихъ пустынныхъ мѣстъ, ежечасно мѣняющемуся съ перемѣною лошадей. «Это Пятигорье,» отвѣчалъ онъ, и мы продолжали мчаться къ завѣтнымъ горамъ, куда столь многіе стремятся, обрѣсти себѣ исцѣленіе, въ кипящихъ источникахъ какоголибо потаеннаго волкана.

Не мнѣ описывать чудеса природы и Кавказа, которыхъ уже коснулась геніальная кисть нашихъ поэтовъ. Они какъ будто проникнуты силою богатырскихъ водъ Нарзана, подобно тому какъ древніе пѣвцы Эллады почерпали свое вдохновеніе, въ струяхъ Кастальскаго источника, у подножія Парнаса, а Эльборусъ стоитъ Парнаса? Чье сердце не исполнится хотя минутнымъ вдохновеніемъ, при видѣ сего снѣжнаго великана, одиноко царствующаго надъ цѣлымъ громаднымъ хребтомъ, въ пустотѣ неба,

гдѣ уже нѣтъ ему равнаго! Не болѣе трехъ дней провелъ я на водахъ, почти опустѣвшихъ; но доселѣ, какъ нѣкій отрадный сонъ, впечатлѣніе ихъ сохранилось въ моемъ сердцѣ; до такой степени поразительно было для меня зрѣлище Кавказа, послѣ безпредѣльныхъ равнинъ, и внезапная жизненность сего цѣлительнаго оазиса, посреди мертвенной пустыни. Но что еще болѣе усладило для меня впечатлѣнія природы: я нашелъ, въ преддверіи Кавказа, дружескій привѣтъ и вмѣстѣ опытнаго руководителя.

Тотъ, кому ввѣрено было охраненіе сихъ живописныхъ мѣстъ, вызвался мнѣ сопутствовать, и довершалъ для меня поэзію Кавказа, восточнымъ нарядомъ своихъ блестящихъ всадниковъ, которыхъ нельзя отличить, по ловкости и одеждѣ, отъ природныхъ горцевъ. Я засталъ Б* въ казачьей станицѣ Эсентукахъ, на перепутіи между горячихъ и кислыхъ водъ; оттуда наблюдаетъ онъ за всею линіею по берегу Подкумка, который мало ограждаетъ отъ нападеній Черкесовъ, если

не бодрствуетъ безпрестанно надъ ними храбрая дружина Линейцевъ. Въ тотъ же вечеръ доѣхали мы до Кисловодска и первымъ моимъ движеніемъ было отвѣдать свѣжей струи Нарзана, который будто хочетъ вырваться изъ нѣдръ земли и кипящій жизнію проливаетъ ее въ жилы піющихъ.— Не напрасно прослылъ богатырскимъ ключъ сей между горцами, которымъ указали его дикія козы въ чащѣ лѣса; съ тѣхъ поръ сдѣлался онъ ихъ любимымъ напиткомъ, для ободренія къ подвигамъ ратнымъ, и доселѣ не могутъ равнодушно о немъ вспомнить лишенные его жизненныхъ струй. Кто испилъ однажды воды Нила или Евфрата, хочетъ всегда ее пить, по мѣстнымъ преданіямъ: что же сказать о живой струѣ Нарзана, съ которою ничто не можетъ сравниться, по ея свѣжести и силѣ? Очаровательно самое мѣсто, гдѣ пробился изъ-подъ земли сей чудный источникъ: это узкая долина въ ущеліи горномъ, обращенная частію въ цвѣтущій садъ, по которому стремится звонкій потокъ; бани и сельскія жилища посѣтителей образовали вокругъ

живописную усадьбу. — Постоянная свѣжесть горнаго воздуха будто дышетъ испареніями Нарзана и возбуждаетъ невольную бодрость: здѣсь, кажется, царство жизни, но недалеко искать смерти въ горахъ!

Съ разсвѣтомъ собирались мы сдѣлать конную прогулку, за сорокъ верстъ, вверхъ по теченію Подкумка, къ горному укрѣпленію Боргустана, чтобы оттолѣ ближе видѣть снѣжную громаду Эльборуса; но насъ удержала вѣсть о многочисленной шайкѣ Черкесъ, бродившей въ окрестности. Тогда спутникъ мой предложилъ мнѣ, подняться до разсвѣта, на одну изъ ближайшихъ горъ и полюбоваться съ ея вершины, восхожденіемъ солнца надъ горнымъ хребтомъ Кавказа. Еще глубокая ночь лежала въ ущеліи Кисловодска, когда мы стали подыматься по уступамъ холмовъ, на окрестныя высоты; росистое утро застало насъ на пути, но мы успѣли насладиться желанною картиною. Не напрасно изобразилъ старецъ Омиръ юную Аврору съ розовыми перстами, потому что отъ ея прикосновенія горныя вершины зардѣлись та-

кимъ румянцемъ, какой едва-ли можетъ выразить кисть человѣческая: не будетъ преувеличеніемъ, если скажу, что вся громада Эльборуса казалась осыпанною листьями розъ. Такой исполинскій цвѣтникъ, въ прозрачности голубаго неба, возбуждалъ невольный восторгъ, но эта минута не продолжительна и надобно умѣть уловить ее, потому что скоро стирается дѣвственный румянецъ Эльборуса; болѣе густыя, хотя и яркія краски, его замѣняютъ, по мѣрѣ того какъ восходитъ солнце. Тогда опять вся гора облекается въ золотую ризу, и легкія облака, какъ кадильный ѳиміамъ, отдѣляются отъ нее къ небу. Мы не довольствовались зрѣлищемъ одного Кавказскаго исполина, которому только по плечи всѣ прочія горы подвластнаго ему хребта, и продолжали подыматься доколѣ не открылся весь снѣжный хребетъ; онъ показался намъ изъ-за ближайшихъ высотъ, какъ нѣкій волшебный замокъ, слитый весь изъ золота и серебра, синевы и багряница, вѣнчая фантастическими зубцами дальній горизонтъ, или какъ бы одна дра-

гоцѣнная діадима, опущенная рукою Геніевъ на горное чело Кавказа. Каждый изъ своенравныхъ зубцевъ сей блестящей короны имѣлъ свое названіе, кинжалъ или лукъ или верблюдъ, по сходству ихъ съ предметомъ, а надъ всею ихъ массою высоко горѣлъ алмазною гранію одинокій Эльборусъ, какъ будто лишь начинаясь тамъ, гдѣ кончались прочія горы; здѣсь только можно постигнуть всю его громадность. Безжизненное величіе сей выспренней полосы надоблачнаго міра, проникало невольнымъ благоговѣніемъ душу: гораздо ниже кончались всѣ жилища человѣческія, и одни огромные орлы черными пятнами плавали по воздуху, напоминая о земномъ. Но другихъ, радужныхъ крилъ, искали взоры, на этомъ чудномъ проблескѣ инаго, какъ-бы очищеннаго созданія; все было такъ ясно и прозрачно, что уже ничего не могло туда вознестись, кромѣ Ангеловъ, сходящихъ къ человѣкамъ, какъ въ первобытныя времена юной земли, ибо тамъ казалось горній чертогъ ихъ! И это утреннее райское явленіе укрылось отъ взоровъ,

подъ пеленою тумановъ, когда жаръ раскаленнаго дня напомнилъ человѣку, что въ потѣ лица назначено ему трудиться, внѣ утраченнаго имъ Эдема.

Въ полдень оставили мы Кисловодскъ, чтобы провести вечеръ и ночь, въ другомъ столь же очаровательномъ мѣстѣ, Желѣзноводскѣ, гдѣ обыкновенно оканчиваютъ леченіе, послѣ горячихъ и кислыхъ водъ. Пятигорскъ у подножія Машука, кипящаго сѣрными и горячими ключами; Эсентухъ съ своими щелочными ваннами, на западъ отъ Бештовой горы, и на сѣверной ея покатости Желѣзноводскъ, составляютъ одну систему цѣлительныхъ водъ, стремящихся во всѣ стороны сего волканическаго оазиса. Напротивъ того дальній Кисловодскъ, за 40 верстъ отъ Пятигорска, вверхъ по теченію Подкумка, славится только своимъ Нарзаномъ, одиноко пробившимся въ ущеліи. Весьма необычайно зрѣлище пяти горъ, которыя подымаются на равнинѣ какъ острова изъ глубины моря, разнообразныя по величинѣ своей и очеркамъ. Всѣхъ величественнѣе Бештау, къ которой прилѣпились

прочія горы, какъ дѣти къ отцу, съ свойственными имъ именами Змѣиной и Орлиной, вѣроятно по любимому въ нихъ пріюту змѣй и орловъ. Мнѣ не случилось видѣть змѣи Кавказской, но нигдѣ больше и величавѣе не представлялись орлы, эти цари пустыни, какъ тутъ около Пятигорія; долго плавая по воздуху, они избирали себѣ пріютомъ какой-либо выдавшійся гребень утесовъ и выжидали добычи въ пустотѣ неба или земли. Я не назову пятой горы, потому что слишкомъ неблагозвучно ея имя, которое получила отъ своей неровной поверхности, будто-бы покрытой болѣзненною корой; но издали, и ея трапезная форма столь-же пріятна для глазъ, какъ роскошный утесъ Орлиный, дополняя собою, пустынную гармонію Пятигорья.

Мы поворотили изъ Эсентуха, въ лѣво отъ большой дороги къ Желѣзноводску, около Бештовой горы, по тропинкѣ, доступной только для конныхъ. Каждый разъ, когда оглядывались, снѣжный хребетъ Кавказа открывался намъ все въ большемъ величіи, озаренный лучами вечерня-

го солнца: на одномъ краю Кинжалъ гора еще блистала алмазнымъ своимъ левзеемъ, какъ-бы природное выраженіе мѣстныхъ нравовъ, а на другомъ пустынно горѣлъ Эльборусъ, все подавляя вокругъ себя громаднымъ величіемъ. Плоская возвышенность внезапно привела насъ къ отвѣсному обрыву горы, поросшей бурьяномъ, гдѣ съ большимъ трудомъ могли спуститься наши кони, хотя и привыкшіе къ такимъ стезямъ. Солнце уже садилось, когда мы опять поднялись на лѣсистыя высоты Желѣзноводска, между Орлиною и Змѣиною горой; весьма живописно было яркое паденіе вечерняго луча сквозь густую зелень; по всему лѣсу слышны были голоса перекликавшихся; жители собирали на ночь стада свои, ибо мѣсто сіе не безопасно, по густотѣ лѣсовъ, его окружающихъ. Очаровательна прогулка въ Желѣзноводскѣ, отъ одного ключа его къ другому, по длинной аллеи, куда въ самые знойные дни не можетъ проникнуть солнце. Мѣсто сіе какъ будто создано для отдыха, послѣ утомительныхъ водъ Пятигорска, гдѣ больные, сверхъ

тягостнаго леченія, не имѣютъ даже куда укрыться отъ раскаленнаго неба.

Слѣдующій день былъ послѣднимъ Магометанскаго праздника Рамазана. Спутникъ мой, имѣя подъ своимъ начальствомъ нѣсколько сотенъ Черкесовъ, поселенныхъ между казаками Линейными, былъ приглашенъ ими на праздникъ, въ Бабуховскій аулъ, близь Георгіевска. Онъ предложилъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ, чтобы получить понятіе о восточныхъ обычаяхъ сего племени, которое сохранило и посреди Русскихъ дикость горцевъ. Поспѣшая въ аулъ, недолго могли мы останавливаться въ Пятигорскѣ; однако я воспользовался, краткимъ временемъ, чтобы объѣхать всѣ бани и заведенія. Поразительна благотворная роскошь природы, соединившая, въ одномъ тѣсномъ уголкѣ земли, такое разнообразное обиліе всякаго рода исцѣленій, которыми остается только пользоваться съ благодарностью. Но всѣ ли болящіе и исцѣляющіеся, на сихъ чудныхъ источникахъ, имѣютъ въ памяти и сердцѣ такое чувство, хотя оно невольно возбуждается при

одномъ видѣ небеснаго дара, которымъ столь безотчетно пользуются? Если утомителенъ восходъ на гору, по уступамъ коей расположены лучшія ванны, то съ ея вершины вполнѣ вознаграждаетъ очаровательный видъ Кавказа и окрестной пустыни. Тамъ устроено теперь общественное гулянье, съ бесѣдкою для отдыха, при воздушныхъ звукахъ эоловой арфы. Мѣсто сіе служило вдохновеніемъ для лучшихъ нашихъ поэтовъ, и конечно здѣсь исторглись изъ сердца Пушкина многіе стихи его Кавказскаго плѣнника, и здѣсь пришло на мысль Лермантову, прислушаться къ таинственной бесѣдѣ Шатъ-горы или Эльборуса съ Казбекомъ. — Могила его была недалеко.

Какъ только мы приближились къ аулу, толпа всадниковъ выѣхала къ намъ на встрѣчу: тутъ были и старики и дѣти, всѣ вооруженные, отличаясь красотою оружія, а не одежды; между Черкесовъ изорванная чуха, поверхъ нарряднаго ахалука, но съ дорогою шашкою и кинжаломъ, составляетъ даже нѣкоторое щегольство, чтобы не ска-

зать хвастовство: Въ нестройной толпѣ находилось нѣсколько офицеровъ, заслужившихъ эполеты въ войнѣ противъ горцевъ; они привѣтливо окружили своего начальника и подвели намъ лошадей, стараясь отклонить нескромныхъ и любопытныхъ, ибо въ числѣ ихъ были и закоснѣлые разбойники, съ изувѣченными лицами, и отчаянные абреки; это люди, посвятившіе себя кровавой мести, не разъ бѣгавшіе за Кубань къ Абазехамъ. Всѣ они собрались въ родные аулы, для празднованія рамазана, и благоразуміе требовало, чтобы на нихъ не обращали вниманія, потому что, въ свою очередь они и намъ бывали иногда полезными лазутчиками противъ Закубанцевъ. Начальникъ ихъ, зная хорошо нравы Черкесскіе, заблаговременно взялъ за руку одного изъ старшинъ аула и сказалъ, что хочетъ быть его гостемъ, дабы оградить себя отъ прочей толпы; иначе, при въѣздѣ въ селеніе, каждый сталъ бы звать его къ себѣ и безъ ссоры трудно было бы отказаться. У самыхъ воротъ аула стояли качели и дѣвушки Черкесскія на

нихъ качались, въ своихъ развѣвающихся яркихъ одеждахъ, съ длинными рукавами, которыя какъ крылья летали за ихъ воздушнымъ станомъ: но приличіе не позволяло останавливаться до самаго дома хозяина. Одни только старшины и офицеры взошли во внутренность покоевъ, въ которыхъ не было ничего замѣчательнаго, потому что уже проявлялось европейское убранство; прочая толпа осталась на дворѣ.

Покамѣстъ хозяинъ старался угостить насъ, какъ только могъ, восточными закусками, одинъ изъ офицеровъ предварилъ тайно своего начальника, чтобы онъ остерегался, потому что молодой Черкесъ, бывшій нѣкоторое время при немъ нукеромъ, или оруженосцемъ, имѣетъ противъ него неудовольствіе. Я взглянулъ на нукера: это былъ осьмнадцатилѣтній юноша, въ бѣлой чухѣ, вооруженный съ головы до ногъ, но на его лицѣ не было замѣтно никакой дикости: напротивъ оно болѣе выражало кротость. Не слишкомъ пріятна была для меня такая вѣсть, но

опытный въ обращеніи съ своими дикими подчиненными, спутникъ мой, подозвалъ къ себѣ молодаго Черкеса, велѣлъ ему обнажить свою шашку, бралъ его пистолеты и кинжалъ, показывая совершенную къ нему довѣренность. Между тѣмъ, радушный хозяинъ предложилъ намъ выдти на дворъ, чтобы видѣть пляски Черкесскихъ дѣвицъ; составился тѣсный кружокъ конныхъ и пѣшихъ, которые всѣ, вмѣсто музыки, били въ ладоши съ дикимъ припѣвомъ, возбуждавшимъ къ пляскѣ. Нѣсколько Черкешенокъ стояли въ отдаленіи, на своихъ высокихъ котурнахъ, или деревянныхъ сандаліяхъ, скромно опустивъ головы и руки, какъ-бы приговоренныя къ смерти, и не смѣли принимать участія въ общей веселости; но уже вооруженные Черкессы съ гиками плясали шумную лезгинку, то махая длинными рукавами и закрывая ими лице, какъ-бы прицѣливаясь изъ ружья, то пускаясь по русски въ присядку, и бѣснуясь по мѣрѣ того, какъ умножались вокругъ нихъ вопли и біеніе ладошъ. Пожилые съ просѣдью въ боро-

дѣ, отличаясь между плясунами, и закопчённые рубцами разбойники прыгали какъ дѣти; а дѣти смотрѣли на нихъ, сами вооруженные, наслаждаясь сею воинственною пляскою; подлѣ меня важно стоялъ трехлѣтній мальчикъ, съ бритою головою и длиннымъ пистолетомъ за поясомъ, который онъ самъ зарядилъ. Вотъ какъ рано развивается въ нихъ жажда крови!

Наконецъ, убѣжденныя хозяиномъ дома, тронулись дѣвы Черкесіи и одна за другою стали спускаться въ кружокъ, съ своихъ высокихъ котурновъ, но съ тою-же стыдливостію и робостію, которыя придавали особенную прелесть ихъ пляскѣ. Если разбирать ее въ тонкости, она не имѣла ничего необыкновеннаго: каждая Черкешенка, поднявъ или опустивъ руки, медленно кружилась, то присѣдая, то подымаясь на концѣ пальцевъ; но все очарованіе состояло въ дѣвственной скромности, которая сопровождала всякое ихъ движеніе; самая ихъ одежда выражала тоже чувство. Стройныя, высокія станомъ, осыпанныя длинными космами черныхъ волосъ своихъ,

съ опущенными рукавами и волнистыми покрывалами, поверхъ блестящаго наряда, онѣ представлялись воздушными существами, непримѣтно движущимися на землѣ, какъ описываютъ Дивовъ и Пери восточныя сказки, или ихъ лучше сравнить съ западными Ундинами, которыхъ образъ можно только угадать сквозь обливающія ихъ волны. Чѣмъ болѣе умножались одобрительныя рукоплесканія, тѣмъ ярче разгорался стыдливый румянецъ на ихъ правильныхъ лицахъ, и длиннѣе казались черныя рѣсницы потупленныхъ глазъ. Когдаже одна оканчивала свой кругъ и другая должна была смѣнить ее, на страшномъ для нее поприщѣ, она подымалась опять на свои котурны, и какъ робкая голубка, тѣснилась къ подругамъ, не смѣя поднять глазъ на толпу восхищенныхъ ею Черкесовъ. Осмѣлюсь-ли выразить свое мнѣніе, въ слухъ нашего образованнаго общества: Азіатская пляска Черкесскихъ дѣвъ произвела на меня впечатлѣніе болѣе пріятное, нежели легкіе танцы блестящихъ баловъ Европейскихъ. Глядя на нихъ, мнѣ при-

ходило часто на мысль, слово знаменитаго живописца Апеллеса, когда со всей Греціи собрали лучшихъ красавицъ, для того чтобы онъ могъ создать по нимъ идеалъ своей Венеры, и одна изъ нихъ убѣжала, потому что не хотѣла сбросить одежды предъ художникомъ. Апеллесъ остался недоволенъ своимъ геніальнымъ произведеніемъ; «чего-же еще недостаетъ въ твоей картинѣ?» спрашивали изумленные Аѳиняне; «стыдливости убѣжавшей красавицы» отвѣчалъ онъ.

День клонился къ вечеру; ночлегъ ожидалъ насъ въ Георгіевскѣ, за 5 верстъ отъ аула. Съ большимъ трудомъ могли мы вырваться отъ докучливой толпы, но принуждены были еще посѣтить больнаго моллу и принять его угощеніе. Весь аулъ собрался провожать насъ на коняхъ; начались ристалище и стрѣльба по широкому полю; одинъ у другаго срывалъ на скаку шапку и бросалъ на воздухъ: наѣздники стремились догонять и стрѣляли въ шапку, такъ что она клочьями падала на землю.— Тутъ не было различія возраста или званія,

отроки срывали ее со стариковъ, и та же потѣха повторялась, иногда по нѣскольку разъ надъ тѣмъ же лицемъ; уважали только лице начальника. Я старался быть ближе къ нему и все время заботливо наблюдалъ за его бывшимъ нукеромъ, чтобы не воспользовался онъ суетою скачки, для нанесенія удара. Не совсѣмъ пріятно было ѣхать рядомъ съ извѣстными разбойниками, которые хотя и не опасны были тутъ, однако при первомъ случаѣ не удержались бы долгомъ своего гостепріимства: не смотря на то, занимательна была картина сей черкесской скачки на широкомъ полѣ, при вечернихъ лучахъ солнца, которое садилось за Пятигорьемъ и багровыми окраинами обозначало очеркъ каждой горы. Всадники провожали насъ до самыхъ воротъ нашего дома; но тѣмъ не кончилось дѣло: молодой нукеръ не хотѣлъ возвратиться въ аулъ и требовалъ объясненія съ начальникомъ. «Братъ мой, говорилъ онъ, сосваталъ себѣ дѣвку въ аулѣ, и они дали другъ другу слово; а я знаю, что нынѣшнюю ночь отецъ ея хочетъ ее отдать за дру-

гаго; удержи его, потому что это будетъ безчестіе для нашего семейства.» Напрасно увѣрялъ его Б*, что онъ не можетъ распоряжаться въ дѣлѣ семейномъ, особенно когда оно уже рѣшено, и обвинялъ самаго нукера, зачѣмъ не предупредилъ его въ аулѣ, гдѣ бы еще могъ переговорить съ отцемъ невѣсты. Новый Амалатъ, какъ мы его прозвали, настоятельно просилъ записки къ Русскому приставу аула, который былъ въ то время боленъ, увѣряя, что его послушаетъ старикъ, и пріятель мой долженъ былъ исполнить его желаніе.

Это случилось наканунѣ праздника воздвиженія честнаго креста. Ночью, въ сопровожденіи казака, поѣхалъ, я черезъ обширный городской пустырь, въ соборъ Георгіевскій, обнесенный валомъ. Еще не разсвѣло, когда я возвратился отъ всенощной; сердце дрогнуло при входѣ въ комнату: я увидѣлъ спутника моего спокойно спящаго, а надъ нимъ вооруженнаго нукера: «что ты здѣсь дѣлаешь?» спросилъ я; «жду чтобы онъ проснулся,» отвѣчалъ молодой Черкесъ. Я поспѣшилъ разбудить Б*,

упрекая его въ безпечности при такихъ обстоятельствахъ. «Все кончено, сказалъ ему Амалатъ, невѣста брата моего выдана за мужъ; я пришелъ спросить у тебя, какъ у нашего начальника, позволеніе убить ея мужа.» — «Ты знаешь самъ, что я не могу тебѣ этого позволить,» спокойно отвѣчалъ онъ, хорошо знакомый съ характеромъ Черкесовъ, которому я еще изумлялся. «Знаю, сказалъ нукеръ, но я хотѣлъ только тебя о томъ предупредить, для успокоенія моей совѣсти, потому что, живя при тебѣ, былъ тобою доволенъ и обѣщалъ всегда тебя слушатьея; и такъ я чистъ предъ тобою; пойду убью его, а тамъ за Кубань въ абреки.» — «И потомъ ты придешь воевать противъ меня съ Абазехами, за мою хлѣбъ-соль? хороша благодарность! Я уже замѣтилъ, что тебя сманилъ Султанъ ихъ, пріѣзжавшій изъ за Кубани къ намъ на воды.» — «Нѣтъ, никто не могъ бы сманить меня, съ жаромъ отвѣчалъ юноша, и я всегда буду тебѣ вѣрнымъ, но не могу оставаться въ аулѣ: кровь на нашемъ семействѣ; каждая

дѣвка насъ осмѣетъ, и никто не пойдетъ за меня и за брата. Я непремѣнно долженъ убить недруга.»

Соболѣзнуя о такомъ ожесточеніи осмнадцатилѣтняго мальчика, я вступилъ съ нимъ въ разговоръ, думая тронуть его сердце, еще не совсѣмъ очерствѣвшее, сколько можно было судить по его преданности къ начальнику. — «Развѣ по вашему закону такъ легко убить человѣка?» спросилъ я. «Легко, отвѣчалъ онъ съ большимъ равнодушіемъ, вѣдь онъ мнѣ врагъ.» — «Врагъ, но изъ того-же аула и можетъ быть еще родственникъ; неужели ничего не значитъ для тебя принять на свою душу, подобную твоей душу человѣческую?» — «Конечно ничего, отвѣчалъ онъ, съ тѣмъ же упорнымъ равнодушіемъ, я убью его, какъ собаку!» — «И такъ, по твоему одно и тоже, что человѣкъ, что собака?» — «Нѣтъ, есть разница.» — «Какая-же?» спросилъ я, думая навести его на здравую мысль. — «На человѣка одна пуля, отвѣчалъ онъ, а на собаку семь пуль!» Что хотѣлъ онъ вы-

ревить сею философіею своего рода, не знаю, но я потерялъ надежду его убѣдить. Здѣсь, болѣе нежели когда нибудь, я пораженъ былъ тѣмъ, какъ мало образуетъ коранъ сердце человѣка, не отсѣкая въ немъ никакія страсти и не умягчая его благодатнымъ смиреніемъ; это частное необразованіе каждаго лица отдѣльно переходитъ въ семейство, изъ семейства въ общество и такимъ образомъ до государства, которое оттого не можетъ быть утверждено, въ землѣ Магометанской, на прочныхъ нравственныхъ началахъ. Въ послѣдствіи я получилъ свѣдѣніе, что нукеръ не исполнилъ однако своего кроваваго замысла и не бѣжалъ за Кубань, но явился съ покорностію къ своему начальнику, говоря, что ради его послушанія не можетъ болѣе жить въ аулѣ. Внутренняя борьба до такой степени разстроила весь организмъ юноши, что онъ впалъ въ нервическую горячку и уже былъ безнадеженъ, когда Б* посѣтилъ его въ госпиталѣ Георгіевскомъ. «Вотъ дочего довели меня послушаніе и любовь къ тебѣ, сказалъ онъ своему на-

чальнику: я умираю между Христіанами, выведи меня отселѣ.» Чтобы успокоить пылкаго Черкеса, отдали его на руки единовѣрцевъ, и мало по малу возвратились его силы, но глубокая дума осталась въ душѣ его; онъ продолжалъ почитать себя совершенно чуждымъ своему аулу.

Пустынна дорога отъ Георгіевска, бывшаго областнымъ городомъ, до Екатеринограда, основаннаго въ честь Императрицы Княземъ Таврическимъ, который создалъ этотъ край, также какъ и новую Россію; печать его великаго генія обозначилась вездѣ творческою силою. Отъ почты до почты расположены укрѣпленныя станицы, и рядъ каланчей съ пикетами тянется по берегу Малки, отдѣляющей Кавказскую область отъ большой Кабарды. Послѣ Екатеринограда, гдѣ переѣзжаютъ рѣку, столь-же пустынная дорога слѣдуетъ вверхъ по теченію Терека, по широкой Кабардинской степи, также отъ станицы до станицы. Прежде неиначе можно было тутъ путешествовать, какъ съ сильнымъ отрядомъ; теперь сопровождаетъ проѣзжихъ

одинъ только слабый конвой, и даже безъ него скачутъ болѣе отважные, но никому, кромѣ курьеровъ, не позволяютъ ѣздить ночью, потому что при захожденіи солнца начинается дѣйствительная опасность. Черкесы избираютъ это время, чтобы подстеречь путешественника, въ какой-либо ложбинѣ, и потомъ успѣть ускакать, въ продолженіе ночи, съ своею добычею, въ дальній аулъ. Нельзя узнать въ спокойномъ Терекѣ Кабардинской пустыни, окруженномъ болотными притоками, того свирѣпаго Горца, который далѣе бѣшено встрѣчаетъ васъ въ ущеліи Дарьяльскомъ; однако, подъ Владыкавказомъ, уже начинаетъ онъ кипѣть по каменному ложу. — Туманная погода лишила меня, отъ самаго Екатеринограда, великолѣпнаго зрѣлища горъ, которыя тянутся вдоль пустыни исполинскою стѣною до облаковъ, какъ бы раздѣляя собою два міра; я былъ щастливъ, что насладился по крайней мѣрѣ видами Кавказскаго хребта у Пятигорска. Только близь Владыкавказа прояснилась погода и снѣжная цѣпь стала проглядывать

яркими своими хребтами, сквозь пелену облаковъ; вся сія необъятная масса, горъ и тучь, слилась въ одинъ великолѣпный хаосъ, изъ котораго будто бы еще хотѣло создаться нѣчто болѣе великолѣпное; но и въ самомъ Владыкавказѣ, у подножія хребта, гдѣ такъ же величаво господствуетъ исполинскій Казбекъ, какъ снѣжный братъ его Эльборусъ въ Пятигорскѣ, мнѣ видѣлось одно густое море тумана; я долженъ былъ вѣрить существованію горнаго хребта, хотя столь близкаго, что его можно какъ бы осязать рукою. Цѣлый день провелъ я въ напрасномъ ожиданіи; грустно было отказаться отъ чудной картины, за которою надобно ѣхать такъ далеко.

На зарѣ оставилъ я Владыкавказъ, чтобы еще засвѣтло достигнуть перевала горъ. Опасность продолжается только до первой станціи Ларса, гдѣ совершенно сходятся горы; до того мѣста ущеліе, стѣсняясь мало по малу по руслу Терека, представляетъ еще возможность нападенія изъ боковыхъ долинъ. Послѣ широкой равнины Кабардинской внезапно входишь въ устье долины, которую про-

рѣзала сама природа, чтобы открыть сообщеніе между Европою и Азіею. Но пустынное величіе горъ не вдругъ поражаетъ взоры; раздвинутыя Терекомъ, на большомъ разстояніи другъ отъ друга, онѣ не такъ сильно дѣйствуютъ на воображеніе, и виды ихъ не представляютъ сперва ничего необыкновеннаго. Тамъ лишь, гдѣ поворачиваетъ дорога за одинокій утесъ Ларса, увѣнчанный замкомъ, тамъ начинается дикое очарованіе сей природы, которой едва ли можно встрѣтить что либо подобное и въ самыхъ Альпахъ.

Съ прыжками бѣшенаго тигра и съ лезвіемъ меча, разсѣкшаго утесы, сравнилъ Марлинскій бурное стремленіе Терека по ущелію, и вѣрно сравненіе, если только чему-либо можно уподобить Дарьялъ. Кто вникнетъ въ эту страшную анотомію природы, гдѣ раздвинуты были мощною рукою ея каменныя ребра, чтобы пропустить сквозь нихъ потокъ? Надъ пѣнистой его полосою, грызущею камни, изгибается, промежду горныхъ вершинъ, такая же узкая полоса лазури, — просвѣтъ неба на этотъ

адъ, гдѣ также душно человѣку какъ и сжатому Тереку, рвущемуся изъ пропасти въ пропасть. Страшные очерки скалъ свидѣтельствуютъ о болѣзненномъ его рожденіи, когда растерзалъ онъ утробу матери земли и мчится отъ нее, какъ дѣти эхидны отъ эхидны, чтобы ихъ опять не пожрала; далеко, только у моря, застигнутъ онъ и поглощенъ въ пескахъ. Но тутъ кто остановитъ сего горнаго Дива, принимающаго всѣ образы, сокрушающаго всѣ препоны? Иногда только старецъ Казбекъ, шутя накрываетъ его своею снѣжной шапкой, запружая потокъ: но горе тогда жертвамъ его ярости, доколѣ не прогрызетъ онъ враждебную лавину. Моремъ становится рѣка, топитъ и ломитъ окрестныя селенія и утесы, жадно настигаетъ путниковъ, и массою водъ одолѣвъ препоны, грохотомъ ихъ смѣется въ лице Казбеку, страшно отмщая ему за шутку.

Не такова ли бываетъ всегда игра исполиновъ, безотчетно ломающихъ вокругъ себя все, какъ дѣти свои игрушки? Мирны были между собою Терекъ и Казбекъ, ког-

да мимо ихъ пролегала моя дорога. Самый яркій осенній полдень освѣщалъ предо мною дикую природу, рѣзко обрисовывая окраины утесовъ. Лучи солнца, отвѣсно падая въ бездну, кипѣли въ каждомъ ея водопадѣ, какъ будто растопленная лава металла клокотала по скаламъ; отблески брызговъ отражались на всѣхъ изгибахъ ущелья, и если можно уловить что либо смѣющееся въ такомъ ужасѣ, казалось тогда улыбался Дарьялъ.

Три раза переѣзжалъ я Терекъ отъ Ларса, на разстояніи семи верстъ, до того мѣста, которое собственно носитъ имя Дарьяла, или устья долины, ибо тутъ дѣйствительно она открыла каменныя уста свои, чтобы пропустить одинъ только Терекъ. Смѣлая рука человѣческая и здѣсь умѣла перебросить легкій мостъ, черезъ бѣшеный потокъ, и заградить бойницами громадныя врата Кавказа, какъ бы недовольно было твердыни природной. Но укрѣпленіе новое ничтожно въ сравненіи съ древнимъ, которое, какъ гнѣздо птицъ, приросло къ вы-

давшемуся надъ бездной утесу, и уже брошено по своей недоступности. По преданіямъ Грузіи, отселѣ начинающей измѣрять свои древніе предѣлы, Царь Миріанъ, еще за 150 лѣтъ до Рождества Христова, укрѣпилъ здѣсь первыя врата, противъ вторженія Скиѳовъ, и въ XII вѣкѣ Царь Давидъ обновилъ на утесѣ громадное укрѣпленіе. И такъ вотъ, при самомъ входѣ въ Грузію, встрѣчается уже память величайшаго изъ ея Царей, дѣда Тамари, который положилъ повсюду печать своей славы, отъ моря и до моря, отъ Казбека до Арарата, а самъ хотѣлъ смиренно успокоиться, у входа въ созданную имъ обитель, подъ сѣнію желѣзныхъ вратъ Кавказа, которыя онъ сломилъ въ другомъ ущеліи Дербента. Но поэтическая легенда, обыкновенно перемѣшанная съ дикою поэзіей природы, не довольствуется здѣсь лѣтописною памятью великаго Царя; ей надобны миѳы вмѣсто событій, и она видитъ въ замкѣ Давида очарованный дворецъ баснословной Царицы Даріи, однозвучной съ именемъ ущелія, которая будто бы свер-

гала здѣсь въ бездну постылыхъ ей любовниковъ.

Отъ Дарьяла до станціи Казбека также дико подымается дорога, оспоривая себѣ каждый шагъ у рѣки. Терекъ идетъ на встрѣчу, отстаивая свое ущеліе, отчаянно бросаясь съ утеса, гдѣ только можетъ преградить путь, и отскакивая отъ собранныхъ противъ него камней: это борьба человѣка съ потокомъ, искуства съ природою, и она должна уступить своему повелителю. Въ Казбекѣ встрѣчается первое поселеніе Грузинъ, около изящной церкви и дома такъ называемаго Князя Казбека, который присвоилъ себѣ мечтательную область исполинской горы, на перепутіи ущелія, какъ древніе рыцари объявляли себя владѣтелями непроходимыхъ мѣстъ, гдѣ останавливали путниковъ; но не таково вліяніе Казбека, гостепріимно открываетъ онъ домъ свой для просящихъ у него крова. Впрочемъ владѣніе Казбековъ утверждено за ними еще при Царяхъ Грузіи. Новая церковь въ древнемъ вкусѣ, во имя Св. Троицы, иссѣчена изъ дикихъ камней, въ

селенія и украшаетъ собою дикую мѣстность долины, расширяющейся отъ береговъ Терека къ подножію Казбеки.

Я видѣлъ издали Эльборусъ во всемъ его величіи; здѣсь же, хотя я стоялъ у самой подошвы его исполинскаго соперника, Казбекъ не хотѣлъ разоблачить предо мною чело свое, обвитое пеленою тумановъ; но изъ Тифлиса почти ежедневно видѣлъ я, съ терасы моего дома, свѣтлую его вершину въ большемъ отдаленіи. Такъ своенравны въ своихъ явленіяхъ, сіи горные владыки, господствующіе надъ цѣлымъ хребтомъ. Окрестные жители, олицетворяя ихъ, подъ какимъ либо вѣковымъ именемъ, приписываютъ имъ свои привычки, какъ бы человѣку, или ставятъ нѣчто завѣтное на ихъ вершину, которую всегда почитаютъ недоступною. Если Араратъ доселѣ сохраняетъ ковчегъ, то на темени Казбека разбитъ, по преданію окрестныхъ Осетинъ, шатеръ Авраамовъ осѣняющій ясли Господни там есть пещера, слывущая Виолеемскою. При послѣднемъ Царѣ Ираклiѣ престарѣлый священникъ вызвался, вмѣстѣ съ сы-

номъ, взойти на завѣтную вершину, чтобы добыть таящіяся тамъ сокровища, и не возвратился, а сынъ его принесъ Царю немного холста, увѣряя будто бы отъ шатра Авраамова. Но благочестію богомольцевъ не всегда доступна древняя обитель Св. Троицы, которая лежитъ въ полугорѣ, за 4 версты отъ станціи Казбека, и охраняема ревностію полудикихъ Осетинъ. Величественно представляется она взорамъ, съ своимъ высокимъ куполомъ и колокольнею, обнесенная ветхою оградою. Церковь на такой высотѣ всегда производитъ глубокое впечатлѣніе, ибо свидѣтельствуетъ о усердіи созидателей; ее приписываютъ, какъ все великое и христіанское Грузіи, дивной Царицѣ Тамари, которая такъ ревностно старалась утвердить спасительную вѣру въ горахъ Кавказскихъ, и говорятъ, будто-бы она основана надъ гробомъ нѣкоего святаго отшельника, давшаго имя сосѣднему селенію Гергети. Не знаю до какой степени справедливо сіе преданіе, потому что самъ я не подымался на гору; но слышалъ отъ посѣщавшихъ святилище, что только

съ большимъ трудомъ можно въ него проникнуть, по недовѣрчивости Осетинъ, которые боятся, чтобы не похитили древнія утвари и книги, хранящіяся въ ризницѣ. Уцѣлѣла еще стѣнная живопись на сводахъ и въ алтарѣ: лики Спасителя и Божіей Матери. Служба бываетъ только два раза въ годъ, на Пасхѣ и въ храмовый праздникъ Св. Троицы, и для сего приходитъ туда священникъ изъ Казбека.

Долго колебался я: ѣхать ли въ горную обитель? но тогда мнѣ бы должно было провести ночь въ Казбекѣ, и я бы не могъ достигнуть на слѣдующій день Тифлиса, а между тѣмъ туча, висѣвшая на горѣ, обѣщала грозу: — я рѣшился продолжать путь до станціи Коби, откуда начинается перевалъ. Чрезвычайно живописно расширяется здѣсь долина Терека, усѣянная селеніями въ каменной рамѣ утесовъ; быстро извивается потокъ между скалъ, но уже берега его не столь дики. Между многихъ замковъ, сооруженныхъ вѣроятно со временъ Давида и Тамари, для обладанія ущеліемъ, рѣзко отдѣляются на своихъ утесахъ,

Сіонъ и Георгицихе, другъ противъ друга, разсѣченныя на двое Терекомъ, какъ мечомъ, который бурно пробился между ними. Станція Коби стоитъ подлѣ старыхъ развалинъ, на самомъ верховьи долины, тамъ, гдѣ три потока сливаются вмѣстѣ и составляютъ одинъ Терекъ. Солнце садилось, когда я доѣхалъ до Коби: но не смотря на лунную ночь, я тамъ остался до разсвѣта, чтобы не лишить себя великолѣпныхъ картинъ.

Рано сталъ я подыматься, вверхъ по руслу малаго Терека, къ Крестовой горѣ, самой высокой точкѣ Кавказскаго перевала, и легко совершилъ сію дорогу, чрезвычайно трудную въ иное время года; весною осыпается рыхлый снѣгъ подъ ногами и частыя лавины, катясь съ вершины отвѣсныхъ горъ, обрываются въ бездну вмѣстѣ съ отважнымъ путникомъ. Ближайшія селенія Осетинъ, обязаны, вмѣсто подати, разчищать дорогу и отрывать занесенныхъ снѣгами, какъ на Альпахъ иноки Св. Бернарда. Нѣсколько одинокихъ хижинъ разсѣяно около Крестовой

горы, но я переѣзжалъ ее вовсе безъ снѣга, и только верстъ за пять отъ Коби, тамъ гдѣ открытъ недавно цѣлительный ключь кислыхъ водъ, довелось мнѣ перейти въ ложбинѣ, чрезъ запоздалую кору льда и грязнаго снѣга. Влѣво отъ дороги стоитъ на вершинѣ горы, которую объѣзжаютъ лѣтомъ но не минуютъ зимою, каменный крестъ, освящающій собою страшный путь надъ безднами, и свидѣтельствующій о христіанскомъ обладаніи Кавказа. Крестъ падающихъ возстаніе, по словамъ канона, невидимо спасалъ тутъ многихъ прибѣгавшихъ къ нему съ тайною молитвою, когда измѣняла имъ подъ ногами земля и уже обреченные на явную погибель, какъ бы нечаянно, удерживались на какомъ либо камнѣ, или ихъ отрывали заживо погребенныхъ въ глыбѣ снѣга. Давиду возобновителю, если не ошибаюсь, приписываютъ водруженіе здѣсь перваго креста, ознаменовавшаго владычество его надъ Кавказомъ; но правнука его Тамарь, какъ обыкновенно, взошла и здѣсь въ достояніе всего великаго, и ей присвоенъ горній

крестъ сей, который недавно былъ возобновленъ, уже послѣ покоренія Кавказа оружіемъ Русскимъ.

Пространная долина отдѣляетъ крестовую гору отъ другой противоположной высоты, или Гутъ горы. Гласъ народный усвоилъ сей долинѣ прозваніе Чертовой, отъ живописныхъ ужасовъ, ее окружающихъ, и частыхъ несчастій въ ней случающихся, ибо здѣсь наиболѣе настигаютъ завалы неосторожныхъ путниковъ. Грозный, но чудный видъ открывается въ бездну, съ окраины Гутъ горы, какъ будто бы разверзлась подъ нею земля до самой утробы: такъ недоступна взору глубина бездны. Бѣшенная Арагва падаетъ съ вершины утесовъ, куда не видно, съ быстротою молніи; какъ ртуть кипитъ серебряная струя ея по голымъ камнямъ, но не слышно шума паденія: самая природа будто онѣмѣла отъ ужаса. Малое селеніе Осетинъ приникло, надъ бездной, съ тощею зеленью промежъ хижинъ; часть ихъ обрушилась недавно и до осмидесяти душъ погибло; но и тутъ, на вершинѣ отдѣльной

скалы, видны остатки церкви и башни, залогъ благочестія, утвердившагося на недоступной высотѣ, вопреки самой природѣ и вдали отъ населія людей. Если же, отъ страшнаго верховья Арагвы, соотвѣтствующей Тереку, но только въ обратномъ теченіи къ полдню, устремить сквозь облачные туманы взоръ свой, не во глубину бездны что подъ ногами, но вдаль по изгибамъ тѣсной долины, — внезапно мелькнетъ вамъ проблескъ очаровательной Грузіи. Какъ нѣкій волшебный призракъ, издали она уже начинаетъ манить васъ къ себѣ, красками инаго неба, очерками иныхъ горъ, смягченныхъ въ болѣе пріятные образы, облитыхъ роскошною зеленью, какъ будто бы растаяло ихъ каменное сердце, въ жаркихъ объятіяхъ ея смѣющихся небесъ; совсѣмъ иная райская область, готова смѣнить предъ вашими глазами, подъ звонкой ропотъ серебристой Арагвы, тѣ ужасы, которые, страшнымъ ревомъ навѣвалъ на васъ дикій Терекъ, этотъ ревнивый Дивъ, защищавшій такъ долго и упорно очарованное наслѣдіе восточной красавицы Пери.

ГРУЗІЯ.

Не такъ легко однако спуститься въ сей очарованный край, какъ легко и отрадно обнимать его взорами съ подоблачныхъ высотъ Кавказа. Каменистый спускъ, отъ Гутъ горы до станціи Кашауръ и далѣе къ селенію Квишетъ, становится все круче, по мѣрѣ приближенія къ подошвѣ горы. Почти отвѣсно сбѣгаетъ дорога въ чудную долину Арагвы, надъ домомъ князя Авалова въ Квишети, которому поручено наблюденіе за горнымъ переваломъ и подчинены всѣ Осетины расчищающіе дорогу. Весьма часто, особенно весною,

когда завалы преграждаютъ дорогу на двѣ и на три недѣли, помѣстье князя бываетъ наполнено невольными гостьми; многіе должны возвращаться въ Тифлисъ, потому что хозяину уже не чѣмъ угощать ихъ, по недостатку жизненныхъ припасовъ въ пустынномъ мѣстѣ. Освободившись отъ утомительныхъ хотя и живописныхъ горъ, помчался я вдоль берега шумной Арагвы, по лѣсистому ущелію, одному изъ самыхъ роскошныхъ въ Грузіи, своею растительностію. Пріятно было чувство скораго движенія, послѣ медленныхъ подъема и спуска, и какъ ни быстро мчался подлѣ насъ потокъ, его опереждали легкіе кони подъ заунывную пѣсню ямщика: и сюда въ закавказье проникло это коренное Русское ремесло, которое казалось столь же свойственнымъ горному краю, какъ и широкимъ степямъ нашей родины: такъ умѣлъ себя приспособить Русскій народъ ко всякой мѣстности и вездѣ онъ какъ у себя. Станція Пассанауръ стоитъ на серединѣ лѣсистаго ущелія; далѣе верстъ за 20 расширяется долина Арагвы, близь мѣстечка

Ананурѣ, памятнаго горькою участію своихъ Эриставовъ. Еще стоитъ на горѣ ихъ опустѣвшій зубчатый замокъ, съ двумя внутри его церквами, во вкусѣ древняго Грузинскаго зодчества. Нарядныя арабески, сплетенныя изъ змѣиныхъ головъ и виноградныхъ лозъ, образуютъ внѣшнее украшеніе стѣнъ. Въ малой церкви, сложенной изъ кирпича и уже частію обрушенной, находится гробъ одного изъ древнихъ Эриставовъ; тамъ погибло, въ пламени и дымѣ, семейство послѣднихъ Эриставовъ Арагвскихъ. Въ главномъ соборѣ, празднующемъ Богоматери, еще совершается богослуженіе; но всѣ иконы на стѣнахъ истыканы кинжалами Леагиновъ, которые помогли Эриставамъ Ксанскимъ разорить родовое гнѣздо ихъ единокровныхъ, въ половинѣ минувшаго столѣтія. Зрѣлище развалинъ возбудило во мнѣ любопытство, и я узналъ въ послѣдствіи, отъ почтеннаго старца, князя Эристова, причину разоренія Ананура.

Шахъ-Надиръ, освободивъ Грузію отъ ига Турецкаго, поставилъ властвовать надъ

нею въ Гори одного изъ своихъ воеводъ, Ханжалъ-хана. Намѣстникъ испугался вліянія сильной аристократіи и рѣшился однимъ ударомъ уничтожить всѣхъ старѣйшинъ покоренной земли; онъ собралъ ихъ въ Гори, подъ предлогомъ похода противъ Осетинъ, съ тою цѣлію чтобы умертвить всѣхъ въ назначенный день. Не утаилось однако его коварство отъ Эристава Ксанскаго Шамше: прозорливый князь сообщилъ свои подозрѣнія единокровному Эриставу Арагвскому, убѣждая въ тайнѣ бѣжать, и тѣмъ остановить кровопролитіе, потому что Ханъ не посмѣетъ поразить меньшихъ князей, когда спасутся старшіе; но Эриставъ не хотѣлъ послушаться опытнаго совѣта. Тогда Ксанскій отпросился на день, въ ближайшій свой замокъ, на рѣкѣ Ксани, у градоначальника Гори, оставивъ ему въ залогъ людей своихъ и лошадей, и поднялъ оружіе въ горахъ роднаго ущелія. Смутился намѣстникъ; онъ думалъ силою сокрушить непокорнаго, но принужденъ былъ самъ отступить съ большимъ урономъ: князья

Грузіи спаслись отъ угрожавшей имъ гибели и разошлись по домамъ.

Братъ Шамше Іессей, женатый на племянницѣ Царя Кахетинскаго Теймураза, хотѣлъ удалиться въ его предѣлы, но на пути былъ измѣннически окруженъ дружиною Эристава Арагвскаго; самъ онъ едва могъ спастись бѣгствомъ; жена и дѣти его уведены были плѣнниками въ Анануръ. Вспыхнуло негодованіе въ сердцѣ Шамше, за сію вторую измѣну, уже кровную; онъ рѣшился отмстить. Ханъ Лезгинскій бродилъ съ многочисленною шайкою, въ окрестностяхъ Ананура; къ нему обратился Шамше и съ помощію его осадилъ Анануръ. Двѣ недѣли храбро отражали воины Арагвскіе Ксанскихъ и Лезгинъ; уже хотѣли отступить осаждавшіе, но осажденные раздражали ихъ язвительными насмѣшками и возбудили послѣдній приступъ: онъ былъ гибельнымъ для Ананура; всѣ его жители пали подъ остріемъ меча; Эриставъ, со всемъ семействомъ, задохся отъ дыма въ малой церкви. Съ тѣхъ поръ опустѣлъ замокъ и родъ Арагвскій истребился; остался одинъ

Ксанскій, но и онъ дорого заплатилъ за умерщвленіе единокровныхъ.

Надиръ Шахъ усилилъ войска свои въ Карталиніи; оба брата, Шамше и Іессей, принуждены были бѣжать къ Пашѣ Ахалцихскому. Въ то время Турки вытѣснили изъ Кутаиса Царя Имеретинскаго Александра, отца великаго Соломона, и онъ искалъ себѣ покровительства у Ханжалъ-хана въ Гори. Коварный намѣстникъ Шаха разсудилъ, что ему выгоднѣе обмѣняться бѣглецами съ Пашею, нежели содержать у себя развѣнчаннаго Царя; онъ предложилъ втайнѣ обмѣнъ сей своему сосѣду и нашелъ себѣ отголосокъ въ его сердцѣ: Суннитъ и Шіитъ, раздѣленные по вѣрованію, единодушны были въ измѣнѣ; Царь Александръ встрѣтился на пути съ братьями Эриставами. Обрадованный Ханъ поспѣшилъ отправить ихъ къ Надиру. Едва только вступили они въ предѣлы Персіи, какъ одинъ изъ пограничныхъ воеводъ извѣстилъ Шаха, бывшаго въ Испагани, что два злодѣя, которыхъ даже не назвалъ по имени, присланы къ нему изъ Грузіи: корот-

ко было рѣшеніе Шаха, вполнѣ выражавшее безотчетную жестокость правительства Персидскаго: «ослѣпить ихъ», и ослѣпили. Спустя нѣсколько времени Ханжалъ-ханъ, испуганный опять возмущеніемъ князей Грузіи, думалъ усмирить ихъ вліяніемъ Эристава Шамше, и просилъ Шаха, чтобы онъ возвратилъ ему обоихъ братьевъ. Согласился Надиръ, велѣлъ позвать къ себѣ плѣнниковъ; но сколь велико было его изумленіе, когда увидѣлъ ихъ слѣпыми. «Кто ослѣпилъ васъ?» спросилъ Шахъ — «Не по твоему ли велѣнію твой воевода?» отвѣчали они; и раздраженный велѣлъ въ свою очередь лишить его зрѣнія, за то что глухимъ донесеніемъ ввелъ въ такую ошибку; но что пользы было отъ сего наказанія Эриставамъ? Они оставались въ Персіи, хотя и осыпанные милостями, доколѣ родственный имъ Царь Теймуразъ, не испросилъ ихъ у Шаха, когда самъ былъ утвержденъ отъ него въ Картлиніи, а сынъ его Ираклій въ Кахетіи, за то что участвовалъ въ славномъ походѣ Надира въ

Индію. Такова была бѣдственная участь Эриставовъ Ксанскихъ и Арагвскихъ.

Мраченъ Анануръ съ его опустѣвшимъ замкомъ, который сторожитъ входъ въ ущеліе Арагвы. Отсюда мы перестали слѣдовать по рѣчной долинѣ, чтобы избѣжать ея частыхъ изгибовъ, и чрезъ пустынные холмы достигли малаго городка Душетъ. Нѣсколько далѣе опять спустились въ долину Арагвы, но уже расширенную и усѣянную виноградниками по обѣимъ сторонамъ рѣки; такъ роскошно течетъ она до Гартискаръ, гдѣ опять стѣсняется русло, прежде ея впаденія въ быструю Куру, въ виду древней столицы Грузіи, Мцхета. Вечеръ застигъ меня въ Гартискарѣ, послѣдней станціи отъ Тифлиса; я надѣялся на лунную ночь, но тучи скопились на небѣ, дотолѣ ясномъ, и сильная гроза, съ яркими молніями при раскатахъ грома, провожала меня почти до самой цѣли долгаго моего странствованія. Кое-гдѣ горѣли сторожевые огни, для безопасности путниковъ, довершая собою картинность ущелія. Полуобрушенныя башни крѣпости Нацикваа-

ри, которая охраняла входъ къ бывшей столицѣ, блеснули при свѣтѣ молніи на утесѣ Арагвы, и еще нѣсколько разъ загорались и потухали передъ нами. Далѣе всталъ изъ сумрака, въ огненномъ свѣтѣ, священный соборъ Мцхета, какъ нѣкое чудное явленіе минувшихъ вѣковъ, и мгновенно скрылся. Мимо промчался я чрезъ каменный мостъ Куры, но съ противоположнаго берега, на устьи обѣихъ рѣкъ, опять освѣтился чудный исполинъ Мцхетскій и какъ бы заревомъ вспыхнула выспренная церковь Св. креста, на одинокой горѣ за Арагвою. Нельзя было въ большемъ величіи видѣть древній Мцхетъ; ночь и гроза прикрыли развалины и, не видавшему его горькаго запустѣнія, онъ казался чѣмъ-то великимъ, истинно царскимъ: такое очарованіе пріятно было сердцу. На полѣ Дигомскомъ затихла гроза и серебристый мѣсяцъ взошелъ въ свою ночную область. Узкая дорога стала опять извиваться по крутому берегу Куры; вдали уже мелькали огни Тифлиса.

Грустно было для меня первое впеча-

тлѣніе Тифлиса; я въѣзжалъ въ городъ, мнѣ незнакомый, который не много обѣщалъ съ перваго взгляда и сверхъ того былъ совершенно пустъ, потому что всѣ мои знакомые находились въ Чеченскомъ отрядѣ. По щастію, тотъ изъ нихъ, кого наиболѣе желалъ видѣть, случился въ Тифлисѣ, и въ его дружеской бесѣдѣ нашелъ я первую отраду послѣ утомительнаго пути. На другой день вышелъ я на балконъ, окинуть взорами городъ, и непріятно меня поразили низкіе дома его, съ глиняными терасами вмѣсто крышъ, къ сторонѣ базара, изъ-за которыхъ возвышалось нѣсколько остроконечныхъ куполовъ. Еще болѣе унынія возбуждали окрестныя горы, опаленныя солнцемъ, безъ всякой зелени, промежду коихъ проложила себѣ теченіе каменистая Кура; но живописно вѣнчалъ вершину ближней горы, древній замокъ Тифлиса, своимъ зубчатымъ гребнемъ, и красотою развалинъ примирялъ съ дикостію мѣста. Я просилъ моего пріятеля вести меня въ соборъ Сіонскій, чтобы поклониться тамъ первой святынѣ Гру-

зія, виноградному кресту Св. Нины. По узкимъ улицамъ Армянскаго базара, который живо напомнилъ мнѣ восточныя торжища Царьграда и Каира, хотя въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, достигли мы древняго святилища, каѳедры прежнихъ Митрополитовъ Тифлиса и нынѣшнихъ Экзарховъ Грузіи.

Оно вросло въ землю отъ тяжести вѣковъ, ибо основателемъ его былъ, еще въ V столѣтіи, славный царь Вахтангъ Гургасланъ, и печать давно минувшаго лежитъ на его тяжелой массѣ, сложенной изъ дикаго желтаго камня. Таже священная старина объяла меня и во глубинѣ храма, мрачнаго какъ наши древніе соборы, съ узкими окнами, мало проливающими свѣта, но съ куполомъ остроконечнымъ во вкусѣ Грузинскомъ. Иконостасъ рѣзной сооруженъ будто бы изъ слоновой кости, уже послѣ бѣдственнаго разоренія Тифлиса, въ исходѣ минувшаго столѣтія; онъ соотвѣтствуетъ характеру всего зданія и весьма счастливо, что его не замѣнили новымъ. Много разъ страдало сіе завѣтное святи-

лище отъ ярости невѣрныхъ, съ тѣхъ поръ какъ впервые раззорилъ его Султанъ Джелалъ-эддинъ, въ XIII вѣкѣ. Не менѣе грозный завоеватель Тимуръ, излилъ также свою ярость на святилище, а въ началѣ XVI вѣка, Шахъ Измаилъ бросилъ въ Куру самую икону Богоматери Сіонской; послѣдній завоеватель Тифлиса, Ага-Магометъ-ханъ довершилъ гибельное опустошеніе своихъ предшественниковъ. Но не смотря на то соборъ Сіонскій стоитъ, на перекоръ всѣхъ ударовъ времени и людей, и, празднуя день успенія Богоматери, напоминаетъ намъ именемъ своимъ ту святую гору, на коей преставилась она къ Сыну своему и Богу. Сладостное имя Сіона, неоднократно повторяемое въ одной лишь Грузіи и только въ храмахъ Успенскихъ, не можетъ имѣть иначе объясненія, хотя мѣстное преданіе говоритъ, будто бы издревле Сіонами назывались всѣ церкви соборныя безъ куполовъ; Тифлисская обличаетъ неправильность такого преданія, а между тѣмъ она одна изъ древнѣйшихъ; современные ей храмы Вне-

леема, Голгоеы и Өавора, въ томъ же городѣ, свидѣтельствуютъ какъ близка была сердцу новообращенныхъ Царей Грузіи священная мѣстность Палестины, отколѣ пришло имъ просвѣщеніе духовное съ равноапостольною Ниною.

Ея креста пламенно искали мои взоры, послѣ того какъ утѣшилось сердце слушаніемъ божественной литургіи, на родномъ нарѣчіи, далеко отъ родины; съ благоговѣніемъ поцѣловалъ *я* священный крестъ сей, сплетенный изъ виноградныхъ лозъ и связанный власами святой Нины. Она сама изображена на серебряной доскѣ кивота, въ которомъ хранится сіе сокровище, по лѣвую сторону главнаго алтаря. Мѣстное преданіе говоритъ, что еще во времена гоненій огнепоклонниковъ, Маговъ Персидскихъ, царевна Грузинская Сусанна спасла святыню изъ рукъ невѣрныхъ и сама пострадала отъ мужа своего, за вѣру отцевъ. Крестъ Св. Нины нѣкоторое время находился въ рукахъ Армянъ, и вѣроятно возвращенъ былъ не прежде Царя Давида возобновителя, покорившаго ихъ столицу

Ани. Съ тѣхъ поръ честное знаменіе долго хранилось въ соборѣ Мцхетскомъ, доколѣ непрестанная опасность, отъ нападеній Лезгинскихъ, не побудила Царя Кахетинскаго Теймураза II, перенести оное въ укрѣпленный замокъ Анануръ. Митрополитъ Тимоѳей, извѣстный въ Грузіи своимъ путешествіемъ къ Св. мѣстамъ, по любви къ прежней династіи Карталинской, которая искала себѣ убѣжища въ Россіи, взялъ самовольно изъ Ананура крестъ Св. Нины и вручилъ въ Москвѣ Царевичу Бакару, сыну Царя Вахтанга; но Императоръ Александръ, при вступленіи своемъ на престолъ, получивъ сію святыню въ даръ отъ внука Бакарова, возвратилъ Грузіи ея завѣтное сокровище, какъ бы самое благословеніе Св. Нины. Древняя икона Богоматери Сіонской замѣнена новою, присланною Царевичемъ Ираклiемъ, также изъ Москвы, откуда опять, какъ въ древніе годы, истекаютъ духовныя богатства для Иверіи. Въ маломъ придѣлѣ Архангела, прилежащемъ къ собору, поклонился я еще одной древней иконѣ нерукотвореннаго об-

раза Спаса; она почитается чудотворною и есть вѣрный списокъ съ той, которую принесли нѣкогда въ Грузію Св. отцы Сирійскіе.

Подлѣ собора хотѣлъ я заглянуть въ скромное жилище Экзарха Грузіи, который самъ отсутствовалъ, посѣщая дальнюю паству свою въ горахъ Ахалцика. Меня поразили тѣснота и убожество сего древняго дома Митрополитовъ Тифлисскихъ; онъ состоитъ изъ трехъ малыхъ келлій, гдѣ съ трудомъ помѣщается нынѣшній Экзархъ; но очаровательно самое мѣсто: деревянная тераса, служащая преддверіемъ или сѣнями, виситъ надъ рѣкою и вся обвита была виноградными гроздіями; подъ нею сердито кипѣла Кура, сжатая утесами сдвинувшихся береговъ, на коихъ перекинутъ смѣлый мостъ, а напротивъ амфитеатромъ подымались предмѣстіе Авлабаръ и обитель Преображенская, бывшій дворецъ вдовы Царя Ираклія, и замокъ Метехскій на обрывѣ скалы, съ древнею церковію мученицы Царицы Сусанны.

Едва только пріѣхалъ я въ Тифлисъ,

какъ уже спѣшилъ его оставить, чтобы воспользоваться красными осенними днями и лунными ночами, для посѣщенія Кахетіи. Мнѣ хотѣлось застать еще сію цвѣтущую долину во всемъ ея блескѣ, оглашаемую пѣснями веселыхъ жителей, во время винограднаго сбора, когда она вся обращается въ одинъ благословенный садъ. Я хотѣлъ также посѣтить и древнія обители, привлекающія въ ней благоговѣйное вниманіе, иногда посреди роскошныхъ долинъ, иногда въ скалахъ и ущеліяхъ, ибо Господь надѣлилъ Кахетію обиліемъ плодовъ земныхъ и небесныхъ, обвилъ плетеницами гроздій роскошныя берега Алазани и Іоры и, какъ медоточивый улей, приготовилъ дикія келліи въ ея скалахъ, для молитвеннаго роя отшельниковъ.

НАТЛИМЦАМЕЛИ, ОБИТЕЛЬ ПРЕДТЕЧИ.

Мнѣ сопутствовалъ любитель просвѣщенія своей родины Г***, который вполнѣ могъ объяснить памятники для меня темные, по невѣдѣнію языка. Дорога въ Кахетію пролегаетъ на Сигнахъ; мы поворотили вправо отъ Нѣмецкой колоніи Маріенфельдъ, въ обширную степь Карайскую.— Безводная, прорытая изсохшими руслами потоковъ, которые бурно стремятся по ней только весною, она тянется на большое пространство по теченію Куры, между ея безпріютнымъ берегомъ и столь же голымъ

кряжемъ горъ, отдѣляющимъ сію пустыню отъ благословенныхъ долинъ Кахетіи. Здѣсь кончается населеніе Грузинское, и бродятъ съ своими стадами одни Татары, опасные для одинокаго путника, особенно когда перемѣняютъ свои кочевья. — Это дикое уединеніе избрали себѣ, еще въ V столѣтіи, отшельники Грузинскіе, чтобы создать вторую Ѳиваиду, въ предѣлахъ своей новопросвѣщенной родины. Тридцать верстъ ѣхали мы почти безъ всякой дороги, около подножія горъ, по направленію ихъ дальнихъ отроговъ, которые на подобіе мысовъ, одинъ за другимъ, выступали въ сіе пустынное море; глубокія русла затрудняли ходъ коляски, не смотря на опытность нашихъ вожатыхъ колонистовъ; начинало смеркаться, а еще нигдѣ не было видно ни малѣйшаго признака жилья человѣческаго. Вдругъ, на высокой горѣ, показалась одинокая башня и около нее, какъ бы гнѣзда птицъ, выдолбленныя въ утесѣ; потомъ еще двѣ башни и нѣчто въ видѣ ограды, и послышался тонкій звукъ колокола; — мы ожили сердцемъ:

это была Натлимцамели, обитель Предтечи.

Каменистая дорога по ущелію сдѣлалась такъ тѣсна и крута, что невозможно было подыматься далѣе въ колясkѣ; мы оставили ее въ полугорѣ, у малаго миндальнаго сада, единственной отрады сего дикаго уединенія, и пошли пѣшкомъ на крутизну. Какое-то странное чувство овладѣло мною; мнѣ казалось что я нѣкогда былъ тутъ и какъ бы во снѣ припоминалъ предметы, не будучи въ состояніи дать себѣ отчета, почему могли они быть мнѣ знакомы? И вотъ на встрѣчу намъ вышли, изъ-подъ воротъ сторожевой башни, уже въ сумракѣ, семь иноковъ, какъ тѣни въ своихъ чёрныхъ рясахъ; нѣкоторые держали въ рукахъ свѣчи, чтобы освѣтить намъ дорогу по утесу. Впереди всѣхъ шелъ старецъ Архимандритъ Софроній, рода княжескаго, послѣ бурной жизни укрывшійся въ печальное мѣсто своихъ подвиговъ. За нимъ едва-едва ступалъ, опираясь на посохъ, столѣтній Авва Виссаріонъ, уже тридцать лѣтъ не спускавшійся подъ гору;

и въ орлиномъ гнѣздѣ своемъ пережившій много бурь своей родины: блѣдное лице, длинная сѣдая борода, согбенный станъ, внушали къ нему невольное благоговѣніе; казалось онъ поднялъ одну изъ гробовыхъ плитъ обители, гдѣ давно уже успокоился сномъ смерти, и вышелъ, вмѣстѣ съ братіею, на встрѣчу чуждому пришельцу.

Послѣ первыхъ привѣтствій вся братія повела насъ, какъ бы крестнымъ ходомъ, подъ арку входной башни, на дворъ монастырскій, огражденный по краю утеса полуобвалившеюся стѣною; посреди него росли нѣсколько тощихъ миндальныхъ деревъ. Мы подошли прямо къ отвѣсной скалѣ, въ которой пробита была низкая дверь, нагнулись въ устье пещеры и съ изумленіемъ выпрямились посреди величественнаго храма, изсѣченнаго высокими арками въ скалѣ, съ рѣзнымъ иконостасомъ на подобіе Сіонскаго. Всѣ лампады были зажжены предъ мѣстными иконами, по благосклонному къ намъ вниманію братіи: этотъ тусклый свѣтъ, снизу озаряя пространную церковь, умножалъ воображенію ея размѣ-

ры и внушалъ невыразимое чувство благоговѣнія; душа уже поражена была неожиданнымъ явленіемъ самаго святилища, которое, какъ бы по волшебному манію, раскрылось для насъ въ сердцѣ горы. Первымъ невольнымъ движеніемъ было, приблизиться къ роднымъ иконамъ Спаса и Пречистой Дѣвы, и земнаго Ангела Предтечи, котораго гласъ, вопіявшій въ пустынѣ Палестинской, отозвался далеко и въ горахъ Иверіи, сею пустынною обителію. Болѣе другихъ изящная лампада, съ Грузинскою надписью, горѣла предъ его иконою, и я относилъ это къ особенной почести, воздаваемой храмовому образу; но Архимандритъ, языкомъ моего спутника, объяснилъ мнѣ высокое историческое достоинство сей лампады. Послѣдній Царь Грузинскій, Георгій XII, пожертвовалъ ее, въ память благочестиваго духовника своего, настоятеля Евфимія, погребеннаго предъ иконою Предтечи, подъ самою лампадою, и привѣсилъ къ ней свое духовное завѣщаніе. Когда же, посреди бѣдственныхъ смутъ его издыхавшаго царства, прибли-

зился къ нему часъ смертный, онъ просилъ своихъ ближнихъ, прежде нежели предать тѣло его землѣ, взять и прочесть его завѣщаніе, изъ подъ лампады Натлисмцемели. Приближенные, въ надеждѣ достоянія земнаго, поспѣшили исполнить волю усопшаго: что же нашли они подъ лампадою? краткое моленіе: «погребите меня въ обители Предтечевой, подлѣ духовника моего отца Евеимія.» — Какъ умилительна такая послѣдняя молитва послѣдняго Царя! Какъ выражаетъ она весь характеръ благочестиваго Георгія, который гораздо болѣе помышлялъ о небесномъ царствѣ нежели о земномъ.

Всѣ прочія серебренныя лампады, висѣвшія предъ мѣстными иконами Спасителя и Божіей Матери, Іоанна Богослова, трехъ Святителей, Николая Чудотворца и Пророка Иліи, были усерднымъ дяніемъ того же кроткаго Царя. При свѣтѣ ихъ, какъ будто бы свѣтилъ мнѣ самъ Георгій, могъ я окинуть взоромъ иконостасъ, сооруженный также въ его время: двѣнадцать Апо-

столовъ и двунадесяти праздниковъ, въ рѣзныхъ прозрачныхъ рамахъ, поставлены поверхъ мѣстныхъ иконъ, подъ коими написано все житіе Предтечи. На царскихъ дверяхъ, вмѣсто сіянія, вырѣзанъ вѣнокъ изъ виноградныхъ лозъ, а по срединѣ лики Господа и его учениковъ, сходно съ евангельскими словами: «Азъ есмь лоза, вы же гроздія». Два инока зажгли большія свѣчи и ввели меня въ олтарь, чрезъ отдѣльный жертвенникъ, ибо нѣтъ другаго входа: углообразно выдается этотъ жертвенникъ, во внутренность пещерной церкви, и отдѣленъ отъ нее легкими арками, иссѣченными изъ той же скалы, а съ олтаремъ сообщается тѣснымъ проходомъ, пробитымъ въ камнѣ. Я увидѣлъ вокругъ горняго мѣста тотъ же ликъ Апостоловъ и надъ ними полустертый образъ ихъ Божественнаго учителя, несомаго со славою ликомъ Ангеловъ, во исполненіе Херувимской пѣсни: «яко да Царя всѣхъ подымемъ, Ангельскими невидимо дориносима чинми.» — Сколько глубокаго и таинственнаго смысла, въ такомъ олицетво-

ренія сего высокаго гимна, призывающаго насъ къ отложенію всего житейскаго!

Мы возвратились въ отдѣленіе жертвенника, устроеннаго совершенно по древнему чину, нѣсколько въ сторонѣ; двери изъ него въ самую церковь были съ боку, не въ одной линіи съ царскими. Надъ самымъ мѣстомъ приготовленія безкровной жертвы, написанъ на сводѣ пещерномъ Деисусъ, т. е. молитвенное стояніе Богоматери и Предтечи, по сторонамъ Господа Іисуса, также какъ и на дискосѣ полагаютъ части, вынимаемыя въ память ихъ, съ обѣихъ сторонъ божественнаго Агнца. Кругомъ, на стѣнахъ жертвенника поверхъ аркадъ, отдѣляющихъ его отъ церкви, собранъ молитвенный ликъ отшельниковъ Палестинскихъ, послужившихъ образцемъ для ихъ подражателей, въ столь же каменистыхъ пустыняхъ Иверіи. Тутъ былъ Савва освященный, свѣтило монашества въ плачевной юдоли, и Харитонъ, основатель иночества въ Палестинѣ, вмѣстѣ съ Евѳиміемъ великимъ; тутъ и одичавшій въ пустыняхъ Египта Онуфрій, одѣтый ризою.

своихъ волосъ, и Киріакъ, самый строгій изъ подвижниковъ, и Ефремъ, сладкорѣчивый діаконъ Эдессы, всегда исполненный памяти страшнаго суда. Вмѣстѣ съ ликами сихъ Восточныхъ отцевъ, стояли два Давида, одинъ изъ числа Сирскихъ пришельцевъ, послужившій разсадникомъ иночества въ Грузіи, другой же Царь обновитель, вызвавшій изъ развалинъ всѣ ея святилища. На задней стѣнѣ храма, между ликами царственныхъ покровителей церкви, сохранилась только внука обновителя, Царица Тамарь, вездѣ положившая печать своей славы, съ мужемъ своимъ Давидомъ прекраснымъ и сыномъ Георгіемъ.

Вотъ, въ какомъ молитвенномъ сонмѣ царей и пустынниковъ, возносятъ теплыя мольбы свои къ Богу, изъ глубины пещерной, малые остатки многолюднаго нѣкогда братства сей древней пустыни, которая современна отшельникамъ Востока, написаннымъ на стѣнахъ ея. Любопытно знать самое пространство подземной церкви, чтобы видѣть сколько рукъ должны были трудиться для изсѣченія оной въ скалѣ: отъ за-

падной стѣны до иконостаса болѣе семи сажень, не считая олтаря, и столько же ширины, безъ боковаго притвора; высоты же отъ помоста до стройно-округленнаго свода, пять сажень. Въ притворѣ съ правой стороны, который служитъ входомъ и также выдолбленъ въ утесѣ, есть малый придѣлъ, поднятый двумя ступенями надъ помостомъ, во имя Св. Димитрія Селунскаго; но кѣмъ онъ основанъ неизвѣстно: быть можетъ сыномъ Давида возобновителя, Димитріемъ, или однимъ изъ позднѣйшихъ Царей сего имени. Большое отверстіе пробито изъ сего придѣла въ главный олтарь Предтечи; въ правой сторонѣ его погребена Царица Анна, мать послѣдняго Царя Георгія, который быть можетъ оттого и былъ столько привязанъ къ сей обители. У самаго входа въ пещерную церковь жилая келлія въ утесѣ, для стража подземнаго святилища; кому же ввѣрена сія священная стража? стопятилѣтнему аввѣ Виссаріону, который еще бодръ на молитву, хотя уже не можетъ стоять безъ посоха. Столѣтній призракъ минувшей сла-

ны сей пустыни при дверяхъ ея пещернаго храма: — какъ это сильно и умилительно! какіе мѣдные верей и запоры крѣпче такаго вратаря? . . .

По выходѣ изъ церкви Архимандритъ пригласилъ насъ въ свои келліи, если только по нашему такъ можно назвать нѣсколько пещеръ, иссѣченныхъ въ скалѣ. Лѣстница, которая въ нихъ вела по обрыву утёса, состояла изъ каменныхъ и деревянныхъ уступовъ, съ искривленными перилами, чтобы только не обрушиться въ пропасть, и по такимъ труднымъ ступенямъ побрелъ вослѣдъ за нами авва Виссаріонъ, поддерживаемый послушниками. Когда мы расположились какъ могли, на коврахъ, въ убогомъ жильѣ Архимандрита, онъ сказалъ мнѣ чрезъ посредство моего спутника:

«По нынѣшнему состоянію нашему не судите о славной нѣкогда обители Наталиншамели; даже на моемъ вѣку, не говоря уже о временахъ предъ вами стоящаго аввы Виссаріона, она еще процвѣтала. За пятдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда я

пришелъ сюда въ искусъ иноческій, при настоятелѣ старцѣ Евѳиміи, я засталъ еще до пятидесяти иноковъ, девять игумновъ, и четырехъ Епископовъ, жившихъ здѣсь на покоѣ, которыхъ гробы укажу вамъ завтра; ибо Натлисмцамели искони служила разсадникомъ иноческой жизни и просвѣщенія духовнаго для всей Грузіи. У насъ не было училищъ, но сюда собирались въ отрочествѣ, желавшіе посвятить себя на служеніе церкви, и дѣлались учениками опытныхъ старцевъ, доколѣ въ свою череду, изъ нихъ самихъ, не образовались наставники. Отселѣ избирались большею частію предстоятели монастырей и епархій; до такой степени глубоко было уваженіе Царей и Католикосовъ къ нашей пустынѣ. Старецъ Митрополитъ Іоаннъ Бодбель, о которомъ вы вѣроятно уже слышали или услышите, если будете на гробѣ Св. Нины, здѣсь провелъ свою молодость, равно какъ и многіе изъ лучшихъ Епископовъ нашихъ, которыхъ вы уже не застали въ живыхъ: да и самъ нынѣшній Викарій отсюда вышелъ въ настоятели. Большая часть изъ

ненныхъ духовныхъ были происхожденія княжескаго, и семейства ихъ не забывали святаго мѣста сего; о любви же послѣдняго Царя Георгія, къ обители и духовнику своему Евѳимію, много намъ осталось свидѣтельствъ.»

«Вы говорите мнѣ о минувшей славѣ вашей обители, сказалъ я, но прежде всего объясните, гдѣ я? и что за странное явленіе, столь дикаго жилья иноческаго, въ скалахъ и пропастяхъ?»

«Развѣ вы никогда не слыхали, отвѣчалъ Архимандритъ, о тринадцати Сирскихъ отцахъ, изъ числа учениковъ Св. Симеона столпника, которые пришли сюда двѣсти лѣтъ спустя послѣ Св. Нины, утвердить проповѣданное ею Христіанство? Сама Божія Матерь, избравшая Грузію своимъ удѣломъ, внушила благую мысль сію главѣ отцовъ Іоанну и одинъ изъ нихъ Давидъ, прозванный Гареджійскимъ, по любви своей къ пустынной жизни, поселясь сперва на горѣ Тифлиской, пришелъ искать сюда большаго безмолвія, съ избраннымъ ученикомъ своимъ; но вскорѣ пустыня его сдѣ-

залась многолюдною. Сподвижникъ старца, Лукіянъ, основалъ нашу обитель Натлисмцамели; въ память великаго любителя пустыни, Іоанна Предтечи. Я покажу вамъ завтра основное гнѣздо нашей Ѳиваиды, самую обитель гдѣ жилъ и скончался блаженный отецъ нашъ Давидъ. Тамъ увидите вы, близко отъ пустыни Гареджійской, бывшую лавру мучениковъ Моцамети и знаменитый монастырь Додо, любимаго ученика Давидова, и еще нѣсколько другихъ, если время позволитъ намъ посѣтить ихъ; двѣнадцать такихъ пустынь основались, одна близь другой, въ окрестности Гареджійской, еще при жизни блаженнаго аввы.»

«Но какимъ образомъ оскудѣла братія?» спросилъ я Архимандрита.—Онъ же вздохнулъ только, вмѣсто отвѣта, и помолчавъ нѣсколько сказалъ:

«Ахъ! гдѣ же процвѣтаетъ теперь иночество? не одна наша обитель и всѣ оскудѣли, или даже совершенно пусты, да изъ кого набирать братію? — Князья наши и дворяне обратились къ занятіямъ свѣт-

скимъ. Прошли смутныя времена, когда надъ каждымъ изъ насъ висѣлъ мечь Персидскій или Лезгинскій, и мы посреди безопасности не такъ усердны къ молитвѣ. — Помню еще, когда бывало, нельзя выдти изъ ограды монастырской, не только спуститься подъ гору. Однажды отца нашего Евѳимія захватили въ плѣнъ Лезгины, вмѣстѣ съ церковнымъ крестьяниномъ, около того миндальнаго сада, гдѣ стоитъ ваша коляска. Такъ какъ крестьянинъ былъ гораздо осанистѣе нашего старца, то съ нимъ обходились съ большимъ уваженіемъ; а смиреннаго Евѳимія, утаившаго свое имя, заставили идти пѣшкомъ всю дорогу, осыпая его побоями; тогда только умилостивились, когда узнали въ горахъ, что онъ духовникъ царскій; но за то Георгій дорого долженъ былъ заплатить за его выкупъ. Мало по малу, съ оскудѣніемъ братіи, стали пустѣть и обрушиваться ихъ келліи; даже та, въ которой живалъ во время постовъ Царь Георгій, до половины отпала отъ скалы, потому что дождевая вода, уже не отводимая по недостатку

рукъ, размываетъ пещерные своды, всасываясь въ нихъ разсѣлины. — Ограда наша совершенно рушится, и мы стараемся поддержать ее сколько можемъ, потому что вмѣсто Лезгинъ, насъ обижаютъ теперь Татары. Мало того, что они совершенно присвоили себѣ наши степи для пастбища, нѣкоторые изъ нихъ осмѣливаются перелѣзать иногда черезъ ограду, чтобы воспользоваться нашимъ скуднымъ добромъ, и если бы не большія собаки, которыхъ мы спускаемъ ночью, не было бы никакой защиты монастырю. И такъ опять повторяю, не судите о насъ по тому, что теперь видите.»

Въ занимательной для меня бесѣдѣ протекла большая часть вечера; наступило время братской трапезы, ибо не смотря на скудость средствъ, обитель сохранила общежитіе и этимъ обязана она усердію Архимандрита, который старается удержать древній порядокъ. Мятежна была середина его житейскаго поприща, но къ старости возвратился онъ къ той же безбурной пристани, въ которой началъ подвигъ ино-

чества, и подаетъ теперь рѣдкій примѣръ постнической жизни. Около него собрались нѣсколько учениковъ, какъ бывало прежде въ лучшія времена Натлисмцамели, и онъ научаетъ ихъ порядку службы церковной, ибо самъ почитается однимъ изъ лучшихъ пѣвцовъ Грузіи. — Насъ ввели въ длинную залу, изсѣченную въ скалѣ; высокіе своды ея опирались на двухъ столбахъ; поразительна была такая трапеза въ сердцѣ горы, когда снаружи нельзя было подозрѣвать никакого жилья человѣческаго. Одна тусклая лампада висѣла подъ сводомъ и освѣщая обширность залы, обличала прежнее многолюдство и нынѣшнее убожество обители. Авва Виссаріонъ, съ старшими иноками, сѣлъ по лѣвой сторонѣ; насъ пришельцевъ посадили напротивъ, на почетное мѣсто; послушники служили. Архимандритъ взошелъ на хоры, нарочно для того устроенные, и во все время читалъ поученіе. Чрезвычайно торжественно было самое убожество сей трапезы, ибо тутъ собрались остатки славной нѣкогда Натлисмцамели, какъ бодрые воины, не отха-

дящіе отъ вѣвренной имъ стражи, доколѣ послѣдняго не поразитъ смерть. Молча мы разошлись; мнѣ указали келлію, иосѣченную въ камнѣ, съ каменнымъ ложемъ, вмѣсто постели; братія разошлась по своимъ гнѣздамъ. Предъ иконою Предтечи теплилась малая лампада: это былъ день обрѣтенія честной его главы. Я прочелъ канонъ великому Ангелу этой и Палестинской пустыни, которыя сподобился я посѣтить, и полный имъ воспоминаніями вышелъ изъ своей келліи, на узкую площадку, висѣвшую надъ обрывомъ скалы.

Мертвая тишина царствовала вокругъ меня, и такая пустота открывалась въ сумракѣ подо мною, что мнѣ казалось, будто я уже стою на краю всякаго творенія и міръ кончается у моей скалы. Мало по малу началъ я всматриваться въ предметы, слабо освѣщенные не полною луною. То что въ первое мгновеніе мелькнуло мнѣ какъ хаосъ, представилось потомъ обширною равниною, которая убѣгала далеко далеко, сколько глазъ могъ уловить ее въ полусвѣтѣ мѣсяца. Позади меня и по сто-

ронамъ поднимались скалы и часть ущелья, въ которомъ изсѣчена обитель, разступилась предо мною; привратная башня стояла на краю обрыва; нѣсколько тощихъ деревъ, не колыхаясь, дремали надъ оградой и не было ближе другихъ предметовъ: такъ скудна была ими дикая природа въ обиліи своихъ скалъ. Я сталъ прислушиваться къ голосу ночи: все что сначала казалось мнѣ совершеннымъ безмолвіемъ, было однимъ всеисполняющимъ звукомъ, который плавалъ по цѣлой пустынѣ; это было жужжаніе несмѣтной тьмы насѣкомыхъ, невидимыхъ днемъ и только слышимыхъ ночью, жизненное сотрясеніе воздуха, будто безгласнаго отъ самой его полноты; только изрѣдка прерывалась тишина, протяжнымъ воемъ сторожевыхъ псовъ, когда чуяли они, съ вершины утесовъ, дальняго скитальца въ пустынѣ, или какого либо ночнаго звѣря, скользившаго по ущелью.

Тогда только началъ я опаматоваться и, озираясь во всѣ стороны, какъ бы входить опять въ область прошедшаго, и сли-

чать былое съ настоящимъ, впечатлѣнія коихъ дотолѣ были перемѣшаны въ моемъ воображеніи. Я вспомнилъ плачевную юдоль потока Кедрскаго и лавру Св. Саввы въ сей юдоли: тѣ же скалы надо мною и пропасть у ногъ моихъ; тѣже сторожевыя башни и одинокое миндальное дерево вмѣсто пальмы, и безжизненная пустыня, освѣщенная столь же блѣдною луною. Я всмотрѣлся и понялъ, почему то, что здѣсь должно бы мнѣ казаться новымъ, напротивъ того вѣяло мнѣ родною стариною, и только промежутокъ протекшихъ лѣтъ разъединялъ въ мысляхъ моихъ предметы, которые въ нихъ сливались по своему необычайному сходству, Натлимцамели и лавра Св. Саввы! — Долго наслаждался я живымъ воспоминаніемъ былаго, въ совершенномъ отчужденіи всего, что только могло обезкрылить мои свободныя мечты: я сидѣлъ одиноко, на выдавшемся утесѣ, какъ бы въ воздухѣ; все было пусто и неподвижно вокругъ, только одна луна двигалась въ пустынѣ неба. — И вотъ наконецъ я сталъ чувствовать, будто опять все

сливается вокругъ меня въ прежній хаосъ, и будто начала волнообразно колебаться пустыня, доколѣ не обратилась вся въ одно серебристо движущееся море, и уже потерялось для меня различіе между этимъ моремъ, что подымалось снизу, и этимъ небомъ, что опускалось тихо и плавно, все ближе къ землѣ. . . . . Я дрогнулъ и вспрянулъ съ утеса, и устремился опять въ келлію, на мое каменное ложе, до утренняго звона.

Отрадно мнѣ было присутствовать на божественной службѣ; въ нѣдрахъ земли, хотя я и не понималъ языка Грузинскаго, но совершенное сходство молитвъ и обрядовъ, позволяло слѣдовать за ходомъ богослуженія. Это напомнило мнѣ Кіевъ и Палестину, гдѣ я также молился въ подземельяхъ. За утреннею слѣдовала ранняя литургія; вопреки уставу монастырскому, но мы просили сдѣлать для насъ такое снисхожденіе, чтобы успѣть въ тотъ же день осмотрѣть другія обители сей пустыни. Послѣ обѣдни, уже при свѣтѣ дня, съ утѣшеніемъ сличалъ я мѣстность обители

съ юдолью Св. Саввы. Быть можетъ здѣсь самое сходство возбудило къ подражанію. Если не такъ глубоко ущелье, то мертвенность природы столь же ужасна, и тѣ же нависшія скалы, и келліи и церкви пробитыя въ утесахъ, хотя соборная Св. Саввы стоитъ тамъ отдѣльно на своей площадкѣ. Но и тутъ три башни Іустиніановы повторились въ Натлиицамели, двѣ по краямъ ограды и одна сторожевая на вершинѣ горы, какъ въ лаврѣ Палестинской. Жалко было видѣть однако, какъ много уже обрушилось келлій и малыхъ придѣловъ, и сколькимъ еще угрожаетъ паденье, если не отведутъ заблаговременно дождевыхъ струй. Мало по малу стѣсняется братія, позади своей умаляющейся ограды, въ одинъ безвыходный кругъ, гдѣ время и стихіи осаждаютъ эту слабую горсть воителей духовныхъ, которые не хотятъ имъ уступать поприща славы великихъ своихъ отцевъ.

Прежнія настоятельскія келліи, висѣли надъ пещерною церковью; ихъ деревянная галлерея защищала своды ея отъ дожде-

вой воды; теперь же половина келлій обрушилась и отъ того можетъ пострадать самая церковь. Нѣсколько выше, подлѣ другой малой церкви Успенія и келліи Евѳимія, находились убогіе покои смиреннаго Царя Георгія, гдѣ любилъ онъ безмолвствовать во дни великаго поста. Благочестивое и болѣзненное лице сего послѣдняго Царя изъ рода Багратидовъ, напоминаетъ нашего кроткаго Ѳеодора сына Іоаннова, послѣдняго изъ дома Рюрикова, который также предпочиталъ уединеніе келейное царскимъ своимъ палатамъ, и оставилъ по себѣ память во многихъ обителяхъ. Но въ Патлимцамели келліи молитвеннаго Георгія почти совершенно обрушились; до половины только сохранилась стѣнная живопись: Спаситель сидящій между Пречистой своей Матери и Предтечи, Св. Нины и отшельника Додо; прочіе лики обвалились вмѣстѣ со стѣной, а келлія духовника царскаго обращена въ ризницу. Въ числѣ замѣчательныхъ ея древностей, утварей и книгъ, особенно привлекли мое вниманіе богатоукрашенный крестъ Тинати-

ны супруги Кахетинскаго Царя Леона, и образъ Предтечи, найденный при Царѣ Ираклiѣ въ горахъ Гамборскихъ. Полагаютъ, что икона сiя пятаго столѣтiя, временъ Гургаслана: отсѣченная глава Предтечи вырѣзана на деревянномъ блюдѣ и вставляется въ углубленiе иконы, обложенной богатою ризою, а на задней сторонѣ доски есть много частицъ святыхъ мощей съ надписями.

Отъ сихъ келлiй можно взойти на вершину Бодбелевой сторожевой башни, которая приникла къ самому гребню утеса; но надобно прежде ползти по уступамъ витой лѣстницы, пробитой въ скалѣ, чтобы только достигнуть основанiя башни. Мертвые но величественные виды открываются съ нее на всю пустынную окрестность, до дальняго теченiя Куры, которая раздѣляетъ собою Карайскiя степи и только издали манитъ, своими свѣжими водами, истомленныхъ жаждою въ безводной равнинѣ. Солнце уже было высоко; надлежало оставить обитель Натлимцамели. Архимандритъ Софронiй благословилъ меня древнею иконою великаго Ан-

тонія, отца всѣхъ пустынно-жителей по вселенной, и благодушно вызвался вести насъ къ Давиду Гареджійскому. Вся братія проводила за врата обители, до того мѣста, гдѣ мы нашли коляску, подлѣ миндальнаго сада монастырскаго. И авва Виссаріонъ собрался также провожать насъ подъ гору, но я убѣдилъ старца не оставлять своего горняго жилища. Юные птенцы орловъ, когда оперяются, испытываютъ силы свои по широкому небу; но тѣ орлы, у коихъ уже оскудѣла сила ихъ крылъ, остаются на своихъ утесахъ; и сему также пожелалъ я духовнаго обновленія юности орлей, дабы отъ своего высспренняго утеса, могъ онъ однажды воспарить къ Солнцу правды и обрѣсти упокоеніе долгому своему подвигу. Одинъ изъ иноковъ, имѣющій непремѣнною обязанностью, сносить подъ гору воду мимоходящимъ путникамъ, кто бы они ни были въ пустынѣ, указалъ намъ ближайшую дорогу на дно изсохшаго русла; оно напоминало Кедронское, столь же безводно раздирая подножіе утесовъ.

ПУСТЫНЯ ГАРЕДЖІЙСКАЯ.

Не болѣе десяти верстъ отъ Натлимцамели до пустыни Гареджійской, называемой по Грузински Удабно или собственно пустыня; но самая ужасная дорога предстояла намъ по горамъ и оврагамъ, гдѣ только можно было проѣхать верхомъ. Не разъ раскаявался я, что рѣшился ѣхать въ коляскѣ по такимъ стремнинамъ, и надобно было всю нѣмецкую осторожность колонистовъ, чтобы не опрокинуть насъ въ пропасть; иногда дорога шла по косогору промытому рытвинами, иногда по самому

гребню утесовъ, и мы пролагали новые слѣды по страшнымъ обрывамъ. Передъ тѣмъ какъ спускаться въ ущелье Гареджійское, показалась намъ на кряжѣ горъ, одинокая башня пустынной обители Чичхитури, одной изъ двѣнадцати окружавшихъ Давидову. Ничего не сохранилось тамъ кромѣ башни, и двухъ пещерныхъ полуобрушенныхъ церквей, изъ коихъ главная съ трапезою, посвящена была Св. Іакову мученику Персскому. Отпустивъ коляску въ монастырь, сами пошли мы по вершинѣ горной, мимо сихъ развалинъ, къ другой болѣе знаменитой лаврѣ мучениковъ, или Моцамети; она иэсѣчена въ горѣ, нависшей надъ пустынею Св. Давида и служила средоточіемъ для всѣхъ прочихъ. — Намѣстникъ Гареджійскій, предварешный о моемъ пріѣздѣ, уже ожидалъ насъ близь развалинъ, чтобы указать всѣ пещерныя церкви и предостеречь въ опасныхъ переходахъ между скалъ.

Прежде всего онъ привелъ насъ къ малой церкви, недавняго строенія, которой двери съ благоговѣніемъ отперъ. Внутри

олтаря, обозначеннаго тремя открытыми арками, безъ всякихъ иконъ, мы увидѣли престолъ и жертвенникъ, рядомъ прислоненные къ восточной стѣнѣ, а на нихъ, на мѣсто утвари церковной, человѣческія кости связанныя крестообразно; по сторонамъ были также собраны кости, какъ въ древнихъ катакомбахъ. «Что за странная церковь, и какія здѣсь кости?» спросилъ я съ изумленіемъ Архимандрита.

«Эти кости дали названіе цѣлой лаврѣ, отвѣчалъ онъ, благоговѣйно подымая и цѣлуя каждую изъ нихъ. Посмотрите какіе еще рубцы на нихъ видны, и язвы сіи источали нѣкогда муро; это были дѣйствительно мученики, (Мопаметп) положившіе животъ свой за Христа, и еще въ какую священную минуту, въ ночь Пасхи! Не много собрано тутъ костей, но вы ужаснетесь, если услышите, что шесть тысячь святыхъ отцевъ нашихъ избито было тутъ мечемъ Персовъ. Братія двѣнадцати обителей пустыни Гареджійской, имѣли искони обычай собираться на вечеръ субботній въ сію лавру, большую изъ всѣхъ,

чтобы здѣсь торжествовать храмовой ея праздникъ Свѣтлаго Воскресенія. Шесть тысячь иноковъ всѣ вмѣстѣ, со свѣчами въ рукахъ, обходили малую церковь на вершинѣ горы, построенную по образцу часовни Св. Гроба, и воспѣвали радостное: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ!» не воображая какъ они сами были уже близки ко вратамъ небеснаго царствія. Это было страшная година нашествія Шаха Аббаса Персидскаго. Далеко изъ за Куры, на краю обширной степи Карайской, увидѣлъ онъ ночью необычайное освѣщеніе, огни движущіеся на вершинѣ горы, тамъ гдѣ предполагалъ совершенную пустыню. «Что за огни? спросилъ изумленный Шахъ, и ему отвѣчали: «это отшельники Гареджійскіе празднуютъ свою Пасху.» — «Истребить ихъ!» сказалъ ненавистникъ имени Христова. Напрасно болѣе человѣколюбивые изъ его вельможъ представляли Шаху, что пустынники не носятъ оружія и никому не враждебны, а напротивъ того за всѣхъ молятъ Бога, и что самый пророкъ велѣлъ щадить такихъ мо-

литвенниковъ. Кровожадный Шахъ не хотѣлъ внимать никакому ходатайству, и послалъ немедленно отрядъ конницы черезъ Куру, въ степь Карайскую. Къ разсвѣту прискакали убійцы въ лавру, когда уже вся братія успѣла пріобщиться Св. Тайнъ, за раннею литургіею Пасхи, и такимъ образомъ приготовленные къ вѣчности, встрѣтили мученическую кончину. Съ тѣхъ поръ опустѣла большая часть обителей, и только Давидова и наша удержали своихъ иноковъ. Мы совершаемъ память шести тысячъ избіенныхъ отцевъ, на другой день Пасхи, по тому примѣру какъ празднуетъ вся Церковь избіеніе Св. Отецъ въ Раиѳѣ и Синаѣ и въ лаврѣ Св. Саввы. Католикосъ Антоній старшій написалъ для нихъ канонъ и стихиры, а благочестивый Царь Кахетинскій Арчилъ, собралъ здѣсь святыя кости мучениковъ и соорудилъ надъ ними сію малую церковь.

«Не смерть ли сихъ мучениковъ изображена на стѣнѣ олтарной? спросилъ я, потому что тутъ видны три инока и надъ ними человѣкъ, въ восточной одеждѣ, за-

несшій мечь; но для чего подлѣ нихъ олѣни?»

«Нѣтъ, это не мученики, но блаженные отцы наши, радующіеся на небесахъ о мученическихъ подвигахъ своихъ духовныхъ чадъ. Тутъ написанъ великій авва Давидъ Гареджійскій, съ двумя учениками Лукіаномъ и Додо, которыхъ питали млекомъ своимъ дикія самки оленей; а воинъ занесшій на нихъ руку, — языческій обладатель сихъ мѣстъ Бубакаръ, нечаянно открывшій пустынно-жителей въ своихъ предѣлахъ. Но поднятая рука его засохла и исцѣлилась только молитвою Св. Давида; смягчился жестокій язычникъ и увѣровалъ во Христа, не такъ какъ неистовый Шахъ Аббасъ, избившій столько мучениковъ. — Будемъ теперь осматривать прочія церкви сей обширной лавры; вы удивитесь числу ихъ и множеству келлій изсѣченныхъ, въ три или четыре яруса, по отвѣсной скалѣ. Ко многимъ уже не доступенъ входъ, потому что обрушились лѣстницы, другія засыпаны землею; но вся сія западная сторона горы, обращен-

ная къ Курѣ, была жилищемъ отшельниковъ; по крайней мѣрѣ увидимъ то что еще возможно.»

Такъ говоря, старецъ Архимандритъ, не смотря на свои годы, сталъ бодро спускаться по обрывамъ скалъ, и мы послѣдовали за нимъ, вмѣстѣ съ намѣстникомъ, по такимъ стремнинамъ, гдѣ иногда не было даже мѣста куда бы поставить ногу. Земля безпрестанно осыпалась подъ нами и обрывались камни изъ нашихъ рукъ, когда мы лѣпились вдоль утесовъ по отвѣсной стѣнѣ ихъ, чтобы заглядывать въ устья опустѣвшихъ келлій, или проникать въ пещерныя церкви, гдѣ по немногу отдыхали отъ труднаго пути.

Первая весьма тѣсная церковь, которая намъ представилась въ пещерахъ, была какъ видно посвящена святителю Николаю, потому что чудотворецъ написанъ на горнемъ мѣстѣ, подлѣ иконы знаменія Богоматери; внутреннее устройство олтаря совершенно одинаково съ верхнею церковью мучениковъ. Потомъ взошли мы въ болѣе пространную пещеру, освященную въ храмъ

Благовѣщенія; стѣнная живопись еще сохранилась на стѣнахъ. Лики Царя Баграта IV и Католикоса Іоанна, подносящихъ образъ церкви святому Давиду Гареджійскому, свидѣтельствуютъ, что она была изсѣчена не позже XI вѣка. Въ олтарѣ написанъ Спаситель, сидящій посреди святителей и пустынниковъ; Ангелъ подводитъ къ Господу отшельника Додо; кругомъ по стѣнамъ двѣнадцать праздниковъ, и опять престолъ съ жертвенникомъ соединены на одномъ камнѣ. Подлѣ церкви малый придѣлъ Св. Георгія, гдѣ еще видна на помостѣ запекшаяся кровь инока, который былъ тутъ умерщвленъ воинами Шаха-Аббаса, въ минуту приношенія безкровной жертвы. Нѣсколько далѣе обширная трапеза, гдѣ собирались всѣ братія лавры, весьма замѣчательная по своему устройству. Три арки образуютъ входъ во глубину сей пещеры и на нихъ написаны два Симеона столпника, изъ коихъ старшій былъ виною пришествія тринадцати Сирскихъ отцевъ. Одинъ изъ нихъ святой Давидъ, основатель сей новой Ѳиваиды. Га-

реджійской, и великій отецъ иноковъ Палестинскихъ Евеимій, изображены на тѣхъ же столпообразныхъ аркахъ, ибо они служили основаніемъ монашества. Со входа существуетъ еще малый придѣлъ, съ Деисусомъ надъ его олтаремъ, а внутри самой трапезы, изсѣчены поперегъ ее, въ каменномъ помостѣ, столы и мѣста гдѣ сидѣли братія, также подъ сѣнію Господа и предстоящихъ ему Богоматери, Предтечи и Архангеловъ. Съ правой стороны написана на стѣнѣ тайная вечеря и таинственная трапеза трехъ Ангеловъ подъ дубомъ Мамврійскимъ, а съ лѣвой есть еще келлія и другая по меньше, вѣроятно служившая приспѣшною, и глубокая цистерна но уже безъ воды.

Отъ этой трапезы такъ трудно было пробираться далѣе по утесамъ, что иногда мы останавливались, и долго думали куда бы ступить; не возможно было посѣтить нижняго ряда келлій, выдолбленныхъ на дальнѣе пространство по отвѣсу скалы. — Однако переходя по камнямъ съ большою осторожностью, мы открыли еще простран-

ную церковь, которой устье было почти совершенно засыпано землею. — На передовой скалѣ, служившей преддверіемъ, изображены были нѣкоторыя дѣянія изъ житія Давида Гареджійскаго, а подъ нимъ Цари обновители сей лавры, тотъ же Багратъ съ Католикосомъ Іоанномъ, держащіе въ рукахъ церковь и великая Тамарь съ мужемъ и сыномъ.—Живопись внутри пещерной церкви почти совершенно стерлась; еще можно однако различить Деисусъ и нѣсколько святыхъ Грузинскихъ, между коими равноапостольная Нина. — По всему видно, что церковь сія была одною изъ самыхъ большихъ, и быть можетъ даже соборною въ лаврѣ, но уже время истребило слѣды ея пустынной красоты. Не далеко еще малая церковь Вознесенія Христова, которое изображено на горнемъ мѣстѣ. Вѣроятно много такихъ церквей, можно бы еще обрѣсти вдоль того же гребня горы, если бы была возможность продолжать наше воздушное странствіе надъ пропастью; но мы принуждены были его оставить и подняться на вершину горы.—

Тамъ стояли стѣны малой церкви Воскресенія, которая обличила столько жертвъ Шахъ-Аббасу, во время ихъ пасхальнаго хожденія кругомъ святилища. Мнѣ показалось, что она была построена по образцу святаго гроба Іерусалимскаго, и потому быть можетъ служила для такого хода. Нѣсколько въ сторонѣ, на самой крайней высотѣ горняго кряжа, груда обломковъ указывала мѣсто еще одной церкви, уже девятой по моему счету, во имя святаго Пророка Иліи. — Такое выспреннее мѣсто было какъ бы нарочно создано для взятія на небо земныхъ Ангеловъ, ему подобныхъ.

Мы остановились на вершинѣ горы, и долго смотрѣли на окружавшую насъ пустыню Гареджійскую, каменистую, безводную, прорытую ущельями, которой дальняя Кура, служила только для возбужденія а не для утоленія жажды. Нельзя было найти болѣе жестокаго уединенія для подвиговъ иноческихъ и это мѣсто избралъ Св. Давидъ, когда оставивъ блаженнаго учителя своего Іоанна погрузился въ пу-

стыню; самое наименованіе Гареджійскаго, уже знаменуетъ любителя уединенія. Трогательно описаніе отшельнической его жизни и смиреніе съ какимъ проходилъ свой подвигъ. Одинъ только Лукіанъ былъ спутникомъ блаженнаго Аввы, когда поселились они въ разсѣлинахъ скалы, надъ мѣстомъ нынѣшней ихъ обители, тамъ гдѣ струится теперь источникъ, испрошенный слезами Давида. Немного дождевыхъ каплей, скопившихся въ камнѣ, рѣшили для нихъ выборъ пустыннаго жилища. Какъ мало нужно для чистаго сердца, чтобы прочесть волю Божію, ясно отражающуюся въ такомъ зеркалѣ! «Братъ Лукіанъ, сказалъ Авва ученику своему, видишь ли это прекрасное и безмятежное мѣсто? водворимся здѣсь на непрестанную молитву, чтобы сподобиться намъ оставленія грѣховъ, и Богъ милосердый ниспошлетъ намъ благодатную силу, для укрѣпленія немощей нашихъ.» Но вѣра Лукіана оскудѣвала, видя, что самые корни травъ, которыя служили имъ скудною пищею, начинали сохнуть отъ нестерпимыхъ жаровъ и пере-

сыхала самая вода. «Въ терпѣніи стяжите души ваши, говорилъ ему Давидъ словами Св. писанія. Для чего заботишься ты столько о временной пищѣ, когда всѣ наши мысли должны быть устремлены ко благамъ вѣчнымъ, и неужели Господь, одѣвающій крины сельные порфирою Соломона, не озаботится о словесныхъ своихъ твореніяхъ?»

При сихъ словахъ явились внезапно изъ пустыни три самки олѣней, съ своими дѣтьми, и стали предъ отшельниками, предлагая имъ обильное млеко сосцевъ; насытились убогіе сею благотворною пищею и восхвалили Бога. Съ тѣхъ поръ, по благословенію Господа, посылавшаго пищу чрезъ вороновъ Пророку своему Иліи, отшельники Гареджійскіе были постоянно посѣщаемы сими мирными животными, исключая дней постныхъ, потому что тогда возлагали на себя подвигъ совершеннаго воздержанія. Искушенія отъ врага душъ человѣческихъ, испытанныя всѣми любителями уединенія, не чужды были и великому аввѣ Давиду. Въ пещерѣ, подъ тою самою скалою, гдѣ поселился онъ съ своимъ уче-

никомъ, гнѣздился страшный драконъ и жертвою его сдѣлался одинъ изъ молодыхъ оленей. Блаженный Давидъ духомъ прозрѣлъ, какой древній врагъ кроется въ свойственномъ ему образѣ змѣя, и взявъ вмѣсто оружія посохъ, именемъ Божіимъ велѣлъ ему оставить пустыню, для жительства благочестивыхъ отшельниковъ. Голосомъ человѣческимъ, отвѣчалъ ему, обличенный демонъ, прося себѣ пощады и съ трескомъ разсѣкая камни бѣжалъ укрыться въ воды Куры, но прежде нежели достигъ рѣки, уже истребленъ былъ небеснымъ огнемъ. Ангелъ, явившійся святому, который даже сожалѣлъ о погибели врага, внушилъ ему идти къ ученику своему Лукіану и возбудить его, потому что онъ лежалъ какъ мертвый отъ страшнаго явленія.

Однажды ловчіе, скитаясь по сей пустынѣ, обрѣли обоихъ пустынниковъ, доящихъ молоко своего дикаго но послушнаго стада, и пораженные страхомъ пали къ ногамъ Давида. Черезъ нихъ разнеслась молва по всей окрестности, о двухъ чудесныхъ отшельникахъ, и къ нимъ начали стекать-

ся любители безмолвія. Напрасно Авва отклонялъ пришельцевъ отъ невыносимыхъ для нихъ подвиговъ; они всѣ рѣшились остаться подъ его духовнымъ руководствомъ; такимъ образомъ, мало по малу, возрасло число пустынной братіи. Опытный старецъ избралъ между ними наставникомъ, инока, уже просіявшаго добродѣтелями по имени Додо, и велѣлъ ему, вмѣстѣ со всею братіею, ископать себѣ келліи на противоположной горѣ, дабы онъ самъ могъ опять предаться любимому своему безмолвію. Это была первая обитель, основанная близь собственной пустыни Св. Давида, гдѣ пребывалъ онъ съ немногими учениками. Вскорѣ и Лукіанъ положилъ начало Натлимцамели, возникла и великая лавра Моцамети, и постепенно расплодились сѣмена иночества въ двѣнадцати окрестныхъ монастыряхъ, еще при жизни великаго Аввы. Онъ самъ, изъ глубины своей пещеры, служилъ для нихъ свѣтильникомъ и покровомъ, и часто, восходя на гору, молитвенно осѣнялъ дальнія и ближнія чада своихъ отеческихъ заботъ, и чада его,

каждый изъ своей пустыни, смотрѣли также на его гору какъ на гору Сіонскую, отколѣ нисходило для нихъ спасеніе молитвами Аввы.

Однажды, когда молился на горѣ старецъ съ распростертыми къ небу руками, прилетѣлъ къ ногамъ его фазанъ, преслѣдуемый ястребомъ, и какъ будто бы просилъ отъ него защиты. Вслѣдъ за нимъ прискакалъ дикій ловчій Бубакаръ, языческій Князь сихъ предѣловъ, и съ негодованіемъ увидѣлъ добычу свою у ногъ святаго, и ястреба, за нею гнавшагося, смиренно сидящимъ въ отдаленіи. «Кто ты?» съ гнѣвомъ спросилъ онъ молитвенника, и услышалъ въ отвѣтъ: «рабъ Господа нашего Іисуса Христа, кающійся здѣсь о грѣхахъ своихъ; ты же оставь птицу, искавшую у меня защиты!» Разгнѣванный язычникъ занесъ руку съ обнаженнымъ мечемъ, она оцѣпенѣла; тогда тронулось страхомъ сердце Бубакара и, падши къ ногамъ святаго, просилъ онъ о прощеніи: вмѣстѣ съ словами прощенія, послѣдовало исцѣленіе, не только для варвара, но и для сына его, болѣ-

шаго ногами въ домѣ родительскомъ, ибо и о немъ слезно умолялъ Бубакаръ, обѣщая принять Св. крещеніе со всемъ своимъ домомъ. «Иди, и по вѣрѣ твоей буди тебѣ» евангельски сказалъ Давидъ язычнику, и тотъ, возвратясь въ домъ, нашелъ сына уже исцѣленнымъ. Съ тремя сыновьями возвратился Бубакаръ на гору Давида и нашедши Авву, между его учениковъ, смиренно просилъ себѣ и своимъ крещенія. Давидъ отослалъ Князя, съ запасомъ принесеннаго имъ хлѣба, въ многолюдную обитель Додо, и велѣлъ идти оттолѣ священнику, окрестить его съ домочадцами. Благодарный Князь самъ пришелъ опять въ пустыню Гареджійскую, и близь пещеры Давидовой, выдолбилъ въ скалѣ обширную церковь, гдѣ теперь почиваютъ мощи Святаго.

По прошествіи многихъ лѣтъ, когда уже совершенно было устроено благосостояніе всѣхъ обителей Гареджійской пустыни, блаженному Давиду пришло на мысль, исполнить давнее желаніе своего сердца и прежде нежели водвориться въ небесномъ

Іерусалимъ, посѣтить земной. Уроженецъ Сиріи, онъ не успѣлъ въ первые годы своихъ подвиговъ, исполнить сего близкаго тогда странствія и зашедши въ дальнюю страну, по слѣдамъ своего великаго учителя Іоанна, съ горестію помышлялъ, что такая великая святыня осталась ему чуждою. Вѣрному сотруднику своему Лукіану, поручилъ онъ собранное имъ стадо, а самъ, съ нѣкоторыми изъ учениковъ, взялся опять за страннической посохъ и пошелъ черезъ Сирскую свою родину, на родину своего Господа и Владыки. Но когда уже достигъ онъ желанной цѣли, когда съ ближайшихъ высотъ открылся ему въ пустынномъ величіи святой градъ, — внезапный ужасъ объялъ святаго старца и глубокое раздумье проникло въ смиренную душу: какъ дерзнетъ онъ, грѣшными стопами, попирать слѣды Богочеловѣка? Ахъ, многимъ ли, или лучше сказать кому изъ насъ, недостойныхъ поклонниковъ, приходила подобная мысль, не смотря на все бремя грѣховное, которымъ были обременены, душевно и тѣлесно!

И что же? блаженный старецъ остановился и, пройдя столь долгій путь, не смѣлъ довершить нѣсколькихъ шаговъ! Учениковъ своихъ, какъ болѣе себя достойныхъ, отпустилъ онъ поклониться святынѣ, умоляя ихъ вознести теплыя молитвы и за грѣшнаго отца ихъ, надъ гробомъ Искупителя; а самъ, простерши къ небу руки и помолившись издали, въ виду храма святаго гроба, взялъ себѣ въ благословеніе только три камня земли обѣтованной, оросилъ ихъ слезами и пошелъ въ обратный дальній свой путь. Но Господь не восхотѣлъ утаить отъ міра такой глубины смиренія своего угодника. Блаженному Иліи, Патріарху Іерусалимскому, [который потомъ скончался въ изгнаніи, за правоту своей вѣры, при невѣрномъ Кесарѣ Анастасіѣ] является во снѣ Ангелъ и говоритъ: «пошли въ погоню за старцемъ, идущимъ по большой дорогѣ въ Сирію; онъ одѣтъ въ рубище, и у него въ страннической сумѣ лежатъ три камня; онъ унесъ собою всю благодать святой земли; и одного камня съ него довольно въ благословеніе, два же

пусть возвратитъ въ Іерусалимъ: старецъ сей избранникъ Божій, авва Давидъ Гареджійскій.» Каковы же были смиреніе и молитва сего Аввы, когда три только камня, поднятые имъ съ земли святой, увлекали съ собою всю ея благодать и въ какое время? когда въ ея безчисленныхъ пустыняхъ процвѣтали такіе великіе Аввы, какъ освященный Савва и Ѳеодосій киновіархъ и молчальникъ Іоаннъ и Киріакъ отшельникъ, и только что смѣжилъ очи великій Евѳимій: ибо это было пятое, самое цвѣтущее столѣтіе иноческой жизни въ Палестинѣ!

Повиновался словамъ Ангела изумленный Патріархъ и послалъ въ погоню за странникомъ; повиновался ему и любитель послушанія Давидъ, и возвратилъ два камня, не постигая самъ цѣны своего благодатнаго смиренія. Но единственный камень, принесенный имъ въ свою пустынь и доселѣ хранящійся на его гробѣ, получилъ отъ него благодатную силу исцѣленій, не оскудѣвающую доколѣ не оскудѣетъ вѣра притекающихъ къ молитвѣ Св. Аввы.

Не много уже дней оставалось созрѣвшему старцу, до его блаженной кончины; онъ посвятилъ ихъ на посѣщеніе братіи, наипаче отшельниковъ въ ихъ уединенныхъ келліяхъ, для послѣдняго назиданія. «Какъ ты спасаешься?» спросилъ онъ одного изъ нихъ. «Твоими святыми молитвами честный отче, отвѣчалъ труженикъ; но эта вода, текущая изъ утеса, и эта зелень, что ростетъ около, такъ горьки, что я невольно чувствую отъ нихъ отвращеніе; однако не позволяю себѣ измѣнять пищи и говорю самъ себѣ: мученія адскія не гораздо ли горше и не лучше ли вкушать горечь временную чтобы не подвергнуться вѣчной?» Утѣшился Авва смиренною рѣчью и сказалъ: «не скорби братъ мой, силенъ Господь Богъ нашъ, измѣнившій въ пустынѣ горечь Мерры въ сладость, усладить и сію горькую воду». Онъ велѣлъ подать себѣ сосудъ съ водою и осѣнивъ его знаменіемъ креста, подалъ брату говоря: «пей, она безвредна,» и дѣйствительно необычайная сладость замѣнила прежнюю горечь источника. Самый часъ кончины предвозвѣщенъ былъ

великому Аввѣ, котораго вся жизнь была постояннымъ къ ней приготовленіемъ. Въ послѣдній разъ собралъ онъ вокругъ себя всѣхъ своихъ учениковъ и наставилъ ихъ душеспасительнымъ словомъ; потомъ еще однажды отслушавъ литургію, пріобщился божественныхъ тайнъ, въ напутіе жизни вѣчной, и на колѣняхъ, простерши къ небу руки, предалъ Господу духъ свой, всегда къ нему паривший. Съ плачемъ погребла его братія, въ церкви изсѣченной Бубакаромъ. Во время погребенія слѣпой инокъ прозрѣлъ отъ прикосновенія къ тѣлу святаго, во свидѣтельство его праведности, и до нынѣ обильныя исцѣленія истекаютъ вѣрующимъ отъ его пустыннаго гроба.

Съ той горы, куда часто восходилъ для молитвы блаженный Авва, указалъ мнѣ Архимандритъ еще двѣ обители, изъ числа двѣнадцати, въ двухъ противуположныхъ сторонахъ. «Видите ли, сказалъ онъ, вдали какъ бы на разстояніи одного часа, по направленію тогоже кряжа горы, на которомъ мы стоимъ, видите ли утесъ, выдавшійся надъ Карайскою степью и на немъ

будто признаки зданій? — Это Бертубани, собственно участокъ иноковъ по значенію слова, одна изъ большихъ обителей сей Өиваиды, не уступающая своими остатками лаврѣ Моцамети. А вотъ гораздо ближе, на той сторонѣ ущелья Гареджійскаго, видны въ скалахъ нѣсколько ярусовъ изсѣченныхъ келлій, и внизу ихъ развалины: — это бывшій общежительный монастырь Додо, позже всѣхъ оставленный иноками. Я помню послѣдняго старца, который сиротѣлъ тамъ постепенно, переживъ всю свою братію, и переселился наконецъ въ ближайшую обитель Св. Давида, ибо уже не могъ долѣе оставаться на гробѣ блаженнаго Аввы Додо. И самый гробъ сей, только въ прошедшемъ году, заваленъ былъ обрушившимся на него утесомъ, такъ что невозможно болѣе подступить къ нему, какъ будто бы угодникъ Божій, хотѣлъ даже утаить отъ насъ, или быть можетъ отъ звѣрей хищныхъ, могилу свою, брошенную нами въ пустынѣ. И такъ, продолжалъ Софроній, вы уже видѣли, вблизи или вдали, пять обителей изъ числа двѣ-

надцати; остальныя слишкомъ далеко разсѣяны, чтобы вамъ можно было посѣтить ихъ въ короткое время. Но спустимся къ общей ихъ матери, въ самую лавру Давидову, на гробъ великаго отца нашего, который и доселѣ охраняетъ, своими молитвами, малый остатокъ нѣкогда многочисленныхъ чадъ своихъ.»

ЛАВРА СВ. ДАВИДА.

Мы стали спускаться, по каменистой тропѣ, въ разсѣлину утесовъ, которая расширяясь мало по малу, образуетъ ущелье Гареджійское. Между голыхъ скалъ начала показываться тощая зелень миндалей и гранадъ, сперва одинокихъ, потомъ болѣе частыхъ, составляющихъ убогій садъ монастыря. Пещера въ полугорѣ, источаетъ родникъ изъ подъ мрачныхъ сводовъ, который поддерживаетъ скудную растительность между утесовъ: этотъ источникъ испрошенъ былъ молитвою Давида и носитъ поэтическое названіе его слезъ, ибо слезы сіи пробили жесткость камней.

Верхняя сторожевая башня, господству-

ющая надъ всею обителію, давно уже видна была на своемъ отдѣльномъ утесѣ, и вотъ на краю сада, спускавшагося уступами, предстала намъ полуобвалившаяся ограда, съ двумя другими башнями. Утомленный труднымъ схожденіемъ я вздохнулъ свободно, когда взошелъ на дворъ монастырскій и сѣлъ на камень между иноками, чтобы собраться съ новыми силами. Тутъ окинулъ я взорами внутренность монастыря, странно расположеннаго на трехъ террасахъ, по скату горы. Верхній дворъ, гдѣ я находился, обнесенъ былъ съ одной стороны скалами, а съ другой оградою, и посреди его возвышалась башня Царя Александра; надъ нимъ грозилась съ утеса сторожевая бойница, и всѣ окрестныя скалы пробиты были келліями, какъ бы гнѣздами птицъ; но главное святилище утаено было отъ взоровъ. Когда я отдохнулъ нѣсколько минутъ, намѣстникъ повелъ меня по темнымъ переходамъ, отчасти изсѣченнымъ въ утесѣ, на нижній дворъ монастыря, обнесенный также оградою, откуда входятъ въ церковь Св. Давида.

Съ глубокимъ благоговѣніемъ взошелъ я въ подземное святилище, созданное усердіемъ обращеннаго Князя Бубакара, и простерся на высокой ступени гробницы блаженнаго Аввы; и эта ступень служитъ также могильною плитою: тутъ погребенъ рядомъ съ нимъ ученикъ его Лукіанъ, сотрудникъ въ подвижнической жизни и преемникъ въ настоятельствѣ лавры. Какъ умилительна такая замогильная близость святыхъ, тѣсно связанныхъ во временной жизни! — Это напомнило мнѣ нашихъ святыхъ, Сергія и Никона Радонежскихъ; но такъ какъ по словамъ евангельскимъ: «нѣсть ученикъ болій учителя,» то и здѣсь смиренный Лукіанъ почиваетъ ступенью ниже великаго отца своего. Большая икона Св. Давида прислоненна къ иконостасу, и еще лежитъ на гробницѣ одинъ изъ трехъ камней, взятыхъ имъ въ святой землѣ, для благословенія новому своему отечеству. Много говоритъ сердцу этотъ простой камень, залогъ необычайнаго смиренія, на этой простой по видимому гробницѣ, гдѣ сокрыты однако два столь великіе подвижника. Она

находится съ правой стороны церкви, гдѣ у насъ обыкновенно поставляютъ раки святыхъ. Самая церковь довольно высока и пространна, но совершенно обнажена, и стѣнная живопись ея забѣлена рукою обновителей; иконостасъ также новый и только однѣ серебренныя лампады свидѣтельствуютъ, какъ и въ Натлисмцемели, о благочестіи послѣдняго Царя Георгія, который питалъ особенную любовь къ сей пустынной обители.

Нѣкогда церковь сія была великолѣпно украшена, знаменитымъ ея настоятелемъ Св. Иларіономъ, который просіялъ иноческими добродѣтелями, въ исходѣ IX вѣка, не только въ предѣлахъ отечества, но и въ Палестинѣ, и въ горахъ Олѵмпа, куда бѣжалъ отъ каѳедры Епископской, и наконецъ въ Солунѣ, гдѣ опочилъ на обратномъ пути изъ Рима. Быть можетъ и самый храмъ посвященъ имъ преображенію, на́ память горы Ѳаворской, ознаменованной для него чудомъ: туда указывалъ ему путь Бедуинъ, котораго обратилъ къ свѣту Христову; варваръ хотѣлъ сперва посягнуть на жизнь святаго, но не-

раженный внезапною болѣзнію, прибѣгнулъ къ его молитвамъ и былъ исцѣленъ, не только тѣлесно но и душевно. По выходѣ изъ церкви мнѣ указали, въ темномъ переходѣ, ведущемъ на верхнюю площадку, углубленіе, въ которомъ хранится цѣлебный черепъ одного изъ древнихъ отшельниковъ, источающій муро, но никто не умѣлъ мнѣ назвать потаеннаго угодника Божія. Верхняя галлерея подъ церковью ведетъ къ единственной келліи, выстроенной а не иасѣченной въ сей чудной обители, и оттолѣ погружаются взоры въ дикое очарованіе пустыни Гареджійской, которая имѣетъ свою особенную прелесть: ибо тутъ какъ будто треснула и разступилась внутренность горъ, чтобы дать образоваться суровому ущелію, съ своенравными очерками его скалъ; онѣ дрогнули и нависли, оцѣпенѣвшія посреди столь страшной бури стихій, которою воспользовались одни только остывшіе ко всякой житейской бурѣ отшельники.

Малая церковь Святителя Николая, которую основалъ поверхъ скалы соборнаго

храма, Царь Кахетинскій инокъ Александръ, замѣчательна только гробницею своего основателя. Не могъ я однако обрѣсти лице сіе въ лѣтописяхъ, но въ одной изъ грамотъ, недавно найденныхъ въ соборѣ Мцхетскомъ, упоминается о Царѣ инокѣ Александрѣ, жившемъ въ половинѣ XV вѣка, и сынѣ его Царѣ Георгіѣ. Съ трудомъ можно разобрать могильную надпись сего царственнаго искателя безмолвія, который два года здѣсь спасался по преданіямъ монастырскимъ, въ тиши пустынной, отъ треволненій мятежной державы. «Во имя Божіе, я Царь Александръ, при«палъ ко гробу преподобнаго Давида и «украсилъ оный любовію какъ нѣкій рай. «да будетъ же мнѣ почіющій въ немъ хо«датаемъ и хранителемъ предъ Господомъ.» Такъ умилительно взываетъ, изъ своего гроба, благочестивый Царь къ прославленному уже въ ликахъ святыхъ отшельнику.

Круглая башня, служившая ему жилищемъ а теперь обращенная въ ризницу, стоитъ посреди верхняго двора монастырскаго. Она довольно изящной архитекту-

ры и сохранила внутри, вмѣстѣ съ рѣзьбою своихъ сводовъ, остатки стѣнной живописи; промежду пещерныхъ келлій Гареджійскихъ, это было по истинѣ царское жилище. — Еще довольно богата ризница, жемчужными облаченіями и золотою утварью крестовъ, иконъ и сосудовъ, не смотря на частыя раззоренія. Ревностные иноки умѣли во время скрывать свои сокровища и вооружались сами противу бродящихъ Лезгинъ, внутри крѣпкой нѣкогда ограды; цѣлый арсеналъ старинныхъ ружей и пищалей свидѣтельствуетъ еще о воинской эпохѣ знаменитаго монастыря сего, разсадника всѣхъ прочихъ, который устоялъ посреди смятеній и удержалъ вмѣстѣ съ собою остатокъ иночества въ предѣлахъ Грузіи.

Любопытно въ той же башнѣ богатое собраніе рукописныхъ книгъ Грузинскихъ, большею частію служебниковъ и патериковъ, а можетъ быть и лѣтописей, но онѣ мнѣ не были доступны, по незнанію языка. Въ скалѣ, нависшей надъ верхнимъ дворомъ монастыря, изсѣчена еще одна пространная церковь Іоанна Богослова, съ

двумя большими трапезами по сторонамъ, которыя служатъ въ нее боковыми входами. Устроеніе церкви приписываютъ настоятелю обители Онуфрію, жившему за шесть сотъ лѣтъ; но какъ больно сердцу, жаждущему помолиться въ храмѣ, видѣть его разрушеніе и еще недавнее. Не болѣе двадцати лѣтъ какъ обрушился сводъ, отъ того только что не отвѣли дождевой струи, которая прососала камень; та же опасность угрожаетъ трапезѣ, гдѣ уже перестали собираться, хотя еще крѣпки ея высокіе своды. Ничтожная издержка, во время не сдѣланная, виною столь великаго разрушенія, которое уже нельзя исправить, ибо можно докласть своды кирпичемъ, но уже это не будетъ имѣть первобытнаго достоинства. Еще стоятъ престолъ и жертвенникъ и самый иконостасъ, временъ Царя Георгія, который похоронилъ здѣсь первую свою супругу Кетевань; все какъ будто готово къ священнодѣйствію, еще недавно совершавшемуся подъ обрушенными нынѣ сводами. Поверхъ иконостаса стоитъ высокій крестъ, и мнѣ разсказывали чудный

случай спасенія отъ сего креста: когда въ минувшемъ столѣтіи Лезгины ворвались въ обитель и умертвили въ ней все что не успѣло укрыться въ ущелья, одинъ послушникъ застигнутый въ сей церкви, не зная куда бѣжать, влѣзъ на иконостасъ и сталъ позади креста, растянувъ руки свои по направленію Господнихъ; и что же? по милости Божіей, никому изъ хищниковъ не пришло на мысль взглянуть на крестъ, ибо не было окладовъ на иконостасѣ, а если можетъ быть и смотрѣли, то въ сумракѣ церкви приняли человѣка за изваяніе, и такимъ образомъ распятый Господь спасъ даже чувственно сораспятаго съ нимъ.

Есть еще двѣ малыя церкви, Успенія и мученицы Марины, изсѣченныя въ скалахъ весьма недавно уже внѣ ограды; надъ одною изъ нихъ трудился іеродіаконъ Іустинъ, въ исходѣ минувшаго столѣтія; подлѣ другой живетъ ея ископатель іеромонахъ Геронтій; но не смотря на сіи частные подвиги и на благочестіе настоятеля, Архимандрита Іоанна, нельзя назвать цвѣтущимъ состояніе обители. Число братіи

скудно, средствъ мало, нѣтъ даже общей трапезы, ибо хотя довольно имѣній и виноградниковъ приписаны къ обители, но оклады ея весьма ограничены. Надобно присоединить къ тому всеобщій упадокъ иночества въ Грузіи, гдѣ уже мало именитыхъ старцевъ, доживаютъ вѣкъ свой въ тиши келейной, и не встрѣчаешь болѣе княжескихъ родовъ между молодыми иноками. Возстанетъ ли еще Давидъ Гареджійскій, или кто либо изъ Сирскихъ его сподвижниковъ, чтобы обновить ихъ Ѳиваиду!

Съ стѣсненнымъ сердцемъ оставилъ я пустыню Гареджійскую, какъ будто бы тогда только разсѣялось для меня вечернее очарованіе Натлисмцемели: но сія чудная обитель, поставленная на передовой стражѣ ущелія, которое напоминало Палестину, обѣщала мнѣ цѣлый міръ иноческій, а не скудные его остатки! Архимандритъ Софроній проводилъ насъ, по трудному спуску, въ изсохшее русло потока Гареджійскаго, и тамъ, гдѣ раздѣля-

лись пути наши, поѣхалъ въ свою пустынную обитель. Намѣстникъ отъ Св. Давида вызвался провожать насъ до большой дороги Сигнахской, и мы рады были такому спутнику, потому что только съ большею опытностію можно было угадывать едва начертанные слѣды арбъ, по горамъ и полянамъ. Съ правой стороны осталась довольно близко обитель Додо; но сколько ни влекло меня туда сердце, на обвалившійся гробъ ея основателя, позднее время не позволяло медлить. Ночь, хотя и лунная но пасмурная, застигла насъ въ пустыхъ мѣстахъ, гдѣ паслись около малаго озера стада Татарскія. Пріятно было услышать опять стукъ колесъ, на большой дорогѣ, и встрѣтить жизненное движеніе вьюковъ и обозовъ.

Мы переѣхали въ бродъ быструю рѣку Іору, раздѣленную на нѣсколько рукавовъ, которые всѣ обращаются весною въ одинъ шумный потокъ, задерживающій по нѣскольку дней путешественниковъ. Одна переправа тогда только возможна: это арба, запряженная парою сильныхъ буйво-

ловъ, которые плывутъ наискось поперегъ потока, иногда уносимые его стремленіемъ, не смотря на свою силу и искуство плавать. Иногда опрокидывается самая арба, и тогда уже нѣтъ спасенія отважнымъ путешественникамъ, посреди водоворотовъ бурной рѣки. Такого рода затрудненія представляютъ весною, всѣ даже ничтожные ручьи Грузіи, бурно стремящіеся отъ подножія снѣжнаго Кавказа.

Ночное время воспрепятствовало намъ отклониться въ сторону, за десять верстъ отъ станціи Муганлы, чтобы видѣть остатки знаменитаго храма упраздненной эпархіи Нинацминдской; онъ былъ перестроенъ въ V вѣкѣ, изъ языческаго капища, и сохранилъ древнюю странную свою форму; куполъ его обрушился весьма недавно. Только на разсвѣтѣ достигли мы Сигнаха, сей выспренней крѣпости Царя Ираклія, гдѣ въ обширной оградѣ укрывалось отъ набѣговъ Лезгинскихъ все окрестное населеніе, вмѣстѣ съ своими стадами. Очаровательный и пространный видъ открылся намъ въ глубокую долину

Алазанскую, усѣянную виноградниками, цвѣтущій садъ Кахетіи, и на длинную цѣпь Кавказа, которая подымалась разноцвѣтными уступами все выше и выше, доколѣ снѣжныя вершины не сроднились съ облаками. Утренній туманъ, отлетая постепенно разоблачилъ предъ нами сію восхитительную картину, и самый нѣжный румянецъ денницы окрашивалъ верхи рдѣющихъ горъ, въ ожиданіи свѣтлаго исполина, исходящаго, по выраженіи псалма, отъ края небеси и радующагося тещи путь.

СИГНАХЪ, ОБИТЕЛЬ СВ. НИНЫ.

Не мѣстность Сигнаха привлекала меня своею красотою, но величайшая святыня Иверіи, обрѣтающаяся по его сосѣдству, только въ двухъ верстахъ отъ города, подъ сѣнію древней митрополіи Бодбійской : гробница равноапостольной просвѣтительницы Грузіи Св. Нины! — Кто не слыхалъ о Апостольскихъ подвигахъ сей блаженной дѣвы? кому изъ сыновъ обращенной ею страны, неизвѣстенъ каждый священный шагъ ея? и отголосокъ Ангельской ея жизни не перешелъ ли за снѣж-

бный хребетъ Кавказа, не распространился ли по всей необъятной державѣ, съ которою слилась единовѣрная ей земля, просвѣщенная Ниною? Но слово о ней утѣшительно для самаго повѣствующаго, какъ мы любимъ произносить и повторять имена близкія нашему сердцу. — Сколько святыни сопряжено съ начатками Нины, со всемъ что только окружало ея младенческіе годы! Она, по отцу своему Завулону, ближайшая родственница великомученику Георгію, и сама роднитъ его съ Грузіею и дѣлаетъ его ближайшимъ покровителемъ новой своей родины; Св. Георгій, вмѣстѣ съ именемъ, сообщаетъ даже воинскую свою доблесть и мученическія свойства цѣлому народу, который призванъ ко Христу блаженною Ниной. Она, по матери Сусаннѣ, племянница Патріарху Іерусалимскому и, воспитанная при святомъ гробѣ Искупителя, проникается духомъ вѣры, приноситъ въ дальнюю страну благословеніе Св. земли, вмѣстѣ съ незыблемымъ православіемъ, которое немогли потрясти бури воинскія и нашествія варваровъ.

Наконецъ, по горнему избранію, смиренной дѣвѣ Іерусалимской предназначено быть просвѣтительницею самаго мужественнаго изъ народовъ, прислоненныхъ къ подножію Кавказа, и кто же посылаетъ ее на сію высокую проповѣдь? Пречистая Дѣва, также Іерусалимская, которой, какъ гласитъ преданіе мѣстное, выпала жребіемъ дальняя Иверія! Матерь Божія вручаетъ Нинѣ, въ сонномъ видѣніи, крестъ изъ виноградныхъ лозъ, который связываетъ Нина собственными власами, и съ такимъ крестомъ идетъ она разсѣять мракъ язычества въ странѣ ей невѣдомой. На пути является ей самъ Господь, также въ ночномъ видѣніи, и укрѣпляетъ унывающій духъ ея, какъ нѣкогда Павловъ неоднократнымъ ему явленіемъ, ибо и она идетъ на тотъ же подвигъ апостольства; Нина обрѣтаетъ въ рукахъ своихъ чудный свитокъ, исписанный изреченіями евангельскими, во главѣ коихъ начертано: «Аминь глаголю вамъ, идѣ же аще проповѣдано будетъ евангеліе сіе во всемъ мірѣ, речется и еже сотвори сія, въ

память ея. Шедше убо научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа, и се азъ съ вами есмь во вся дни, до скончанія вѣка: аминь.» (Матѳ. XXVI, 13. XXVIII 19, 20).

Есть избранники Божіи, свыше предназначенные для извѣстной эпохи или страны, и увлекаемые тайнымъ безотчетнымъ чувствомъ, къ исполненію своей высокой цѣли: такова была блаженная Нина! — Еще съ дѣтскаго возраста, любила она внимать въ Іерусалимѣ о дальней Иверіи, отъ нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ вѣрою Евреевъ, родственники коихъ обитали въ Мцхетѣ. Ее озаботила участь хитона Господня, который достался въ удѣлъ одному изъ сихъ поселенцевъ и былъ унесенъ имъ въ свою страну. Явленіе Богоматери, указавшей Нинѣ высокое поприще, напутствіе Патріарха, благословившаго ее на трудный подвигъ, разогрѣли только въ ея сердцѣ давно горѣвшую въ немъ искру. Съ одною именитою женою, которая приходила искать Христіанства въ Іерусалимѣ, достигла она Ефеса; оттолѣ, вмѣстѣ съ

царевною Рипсимою и ея пятидесятью подругами, бѣжавшими отъ гоненій Діоклитіановыхъ, удалилась она въ предѣлы Арменіи, но тамъ едва не сдѣлалась жертвою ярости Царя Тиридата, который умертвилъ всѣхъ ея спутницъ. Провидѣніе Божіе соблюдало Нину для спасенія Иверіи, и вотъ она является въ странѣ ей чуждой, на истокахъ невѣдомой рѣки, около Хертвиса, и слѣдуетъ по теченію Куры въ землю ей обѣтованную. Встрѣтившіеся настухи говорятъ пришелицѣ Палестинской, что есть Евреи, живущіе въ главномъ городѣ страны сей, и туда направляется Нина, потому что ей близко по душѣ все Іерусалимское и тамъ она можетъ узнать что либо о хитонѣ Господнемъ.

Отдохнувъ нѣсколько дней въ селеніи Урбнисѣ, она послѣдовала толпѣ народной, стремившейся въ Мцхетъ, на торжество бога своего Армаза. На Римскомъ мосту встрѣчается ей торжественный поѣздъ Царя и Царицы, шедшихъ въ гору для поклоненія идолу; проникнутая горькимъ соболѣзнованіемъ о ихъ языче-

ской слѣпотѣ, Нина увлечена волною народною къ требищу идольскому. — Гордо стоялъ исполинскій кумиръ Армаза, весь горящій золотомъ, и по сторонамъ его два другіе, убійственные для дерзавшихъ подступать къ нимъ безъ воли жрецовъ. Прогласились трубы, воскурился ѳиміамъ, потекла кровь жертвъ: Царь Миріанъ, со всемъ народомъ простерся ницъ предъ истуканомъ; одна только чуждая дѣва не преклонила колѣна: она помолилась Богу истинному, о истребленіи боговъ ложныхъ, и внезапно, среди яснаго дня, зашумѣла страшная буря съ молніями и громами; одна изъ небесныхъ стрѣлъ сокрушила кумиры и разсыпала около нихъ требище: въ ужасѣ бѣжали царь и жрецы и народъ; осталась на развалинахъ одна сокрушившая ихъ Нина и спокойно смотрѣла на возникшую и утихшую около нее бурю стихій. Это былъ день преображенія Господня, когда истинный свѣтъ, возсіявшій на Ѳаворѣ, впервые преобразилъ, на горахъ Иверскихъ, тьму язычества, въ свѣтъ Христовъ. На другой день одинъ изъ вель-

можъ царскихъ, увидя одинокую страницу на страшномъ пепелищѣ, пригласилъ ее въ домъ свой, но не послѣдовала за нимъ Нина; она пошла своимъ путемъ въ столицу и остановилась сперва при стеченіи Куры и Арагвы, на томъ мысу, гдѣ теперь развалины церкви Ѳаворской, а потомъ, по приглашенію одной благочестивой жены Анастасіи, переселилась въ виноградники царскіе, гдѣ нынѣ указывается ея келлія при обители Самтаврской.

Отселѣ начинается свѣтлый рядъ ея молитвенныхъ подвиговъ и чудесъ. Прежде всего испрашиваетъ она у Бога чадородіе безплодной дотолѣ четѣ, ее призрѣвшей; потомъ исцѣляетъ умирающаго младенца убогой жены, возложивъ его на лиственный одръ свой и осѣнивъ чудотворнымъ крестомъ изъ виноградныхъ лозъ. Сама она живетъ подъ кущею, въ саду царскомъ, и ходитъ по ночамъ молиться на оставленный ею мысъ: тамъ возвышается кедръ Ливанскій, источающій знаменія, ибо подъ нимъ сокрыто желанное ею сокровище, нетлѣнный хитонъ Госпо-

день. Нинѣ открылъ это одинъ изъ Евреевъ Мцхетскихъ, сдѣлавшійся самъ ученикомъ ея, потомокъ того, кто нѣкогда принесъ святыню сію изъ Іерусалима. Подъ сѣнію кедра видитъ Нина небесное видѣніе, знаменующее будущую славу мѣста, слышитъ голоса Ангельскіе, и беретъ оттолѣ землю для исцѣленій. Занемогаетъ сама Царица, супруга Миріана, и услышавъ о чудной странницѣ, проситъ ее въ царскія палаты къ болѣзненному одру своему; но смиренная Нина испытуетъ вѣру и смиреніе Царицы; она зоветъ ее подъ свою убогую кущу, на лиственное ложе, многимъ уже источившее исцѣленіе, и повинуется Царица: болящую приносятъ, здравою она отходитъ, исцѣленная не только тѣломъ но и душею, ибо она уже вѣруетъ во Христа и исповѣдуетъ его предъ супругомъ.

Колеблется Царь, но не легко свергнуть съ себя узы обольстителя душъ. Еще одинъ случай прославляетъ Нину: ближайшій родственникъ Царя Персовъ, изъ дома Сассанидовъ, которому принадлежалъ и

самъ Миріанъ, будучи въ гостяхъ у него заболѣлъ смертною болѣзнію; испуганный отвѣтственностію предъ владыкою Персовъ, Царь посылаетъ умолять Нину, о исцѣленіи вельможи, и получаетъ въ отвѣтъ тотъ же зовъ болящаго въ убогую кущу. Царедворецъ возвращается исцѣленнымъ и обращеннымъ къ вѣрѣ Христовой, по примѣру Царицы. Тогда возгорѣлся гнѣвъ Миріана противъ ревностной проповѣдницы, ибо не зналъ онъ какой дать отвѣтъ Царю огнепоклоннику, за обращеніе его ближайшаго родственника. Не внимая мольбамъ Царицы, смертію грозилъ онъ Нинѣ, и волнуемый внутреннею борьбою хотѣлъ разсѣять себя охотою въ сосѣднихъ горахъ. Тамъ опять настигла его иная чудная буря, подобная первой, обрушившей кумиръ Армаза: не хотѣвшій воззрѣть къ истинному свѣту, ослѣпъ онъ чувственно, подобно Павлу, но кратко было ослѣпленіе Царя; онъ почувствовалъ надъ нобою руку Божію, онъ воззвалъ къ Богу Нины и, давши обѣтъ Христіанства, мгновенно прозрѣлъ. Царь, бывшій язычникъ, возвраща-

ется въ свою столицу Христіаниномъ и даже проповѣдникомъ вѣры, нѣкогда имъ гонимой.

Какова была радость блаженной Нины! пламенное желаніе ея дѣтскаго возраста сбылось, дальняя цѣль труднаго странствія достигнута, апостольскій ея подвигъ и воля Пославшаго исполнены! — Остается только довершить начатое, руководить неопытныхъ но уже вѣрующихъ. Она сама указываетъ Царю таинственный кедръ, прославленный многими знаменіями, для сооруженія тутъ соборнаго храма, и новыя чудеса освящаютъ мѣсто гдѣ хранится Господній хитонъ. Благодарный Миріанъ хочетъ соорудить церковь и подлѣ той убогой кущи, отколѣ притекло къ нему спасеніе посредствомъ исцѣленій Нины. Время его обращенія есть вмѣстѣ и свѣтлая эпоха просвѣщенія сосѣдняго ему Тиридата Царя Арменіи и великаго Императора Константина. Въ новой столицѣ Римской Царьградѣ ярко горитъ свѣтильникъ вѣры. Туда посылаетъ властитель Иверіи, проситъ себѣ духовныхъ пастырей, и обра-

дованный Константинъ посылаетъ ему Патріарха Антіохійскаго Евстаѳія, для крещенія страны, которая оттолѣ должна принадлежать церковной области Антіохійской. Патріархъ приноситъ въ благословеніе Царю, часть честнаго древа, недавно обрѣтеннаго Св. Еленою и образъ Пречистой Дѣвы, въ залогъ вѣчнаго ея предстательства, о странѣ просвѣщенной ея заботами. Онъ поставляетъ первымъ Епископомъ Иверіи Іоанна и устрояетъ весь порядокъ церковный, дабы на прочныхъ основахъ православія утвердилась сія новая отрасль Церкви Вселенской.

Но виновница спасенія новаго своего отечества, боится почестей, которыми осыпаютъ ее Царь и народъ; она удаляется въ гору, на противоположный берегъ Арагвы, и тамъ молитвенными слезами источаетъ себѣ воду изъ камня. Небесный свѣтъ, въ видѣ огненныхъ лучей, исходившихъ отъ мѣста, гдѣ таился хитонъ Господень, озарилъ, предъ глазами Епископа Іоанна, убѣжище Св. Нины. Святитель вырѣзалъ четыре креста, изъ

срубленнаго надъ хитономъ кедра, и поставилъ одинъ на вершинѣ сей, а другой на тѣхъ высотахъ, гдѣ обратился къ Богу истинному Миріанъ. Еще два предназначены имъ были для просвѣщенія Кахетіи, въ Уджарму, на берега Іоры, удѣлъ сына царскаго Рева и дочери Тиридата Армянскаго Саломіи, и въ Бодби, владѣніе Кахетинской Царицы Софіи, которую пошла обращать сама ревностная Нина; тамъ былъ назначенъ предѣлъ ея труженической жизни.

Чувствуя приближеніе давно желанной кончины, блаженная пригласила къ себѣ писменно Царя Миріана и Епископа Іоанна; весь царскій домъ и священный клиръ устремились на зовъ умирающей. Обрадовалась святая Нина пришествію близкихъ ей по сердцу и сказала плачущимъ еще нѣсколько глаголовъ вѣчной жизни; потомъ пріобщилась въ послѣдній разъ спасительнаго таинства и простершись на убогомъ одрѣ своемъ, какъ воинъ на поприщѣ своей славы, отошла съ миромъ къ Господу, послѣ тридцатипятилѣтняго апостольскаго подвига. День ея кончины былъ

днемъ отданія праздника Богоявленія и такъ доселѣ празднуется ея память, въ непрестанное напоминовеніе благодатнаго крещенія Господа нашего, котораго плоды распростерла она на всю Иверію. Напрасно Царь и Епископъ, сокрушаясь, о потерѣ такого сокровища, хотѣли по крайней мѣрѣ перенести ея останки въ соборную церковь Мцхета, къ тому мѣсту, гдѣ такъ часто любила она молиться надъ хитономъ. Никакая человѣческая сила не могла сдвинуть изсохшаго тѣла подвижницы, съ избраннаго мѣста упокоенія. Довольно было сдѣлано ею для предѣловъ Карталиніи, гдѣ оставались священнымъ залогомъ ея мирная куща и обрѣтенное мѣсто хитона. Она хотѣла, нетлѣніемъ мощей своихъ, утвердить въ вѣрѣ вновь обращенную ею страну Кахетинскую и дѣйствительно около ея гроба, сосредоточился свѣтъ Христіанства на всѣ будущіе вѣка. Царь Миріанъ соорудилъ тутъ первую церковь, во имя родственнаго Нинѣ Великомученика Георгія, и положилъ въ придѣлѣ оной святую проповѣдницу. Въ послѣдствіи при сей погребальной цер-

кви, учредилась митрополія Бодбійская, старшая во всей Кахетіи, отколѣ распространилась проповѣдь евангельская и даже проникла въ сердце Кавказа. Житіе св. Нины, извлеченное мною изъ синаксаровъ Грузинскихъ, описано было вкратцѣ почти современнымъ ей историкомъ западнымъ Руфиномъ, который слышалъ о ней въ Іерусалимѣ, отъ Грузинскаго Царевича Бакура сына Миріанова, и такое свидѣтельство лѣтописи примѣчательно; но Руфинъ, неизвѣстно почему, называлъ ее плѣнницей Ноннюю. (кн. 1. глав. 10).

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Сигнахъ, я поспѣшилъ въ уединенную обитель Св. Нины, гдѣ уже пятнадцать столѣтій почиваетъ она послѣ мирныхъ своихъ подвиговъ. Нельзя было избрать очаровательнѣе сего мѣста для усыпальницы блаженной дѣвы: это высокая площадка между горъ, всегда роскошная своею зеленью и осѣненная развѣсистыми чинарами, какимъ я не видалъ нигдѣ подобныхъ. Чудные виды открываются отселѣ во всю долину Алазани и на сумрачное чело Кавказа, снѣжными ус-

тупами восходящаго къ небу. Здѣсь все дышетъ какою то райскою отрадой, въ мирномъ уголкѣ, который обрѣла себѣ Нина, чтобы съ вершины сего горнаго оазиса благословлять и по смерти просвѣщенную ею страну. Самая церковь, гдѣ она покоится, ей современная, вполнѣ соотвѣтствуетъ священному залогу, который въ себѣ хранитъ, ибо доселѣ отзывается она смиреніемъ первыхъ вѣковъ Христіанства Грузіи. Зодчество ея весьма просто и не велики размѣры; скромный куполъ надстроенъ недавно; западный притворъ украшенъ разноцвѣтными кирпичами, что придаетъ ему особенный характеръ; со всѣхъ сторонъ изваяны снаружи кресты, обычное украшеніе храмовъ Грузинскихъ, и на одномъ камнѣ южнаго входа начертано: «я Георгій возобновилъ;» — но кто этотъ Георгій, обновитель зданія Миріанова? вѣроятно свѣтлый Царь Грузіи Георгій VI, возставшій послѣ разореній Монгольскихъ.

Внутри храма таже скромность и простота: шесть четвероугольныхъ столбовъ поддерживаютъ своды; стѣны расписаны

недавно ликами всѣхъ угодниковъ Церкви Грузинской, которые прилично соединились около виновницы спасенія ихъ родины. На иконостасѣ, между храмовыми иконами, есть одна святой Нины на колѣняхъ, пріемлющей отъ Богоматери виноградный крестъ для спасенія Иверіи, но къ сожалѣнію всѣ иконы уже новыя. На три части раздѣленъ алтарь: главный престолъ его празднуетъ Великомученику, но та часть олтаря, что противолежитъ жертвеннику, обращена въ малый придѣлъ, посвященный блаженной племянницѣ святаго Георгія. По древнему устройству и тѣснотѣ сего придѣла, престолъ и жертвенникъ соединены на одномъ камнѣ, прислоненномъ къ восточной стѣнѣ, а во всю длину придѣла и въ полширины его, лежитъ одна гробовая плита, осѣненная шитымъ покровомъ: это мирное ложе просвѣтительницы, основный камень всей Иверіи. Есть особенная сладость въ посѣщеніи такой святыни; тутъ какъ будто бы ближе душа къ священному предмету странствія, и черпается неизъяснимая радость съ гробоваго

камня, какъ бы источающаго живыя струи. Святая изображена на мертвенномъ покровѣ, уже въ старческомъ возрастѣ, но съ обиліемъ жизни, пролитой ею на всю Иверію: крестъ и евангеліе въ рукахъ ея, выходятъ изъ подъ покрывала, спущеннаго на дѣвственное чело. О блаженная подвижница, достойная вполнѣ Великомученика, который напечатлѣнъ въ сердцѣ Русскаго орла! осѣни своимъ мирнымъ покровомъ, и ту необъятную державу, проникнутую его воинскимъ духомъ, къ дальнему рубежу коей приникла твоя новая родина, слитая съ него во едино, вѣрою проповѣданнаго тобою Христа!

Мнѣ хотѣлось помолиться надъ мощами почивающей подъ спудомъ угодницы Божіей, и не разлучить ее въ молитвахъ съ другимъ великимъ угодникомъ земли Русской, память коего совершалась въ тотъ день: ибо преподобный Сергій, положилъ столь же твердую основу благочестія въ своей родинѣ, какъ и блаженная Нина въ Иверіи. Я просилъ настоятеля Бодбійскаго, Архимандрита Діонисія, отслужить моле-

бень вмѣстѣ преподобному Сергію и равноапостольной Нинѣ, внутри гробоваго придѣла, и хотя не разумѣлъ словъ молитвенныхъ, утѣшался однако слышаніемъ, посреди чуждыхъ звуковъ, родственныхъ именъ Сергія и Нины, олицетворявшихъ для меня духовный союзъ Россіи и Грузіи. Какъ умилительны тропарь и кондакъ равноапостольной, излившіеся изъ благодарнаго сердца, одного изъ спасенныхъ ею сыновъ; они переложены на родное наше нарѣчіе, дабы и мы воспѣвали ей достойныя хвалы.

«Вѣстницу Христомъ избранную, проповѣдницу слова Божія, благовѣстницу жизни, наставницу народа Иверіи на пути правомъ, Матери Божіей собственную ученицу Нину, восхвалимъ нынѣ всѣ пѣніемъ божественнымъ, яко теплую молитвенницу, и хранительницу неотступную.»

«Слова Божія служительнице и воинственнице, во Апостольской проповѣди святаго Андрея преуспѣвшая просвѣтительнице Иверіи и Духа Святаго цѣвнице, святая Ни-

но, моли Христа Бога спастися душамъ нашимъ.»

Конечно многіе изъ древнихъ именитыхъ усопшихъ погребены были подъ сѣнію святой Нины, но время стерло ихъ надписи и даже сгладило могильные камни; есть однако и новые пришельцы ея обители: это дочь великаго Ираклія царевна Елена, и бывшій ему сподвижникомъ, въ битвѣ противъ Лезгинъ, Митрополитъ Бодбійскій Кириллъ, который утонулъ въ Алазани въ 1792 году, и славный воитель нашъ Генералъ Гуляковъ, героемъ падшій въ Закаталахъ въ 1804 году, на самомъ поприщѣ побѣды своей противъ горскихъ хищниковъ. Тутъ и первый Русскій Экзархъ Грузіи Ѳеофилактъ, скоропостижно скончавшійся въ Бодбійскомъ монастырѣ, при посѣщеніи имъ новой своей паствы въ 1821 году. Послѣдній именитый усопшій и пастырь, которымъ оканчивается долгій рядъ святителей Бодбійскихъ, не прерывавшійся отъ временъ Св. Нины, Митрополитъ, Іоаннъ совершилъ весьма недавно, въ 1837 году, почти столѣтнее житейское свое по-

прище; память его доселѣ осыпается благословеніями всей Кахетіи. Будучи самъ рода княжескаго, онъ посвятилъ себя отъ юнаго возраста иночеству въ пустынной обители Натлисмцемели. Пятьдесять лѣтъ продолжалось его святительство во времена весьма смутныя, Царей Ираклія и Георгія. И правительству Русскому оказалъ свое усердіе старецъ, когда возмущена была Кахетія царевичемъ Александромъ, ибо съ крестомъ въ рукахъ явился онъ, въ ущеліи Сигнахскомъ и принудилъ мятежниковъ открыть свободный выходъ войскамъ. Къ нему въ келлію предсталъ внезапно самъ виновникъ смятенія Александръ: Митрополитъ принялъ его какъ царскаго сына, но увѣщевалъ пастырски положить оружіе. Вліяніе благочестиваго старца, простиралось не только на одну Кахетію, но и на все предгоріе Кавказа. Жители его, бывшіе прежде Христіанами въ предѣлахъ Елисуйскихъ, тайно къ нему приходили и принимали у себя на пасхѣ, посылаемыхъ имъ священниковъ, которые пользовались симъ случаемъ, чтобы крестить язычниковъ и

совершать Христіанскія требы между обращенными; со смертію Митрополита упразднилась это благодѣтельное вліяніе.

Пламенно желалъ онъ видѣть державнаго Посѣтителя, обозрѣвавшаго свои дальніе предѣлы въ 1837 году, но не было суждено старцу сіе послѣднее земное утѣшеніе: онъ скончался за нѣсколько мѣсяцевъ до Царскаго пріѣзда. Сельскій доминъ его еще стоитъ при церкви Св. Нины, какъ бы ожидая ему преемника. Теперь живетъ тамъ Архимандритъ Діонисій, бывшій еще при его жизни распорядителемъ церковныхъ имуществъ въ сей части Кахетіи. Обитель женская существовала въ началѣ, при храмѣ Просвѣтительницы, когда еще древняя митрополія Бодбійская находилась недалеко отсюда: въ лѣсистомъ ущеліи, доселѣ видны ея развалины, съ стѣнною живописью и мраморными украшеніями. Скоро почувствовали необходимость имѣть Епископа при самомъ гробѣ равноапостольной, какъ въ центральномъ мѣстѣ, 'отколѣ проливалось просвѣщеніе духовное на всю Кахетію и за Алазань, по

большому стеченію богомольцевъ; каѳедра Митрополитовъ Бодбійскихъ, много содѣйствовала къ развитію Христіанства.

Есть еще довольно древнія утвари и рукописи въ ризницѣ: между ними особенно замѣчателенъ драгоцѣнный крестъ, носимый предъ Архіереями и часть мощей, святаго Архидіакона Стефана, принесенная по мѣстному преданію, однимъ изъ тринадцати отцовъ Сирскихъ, Стефаномъ, который почиваетъ недалеко отъ Св. Нины, въ созданной имъ обители Хирской. Житіе блаженнаго отца сего не сохранилось въ минеяхъ; одно то извѣстно, что онъ пришелъ вмѣстѣ съ прочими учениками Св. Іоанна, и когда Авва разослалъ ихъ для охраненія Христіанства между язычниками, въ предѣлахъ Грузіи, Стефанъ избралъ себѣ сію крайнюю грань населенія Кахетинскаго. Тутъ расширяется на восемьдесять верстъ долина Алазанская, отъ горъ Сигнахскихъ до подножія Кавказа, а далѣе къ востоку лежитъ поле Ширакское, гдѣ сливается съ рѣкою Іорою Алазань и стремится настигнуть Куру, на

пути ея къ морю Каспiйскому. Живописное ущелье Бодбiйское, покрытое лѣсомъ, оживленное селенiями и ручьями, ведетъ отъ горной обители Св. Нины къ монастырю Хирскому, который лежитъ на скатѣ послѣднихъ холмовъ предъ самою равниною. Архимандритъ Дiонисiй, также рода княжескаго, не уступилъ въ привѣтливости настоятелю Натлисмцемели и проводилъ насъ верхомъ до монастыря.

Изъ устья овраговъ открылась намъ высокая церковь Хирская, обнесенная оградою, которая теперь уже въ упадкѣ, потому что не предстоитъ опасности отъ враговъ; но Царь Кахетинскiй Леонъ принужденъ былъ соорудить ея башни и стѣны, отъ безпрестанныхъ нападенiй Лезгинъ Бѣлоканскихъ, и здѣсь было всегда сборное мѣсто послѣдняго воителя Царя Ираклiя, противъ хищниковъ, такъ какъ отсюда открывается вся равнина до горнаго жилья ихъ за Алазанью. Такъ постоянна была опасность, даже внутри ограды, что закладены были единственныя врата церкви и братiя входила въ нее по лѣстницѣ, приставляемой къ верхнему окну.

Непрестанныя междоусобія Царей Карталинскихъ и Кахетинскихъ навлекали полчища Лезгиновъ на ихъ царства, ибо, принимаемые сперва въ качествѣ союзниковъ, они изучили всѣ внутреннія стези Кахетіи и, при малѣйшемъ ея ослабленіи, тысячами нападали изъ своихъ горъ, а малыя ихъ шайки постепенно бродили по ущеліямъ. Славная битва, стоившая жизни побѣдителю Гулякову, остановила дерзость хищниковъ, и крѣпость выстроенная въ Закаталахъ, держитъ ихъ въ страхѣ; но печальная истина! когда на каждомъ шагу угрожала опасность, обитель Хирская была наполнена иноками, когда же миновалась гроза опустѣлъ монастырь, и теперь одинъ только Архимандритъ, управляющій имѣніями, съ своими домашними служителями, составляетъ все населеніе Хирское.

Еще не прошло однако и ста лѣтъ, какъ сіялъ здѣсь своими пастырскими добродѣтелями, одинъ изъ свѣтильниковъ Церкви Грузинской, Іоаннъ Епископъ Манглисскій, рода княжескаго, воспитанный въ строгой пустынѣ Гареджійской, гдѣ

даже облекся въ схиму. Убѣжденный Царемъ Бакаромъ принять эпархію, обуреваемую Турками, онъ былъ вынужденъ ее оставить и выбралъ себѣ для безмолвія обитель Хирскую. — Недовольный одними подвигами иночества, онъ сдѣлался проповѣдникомъ слова Божія въ Дагестанѣ и устроилъ въ Дербентѣ малую церковь въ 1727 году, вмѣсто которой соорудилъ потомъ каменную, иждивеніемъ фелдъмаршала князя Долгорукова. Когда же бѣдственныя обстоятельства отечества побудили его отплыть въ Астрахань, онъ и тамъ основалъ не только церковь, но монастырь во имя Богоматери, и еще одну церковь съ училищемъ Грузинскимъ въ Кизлярѣ, при которой также устроился монастырь честнаго креста. Тамъ скончался въ 1750 году девяностолѣтній старецъ, завѣщавъ погребсти себя на мѣстѣ начальныхъ своихъ подвиговъ въ Натлисмцемели; но тогда обитель сія временно находилась въ запустѣніи, до первыхъ годовъ царствованія обновителя ея Царя Ираклія II. Тѣло блаженнаго подвижника погребли въ

основанн мъ имъ монастырѣ Воздвиженскомъ; однако годъ спустя явился онъ, какъ гласитъ мѣстное преданіе, въ сонномъ видѣніи благочестивой Императрицѣ Елисаветѣ, и просилъ отпустить его на родину: тогда разрѣшено было брату усопшаго, князю Саакадзе, исполнить послѣднюю его волю; но по случаю запустѣнія обители, блаженнаго Іоанна погребли въ соборѣ Сіонскомъ. Послѣдній Царь Георгій неоднократно прибѣгалъ къ его молитвамъ для исцѣленія дѣтей своихъ, и дважды открывалъ могилу святаго мужа, чтобы цѣловать его мощи.

Грустно смотрѣть на то запустѣніе, въ какомъ теперь находится великолѣпная нѣкогда церковь Хирская; обширностію и высотою она уступаетъ только Алавердскому собору, который почитается первымъ во всей Грузіи; но смѣлыя арки ея сводовъ, нѣкогда украшенныя живописью, теперь забѣлены; самыя стѣны мѣстами требуютъ поправки. Главный престолъ, празднующій Успенію, обнаженъ, ибо по причинѣ медленнаго обновленія иконостасъ

его снятъ и всѣ иконы сложены грудой въ отдѣленіи жертвенника; изрѣдка бываетъ служба въ боковомъ придѣлѣ, временно устроенномъ съ правой стороны олтаря. Съ лѣвой, предъ входомъ въ бывшій жертвенникъ, широкая плита съ осѣняющимъ ее покровомъ, знаменуетъ мѣсто погребенія святаго основателя, Стефана Хирскаго, къ которому доселѣ притекаютъ даже Лезгины, памятуя что они прежде были Христіанами. Съ умиленіемъ поклонился я гробу Сирскаго Отца, и съ грустнымъ впечатлѣніемъ оставилъ его опустѣвшую обитель.

Дорога въ Сигнахъ пролегала уже не по ущелію Бодбійскому, но по окраинѣ роскошной долины Алазанской, на скатѣ холмовъ, усѣянныхъ виноградниками, которые красовались обиліемъ своихъ гроздій. Трудный восходъ предстоялъ намъ на высокую гору Сигнахскую, сперва по руслу потока, а потомъ по лѣсистой крутизнѣ, и я удивлялся терпѣнію жителей; потому что они безпрестанно должны сходить за водою, или въ свои виноградники, къ под-

ножію горы, на вершинѣ коей, какъ орлиное гнѣздо, приникъ ихъ городъ. Но такова была опасность отъ Лезгинъ во времена Царя Ираклія, что только на сихъ высотахъ могло спасаться окрестное народонаселеніе; доселѣ рисуется на скалахъ крѣпость, бѣлыми своими стѣнами и полуобвалившимися башнями, теперь уже безполезными.

Самые очаровательные виды открывались намъ все шире и шире, по мѣрѣ подъема, когда мы останавливались чтобы дать перевести духъ утомленнымъ лошадямъ. Наконецъ вся роскошная долина Кахетіи разостлалась предъ нами, въ полной красѣ, оживленная серебристыми струями Алазани. Густая зелень садовъ ея тянулась бархатною каймою у подножія горъ, которыя подымались разноцвѣтными уступами, покрытыя лѣсомъ, или повитыя облаками и еще выше, осеребренныя снѣгомъ. Отселѣ, во всемъ дикомъ своемъ величіи представлялся сѣдой старецъ Кавказъ, таинственный грозою своихъ горцевъ, которые внезапно изъ него прорываются, какъ изъ громовой

тучи, на противулежащій цвѣтущій берегъ Алазани: но самый этотъ страхъ, предметъ постоянной молвы, какъ бы нѣчто живое, движущееся по всей долинѣ, придаетъ много романтической прелести ея очарованнымъ видамъ.

ТЕЛАВЪ.

Передъ вечеромъ мы спустились, другимъ ущеліемъ изъ Сигнаха, въ ту же виноградную долину Алазани, по направленію бывшей столицы Кахетинской, Телава. Вечеръ былъ ясный, вершины Кавказа угасали одна за другою, вся долина оглашалась пѣснями собирателей винограда, которые трудились въ садахъ своихъ; или встрѣчались намъ на пути, съ нагру-

женными арбами и ослами, навьюченными ихъ единственнымъ богатствомъ: здѣсь по истинѣ, вино веселитъ сердце человѣка. Когда же, мало по малу, распространился вечерній сумракъ по долинѣ и рогъ луны засеребрился въ облакахъ, блеснули и на землѣ безчисленные огни въ садахъ, раскинутыхъ въ долинѣ и на скатѣ горъ. Если прекратилось движеніе на большой дорогѣ, не умолкали дальнія пѣсни невидимыхъ пѣвцовъ, радующихся по выраженію псалма, каждый подъ своимъ виноградникомъ. Но и другіе звуки начали слышаться промежду сихъ радостныхъ кликовъ, по мѣрѣ того, какъ водворялась ночь, все глубже и глубже въ долинѣ Алазанской, и дикіе кустарники стали замѣнять воздѣланные сады. Это были крики шакаловъ, до такой степени напоминавшіе дѣтскій пронзительный плачь, что неопытный могъ бы остановиться, по чувству соболѣзнованія, дабы спасти сихъ жалкихъ сиротъ, брошенныхъ родителями въ столь позднюю пору.

Ночь, хотя и лунную, провели мы на

станціи, потому что невозможно было ѣхать далѣе по дорогѣ, изрытой дождевыми протоками, между селеній и садовъ, которые умножались по мѣрѣ приближенія къ Телаву. Съ разсвѣтомъ мы опять пустились въ путь и насъ встрѣтила таже живая картина, какою восхищались наканунѣ. Тамъ гдѣ выдавалась иногда лужайка, между виноградниковъ, располагались семейные караваны богомольцевъ, шедшихъ въ Алаверди: ибо каждый Кахетинецъ почитаетъ священною обязанностію, послѣ виноградпаго сбора, сходить со всемъ своимъ домомъ, на поклоненіе честному кресту, хранящемуся въ Алавердскомъ соборѣ. Жены и дѣти сидѣли въ арбахъ, мущины въ нарядныхъ одеждахъ собирались въ кружокъ для бесѣды; черные буйволы отдыхали на лугу подъ тяжелымъ ярмомъ; каждая группа, взятая отдѣльно, могла бы служить предметомъ для характеристической картины. Это былъ образъ Кахетіи, въ полномъ разгарѣ ея жизни, опутанной виноградными лозами какъ цѣпями, потому что источникъ ея веселія служитъ и

виною раззоренія; а между тѣмъ набожное направленіе народа проявляется въ самую блестящую ея эпоху, когда собираетъ и расточаетъ она въ нѣсколько дней труды цѣлаго года.

За семь верстъ отъ Телава посѣтили мы богатѣйшій изъ виноградниковъ Кахетіи, Цинандалъ, владѣніе князя Чавчавадзе, котораго мнѣ не суждено было видѣть, хотя мы оба взаимно желали встрѣтить другъ друга. Но когда я посѣщалъ его Цинандальскую усадьбу, добрый хозяинъ отсутствовалъ въ Карталиніи, а въ тотъ самый день, когда я возвращался изъ Арменіи, его постигла бѣдственная кончина. Сколько любви онъ унесъ съ собою въ могилу! и какъ должны уважать его память Русскіе и Грузинскіе его соотечественники, потому что по своему Европейскому образованію, онъ всегда старался служить связію между обоихъ народовъ, и въ его домѣ они дѣйствительно составляли одну семью. Миръ праху твоему князь Александръ! я только видѣлъ, какъ везли твою погребальную колесницу мимо моихъ оконъ

и даже не могъ, по болѣзни, воздать тебѣ и послѣдняго долга, но память твоя сохранится въ моемъ сердцѣ.

Скоро открылся намъ Телавъ, на высотѣ, осѣненный липами (tilia), отъ которыхъ заимствовалъ свое звучное имя. Бѣлыя его церкви и башни ярко мелькали между густою зеленью деревъ, и поэтическое названіе вардисъ, или улицы розъ, прилично дано было его живописному предмѣстью, разбросанному посреди садовъ по скату холма, который увѣнчанъ разрушенною бойницею. Смѣющееся положеніе Телава, свѣтлое осеннее утро, произвели самое пріятное впечатлѣніе на мое сердце, и оно еще умножилось радушнымъ пріемомъ, который я тамъ встрѣтилъ, въ домѣ градоначальника и въ обществѣ князей Кахетинскихъ, у него собравшихся чтобы привѣтствовать гостя. Прежде однакоже нежели взойти въ его жилище, я посѣтилъ близь лежащую древнюю церковь Спаса, обнесенную крѣпкою нѣкогда оградой. Тамъ поклонился я иконѣ нерукотвореннаго образа Спасова, которая доселѣ источаетъ исцѣ-

леніе вѣрующимъ. Семь серебренныхъ подсвѣчниковъ свидѣтельствуютъ о благочестіи послѣдняго Царя Георгія, который вездѣ оставилъ по себѣ благую память, а надъ престоломъ доселѣ существуетъ сѣнь, подъ коею сорокъ дней стояло въ этомъ храмѣ тѣло великаго Царя Ираклія, потому что моровая язва не позволяла долгое время воздать ему царственнаго погребенія во Мцхетскомъ соборѣ. Другая соборная церковь Успенія, посреди нынѣшней крѣпости, менѣе замѣчательна по своей новизнѣ. Она была украшена Царемъ Иракліемъ, иконостасъ ея подаренъ Императрицею Екатериною, и что довольно странно! антиминсъ, лежащій на престолѣ, имѣетъ такую надпись: «смиренный Платонъ, Епископъ Сарскій и Подонскій, въ 1730 году.» Вѣроятно кто либо изъ царственныхъ бѣглецовъ Грузіи или ея святителей вывезъ изъ Москвы этотъ антиминсъ. Подлѣ собора существуетъ малая церковь верховныхъ Апостоловъ, уже совершенно оставленная, хотя въ ней есть еще иконостасъ; она служила соборною церковью до сооруженія Успенской.

Четыре отдѣльныхъ замка составляли нѣкогда укрѣпленіе города Телава, которому положилъ основаніе владѣтель Кахетинскій Кирикъ, еще въ IX вѣкѣ; феодальные княжескіе замки, изъ коихъ три уже почти обрушены, свидѣтельствуютъ однако, что не скоро утвердилась здѣсь власть царская. Даже въ XV вѣкѣ, когда раздѣлилась Грузія на три царства, еще не былъ избранъ Телавъ мѣстопребываніемъ новыхъ Царей Кахетинскихъ. Болѣе ста лѣтъ находилась столица въ Греми, что нынѣ селеніе за Алазанью, и тамъ протекло все славное царствованіе Леона, сильнѣйшаго изъ сихъ Царей, который даже ходилъ воевать Іерусалимъ. Съ ослабленіемъ могущества царскаго возрастала сила Горцевъ, и частые ихъ набѣги побудили Царя Арчила, въ исходѣ XVII вѣка, перенести столицу въ болѣе безопасный Телавъ. Имъ укрѣпленъ доселѣ существующій замокъ, слывущій царскимъ, Батонисъ-Цихе, съ зубчатыми стѣнами и круглыми башнями. Еще сохранились внутри сего замка развалины дворца Арчило-

ва, съ обширною залою посрединѣ, къ которой прилегаютъ малые покои и галлереи въ азіатскомъ вкусѣ; восточная часть зданія совершенно уцѣлѣла и занята теперь уѣзднымъ правленіемъ; она имѣетъ однако важное историческое достоинство. Здѣсь, послѣ бѣдственнаго раззоренія Тифлиса въ 1795 году, Шахомъ Персидскимъ, доживалъ послѣдніе годы долголѣтняго славнаго своего царствованія великій Ираклій, сокрушенный раздоромъ семейнымъ и упадкомъ своей державы; не оставалось ему даже и пріюта, на пепелищѣ сожженной столицы.

«Увы мнѣ! писалъ онъ, еще въ началѣ своего царствованія, родственнику своему Католикосу Антонію старшему, который изгнанъ былъ отцемъ его Теймуразомъ, по подозрѣнію въ латинствѣ, сколько увидите вы пріятностей въ Россіи, а я въ этой странѣ сколько вижу бѣдъ и искушеній, и сколько еще слышу! со дня вашего отъѣзда уже шесть или семь разъ сразился я съ Лезгинами, и много ихъ побилъ, но, какъ вамъ извѣстно, опи все

не отстають отъ насъ. Да будуть ваши святыя молитвы ходатайствовать предъ Богомъ за падшихъ на войнѣ; мирныя времена здѣсь продолжаются весьма не долго.» Такъ выражался бодрый тогда еще воитель, который раздѣлялъ съ Надиръ-Шахомъ славный его походъ въ Индію, и въ награду получилъ отъ него оба царства Кахетіи и Карталиніи. Что же должна была чувствовать великая душа его, когда послѣ полувѣковаго владычества, онъ видѣлъ предъ своею кончиною, какъ готово было опять распасться царство, посреди междоусобій его многочисленной семьи, подъ грозою Персовъ и Лезгинъ, и что славное дѣло цѣлой его жизни обратится въ ничто. Горько таковое разочарованіе для вѣнчанной главы! Онъ пережилъ вѣкъ своихъ современниковъ, достигши глубокой, хотя и бодрой еще старости. Уже другому Католикосу Антонію младшему, заступившему каѳедру великаго дяди, поручалъ онъ молиться за свое обуреваемое царство, которое передавалъ старшему сыну Георгію, послѣднему Царю, и съ мучи-

тельнымъ предчувствіемъ грядущихъ смятеній, отошелъ на вѣчный покой. Я видѣлъ убогую келлію, гдѣ скончался Ираклій и воцарился Георгій; особенное благоговѣніе внушаетъ то мѣсто, гдѣ великая душа разлучилась съ тѣломъ великаго мужа, какъ будто бы еще нѣсколько свѣтлыхъ думъ осталось послѣ него въ предсмертномъ его жилищѣ.

Ко дворцу Ираклія и Арчила прилегаетъ между бойницъ малый садъ, осѣненный тѣми столѣтними липами, которыя составляютъ лучшее украшеніе Телава. Цвѣтущій садъ посреди башень, вотъ истинное выраженіе Кахетіи, во дни послѣднихъ ея Царей. Тутъ собирается теперь все общество Телавское, чтобы подышать лѣтнимъ воздухомъ и насладиться, съ высоты стѣнъ, очаровательными видами на долину Кахетіи. Для меня видъ изъ Телава показался еще лучше Сигнахскаго, хотя не имѣлъ той же обширности. Это двѣ противуположныя точки долины Алазанской: она вся открывается изъ Телава, расширяясь по мѣрѣ удаленія, но горы гораздо ближе

и живописнѣе теченіе рѣки. Въ Сигнахъ панорама, а въ Телавѣ картина въ окраинѣ горъ; особенно пріятна зелень деревъ, освѣжающихъ всю окрестность, и самыя горы теряютъ свою дикость; на ихъ первыхъ лѣсистыхъ уступахъ бѣлѣютъ роскошныя за-алазанскія селенія, Греми, Шильда и Кварели, и нѣсколько древнихъ церквей висятъ надъ ними на утесахъ. Но лучшимъ украшеніемъ долины бѣлый соборъ Алавердскій, высокій, стройный, какъ нѣкій памятникъ, одиноко поставленный ради великаго событія, и дѣйствительно здѣсь сосредоточилась вся слава Кахетіи при гробѣ ея Царей.

АЛАВЕРДСКІЙ СОБОРЪ.

Не напрасно манилъ насъ издали храмъ Алавердскій; потому что и вблизи достойно удивленія его величественное зданіе. На разстояніи 18 верстъ отъ Телава, его высокій куполъ не терялся отъ нашихъ взоровъ, изъ за купы деревъ, его окружавшихъ, и по мѣрѣ приближенія росъ передъ нами, все выше и выше, доколѣ наконецъ не предсталъ, въ полной красѣ своей, вѣнецъ всѣхъ храмовъ Иверіи. Крѣпкая нѣкогда ограда, съ круглыми башнями, его охраняла; еще стоятъ ея толстыя стѣны и высокія врата открываютъ съ за-

пада входъ на дворъ монастырскій. Отсюда только можно восхищаться легкости зодчества, во вкусѣ совершенно Грузинскомъ, но съ размѣрами самыми стройными и пріятными для глазъ. Остроконечный куполъ, съ длинными просвѣтами оконъ, легко возносится, какъ бы нѣкая башня, на 32 сажени, ни сколько не подавляя собою самаго зданія; оно простирается на 27 сажень въ длину и на половину сего размѣра въ ширину, что и даетъ ему много правильности. Острые гребни и карнизы крыши, расположенной уступами, легкія впадины въ стѣнахъ, обозначенныя изваянными дугами, и лѣпныя украшенія, съ узорочными крестами, необходимая принадлежность архитектуры мѣстной, положили своенравную печать свою на соборъ Алавердскій. Открытая паперть на столбахъ служитъ входомъ, но къ сожалѣнію уничтожили, въ началѣ нынѣшняго вѣка, двѣнадцать малыхъ придѣловъ, пристроенныхъ снаружи къ стѣнамъ, отъ которыхъ стройно расширялось основаніе пирамидальной церкви.

Владѣтель Кахетинскій Кирикъ, основатель Телава, соорудилъ въ исходѣ IX вѣка сей великолѣпный соборъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ нынѣ, на мѣсто прежней церкви Великомученика Георгія; она же была здѣсь основана, вмѣстѣ съ каѳедрою епископскою, еще въ V столѣтіи, Св. Іосифомъ, однимъ изъ тринадцати Сирскихъ отцевъ. Сильное землетрясеніе опрокинуло куполъ въ 1530 году, и славный Палестинскимъ своимъ походомъ, Царь Леонъ, употребилъ много денегъ на возстановленіе храма. Въ половинѣ минувшаго столѣтія, уже при послѣднихъ Царяхъ Кахетинскихъ, опять обрушился куполъ, въ виду Царицы Тамари, супруги Теймураза II; она увидѣла изъ Телава страшное сіе паденіе, и въ туже минуту, въ сопровожденіи всего двора и народа, поспѣшила въ Алаверди очистить собственными руками помостъ церковный отъ обломковъ. Немедленно устроенъ былъ куполъ, но уже не изъ камня, а изъ негніющаго дерева: таково было благочестіе сихъ державныхъ.

Взойдите во внутренность храма, и вы еще болѣе удивитесь стройности всѣхъ его частей и легкости купола. Шесть массивныхъ столбовъ, обставленныхъ полуколоннами, поддерживаютъ и образуютъ боковыя углубленія трапезы; два полукружія выдаются по обѣимъ сторонамъ въ средней части церкви. Въ лѣвомъ изъ нихъ гробовая плита самаго основателя, Епископа Іосифа, котораго житіе утрачено для земли, но записано въ книгѣ жизни. Одно только извѣстно, что вмѣстѣ съ Стефаномъ Хирскимъ и Авивомъ Некресскимъ, который утвердилъ каѳедру свою за Алаванью, обратилъ онъ къ Христіанству всю долину Кахетіи, и даже дикихъ жителей Кавказа.

На три части раздѣленъ олтарь, и въ одной изъ нихъ, гдѣ теперь ризница, былъ нѣкогда придѣлъ. Главный престолъ отъ самаго начала праздновалъ Великомученику, но такъ какъ, послѣ принесенія изъ Іерусалима животворящаго креста Царемъ Леономъ, къ празднику Воздвиженія болѣе началъ стекаться народъ, то бывшій Экзархъ Митрополитъ Іона устроилъ на хорахъ новый при-

дѣлъ Св. Георгія, а самый храмъ освятилъ во имя честнаго креста. Одно только непріятно для глазъ: при послѣднемъ его обновленіи совершенно забѣлена была вся его стѣнная живопись, и эта бѣлизна не соотвѣтствуетъ Византійскому величію храма. Иконостасъ высокій и нарядный пожертвованъ недавно, усердіемъ поселившихся въ Москвѣ Царевича Ираклія, сына Георгіева, и Архіепископа Грузинскаго Досиѳея. Но въ немъ еще сохранились четыре весьма древнія иконы: двѣ мѣстныя Великомученика, во весь ростъ, и двѣ малыя надъ ними, Богоматери, перенесенныя изъ другихъ упраздненныхъ монастырей. Особенно замѣчательна та икона Св. Георгія, что съ лѣвой стороны, одѣтая въ позлащенную ризу, однимъ изъ настоятелей Алавердскихъ, Княземъ Челокаевымъ въ 1721 году. Она перенесена изъ Бочармскаго монастыря, который теперь въ развалинахъ.

Великомученикъ изображенъ во всеоружіи, съ поднятыми къ небу руками, пѣшимъ, какъ онъ писался въ древности, а

не на конѣ, потому что непріятно видѣть изображеніе лошади на иконѣ; подъ его выпуклымъ щитомъ, надломаннымъ снизу, большая часть его мощей, по очертанію коихъ вылитъ самый щитъ; нигдѣ не видалъ я столь древней и вмѣстѣ столь пріятной для глазъ иконы Св. Георгія, высокаго Византійскаго письма. Другая его икона, что напротивъ, уступаетъ ей древностію и красотою, хотя также весьма замѣчательна. Но первая храмовая икона Великомученика, принесенная изъ Сиріи Св. Іосифомъ, истреблена была Шахъ-Аббасомъ, который собственными руками ее обнажилъ и роздалъ драгоцѣнныя украшенія своимъ приближеннымъ.

Нечестивый Шахъ оставилъ по себѣ горькую память во всей Грузіи и Кахетіи, опустошеніемъ ея святилищъ. Но онъ же, самъ того не вѣдая, подарилъ величайшее сокровище храму Алавердскому, которое теперь покоится въ олтарѣ подъ главнымъ его престоломъ: это мощи Св. мученицы Кетевани, Царицы Кахетинской, въ новѣйшее время не уступившей своими страда-

ніями первымъ исповѣдникамъ, и даже Великомученику, коего храмъ старалась украсить при жизни. Умилительная повѣсть о сей царственной страдалицѣ, собрана очевидцами и засвидѣтельствована близкими ей по крови, сыномъ Теймуразомъ и Царемъ Арчиломъ и Католикосомъ Антоніемъ, написавшимъ ей похвальное слово. Но ближайшими свидѣтелями ея страданій были иновѣрные миссіонеры Латинскіе, которые даже похитили ея мученическіе останки изъ Персіи, будучи поражены величіемъ подвига.

Она происходила изъ знаменитаго рода Багратіоновъ-Мухранскихъ и славилась необычайною красотою. Еще въ юныхъ лѣтахъ родители выдали ее за Царевича Давида, сына Кахетинскаго Царя Александра, и внука великаго Леона, не подозрѣвая что вѣнецъ царскій, котораго искали для своей дочери, долженъ былъ обратиться въ болѣе свѣтлый, но мученическій, ибо ея высокая доля сдѣлалась виною всѣхъ ея страданій. Это была страшная эпоха, когда новый властитель Персіи Шахъ Аб-

басъ, какъ туча, висѣлъ надъ обреченными ему жертвами Грузіи и Кахетіи, и ихъ трепещущіе обладатели не знали куда обратиться за помощью. Царь Александръ искалъ ее въ Россіи и частыми граматами убѣждалъ Царя Бориса Годунова, осѣнить мощнымъ крыломъ своимъ бѣдствующую страну. Горькая участь ожидала Александра; онъ убилъ брата, и вотъ изъ собственнаго его дома послано ему наказаніе. Сперва старшій сынъ его Давидъ возсталъ на отца; воспользовавшись тяжкою его болѣзнію, онъ объявилъ себя Царемъ и послалъ требовать отъ него знаменія царской власти. Не долго однако похититель владѣлъ престоломъ, хотя и любилъ его народъ за добродѣтель супруги. Болѣзненный старецъ, едва поднявшись съ одра, вбѣжалъ въ соборную церковь, босой и безъ одежды, и всенародно проклялъ непокорнаго сына. Скоро исполнилась надъ нимъ клятва родительская. Давидъ умеръ въ страшныхъ мукахъ отъ нечаянной болѣзни, оставивъ по себѣ юную вдову и младенца Теймураза. Мстительный дѣдъ послалъ его въ

заложники Шаху, какъ будущаго Царя, а самъ раздѣлилъ бремя правительственное со вторымъ сыномъ своимъ Георгіемъ, удержавъ при себѣ юную вдову Давидову. Но у него былъ третій сынъ Константинъ, съ юныхъ лѣтъ отправленный заложникомъ въ Персію и тамъ измѣнившій вѣрѣ отцевъ. Онъ сдѣлался орудіемъ казни для всего своего дома.

Между тѣмъ войска Русскія, вызванныя Александромъ, двинулись вдоль поморія Каспійскаго, и Тарки, столица Шамхала, была первою твердынею Кавказа, падшею предъ оружіемъ нашимъ, въ 1605 году. Посолъ Годунова Татищевъ отправленъ былъ въ Кахетію и Грузію, для дружественныхъ и даже брачныхъ переговоровъ съ ихъ властителями, но сдѣлался тамъ свидѣтелемъ ихъ кончины. Еще Александръ находился въ Персіи по зову Шаха; Георгій управлялъ вмѣсто отца; чтобы отразить Турковъ, которые съ другой стороны терзали несчастную страну, онъ испросилъ себѣ въ пособіе сорокъ стрѣльцовъ, у посла Русскаго, и съ ними разбилъ полчища От-

томанскія: впервые раздался за Кавказомъ побѣдоносный громъ оружія Русскаго. Наконецъ Александръ возвратился изъ Персіи, съ сыномъ Константиномъ, котораго Шахъ объявилъ властителемъ Ширахскимъ, и велѣлъ ему собрать лучшихъ воиновъ своей земли, чтобы овладѣть Шемахою. Многочисленная дружина Шаха сопровождала отступника; наружно онъ, казалось, ласкалъ отца и брата. Напрасно предупреждалъ ихъ умный посолъ нашъ, не довѣрять измѣннику; они не смѣли изъявить подозрѣнія, чтобы не разгнѣвать могущественнаго Шаха.

Скажу здѣсь печальную повѣсть, словами знаменитаго исторіографа: готовясь ѣхать на обѣдъ къ Александру, Татищевъ вдругъ слышитъ стрѣльбу во дворцѣ, крики, шумъ битвы, посылаетъ своего толмача, узнать что дѣлается? и толмачь входя во дворецъ, видитъ Персидскихъ воиновъ съ обнаженными саблями, на землѣ кровь, трупы и двѣ отсѣченныя головы лежали подъ Константиномъ, головы его отца и брата. Будучи только орудіемъ Аб-

басовой мести и плакавъ всю ночь предъ совершеніемъ отцеубійства, уже объявленный Царемъ Константинъ старался успокоить посла нашего: «родитель мой, говорилъ онъ, сдѣлался жертвою междоусобія сыновняго, несчастіе весьма обыкновенное въ нашей землѣ. Самъ Александръ извелъ отца своего, убилъ и брата. Я тоже сдѣлалъ, не знаю къ добру ли, къ худу ли для свѣта; но крайней мѣрѣ буду вѣрнымъ моему слову и лучше заслужу милость Государя Русскаго.» — Сколько ужаса въ этой рѣчи отцеубійцы, надъ свѣжими трупами, и вмѣстѣ съ тѣмъ какое страшное наказаніе, если дѣйствительно Александръ былъ втайнѣ виновенъ противу своего отца, какъ онъ явно умертвилъ своего брата! Посолъ удалился нарушивъ всякое общеніе съ извергомъ.

Юная Кетевань бѣжала подъ кровъ отеческій, оплакивать тамъ вдовство свое и плѣнъ сыновній. Неистовства Константина скоро вызвали ее изъ мирнаго уединенія опять на царственное поприще. Весь народъ Кахетинскій обратился къ ней, какъ

къ единственной своей заступницѣ, умоляя спасти христіанское наслѣдіе ея сына, отъ Царя магометанина. Тронулась плачемъ народнымъ Кетевань, слабая жена облеклась въ доспѣхи ратные, двинулась съ вѣрною дружиною противу хищника. Молитвою приготовлялась она къ битвѣ и по ея примѣру всѣ ея воины пріобщились святыхъ таинъ. Прежде нежели началась сѣча, на берегахъ Алазани, первою жертвою палъ самъ отступникъ, и въ ужасѣ разбѣжалось все его войско. Епископы и Князья провозгласили Царицею Кетевань; она же отправила пословъ къ Шаху, умолять о выдачѣ сына. Устрашился Аббасъ нежданнаго успѣха, и чтобы не возбудить войны, когда предстояла ему опасность со стороны Султана, отпустилъ на царство шестнадцатилѣтняго отрока Теймураза, который сохранилъ въ плѣну вѣру отцевъ своихъ; онъ былъ торжественно вѣнчанъ въ храмѣ Бодбійскомъ, надъ гробомъ Св. Нины. — Это была самая блестящая эпоха жизни Кетевани: все о чемъ лишь только мечтала, все чего не смѣла даже надѣ-

яться, сбылось! — Спасительница царства она побѣдила убійцу ея присныхъ, она не только Царица, но и мать: неумолимый Шахъ возвратилъ ей предметъ ея долголѣтнихъ слезъ, и вотъ онъ вмѣстѣ съ нею на престолѣ. Оттолѣ единственная цѣль ея жизни—украшать храмы Божіи и призирать нищихъ; по всей Кахетіи благословляется ея имя, какъ и теперь память ея по всей землѣ Иверской. Такъ протекли десять лѣтъ, краткое время отдыха данное ей раздаятелемъ вѣнцевъ мученическихъ, чтобы подкрѣпить ее къ новымъ подвигамъ.

Все измѣнилось: Шахъ Аббасъ, устроивъ дѣла свои съ Турціею и опасаясь вліянія Россіи на подвластную ему Грузію, рѣшился однимъ ударомъ сокрушить въ ней Христіанство, выселить жителей, истребить храмы и такимъ образомъ укрѣпить ее навсегда въ рабствѣ Персидскомъ. Уже нѣкоторые изъ Царей Карталинскихъ принуждены были наружно исповѣдывать Магомета, хотя внутри своего сердца таили вѣру своего отечества; лучшее ихъ сокрови-

вище и щитъ посреди обуръвавшихъ бѣдствій. Шахъ искалъ только предлога войнѣ и вскорѣ нашелъ. Моуравъ Саакадзе, недовольный юнымъ Царемъ Карталинскимъ Луарсабомъ за то, что по данному обѣщанію не женился на его дочери, бѣжалъ въ Персію и открылъ ея владѣтелю безсиліе своего отечества. Чтобы еще болѣе возбудить сладострастнаго Шаха, онъ описалъ ему удивительную красоту сестры Луарсаба, Хорошани, уже помолвленной за Царя Кахетинскаго Теймураза. Шахъ послалъ требовать руки Царевны, а между тѣмъ коварными письмами возбуждалъ обоихъ Царей, другъ противъ друга, обѣщая каждому свое покровительство. Луарсабъ не устрашился отказать могущественному властителю Персіи, и вспыхнула жестокая война, въ теченіи четырнадцати лѣтъ опустошившая совершенно несчастную Грузію, ибо и Турки были призываемы на помощь и снова вторгались Персы. Разоренія кончились только смертію Шахъ Аббаса, но во многихъ мѣстахъ онѣ не изгладились и досел ѣ.

При первомъ слухѣ о нашествіи Персовъ, Теймуразъ хотѣлъ защищаться, но малодушіе овладѣло Князьями Кахетинскими; они собрались къ Царю и умоляли не навлекать ужасовъ войны на ихъ цвѣтущія долины, умоляли и Царицу мать быть ихъ заступницей предъ жестокимъ Шахомъ, въ той надеждѣ, что слезы женскія съ богатыми дарами смягчатъ его сердце. Колебалась Царица, но ради неотступности народа, рѣшилась пожертвовать собою для спасенія многихъ тысячь, ибо тайно предчувствовала, что уже болѣе не возвратится. Она взяла съ собою младшаго внука Александра и простилась на вѣки съ сыномъ и родиною: это былъ первый подвигъ ея мученичества. Въ Ганджѣ, Елисаветполѣ, встрѣтила завоевателя Кетевань. Онъ принялъ ее съ чрезвычайною почестію, посадилъ близь себя и угостилъ трапезою, для прикрытія своихъ коварныхъ замысловъ. Шахъ спрашивалъ для чего не пришелъ самъ Теймуразъ, заключить дружескаго союза противъ Луарсаба, и потребовалъ въ заложники старшаго сына его

Леона. Когда же цѣль сія была достигнута и Царевичь Леонъ находился въ рукахъ его, жестокій Шахъ сослалъ Царицу съ ея обоими внуками во внутренность Персія, въ Ширазъ, гдѣ отроковъ ожидала ранняя смерть, а бабку ихъ мученическій вѣнецъ послѣ долгаго томленія.

Тогда увидѣли Князья Кахетинскіе всю безразсудность своего поступка, и убѣдились въ необходимости брачнаго союза Царя своего съ сестрою Луарсаба, такъ какъ уже не оставалось ему наслѣдниковъ отъ перваго супружества. Теймуразъ поспѣшилъ въ Тифлисъ и подъ грозою воинскою торжествовалъ бракъ свой. Кровавою местію закипѣло сердце Шаха; онъ видѣлъ что нельзя одолѣть обманомъ враговъ и двинулся противъ нихъ, со всѣми своими полчищами изъ Ганджи. Луарсабъ мужественно выступилъ ему на встрѣчу и преградилъ завалами тѣсные проходы въ ущеліяхъ. Тогда, по совѣту вѣроломнаго Моурава, Аббасъ перешелъ Куру и устремился съ огнемъ и мечемъ въ предѣлы Кахетинскіе; первая пострадала пустыня Га-

реджійская, и безоружные иноки сдѣлались жертвою ярости Шаха. На мирную долину Кахетіи излилось потомъ его мщеніе: Телавъ и Алаверди испытали всѣ ужасы опустошенія, ибо свирѣпое сердце Аббаса искало уязвить противника своего Теймураза, въ томъ что было близко и дорого его сердцу. Пламя пожаровъ и потоки крови приближались къ предѣламъ Карталинскимъ; оба Царя, не видя ни откуда спасенія, бѣжали въ Иметерію, искать помощи у ея властителя Георгія и отъ болѣе сильныхъ сосѣдей, Турковъ. Шахъ остановилъ на время свое опустошеніе, какъ опытный ловчій, разставляющій сѣти для уловленія добычи. Онъ писалъ ласковое письмо къ Луарсабу, убѣждая его возвратиться, какъ будто бы личная вражда его была только противъ Теймураза. Хотя будущій мученикъ предчувствовалъ участь, какая его ожидала, но движимый тѣмъ же самоотверженіемъ, котораго благій примѣръ подала ему Кетевань, онъ хотѣлъ спасти народъ свой, добровольнымъ пожертвованіемъ, и предалъ себя въ руки Шаха.

Великолѣпный пріемъ ожидалъ его въ Тифлисѣ; Аббасъ торжественно утвердилъ его на престолѣ предковъ и далъ ему, знаменіемъ власти и своей пріязни, алмазное перо, какъ вѣнокъ, коимъ вѣнчали жертвы прежде ихъ закланія. Но спустя нѣсколько дней коварный Шахъ сталъ искать предлога къ удаленію Луарсаба изъ его царства. Онъ велѣлъ похитить у него богатый даръ свой, и когда явился къ нему юный Царь безъ сего украшенія, притворно разгнѣванный Шахъ, удержалъ его подъ своимъ шатромъ, какъ бы для того чтобы розыскать похитителей; потомъ, пригласивъ за свою трапезу, предложилъ ему вкусить рыбу въ великій постъ. Отказался Луарсабъ, нарушить постановленія церковныя и мужественно сказалъ Шаху: «если теперь я разрѣшу въ угожденіе тебѣ на рыбу, завтра ты потребуешь отъ меня, чтобы я ѣлъ мясо, развѣ ты не знаешь что я Христіанинъ?» Раздраженный Шахъ сослалъ его въ заточеніе въ Ширазъ, надѣясь обратить его тамъ, долгимъ томленіемъ, къ Магометанству, а на мѣсто его

назначилъ одного изъ отступниковъ той же царственной династіи Багратъ Мирзу.

Тогда пострадали отъ руки завоевателя и знаменитыя обители въ окрестностяхъ столицы; но Шахъ не смѣлъ коснуться Мцхетскаго собора. Желая прикрыть личиною пріязни свои честолюбивые замыслы, чтобы не навлечь на себя оружіе Россіи, онъ послалъ въ даръ Царю Михаилу Ѳеодоровичу и Патріарху отцу его, ризу Господню, обрѣтенную имъ въ драгоцѣнномъ ковчегѣ, въ соборной ризницѣ Мцхетской. Когда же возвратился въ Персію и услышалъ что ѣдетъ къ нему посольство Русское, съ ходатайствомъ о нещастномъ Царѣ Луарсабѣ, онъ поспѣшилъ задушить его въ Ширазѣ, а между тѣмъ извинялся предъ нашими послами, будто нечаянно приключилась ему кончина, въ то время какъ онъ удилъ рыбу надъ водоемомъ, и обѣщалъ строго взыскать съ неосторожныхъ его приставовъ. Въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ своихъ, послѣ семилѣтняго заточенія, Луарсабъ мученически предалъ душу свою Богу, имъ исповѣданному

предъ лицемъ гонителя; Церковь празднуетъ святую память его 21-го Іюня, вмѣстѣ съ другимъ царственнымъ мученикомъ Арчиломъ, Царемъ Иверскимъ, который пострадалъ въ VIII вѣкѣ также за вѣру Христову, еще во времена владычества Халифовъ Арабскихъ.

Второе нашествіе Шахъ-Аббаса на Грузію было для нее еще губительнѣе, когда Теймуразъ, приведя съ собою полчища Турецкія, временно изгналъ правителей Персидкихъ; но онъ скоро принужденъ былъ бѣжать изъ своихъ предѣловъ, отъ мощнаго врага. На сей разъ еще болѣе разыгралось мщеніе Шаха; онъ уводилъ съ собою въ плѣнъ цѣлыя селенія, чтобы совершенно опустошить страну, и потому доселѣ являются около Испагани родственныя для Грузіи имена Марткопи и другихъ мѣстъ, гдѣ еще говорятъ Грузинскимъ нарѣчіемъ, уже Магометанскіе жители. Но жестокій Аббасъ хотѣлъ лично отмстить Теймуразу и началъ съ беззащитныхъ дѣтей его, Леона и Александра, которыхъ велѣлъ оскопить; они не вынесли мучи-

тельной боли и вскорѣ скончались. Оставалась Царица Кетевань, которая уже десять лѣтъ томилась въ плѣну.

Надъ нею повторились всѣ искушенія и самый образъ страданія первыхъ мучениковъ, при началѣ Христіанства, какъ бы для того, чтобы возбудить теплоту вѣры въ сердцахъ остывшихъ къ такимъ подвигамъ; царственнымъ своимъ саномъ и женскою немощію, въ которой проявилось столько духа, она сдѣлала еще болѣе свѣтлымъ мученическій вѣнецъ свой. Началось съ обольщеній: Шахъ посылалъ увѣрять Царицу, чрезъ избранныхъ своихъ клевретовъ, въ глубокомъ уваженіи къ ея добродѣтелямъ, и предлагалъ раздѣлить съ нею брачное ложе, но почитать ее какъ мать и совѣщаться съ нею въ дѣлахъ государственныхъ: сына же ея Теймураза обѣщалъ признать своимъ собственнымъ, и возвратить ему утраченное царство, все сіе если только оставитъ она вѣру отцевъ своихъ и обратится къ его вѣрѣ. «Вся сія дамъ ти, аще падши поклонишися мнѣ,» говорилъ нѣкогда искуситель Тому, въ чье имя увѣро-

вала Царица, и тѣмъ же отвѣтомъ былъ отраженъ новый искуситель: «иди за мною «Сатано, писано есть: Господу своему по-«служиши и тому единому поклонишися.» Чего инаго требовалъ, что другое предлагалъ и царственной Великомученицѣ Екатеринѣ тиранъ Максиминъ? Иное сильнѣйшее обольщеніе слѣдовало за первымъ, и отъ кого же? отъ того лица, которое дотолѣ было посредникомъ между Богомъ и ею, отъ единственнаго священнослужителя и духовника ея, раздѣлявшаго съ нею горькую участь плѣненія, въ теченіи столькихъ лѣтъ! Страхомъ смерти совращенный къ лжеученію Магомета, недостойный дерзнулъ придти отъ имени Шаха, увѣщевать бывшую духовную дочь свою къ измѣнѣ Господу своему и Богу. Ужаснулась Кетевань, но не поколебалось ея мужественное сердце. Она подняла къ небу руки и воскликнула словами Пророка Иліи: «Господи избили твоихъ Пророковъ, разрушили олтари твои, осталась я одна и мою душу ищутъ погубить!» Она употребила все свое Христіанское краснорѣчіе, чтобы возвратить погибшаго на путь спа-

сенія, но видя что пристрастіе временной жизни погасило въ немъ сознаніе вѣчной, изгнала недостойнаго отъ лица своего, и призвавъ посланныхъ Шаха, объявила имъ свою непремѣнную волю, сохранить вѣру отцевъ.

Напрасно старались они поколебать ея твердость, обѣщаніями милостей Шаха и ужасами казни. Царица оградила себя знаменіемъ креста и съ улыбкою имъ сказала: «или не знаетъ пославшій васъ нечестивецъ, что и малыя дѣти и невѣжды посмѣются его предложенію? меня ли обольститъ, облеченную въ силу Христову? — онъ разорилъ мое царство, изгналъ моего сына, изувѣчилъ тѣлесно и духовно моихъ внуковъ, расхитилъ и поругалъ всю святыню, близкую моему сердцу, и еще хочетъ меня умертвить! что же пріобрѣтетъ моею смертію? но пусть поразитъ. — Отрицаюсь Магомета и всѣхъ дѣлъ его, и всей гордыни его! вѣрую во Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздѣльную. Молю Распятаго за насъ и его пречистую

Матерь, укрѣпить меня въ часъ истязаній, въ твердомъ исповѣданіи моей вѣры, дабы я удостоилась вѣнца мученическаго. Вотъ я предъ вами, дѣлайте что хотите.»

Посланные, чтобы устрашить исповѣдницу, велѣли приготовлять предъ нею орудія казни; она же, не теряя духа, просила только нѣсколько минутъ для приготовленія, и удалилась во внутренніе свои покои, гдѣ въ молитвенной храминѣ хранилась вся ея домашняя святыня, соблюденная во время долгаго плѣна. Царица стала на колѣни предъ иконою пречистой Дѣвы, съ предвѣчнымъ ея Младенцемъ; она облила ее горячими слезами и произнесла тихую молитву: «Господи Іисусе Христе! призри на рабу твою въ день сей, въ который ищутъ души моей за имя твое. Да не воспрепятствуютъ въ подвигѣ грѣхи мои, но по слову твоему, пришедшую къ Тебѣ не изжени вонъ! Дай мнѣ уста и премудрость и Духъ Отца небеснаго пусть говоритъ во мнѣ; не лиши меня твоей помощи, сопричти избранникамъ твоимъ; будь утвержденіемъ немощи моей

женской, и да прославится мною имя твое; возстающіе же на тебя да посрамятся!» Пламенно молилась Царица и о сынѣ своемъ и о царствѣ, дабы смертію ея освободились отъ тяжкой неволи, и услышана была ея молитва; даже иное царство перешло временно въ родъ ея, освященный кровію мученицы. Тогда, по неимѣнію при себѣ пресвутера, со страхомъ вынула она изъ ковчега запасные дары, всегда ею хранимые на случай насильственной смерти, и сама съ благоговѣніемъ пріобщилась пречистыхъ таинъ, какъ это бывало въ первыя времена гоненій. «Господи Іисусе Христе, молилась она, услыши молитву мою, и сподоби и меня соединиться съ пострадавшими за тебя.»

Такимъ образомъ, соединившись съ Господомъ своимъ, она вышла опять къ мучителямъ и, съ свѣтлымъ лицемъ ставши противъ нихъ, сказала: «теперь я готова, исполняйте что повелѣно вамъ.» Ее вывели на площадь, чтобы весь народъ былъ свидѣтелемъ мученической смерти; съ воплемъ стекался народъ, оплакивая участь

святой Царицы, уважаемой всѣми за ея добродѣтель. Правитель Шираза, Имамъ Кули-Ханъ, удалился изъ города, чтобы не быть участникомъ беззаконнаго дѣла. Исполнители казни совлекли одежды съ царственной мученицы, распростерли ей руки и раскаленными щипцами стали терзать нѣжное ея тѣло и сосцы питавшіе Царя. Она же, какъ неподвижная скала, стояла безъ содроганія и вопля, произнося только тихую молитву: «Господи Іисусе Христе, не медли взять душу мою!» На ея растравленныя раны положили еще горячія уголья, наконецъ раскаленнымъ котломъ накрыли царственную голову и, подъ этимъ новымъ вѣнцемъ, предала она Господу духъ свой: Силы небесныя возрадовались ея явленію у престола Вышняго. До вечера святое тѣло мученицы Кетевани лежало обагренное кровію посреди площади, и никто не смѣлъ приступить къ ней, хотя рыдалъ вокругъ народъ; но Господь возвеличилъ подвигъ пострадавшей за него Царицы: отъ вечера и до утра яркій свѣтъ осіялъ брошенные ея останки и просвѣтилъ.

сердца многихъ ко спасенію. Нѣкоторые изъ увѣровавшихъ, презрѣвъ страхъ мучителя съ благоговѣніемъ помазывали себя кровію ея, пролитою за Христа, и предали тѣло ея землѣ въ малой церкви, гдѣ уже погребены были двѣ ея рабыни, скончавшіяся во время плѣна. Подвигъ страдалицы поразилъ самыхъ иновѣрцевъ. Миссіонеры Латинскіе, ордена бл. Августина, жившіе въ Ширазѣ для проповѣди слова Божія, тайно похитили изъ церкви тѣло мученицы и съ великою честію поставили у себя на олтарѣ домовой церкви, а между тѣмъ частыя исцѣленія начали истекать вѣрующимъ отъ мощей ея, и даже отъ того мѣста, гдѣ она страдала.

Вскорѣ скончался болѣзненною смертію мучитель Шахъ-Аббасъ, и свергли съ себя тяжкое иго Грузія и Кахетія. Жители обоихъ царствъ убили Магометанскихъ намѣстниковъ, хотя изъ рода своихъ Царей, и признали надъ собою владычество одного Теймураза: онъ явился съ войскомъ изъ Имеретіи, завоевалъ всѣ города Гру-

зіи, кромѣ Тифлиса, и вѣнчался въ Мцхетѣ Царемъ Карталинскимъ и Кахетинскимъ. Гори сдѣлались временною его столицею, хотя не долго продолжалось его благосостояніе, и новыя испытанія ему предстояли. Въ Гори принесли Теймуразу миссіонеры Латинскіе часть мощей его матери, главу ея, правую руку и немного сгущенной крови, собранныя ими въ Ширазѣ; нѣкоторыя частицы посланы уже были въ Европу и донынѣ хранятся въ Белгійскомъ соборѣ Намура. Утѣшенный Царь щедро одарилъ миссіонеровъ и позволилъ имъ основаться въ Гори: это было началомъ ихъ проповѣди въ предѣлахъ Грузіи. Самъ онъ, съ великимъ торжествомъ духовнымъ, съ Католикосомъ Захаріею, всѣми Епископами и синклитомъ, встрѣтилъ грядущую къ нему въ образѣ мученицы мать, и столь же торжественно проводилъ до мѣста упокоенія своихъ предковъ, въ соборъ Алавердскій. 13-го Сентября, въ день обновленія храма Іерусалимскаго, святыя мощи Кетевани поставлены были на престолѣ храма, ибо въ этотъ день пострадала она

за Христа, и сіе число доселѣ празднуется какъ память ея духовнаго рожденія.

Мужъ ученый Іоаннъ Епископъ Алавердскій, посланъ былъ въ Ширазъ, чтобы принести оттолѣ остальныя части мощей мученицы; онѣ также положены были подъ главный престолъ собора, и доселѣ почиваютъ тамъ во утвержденіе Церкви Иверской. Самъ Теймуразъ и временно заступившій мѣсто его Арчилъ Имеретинскій, описали въ прозѣ и стихахъ житіе Царицы, и кому же ближе какъ не сыну было воспѣвать подвиги матери? Но еще не была вычерпана для него вся чаша золъ, и краткій отдыхъ данъ былъ ему только, какъ бы для прославленія мученицы. Сынъ Шахъ Аббаса Софи, вооружилъ магометанскаго наслѣдника Царей Карталинскихъ, Рустумъ Хана, противъ своихъ единоплеменниковъ, и Теймуразъ потерявъ, въ битвѣ за Алазанью, послѣдняго сына Давида, вынужденъ былъ опять бѣжать изъ своего царства. Долго скитался онъ по землямъ единовѣрнымъ и иновѣрнымъ. Пріемъ его, при дворѣ Царя

Алексѣя Михайловича, былъ ознаменованъ обидою, нанесенною Патріарху Никону въ лицѣ его боярина, и сдѣлался въ послѣдствіи виною его паденія. Преемникъ Теймураза Арчилъ, сынъ Вахтанга Шахъ Наваза, Царя Карталинскаго, принужденъ былъ также искать покровительство въ Россіи отъ набѣга Турковъ, а сынъ его Царевичъ Александръ, сражаясь въ рядахъ нашихъ, умеръ въ плѣну у Шведовъ. Какая странная участь для властителей Иверскихъ!

Что касается до Теймураза, то послѣ многихъ странствованій, Вахтангъ Шахъ Навазъ выманилъ его изъ Имеретіи, когда онъ еще однажды искалъ возвратиться на родину, ибо туда влекло его сердце къ праху своихъ предковъ. Вахтангъ послалъ его плѣнникомъ въ Персію; принятый тамъ съ честію онъ заболѣлъ отъ старости и скончался въ Астрабадѣ, въ 1663 году. Исполнилось благочестивое его желаніе и если не царство, то по крайней мѣрѣ обрѣлъ онъ себѣ могилу въ бывшемъ своемъ царствѣ, близъ гроба матери и предковъ. Но внукъ его Ираклій, получилъ опять утра-

ченную дѣдомъ державу, а правнукъ Теймуразъ, по избранію Шахъ Надира, соединилъ на главѣ своей обѣ короны Карталиніи и Кахетіи и передалъ ихъ славному сыну Ираклію II. Такъ исполнились надъ ними благословенія мученицы. Какая страшная и вмѣстѣ трогательная драма — весь этотъ рядъ Царей Кахетинскихъ, начиная отъ великаго Леона, воителя Іерусалимскаго, который одинъ только скончался въ мирѣ!

Если мученица Кетевань торжественно покоится подъ самымъ престоломъ, ради ея подвиговъ, то подъ сѣнію того же собора нашли себѣ упокоеніе и единокровныя ей жертвы семейныхъ междоусобій: Царь Александръ съ сыномъ своимъ Георгіемъ, умерщвленные извергомъ Константиномъ, и съ ними пострадавшій Епископъ Руставскій Павелъ, который тщетно старался удержать руку отцеубійцы. Тутъ же, въ числѣ прочихъ Святителей храма сего, и еще одинъ закланный на самомъ олтарѣ Лезгинами, въ 1480 году, Іоаннъ Алавердскій, и другой Іоаннъ, принесшій изъ Персіи

мощи Кетевани, и Епископъ Зинонъ, паломникъ, противъ своей воли недошедшій до Іерусалима и вмѣсто того посѣтившій Россію. Тутъ и многострадальный Царь Теймуразъ великій, съ сыномъ своимъ Давидомъ, погибшимъ въ битвѣ противъ Рустума; ими кончается въ Алаверди царственная династія Кахетинская, ибо сынъ Давида Ираклій, вынужденный принять магометанское имя Назаръ-Али-Хана, лишился чести погребенія между предковъ, а преемникъ его Теймуразъ II, искавшій себѣ покровительства при дворѣ Императрицы Елисаветы, умеръ на обратномъ пути въ Астрахани и тамъ похороненъ. Въ соборѣ еще покоятся двѣ Царицы Анны, супруги перваго Ираклія и втораго Теймураза, и двѣ Царевны, Елена, дочь Ираклія, и дочь Теймураза, инокиня Макрина, знаменитая своими писаніями; ея канонъ въ честь святаго Іосифа Алавердскаго, доселѣ поется въ день его памяти 15-го Сентября. Такимъ образомъ три праздника слѣдуютъ въ немъ одинъ за другимъ: воздвиженіе честнаго креста, а

прежде и послѣ его память святыхъ Кетевани и Іосифа. Но торжествомъ воздвиженія обязана обитель Алавердская великому Царю Леону, потому что онъ принесъ изъ Іерусалима большую частицу животворящаго креста, которую получилъ въ даръ отъ Патріарха Германа, за обновленіе храма Воскресенія Христова. Надпись о его благодѣяніи существовала на Голгоѳѣ до послѣдняго пожара Іерусалимскаго. Крестъ сей, оправленный въ золотѣ, воздвигается на праздничной всенощной и служитъ главнымъ предметомъ стеченія богомольцевъ, даже изъ числа Лезгинъ.

Я поклонился ему въ ризницѣ соборной и нашелъ тамъ много драгоцѣнной утвари и древнихъ иконъ, которыя утаены отъ взоровъ по случаю опустѣнія храма: ибо, съ упраздненіемъ эпархіи Алавердской, уничтожилась мало по малу и обитель иноковъ около собора, по нездоровому климату сего низменнаго мѣста. Теперь одинъ только инокъ посылается каждую недѣлю, изъ ближней обители Шуамтинской, только для богослуженія и охраненія сокровищъ Ала-

вердскихъ; его убогая келлія прилѣпилась къ развалинамъ бывшихъ архіерейскихъ палатъ. Между сими сокровищами сохраняется ветхое напрестольное евангеліе, писанное въ IX вѣкѣ на пергаментѣ и обложенное золотыми досками. Оно принадлежало Кацскому храму въ Имеретіи и неизвѣстно когда перенесено въ Кахетію, вѣроятно по случаю какого либо брачнаго союза, но по надписи видно, что выкуплено было послѣ Шахъ-Аббаса, изъ плѣна Персидскаго, настоятелемъ Алавердскимъ Зеведеемъ. На лицевой сторонѣ его образъ Спасителя осыпанный жемчугомъ, съ частицами святыхъ мощей, а на другой сторонѣ образъ Божіей Матери столь же драгоцѣнный. Есть еще богатыя иконы Царя Леона и супруги его Тинатины, которыхъ имена подписаны съ молитвою, о спасеніи царства ихъ отъ Агарянъ; молитва выражаетъ эпоху, а богатство вклада благочестіе дателей. Спаситель изображенъ въ золотой ризѣ, и на другой сторонѣ иконы вдѣланъ животворящій крестъ, съ 58-ю частицами святыхъ мощей.

Не менѣе драгоцѣнная икона Божіей Матери была пожертвована несчастнымъ сыномъ Леона, Александромъ, и онъ же украсилъ иной древній образъ пречистой Дѣвы, стоящей съ предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ, временъ Царя Давида возобновителя; на складняхъ ея изваяны благовѣщеніе и лики Апостоловъ. Замѣчательна надпись сей иконы, что точно такая же послана была въ даръ Царю Алексѣю Михайловичу Теймуразомъ 1-мъ; но гдѣ она находится теперь въ Москвѣ, не извѣстно. Память великаго Леона ознаменовалась въ соборѣ Алавердскомъ, еще богатою иконою Николая Чудотворца, и наперстнымъ крестомъ съ мощами, который также принесъ съ собою изъ Іерусалима и постоянно имѣлъ при себѣ, въ теченіи пятидесятилѣтняго своего царствованія, озарившаго лучемъ славы Кахетію и Палестину.

ИКАЛЬТО И ШУАМТА.

Мы спѣшили оставить соборъ Алавердскій, потому что уже вечерѣло и провели ночь въ Икальто, селеніи князей Макаевыхъ, изъ дому коихъ былъ Митрополитъ Іоаннъ Бодбель. По давнему обычаю страны гостепріимный хозяинъ, въ лучшей своей одеждѣ и на лучшемъ конѣ, проводилъ насъ на слѣдующее утро въ сосѣдній монастырь Икальтскій, мѣсто погребенія его предковъ. Положеніе обители весьма живописно, на лѣсистыхъ холмахъ; только недавно обновилъ ее старецъ Митрополитъ,

ради памяти Св. Зинона, одного изъ Сирскихъ отцевъ, ее основавшаго и въ ней почіющаго. Нѣкогда славилась она своею ученостію и многолюдствомъ братіи, ибо тутъ устроилъ свое знаменитое училище духовникъ Царя Давида возобновителя, игуменъ Арсеній, который самъ былъ въ Палестинѣ, собралъ всѣ житія святыхъ Грузинскихъ и для многихъ составилъ службы. Около его обители основалось по окрестнымъ горамъ, до шестидесяти малыхъ скитовъ и церквей, коихъ остатки еще видны въ лѣсахъ, и даже сохранилась народная пословица: «въ Икальто шестьдесять церквей безъ одной.» Развалины обширнаго училища Арсеніева, отколѣ вышли многіе свѣтильники Церкви Грузинской, просіявшіе и на святой горѣ Аѳонской, доселѣ видны на дворѣ монастырскомъ.

Соборный храмъ не великъ, но пріятнаго зодчества и современенъ Св. Зинону; празднуетъ же нерукотворенному образу Спасову, ибо сію икону принесъ изъ Сиріи одинъ изъ тринадцати отцевъ, Св. Антоній Марткопскій, хотя съ тѣхъ поръ не

сохранилась самая икона, но списки ея повторяются во всѣхъ почти церквахъ Грузіи, по глубокому къ ней уваженію народа; Съ благоговѣніемъ поклонился я гробу святаго основателя Зинона, житіе коего намъ не сохранилось, равно какъ и житія его сподвижниковъ Іосифа Алавердскаго и Стефана Хирскаго; но храмы ихъ служатъ живою лѣтописью ихъ дѣяній, вмѣстѣ съ исцѣленіями, доселѣ истекающими отъ ихъ раки, потому что одна только проповѣдь блаженныхъ отцевъ утвердила Христіанство въ сихъ нѣкогда дикихъ предѣлахъ. Надъ гробомъ Зинона устроена недавно рѣзная сѣнь, усердіемъ Митрополита Бодбійскаго, а у ногъ его избралъ себѣ мѣсто успокоенія другой великій труженикъ, Авва Арсеній, много подвизавшійся ко благу своей родной Церкви. Какъ умилительно должно было видѣть Царя возобновителя, въ промежуткѣ браней, смиренно слушающаго назиданія святаго отшельника, въ сей мирной обители, посреди многочисленной братіи, когда въ то же время бѣжали отовсюду Сарацины, предъ побѣдо-

носнымъ оружіемъ царственнаго ученика Арсеніева.

Не болѣе трехъ верстъ отъ Икальто до Шуамта; дорога спускается въ дикое ущеліе, поросшее лѣсомъ, гдѣ видны на скалахъ слѣды пустынныхъ келлій. Потокъ шумитъ на днѣ ущелія, проникающаго до сердца горъ Гамборскихъ, и на скатѣ лѣсистаго холма возвышается обитель съ башнями и оградой, которыя защищали отъ хищниковъ Лезгинскихъ великолѣпное зданіе Царицы Тинатины, супруги Леоновой. Молнія недавно разбила колокольню; паперть, бывшая около собора съ боковыми придѣлами, уничтожена при послѣднемъ обновленіи, какъ и въ Алаверди, хотя она служила не только украшеніемъ, но и опорою для стѣнъ; уцѣлѣлъ одинъ только придѣлъ во имя Архангела. Но не смотря на то красуется еще своимъ зодчествомъ храмъ Богоматери, въ маломъ видѣ напоминающій Алавердскій. Внутренность церкви столь же пріятна для глазъ какъ и наружность: два столба посерединѣ поддерживаютъ высокіе своды, на коихъ еще со-

хранилась стѣнная живопись, и даже тѣмъ выше тѣмъ ярче. Иконостасъ новый недавно присланъ изъ Москвы, Царевичемъ Иракліемъ. Храмовая икона Божіей Матери съ предвѣчнымъ Младенцемъ, въ золотомъ жемчужномъ окладѣ, есть списокъ чудотворной иконы Хахульской, которая доселѣ чествуется въ Гелатскомъ монастырѣ Имеретіи. Надпись на ней свидѣтельствуетъ, что она пожертвована Царемъ Леономъ и его супругою, въ исходѣ XVI вѣка, а серебренные подсвѣчники предъ иконостасомъ принесены въ даръ, благочестіемъ двухъ послѣднихъ Царей Грузіи.

Олтарь раздѣленъ на три части, и съ правой стороны существовалъ малый придѣлъ Святителя Николая. Всѣ стѣны внутри святилища расписаны символически, соотвѣтственно его назначенію, но лики Святыхъ исколоты Леагинами. На горнемъ мѣстѣ умовеніе ногъ, ради непрестанной памяти смиренія пастырскаго, и болѣзненная молитва Господа на Элеонѣ, въ три разныя ея минуты, какъ я это видѣлъ въ Венеціанскомъ соборѣ Св. Марка: первое

моленіе Господа о чашѣ, да мимо идетъ, потомъ совершенно простертъ онъ долу, съ каплями кроваваго пота, и наконецъ укрѣпляется Ангеломъ человѣческая его природа. Внизу четыре Іерарха, образователи литургіи, съ хартіями въ рукахъ, на коихъ начертаны возгласы эктеній, и между ними Господь, въ образѣ жертвы на дискосѣ, и два Ангела, его осѣняющіе рипидами. Надъ дверьми въ жертвенникъ и придѣлъ также Святители со свитками, гдѣ вписаны молитва проскомидіи: «Боже, дающій «намъ хлѣбъ небесный» и предшествующая Херувимской пѣсни: «никто же достоинъ отъ связавшихся земными сластьми;» а на аркѣ олтарной львиныя головы въ арабескахъ, одинъ изъ символовъ Серафимовъ, или быть можетъ напоминаніе имени созидателя Леона.

Внѣ олтаря, на стѣнахъ, событія евангельскія отчасти уже стерты: Закхей на деревѣ, желающій видѣть Господа, вѣроятно въ память утѣшительныхъ словъ Спасителя: что «отнынѣ пришло спасеніе дому сему», ради его пожертвованія. Воз-

несеніе Господне, снятіе со креста и сошествіе Святаго Духа, еще можно ясно различить. Давидъ и Соломонъ, родоначальники племени Багратіоновъ, еще нѣсколько пророковъ и мучениковъ изображены на столбахъ, а надъ арками со входа представлена Божія Матерь, сидящая между Херувимовъ, къ которой подводятъ Ангелы съ одной стороны отшельниковъ, а съ другой лики дѣвъ. Поверхъ западныхъ вратъ Спаситель окруженъ ликами Ангельскими, по обычаю Византійскому; нѣсколько выше Ангелъ возвѣщаетъ блаженную кончину Божіей Матери, на горѣ Элеонской, и самое ея успеніе на Сіонѣ, — преданія мѣстныя, которыя вѣроятно почерпнулъ въ Іерусалимѣ благочестивый Царь Леонъ, во время своего похода. Тутъ же и храмоздатели Св. града Константинъ и Елена; быть можетъ и основатели сей обители были также написаны на противоположной стѣнѣ, но уже время стерло ихъ царственные лики.

Гробъ основательницы Царицы Тинатины находится съ лѣвой стороны, внутри

церкви, и такъ велико уваженіе народное къ сей достойной супругѣ Леона, что и до нынѣ, каждую Пасху, ставятъ лампаду въ погребальный склепъ ея, какъ бы для того чтобы она, вмѣстѣ со всѣми, наслаждалась радостнымъ свѣтомъ воскресенія. Дочь Владѣтеля Гурійскаго Маміи, Тинатина, не уступала супругу своему въ щедрости къ обителямъ, и оба покоятся въ созданныхъ ими храмахъ, раздѣленные тѣлесно, но соединенные духомъ: Царица здѣсь, въ соборѣ Рождественскомъ, а великій Леонъ въ великолѣпномъ нѣкогда храмѣ Архангеловъ, который соорудилъ онъ за Алазанью, въ бывшей своей столицѣ Греми. Прежде, по уваженію къ Царицѣ, никто даже изъ царственнаго рода, не погребался въ ея обители. Первая удостоилась сей чести Княгиня Чавчавадзе, надъ которою любящій ея сынъ написалъ трогательную эпитафію:

«На терніяхъ сего міра скончавшейся, даруй на цвѣтахъ царствія твоего, пробудиться мнѣ, Господи!»

Когда я читалъ стихи сіи, скоро надъ-

ялся познакомиться съ тѣмъ, кто ихъ написалъ; но вмѣсто того отъ меня потребовали слова и для егогробовой плиты; я указалъ на слова 29 псалма, соотвѣтствующія мысли собственныхъ его стиховъ: «вечеръ водворится плачь и заутра радость.»

Обитель Шуамтинская, въ смутныя эпохи царства, была. укрѣплена, и въ стѣнахъ ея не рѣдко спасались окрестные жители отъ Лезгинъ, для коихъ ущеліе Гамборское было большею дорогою въ Грузію. Въ стѣнахъ монастырскихъ обиталъ нѣкоторое время и посолъ Царя Бориса Годунова Татищевъ, доколѣ наконецъ, вызванный несчастнымъ Царемъ Александромъ, на Царскіе колодцы, сдѣлался тамъ свидѣтелемъ бѣдственной его кончины. Шуамта и до сихъ поръ, при общемъ упадкѣ монашества въ Грузіи, почитается однимъ изъ лучшихъ монастырей, и должно отдать справедливость ревности настоятеля Архимандрита Христофора, который, при скудныхъ средствахъ и маломъ числѣ братіи, старается поддержать древнюю обитель. Онъ хотѣлъ, чтобы мы видѣли прежнее мѣсто, отколѣ

перенесла ее Царица, и далъ намъ въ сопровожденіе одного изъ своихъ иноковъ.

На разстояніи четверти часа отъ монастыря, въ самой чащѣ лѣса, гдѣ развѣсистыя вѣтви и опрокинутыя деревья безпрестанно пересѣкаютъ дорогу, увидѣли мы на скатѣ холма три церкви, одну подлѣ другой, обросшія не только вокругъ но и сверху; большія дерева утвердили столѣтніе свои корни на священномъ подножіи, на крышѣ обители, и представляются какъ перья исполинскаго шелома. Замѣчательно внутреннее устройство сихъ церквей, свидѣтельствующее ихъ глубокую древность: олтарь совершенно отдѣленъ отъ жертвенника и не имѣетъ другихъ дверей кромѣ царскихъ. Онъ поднятъ на двѣ ступени отъ помоста; четыре витые столбика съ лѣпными украшеніями на аркахъ, ихъ соединяющихъ, поставлены на низкой каменной стѣнкѣ вмѣсто иконостаса, такъ что насквозь можно бы видѣть всю службу. Мѣстныхъ иконъ не было, но на фронтонѣ аркъ сохранились лики Спасителя, Божіей Матери и Ангеловъ, а на горнемъ

мѣстѣ шесть Святителей уже полустертыхъ. Жертвенникъ стоялъ совершенно особо въ углубленіи и сообщеніе съ олтаремъ было только черезъ церковь, а съ правой стороны, въ каждой изъ трехъ церквей, видны малые придѣлы, хотя онѣ сами были очень не велики и даже одна служила колокольнею. Такимъ образомъ въ Грузіи существуютъ три совершенно различныя устройства олтаря, и весьма древнія: одно какъ у насъ, гдѣ жертвенникъ, хотя и отдѣльный, сообщается съ олтаремъ; другое, гдѣ нѣтъ внутренняго сообщенія между ними, а третіе, только въ тѣсныхъ придѣлахъ, гдѣ престолъ и жертвенникъ слѣплены вмѣстѣ на одномъ камнѣ, какъ у Св. Нины и въ Моцамети.

Когда мы возвратились въ обитель и посѣтили келліи настоятеля, я былъ пораженъ очаровательнымъ видомъ съ балкона. Въ горной лѣсистой рамѣ открылся мнѣ просвѣтъ, въ долину Кахетіи и на величественные верхи Кавказа. Ближе ко мнѣ, на противуположныхъ скалахъ ущелія Шуамтинскаго, сіяли пещерныя келліи уже оставленной обители Св. Шіо. Во

глубинѣ долины, окрашенной синевою отдаленія, бѣлѣлъ какъ призракъ соборъ Алавердскій, основное звѣно Кахетинской славы, и гораздо дальше за Алазанью, уже на предгоріи Кавказа, мелькалъ чуть видный храмъ Св. Георгія, предметъ богомолія самихъ Лезгинъ. Дико и сумрачно подымались горы, кончая собою горизонтъ сей чудной картины, и выше всѣхъ горѣлъ на солнцѣ своими снѣгами, въ голубой оправѣ небесъ, лучшій алмазъ этой цѣпи — Казбекъ. Изумленный долго стоялъ я и всматривался въ необычайное зрѣлище, которое будто бы только мелькнуло предъ очами, и казалось готово было уступить мѣсто другому, какъ эти подвижные виды фантазмагоріи, скользящіе одинъ за другимъ, на бѣломъ покрывалѣ, по манію волшебнаго фонаря. Такъ простился я съ очаровательною Кахетіею.

Лѣсистое ущеліе, вверхъ по теченію потока, путемъ разбоевъ Лезгинскихъ, привело насъ на высоты Гамборскія, богатыя пастбищами и своею растительностію; коегдѣ, на неприступныхъ утесахъ, виднѣлись

башни, куда уже тепеь не восходитъ нога человѣческая. Однажды только, говорили мнѣ, съ незапамятныхъ временъ, въ одной изъ такихъ башень показался дымъ, но никто не разгадалъ доселѣ, что могло быть его причиною. Пусть будетъ это лучше ѳуміамъ тайнаго кадила, который поднялся къ небу, при вечерней молитвѣ какого либо невѣдомаго отшельника: ибо еще и доселѣ множество великолѣпныхъ развалинъ разсѣяно по пустыннымъ мѣстамъ. Кто знаетъ, не спасается ли, между сихъ обломковъ, забытый міру и забывшій его отшельникъ? Приближаясь къ Гамборамъ мы увидѣли, на одинокомъ утесѣ, обрушенныя бойницы и башни, сросшіяся со скалою, до такой степени, что нельзя было различить гдѣ кончается природа и гдѣ начинается искусство. Это былъ замокъ Царя Вахтанга Гургъ-Асланa, и много такихъ замковъ разсѣяно по горамъ, давно уже брошенныхъ людьми, но куда еще заходятъ дикіе олѣни слагать весеннее бремя своихъ роговъ, какъ бы въ даръ великимъ геніямъ сихъ развалинъ.

Самый радушный пріемъ ожидалъ насъ въ Гамборахъ, у начальника артиллерійской бригады, которая тамъ еще расположена со временъ Ермолова, для прекращенія набѣга горцевъ. Отрадно было отдохнуть, послѣ пятидневнаго труднаго странствованія, въ пріятномъ обществѣ, и встрѣтить, при выходѣ изъ горъ, военную семью, связанную взаимною любовію и уваженіемъ къ своему достойному начальнику. Густые лѣса окружаютъ Гамборы, наполненные кабанами и оленями. Это любимое мѣсто охоты, гдѣ отважные гоняются за ихъ дикими жителями, отдыхая такимъ образомъ отъ своихъ лѣтнихъ походовъ, противъ болѣе дикихъ обитателей Кавказа. Рано утромъ поднялись мы въ путь, и при выѣздѣ изъ ущелія Гамборскаго, посѣтили еще одну опустѣвшую обитель Самебельскую или Святыя Троицы; она еще недавно была каѳедрою одной изъ двадцати эпархій Грузинскихъ; послѣдній ея Епископъ умеръ въ Москвѣ, куда выѣхалъ съ Царемъ Вахтангомъ.

Величественно зданіе храма, складеннаго

изъ дикаго камня: восемь столбовъ поддерживаютъ его высокіе своды: она носитъ отпечатокъ лучшихъ временъ Грузинской Церкви: стѣнная живопись мѣстами сохранилась. Два ближайшіе къ олтарю столба служили опорою для иконостаса: въ нихъ, есть еще мѣста для иконъ, въ родѣ кивотовъ съ разными украшеніями; напротивъ, въ двухъ другихъ столбахъ, изсѣчены мѣста для Епископа и Князя, какъ въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ древнѣйшихъ храмовъ; въ самомъ престолѣ выдолблено мѣсто для храненія ладана. Съ правой стороны олтаря существовалъ придѣлъ, съ лѣвой отдѣльный жертвенникъ, на которомъ нашелъ я олѣньи рога, принесенные въ даръ окрестными жителями, изъ числа Пшавцевъ и Тушинцевъ. Они сохранили въ горахъ христіанство, хотя и смѣшенное съ нѣкоторыми повѣріями языческими, и почитаютъ священнымъ долгомъ, приносить вмѣсто жертвы свою добычу на олтари Св. Георгія, искони ими уважаемаго по преданію предковъ. Еще сохранилась ограда кругомъ храма, съ башнею на воротахъ,

и домъ архіерейскій уже въ развалинахъ посреди двора, съ другою башнею, которая служила теремомъ. Стада паслись около пустынной обители; дикій пастухъ Тушинскій, съ ружьемъ вмѣсто посоха, долго провожалъ насъ глазами отъ воротъ ея, гдѣ нѣкогда ласковый пріемъ духовнаго пастыря встрѣчалъ усталаго богомольца.

Нѣсколько далѣе, на другомъ берегу рѣчки Грязной, увидѣли мы опустѣвшую обитель женскую во имя Успенія: начало ея восходитъ быть можетъ до первыхъ временъ христіанства Грузіи, потому что она основана въ виду селенія Уджармы, гдѣ воздвигнутъ былъ одинъ изъ четырехъ крестовъ Св. Нины. Еще и теперь видно много остатковъ древности въ этомъ селеніи, на берегахъ рѣки Іоры. Когда я взошелъ въ малую обитель Успенскую, одинъ только образъ стоялъ на обнаженномъ иконостасѣ, это былъ образъ Владимірской Божіей матери. Пріятно было для меня такое явленіе въ пустынѣ, какъ бы привѣтствіе Московскаго собора въ соименной ему обители Иверской, посреди безмолвія ея развалинъ.

Я спросилъ какъ могла зайти сюда икона Русская? Мнѣ сказали, что ее принесла одна благочестивая поселянка, изъ сосѣдняго селенія Хашмы, которая обновила, сколько могла, церковь скудными своими средствами, и хотѣла при ней постричься, чтобы устроить опять обитель инокинь, но ей отказали; она же, вѣрная своему обѣту, не отходила отъ храма, доколѣ не легла на вѣчный покой у его преддверія. Какое высокое самоотверженіе, и какъ пріятна такая жертва Богу! Съ умиленіемъ поклонился я гробу невѣдомой старицы, которой имя конечно вписано между именами первыхъ отшельницъ Христіанскихъ.

Въ селеніи Хашма, гдѣ еще сохранилась вокругъ древней церкви ограда съ бойницами, противъ нападеній Лезгинскихъ, мы переѣхали опять шумную рѣку Іору и, чрезъ пустынныя поля Марткопскія, достигли желанной цѣли нашего путешествія Тифлиса. Ни откуда не открывается онъ такъ величаво, какъ съ дороги Кахетинской отъ горы Навтлуга. Грозно встаютъ на скалахъ двѣ его крѣпости, другъ про-

тивъ друга, Метехъ, на обрывѣ утеса надъ Курою, и на противуположной горѣ древній оставленный замокъ, Килиси, съ своими обвалившимися башнями и длинною грядою стѣнъ по каменистому гребню. У подножія горы быстро течетъ шумная Кура, усѣянная роскошными садами на своихъ островахъ, вдоль по дорогѣ къ Эривани. На право отъ Метехскаго замка живописно расположенъ весь городъ, по другую сторону рѣки, около собора Сіонскаго, сосредоточившаго вокругъ себя большую часть его храмовъ, а вдали, на высокой горѣ Св. Давида, видна одинокая пустынная церковь, орлиное гнѣздо отшельника Гареджійскаго, осѣняющаго собою древнюю столицу Грузіи.

МЦХЕТЪ.

Я поспѣшилъ въ Мцхетъ, чтобы встрѣтить тамъ Экзарха, на обратномъ пути его изъ Ахалциха, и присутствовать при его соборномъ служеніи, на праздникѣ хитона Господня. Мнѣ хотѣлось, въ первый разъ, привѣтствовать добраго пастыря Церкви Грузинской, въ виду главнаго святилища Грузіи, и слышать первыя его молитвы, о благѣ своей паствы, въ томъ мѣстѣ, отколѣ возсіяло христіанство цѣлой странѣ Иверской. День уже склонялся къ вечеру; я переѣхалъ Куру, по новому мосту, заступившему мѣсто Римскаго, разобраннаго по ветхости. Онъ былъ построенъ во вре-

мена Помпея, когда великій полководецъ преслѣдовалъ не менѣе великаго врага Римлянъ Митридата. Здѣсь нѣкогда и блаженная Нина, встрѣтила Царя Миріана, когда шелъ онъ на поклоненіе своимъ идоламъ и, увлеченная вслѣдъ за нимъ толпою народа, сокрушила идоловъ. Сколько воспоминаній на первомъ шагу, при самомъ вступленіи въ пустынный нынѣ Мцхетъ!

Мнѣ отвели келлію, внутри ограды соборной, и я успѣлъ только воспользоваться послѣднимъ, слабымъ мерцаніемъ вечера, чтобы войти во внутренность храма. Кончалась вечерня; какъ бѣлыя тѣни выходили, изъ мрачной глубины его, набожныя Грузинки, въ своихъ волнобразныхъ чадрахъ или покрывалахъ; нѣсколько болящихъ лежали въ преддверіи, чаявшіе исцѣленія, какъ нѣкогда движенія водъ въ купели Силоамской. Внутри святилища мелькали какъ звѣзды, проявляющіяся вечеромъ на тверди небесной, одинокія свѣчи предъ мѣстными иконами. Множество свѣтильниковъ, слитые вмѣстѣ, горѣли на помостѣ предъ тѣмъ столбомъ, подъ которымъ хра-

нился хитонъ Господень. У подножія столба лежали нѣсколько усердныхъ молитвенницъ, бѣлизною своихъ чадръ, умножая тутъ скопленіе свѣта. Не надобно было спрашивать, гдѣ завѣтная святыня храма? она была указана, какъ бы лучемъ, возсіявшимъ нѣкогда отъ сего мѣста для блаженной Нины, и съ благоговѣніемъ поклонился я подножію священнаго столба.

Мѣстное, благочестивое преданіе, переходившее изъ рода въ родъ, и записанное царственными лѣтописцами Грузіи, Вахтангомъ и Вахуштіемъ, сохранило трогательную повѣсть о хитонѣ Господнемъ. Давно уже, со времени плѣненія Вавилонскаго, поселилось въ Мцхетѣ общество Еврейское, потомки коего существуютъ и теперь, въ нѣкоторыхъ Грузинскихъ фамиліяхъ, Эліозовъ, Гедевановыхъ и еще другихъ, такъ какъ и царственный родъ Багратіоновъ ведетъ свое начало отъ Царя Давида, ибо все отзывается въ Грузіи незапамятною древностію. Когда молва о чудесахъ Спасителя достигла дальней Иверіи, Евреи Мцхетскіе, ежегодно посылавшіе отъ

себя на Пасху въ Іерусалимъ избранныхъ мужей, послали на сей разъ Эліоза, происходившаго отъ племени Левитовъ, изъ рода Первосвященника Илія. Мать Эліоза, благочестивая старица, умоляла сына, не принимать участія въ совѣтахъ беззаконныхъ, противъ того Свѣта, который явился во спасеніе языковъ. Она даже сочувствовала страданіямъ Искупителя; ибо въ страшную минуту мрака и землетрясенія, бывшихъ при его распятіи, воскликнула: «нынѣ паденіе царства Израилева!» и съ этимъ словомъ испустила духъ. Эліозъ присутствовалъ при распинаніи Господа, и пріобрѣлъ, отъ однаго изъ воиновъ Римскихъ, доставшійся ему по жребію нешвенный хитонъ. Когда же возвратился на родину, сестра Эліоза Сидонія, проникнутая послѣдними словами матери, выбѣжала къ нему на встрѣчу, вырвала изъ рукъ его священный хитонъ и, прижавъ къ груди своей драгоцѣнную одежду Богочеловѣка, отъ котораго отрекся ея народъ, упала мертвою предъ лицемъ брата. Никакая человѣческая сила, не могла выр-

вать изъ ея объятій священнаго залога, котораго никто, кромѣ ея, не былъ достоинъ, по своему невѣрію, и вмѣстѣ съ Сидоніею, похоронили хитонъ, въ царскомъ саду Адеркія, одного изъ Арсакидовъ, властвовавшихъ тогда въ Иверіи. Величественный кедръ выросъ надъ ея могилой и на долгое время укрылъ святое мѣсто, отъ изысканій человѣчеекихъ.

Авіаѳаръ, правнукъ сего Эліоза, первый принялъ ученіе Св. Нины и за то едва не подвергся казни отъ своего народа: онъ открылъ ей, какая святыня хранится подъ завѣтнымъ кодромъ и съ тѣхъ поръ приходила Нина, каждую ночь, молиться въ священной тѣни его; здѣсь посѣщали ее таинственныя видѣнія, предзнаменовавшія будущую славу мѣста. Однажды видѣла опа, какъ стая черныхъ птицъ, поднявшаяся изъ царскаго сада, омылась въ водахъ протекавшей мимо Арагвы, (символъ крещенія народа Иверскаго) и потомъ, убѣленныя какъ снѣгъ, сѣли онѣ на вѣтвяхъ кедра, и огласили вертоградъ райскими пѣснями; видѣла страшное паденіе

окрестныхъ горъ Армаза и Задена, съ идолами ихъ осквернявшими, и объ рѣки, Куру и Арагву, выступившія изъ береговъ и готовыя затопить Мцхетъ; слышала звуки брани и вопли полчищь бѣсовскихъ, въ образѣ воителей Персидскихъ, какъ бы уже вторгшихся въ столицу, и страшный голосъ, будто Царя Хозроя, повелѣвающій все истребить. Но Св. Нина подняла знаменіе креста, тихо произнесла: «престало владычество ваше, ибо вотъ побѣдитель!» и все изчезло.

Когда же, по гласу блаженной Нины, обратился Царь Миріанъ, онъ пожертвовалъ садъ свой, для сооруженія въ немъ перваго храма, ибо хотѣлъ, чтобы чувственный его вертоградъ былъ вертоградомъ духовнымъ, и тогда другія видѣнія посѣтили Нину. Срубленъ былъ таинственный кедръ и вырѣзано изъ него семь основныхъ столбовъ для дома Божія. Нинѣ является дивный мужъ, опоясанный огненнымъ поясомъ, говоритъ ей таинственныя слова, которыя никто не могъ уразумѣть, кромѣ сей блаженной дѣвы, и въ то же время,

руками Ангеловъ, огненный столбъ становится на томъ корнѣ, съ котораго былъ срубленъ кедръ. На слѣдующее утро главный столбъ, долженствовавшій служить опорою всему храму и который не могли сдвинуть наканунѣ, поставленъ былъ надъ корнемъ бывшаго кедра, и непрестанныя исцѣленія, вмѣстѣ съ мνромъ, начали истекать отъ него вѣрующимъ. По сему Царь Миріанъ, рѣшился оградить Св. мѣсто, внутри созидаемаго имъ храма; съ тѣхъ поръ, оно было всегда предметомъ глубочайшаго уваженія народнаго, даже язычниковъ и Магометанъ, и сохранилось, не смотря на всѣ раззоренія столицы и храма. Церковь Грузинская учредила празднованіе хитона Господня 1-го Октября, хотя самый храмъ, былъ сооруженъ, по примѣру Цареградскаго, во имя дванадесяти Апостоловъ.

Деревянная церковь Царя Миріана, освященная Патріархомъ Антіохійскимъ, была черезъ 50 лѣтъ замѣнена каменною, по усердію Царя Тиридата, внука Миріанова; когда же она пришла въ ветхость, могу-

щественный Царь Вахтангъ Гургъ-Асланъ, воздвигъ въ исходѣ V вѣка великолѣпный соборъ Мцхетскій, на мѣстѣ древняго, и учредилъ тамъ каѳедру Католикосовъ Иверскихъ, уже не зависѣвшихъ отъ Патріарховъ Антіохійскихъ. Землетрясеніе истребившее храмъ сей въ 1318 году, побудило Царя Георгія VI возобновить завѣтное святилище своихъ предковъ; но сто лѣтъ спустя завоеватель Тамерланъ разрушилъ его почти до основанія; нужно было все усердіе великаго Царя Александра, который обладалъ еще нераздѣльнымъ царствомъ, чтобы вновь соорудить святилище въ XV вѣкѣ. Замѣчательно однако благоговѣніе самихъ завоевателей къ мѣсту, гдѣ хранился хитонъ, ибо и Тамерланъ не коснулся священнаго столба и Шахъ-Аббасъ опустошивъ Грузію, удержанъ былъ отъ раззоренія святилища собственными имамами. «Это домъ молитвы, сказали они, котораго не касалась рука человѣческая.» Шахъ, вложилъ въ ножны губительный мечь свой, слѣзъ съ коня у самаго моста, обошелъ съ благоговѣніемъ храмъ

и помолившись предъ столбомъ, далъ Католикосу утвердительную грамоту, на владѣніе всѣми церковными имѣніями въ Кахетіи и Карталиніи. Невольно обращенный въ Магометанство, Царь Ростомъ, изъ дома древнихъ властителей Грузіи, по просьбѣ супруги своей Маріами, дочери Дадіана, обновилъ украшенія столба и куполъ, который обрушился вскорѣ послѣ Шаха-Аббаса, въ половинѣ XVI столѣтія. Еще два обновленія храма были при Царѣ Вахтангѣ, бѣжавшемъ въ Россію, и при Католикосѣ Антоніи старшемъ.

Едва только успѣлъ я возвратиться изъ собора въ свою келлію, какъ послышался звукъ колокольчика и Экзархъ въѣхалъ на дворъ монастырскій. Онъ остановился, не въ домѣ Католикосовъ, который только что былъ обновленъ и еще не устроенъ, а въ жилищѣ Архимандрита Мцхетскаго. Я поспѣшилъ принять его благословеніе, ибо давно уже пользовался знакомствомъ, когда преосвященный Исидоръ былъ еще Викаріемъ Московскимъ; съ тѣхъ

поръ онъ долго находился въ эпархіяхъ западныхъ, гдѣ оставилъ по себѣ благую память, кроткаго и благочестиваго пастыря. Мы взаимно обрадовались другъ другу на чужбинѣ, и пріятное впечатлѣніе сего перваго свиданія, осталось мнѣ на все время пребыванія моего въ Тифлисѣ, ибо я могъ пользоваться его опытными совѣтами, въ краю для меня незнакомомъ, гдѣ уже успѣлъ онъ пріобрѣсти общую любовь. Но послѣ того скромнаго благолѣпія, которое обыкновенно окружаетъ нашихъ Архіереевъ, какъ странно было мнѣ видѣть Экзарха Грузіи, заступившаго мѣсто ея Католикосовъ-Царевичей, въ убогой келліи, безъ пола и безъ сѣней, съ бумажными окнами, и гдѣ же? въ виду каѳедральнаго собора Мцхетскаго, величайшей святыни Грузіи.

На другой день мы хотѣли посѣтить въ горахъ, развалины монастыря Іоанна Зедазнійскаго, главы Сирскихъ отцевъ; однако рано утромъ я уже былъ въ соборѣ, и питалъ душу воспоминаніемъ стольких столѣтій славы и бѣдствій. Хотя го-

ворятъ, что Царь Александръ I воздвигнулъ почти съ основанія храмъ сей, послѣ опустошенія Тамерланова, нельзя однако предполагать, чтобы ничего не оставалось отъ древняго зданія Вахтангова; безъ сомнѣнія уцѣлѣли стѣны, хотя безъ купола, потому что и Шахъ-Аббаса удержали отъ раззоренія удостовѣреніемъ, что мѣсто святое никогда не было разрушаемо. Послѣднее обновленіе собора, лишило его боковыхъ папертей, съ шестью ихъ придѣлами; хотя не правильны были сіи разновременныя пристройки, но онѣ составляли одно цѣлое съ главнымъ зданіемъ, которое само по себѣ, разнообразно и не требовало строгой симметріи; между тѣмъ паперти служили опорою для стѣнъ, такъ что большихъ стоило усилій, чтобы сокрушить прочность камня.

Величественна наружность Мцхетскаго собора, хотя не имѣетъ онъ легкой простоты Алавердскаго, но за то превосходитъ оный обширностію. Его строгія формы, остроконечный куполъ, крыша изъ

тесаныхъ камней и легкія арки по стѣнамъ, съ лѣпными украшеніями, дѣлаютъ изъ него совершенный типъ церкви Грузинской, которая много заимствовала изъ Византійскаго зодчества, но имѣла нѣчто и своего. Одинъ изъ посѣтителей горной Сванетіи говорилъ мнѣ, что ничто столько не напомнило ему образъ церкви Грузинской, какъ исполинскій Эльборусъ, видимый отъ своей подошвы въ верхнихъ долинахъ Сванетскихъ. Если это справедливо, то сама чудная природа Кавказа, дала великолѣпный образецъ зодчества тѣмъ, которые прислонились къ его вѣковому хребту, и конечно нельзя было искать другаго образца, болѣе свойственнаго странѣ, осѣненной вершинами Казбека и Эльборуса.

На входной паперти меня встрѣтила родственная икона Влахернской Божіей Матери, напоминающая нашу Печерскую; она есть почти необходимая привратница всѣхъ храмовъ Грузіи и не напрасно имя Вратарницы, осталось собственно Иверской иконѣ, ибо ея покрову любили ввѣрять исходы свои и входы благочестивые жи-

тели Иверіи. Когда же взошелъ я опять въ священную внутренность храма, (который простирается на 30 сажень до иконостаса и раздѣленъ столбами на три части) я былъ пораженъ колоссальнымъ ликомъ Спасителя, на горнемъ мѣстѣ; онъ видѣнъ былъ изъ за стѣны олтарной, и въ сравненіи его, всѣ прочіе лики казались второстепенными: быть можетъ это впечатлѣніе было цѣлію такого изображенія. Священный столбъ, предъ которымъ я поклонялся наканунѣ, привлекъ прежде всего мое вниманіе, съ правой стороны; онъ стоитъ отдѣльно, огражденный рѣшеткою, и не имѣетъ никакой наружной красоты. Самая колонна, воздвигнутая надъ хитономъ, обнесена четырьмя стѣнками съ отверстіями на верху, и легкою крышею или сѣнью. На сихъ стѣнахъ изображены грубыми фресками событія, относящіяся къ воздвиженію столба; надъ самымъ отверстіемъ, гдѣ источилось мvро, образъ Св. Троицы; съ правой стороны страсти Господни и сошествіе во адъ: позади ослѣпленіе Царя Миріана на горѣ и подъятіе

Ангелами столба; съ лѣвой стороны Патріархъ Антіохійскій Евстаѳій подаетъ евангеліе Царю Миріану и освящаетъ соборъ Мцхетскій, а подъ сѣнію, въ маломъ куполѣ, благословляющій Спаситель; это вѣроятно живопись временъ Царя Ростома, обновившаго сію святыню.

Иконостасъ деревянный возвышается четырьмя ярусами, съ рѣзными украшеніями, и устроенъ Царемъ Иракліемъ, но иконы его совершенно новыя и безъ окладовъ. На ряду съ мѣстными иконами изображены верховные Апостолы, Предтеча и, вмѣстѣ съ Іоанномъ Богословомъ, первый Епископъ Римскій Линъ, изъ числа семидесяти Апостоловъ. Тутъ же и Ангелъ, держащій хитонъ Господень, и Пророкъ Илія, бросающій милоть свою Елисею, потому что, по мѣстному преданію, не одинъ лишь хитонъ Спасовъ хранился въ соборѣ, но и верхняя риза пророческая утаена была въ сокровищницѣ храма; только недавно упраздненъ съ правой стороны придѣлъ во имя Иліи Пророка. Двадцать четыре именитыхъ Іерарха Церкви Восточной и За-

падной, двѣнадцать праздниковъ и страсти Господни, написаны въ трехъ прочихъ ярусахъ, и по краямъ иконостаса, поставлены двѣ древнія иконы Божіей Матери, со многими частицами Св. мощей.

Предъ самымъ олтаремъ, по обѣимъ сторонамъ амвона, гробовыя плиты двухъ послѣднихъ Царей, Ираклія и Георгія, которые положены какъ бы на стражѣ святилища и чтобы ближе внимать спасительнымъ глаголамъ евангельскимъ, возглашаемымъ съ сего амвона. Нельзя было избрать мѣста болѣе приличнаго и умилительнаго для обоихъ властителей, заключившихъ собою тысячелѣтній рядъ Багратидовъ, которые уже не въ силахъ были охранять царство и вѣру свою отъ меча Агарянскаго. Подлѣ гроба Ираклієва еще свѣжая могила, покрытая золотою парчею: это мѣсто упокоенія послѣдней его дочери Царевны Ѳеклы, нѣжно любившей отца, которая сдержала данное ему слово, не разлучаться съ нимъ и за могилою. Противъ гроба Ираклієва, у праваго столба, существуетъ еще во всей древней простотѣ, мѣсто Католи-

косовъ Грузинскихъ, каменное съ сидѣніемъ внутри, подъ малымъ куполомъ: оно не похоже на каѳедру, но мысль патріаршества выражена на немъ, внутри и снаружи, ибо здѣсь представлены образы трехъ первыхъ Патріарховъ Еврейскихъ, событіями ознаменовавшими преимущественно характеръ каждаго: Авраамъ приноситъ въ жертву сына своего, образецъ высочайшей жертвы Христовой; Исаакъ, на старости лѣтъ, благословляетъ Іакова вмѣсто Исава, указывая тѣмъ на духовное предназначеніе Израиля, и самъ Іаковъ видитъ во снѣ лѣстницу, восходящую къ небу, по которой сходятъ Ангелы къ человѣкамъ, залогомъ соединенія неба съ землею. Благовѣщеніе также изображено на каѳедрѣ, съ которой должно было благовѣствоваться слово Божіе, и на аркахъ три Святителя, учредившіе литургію, которую совершали здѣсь Католикосы, по древнему чину православія; въ куполѣ Спаситель сѣдящій, а съ боку самъ Католикосъ Іоаннъ, соорудившій каѳедру, передъ иконою Божіей Матери. Подлѣ каѳедры изображено

на стѣнѣ, вѣнчаніе на царство Царя Ираклія I-го, однимъ изъ Католикосовъ. Но другія замѣчательныя фрески, выражавшія не только мысли и чувства создателей, но и самую исторію церкви и царства, были стерты и забѣлены совершенно потому что уже приходили въ ветхость. Такимъ образомъ исчезли всѣ портреты Царей Грузинскихъ и Католикосовъ, которыхъ цѣлый рядъ тянулся по стѣнѣ; едва только успѣли списать нѣкоторые изъ нихъ для Академіи.

Не много уцѣлѣло стѣнной живописи и въ олтарѣ: надъ горнимъ мѣстомъ икона Спасителя, которая, какъ я уже сказалъ, поразила меня своею колоссальностію при самомъ входѣ. Онъ сидитъ на огненныхъ колесахъ Херувимскихъ, по видѣнію Пророка Іезекіиля, ибо въ святилищахъ Грузіи любили олицетворять Херувимскую пѣснь; въ рукахъ его евангеліе, съ Греческими словами: «Азъ есмь пастырь добрый.» Письмена сіи знаменуютъ глубокую древность; ибо конечно въ позднѣйшее время, ихъ написали бы по Грузински; но ликъ Спа-

сителя носитъ горькіе слѣды опустошенія Лезгинъ, которые не разъ врывались въ святилище и цѣлію стрѣлъ своихъ избрали очи Господни; только недавно вынуты были изъ нихъ лезвія нечестивыхъ стрѣлъ. Язвы сіи, въ самыхъ очахъ Господа, не выражаютъ ли вполнѣ характеръ Востока, гдѣ доселѣ ослѣпленіе есть обычная казнь, и бѣдственное положеніе Грузіи, которая не могла защитить отъ поруганія Агарянскаго, даже главную свою святыню. Подъ иконою Спасителя изображена Божія Матерь съ предвѣчнымъ Младенцемъ, одиннадцать по сторонамъ Апостоловъ и Духъ Святый надъ ними.

Замѣчательно самое устройство олтаря, иконостасъ нѣсколько отступилъ отъ стѣны, такъ что съ боку народъ можетъ видѣть богослуженіе. Горнее мѣсто сохранилось во всемъ его іерархическомъ достоинствѣ: на нижней ступени сидѣли пресвитеры кругомъ всего олтаря, на второй Епископы, для коихъ сдѣланы были шестнадцать углубленій въ полукружіи стѣнъ; высшая ступень предназначена была для

одного Католикоса. По словамъ лѣтописи Грузинской, Царь Вахтангъ Гургъ-Асланъ, одинъ изъ величайшихъ властителей Грузіи, былъ учредителемъ ея церковнаго быта; онъ испросилъ у Патріарха Константинопольскаго Католикосовъ, не зависящихъ отъ престола Антіохійскаго, и самостоятельность каѳедры Иверской, признана была соборно, по свидѣтельству ученаго Вальсамона и Кодина, въ его спискѣ эпархій православныхъ. Вахтангъ, стараясь о распространеніи Христіанства въ своихъ предѣлахъ и между дикими племенами, основалъ 12 Епархій въ Карталиніи и 12 въ Кахетіи, кромѣ Имеретіи и Сомхетіи; посему устроено было имъ въ соборѣ Мцхетскомъ много мѣстъ Епископскихъ, кругомъ каѳедры Католикоса, для соборнаго съ нимъ служенія.

Если слѣдить за остатками живописи внѣ олтаря, то не много ихъ сохранилось для любителей древности. На правой сторонѣ изображено, чертами Апокалипсиса, общее возстаніе мертвыхъ: земля и море возвращаютъ изъ нѣдръ своихъ все, что

поглотили отъ начала вѣка; Цари и Святители несутъ на рукахъ своихъ Церкви ими охраняемую; одежды Грузинскія, но надписи Греческія, и уже невозможно разобрать ихъ. Къ сей картинѣ прислоненъ бывшій тронъ царскій, съ легкою сѣнію на мраморныхъ столбикахъ. Въ главномъ куполѣ виденъ еще ликъ Господа Саваоѳа съ небесными Силами, а между оконъ Апостолы. Есть еще не много живописи на аркахъ, соединяющихъ основные столбы храма: на одной сторонѣ Богъ Отецъ, съ проявляющимся въ лонѣ его Сыномъ и сумволами Евангелистовъ вокругъ, вечеря тайная и трапеза Авраамова, а нѣсколько по выше Благовѣщеніе; на другой сторонѣ Константинъ и Елена, воздвигающіе крестъ, съ таинственною картиною, которую я не могъ разгадать: Спаситель изображенъ спящимъ и надъ главою его Греческія буквы не позволяютъ усумниться въ его лицѣ; подлѣ Божія Матерь а сверху Ангелъ, который держитъ знамя и тутъ же стоитъ Пророкъ Исаія. Не есть ли это олицетвореніе его пророчества: «въ той день воз-

станетъ знамя Іессеево и будетъ владѣть языками, и будетъ покой Его честь.»

Изъ портретовъ царскихъ, кромѣ коронованія Иракліева, уцѣлѣлъ еще на столбѣ, подлѣ Патріаршаго мѣста, портретъ Царицы Маріами, супруги Магометанскаго Царя Ростома, которая обновила куполъ соборный, и сына ея Луарсаба, въ отрочествѣ убитаго на охотѣ, въ степяхъ Карайскихъ; оба они похоронены близь сего столба. Горестна была участь Маріами, дочери Даліановъ; неволею была она выдана за Магометанина и всю надежду полагала на своего отрока, котораго воспитала въ вѣрѣ отеческой, и вотъ онъ бѣдственно погибъ на ловлѣ. Когда же скончался первый супругъ ея, Царь Ростомъ, Шахъ сталъ требовать къ себѣ его вдову: Маріамъ послала къ нему локонъ сѣдыхъ волосъ своихъ, умоляя не лишать ее отчизны и умилостивился Шахъ. Но это не спасло ея отъ втораго брака съ Вахтангомъ, Княземъ Мухранскимъ, опять Магометаниномъ, который вступивъ на престолъ долженъ былъ измѣнить вѣру и Хри-

стіанское свое имя, на Персидское Шахъ-Наваза.

Говорить ли о всѣхъ именитыхъ усопшихъ, которыми устланъ помостъ Мцхетскаго храма? — но кто укажетъ лѣтописный рядъ ихъ, послѣ столькихъ раззореній святилища. Особенно пострадалъ помостъ его, потому что Персы и Лезгины искали подъ нимъ удовлетворить своей хищности и, поруганіемъ праха Царей, оскорбить подданныхъ. Изъ всей династіи Сассанидовъ указываютъ только мѣсто могилы перваго Христіанскаго Царя Миріана, который велѣлъ положить себя подлѣ священнаго обѣ втстолба. Грораго основателя храма, Вахтанга Гургъ-Аслана, недалеко отъ царскаго мѣста подлѣ столба, на коемъ былъ написанъ портретъ его, теперь уже стертый, но никогда не сотрется слава Царя завоевателя и учредителя гражданскаго быта своего царства. Династія Багратидовъ, начавшаяся въ Абхазіи, тамъ собирала кости свои подлѣ костей своихъ предковъ, а съ тѣхъ поръ какъ великій возобновитель Давидъ основалъ обитель Ге-

латскую, большая часть изъ его преемниковъ избрала себѣ сію славную обитель, мѣстомъ упокоенія. Однако въ замогильныхъ спискахъ Царей, погребенныхъ въ соборѣ Мцхетскомъ, воспоминается цѣлый рядъ ихъ, начиная отъ Георгія VI или блистательнаго, который озарилъ послѣдними лучами славы царство Иверское: но гдѣ искать ихъ праха, послѣ раззоренія Тамерланова? Обновитель собора Александръ, въ XV вѣкѣ, по глубокому смиренію не смѣлъ возлечь на покой подъ его сѣнью; онъ соорудилъ для себя малый отдѣльный придѣлъ во имя Архангеловъ, съ сѣверной стороны храма. Это видно изъ его завѣщательной грамоты, въ которой учреждая вѣчное по себѣ поминовеніе говоритъ, что не хотѣлъ по примѣру своихъ предковъ избрать себѣ усыпальницею самый храмъ. Но при послѣднемъ обновленіи придѣлъ Архангеловъ, равно какъ и пять другихъ, пристроенныхъ къ собору, были уничтожены. Безъ сомнѣнія, по примѣру великаго Александра, Карталинскіе его преемники до Луарсаба, устроили себѣ такія же

надгробныя церкви, по сторонамъ собора. Сынъ Луарсаба, Симонъ великій, скончался въ плѣну Турецкомъ, а внукъ его Св. мученикъ Луарсабъ, въ плѣну Персовъ, однако первый перенесенъ въ Мцхетъ; Цари же Магометанскіе, хотя изъ той же династіи, увозились для погребенія въ Ардебиль. Еще два Христіанскіе Царя, уже изъ послѣднихъ, Вахтангъ лѣтописецъ и Бакаръ, низложенный Теймуразомъ, скончались въ Россіи. Такимъ образомъ много праздныхъ мѣстъ царственныхъ осталось въ соборѣ Мцхетскомъ и многія надписи стерты. . . . .

Родъ Багратіоновъ Мухранскихъ доселѣ сохранилъ право хоронить своихъ усопшихъ въ лѣвомъ крылѣ собора. Мнѣ всегда трогательнымъ казался обычай древнихъ родовъ Грузіи, собираться на вѣчный покой подлѣ гробовъ своихъ предковъ; чтобы вмѣстѣ воспрянуть, по гласу вселенской трубы. Лишиться могилы между отцевъ почиталось величайшимъ безчестіемъ и многіе, какъ Теймуразъ великій Царь Кахетинскій, послѣ бурной долголѣтней

жизни, истомленный въ изгнаніи, одного только жаждалъ, быть погребеннымъ подъ родственною сѣнью Алавердскаго храма; самые его гонители, Персы, уважили его благочестивое желаніе. Католикосы Иверскіе погребаемы были также подъ сводами своего каѳедральнаго собора, и еще тамъ видно нѣсколько безимянныхъ гробницъ: одна высокая, остроконечная, стоитъ въ правомъ крылѣ соборномъ подлѣ ризницы, быть можетъ Доментія или Виссаріона; но Антоній старшій, обновившій номостъ, велѣлъ положить себя подлѣ амвона и тутъ доселѣ видна его гробовая плита.

Есть еще одинъ именитый усопшій въ соборѣ Мцхетскомъ, но онъ внутри святилища подъ престоломъ, потому что положенъ былъ въ утвержденіе храма: это одинъ изъ тринадцати Сирскихъ Отцевъ св. Авивъ, Епископъ Некресскій. Эпархія его была за Алазанью, но въ окрестностяхъ Мцхетскихъ окончилъ онъ свой евангельскій подвигъ. Маги огнепоклонники, раздраженные противъ ревнителя истинной

вѣры, потребовали отъ вождя Персовъ, воевавшаго тогда въ Карталиніи противъ Грековъ, чтобы онъ вызвалъ къ себѣ на судъ Святителя. На пути встрѣтился ему инокъ Антіохійскій, посланный отъ Св. Симеона столпника, и вручилъ пастырскій жезлъ, долженствовавшій служить ему напутствіемъ къ вѣчной жизни. Сподвижникъ его, Св. Шіо, спасавшійся около Мцхета, испросилъ себѣ позволеніе видѣть друга своего, прежде мученической его кончины. Камнями побили праведника, послѣ долгихъ истязаній, за смѣлое обличеніе идолопоклонства, предъ лицемъ самихъ Маговъ; тѣло его было брошено на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ. Но Св. Шіо, съ учениками своими, поднялъ нетлѣнные останки и, въ присутствіи Католикоса, положилъ ихъ подъ алтарь Мцхетскаго собора. Церковь совершаетъ память Св. Авива, 29 Ноября, на канунѣ праздника Первозваннаго просвѣтителя странъ Закавказскихъ.

СИРСКІЕ СВ. ОТЦЫ.

Но говоря столько разъ о Св. отцахъ Сирскихъ, не время ли сказать и о томъ: какъ и когда пришли они въ страну сію, для которой были вторымъ источникомъ спасенія, послѣ равноапостольной Нины? По сбивчивости Грузинскаго лѣтосчисленія или хроникона, который слѣдуетъ солнечнымъ индиктамъ и возобновляется каждые 532 года, есть разность въ цѣломъ столѣтіи между историками Грузинскими и Греческими, касательно пришествія Св. отцевъ. Въ лѣтописи Кедрина сказано, что во время Императора Ѳеодосія младшаго св. Симеонъ столпникъ, какъ яркій свѣтильникъ, поставленный на свѣщникѣ, разливалъ лучи свои

повсюду: Иверы, Армяне и Персы, ежедневно приходившіе, принимали отъ него Св. крещеніе. И въ житіи Св. Давида Гареджійскаго, одного изъ Сирскихъ отцевъ, стольже ясно указано на эпоху, ибо онъ посѣтилъ Іерусалимъ, уже на исходѣ своего земнаго поприща, при Патріархѣ Иліи, который какъ извѣстно по исторіи скончался въ одинъ годъ съ Императоромъ Анастасіемъ, въ началѣ VI вѣка; слѣдственно пришествіе Сирскихъ отцевъ въ Грузію, должно быть необходимо въ теченіе V вѣка. Не сохранились житія всѣхъ, а только болѣе именитыхъ: начальника и учителя ихъ Іоанна Зедазнійскаго, Давида пустынника Гареджійскаго, Шіо пещерника Мгвимскаго, такъ названнаго отъ своей пещеры, и Іессея, поставленнаго Епископомъ въ городъ Цилканъ. Но вотъ имена и другихъ, которыя свято сохранила Церковь Грузинская, празднуя нѣкоторыхъ отдѣльно и совершая имъ общую память седьмаго Мая: Св. Авивъ святительствовалъ въ Некресахъ за Алазанью, Іосифъ по сю сторону Алазани въ Алаверди;

Стефанъ Хирскій и Зинонъ Икальтскій, основали свои обители въ той же долинѣ Кахетіи, а св. Антоній Марткобскій, принесшій съ собою чудотворный образъ Спаса, поселился ближе къ Тифлису на горахъ. Вообще Св. отцы раздѣлились такимъ образомъ, что шесть изъ нихъ были въ Кахетіи и шесть въ Карталиніи, въ числѣ коихъ, кромѣ упомянутыхъ Іессея и Шіо, еще четыре: Исидоръ Самтавійскій, Ѳаддей Степанъ-цминдскій, Пирръ Бретскій, и Михаилъ Улумбійскій. Они такъ названы отъ мѣста своего жительства; глава же Отцевъ основался въ Кахетіи, на горѣ Зедазенской, съ вѣрнымъ діакономъ своимъ Иліею. Трогательна повѣсть, какъ былъ онъ посланъ на божественную проповѣдь въ Иверію.

Въ предѣлахъ Антіохійскихъ просіялъ блаженный Іоаннъ, какъ нѣкое свѣтило, по выраженію писателя его житія, но не указано мѣсто его пустынныхъ подвиговъ. Многіе годы провелъ онъ въ уединеніи, и опять многіе годы посреди собранныхъ имъ учениковъ, когда было ему внуше-

ніе свыше, какъ нѣкогда Аврааму, оставить землю отцевъ своихъ и идти въ страну ему невѣдомую, гдѣ должно было отъ него возникнуть новое духовное сѣмя. По благоговѣйному преданію народа Грузинскаго, Матери Божіей досталась жребіемъ страна Иверская, при раздѣленіи вселенной для проповѣди Апостоловъ, и она не оставила своего удѣла, воздвигнувъ послѣ равноапостольной Нины новыхъ проповѣдниковъ слова истины. Въ сонномъ видѣніи явилась она Іоанну и повелѣла ему, избравъ двѣнадцать изъ числа учениковъ своихъ, идти съ ними утверждать Христіанство въ Иверіи. Собралъ Авва свое духовное стадо, открылъ чудное видѣніе и велѣлъ каждому, написавъ имя свое на отдѣльной хартіи, положить ее на престолѣ, чтобы никого не оскорбить произвольнымъ избраніемъ. Ночь провели въ молитвахъ, на разсвѣтѣ принесена была всѣми іереями безкровная жертва и вся братія пріобщилась Св. таинъ; потомъ всѣ, по гласу Іоанна, подняли руки къ небу, тихо взывая: Киріеелейсонъ! и тихо сошелъ, къ ли-

ку земныхъ Ангеловъ, небесный, взялъ съ престола двѣнадцатьименъ и, предъ лицемъ всѣхъ, вложилъ ихъ въ руки Іоанну.

Тогда блаженный Авва созвалъ вокругъ себя долженствовавшихъ остаться на мѣстѣ его прежняго жительства, горько плакавшихъ о предстоявшей имъ вѣчной на землѣ разлукѣ, и сказалъ: «дѣти невозможно противиться волѣ Божіей; съ той минуты какъ вы меня избрали своимъ учителемъ, ни кого изъ васъ не предпочиталъ я другому по лицепріятію, но всѣхъ любилъ одинаково отъ всего сердца: свидѣтель Богъ, нынѣ повелѣвающій мнѣ васъ оставить. Всѣ мы пришельцы и странники, какъ и отцы наши, говоритъ Св. Писаніе, иду и я провести остатокъ дней моихъ тамъ, гдѣ указалъ мнѣ Богъ. Вы же будьте ему вѣрны и не скорбите объ отшествіи собратій вашихъ, но съ радостію покоритесь горней волѣ, дабы вамъ не явиться ея противниками.» Онъ поставилъ имъ вмѣсто себя настоятелемъ Евѳимія, долго молился надъ ними, съ поднятыми къ небу руками, каждаго благословилъ отдѣльно,

плача самъ и умоляя не плакать, и поручивъ ихъ Богу исторгся наконецъ изъ ихъ объятій, съ избранными двѣнадцатію.

Кто былъ сей Евѳимій, которому Іоаннъ ввѣрилъ свое стадо, неизвѣстно. Судя по времени можно бы принять его за великаго Евѳимія Палестинскаго, котораго ликъ часто встрѣчается въ обителяхъ, устроенныхъ Сирскими отцами въ Иверіи. Но Евѳимій основалъ лавру свою въ долинѣ Іорданской, обитель же Іоаннова была въ предѣлахъ Антіохійскихъ. Въ то время великій столпникъ, Симеонъ старшій, свѣтилъ всему Востоку, съ высоты уединеннаго столпа своего, и къ нему стекались всѣ окрестныя страны. Авва Іоаннъ посѣтилъ его дорогою съ учениками, чтобы укрѣпиться его благословеніемъ.

Не безвѣстнымъ оставилъ Господь пришествіе отцевъ Сирскихъ, и въ новой странѣ, предназначенной для ихъ евангельскихъ подвиговъ. Ангелъ явился во снѣ Католикосу Евлавію въ Мцхетѣ и сказалъ: «вотъ идетъ къ тебѣ рабъ Божій Іоаннъ, съ учениками своими, просвѣщать страну

сію, какъ нѣкогда святая Нина; встань и прими ихъ съ любовію, ибо они посланы Богомъ и внутренній человѣкъ ихъ украшенъ духовно.» Всталъ изумленный Евлавій и повинуясь горнему велѣнію, съ духовнымъ соборомъ, пошелъ на встрѣчу, не вѣдая самъ кому, спрашивая каждаго: не видалъ ли кто рабовъ Божіихъ? И вотъ идутъ наконецъ, по дорогѣ отъ полудня, тринадцать отцевъ, убогіе съ виду, босые и въ рубищахъ, но въ клобукахъ иноческихъ по обычаю Палестинскому, и уразумѣлъ духомъ Католикосъ, что о нихъ возвѣстилъ ему Ангелъ. «Благо пришелъ ты къ намъ, святый отче,» сказалъ онъ съ любовію старшему изъ нихъ; Іоаннъ же повергся къ ногамъ его, воздавая почесть святительскому сану, и воскликнулъ: «благословенъ Богъ, удостоившій насъ поклониться твоей святынѣ.» Примѣру учителя послѣдовали и всѣ ученики, простершись на землю предъ Католикосомъ.

Въ минуту благословенія пастырскаго разрѣшились уста Іоанновы и знаніе языка Иверскаго даровано ему было, какъ нѣ-

когда, при сошествіи Святаго Духа, Апостоламъ. «Владыко святый, сказалъ онъ Католикосу, ты подражаешь Господу Іисусу въ смиреніи, и мы благодаримъ даровавшаго намъ пастыря, которому всѣ тайны открыты. Отнынѣ ты будешь руководить убогихъ ко спасенію, ибо при твоемъ благословеніи разрѣшилась уста наши и языкъ чуждый сдѣлался намъ присньімъ.» Радостно возвратился Католикосъ, съ новою своею дружиною, прямо въ соборъ къ священному столбу, воздвигнутому надъ хитономъ Господнимъ, и тамъ многія слезы и молитвы потекли, изъ очей и сердца пришельцевъ Сирійскихъ. Евлавій убѣждалъ ихъ при себѣ остаться, ибо лице ихъ было для него какъ лице Ангеловъ; болящіе получали отъ нихъ исцѣленіе, немощные духомъ утверждались въ вѣрѣ; Царь и вельможи приходили слушать ихъ поученія, и вся Карталинія просвѣтилась ихъ проповѣдію. Они обходили селенія, гдѣ Нина святая проповѣдывала, поклоняясь мѣсту, гдѣ стояли ноги равноапостольныя; наконецъ сами обратились съ молитвою къ

Богу, да укажетъ имъ мѣсто постояннаго жительства, для подвиговъ иночества.

Однажды видитъ Іоаннъ, какъ бы тучу нависшую за Арагвою, на вершинѣ горы Заденской, и слышитъ вопли полчищь бѣсовскихъ, хвалящихся овладѣть на всегда мѣстомъ. Авва собираетъ учениковъ своихъ и говоритъ имъ: «смотрите сила демонская вооружается противъ насъ, потому только что я задумалъ избрать мѣсто сіе жилищемъ, но съ нами сила Христова» и обратясь къ духамъ тьмы повелѣлъ имъ: «да никогда не явятся они тамъ, гдѣ только слышны будутъ имена убогаго Іоанна и его собратій.» Потомъ просилъ онъ Католикоса, позволить ему поселиться на горѣ той, доколѣ Богъ не укажетъ имъ инаго мѣста. «Безотрадна гора сія, отвѣчалъ Католикосъ, ибо тутъ стоялъ мерзкій идолъ Задена, и доселѣ исполнено злыхъ духовъ, бывшее требище.» Но Іоаннъ настоятельно просилъ его благословенія и, получивъ оное, собрался съ учениками идти въ гору. Это было весною, когда рѣка Арагва, въ полномъ разливѣ, кипѣла

въ берегахъ своихъ. Католикосъ съ духовенствомъ вышелъ провожать отшельниковъ до рѣки; не было никакого средства человѣческаго перейти ее, но что могло удержать такихъ путниковъ? блаженный Іоаннъ обращается къ старшему изъ учениковъ своихъ Шіо и говоритъ: «помолись, отче, да проведетъ насъ Господь безопасно на тотъ берегъ,» и Шіо, всегда покорный своему учителю, безъ малѣйшаго сомнѣнія или возраженія, обратился лицемъ къ востоку, трижды простерся на землю, и, осѣнивъ крестнымъ знаменіемъ шумныя волны, произнесъ: «вода, повелѣваетъ тебѣ отецъ нашъ, удержать твое теченіе, доколѣ не прейдемъ мы на тотъ берегъ!» Стала рѣка, какъ нѣкогда Іорданъ при гласѣ Навина, и по суху перешли ее святые отцы, предъ лицемъ цѣлаго народа, прославившаго Бога за столь благодатную силу рабовъ его.

Съ большимъ затрудненіемъ могли они подняться на крутую гору, поросшую густымъ кустарникомъ; когда же достигли вершины, Іоаннъ обошелъ ее всю и, най-

дя малую пещеру, обратилъ ее въ церковь. Вокругъ сего пустыннаго святилища устроили они себѣ лиственныя жилья, и стали подвизаться въ иноческихъ трудахъ, питаясь однѣми дикими травами, претерпѣвая голодъ и ненастье. Едва только разнесся слухъ, о водвореніи отцевъ на горѣ Заденской, дотолѣ неприступной, благочестіе народное открыло къ нимъ дорогу, сквозь мѣста непроходимыя, и всякаго рода болящіе, бѣснующіеся, хромые, слѣпые и увѣчные, которые были приводимы на гору, возвращались уже сами исцѣленными.

Однажды Католикосъ, съ своими Епископами, пришелъ посѣтить земныхъ Ангеловъ. Еще издали увидѣли Св. отцы духовное къ нимъ шествіе и, устремившись на встрѣчу, пали къ ногамъ Святителя, чтобы испросить себѣ благословеніе. Епископы хотѣли взаимно благословиться отъ отцевъ. Католикосъ сѣлъ подлѣ пещеры, служившей церковію, и глава отшельниковъ сказалъ ему: «Богъ богатый милостями своими, да наградитъ васъ, пасты-

ри и отцы, за трудъ вашъ въ посвященіи насъ недостойныхъ; но скажите намъ причину благодатнаго вашего пришествія.» «Мы хотѣли слышать отъ тебя назидательное слово,» отвѣчалъ ему Католикосъ, и смиренный, долго отказываясь говорить при Святителяхъ, которымъ болѣе подобало учить, наконецъ сказалъ имъ высокое поученіе, о Словѣ жизни; ибо уста его источали премудрость, какъ неисчерпаемый источникъ.

Такъ какъ въ это время, за смертію Епископовъ, праздны были двѣ эпархіи: Цилканская близь Мцхета и Некресская за Алазанью, то Католикосъ совѣщался съ Епископами, поставить кого либо изъ Св. отцевъ на опустѣвшія каѳедры, и положилъ назначить тѣхъ, которые будутъ приносить предъ лицемъ ихъ безкровную жертву. Литургію же совершали въ тотъ день, Авивъ пресвитеръ и Іессей діаконъ. По окончаніи божественной службы Католикосъ, взявъ правою рукою Авива а лѣвою Іессея, поцѣловалъ перваго и сказалъ: «радуйся Авивъ Епископъ Некресскій!» потомъ по-

цѣловалъ Іессея съ тѣми же словами: «радуйся Іессей Епископъ Цилканскій!» Неожиданность избранія изумила и опечалила избранныхъ; со слезами умоляли они избирателя, не возлагать на нихъ столь тяжкаго ига, но онъ возразилъ имъ: «живъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, не возвращу слова, объявленнаго вамъ по волѣ Божіей!» «Дѣти мои, говорилъ и блаженный Іоаннъ ученикамъ своимъ, не сопротивляйтесь волѣ святительской; для того и пришли мы въ страну сію, чтобы въ разныхъ мѣстахъ трудиться во славу единаго Бога.» Не прекословили болѣе избранные и послѣдовали за Католикосомъ въ Мцхетъ, гдѣ посвящены были, каждый на свою эпархію; они послужили тамъ ко спасенію многихъ, ибо свѣтъ проповѣди евангельской осіялъ все предгоріе Кавказа и даже проникъ во внутренность его, сокрушая повсюду идоловъ словомъ истины и укрѣпляя, силою чудесъ, новокрещаемыхъ.

Между тѣмъ число монашествующихъ около Аввы Іоанна безпрестанно увеличивалось, такъ что самая гора, служившая

имъ жилищемъ, лишилась непроходимыхъ нѣкогда лѣсовъ своихъ. И вотъ блаженному Іоанну являются опять, въ сонномъ видѣніи, Божія Матерь, пославшая его на дальній подвигъ, и съ нею равноапостольная просвѣтительница страны сей Нина, и повелѣваютъ, чтобы онъ разослалъ учениковъ своихъ, по всѣмъ предѣламъ Карталиніи и Кахетіи, для утвержденія слова Божія. Проснулся Авва, собралъ учениковъ и велѣлъ имъ готовиться исполнить небесную волю, идти туда, куда каждому изъ нихъ укажетъ путь Духъ Святый, руководившій ихъ въ Иверію. Это была вторая горькая ихъ разлука съ любимымъ учителемъ, и уже въ краю чуждомъ; тяжко было разставаться, но никто не смѣлъ противорѣчить волѣ Божіей. Самъ Іоаннъ представилъ ихъ Католикосу, открылъ чудное свое видѣніе и просилъ благословить ихъ на новые подвиги; потомъ отпустилъ ихъ съ молитвою, давъ каждому въ сопровожденіе по одному иноку. Одинъ только Св. Шіо, какъ любитель одинокой жизни, просилъ блаженнаго Авву, благословить

его на жизнь отшельническую, и получилъ его согласіе.

Распустивъ такимъ образомъ учениковъ своихъ, пришедшихъ съ нимъ изъ Сиріи, онъ велѣлъ одному изъ нихъ Θаддею, бывшему потомъ настоятелемъ Степанцминдскимъ, соединить все множество оставшихся братій въ одну обитель, у подошвы горы Зедазенской; а самъ уединился на вершинѣ, съ однимъ только вѣрнымъ ему діакономъ Иліею, который служилъ опорою его старческой немощи. Безводна была сія вершина и, въ потѣ лица, трудился ежедневно ученикъ Аввы, возносить на нее воду отъ подошвы. Сжалился надъ нимъ блаженный учитель и слезами своими испросилъ у Господа живую струю. Однажды ученикъ святаго, подошедши къ источнику, увидѣлъ прямо противъ себя, медвѣдя необычайной величины, и съ ужасомъ бѣжалъ къ своему учителю; Авва вышелъ изъ пещеры и сказалъ звѣрю: «пей если жаждешь и иди, но тебѣ говорю: отнынѣ никому не смѣй вредить на горѣ сей,» и смиренно повиновался дикій звѣрь, достиг-

шему высоты духовной перваго человѣка которому повиновались всѣ звѣри сельные въ раю. Но что удивительно, по словамъ писателя житія Іоаннова: заповѣдь блаженнаго отца доселѣ соблюдается, чрезъ столько лѣтъ, ибо никогда не слышно какихъ либо несчастій отъ звѣрей сихъ на горѣ, хотя теперь они суть единственные жители опустѣвшей обители.

Непрестанныя чудеса истекали отъ великаго старца: привели къ нему разслабленнаго всѣми членами и взывали къ нему о помилованіи; тяжкимъ казалось Аввѣ такое всенародное испытаніе его смиренія; однако движимый состраданіемъ онъ произнесъ слова Господни къ разслабленному Капернаума: «возстань, возьми одръ твой и ходи, ибо исцѣляетъ тебя Господь нашъ Іисусъ Христосъ,» и воспрянулъ болящій. Въ другой разъ представили ему отрока, одержимаго духомъ нѣмымъ и глухимъ; великій старецъ воззвалъ къ связавшему его врагу человѣческому: «Душе злый! за чѣмъ терзаешь ты твореніе рукъ Божіихъ? Именемъ Господа нашего Іисуса Христа

изыди изъ него и бѣги въ мѣста пустынныя и непроходимыя!» и внезапно проговорилъ отрокъ, какъ нѣкогда исцѣленный самимъ Господомъ. Авва же сказалъ изумлявшимся людямъ: «не удивляйтесь проявленію величія Божія, ибо не я врачую, а имя Господа нашего Іисуса Христа, который пришелъ спасти родъ человѣческій отъ силы діавольской, и говорилъ ученикамъ своимъ: вѣрующій въ меня, не только сотворитъ дѣла, какія я творю, но и больше сихъ сотворитъ, такъ что вы изумитесь.»

Кто исчислитъ всѣ чудеса Іоанновы, какъ въ Сиріи, такъ равно и въ новомъ его отечествѣ? Пришло наконецъ ему время, упокоиться отъ многихъ трудовъ своихъ. Онъ пригласилъ къ себѣ нѣкоторыхъ изъ учениковъ Сирскихъ и новыхъ, поселившихся у его горы, и сказалъ имъ: «дѣти близокъ часъ мой, боюсь и при послѣдней минутѣ, чтобы мнѣ не отклониться отъ спасительнаго пути; вы же непрестанно бодрствуйте, ибо ходитъ, яко левъ, врагъ душъ нашихъ, ищущій кого бы по-

глотить. Прошу васъ непрестанно обо мнѣ молиться и вспоминать меня предъ престоломъ благодати.» Такъ велико было смиреніе Аввы, помнившаго заповѣдь евангельскую: «аще и вся соблюдете и тогда, яко раби неключиміи, о себѣ мните.» Строго заповѣдалъ онъ ученикамъ, погребсти его на мѣстѣ подвига, въ той пещерѣ гдѣ много лѣтъ спасался и, причастившись Божественныхъ таинъ, пришелъ какъ бы въ нѣкій восторгъ; онъ созерцалъ вокругъ себя безплотное воинство, которое срѣтало раба Божія, прославившагося на землѣ Ангельскимъ житіемъ своимъ. Когда же предалъ Господу чистую свою душу, ученики не исполнили завѣта старца, ибо почитали недостойнымъ для него гробомъ убогую пещеру, на недоступной горѣ. Съ великимъ торжествомъ положили они блаженнаго Іоанна въ ракѣ, для него приготовленной въ нижней обители. Но смиренному не угодно было такое непослушаніе: живой и по смерти, онъ сильно изъявилъ имъ волю свою и страшное колебаніе земли около обители, привело въ ужасъ непо-

корныхъ. Они вспомнили заповѣдь старческую и открыли Католикосу послѣднюю волю усопшаго. Повиновался Католикосъ, съ духовнымъ соборомъ поднялъ Св. мощи Іоанновы и перенесъ ихъ торжественно, въ убогую пещеру освященную долгимъ его тамъ пребываніемъ. Тогда успокоилась земля и множество исцѣленій еще болѣе ознаменовали святость угодника Божія. По прошествіи многихъ лѣтъ Католикосъ Климентъ построилъ надъ этой пещерою церковь во имя Св. Іоанна Крестителя, бывшаго Ангеломъ блаженнаго подвижника и остатки ея доселѣ существуютъ на пустынной горѣ, поросшей опять густымъ лѣсомъ, ибо она возвратилась къ прежнему своему безмолвію.

ГОРА ЗЕДАЗЕНСКАЯ.

Когда мы вышли изъ соборной ограды Мцхета, чтобы ѣхать въ обитель Зедазнійскую, намъ встрѣтилась, на пустотѣ бывшей столицы, женщина красоты замѣчательной, хотя видъ ея былъ болѣзненный, въ черной иноческой одеждѣ, съ посохомъ въ рукахъ, и за нею до девяти монахинь, весьма убогихъ по одѣянію. Я полюбопытствовалъ узнать отъ своего спутника: кто сіи посвятившія себя на служеніе Богу, посреди развалинъ древней столицы? и онъ сказалъ мнѣ; «это знаменитая нѣкогда, красотою и приключеніями своей жизни, Княжна Мингрельская Дарія, кото-

рая бѣжала дома родительскаго и узъ брачныхъ, чтобы посвятить себя иночеству; съ нею ея духовныя сестры, ибо доселѣ не утверждена обитель женская въ Мцхетѣ. Посѣтимъ ихъ убогое жилище, по возвращеніи съ горы Зедазенской.»

На берегу Арагвы мы сѣли на лошадей, чтобы переѣхать въ бродъ быструю рѣку. Она раздѣлялась на многіе рукава, по каменистому руслу, и быстрина ея увеличивалась отъ сильныхъ дождей; нельзя было смотрѣть на бурное теченіе водъ, потому что голова начинала кружиться; до такой степени ослѣпительно было стремленіе волнъ. Надобно имѣть большой навыкъ, для переправы чрезъ горныя рѣки; но лошади ступали твердо и вѣрно въ самой глубинѣ. Пустынная дорога предстояла намъ на противоположномъ берегу, сперва довольно отлогая, потомъ все болѣе и болѣе крутая, по мѣрѣ возвышенія. Отъ такъ называемой площадки Католикосовъ, гдѣ вѣроятно отдыхали они на пути въ обитель, труднѣе сдѣлался восходъ и чаще кустарникъ; зрѣлыя ягоды дикаго кизиля

осыпали насъ багровымъ градомъ, когда мы съ усиліемъ раздвигали нависшія вѣтви, останавливаясь отъ времени до времени, чтобы освѣжиться ихъ сладкимъ сокомъ. Туманная погода не благопріятствовала путешествію, потому что тамъ, гдѣ кончалась всякая стезя, скользская крутизна между деревъ затрудняла восходъ; съ большимъ трудомъ мы подвигались въ гору, уже пѣшіе, хватаясь за вѣтви, чтобы не скатиться назадъ. Настоящая дорога на гору Зедазенскую пролегаетъ съ другой стороны, отъ селенія Авчалъ, но мы избрали кратчайшую отъ Мцхета, по которой восходилъ и самъ блаженный Іоаннъ. Самое слово Зедазенъ столькоже происходитъ отъ бывшаго тутъ кумира Задена, сколько и отъ выраженія мѣстности, ибо оно означаетъ верхъ на верхѣ, что дѣйствительно приличествуетъ горѣ сей, высшей изъ всѣхъ окрестныхъ. Наконецъ, послѣ двухъ часоваго пути и частыхъ паденій, достигли мы узкой тропинки, которая привела насъ, по гребню горы, къ остаткамъ обители.

Сквозь развалившіяся ворота, уже несуществующей ограды, взошли мы на бывшій дворъ монастырскій, поросшій вѣковыми деревьями. Намъ представилась между ними довольно обширная церковь, вся изъ дикаго камня, обвитая плетеницами столь же дикихъ травъ и осѣненная вѣтвями древесными. Малый придѣлъ, съ южной стороны, служилъ преддверіемъ и надъ его престоломъ еще сохранился ликъ Влахернской Божіей Матери между Ангеловъ: ея храненію посвящены были всѣ святилища Иверіи, ибо она вездѣ встрѣчается при входѣ. Внутри самаго храма, довольно высокаго своими сводами, уцѣлѣлъ каменный иконостасъ, съ одними только царскими вратами, какъ и въ древней Шуамтинской обители. Еще видна на немъ стѣнная живопись: Спаситель между Божіею Матерью и Предтечею, надъ царскими вратами, а по сторонамъ ихъ, въ малыхъ кругахъ, лики Апостоловъ. Тамъ гдѣ обыкновенно бываютъ мѣстныя иконы, съ лѣвой стороны, совершенно уцѣлѣлъ изваянный образъ Св. Симеона столпника, до

половины выходящаго изъ своего столпа; образъ сей встрѣчается во всѣхъ обителяхъ, устроенныхъ его учениками въ Грузіи, и если бы не извѣстно было, что церковь сія была посвящена Предтечѣ, обновителемъ оной Католикосомъ Доментіемъ, можно было бы принять ее, судя по мѣстной иконѣ, за храмъ Симеона столпника. Въ олтарѣ стоитъ еще престолъ, но уже несовершается на немъ жертвы. Съ лѣвой стороны, въ углубленіи гдѣ стоялъ жертвенникъ, остроконечное возвышеніе знаменуетъ гробницу: это послѣднее упокоеніе блаженнаго главы отцевъ Сирскихъ Іоанна и вѣрнаго ему, за предѣлами гроба, діакона Иліи.

Горькое чувство наполнило мою душу, когда простерся я предъ гробницею великаго мужа брошенной посреди позабытыхъ развалинъ храма, гдѣ теперь обитаютъ дикіе медвѣди, ибо слѣды ихъ видны внутри святилища. О святый Авва! когда ты шелъ изъ дальней Сиріи, утвердить Христіанство въ странѣ тебѣ чуждой, думалъ ли ты, не смотря на все твое сми-

ренie и на послѣднюю твою волю, быть убого погребеннымъ въ пещерѣ, что твоя усыпальница будетъ берлогою дикихъ звѣрей, которымъ запретилъ ты оскорблять приходящихъ къ тебѣ на гору для молитвы!— Образъ великомученика Георгiя, символъ Грузiи, доселѣ осѣняетъ твою гробницу, на стѣнѣ храма, какъ бы охраняя посмертный покой твой. Вотъ и этотъ источникъ, или лучше сказать водоемъ, изсѣченный въ скалѣ, который ты испросилъ своими слезами, или какъ бы наполнилъ ими, и ему доселѣ сохранилась чудотворная сила, мгновенно изведшая его изъ камня. Даже самые медвѣди, которымъ ты еще при жизни позволилъ пить изъ него, но не касаться людей, доселѣ помнятъ твою заповѣдь, хотя они поселились уже внутри самаго святилища, оставленнаго людьми, по опустошенiямъ другихъ людей, болѣе жестокихъ нежели звѣри, ибо Лезгины, разорившiе обитель, ни кого не щадили.

Пусть глубокiе испытатели природы объяснятъ, какъ умѣютъ, странное, по

ихъ высокому, а по нашему болѣе смиренному мнѣнію, чудное явленіе водоема блаженнаго Іоанна; но вотъ что я видѣлъ самъ и слышалъ отъ очевидцевъ. Никогда въ немъ не бываетъ воды, исключая только одного времени года, седьмаго Мая, когда собирается туда все множество богомольцевъ, на праздникъ Св. Іоанна и съ нимъ тринадцати Сирскихъ отцевъ. Тогда ліются даже со стѣнъ храма водяныя струи, для утоленія жажды благочестивыхъ молитвенниковъ, и это явленіе происходитъ не отъ весенняго времени, потому что нѣтъ уже тогда снѣга на горѣ Зедазенской, а водоемъ на самой ея вершинѣ и подъ сводомъ церкви; во все же остальное время года нѣтъ тамъ ни капли воды, не смотря ни на какія дожди. Мы сами были на горѣ осенью, въ дождевую погоду, которая продолжалась уже нѣсколько дней. Вся гора была покрыта густымъ туманомъ и земля проникнута влажностію, но не было воды, а спутникъ мой, нѣсколько разъ уже посѣщавшій пустынную обитель, въ самый праздникъ, увѣ-

рялъ меня, что водоемъ бываетъ тогда наполненъ и всѣ пользуются водою съ избыткомъ.

Остатки обширныхъ зданій, келлій и другихъ церквей, съ обрушенною оградою, свидѣтельствуютъ, какъ была нѣкогда населена обитель, искателями спасенія по слѣдамъ Іоанна. Все истребили Лезгины, въ продолженіи столѣтнихъ постоянныхъ набѣговъ на бѣдственную Грузію, когда опустились руки ея Царей послѣ походовъ Шахъ-Аббаса. Одного только не могли они лишить сіе чудное мѣсто, — очаровательнаго вида на всю окрестность, къ Тифлису и Мцхету и вверхъ по Арагвѣ, но это зрѣлища похитилъ у насъ густой туманъ. Мы стояли въ облакахъ, повитые ихъ влажною пеленою, и смотрѣли подъ себя, съ обрыва горы, какъ въ хаосъ,— и вотъ внезапно яркій лучь солнца разорвалъ съ одной стороны туманную завѣсу: намъ мелькнулъ какъ призракъ древній Мцхетъ, съ своими соборами и мгновенно изчезъ; его застилала гряда облаковъ. Но съ другой стороны прорвалась чудная ткань ихъ

и, во всемъ блескѣ полуденнаго солнца, засверкала Арагва въ своей обширной долинѣ. Мы стояли такъ высоко и такъ низко ходили подъ нами облака, что по странной оптической игрѣ, рѣка какъ будто падала въ долину съ вершины облаковъ, вытѣсненная изъ ихъ влажнаго сердца, давленіемъ сдвинувшихся тумановъ; это зрѣлище было поразительно своею необычайностію, но и оно не долго тѣшило наши взоры; все опять погрузилось въ тотъ же хаосъ.

Отъ пустынной горы Зедазенской спустились мы, по тѣмъ же крутымъ обрывамъ, въ густой чащѣ деревъ, къ площадкѣ Католикосовъ, и продолжали путь по вершинамъ горнымъ, къ уединенной церкви честнаго креста, которая такъ живописно виситъ на утесѣ, въ виду Мцхета, надъ бездною Арагвы. Здѣсь нѣкоторое время обитала Св. Нина, избѣгая почестей просвѣщеннаго ею народа, и здѣсь первый Епископъ Иверскій Іоаннъ поставилъ, въ память ея, одинъ изъ четырехъ крестовъ, сдѣланныхъ имъ изъ кедра, который росъ

надъ мѣстомъ хитона Господня: Зданіе нынѣшней церкви относится къ временамъ гораздо позднѣйшимъ Стефана Патриція, который не носилъ титла царскаго, не будучи утвержденъ ни властителемъ Персовъ, ни Императоромъ Греческимъ, и палъ въ битвѣ противъ Ираклія въ началѣ VII вѣка. Съ трехъ сторонъ храма изображенъ онъ, лѣпною работою на стѣнахъ, преклонившимъ колѣна предъ Спасителемъ, съ Ангеломъ его руководящимъ. Главный входъ былъ съ южной стороны, ибо тутъ есть остатки келлій и богато изваянный портикъ. Вся церковь складена изъ большихъ плитъ дикаго камня, своды ея чрезвычайно высоки, а форма крестообразна, съ выдающимися углами между каждой вѣтви креста, что даетъ ей подобіе распустившагося цвѣтка, ибо всѣ оконечности округлены. Весьма замѣчательна внутренность: на томъ мѣстѣ гдѣ былъ воздвигнутъ крестъ Св. Нины, обширный амвонъ занимаетъ почти всю середину церкви, а на западной его части устроена арка, въ углубленіи коей изображенъ Спаситель, сидящій

въ темницѣ. Тамъ видно мѣсто престола, и только съ этой стороны можно было подыматься на амвонъ. Я никакъ не могъ разгадать, что хотѣли выразить симъ возвышеніемъ? подобіе ли Св. гроба въ Іерусалимѣ, или чудотворнаго столба Мцхетскаго, или только чтобы нога человѣческая не касалась мѣста, гдѣ былъ водруженъ крестъ? Олтарь существуетъ, но въ немъ нѣтъ богослуженія, такъ какъ обитель опустѣла во времена Царя Георгія. Нынѣшній Экзархъ хочетъ возстановить оное, изъ уваженія къ святынѣ мѣста. Съ сѣверной стороны, на самомъ обрывѣ скалы, пристроенъ придѣлъ, изъ котораго можно было опускаться въ нижнюю часть зданія, куда теперь уже обвалился сходъ.

Но какіе очаровательные виды открываются изъ окна, на сліяніе Куры и Арагвы, въ пропасть, надъ которою виситъ церковь, напоминающая Кіевскую Апостола Андрея, по своей мѣстности. Бурно стекаются обѣ рѣки, кипящія сердитыми волнами, которыя сверкаютъ на солнцѣ

какъ чешуйчатая броия двухъ исполиновъ, здѣсь состязавшихся на жизнь и смерть; царственный Мцхетъ избранъ свидѣтелемъ страшнаго ихъ боя; онъ рѣшитъ участь: кому изъ нихъ быть или не быть? роскошной ли Арагвѣ которая величаво течетъ по обширной долинѣ, усѣянной виноградниками, объемля ихъ своими рукавами, какъ бы въ объятіяхъ нѣжной матери, или дикой Курѣ, которая, какъ хищный горецъ, подстерегла Арагву, у скалъ Саркинетскихъ и вдругъ бросилась поперегъ ее однимъ бурнымъ порывомъ? Она ворвалась въ самую середину широкихъ водъ, и хотя увлечена сама направленіемъ соперницы, но поглотила ее въ себѣ и съ торжествомъ понеслась мимо скалъ, по захваченному руслу. Нѣтъ болѣе Арагвы; отселѣ Кура стремится къ Тифлису; но древній Мцхетъ, уступившій ей славу родственной рѣки своей, и самъ долженъ будетъ уступить царственное свое достоинство новому сопернику, котораго взлелѣетъ побѣдоносная Кура, на голыхъ берегахъ своихъ. Такъ одно пораженіе вле-

ветъ за собою другое, и дикая природа всегда одолѣваетъ разслабленную нѣгою.

Когда мы спустились съ крестовой горы на берегъ Арагвы, воды ея до такой степени уже поднялись, отъ дождей и тумановъ, что трудно было переѣхать ее верхомъ. Мы воспользовались арбою буйволовъ, которая по счастію плыла намъ на встрѣчу, и на такомъ живомъ паромѣ переправились черезъ бурную рѣку, почти у самаго мыса, гдѣ еще сохранились остатки древней церкви Ѳаворской. Она была основана, вѣроятно въ память сокрушенія идоловъ, ибо это событіе случилось въ день преображенія Господня, и есть еще на берегу Куры, противъ мѣста крещенія народнаго, пещера съ развалинами церкви, носящей громкое имя Виѳлеема. Видны также на горѣ другіе обломки малаго храма, слывущаго Голгоѳою. Палестинскія имена сіи повторяются въ Тифлисѣ, и въ другихъ мѣстахъ Грузіи, ибо сердце Царей Иверскихъ лежало къ воспоминаніямъ святой земли, отколѣ пришло къ намъ просвѣщеніе духовное.

Мы воспользовались остаткомъ дня, чтобы посѣтить Самтаврскую великолѣпную церковь, мѣсто первыхъ подвиговъ Св. Нины и первую митрополію Иверскую, которая устояла сквозь пятнадцативѣковую бурю, непрестанно свирѣпствовавшую около древней столицы. Преданіе говоритъ, что храмъ сей основанъ былъ, въ началѣ IV вѣка, Царемъ Миріаномъ и освященъ Патріархомъ Антіохійскимъ Евстаѳіемъ, посланнымъ для крещенія Грузіи. Нельзя однако предполагать, чтобы не подвергся онъ многимъ обновленіямъ, въ теченіе столькихъ вѣковъ, потому что нынѣшнія его украшенія слишкомъ изящны. На стѣнахъ легкія арки, съ лѣпною работою; всѣ окны и двери обвиты изваянными арабесками; но уже куполъ ветхъ и требуетъ исправленія; южная сторона, откуда входятъ въ храмъ, болѣе другихъ украшена. Не очень обширна внутри самая церковь, которой высокіе своды опираются на четырехъ столбахъ; каѳедры, архіерейская и настоятельская, еще сохранились у двухъ первыхъ столбовъ и видно мѣсто храмовой

иконы преображенія, съ правой стороны иконостаса. Жертвенникъ отдѣленъ отъ алтаря и существовалъ еще особый придѣлъ.

Горнее мѣсто о пяти ступеняхъ и надъ нимъ остатки стѣнной живописи: Спаситель сидящій на престолѣ, ниже его Апостолы и Святители и съ боку воскресеніе Лазаря, а въ главномъ куполѣ видѣнъ Господь Саваоѳъ, окруженный небесными Силами; между оконъ Апостолы и Пророки; все прочее стерлось. Ограда и остатки палатъ около храма совершенно обрушились, но еще свидѣтельствуютъ о прежнемъ значеніи сего мѣста, ибо тутъ была отдѣльная каѳедра Митрополитовъ Мцхетскихъ, не смотря на то что и Патріаршая, самихъ Католикосовъ, утверждена была при главномъ соборѣ.

Съ восточной стороны существуетъ еще одна малая церковь, на томъ мѣстѣ гдѣ была куща Св. Нины, въ которой совершилось столько исцѣленій. Здѣсь молилась она, предъ виноградным крестомъ своимъ, и здѣсь творила онымъ великія знаменія.

Какъ священна должна быть убогая сія храмина для всей Грузіи! Стѣны ея исписаны подвигами равноапостольной просвѣтительницы, но письмо и иконостасъ совершенно новые. Здѣсь только совершается богослуженіе, потому что соборъ Самтаврскій грозитъ паденіемъ купола, и здѣсь пріютилась малая семья Св. Нины, княжна Дарія, съ своими убогими сестрами и юными воспитанницами. Подъ сѣнію св. Нины многіе годы укрывалась сія единственная женская община Грузіи, и уже начинали истощаться нравственныя и физическія силы, по совершенному оскудѣнію всякихъ средствъ, когда наконецъ, съ благословеніемъ Равноапостольной, учреждается теперь обитель. Настоятельница ввела насъ въ свою келлію, выстроенную подлѣ самой церкви: это были два сарая, верхній и нижній, гдѣ помѣщалась она съ сестрами; но крыша не защищала отъ непогоды, и холодъ вмѣстѣ съ сыростію подвергалъ частымъ болѣзнямъ добровольныхъ труженицъ. Внимательный Экзархъ предложилъ имъ на время собственные, недавно отдѣланные покои

въ Мцхетѣ, и занялся устройствомъ обители.

Мы возвратились въ наше жилище, устроенное изъ остатковъ бывшихъ палатъ царскихъ, которыя образуютъ своими развалинами южную часть соборной ограды, и нашли весь дворъ наполненный богомольцами. Отовсюду они сходились, предводимые старшинами селеній и нѣкоторыми изъ князей, при звукѣ барабановъ и пронзательной для слуха зурны, ибо безъ сей народной музыки никакого торжества не можетъ быть въ Грузіи. Еще спускаясь съ горы крестной, мы уже издали слышали и видѣли сіе торжественное шествіе, какъ будто бы воинскіе отряды, подъ звукъ полковой музыки, сходились къ назначенному мѣсту. Къ вечеру умножился шумъ, отъ возраставшей безпрестанно толпы, и начались пѣсни и пляски; предъ самымъ преддверіемъ храма, плясали дикую лезгинку, съ громкимъ біеніемъ въ ладоши и рѣзкими гиками, которые возбуждали пляшущихъ къ болѣе сильнымъ прыжкамъ; странное увеселеніе напомнило мнѣ пляски

Арабовъ въ храмѣ Іерусалимскомъ, наканунѣ Пасхи, и не дало уснуть цѣлую ночь.

Должно полагать однако, что дикія игрища, въ такой близости отъ святилища, допущены были уже въ то время, когда безпрестанная опасность отъ Лезгинъ не позволяла народу веселиться въ открытомъ полѣ, и необходимо было укрываться въ оградѣ монастырской. Не смотря на то нельзя не замѣтить, что весьма страненъ обычай праздновать на канунѣ, а не послѣ духовнаго торжества, какъ это бываетъ у насъ. Есть ли возможность стоять съ благоговѣніемъ утреннію, когда вся ночь протекла въ плясках, отъ которыхъ не было покоя не только пирующимъ, но и тѣмъ которые бы хотѣли встрѣтить праздникъ благоговѣйно? А что сказать еще о кулачныхъ бояхъ, которые на память стараго удальства, нѣкоторые изъ князей стараются возбудить въ народѣ, предводительствуя сами бойцами? что сказать также о жертвоприношеніяхъ, которыя набожные Грузины изъ простаго народа, полагаютъ не-

обходимыми въ большіе праздники? Они закалаютъ барана, на прагѣ церковномъ, съ молитвою и раздаютъ мясо священнослужителямъ и богомольцамъ. Желающіе оправдать сей обычай, увѣряютъ будто въ немъ нѣтъ ничего предосудительнаго, и что это есть ничто иное, какъ милостыня нищимъ принесенная Богу, ибо ею питаются и убогіе, собравшіеся на праздникъ. Духовное начальство старается сколько можно прекратить злоупотребленіе.

Съ первымъ звономъ утренняго колокола прекратилась дикая пляска около собора и, кто́ былъ въ состояніи присутствовать при богослуженіи, явился въ церковь; мало̀ было однако богомольцевъ на утренни. Но торжественно было служеніе Экзархомъ божественной литургіи, съ четырьмя архимандритами и осмью священниками. Обширный алтарь наполнился духовенствомъ въ богатыхъ облаченіяхъ; особенно величественно было зрѣлище соборнаго ихъ сидѣнія на горнемъ мѣстѣ, во время чтенія Апостола. Что же это долженствовало

быть въ прежніе вѣка славы Грузинской, когда шестьнадцать Епископовъ служили съ Католикосомъ и каждый имѣлъ свою каѳедру на возвышеніи, а у ногъ ихъ сидѣли столько же пресвитеровъ! О бывшемъ великолѣпіи храма Мцхетскаго свидѣтельствуютъ грамоты Царей, доселѣ въ немъ хранящіяся, въ коихъ упоминается о золотѣ и серебрѣ вѣсомъ, и о священныхъ вкладахъ иконъ и мощей, дарованныхъ Царямъ Иверскимъ Императорами Греческими. Всѣ они были расхищены въ смутныя времена, или отданы на сохраненіе первостепеннымъ вельможамъ, и съ тѣхъ поръ исчезли; нѣкоторыя еще находятся въ глуши, въ какихъ либо сельскихъ церквахъ, гдѣ были родовыя имѣнія сихъ вельможъ, иногда же въ подземельяхъ, если хранителемъ святыни сдѣлался народъ.

. . . .

Мнѣ сказывали, что недалеко отъ Тифлиса, около Душета, есть въ одномъ селеніи древняя церковь, гдѣ только однажды въ годъ, въ храмовой праздникъ, являются драгоцѣнныя иконы временъ Ца-

рицы Тамары. Особенные деканосы, какъ они слывутъ въ народѣ, изъ числа старшинъ, приставлены для ихъ храненія, и наканунѣ, съ величайшею тайною, извлекаютъ они святыню изъ подземелья, ибо сами связаны страшною клятвою. Тотъ, кто мнѣ это сказывалъ, старался распросить у одного нетрезваго деканоса, гдѣ хранится завѣтная святыня? Когда вино развязало языкъ, онъ объявилъ, что для достиженія тайнаго склепа, надобно спуститься сквозь тѣсный проходъ, изъ одной пещеры въ другую, верхомъ по скользкому бревну, и тамъ отвалить камень, лежащій надъ ямою, но никакъ не согласился указать въ горахъ устье первой пещеры. Народъ едва не побилъ каменьями пытливаго посѣтителя сельскаго праздника, за то что онъ хотѣлъ списать древнія надписи съ иконъ. Вотъ до какой степени онѣ не доступны образованному міру, равно какъ и многія церковныя книги и грамоты, охраняемыя народомъ, съ такою же строгою ревностію къ древней святынѣ своихъ предковъ.

ШІОМГВИМСКАЯ ПУСТЫНЬ.

После скромной трапезы въ келліи Экзарха, мы поѣхали верхомъ, въ другую знаменитую обитель Св. Шіо, которую основалъ онъ подлѣ своей пещеры, за 10 верстъ отъ Мцхета, и потому осталось ей народное названіе Шіомгвимской или пещерной. Туда пролегала дикая дорога по лѣсистымъ оврагамъ, сбѣгавшимъ въ глубокую долину Куры. На одной изъ горныхъ вершинъ, противулежавшаго берега, еще видны были остатки Римскаго укрѣпленія и

древпяго города Армаза, и одинокой церкви Св. Нины, гдѣ сокрушила она идоловъ. Недалеко отъ обители крутая гора преградила намъ путь, заслонивъ собою глубокую лощину, въ которой основалъ Св. Шіо свое пещерное жилище; съ трудомъ поднялись мы на ея вершину, опеpенную лѣсомъ; она увѣнчана древнею церковью Св. креста, которая недавно упразднена и еще сохранила остатки стѣнной живописи. Подлѣ нее, подъ обрывомъ скалы, таится пещера, гдѣ еще недавно спасался подвижникъ Виссаріонъ. Памятуя строгое житіе прежнихъ отшельниковъ Мгвимскихъ, онъ не хотѣлъ поселиться въ обители съ прочею братіею, и не согласился жить въ новомъ Преображенскомъ монастырѣ, который въ то время основался въ Тифлисѣ. Два раза извлекали его изъ любимаго уединенія и дважды бѣжалъ онъ обратно; наконецъ удалился въ горы Осетіи и тамъ, какъ слышно, былъ убитъ дикими жителями.

Съ каменистаго гребня, отдѣляющего пустынѣ Св. Шіо отъ всего мірскаго, открывается величественный видъ на даль-

нее теченіе Куры и въ глубину долины, которую избрали себѣ убѣжищемъ земные Ангелы и небесные человѣки, слѣдовавшіе по стопамъ Сирскаго отца своего. До тысячи келлій, какъ гнѣзда птицъ, изсѣчены по всей поверхности горы, отъ вершины ея и до подошвы, гдѣ смиренно прислонилась обитель Св. Шіо; это дикое уединеніе, брошенное и забытое людьми въ объемѣ утесовъ, сильно гласитъ о вѣчности человѣческому сердцу. Первые отшельники умѣли выражать внутреннее ихъ влеченіе, даже самымъ мѣстомъ своего подвига, и отъ того такъ дѣйственна бываетъ проповѣдь, изъ глубины ихъ вертеповъ, гдѣ самая природа служитъ ей отголоскомъ. Начинало вечерѣть, когда мы спустились съ горы, такъ что едва только оставалось намъ время осмотрѣть обитель; но тишина вечерняя, соединенная съ тишиною самаго мѣста, удвоила впечатлѣніе тихой пустыни, гдѣ казалось вовсе не было жизни; три только инока, какъ тѣни, вышли къ намъ на встрѣчу; одинъ изъ нихъ едва уже бродилъ отъ старости;

но болѣе другихъ ревновалъ намъ показать свою родную святыню. Онъ былъ рода княжескаго, и какъ больно видѣть, что это княжеское поколѣніе иноковъ угасаетъ въ древнихъ обителяхъ Грузіи.

Чрезъ обвалившуюся ограду, которая однако не разъ останавливала непріятелей въ смутныя времена царства, взошли мы на дворъ монастырскій; ограда пересѣкала ущелье съ южной стороны, ибо не было приступа съ другихъ, и даже теперь могла бы приносить пользу, потому что недавно нѣсколько вооруженныхъ Осетинъ, взошедши къ беззащитнымъ старцамъ, отняли у нихъ послѣднее малое ихъ достояніе. Паперть соборной церкви Успенія укрѣплена была башнями, теперь уже обрушенными. Царь Давидъ возобновитель, вызвавшій изъ запустѣнія большую часть храмовъ своего царства, былъ соорудителемъ и сего собора, который замѣчателенъ по широтѣ своей и громадности столбовъ, поддерживающихъ его смѣлые своды; пола нѣтъ. Иконостасъ складенъ изъ

каменная, съ одними лишь царскими дверьми, безъ боковыхъ, и съ фресками вмѣсто иконъ, какъ въ горной обители Зедазенской. На немъ изображены Деисусъ, Апостолы, великомученики Георгій и Димитрій и святыя Ѳекла и Нина; сія послѣдняя икона, писанная на доскѣ, Греческой работы, и едва ли не старше всѣхъ изображеній равноапостольной жены, въ странѣ ею просвѣщенной. Есть и другая древняя икона, входъ въ Іерусалимъ; но самыя богатыя изъ тѣхъ, которыя принадлежали обители, взяты были подъ сохраненіе Князьями Амилахваровыми и находятся теперь въ ихъ селеніи Чала, по дорогѣ въ Имеретію. Жертвенникъ отдѣленъ отъ олтаря; соотвѣтствующій ему придѣлъ Святителя Николая, упраздненъ, ибо едва только совершается богослуженіе на главномъ престолѣ, по недостатку братіи.

Гораздо ниже, у входа въ монастырь, стоитъ церковь рождества Предтечи, современная святому Шіо, съ четырьмя позднѣйшими придѣлами, неправильно къ ней

пристроенными, во имя сорока Мучениковъ, Св. Марины и Св. Георгія; четвертый не извѣстенъ. Иконостасъ такой же какъ въ соборѣ, съ фресками вмѣсто иконъ, но имѣетъ сѣверную дверь. Въ нижнемъ его ярусѣ сохранились три весьма древнія иконы, изваянныя на камнѣ: распятіе Господне, притча о смоковницѣ, и Симеонъ столпникъ благословляющій, съ вершины столпа своего, главу Сирскихъ отцевъ Іоанна. Иконы сіи могутъ быть современны основателю, ибо онѣ совершенно подобны той, которая еще сохранилась въ обители Зедазенской. Четвертая икона Святой Троицы, вынута была изъ иконостаса и поставлена при входѣ въ церковь, на вратахъ убогой колокольни, которая сама едва держится отъ ветхости, какъ и самая церковь, если не подадутъ ей скорую помощь. Въ западной оконечности храма, тѣсное отверстіе, какъ въ Римскихъ катакомбахъ, служитъ устьемъ той пещеры, куда добровольно заключилъ себя святой подвижникъ Шіо и отколѣ, по свидѣтельству Церкви Грузинской, чуднымъ образомъ являлись его свя-

тыя мощи, ибо онъ былъ погребенъ на мѣстѣ подвига. Шахъ Аббасъ, взявшій съ собою святыню сію, принужденъ былъ ее возвратить, по странному видѣнію и, во свидѣтельство своего благоговѣнія къ преподобному, устроилъ каменныя двери въ его пещеру, которыми и теперь въ нее входятъ.

Давно уже былъ открытъ сей болѣе удобный входъ въ гробовую келлію, куда прежде нельзя было иначе спускаться, какъ по веревкѣ. Благочестивый Католикосъ Николай, изъ Царевичей Кахетинскихъ, бывшій въ дружественныхъ сношеніяхъ съ нашимъ Патріархомъ Іовомъ, соорудилъ, предъ входомъ въ пещеру, обширную трапезную церковь, во имя преподобнаго, которая вся была расписана; но теперь уже и это величественное зданіе приходитъ въ ветхость, а въ верхнемъ храмѣ бываетъ только служба, въ день памяти Святаго, 9 Мая. Тогда ставятъ на его могилу свѣчу, которая сіяетъ изъ глубины вертепа, въ знаменіе его свѣтлыхъ подвиговъ. Съ умиленіемъ взошелъ я въ сію пещеру, которая

такъ живо свидѣтельствовала, о благодатной побѣдѣ человѣка надъ тлѣннымъ міромъ, и помолился надъ гробовой плитою земнаго Ангела Шіо. Житіе его полнѣе другихъ намъ сохранилось, ибо оно была описано, преподобнымъ Мартиріемъ Грекомъ, который сперва находился при Св. Іоаннѣ постникѣ, Патріархѣ Цареградскомъ, а потомъ долгое время спасался въ пустынной обители сего блаженнаго Аввы.

Сынъ богатыхъ родителей, въ славной нѣкогда Антіохіи, Св. Шіо съ юныхъ лѣтъ почувствовалъ влеченіе къ духовной жизни; еще въ отрочествѣ изумлялъ онъ всѣхъ, глубокимъ знаніемъ священнаго писанія, такъ что родители начали опасаться за его житейскую будущность. На двадцатомъ году возраста благочестиваго юноши возсіяло яркое свѣтило въ сосѣдней пустынѣ, Св. Іоаннъ, и къ нему тайно пришелъ Шіо, чтобы принять наставленіе духовное. Глава Сирскихъ отцевъ, духомъ провидѣлъ святость будущаго отшельника и назвалъ его по имени. Пораженный благодатнымъ явленіемъ великаго Аввы, Шіо уже не хо-

тѣлъ его оставлять, но не зналъ, какимъ образомъ убѣдить къ тому своихъ родителей. Іоаннъ успокоилъ его предсказаніемъ, что они сами облекутся въ образъ иноческій и тѣмъ дадутъ ему свободу слѣдовать влеченію своего сердца.

Однажды, въ день воскресный, Св. Шіо пригласилъ отца своего, подойти подъ евангеліе, которое возглашалъ съ амвона діаконъ и они услышали: «нѣтъ никого, кто бы оставилъ домъ, или родителей, или жену, или дѣтей, для царствія Божія, и не получилъ бы болѣе во время сіе и въ вѣкъ будущій, жизни вѣчной.» (Лук. XVIII 19). Глубоко запало слово сіе въ душу старца; во время домашней трапезы, онъ сталъ разсуждать съ женою и сыномъ, что готовъ все оставить, еслибы только была устроена участь единственнаго ихъ наслѣдника, счастливымъ бракомъ. Шіо обѣщался вступить въ бракъ, если будетъ пользоваться совершенною свободою, и, убѣдивъ родителей немедленно постричься, самъ отвелъ каждаго изъ нихъ въ различныя обители, гдѣ простился съ ними на вѣки. Тогда, будучи полнымъ властелиномъ

богатаго имущества, освободилъ всѣхъ своихъ рабовъ, продалъ земли и роздалъ все достояніе нищимъ, сохранивъ себѣ одно только евангеліе, и съ симъ единственнымъ сокровищемъ, пошелъ въ пустыню къ Аввѣ Іоанну. Тамъ, не теряя времени, принялъ отъ него схиму, и добродѣтель его рано просіяла; ибо до такой степени привыкъ онъ повиноваться своему учителю, что безъ малѣйшаго сомнѣнія исцѣлялъ всякаго рода недужныхъ, какихъ посылалъ къ нему Іоаннъ.

Протекли такимъ образомъ двадцать лѣтъ, въ непрестанномъ постѣ и молитвѣ; блаженный Шіо въ полномъ возрастѣ духовномъ, послѣдовалъ за своимъ учителемъ въ дальнюю Иверію, и съ нимъ поселился на горѣ. Когда же разсѣялась братія его, по дальнимъ предѣламъ для проповѣди слова Божіе, Св. Шіо испросилъ себѣ позволеніе основаться въ пустынѣ подлѣ Мцхета, для совершеннаго безмолвія. Іоаннъ предвидя, что скоро пустыня сія обратится въ многолюдную лавру, велѣлъ ему идти принять благословеніе отъ Католикоса, и поселился въ дикомъ уще-

ліи Шіо, одинъ со звѣрями, не касавшимися праведника. Онъ былъ однако тревожимъ непрестанно духами нечистыми, которые, подъ видомъ дикихъ звѣрей, не отступали отъ него, доколѣ сильно на нихъ не вооружился знаменіемъ креста. Именемъ Христовымъ отразилъ ихъ отшельникъ отъ своей пустыни, послѣ шестидневнаго поста, ибо сей родъ, по словамъ Господнимъ, изгоняется только молитвою и постомъ: тогда удостоился видѣть утѣшительное явленіе. Сама Божія Матерь посѣтила его, съ Предтечею и ликами Ангельскими, предсказала будущую славу мѣста сего и обѣщала труженику, чудно питать его, какъ нѣкогда Пророка Илію, въ дикомъ уединеніи, куда не заходила нога человѣческая. Обильный источникъ воды заструился близь пещеры святаго, и голубь, замѣнившій врана пророческаго, сталъ приносить ему ежедневную пищу, доколѣ не собралась къ нему многочисленная братія, ибо не хотѣлъ Господь, чтобы оставался подъ спудомъ такой свѣтильникъ.

Первымъ пришельцемъ былъ Евагрій,

юноша рода именитаго, который увлекся любовію въ дикое уединеніе и обрѣлъ въ пещерѣ старца. «Кто ты человѣкъ Божій?» съ ужасомъ спросилъ онъ дивнаго мужа и услышалъ скромный отвѣтъ: «странникъ восхваляющій Бога, вдали отъ мірской суеты, дабы сдѣлаться ему пріятнымъ.» Воспламенился юноша и воскликнулъ: «живъ Богъ и жива душа твоя! отнынѣ не оставлю тебя и невозвращусь въ домъ мой!» Старецъ, судя по его молодости и роскошной одеждѣ, не почиталъ его готовымъ къ подвигу и совѣтовалъ возвратиться. Опечалился Евагрій, онъ увѣрялъ, что лучше готовъ умереть при ногахъ старца, нежели идти опять въ міръ. Тогда Св. Шіо, чтобы лучше испытать его вѣру и промыселъ о немъ Божій, далъ ему свой посохъ и велѣлъ, на пути въ домъ свой, ударить по водамъ, дабы по суху пройти ихъ, въ знаменіе изволенія Божія къ подвижнической жизни: ни мало не сомнѣваясь исполнилъ Евагрій данное ему повелѣніе.

Вельможа возвратился инокомъ; въ краткій промежутокъ времени успѣлъ онъ

раздать все свое имущество нищимъ, сохранивъ себѣ одинъ только посохъ Аввы, съ коимъ чудно перешелъ рѣку. Онъ сдѣлался начаткомъ той братіи, которая постепенно собралась около старца; не часто однако наслаждалась братія его лицезрѣніемъ, ибо только по воскреснымъ днямъ выходилъ изъ пещеры Шіо, для назиданія. Увидѣвъ однажды, какъ горько плакалъ одинъ изъ послушниковъ, надъ разбившимся сосудомъ воды, которую долженъ былъ носить издалека, онъ тутъ же извелъ молитвенно живую струю изъ камня, по указанію явившагося ему Ангела. Когда соединились около святаго до двадцати пяти учениковъ, они стали просить его, чтобы устроилъ для нихъ церковь; Шіо привыкшій, отъ первыхъ дней своей юности, испытывать всегда волю Божію, прежде нежели что либо предпринять, созвалъ всѣхъ учениковъ и возвелъ ихъ на гору, къ востоку отъ своей пещеры. Тамъ молитвенно воскурилъ онъ еиміамъ, вмѣсто кадила на собственной рукѣ, не опаляемой внѣшнимъ огнемъ, отъ избытка

внутренней пламенной любви къ Богу, и когда поднялся благовонный дымъ отъ сего живаго кадила, Авва послѣдовалъ за свѣтлоюего струею, до того мѣста гдѣ она остановилась и поднялась столбомъ облачнымъ къ небу. На трехъ различныхъ мѣстахъ указалъ онъ посохомъ чертежи трехъ храмовъ, во имя пресвятыя Троицы, Богоматери и Предтечи. Для совершенія же оныхъ ожидалъ помощи свыше и она ему пришла столь же неожиданно, какъ и все что случалось съ нимъ въ продолженіи его жизни.

Царь Фарасманъ скорбѣлъ на своего вельможу Евагрія, за то что посвятилъ себя жизни иноческой, пришелъ однако посѣтить его въ пустынѣ; тамъ увидѣлъ божественнаго учителя и припавъ къ ногамъ старца, сложилъ предъ нимъ царскій вѣнецъ свой; но смиренный отшельникъ поднялъ Царя, возложилъ опять вѣнецъ на главу его и утѣшилъ назидательнымъ словомъ. Властитель Иверіи предлагалъ ему исполнить всѣ его желанія, а старецъ предоставлялъ все на волю самаго Царя; Фаразманъ,

услышавъ отъ Евагрія, о трехъ предназначенныхъ имъ храмахъ, съ ревностію христіанскою и съ могуществомъ царскимъ, поспѣшилъ соорудить ихъ; вмѣстѣ съ Католикосомъ Макаріемъ и главою Отцевъ Сирскихъ Іоанномъ, присутствовалъ онъ при торжественномъ ихъ освященіи. Никакія мольбы не могли однако убѣдить смиреннаго Авву, бывшаго уже діакономъ въ Сиріи, принять на себя санъ пресвитерскій, вмѣстѣ съ настоятельствомъ обители. Онъ указалъ для умножившейся братіи еще одно пустынное мѣсто, чтобы тамъ устроили лавру, а самъ продолжалъ спасаться въ пещерѣ и ископалъ себѣ другое подземное жилище, подъ новою церковью Предтечи.

И звѣри сельные слушались гласа избранника Божія, получившаго надъ ними первобытную власть праотца Адама, ради своей праведности. Братія, приставленные смотрѣть за вьючнымъ скотомъ богомольцевъ, жаловались, что хищные звѣри безпрестанно пожираютъ сихъ мирныхъ животныхъ, а сами они остаются въ отвѣт-

ственности предъ ихъ хозяевами. Опечалился Авва и помолился Богу, чтобы всѣ звѣри сей пустыни предстали къ его пещерѣ; едва кончилъ онъ свою молитву, какъ увидѣлъ предъ собою все дикое населеніе окрестной пустыни, даже съ дѣтищами, которыхъ самки принесли въ пасти или на хребтѣ: всѣ они смиренно ожидали его повелительнаго гласа. Онъ же съ кротостію сталъ увѣщевать ихъ, какъ бы подобныхъ себѣ человѣковъ, ибо любви его не было чуждо ни какое твореніе Божіе. «Слушайте что скажу вамъ, говорилъ онъ, вѣдаетъ Господь, что и о васъ болитъ мое сердце, хотя вы и дикіе звѣри; но Богу угодно, чтобы пустыня сія наполнилась людьми, а потому, возлюбленные, удалитесь отсюда, и изберите себѣ другое какое либо мѣсто, для вашего жилища; но отходя не дѣлайте никому вреда, и одинъ изъ васъ пусть останется здѣсь, пасти ословъ братіи моей, чтобы тѣмъ удовлетворить за частыя ваши похищенія.» Сказалъ и, при словѣ отшельника, всѣ звѣри быстро убѣжали съ дѣтищами своими за Куру; остался-

одинъ волкъ, избранный имъ для храненія скота, и ему повелѣлъ онъ довольствоваться тою же пищею, какою питалась братія. Шесть лѣтъ покорно исполнялъ должность пастырскую, бывшій хищникъ овецъ, и каждый вечеръ смиренно приходилъ въ свое логовище, къ пещерѣ Аввы, доколѣ однажды не подвергся нареканію отъ одного изъ иноковъ, въ похищеніи имъ осла, который однакоже обрушился въ пропасть. Обвиненный звѣрь, съ смѣтливостію домашняго пса, повлекъ несправедливаго инока къ пропасти, гдѣ лежалъ его оселъ, и когда послѣдовавшій за ними старецъ увидѣлъ правоту звѣря, онъ отпустилъ его на свободу, въ вознагражденіе за претерпѣнную имъ клевету. Такова была справедливость святаго, даже въ отношеніи безсловесныхъ; а между тѣмъ всякаго рода исцѣленія непрестанно истекали по его молитвѣ, приходившимъ въ его пустынь.

Настала послѣдняя эпоха подвижничества Св. Шіо, къ которой онъ готовился въ теченіе цѣлой жизни, долгою борьбою

противъ самаго себя. Глава отцевъ Іоаннъ пожелалъ, прежде своего отшествія, видѣть ближайшихъ учениковъ своихъ и посѣтилъ лавру Мгвимскую; тамъ его собственная святость и каждаго изъ нихъ обнаружилась въ чудныхъ дѣяніяхъ. Въ послѣдній разъ проводили его ученики, на высокую гору Зедазенскую, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ прожили первые четыре года страннической своей жизни въ Иверіи. Св. Шіо, бросившись съ дѣтскою покорностію къ ногамъ блаженнаго учителя, умолялъ его, позволить ему довершить начатый подвигъ безмолвія, добровольнымъ заключеніемъ въ нѣдрахъ пещеры, и не усомнился Іоаннъ, благословить его на сіе крайнее самоотверженіе; онъ зналъ силу души его и что еще болѣе возсіяетъ свѣтъ его міру изъ глубины пещеры. Онъ только велѣлъ испросить согласіе Католикоса и съ горькими слезами они простились, предчувствуя, что уже во временной жизни видѣлись въ послѣдній разъ. Не воспротивился Католикосъ пламенному желанію Аввы и сказалъ ему въ напутствіе: «иди, отче, по сей по-

вой и тѣсной стезѣ, которую не многіе искали для достиженія вѣчной жизни; да будетъ тебѣ избранная тобою пещера лѣствицею къ небу, и мракъ ея водителемъ къ невечернему свѣту, а временный недугъ началкомъ вѣчнаго покоя и радости нескончаемой, которая есть наслѣдіе поживишихъ во благихъ дѣлахъ.»

Труднѣе было Аввѣ убѣдить братію свою, къ произвольной съ нимъ разлукѣ, въ столь близкомъ отъ него разстояніи. Съ любовію привѣтствовалъ ихъ Св. Шіо, и открылъ имъ свое намѣреніе; горькія слезы были ему отвѣтомъ. Напрасно представляли ему, что оставляя ихъ сирыми беретъ на себя тяжкую отвѣтственность, и что уже довольно великъ собственный его подвигъ, не сходя еще за живо въ могилу. Старецъ напомнилъ имъ въ свою очередь, о величайшихъ подвижникахъ Антоніѣ и Макаріѣ, которые, въ минуту своего исхода, еще сомнѣвались въ правотѣ своей жизни, и, не дерзая сравнивать себя съ ними, страшился осужденія, если хотя въ послѣдніе дни не усугубитъ покаянія.

Онъ молилъ братію испросить у Бога, чтобы избранная имъ пещера послужила покоищемъ окаянному его тѣлу, и предоставилъ имъ избрать себѣ настоятеля; братія же не хотѣла сама себѣ назначить начальника при его жизни. Тогда Св. Шіо вручилъ посохъ свой старшему изъ учениковъ Евагрію и передалъ писменно поученія свои братіи, дабы и послѣ не были лишены его назидательнаго слова. Потомъ пришелъ со всѣми въ церковь Предтечи, внутри коей находился спускъ въ глубокую пещеру, имъ избранную для послѣдняго жительства. Тамъ въ послѣдній разъ помолился посреди учениковъ, благословилъ и поцѣловалъ каждаго изъ нихъ, и сѣвъ надъ устьемъ пещеры, какъ бы на краю могилы, сказалъ имъ еще заживо послѣднее трогательное слово, о томъ, какъ они должны приготовлять себя къ вѣчности. Тогда погрузился предъ лицемъ всѣхъ, въ пещеру, и уже съ той поры они болѣе не видали своего блаженнаго Аввы. Одинъ только инокъ ежедневно спускалъ ему въ отверстіе скудную пищу, которой однако

никогда не доканчивалъ затворникъ, ибо жилъ уже почти какъ безплотный, проводя всѣ свои дни на молитвѣ, и пѣніемъ псалмовъ возбуждая себя къ ежечасному бдѣнію. Тѣло его почернѣло отъ поста, кости, по выраженію псалмовъ, ссохлись какъ сушила, но духъ бодрствовалъ до послѣдней минуты. Когда же, по откровенію Божію, почувствовалъ, что приближается кончина, онъ призвалъ священника, который спустился въ пещеру и пріобщилъ его святыхъ таинъ. Простерши къ небу руки, на колѣняхъ, предалъ онъ Богу праведную свою душу, завѣщавъ погребсти тѣло свое въ пещерѣ, и братія исполнила его послѣднюю волю; мощи его служатъ досель огражденіемъ обители, которая одна изъ немногихъ уцѣлѣла, посреди частыхъ опустошеній Грузіи.

Поздно вечеромъ мы возвратились въ Мцхетъ, и только на другой день утромъ могли ѣхать обратно въ Тифлисъ, откуда мнѣ предстояло другое, болѣе пространное путешествіе въ Арменію.

ЛѢТОПИСЬ ГРУЗІИ.

Когда видишь столько великолѣпныхъ памятниковъ, теперь уже обрушенныхъ или забытыхъ въ пустынѣ, невольнымъ образомъ приходитъ на мысль, вникнуть въ лѣтопись той поэтической земли, которая доселѣ ихъ носитъ, на гребнѣ своихъ скалъ, или во мракѣ своихъ дубравъ и на берегу горныхъ потоковъ. Но къ несчастію однѣ только сіи каменныя скрижали сохранились вмѣсто лѣтописи, ибо царство возникло, процвѣло и увяло, безъ исторіи, хотя еще доселѣ много неразрытыхъ граматъ и отрывковъ лѣтописей хранится въ храмахъ

Мцхета и Гелата, и по другимъ монастырямъ. Правда Царь Карталинскій Вахтангъ VI, окончившій дни свои въ Россіи, старался, въ началѣ минувшаго столѣтія, составить нѣчто цѣлое изъ сихъ отрывковъ; но слишкомъ поздно царственная рука коснулась преданій отечественныхъ, когда до него не были они своевременно записаны, какъ у насъ сказанія Нестора и его продолжателей. Сынъ Вахтанга, Царевичь Вахуштій, сократилъ уже въ Россіи, начало лѣтописи родителя и дополнилъ ее подробнымъ описаніемъ четырехъ послѣднихъ столѣтій, но и его трудъ неудовлетворителенъ, по неуказанію на источники; онъ основывается на словѣ царскомъ Вахтанга, а Вахтангъ смѣшиваетъ баснословныя преданія съ истинными, глухо ссылаясь на монастырскія грамоты, да и трудно писать исторію давно-минувшаго, чрезъ столько вѣковъ.

Лѣтопись Грузіи, какъ и всѣхъ древнихъ племенъ Азіи, начинается почти отъ потопа, ибо Таргамосъ, чрезъ сыновей своихъ Гайка и Картлоса, общій родоначальникъ Армянъ и Грузинъ, былъ правнукомъ Ноя.

Страшно вдаваться въ такую туманную даль, или сходить по всѣмъ патріархальнымъ и царственнымъ ступенямъ, Картлоса, Мцхетоса, Уплоса, которые дали имена свои цѣлому народу, и столицѣ Карталинской и пещерному городу Уплисцихе, до временъ болѣе намъ знакомыхъ завоевателя Македонскаго, Персовъ и Римлянъ. Замѣчательно, что самое названіе Грузіи или Георгіи неизвѣстно ея народу, который зоветъ себя Картлами, и усвоено ему только въ средніе вѣка, отъ Арабовъ и Турковъ, быть можетъ по глубокому уваженію всего народа Грузинскаго къ памяти великомученика Георгія, или отъ Арабскаго названія рѣки Куры, Джуръ, отчего происходитъ слово Джуржистанъ. Нашествіе Скиѳовъ изъ-за Кавказскаго хребта, 600 лѣтъ до Р. Х., поселеніе ими Мидійскихъ колоній, Яссовъ или Осетинъ, въ горахъ Кавказа; иное переселеніе Евреевъ въ предѣлы Грузіи, послѣ раззоренія ихъ царства Навуходоносоромъ; походы Кира и, въ слѣдствіе ихъ, пришествіе нѣсколькихъ семействъ Китайскихъ или Туранскихъ, подъ

предводительствомъ Орбеліановъ; иго Персовъ и завоеваніе царства потомковъ Ноевыхъ Александромъ великимъ: — все это, огромными тѣнями, падаетъ на древнюю землю Иверскую и, въ хаосѣ исполинскихъ событій, мелькаютъ только нѣсколько великихъ именъ.

Послѣ витязя Македонскаго, возстаетъ опять прежняя династія потомковъ Картлоса, въ лицѣ Фарнаваза, который освобождаетъ страну свою отъ чуждыхъ властителей и утверждаетъ въ ней огнепоклонство; но уже сынъ его долженъ уступить болѣе сильной династіи Арсакидовъ или Парѳянъ, которые въ одно время заняли престолы Персіи, Арменіи и Грузіи, и вотъ являются новые завоеватели: Помпей съ Римскими легіонами, которыхъ навлекла на дальнюю Иверію война ея союзника Митридата, со всемірными владыками. Мирванъ и Аршакъ, послѣдніе изъ племени Картлосова, возсѣли опять на тронъ предковъ; съ началомъ Христіанской эпохи Арсакиды водворились въ Грузіи и отъ Адеркія, или Фаразмана, воцарившагося въ годъ Рождества Христо-

ва, до Асфагура сына Мирдатова, въ теченіе двухъ съ половиною столѣтій, они удержали за собою царство. Перемѣна династіи въ Персіи измѣнила ее и въ Грузіи; Сассаниды заступили мѣсто Арсакидовъ, которые держались еще нѣкоторое время только въ Арменіи. Сапоръ І-й овладѣлъ Мцхетомъ и поставилъ тамъ сына своего Миріяна, женивъ его на дочери послѣдняго Царя.

ДИНАСТІЯ САССАНИДОВЪ. МИРІАНЪ.

318 Сему Миріяну суждено было содѣйствовать равноапостольной Нинѣ, и память его донынѣ осыпается благословеніями. Онъ вступилъ въ родственную связь съ великимъ Тиридатомъ, Царемъ Армянскимъ, который въ то же время просвѣтился Христіанствомъ: но въ Арменіи начало его ознаменовалось кровію невинныхъ дѣвъ и мученіями Святителя Григорія; въ болѣе же кроткой Иверіи одно евангельское слово плѣнницы Нины, подвигло Царя и весь народъ на путь спасенія. Сынъ Миріяна Бакуръ, расказавшій въ Іерусалимѣ лѣтописцу

Руфину о просвѣщеніи родной земли, наслѣдовалъ престолъ родителя и утвердилъ начатое имъ дѣло спасенія, сооруженіемъ многихъ храмовъ. Отъ него и до Вахтанга Гургаслана или волко-льва, такъ прозваннаго по своимъ воинскимъ доблестямъ и по украшенію шелома, слабое царство Иверское боролось со всею силою Персовъ, которые угнетали въ немъ Христіанство, равно какъ и въ Арменіи, для того чтобы опять водворить языческое поклоненіе огню. Но Вахтангъ, прославившійся своими походами въ Индію и Іерусалимъ, свергнулъ на время иго Персидское, укрѣпилъ вѣру Христову на прочныхъ основаніяхъ, умножилъ до 12 число эпархій и испросилъ себѣ независимаго Католикоса, отъ Патріарха Цареградскаго. Бракъ его съ Еленою, дочерью Греческаго Императора Льва, не мало послужилъ къ успѣху его церковныхъ дѣйствій; это было въ исходѣ V 499
столѣтія. Великолѣпный соборъ Мцхета и Метехскій въ Тифлисѣ суть памятники славы Вахтанга; онъ основалъ и новую сію столицу, которая похитила древнюю славу

Мцхета. Сынъ его Арчилъ перенесъ туда престолъ и съ тѣхъ поръ начинается упадокъ царства, обуреваемаго Персами, слабо защищаемаго Императорами.

555 При его правнукѣ Фарсманѣ VI, тринадцать Сирскихъ отцевъ пришли въ Грузію и были вторыми ея просвѣтителями послѣ святой Нины, ибо они основали уединенныя обители и заняли каѳедры епископскія, въ мѣстахъ наиболѣе подверженныхъ вліянію язычниковъ, и сильно противодѣйствовали Магамъ Персидскимъ. Лѣтосчисленіе Грузинское не сходно съ Греческимъ, о времени ихъ пришествія, относя оное почти на цѣлое столѣтіе впередъ, какъ и всѣ событія сей эпохи, по сбивчивости принятой эры: она считаетъ годы съ воцаренія Баградитовъ на престолъ Грузіи, т. е. съ 780 года, такъ называемыми хрониконами, которые состоятъ каждый изъ 532 лѣтъ: это есть число большаго пасхальнаго круга, или индикта; на такіе хрониконы разбито все лѣтосчисленіе Грузинское, а Вахуштій считаетъ такимъ образомъ даже отъ сотворенія міра. Отъ того про—

исходятъ частыя ошибки, ибо въ граматахъ и надписяхъ не бываетъ указано, какой именно кругообращается хрониконъ? и не рѣдко надобно отгадывать эпоху, по современнымъ событіямъ.

Шестое столѣтіе и начало седьмаго тягостны были Грузіи, кровопролитными войнами могущественныхъ Хозроевъ Персидскихъ съ полководцами Императора Іустиніана и потомъ съ самимъ Иракліемъ; поприщемъ ихъ были Имеретія, Иверія и Арменія. Въ это время пресѣклась царственная династія Сассанидовъ, въ лицѣ Бакурія сына Фаразманова, и новая Багратидовъ, ведущая родъ свой отъ Царей Іудейскихъ, вступила на престолъ Картлоса и Миріана. При Бакуріѣ были и послѣднія гоненія отъ огнепоклонниковъ Персовъ, и царственная Сусанна пострадала отъ мужа своего Князя Васкена, за твердое исповѣданіе вѣры Христовой. Съ тѣхъ поръ другія гоненія, уже не отъ язычниковъ, а отъ Магометанъ, какъ бы въ огненномъ горнилѣ, испытывали чистоту вѣры обуреваемаго народа Гру-

зинскаго, сохранившаго вѣру отцевъ и сохраненнаго ею.

Трудно разобрать родословіе знаменитой фамиліи Багратидовъ, которая старается доказать непрерывное свое происхожденіе отъ Царя Пророка, и уже славилась симъ священнымъ родствомъ, въ первыя времена Христіанства. Императоръ Константинъ Багрянородный свидѣтельствуетъ о томъ въ X столѣтіи; а предшествовавшіе ему историки Армянскіе и всѣхъ древнѣйшій Моисей Хорренскій говорятъ: что одинъ йзъ знаменитыхъ плѣнниковъ Іудейскихъ, освобожденный Навуходоносоромъ по ходатайству Царя Армянскаго, поселился при дворѣ своего благодѣтеля, еще за полтораста лѣтъ до Р. Х. Вагаршакъ, первый изъ рода Арсакидовъ, предоставилъ Баграту и его потомству исключительное право вѣнчать на царство властителей Арменіи. Весьма вѣроятно, что для полученія такого преимущества должно было имѣть что-либо священное въ своихъ семейныхъ преданіяхъ, ибо на Востокѣ свыше всего уважается древность рода. Съ тѣхъ поръ уси-

лялись Багратиды и пріобрѣли нынѣшнія области Карса и Эрзерума; тамъ пользовались они почетными титлами Эмировъ, Куропалатовъ и Патриціевъ, отъ Царей Персидскихъ, Халифовъ и Императоровъ, доколѣ наконецъ, въ лицѣ великаго Ашота, не воцарились на престолѣ Армянскомъ, въ IX столѣтіи. Здѣсь есть несогласіе между лѣтописью Армянскою и Грузинскою: Армяне производятъ властителей Иверскихъ, отъ одного корня съ своими Царями, такъ что по ихъ лѣтосчисленію Ашотъ и Багратъ, воцарившіеся въ одно время, были между собою братья въ четвертомъ колѣнѣ, происходя отъ Сембата и Васака, сыновей общаго ихъ родоначальника Ашота. Но царственный лѣтописецъ Вахтангъ, вѣроятно по взаимной нелюбви обоихъ народовъ, не указываетъ на такое начало, а темно выводитъ родъ свой отъ семи братьевъ Еврейскихъ, будто бы происходившихъ, въ 58 колѣнѣ, отъ Царя Пророка, и въ V вѣкѣ пришедшихъ изъ Палестины въ южную часть Иверіи, къ нѣкоей Царицѣ Рахили, гдѣ приняли святое крещеніе; третій изъ

нихъ Гурамъ женился на внукѣ Вахтанга Гургъ-Аслана и поселился въ предѣлахъ Карса.

Внукъ его, также Гурамъ, первый поставленъ былъ на царство Иверское, въ исходѣ VI вѣка, Императоромъ Маврикіемъ, по малолѣтству дѣтей Бакаровыхъ; онъ былъ основателемъ въ Тифлисѣ собора Сіонскаго, который такимъ образомъ носитъ на себѣ печать рода Багратидовъ. Но по смерти великаго отца, Стефанъ не смѣлъ воспріять титла царскаго, ибо не кому было утвердить его, по возникшей войнѣ между Ираклiемъ и Хозроемъ; услышавъ о первыхъ успѣхахъ Хозроя, овладѣвшаго святымъ градомъ, онъ поспѣшилъ ему покориться. Ираклій, освободивъ Іерусалимъ, хотѣлъ наказать властителя Иверскаго, за его непостоянство, и овладѣлъ Тифлисомъ, послѣ долгой осады горнаго замка. Тогда же возвратилъ онъ сыну Бакурову Адарнасу, или Аѳанасію, царственное наслѣдіе его предковъ и, по согласію Патріарха Антіохійскаго, предоставилъ Католикосамъ Иверскимъ самостоя-

тельное ихъ избраніе, безъ дальнѣйшаго утвержденія; но, съ этого времени теряется ихъ лѣтописный порядокъ и вѣроятно прекратилось самое преемство, по смутнымъ обстоятельствамъ, ибо наступила самая горькая эпоха для Грузіи. Посреди ея разгрома явились новые завоеватели Арабскіе, которые съ огнемъ и мечемъ проповѣдали Коранъ, тамъ гдѣ еще дымились слѣды губительнаго огнепоклонства.

Стефанъ, сынъ Адарнасіевъ, принужденъ былъ удалиться въ Мингрелію; сыновья его, Миръ и Арчилъ, остались охранителями царства и горько запечатлѣли именами своими бѣдственную сію годину на будущія времена. Родственный Магомету, Халифъ Мурванъ, прозванный глухимъ отъ того, что не внималъ никакому прекословію, однимъ опустошительнымъ нашествіемъ разорилъ всю Иверію, Имеретію и Черное поморіе. Напрасно воспротивились ему князья витязи Аргветскіе, Давидъ и Константинъ: мучениками пали они въ Кутаисѣ. Напрасно державный Миръ хотѣлъ съ нимъ бороться слабыми своими силами; онъ по-

лучилъ въ битвѣ смертельную рану и поручилъ царство свое брату Арчилу, подъ покровительствомъ Императора Константина, который прислалъ ему за подвиги вѣнецъ царскій. Но Арчила ожидалъ, послѣ многихъ испытаній, иной болѣе свѣтлый вѣнецъ мученическій. Нѣсколько лѣтъ спустя, намѣстникъ Халифа, взявъ его въ плѣнъ, отсѣкъ голову за мужественное исповѣданіе имени Христова; церковь Грузинская совершаетъ память мученика ца-
718 ря, 21 іюня. Дѣти его Іоаннъ и Джуанширъ, остались слабыми правителями слабой державы, отовсюду обуреваемой врагами внѣшними и внутри еще раздѣлившейся на удѣлы. Различныя отрасли Багратидовъ властвовали въ южныхъ предѣлахъ Таосскихъ, около Ахалциха и Карса; Абхазія повиновалась наслѣдственнымъ воеводамъ Греческимъ, утверждаемымъ отъ Императоровъ, съ титлами Патриціевъ и Куропалатовъ; въ Кахетіи были свои особые властители изъ племени Сассанидовъ, между коими болѣе всѣхъ прославился Киріонъ, основатель Алавердскаго собора.

Тифлисъ сдѣлался на четыреста лѣтъ мѣстомъ пребыванія намѣстниковъ Арабскихъ, которые иногда отлагались отъ верховной власти Халифовъ и тѣмъ навлекали новыя опустошительныя нашествія, на страждущую отъ нихъ страну; совершенное ея безначаліе отзывалось всѣми ужасами междоусобій.

ДИНАСТІЯ БАГРАТИДОВЪ. АШОТЪ.

Тогда опять возникаетъ могуществен- 786
ный родъ Багратидовъ. Въ исходѣ VIII вѣка Ашотъ Куропалатъ, владѣтель Кларджетскій, правнукъ Царя Гурама Багратіона и самъ женатый на дочери слабаго Джуаншира, съ помощію зятя своего Ѳеодосія, властителя Абхазскаго, изгналъ Эмира Сарацынскаго изъ Тифлиса и побѣдилъ союзнаго ему владѣтеля Кахетіи. Поддерживаемый Греками, онъ до тридцати лѣтъ властвовалъ въ предѣлахъ Иверіи, щастливо сражаясь съ Сарацинами: но подъ конецъ ему измѣнило счастіе, и преслѣдуемый врагами, умерщвленъ былъ въ стѣ-

нахъ своей крѣпости Артануждской. Малолѣтныя сыновья его держались нѣкоторое время въ ущеліяхъ Ахалцихскихъ; однако родъ Ашота утвердился на престолѣ, хотя и продолжались междоусобія. Халифъ Махметъ, сынъ Валида, вступивъ въ Грузію для покоренія возмутившагося эмира
841 Тифлисскаго, призналъ Царемъ Баграта I, сынъ Ашотова, и во все время жестокихъ раззореній Эмира Буги, слабый владѣтель держался въ своей наслѣдственной области, которую передалъ по себѣ сыну Давиду. Давидъ сей памятенъ только основаніемъ храма, въ честь иконы Хахульской Божіей Матери въ Кларджетѣ: война съ владѣтелемъ Абхазіи Георгіемъ и единокровными ему князьями почти заняла, все его царствованіе; онъ былъ наконецъ убитъ однимъ изъ нихъ Нерзесомъ, и ти-
881 тулъ царскій перешелъ сыну его Адарнасію. Но сей новый властитель укрѣпился на царствѣ, одолѣлъ всѣхъ своихъ соперниковъ и вступилъ въ тѣсный союзъ съ Царемъ Армянскимъ Сумбатомъ: оба они взаимно вѣнчали другъ друга, по праву,

предоставленному съ давнихъ лѣтъ роду Багратидовъ.

Опустошительное нашествіе эмира Абулкасима, посланнаго Халифомъ противъ Буги, разорило еще однажды бѣдствующую Грузію, и пало много жертвъ его ярости. Въ числѣ подвижниковъ, увѣнчавшихся вѣнцомъ мученій, Церковь Грузинская празднуетъ память святаго Або, который пострадалъ въ Тифлисѣ за свое обращеніе, изъ мрака Магометанскаго къ свѣту Христову, и князя Михаила Габрова. Мужественно защищая въ Кахетіи свой родовой замокъ, онъ былъ обезглавленъ эмиромъ, ибо не хотѣлъ отречься отъ Господа Іисуса. По удаленіи жестокаго Абулкасима, Царь Адарнасій заключилъ союзъ съ владѣтелями Кахетіи Киріономъ и Абхазіи Константиномъ, чтобы впредь противустоять подобнымъ нашествіямъ, но всѣ три скончались вскорѣ послѣ союза. Слабый Сумбатъ заступилъ мѣсто Адарнасія, безъ титла царскаго; владѣтель Абхазскій Георгій, овладѣлъ предъ его глазами Карталиніею и провозгласилъ тамъ сына своего

Константина; но мѣстомъ пребыванія сихъ непрочныхъ властителей былъ пещерный городъ Уплисцихе, а не Тифлисъ, постоянно занятый эмирами.

938 Столь же слабый сынъ Сумбатовъ, Давидъ, прослывшій юродивымъ и названный Багратомъ, въ отличіе отъ своего знаменитаго дяди Куропалата Давида, получилъ царственное наслѣдіе тревожимое сильными удѣльными князьями; но помощникомъ его былъ сей великій Давидъ, истинный Мономахъ Багратидовъ, мирившій между собою князей и силою одолѣвавшій непокорныхъ. Не имѣя дѣтей, онъ усыновилъ внука царскаго Баграта, которому суждено было соединить на главѣ своей вѣнцы Карталиніи и Абхазіи, ибо Куропалатъ объявилъ его, при жизни дѣда, Царемъ Карталинскимъ и уступилъ ему свою наслѣдственную область Таосскую; а когда умеръ послѣдній владѣтель Абхазіи, слѣпой Ѳеодосій, Давидъ поставилъ тамъ Царемъ тогоже Баграта, такъ какъ по матери онъ былъ его племянникомъ. Отецъ юнаго Царя, Гургенъ, не любимый своимъ юродивымъ

родителемъ, назначенъ былъ въ соправители сыну и на краткое время наслѣдовалъ престолъ отца. Памятью втораго Баграта остался донынѣ величественный соборъ Сіонскій, въ Атенской долинѣ, ибо около сихъ мѣстъ была родовая его область. По смерти же Гургена и великаго Давида всѣ удѣлы, бывшіе во власти Багратидовъ и Князей Абхазскихъ, достались въ 1008 году одному Баграту, третьему по списку Царей сего имени. Отъ сего времени начинается собственно исторія Грузіи и періодъ ея славы, продолжавшійся до трехъ столѣтій, хотя и со многими перемѣнами щастія, и сему періоду принадлежатъ всѣ лучшіе памятники ея зодчества.

ПЕРІОДЪ СЛАВЫ. БАГРАТЪ III.

Царствованіе Баграта III протекло въ усмиреніи сосѣднихъ владѣтелей Кахетіи и Ганжи, или области Ранской, горскихъ князей, и единокровныхъ ему Багратидовъ, еще не привыкшихъ къ единовластію; опасные соперники воставали для его по-

томковъ и въ Орбельянахъ, властителяхъ Тріалетскихъ. Мощная рука Баграта все держала подъ своимъ скиптромъ и памятникомъ его свѣтлаго царствованія остался великолѣпный соборъ, основанный имъ въ Кутаисѣ, куда перенесъ онъ свою столицу. И въ дальнемъ Іерусалимѣ отозвалась его слава, ибо тамъ соорудилъ онъ обширную обитель честнаго креста, для многочислен-
1014 ныхъ богомольцевъ Грузинскихъ. Сынъ его Георгій имѣлъ опаснаго непріятеля, въ Императорѣ Греческомъ Василіѣ Вулгароктонѣ, который хотѣлъ покорить власти своей Царей Абхазскихъ и принудилъ его дать себѣ въ заложники юнаго сына, Баграта. Но время его пребыванія въ Царьградѣ послужило въ пользу будущему его царству, ибо юноша пріобрѣлъ тамъ образованіе Византійское и въ послѣдствіи вступилъ въ родственную связь съ Императорами. Романъ выдалъ за него дочь свою Елену и почтилъ титломъ Куропалата. Много древней святыни, какъ во дни Миріана и Вахтанга Гург-аслана, принесено было опять въ Грузію, благочестивою ца-

ренцою, и съ нею вмѣстѣ пришли художники Греческіе довершить соборъ Кутаискій.

Полувѣковое царствованіе четвертаго 1027
Баграта почитается самымъ цвѣтущимъ для словесности Грузинской, которая развилась подъ благодатнымъ дыханіемъ Византіи. Еще во дни втораго Баграта, именитый воевода области Таосской, Іоаннъ Торникій, который оказалъ много услугъ Греческой имперіи, удалился во святую гору Аѳонскую и основалъ тамъ обитель Иверскую, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Евѳиміемъ; за ними послѣдовали и другіе почетные мужи Грузіи. Они исключительно посвятили себя преложенію святаго писанія на родственный языкъ и образовали его по примѣру Греческаго, переводами духовныхъ пѣсней и твореній великихъ Отцевъ Церкви Восточной. Пятдесятъ лѣтъ спустя, въ полномъ блескѣ уже была обитель Иверская на Аѳонѣ, славившаяся своимъ ученымъ братствомъ и обширною библіотекою; выходцы Аѳонскіе приходили просвѣщать свою родину, и въ числѣ ихъ наиболѣе прославились Іоаннъ Хахульскій,

прозванный Златоустомъ своего времени, Іоаннъ Патрикій, неподражаемый по красотѣ слога, и Георгій Святогорецъ, окончательно исправившій переводъ святаго писанія. Можно бы назвать еще до двѣнадцати иноковъ современныхъ, ознаменовавшихъ себя въ разныхъ отрасляхъ наукъ, богословіи, философіи и словесности. Это золотой вѣкъ просвѣщенія Иверскаго, котораго послѣдніе поэтическіе отблески достигаютъ царствованія Тамари, правнуки Багратовой, и потомъ гаснутъ посреди бѣдственныхъ переворотовъ родной страны. Церковь причла древнѣйшаго изъ всѣхъ Иларіона, Евѳимія и Георгія Аѳонскихъ, къ лику святыхъ.

Не мирно протекло однако долгое царствованіе великаго Баграта: Кахетія и Ганжа часто нарушали спокойствіе; самый Тифлисъ продолжалъ быть столицею Эмировъ, хотя дважды подвергался осадѣ Царя; но онъ оставлялъ его въ рукахъ Турковъ, обращаясь для усмиренія близкихъ къ нему Орбельяновъ. Собственный братъ его Димитрій, поддерживаемый Греками и Липаридомъ Орбельяномъ, подымалъ про-

тивъ него знамя бунта, и однажды Баграть, разбитый ими, принужденъ былъ удалиться въ Абхазію, а потомъ въ Царьградъ; тамъ снискалъ себѣ довѣренность Императора Константина Мономаха и съ помощію его покорилъ возмутившихся. Димитрій умеръ въ Анакопи, а малолѣтній сынъ его скрылся въ горахъ Осетіи, отколѣ потомки его взошли опять на престолъ Грузіи. Тогда новая ужасная гроза нахлынула на царство Баграта: сильные Султаны Сельджукидовъ, Тогрулъ-бекъ и братъ его Альпъ-арсланъ, одинъ за другимъ вторглись въ Арменію и южные предѣлы Грузіи, съ огнемъ и мечемъ, все раззоряя предъ лицемъ своимъ, и принудили Баграта сдѣлаться на время ихъ данникомъ; сосѣдніе ему владѣтели не имѣли силы воспротивиться губительному нашествію, а роскошныя долины Арменіи и Грузіи манили къ себѣ дикихъ завоевателей; послѣдній же Царь Армянскій Гагикъ находился плѣнникомъ въ Царьградѣ; его бѣдствующая столица Ани подверглась всѣмъ ужасамъ разоренія и отдана была Султанами во владѣніе Магометанскому Эмиру.

1072 Въ такихъ печальныхъ обстоятельствахъ окончилъ дни свои Багратъ, оставивъ сыну своему и преемнику, Георгію II, опустошенное царство, въ ожиданіи новыхъ губительныхъ нашествій и не менѣе гибельныхъ междоусобій, ибо сынъ Липарида, Іоаннъ, и Кахетинскій владѣтель доходили даже до Кутаиса. Явился новый завоеватель изъ тогоже сильнаго племени Сельджукидовъ, Мелекъ-Шахъ, и дважды наступалъ на области Грузіи; дважды отразилъ его Георгій; пользуясь краткимъ отдыхомъ, пріобрѣлъ онъ отъ Грековъ оставленныя ими области Армянскія, съ столичнымъ городомъ Ани; но третіе нашествіе Мелекъ-Шаха было бѣдственно для Георгія. Обращенный въ бѣгство, онъ принужденъ былъ спасаться въ Абхазіи и потомъ идти въ дальнюю Испагань искать милости у Шаха; а между тѣмъ все его царство было раззоряемо ордами Турецкими; города и обители преданы запустѣнію, жители бѣжали въ горы и пепломъ развалинъ покрылась страждущая земля Иверская; Георгій преждевременно скончался.

ДАВИДЪ ВОЗОБНОВИТЕЛЬ.

Тогда, посреди избытка золъ, возсіялъ 1089 лучь спасенія, и пятнадцатилѣтній юноша Давидъ, воцарившись на мѣсто отца, сдѣлался возобновителемъ своего царства, которое совершенно поднялъ изъ развалинъ и поставилъ на высокую степень благоденствія. Стодвадцатилѣтній періодъ, отъ начала Давидова до кончины правнуки его Тамари, есть время могущества Грузіи, и это можетъ объясниться тѣмъ, что въ сіе самое время крестовые походы отвлекли отъ нее полчища Турецкія къ югу и дали развернуться собственнымъ силамъ отдохнувшей страны.

Не вдругъ однакоже и не такъ легко отвыкали Сельджукиды отъ частыхъ своихъ нападеній на беззащитную дотолѣ Грузію, и ея освобожденіе стоило много крови имъ и Давиду. Онъ долженъ былъ еще сразиться со всѣми полчищами Мелекъ-Султана, шедшаго по слѣдамъ отцевъ, и потомъ опять съ болѣе сильною ратію, собранною противъ него по волѣ Халифа;

ибо ему жаловались магометанскіе властители на возрастающее могущество Христіанъ Иверскихъ. Не менѣе заботы было великому возобновителю, избавить страну свою отъ постояннаго въ ней жительства ордъ Турецкихъ, которыя, со времени Тогрулъ-Бека, приходили селиться въ южныхъ плодоносныхъ долинахъ Арменіи, или кочевать въ нихъ со стадами, какъ бы въ собственныхъ предѣлахъ. Давидъ, всюду присутствуя своимъ неутомимымъ геніемъ, внезапно являлся тамъ, гдѣ наименѣе его ожидали и малымъ числомъ поражалъ тысячи: то воевалъ онъ въ горахъ съ непокорными племенами, то; испросивъ помощь у тестя своего Князя Кивчакскаго, поселялъ горныхъ Осетинъ въ опустошаемыхъ Турками равнинахъ и тѣмъ обращалъ ихъ къ Христіанству. Всѣ пути Кавказа были ему отверсты, со стороны Абхазіи и Дарьяла; но и въ Дербентѣ сломилъ онъ желѣзныя врата, устроенныя тамъ со временъ халифата; такъ отъ моря Чернаго до моря Каспійскаго, все покорилось его владычеству.

Къ нему обратилась и бѣдствующая Ар-

менія, умоляя освободить столицу Ани отъ владычества Сарацынъ; смѣлый витязь устремился на зовъ угнетенныхъ Христіанъ и власть его распространилась къ югу до Арарата. Но, освобождая чуждыя столицы, не потерпѣлъ онъ, чтобы древнее мѣстопребываніе Царей Грузіи, четыреста лѣтъ уже бывшее подъ игомъ невѣрныхъ, оставалось долѣе въ рукахъ ихъ. Онъ осадилъ и взялъ Тифлисъ, который съ его времени получилъ опять царственныя права свои, хотя Кутаисъ и Абхазія были любимыми мѣстами жительства Багратидовъ. Такъ протекло въ битвахъ сорокалѣтнее царствованіе, на каждомъ шагу ознаменованное побѣдами и сооруженіемъ храмовъ и обителей. Но славно владѣя мечемъ, не чуждъ былъ Царь обновитель и просвѣщенія духовнаго, которое процвѣло подъ его сѣнію, какъ во дни великаго Баграта, ибо отшельники Иверскіе продолжали приходить съ Аѳона, участвовать на его соборахъ, и собственный духовникъ его Арсеній былъ покровителемъ наукъ. При началѣ своего царствованія созвалъ благочестивый Давидъ со-

боръ всѣхъ Епископовъ Иверскихъ и Абхазскихъ, для возстановленія порядка въ дѣлахъ церковныхъ, и при исходѣ соединилъ опять многочисленное ихъ собраніе, чтобы примирить новыхъ своихъ подданныхъ Армянъ съ Церковію Православною, хотя и не имѣлъ въ томъ успѣха. Отъ его времени начинается опять рядъ Католикосовъ Иверскихъ, знаменитымъ Іоанномъ III, котораго ликъ встрѣчается на стѣнахъ многихъ древнихъ обителей Грузіи, имъ обновленныхъ съ помощію Царя.

1130 Рано скончался Давидъ къ несчастію своего государства; преждевременная смерть застигла его во всей силѣ мужескаго возраста; но онъ оставилъ умиренную державу сыну Димитрію, болѣе благочестивому нежели доблестному, хотя столь же удачно отражавшему враговъ. Наскучивъ двадцатилѣтнимъ своимъ властвованіемъ, Димитрій измѣнилъ мантію царскую на рясу иноческую, и, еще при жизни, имѣлъ огорченіе видѣть раннюю кончину воцареннаго имъ сына Давида IV, за которымъ самъ вскорѣ послѣдовалъ въ могилу. Другой его сынъ

Георгій III, мужествомъ напоминавшій великаго дѣда, сдѣлался правителемъ царства, во время малолѣтства племянника своего Димитрія и, вопреки всѣхъ правъ, объявилъ себя Царемъ. Все его правленіе протекло также въ битвахъ съ Сарацынами, ибо Султаны Сельджукидовъ и Хорасана, соединясь съ полчищами Халифа, хотѣли однимъ ударомъ сокрушить Христіанъ Иверскихъ, которые препятствовали имъ успѣшно дѣйствовать противъ Крестоносцевъ. Георгій, овладѣлъ сперва древнею столицею Армянскою Двиномъ, гдѣ уже давно жили Эмиры Сарацынскіе, но принужденъ былъ въ свою очередь выдержать долгую осаду въ Ани; однако неимовѣрною храбростію, съ малымъ числомъ воиновъ, одолѣлъ несмѣтные полки враговъ и поддержалъ славу Грузіи. Горькое междоусобіе возникло внутри государства, когда юноша Димитрій, чувствуя свое право, помыслилъ отнять престолъ у могущественнаго дяди. Князья Орбельяны покровительствовали законному наслѣднику, памятуя клятву вѣрности данную его отцу, и вмѣ-

стѣ съ Димитріемъ заключились въ крѣпкихъ стѣнахъ Лори. Но побѣжденные Георгіемъ, который сокрушилъ ихъ твердыни, принуждены были бѣжать отъ гнѣва его въ Персію, и тяжкое изгнаніе пало на весь ихъ родъ, до царствованія Тамари. Несчастный юноша заплатилъ жизнію за свое честолюбіе; но самъ Георгій не оставлялъ по себѣ мужескаго наслѣдника. Ближніе вельможи, зная царственныя доблести его единственной дочери, убѣдили Георгія провозгласить ее царемъ, и Царь-Тамарь, такъ прозванная въ лѣтописяхъ Грузинскихъ, озарила вѣчною славою престолъ Вахтанговъ, Багратовъ и Давидовъ.

ЦАРЬ ТАМАРЬ.

1174 Есть свѣтлыя минуты въ исторіи каждаго народа, которыя остаются навсегда памятными у дальнихъ потомковъ, и къ нимъ любятъ они возвращаться мысленно въ печальные дни свои, чтобы утѣшаться минувшею славою: таково царствованіе Тамари, высшая точка славы Иверіи, послѣ

которой начала она постепенно упадать, и что достойно вниманія: женщина олицетворила собою ея лучшую эпоху. Двадцати четырехъ лѣтъ наслѣдовала Тамарь престолъ родительскій и обнаружила доблести истинно царскія, при всѣхъ добродѣтеляхъ женскихъ. Въ самомъ началѣ смирила она превозношеніе вельможъ, надѣявшихся управлять подъ ея именемъ, и съ твердостію мужескою взяла бразды правленія. Избраннымъ воеводамъ распредѣлила Царица обширныя свои области и главнымъ изъ нихъ, или Атабегомъ, поставила въ Ани Армянскаго князя Саркиса Аргутинскаго, котораго дѣти, Иванъ и Захарія, сдѣлались лучшими ея вождями, въ битвахъ противъ Сарацынъ. Католикосъ, со всѣми Епископами и сановниками, умоляли Царицу избрать себѣ супруга, чтобы не прекратилась съ нею царственная династія Багратидовъ: долго отрекалась Тамарь, чуждавшаяся узъ брачныхъ, отвергла Царевича Греческаго, изъ рода Комниновъ, и наконецъ согласилась дать руку Князю Русскому Георгію, сыну Боголюбскаго, кото-

рый лишенъ былъ удѣла, дядею Всеволодомъ, и скитался по востоку; но къ сожалѣнію Георгій не оправдалъ громкаго имени и довѣренности Грузіи, хотя и отличался храбростію въ битвахъ. Развратное его поведеніе принудило Тамарь удалить его отъ себя и Католикосъ, расторгнувъ бракъ объявилъ Царицу свободною вступить во второе супружество. Опять отрекалась Тамарь, уже испытавшая однажды тяжесть супружества; но ее убѣдили настоятельныя мольбы всего духовенства; бояръ и народа, которые страшились паденія царства, при ея бездѣтной кончинѣ.

Одинъ за другимъ начали являться, ко двору Абхазскому, новые искатели руки Царицы, и если бы сама Тамарь не сдѣлалась предметомъ двухъ знаменитыхъ поэмъ: это одно обстоятельство могло бы служить обильнымъ источникомъ вдохновенія, для современныхъ ей поэтовъ. Въ числѣ жениховъ были: сынъ Императора Греческаго Мануила и Князь Боэмундъ Антіохійскій, и два Осетинскіе Князя, изъ коихъ одинъ скончался отъ печали, когда

былъ отвергнутъ. И Магометанскіе владѣтели не уступали Христіанскимъ въ искательствѣ ея руки. Сынъ Султана Испаганскаго отрекся, по любви къ Тамари, отъ вѣры предковъ и былъ за то заключенъ въ темницу отцемъ; владѣтель Ширванскій предлагалъ также сына своего, но ни на кого изъ нихъ не палъ выборъ Царицы; всѣхъ отпустила она съ честію и богатыми дарами, чтобы не раздражить сильныхъ сосѣдей. Наконецъ единокровный ей Князь Осетинскій, правнукъ Димитрія, который возставалъ нѣкогда противъ великаго Баграта, Давидъ Сосланъ, воспитанный въ горахъ, удостоился чести быть супругомъ Тамари, и на сей разъ вполнѣ оправдалъ ея выборъ. Не остался однако спокойнымъ первый мужъ, котораго съ честію отпустила въ Царьградъ; онъ возвратился съ помощію Грековъ, возмутилъ противъ нее южныя области, и доходилъ даже до Кутаиса. Сама Царица принуждена была выдти въ поле противъ Князя Русскаго и побѣдивъ на сраженіи, привлекла къ себѣ милостями всѣхъ его приверженцевъ. Вто-

ричнo удаленный изъ предѣловъ Грузіи, съ тѣмъ же великодушіемъ, онъ уже болѣе не возвращался: рожденіе сына Георгія Ласы, или прекраснаго, и дочери Русуданн, успокоило подданныхъ великой Царицы.

Между тѣмъ Давидъ Сосланъ съ успѣхомъ воевалъ противъ Сарацынъ, сокрушая племена ихъ въ окрестностяхъ Эрзрумскихъ, а братья Аргутинскіе покоряли остальную часть Арменіи около Арарата. Сынъ Султана Хорасанскаго Эмиръ Миръ, съ владѣтелемъ Ширванскимъ, искали покровительства Тамари, противъ могущественнаго Бубакара, который овладѣлъ наслѣдіемъ братьевъ, въ предѣлахъ Персіи, и наступилъ на нихъ съ союзными полчищами Халифа. Онъ уже доходилъ до Шамхора: Тамарь послала противъ него супруга, съ знаменіемъ честнаго креста и, въ виду минарета Шамхорскаго, бѣжали полчища враговъ, какъ въ наши дни, на томъ же полѣ, разсѣялись Персы; знамя Халифа и ожерелье Султана посвящены были Царицею иконѣ Хахульской Богоматери, въ обитель Гелатскую.

Могущественный врагъ крестоносцевъ Нуреддинъ, Султанъ Алепа, двинулся также противъ славной Царицы Иверской, съ многочисленнымъ войскомъ, и былъ разбитъ въ кровопролитной битвѣ, Давидомъ Сосланомъ: пока ратовалъ ея супругъ, Тамарь молилась и видимо содѣйствовалъ имъ Архангелъ Михаилъ, по словамъ лѣтописи Грузинской; ибо его свѣтлый ликъ узнали плѣнники Сарацынскіе, на иконѣ поверхъ престола Тамари, когда предстали своей побѣдительницѣ. Такъ велика была къ ней довѣренность Магометанъ, что когда былъ захваченъ Турками городъ Карсъ и, послѣ жестокой осады, долженъ былъ опять сдаться Христіанамъ; жители его одной только Царицѣ соглашались вручить ключи воротъ, и она пришла исполнить ихъ желаніе. Вліяніе ея распространялось далеко въ Осетіи и за хребетъ Кавказскій; непокорные горцы смирялись предъ ея великимъ именемъ и толпами принимали Св. крещеніе; церкви и кресты на неприступныхъ скалахъ, внутри самыхъ дикихъ долинъ, на поморіи Черномъ и Каспійскомъ и да-

же по ту сторону хребта, доселѣ свидѣтельствуютъ о Христіанской ревности Тамари, которой громкое имя не напрасно огласило всю страну, ибо и теперь охраняетъ великолѣпныя развалины, въ мѣстахъ давно забытыхъ. Кончина нѣжно любимаго супруга огорчила послѣдніе годы великой Тамари; она возвела съ собою на тронъ юнаго сына Георгія, и не умолкала слава ея оружія, ибо, подъ предводительствомъ Атабеговъ, войска Грузинскія заняли Таврисъ и доходили до внутреннихъ предѣловъ Хорасана, а Крестоносцы ожидали отъ нея сильной помощи противъ Султана Саладина. Но уже наступило для Тамари завѣтное время ея отшествія въ другое болѣе свѣтлое царство, послѣ долгаго славнаго на землѣ владычества. Цер-
1201 ковь Грузинская, не причитая ее гласно къ лику святыхъ своихъ заступниковъ, какъ предка ея Давида возобновителя, ублажаетъ однако ея память, въ недѣлю Мvроносицъ.

иго. монгольское. русудань.

Все измѣнилось съ кончиною Тамари, какъ будто она унесла съ собою благословеніе родной земли. Юный Царь Георгій Лаша, предавшись разврату, удалилъ отъ себя благоразумныхъ совѣтниковъ матери и раздѣлилъ власть недостойнымъ юношамъ. Никакія убѣжденія не могли принудить его вступить въ супружество и, продолженіемъ рода Багратидовъ, остался у него одинъ только отрокъ Давидъ, плодъ незаконной любви. Но наслѣдственная отвага не измѣняла и Георгію; онъ удачно бился съ ближайшими врагами, доколѣ внезапно не омрачила весь горизонтъ Грузіи невиданная дотолѣ туча Монголовъ. Это былъ только передовой отрядъ страшнаго полчища Чингисъ—Ханова, который обходилъ кругомъ Каспійскаго моря, чтобы извѣдать силы обреченныхъ ему народовъ; но опустошеніе царства и бѣдственное пораженіе Грузинскихъ войскъ, въ неровной борьбѣ съ ордою языческою, до такой степени сокрушили Георгія, что онъ

скоропостижно умеръ отъ печали, оставивъ царство и малолѣтняго сына любимой сестрѣ своей Русудани.

1211 Славная красотою не менѣе матери, она не умѣла подражать ей въ добродѣтели, испорченная примѣрами брата, и предавшись страстямъ уронила славу своего царства. Сперва, по просьбѣ вельможъ, согласилась вступить въ бракъ съ однимъ изъ потомковъ Сельджукидовъ, который принялъ Христіанство: но родивши отъ него сына Давида и дочь Тамарь, пренебрегла своимъ мужемъ и заключила его въ горномъ замкѣ, гдѣ и скончался; тогда уже ничто не останавливало влеченія ея пылкаго сердца. Явился новый могущественный искатель ея руки, домогавшійся раздѣлить съ нею престолъ Грузіи, Султанъ Хорасанскій Джелалъ-Эддинъ; но Русудань отвергла его предложеніе и навлекла мщеніе его на свое царство. Завоевателемъ вступилъ бывшій женихъ въ предѣлы Грузіи, прошелъ ихъ съ огнемъ и мечемъ, и послѣ жестокой осады взялъ приступомъ столицу Тифлисъ; тамъ налилъ

на несчастныхъ жителей всю свою ярость противъ ихъ Царицы. Снявъ куполъ съ Сіонскаго собора, онъ воздвигъ его себѣ вмѣсто трона, у Метехскаго моста, какъ гласитъ мѣстное преданіе, и съ вершины сей каѳедры принуждалъ жителей, невольно переходившихъ чрезъ мостъ, ругаться надъ иконою Сіонской Богоматери; большая часть предпочла смерть святотатству, и до ста тысячь погибли въ волнахъ мимотекущей Куры: Церковь совершаетъ ихъ мученическую память 29 Сентября. Русудань бѣжала въ Имеретію и утвердилась въ Кутаисѣ, предоставя всю Грузію и Кахетію во власть Джелалъ-Эддина. Она искала помощи у Сельджукидовъ и предложила дочь свою въ супружество Кіаздину-Султану, отпустивъ съ нею и ненавистнаго ей племянника Давида, съ тою цѣлію, чтобы уже не возвратился въ отечество. Но рука Провидѣнія спасла Царевича, не смотря на злобу тетки и на коварныя противъ него замыслы Султана, хотя многіе годы провелъ онъ въ заточеніи и подвергался частой опасности.

Между тѣмъ, таже гроза собиралась съ Востока и опять хлынула на Грузію, во всей своей силѣ. Чингисъ-Хана не стало, но преемникъ его Гаюкъ-Ханъ, раздѣливъ несмѣтныя полчища на четыре орды, наводнилъ ими Азію: Индія, Персія, Хорасанъ, все покорилось страшному завоевателю. Джелалъ-Эддинъ выступилъ противъ нихъ и, оставленный своими дружинами, былъ убитъ въ бѣгетвѣ; Сельджукиды, союзники Русудани, испытали на себѣ тяжкій гнѣвъ побѣдителей. Она сама, видя опустошенія своего царства, раздѣленнаго между четырьмя Ноинами, или правителями Монгольскими, укрылась въ горахъ Имеретіи и послала просить мира, обѣщая и дань, съ тѣмъ только, чтобы признали Царемъ сына ея Давида-Нарина (пришельца) вмѣсто племянника Давида Сослана.

Нойны, принявъ милостиво Царевича, отправили его сперва въ Золотую орду Кипчакскую, къ Хану Батыю, а Батый еще далѣе, въ сердце Азіи, Харахорумъ, къ главному Хану Мангу. Но бояре Гру-

зинскіе, участвовавшіе въ походахъ съ Монголами и храбростію пріобрѣтшіе себѣ ихъ уваженіе, представили Ноинамъ права другаго Царевича Давида, сына Георгіева, и испросили его изъ заточенія у Султана Сельджукидовъ. Чармаганъ, старшій между Ноинами, радуясь раздѣленію, принялъ съ одинаковою милостію и сего Давида, но также отправилъ его въ Золотую и потомъ большую орду. Русудань, скорбя о удаленіи сына и возращеніи племянника, скончалась отъ печали, или отъ яда, какъ полагаютъ нѣкоторыя, послѣ двадцати пяти лѣтняго правленія, ознаменованнаго ужасами двухъ нашествій; царство было управляемо старшими вельможами, до рѣшенія Ханскаго.

Мангу послалъ обоихъ соперниковъ къ 124
сильному Гулагу-Хану, шедшему на Багдадъ, который проходя мимо Грузіи, благосклонно принялъ Католикоса Николая и далъ ему охранительную грамату, со многими дарами. Ханъ нарменовалъ обоихъ Царями и оба, радостно встрѣченные вельможами, короновались въ Тифлисѣ и

дружно вступили въ управленіе царствомъ, но Сосланъ болѣе занимался Грузіею, а Наринъ Имеретіею. И такъ, послѣ славнаго царствованія Давида и Тамари, возвеличенная ими держава не только лишилась своей независимости, подъ игомъ Монголовъ, но даже раздѣлилась, ибо вскорѣ Давидъ Наринъ отложился отъ двоюроднаго брата и вѣнчался опять Царемъ въ Кутаисѣ; это первое раздѣленіе продолжалось около ста лѣтъ, до Георгія Свѣтлаго, временно соединившаго оба царства, но оно далеко пустило свои корни, ибо въ послѣдствіи потомки Нарина окончательно отдѣлили для себя царство Имеретинское.

Иго Монгольское не тяготѣло на Грузіи, опустошеніями, какъ владычество Персовъ и Турковъ, ибо Монголы, будучи язычниками, не питали фанатизма магометанскаго противъ Христіанъ, но они истощали ихъ данью и безпрестанными походами, въ которыхъ принуждены были участвовать Цари, съ цвѣтомъ своего юношества. Давидъ Сосланъ считался лучшимъ воеводою Гулагу-Хана, бился съ

нимъ противъ Султановъ Египетскихъ и Хановъ, отложившихся отъ еговласти, и — странная участь! былъ не только свидѣтелемъ, но и дѣйствователемъ при паденіи халифата, который нѣкогда нанесъ столько золъ собственному его царству, во времена своей славы. Кровь мученическая Царя Арчила и князей Давида и Константина, пролитая Халифомъ Мирваномъ, и кровь мучениковъ Або и Михаила Габрова, умерщвленныхъ намѣстникомъ Халифовъ, со столькими тысячами Христіанъ, ими побитыхъ, пала на главу послѣдняго Халифа, обезглавленнаго за вратами раззоренной его столицы, предъ лицемъ Давида, который первый вторгся въ Багдадъ съ своими войсками, и казнь сія была какъ бы удовлетвореніемъ Грузіи, за всѣ ужасы халифата.

Но и Давиду предстояли многія испытанія, отъ безпрестанныхъ притязаній Нойновъ Монгольскихъ, внутри собственныхъ его владѣній; онъ принужденъ былъ опять ходить въ золотую орду Батыеву, гдѣ встрѣчался съ нашими Великими Князьями, ко-

торые подверглись той же жалкой участи. Тамъ не одинъ только союзъ вѣры, но и единство плѣна, сближали между собою царственныхъ данниковъ могущества Монгольскаго: но Цари Грузіи принуждены были еще относиться и къ южной великой ордѣ, которая кочевала въ предѣлахъ Персіи. Супруга Гулагу-Хана, дочь Императора Трапезондскаго, покровительствовала единовѣрнымъ Царямъ при дворѣ ханскомъ, и часто обращала въ ихъ пользу дѣла, возникавшія противъ нихъ отъ крамолы Ноиновъ, а между тѣмъ отвага Грузинская въ битвахъ располагала къ нимъ Монголовъ. Давидъ не подражалъ благочестію предковъ, ибо кровь Георгія Ласы не напрасно текла въ его жилахъ: онъ оставилъ первую неплодную свою супругу, для Осетинской княжны, чтобы имѣть отъ нея сына, который однако не достигъ совершеннолѣтія; потомъ Царь еще женился на вдовѣ Атабега Авака; отъ нея родился ему наконецъ желанный наслѣдникъ Димитрій, и онъ вступилъ на престолъ родитель-
1269 скій, съ согласія Хана Абаги, послѣ смерти отца своего.

Наринъ Давидъ продолжалъ еще многіе годы держаться въ Имеретіи, не смотря на всѣ покушенія Ноиновъ, уловить его чрезъ посредство подвластныхъ ему князей и представить узникомъ Хану.—Димитрій, покорный Монголамъ, подобно отцу, участвовалъ въ ихъ походахъ и вмѣстѣ съ ними претерпѣлъ сильное пораженіе отъ Султана Египетскаго; самъ онъ едва спасся отъ плѣна, и посѣтивъ дорогою Іерусалимъ, съ честію и дарами отпущенъ былъ отъ Хана на родину. По мѣрѣ ослабленія Монголовъ начинала отдыхать Грузія и возникало мало по малу прежнее ея благоденствіе; но вмѣстѣ съ тѣмъ пострадала ея нравственность, отъ безпрестаннаго обращенія съ язычниками, ибо нравы ихъ отчасти проникли въ общество христіанское, и многоженство стало дѣломъ обычнымъ. Самъ Царь подавалъ гибельный примѣръ разврата: кромѣ законной жены своей, Царевны Трапезундской, отъ которой родились ему Давидъ и Вахтангъ, онъ взялъ за себя еще двухъ женъ, изъ коихъ одна была дочерью языческаго Ноина. Напрасно бла-

гочестивый Католикосъ Николай убѣждалъ Царя, не нарушать правилъ церковныхъ, угрожая ему за то небеснымъ мщеніемъ: Святитель принужденъ былъ удалиться въ пустыню, гдѣ и скончался, а слова его сбылись надъ непокорнымъ. Страшныя землетрясенія были первымъ знакомъ гнѣва Божія: поколебался соборъ Мцхетскій и куполъ Ацкурскаго храма, обрушившись въ часъ богослуженія, накрылъ собою чудотворную икону Богоматери, не повредивъ ее. Перемѣна Хановъ Монгольскихъ имѣла вліяніе на судьбу Димитрія.

Аргунъ, сынъ Абаги-Хана, поставленъ былъ на мѣсто жестокаго Ахмата, и казалось благопріятствовалъ Царю; но его оклеветали недоброжелательные Ноины и совѣтовали Хану, передать престолъ Вахтангу сыну Наринову, чтобы въ немъ опять соединить оба царства. Аргунъ вызвалъ къ себѣ Димитрія и, хотя предчувствовалъ онъ ожидавшую его участь, однако, проникнутый чувствомъ раскаянія о своихъ грѣхахъ, рѣшился идти на смерть, чтобы непокорностію не навлечь бѣдствія своему народу.

Со всемъ семействомъ явился Димитрій предъ лице грознаго Аргуна, подвергся позорному біенію и нѣсколько дней спустя былъ обезглавленъ. Народъ, забывъ его прежнюю нечистую жизнь, хотя и не смѣлъ провозглаеить мученикомъ, назвалъ его однако Самопожертвователемъ, Тавтадебули; ибо онъ дѣйствительно принесъ себя въ жертву за людей своихъ, и памятнымъ осталось благодеиствіе его пятнадцатилѣтняго правленія. Католикосъ Авраамъ спасъ его дѣтей въ ордѣ, но Вахтангъ, сынъ 1289
Нариновъ, поставленъ былъ Царемъ въ Тифлисъ. Младшему же его сыну Георгію Свѣтлому, рожденному отъ третьяго незаконнаго брака съ дочерью Атабега, суждено было опять прославить царство Иверское.

Не болѣе трехъ лѣтъ царствовалъ Вахтангъ и вслѣдъ за нимъ сошелъ въ могилу Давидъ Наринъ, удрученный годами и горемъ о смерти сына. Междоусобія двухъ 1293
его другихъ сыновей, Константина и Михаила, наполнили Имеретію, но не болѣе отрадное зрѣлище представляли дѣла Грузіи. Давидъ VII, сынъ Димитрія, поста-

вленъ былъ на царство за воинскія услуги, оказанныя имъ Монголамъ, которыхъ держава уже начинала распадаться отъ междоусобія Хановъ. Братъ Аргуна былъ умерщвленъ сыномъ Ахмата, Тукаломъ, и Тукалъ въ свою чреду, преслѣдуемый болѣе сильнымъ Ханомъ Казаномъ, сыномъ Аргуна, искалъ себѣ спасенія въ Грузіи. Цари ея уже сдѣлались покровителями Хановъ, по превратности дѣлъ человѣческихъ. Давидъ долго не соглашался выдать гостя своего новому Хану, и самъ не хотѣлъ идти на зовъ его, памятуя участь родителя, ибо имѣлъ сильныхъ враговъ между Ноинами, хотя и былъ женатъ на сестрѣ Казана. Разгнѣванный Ханъ объя-
1301 вилъ Царемъ Вахтанга III, брата Давидова, котораго держалъ у себя въ заключеніи, а бывшій Царь бѣжалъ въ горы и, съ помощію Осетинъ, сталъ разорять родную страну, болѣе думая о утраченномъ престолѣ, нежели о своихъ подданныхъ; голодъ и болѣзни опустошали бѣдствующее царство. Пользуясь сими обстоятельствами, усилился владѣтель Самцхетскій

Бека, дѣдъ и воспитатель Георгія, малолѣтняго сына Димитріева.

Благочестивый Вахтангъ былъ только свидѣтелемъ золъ своего отечества, но не могъ отклонить ихъ. Подвигами воинскими онъ старался также заслужить милость ханскую, но уже магометанскіе проповѣдники успѣли овладѣть умами Монголовъ, сокрушителей халифата, и внушили Хану Карбагѣ, сыну Казана, уничтожить Христіанство въ Грузіи, ибо оно одно составляло всю силу ея воинственнаго народа. Убѣдился Ханъ и послалъ одного изъ своихъ Ноиновъ исполнить гибельное предпріятіе. Тогда Вахтангъ, вспомнивъ мужественный примѣръ отца своего Димитрія, смѣло явился къ Хану и, сосланный имъ сперва въ заточеніе, вскорѣ былъ умерщвленъ со всѣмъ семействомъ. Къ счастію Грузіи, гонитель Ханъ умеръ въ одно время съ пострадавшимъ отъ него Царемъ Вахтангомъ, и новый Ханъ Олджатъ милостивѣе былъ расположенъ къ Христіанамъ. По ходатайству Атабеговъ благосклонно принялъ онъ воспитаннаго ими Царевича Георгія, и хотя призналъ

1308 Царемъ другаго Георгія, малолѣтнаго сына изгнаннаго Давида, однако назначилъ дядю правителемъ царства; но во славѣ его свѣтлаго правленія изчезъ незамѣтно племянникъ, скончавшійся въ отроческихъ лѣтахъ.

СВЕРЖЕНІЕ ИГА. ГЕОРГІЙ СВѢТЛЫЙ.

Георгій VI остался единственнымъ Царемъ и былъ прозванъ Свѣтлымъ, ибо возсіялъ какъ нѣкое свѣтило на омраченномъ горизонтѣ Грузіи; онъ напоминалъ собою лице возобновителя Давида, хотя и не могъ сравниться съ нимъ въ святости; но подобно Давиду совершенно освободилъ царство свое отъ враговъ внѣшнихъ и покорилъ внутри всѣхъ отдѣльныхъ властителей, такъ что отъ моря и до моря опять возстановилось единодержавіе. Обстоятельства внѣшнія благопріятствовали ему какъ и Возобновителю: тогда крестовые походы отвлекли Сельджукидовъ отъ разоряемой ими Грузіи; при немъ же прекратилось владычество Монголовъ, ибо десятый и послѣдній Ханъ ихъ, Мусаидъ, убитъ былъ въ

малолѣтствѣ своими Ноинами, которые раздѣлили между собою распавшіяся области и чрезъ то ослабили могущество бывшей исполинской державы.

Георгій воспользовался паденіемъ Орды, чтобы совершенно свергнуть ненавистное иго: замѣчательно, что это случилось почти въ то время, когда нашъ Донской витязь разсѣялъ полчища Мамаевы. Нѣкоторые изъ Ноиновъ и сильнѣйшій изъ всѣхъ Адербиджанскій, думали смирить непокорнаго силою оружія, но были отражены съ урономъ; не болѣе имѣли успѣха противъ него Султаны Отоманскіе, утвердившіеся въ Малой Азіи. Но побѣдивъ съ честію враговъ внѣшнихъ, не такъ совѣстливо поступилъ Георгій съ внутренними. Онъ собралъ въ Кахетіи на пиршество всѣхъ удѣльныхъ властителей и умертвилъ тѣхъ, которые были ему враждебны; прочіе же, движимые страхомъ или уваженіемъ, покорились безусловно. Потомъ, съ оружіемъ въ рукахъ, прошелъ онъ всю область Ширванскую и Дагестанъ до вратъ Дербентскихъ, сокрушая всюду скопища

Лезгинъ; горные Осетины въ ущельяхъ Дарьяла, испытали надъ собою его силу, и ключи Кавказа достались опять въ руки Царей Иверскихъ. Еще непокорна была Имеретія, гдѣ заключился въ Кутаисѣ юный Багратъ, внукъ Давида Нарина; Георгій осадилъ вышгородъ и принудилъ его сдаться, но принялъ съ честію родственника и сдѣлалъ его Эриставомъ Шаропанскимъ. Тогда и всѣ западные владѣтели поморія Чернаго: Ширвашидзе Абхазскій, Мамія Дадіанъ и Гурьель, съ Князьями Сванетовъ, поспѣшили признать надъ собою власть Георгія; онъ возвеличилъ надъ всѣми санъ Атабеговъ, правителей Самцхетскихъ, у которыхъ провелъ годы своего дѣтства, и далъ удѣлы внукамъ воспитателя своего Беки; съ тѣхъ поръ усилился родъ Атабега Кваркваpa, имѣвшій столь сильное вліяніе на дѣла Имеретіи, послѣ раздѣленія царства.

Подражая предку своему Давиду, Георгій повсюду создавалъ храмы и обители, и возстановлялъ разрушенные во время долгаго ига; онъ заботился о гражданскомъ

устройствѣ покорныхъ ему племенъ, вызвалъ изъ горъ старшинъ Осетинскихъ и написалъ для нихъ законы, которые вошли потомъ въ составъ общаго уложенія Царя Вахтанга VI. Георгій старался предпочтительно избирать старшинъ для Горцевъ изъ числа Христіанъ, чтобы утвердить между ними вѣру православную, вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ, и съ помощію Католикоса Василія занялся устройствомъ быта церковнаго, пострадавшаго въ періодъ Монголовъ. Созванный имъ соборъ уничтожилъ многіе безпорядки и запретилъ нарушеніе каноновъ. Въ такихъ славныхъ дѣяніяхъ протекло его сорокалѣтнее царствованіе; онъ оставилъ совершенно умиренную державу
сыну своему Давиду VIII, которому столь 1346
же безусловно покорились всѣ удѣльные властители, Атабеги, Дадіаны, Гуріели и Ширвашидзе, ради памяти великаго отца, потому что всѣ желали спокойствія и, послѣ четырнадцатилѣтняго мирнаго правленія, прочный престолъ Давида перешелъ его сыну Баграту IV.

НАШЕСТВІЕ ТАМЕРЛАНА. БАГРАТЪ VI.

1360 Казалось многострадальной Грузіи дано было отдохнуть отъ ея золъ, не болѣе какъ на два человѣческихъ возраста, только для того чтобы собраться съ силами, для перенесенія новыхъ испытаній, ибо ей готовилось нашествіе страшнѣе Монгольскаго: Тамерланъ явился на горизонтѣ испуганной Азіи. Протекло болѣе двадцати лѣтъ царствованія Баграта, который твердо сидѣлъ на престолѣ отеческомъ, назначая по произволу покорныхъ ему удѣльныхъ властителей; онъ старался изгладить слѣды мороваго повѣтрія, опустошившаго его державу, и вотъ внезапно настигло его иное бѣдствіе. Издали приближалась гроза, сокрушавшая дальнія и ближнія царства, Индію, Персію, Оттомановъ; уже Султанъ ихъ Баязидъ сидѣлъ въ клѣткѣ Тимура; наконецъ онъ наступилъ и на Гру-
1387 зію. Багратъ приготовился къ сильному отпору и, отпустивъ сына Георгія въ Имеретію, самъ заключился въ Тифлисѣ. Кровопролитна была полугодовая осада, но сила наконецъ одолѣла мужество; Царь, съ

своимъ семействомъ, плѣнникомъ былъ приведенъ въ станъ Тимура; милостиво принялъ его победитель; но, не смотря на всѣ убѣжденія и угрозы, не хотѣлъ отречься Багратъ отъ Господа своего и Спаса, и узникомъ послѣдовалъ за станомъ ратныхъ, разорявшихъ его достояніе. Пройдя съ огнемъ и мечемъ весь Дагестанъ, Тимуръ покорилъ Лезгинъ и поселилъ у подножія Кавказа магометанскія племена, чтобы ихъ вліяніемъ удержать въ зависимости обширный край; съ тѣхъ поръ стало угасать тамъ Христіанство, съ такимъ успѣхомъ проповѣданное при Давидѣ и Тамарѣ.

Георгій основался въ Имеретіи, всегдашнемъ убѣжищѣ Царей при нашествіи завоевателей, и покорилъ тамъ возмутившагося Эристава, отъ племени Давида Нарина. Наконецъ Багратъ, наскучивъ долгимъ плѣномъ, притворно принялъ Магометанство и испросилъ себѣ дружину у Тамерлана, будто бы для того, чтобы проповѣдывать Исламизмъ въ своемъ царствѣ; на встрѣчу ему вышелъ сынъ Георгій и, общими силами, истребили они Татарскихъ

пришельцевъ. Раздраженный Тимуръ вторично наступилъ на Грузію, со всѣми своими полчищами; въ окрестностяхъ Тифлиса закипѣла опять жестокая битва, которая стоила много крови обѣимъ сторонамъ, ибо отчаяніе замѣняло силу. Уже Багратъ не хотѣлъ болѣе заключаться въ стѣнахъ разворенной столицы, но при каждой неудачѣ удалялся въ горы, откуда опять нападалъ на враговъ; туда укрылось все народонаселеніе. Татары разсѣялись по опустѣвшимъ предѣламъ, сокрушая повсюду оставленные города и храмы: соборъ Мцхетскій разворенъ былъ почти до основанія и многія церкви съ тѣхъ поръ не возставали изъ развалинъ: такъ памятно еще доселѣ дикое нашествіе Тимура; насильственная проповѣдь его обратила многія тысячи къ Магометанству, особенно въ Дагестанѣ.

Но Багратъ спасся отъ всѣхъ поисковъ и царствовалъ еще два года, посреди дымящихся развалинъ. Долгое, тридцатипятилѣтнее его правленіе, и краткія двухъ его сыновей, Георгія VII и Константина, хотя и ознаменованныя многими бѣдствіями, не

безъ славы однако протекли для Грузіи; ибо подъ ихъ руководствомъ воинственный народъ отважился отразить шесть нападеній грознаго завоевателя, которому безусловно покорилась вся Азія и страшные для всей Европы Султаны Оттомановъ.

Не успокоился Тамерланъ смертію Баграта, разгнѣванный тѣмъ, что Георгій воцарился безъ его воли, и требовалъ его къ себѣ; «Я наслѣдственный Царь, а Тимуръ пришлецъ,» гордо отвѣчалъ Георгій, и приготовился къ битвамъ; собравъ всѣхъ своихъ подвластныхъ князей и Осетинскихъ воиновъ, онъ мужественно отразилъ Тимура подъ Тифлисомъ, и хотя одолѣли опять несмѣтныя полчища Востока, дорого обошлась имъ побѣда, а Грузіи твердость ея Царя: опустошенія распространились по всей странѣ; между тѣмъ Эриставъ Имеретинскій Константинъ объявилъ себя Царемъ. Уже Георгій хотѣлъ просить мира, но освобожденный имъ Султанъ Джелатскій убѣдилъ не покоряться неумолимому врагу, и въ четвертый разъ наступилъ на Грузію Тамерланъ, со стороны запада отъ Ахалцы-

ха, потому что все прочее было разорено. Въ Манглисѣ остановился онъ на время, ожидая покорности, и не дождался; онъ послалъ схватить въ горахъ Георгія, но Царь заключился въ неприступную дотолѣ крѣпость Эриджанскую, и хотя взята была твердыня, опять избѣжалъ плѣна. Видя однако бѣдственное положеніе своей земли, онъ послалъ наконецъ брата Константина съ богатыми дарами къ завоевателю; благосклонно принялъ его Тимуръ, но самъ пошелъ еще однажды разорять Грузію и Дагестанъ, чтобы отмстить Горцамъ за помощь оказываемую ими Георгію; всѣми силами старался онъ водворить тамъ вѣру магометанскую, которая съ тѣхъ поръ превозмогла Христіанство въ тѣхъ предѣлахъ. Возмущеніе Курдовъ отвлекло на время завоевателя отъ Грузіи; но онъ опять возвратился, не смотря на милостивое обѣщаніе мира Георгію, потому что цѣлію его было конечное обращеніе всей земли въ Магометанство. Тамерланъ послалъ объявить о томъ Царю, угрожая поставить на его мѣсто Греческаго Царевича

изъ Трапезунда; но Георгій отвергъ недостойное предложеніе и велѣлъ народу своему укрываться въ горахъ, чтобы избѣжать позорнаго ига. Шестое и послѣднее опустошеніе постигло Грузію; но уже близкая кончина ожидала въ Самаркандѣ суроваго завоевателя, и послѣ него распалась его исполинская держава, какъ обыкновенно всѣ подобные колоссы, столь непрочные въ Азіи.

Георгій вздохнулъ свободно и воспользовался краткимъ отдыхомъ, чтобы укрѣпить за собою царство, поколебавшееся отъ непрестанныхъ нашествій: всѣ удѣльные князья, уважая его мужество, охотно ему покорились. Тифлисъ былъ имъ очищенъ отъ непріятеля; но повсюду разсѣянныя толпы Татаръ, остатки полчищъ Тамерлановыхъ, собрались еще однажды противъ Георгія, и хотя онъ одержалъ надъ ними рѣшительную побѣду, однако самъ заплатилъ жизнію за свой послѣдній подвигъ. Братъ его Константинъ продол- 1407
жалъ начатое имъ освобожденіе царства отъ невѣрныхъ. Гонимые отовсюду Тата-

ры обратились къ покровительству Султановъ Оттоманскихъ, и Беглербегъ Анатолійскій, получилъ повелѣніе отъ Султана Мусы защитить своихъ единовѣрцевъ. Это было первое большое сраженіе Грузинъ съ Оттоманами, которые должны были въ послѣдствіи покорить ихъ: кровопролитная битва, въ предѣлахъ Кларджетскихъ, кончилась паденіемъ мужественнаго Царя, но и Турки принуждены были отступить. Тѣ-
1417 ло Константина погребено съ честію въ пещерной церкви Вардзійской, гдѣ были нѣкогда палаты Тамари, и потому нѣкоторые принимаютъ его могилу, за гробъ великой Царицы.

ЦАРЬ АЛЕКСАНДРЪ I. ВЕЛИКІЙ.

Александръ, сынъ Георгія, вступилъ на престолъ, и его двадцатипятилѣтнее царствованіе было послѣднею эпохою славы Грузинской, ибо послѣ него распалась обширная держава, и уже никогда не возстановлялось прежнее единство. Имя возобновителя дано было потомствомъ сему

Александру, какъ нѣкогда святому предку его Давиду, потому что и онъ, странствуя изъ конца въ конецъ по всѣмъ своимъ предѣламъ, старался обновить падшее и стереть слѣды опустошеній Тамерлановыхъ. Возстановленіе собора Мцхетскаго наиболѣе возвеличило память его, ибо всегда близки сердцу народа благотворители святилищь, къ которымъ искони устремлено его благоговѣніе. Куда ни являлся Александръ, вездѣ водворялся міръ его присутствіемъ. Владѣтели Мингреліи и Абхазіи враждовали между собою, и первый палъ жертвою своего честолюбія; Царь поставилъ сына Маміи, Липарида, Дадіаномъ, но смирилъ и Ширвашидзе, который принялъ его съ честію и дарами; Гуріель и Сванеты признали надъ собою его владычество. Одинъ только Атабегъ Ахалцихскій, превозносясь могуществомъ своего рода, колебался идти на встрѣчу Царю. Между тѣмъ Александръ, вступивъ въ Иметію, къ общему утѣшенію жителей, поставилъ въ Кутаисѣ Эриставомъ Димитрія, племянника того Константина, который

провозгласилъ себя Царемъ при его отцѣ, но не былъ ему страшенъ, такъ какъ самъ Александръ былъ женатъ на сестрѣ его и пользовался любовію народною; Имеретіи же пріятно было видѣть у себя потомка славнаго сына Русудани, Давида Нарина, долго правившаго ихъ отдѣльнымъ царствомъ. Однакоже, такое назначеніе сдѣлалось въ послѣдствіи гибельнымъ для единства Грузіи, при слабыхъ преемникахъ Александра, ибо Имеретія, вспомнивъ прежнюю независимость, совершенно отложилась.

Дошла очередь до Атабега, который отважился состязаться съ Царемъ своимъ, и побѣжденный въ битвѣ, плѣнникомъ послѣдовалъ за Государемъ, не умолилъ его возвратить ему наслѣдственную область. Такимъ образомъ, всѣ владѣтели, утверждаемые въ своемъ престолонаслѣдіи Царями, искали однако избѣжать сей зависимости и воспользовались ею, при первомъ удобномъ случаѣ, ибо они уже достаточно укрѣпились потомственнымъ владѣніемъ, каждый въ своей области. Устроивъ

дѣла гражданскія, великій Александръ озаботился и благочиніемъ церковнымъ; онъ созвалъ Католикоса со всѣми Епископами на соборъ, для учрежденія порядка и для обновленія раззоренныхъ святилищь, какъ бы предчувствуя, что уже послѣ него некому будетъ заняться ихъ созиданіемъ. Турки съ одной стороны, потомки Тамерлана съ другой, хотѣли также испытать силы свои надъ отдохнувшею Грузіею, и отражены были одни оружіемъ, другіе же мирными условіями, но безъ дани, а возмутившіеся сосѣди усмирены.

На концѣ дней своихъ утомился однако великій дѣятель, царственными заботами, и пожелалъ мира душевнаго: онъ поставилъ вмѣсто себя Царемъ сына своего Вахтанга IV, а самъ уединился въ оби- 1442
тель, принявъ санъ иноческій, и молитвенно отошелъ къ сонму благочестивыхъ предковъ. Неизвѣстно какая обитель приняла его подъ мирную сѣнь свою: въ пустынѣ Гареджійской показываютъ могилу Царя-инока Александра, невѣдомо какого, и очень можетъ быть сего великаго, хотя и

въ граматахъ Мцхетскаго собора записано, что Царь Александръ, по смиренію устроилъ для себя особый погребальный придѣлъ, не смѣя возлечь въ обновленномъ имъ соборѣ; но тогда еще, быть можетъ, онъ не думалъ окончить дни инокомъ. Черезъ три года послѣдовалъ за нимъ и сынъ его Вахтангъ, который успѣлъ однако, въ краткое свое царствованіе, отразить нашествія сильнаго властителя Персіи Джаганъ-
1445 Шаха. Георгій VIII, второй сынъ Александра вступилъ на престолъ отца и былъ свидѣтелемъ горькаго распаденія своего царства, въ теченіе двадцати шестилѣтняго правленія, менѣе слабаго нежели нещастнаго, ибо онъ не лишенъ былъ царственныхъ и воинскихъ доблестей, но только ни въ чемъ ему не было успѣха.

РАЗДѢЛЕНІЕ ЦАРСТВА. ГЕОРГІЙ VIII.

Первый примѣръ отпаденія подали всѣмъ другимъ Атабеги, слишкомъ возвеличенные свѣтлымъ Георгіемъ, который возросъ подъ ихъ покровительствомъ: Кваркваръ, завистливый дядя кроткаго Атабе-

га Акбуги, старался происками исхитить у него родовую область и, по просьбѣ своего племянника, смиренъ былъ оружіемъ Царя, у котораго долго потомъ находился плѣнникомъ. Георгій еще имѣлъ довольно силы и власти, чтобы отразить нападенія Турковъ отъ Чернаго поморія, и заставить, на берегахъ Каспійскихъ, Хана Ширванскаго платить ему дань, потому что въ первые пятнадцать лѣтъ его правленія, всѣ удѣльные владѣтели безусловно ему покорялись; но онъ неблагоразумно утвердилъ Кваркваpа Атабегомъ, по смерти его бездѣтнаго племянника, и это было виною распаденія царства.

Какъ только скончался Димитрій, Эриставъ Имеретинскій, и на его мѣсто поставленъ былъ отъ Царя сынъ его Багратъ, коварный Атабегъ вступилъ въ заговоръ съ Дадіаномъ, Гуріелемъ, Князьями Абхазіи и Сванетовъ, и началъ возбуждать юношу, чтобы онъ объявилъ себя независимымъ Царемъ и далъ имъ чрезъ то полную свободу. Блескъ вѣнца обольстилъ предпріимчиваго Баграта: безъ всякой помощи отъ

своихъ новыхъ союзниковъ, одинъ онъ выступилъ въ поле противъ Георгія и разбивъ его, короновался въ Кутаисѣ: отъ него началася непрерывный рядъ Царей Имеретинскихъ до послѣдняго Соломона. Георгій устремился въ Ахалцихъ, чтобы наказать виновнаго Атабега и, по старой приверженности жителей къ власти царской, легко овладѣлъ его землями, но принужденъ былъ удалиться, услышавъ о нечаянномъ нападеніи, на собственные предѣлы, Шаха Персидскаго; этимъ воспользовался Кваркваръ, ибо не было не сей разъ успѣха Георгію противъ Персовъ. Атабегъ, съ помощію Баграта, изгналъ намѣстниковъ царскихъ и укрѣпилъ союзъ съ прочими удѣльными Князьями, отложившимися по его примѣру. Георгій, послѣ пораженія Персидскаго, собралъ остатокъ силъ и еще однажды выступилъ противъ Атабега; но едва самъ не сдѣлался жертвою измѣны, ибо враги ночью хотѣли умертвить его въ станѣ. Вѣрный ему бояринъ Зегденидзе, провѣдавъ о заговорѣ, легъ вмѣсто Царя на его ложе и, вольною смертію, избавилъ Георгія отъ

пожалованъ княжескимъ достоинствомъ, съ званіемъ Эмиръ-Ахора или конюшаго, отчего произошла фамилія князей Амилахваровыхъ. Кваркваръ воспользовался смятеніемъ, чтобы напасть на станъ царскій и захватить въ плѣнъ самаго Царя. Недолго пользовался своею измѣною Атабегъ, ибо скончался въ томъ же году; Георгій оставался плѣнникомъ у сына его Баадура, а между тѣмъ Багратъ вторгся въ Карталинію и овладѣлъ ею.

Тогда племянникъ Царя, Давидъ, сынъ убитаго на ловлѣ брата его Димитрія, жившій въ Кахетіи, былъ провозглашенъ Царемъ у Кахетинцевъ, которые боялись подпасть игу Багратову, и такимъ образомъ нечаянно возникло третіе независимое царство, коего три послѣдніе Царя владѣли даже престоломъ Карталинскимъ. Атабегъ Баадуръ, въ свою очередь испуганный успѣхами Баграта, рѣшился освободить царственнаго узника своего, чтобы самому не сдѣлаться данникомъ Имеретіи; онъ принудилъ Георгія признать его независимость и далъ ему помощь, для освобожденія сво-

его царства и покоренія Кахетіи. Давидъ бѣжалъ въ горы къ Дидойцамъ, но какъ только скончался Георгій, удрученный годами и печалію о распаденіи царства, онъ возвратился въ Кахетію и не хотѣлъ признать надъ собою власти сына Георгіева, Константина III, равно какъ и всѣ прочіе удѣльные владѣтели, сдѣлавшіеся независимыми.

1469 Одни только Епископы собрались въ Тифлисъ, со всѣхъ эпархій бывшаго обширнаго царства, для коронованія Царя, уже лишеннаго достоянія предковъ; такимъ образомъ раздѣлилась держава Давида и Тамари на три отдѣльныя царства, Карталиніи, Имеретіи и Кахетіи, и на пять особыхъ княжествъ, коихъ владѣтели, кромѣ Князей Сванетовъ и Абхазіи, изъ рода Ширвашидзе, носили наслѣдственное титло Атабеговъ, Дадіановъ, и Гуріеловъ, обратившееся имъ въ фамилію. Отселѣ исторія края теряетъ свое достоинство, отъ непрестанныхъ междоусобій, хотя и бывали иногда проблески минувшей славы.

Долгое царствованіе Константина III бы-

ло зародышемъ многихъ золъ, въ его время возникшихъ внутри и снаружи государства. Хотя и отразилъ онъ сперва полчища властителей Персіи Узунъ-хана и Якуба, но не могъ однако спасти своей столицы отъ меча сего послѣдняго, и при немъ многочисленное народонаселеніе магометанское водворилось, въ южныхъ предѣлахъ Борчалинскихъ. При немъ также
возникла, въ лицѣ Шаха Измаила, новая сильная династія Софіевъ Персидскихъ, изъ Ардебиля, который данъ былъ Тамерланомъ въ удѣлъ ученому ихъ родоначальнику Софію, по глубокому уваженію къ его мудрости. Шахъ Измаилъ держался раскола Шіитовъ, которые отдѣлились отъ главнаго исповѣданія Суннитовъ, послѣдователей того же Корана, и распространилъ мнѣніе свое по всей Персіи, вмѣстѣ съ жестокою враждою противъ Турковъ, ревнителей ученія ему противнаго. Война между обоими народами часто отзывалась горькими послѣдствіями для Грузіи, которая невольно признала надъ собою покровительство сильнаго Шаха Измаила, и мно- 1496

го пострадала въ послѣдствіи отъ него и его преемниковъ. Безсиліе раздѣлившейся державы было виною позорнаго ига, ибо не было согласія между ея властителями и не возставало болѣе такого, который опять, мощною рукою, могъ бы соединить всѣ части въ одно цѣлое. Имеретія съ Чернымъ поморіемъ составляла особую систему, на которую имѣла вліяніе Турція; Кахетія большею частію подвергалась одной участи съ Карталиніею, подъ страхомъ Персовъ.

ИГО ПЕРСИДСКОЕ. ДАВИДЪ IX.

1505 Двадцатилѣтнее царствованіе Давида IX, сына Константинова, ознаменовалось для Грузіи бѣдствіями, которыя напомнили ей времена Тамерлана. Въ первые годы однако ему удалось соединить оба царства, когда Александръ Кахетинскій, наслѣдовавшій первому Царю Давиду, былъ умерщвленъ нечестивымъ сыномъ своимъ Авъ-Георгіемъ, или Злымъ; недолговѣчный убійца оставилъ по себѣ малолѣтняго сироту, ибо на главу его пала кровь родителя. Но Давидъ, понадѣ-

явившись на свои силы, хотѣлъ отложиться отъ Персіи, и разгнѣванный Шахъ, двинувшись противъ него, призналъ юнаго Льва Царемъ Кахетинскимъ. Шахъ Измаилъ овладѣлъ Тифлисомъ, въ 1518 году, раззорилъ церкви, бросилъ въ рѣку священную икону Божіей Матери Сіонской, сохранившуюся отъ ярости Тамерлана, и построивъ въ городѣ первую мечеть, оставилъ въ горномъ его замкѣ сторожевое войско. Услышавъ о смерти завоевателя, Давидъ возвратился въ раззоренную столицу и, выгнавъ стражу Персидскую, старался возстановить городъ изъ развалинъ; но истомленный столькими бѣдствіями, постригся въ обители Тифлисской, оставивъ престолъ брату своему Георгію.

Сей Георгій былъ сподвижникомъ Ца- 1524
ря Кахетинскаго Льва, который заслужилъ титло великаго и прославился походомъ своимъ въ Іерусалимъ, когда, по зову Султана Солимана, ходилъ освободить Св. градъ, отъ временнаго нашествія невѣрныхъ. По лѣтописи Грузинской, Льву содѣйствовали въ крестовомъ походѣ: Атабегъ Кваркваръ,

Багратъ Царь Имеретинскій и Георгій IX Карталинскій. Крестовый походъ сей, несомнѣнный потому, что имя великаго Леона записано было на мраморѣ Голгоѳы, сомнителенъ однако по его изложенію въ лѣтописи Вахуштія. Султанъ предложилъ тремъ Царямъ освободить святой градъ отъ невѣрныхъ; но въ то время сами Турки обладали Іерусалимомъ послѣ Мамелуковъ; имя же невѣрныхъ могли они относить только къ Франкамъ или Персамъ: быть можетъ Султанъ подразумѣвалъ Сирійскаго владѣтеля Джанберди, поднявшаго противъ него знамя бунта? Цари дружно совершили походъ, разбили непріятелей, которые на нихъ вышли изъ стѣнъ города, и, осыпавъ своими благодѣяніями святыя мѣста, со славою возвратились въ отечество.

1534 Десять лѣтъ царствовалъ Георгій, и удалившись также въ обитель, оставилъ престолъ племяннику Луарсабу, сыну Давидову, прозванному великимъ между Царями Карталинскими. Нѣсколько разъ мужественно отражалъ онъ Турковъ и Пер-

совъ и, въ продолженіе двадцати четырехъ лѣтъ, былъ щитомъ своей земли. Временно покорилась ему и Кахетія, послѣ смерти великаго Льва, который въ преклонныхъ лѣтахъ облекся въ иноческій образъ, утомленный долголѣтнимъ царствованіемъ. Но при Луарсабѣ опять бѣдственное раззореніе постигло Тифлисъ: Шахъ-Тамазъ, преемникъ Измаила, наступилъ съ своими полчищами и предалъ городъ огню и мечу. Пользуясь удаленіемъ врага, Луарсабъ овладѣлъ на краткое время столицею, и еще разъ вторгся въ Грузію завоеватель Персидскій; Тифлисъ оставался во власти Шаха. Луарсабъ принужденъ былъ удалиться въ горы, отколѣ не переставалъ воевать съ Персіянами, доколѣ смерть не постигла его въ битвѣ.

Симонъ наслѣдовалъ отцу и перенесъ 1538
тяжкія испытанія, вмѣстѣ съ своимъ царствомъ, въ тѣ сорокъ лѣтъ, въ которыя носилъ горькій вѣнецъ Грузіи; но сила его духа, посреди бѣдствій, заслужила и ему имя великаго у потомства. Братъ его Давидъ, принявшій Магометанство, былъ ему со-

перникомъ и, подъ сѣнію Персовъ, властвовалъ въ Тифлисѣ. Симонъ, изгнавши отступника изъ наслѣдія православныхъ предковъ, по чрезвычайной своей отвагѣ, самъ достался въ плѣнъ Шаху Персидскому Худабендѣ, и многіе годы провелъ въ Ширазѣ. Когда же Турки воспользовались сиротствомъ его державы, чтобы овладѣть ею, и знаменитый Лала-Паша, покоривъ Тифлисъ и Эривань, принудилъ Шаха уступить Турціи всѣ завоеванные города, Шахъ выпустилъ изъ плѣна Царя Грузинскаго, и Симонъ быстро освободилъ все свое царство отъ ига Турецкаго. Это было время первыхъ сношеній нашихъ съ Царемъ Кахетинскимъ Александромъ, который призналъ надъ собою покровительство Россіи, для защиты отъ Шамхала и Персовъ. Съ неудовольствіемъ смотрѣлъ Шахъ Аббасъ, сынъ Худабенды, на такое сближеніе единовѣрцевъ, однако до времени терпѣлъ, по причинѣ войны своей съ Турками; когда же одолѣлъ ихъ у себя въ Адербиджанѣ, онъ укрѣпилъ Ганджу, чтобы оттолѣ быть всегда готовымъ къ нападенію на Грузію.

Царь Симонъ, не предвидя коварныхъ его замысловъ, содѣйствовалъ Персамъ противъ болѣе страшныхъ тогда Турковъ; онъ двинулся на сильнаго вождя ихъ Джафаръ-Пашу, но былъ разбитъ и плѣнникомъ уведенъ въ Царьградъ, гдѣ и скончался. Сынъ его Георгій X искалъ родственной связи 1600
съ Россіею и послалъ племянника Хозроя, просить руки Царевны Ксеніи, дочери Годунова; но внезапная кончина Бориса расстроила предполагаемый бракъ. При Георгіѣ X одна изъ лучшихъ областей, бывшей державы Иверской, принадлежавшая Атабегамъ, завоевана была Турками: Ахалцихъ сдѣлался мѣстопребываніемъ Пашей, которые имѣли съ тѣхъ поръ сильное вліяніе на Имеретію и часто вторгались въ Грузію.

Луарсабъ святой или мученикъ наслѣ- 1603
довалъ отцу, но прежде подвиговъ мученичества прославился доблестями воинскими; онъ отразилъ Хана Крымскаго Гирея, опустошавшаго Грузію по волѣ Султана, и соединившись съ Теймуразомъ Кахетинскимъ, зятемъ своимъ, не устрашился вы-

ступить въ поле противъ великаго Шаха
1605 Аббаса. Оставленные подданными, которые не дерзали сражаться противъ завоевателя, оба удалились къ Имеретинскому Царю Георгію; но Луарсабъ повѣрилъ льстивому предложенію Шаха и, явившись въ Тифлисъ, былъ измѣннически увезенъ въ Персію; тамъ скончался мученикомъ за исповѣданіе имени Христова, въ одно время съ другою великою исповѣдницею Царицею Кетеваніею, матерью Теймураза, и ихъ обоихъ причла Церковь Иверская къ лику
1615 своихъ святыхъ. Съ Луарсабомъ прекратилась прямая линія Царей Карталиніи и владѣтели ея даже перестали быть Христіанами. Багратъ Мирза, изъ дома Кахетинскаго, Магометанинъ, поставленный Шахъ
1619 Аббасомъ, и Симонъ II, двоюродный братъ Луарсаба, избранный Грузинами и потомъ умерщвленный Эриставомъ Арагвскимъ, Зурабомъ, не долго держались на престо-
1623 лѣ. Пользуясь междоусобіями и вліяніемъ Зураба, на краткое время, овладѣлъ Карталиніею великій Теймуразъ; но изгнанный опять Персіянами, бѣжалъ въ родовую свою область Кахетію.

Это была самая несчастная эпоха для Грузіи: двукратное нашествіе Шаха не уступало ни въ чемъ ужасамъ Тамерлановымъ. Завоеватель Персидскій имѣлъ ту же цѣль — искоренить Христіанство, чтобы на всегда овладѣть землею, которую охраняла вѣра ея народа; но вмѣсто того чтобы поселять Магометанъ, у подножія Кавказа и въ Дагестанѣ, какъ дѣйствовалъ Тамерланъ, Шахъ Аббасъ напротивъ того разорялъ города и обители, и силою переселялъ Христіанъ во внутренность Персіи; до сихъ поръ, около Испагани, есть много деревень Грузинскихъ и Армянскихъ, жители которыхъ, утративъ вѣру, соблюли языкъ своихъ предковъ. Съ другой стороны, Турки совратили въ Магометанство почти всю область Атабеговъ и часть Гуріи, а въ горахъ и Дагестанѣ само собою укрѣплялось ученіе Корана; такимъ образомъ отовсюду тѣснимое Христіанство, держалось только въ трехъ удаленныхъ царствахъ, безпрестанно обуреваемое врагами. Чтобы еще болѣе его поколебать, Шахъ Сефи, сынъ Шахъ-Аббаса, поставилъ въ Тифлисѣ Царемъ

1634 Ростома, хотя отъ племени Багратидовъ, ибо онъ былъ внукъ великаго Луарсаба по сыну его Давиду, но Магометанина, рожденнаго въ Персіи отъ незаконнаго брака.

ЦАРИ МАГОМЕТАНЕ ДИНАСТІИ КАРТАЛИНСКОЙ, РОСТОМЪ.

Ростомъ не притѣснялъ Христіанъ, въ продолженіе двадцати-четырехлѣтняго своего правленія. При немъ Армяне получили нѣсколько опустѣвшихъ церквей въ Тифлисѣ и, въ числѣ ихъ, прекрасный соборъ Виѳлеемскій на горѣ, такъ что числомъ храмовъ они не только сравнялись, но даже превзошли Грузинъ въ собственной ихъ столицѣ; однако Маріамь, супруга Царя изъ дома Дадіановъ, старалась поддержать своихъ единовѣрцевъ. Ростомъ, преданный Персамъ, страшенъ былъ для Турковъ; они не смѣли при немъ тревожить его государства. — Кахетія, осиротѣвшая безъ Теймураза, который разбитъ былъ въ крово-

пролитной битвѣ и лишился послѣдняго сына Давида, повиновалась также Ростому; а между тѣмъ Теймуразъ искалъ себѣ помощи въ Россіи и Турціи, послалъ внука своего ко двору Московскому и самъ посѣтилъ дальнюю нашу столицу; но нельзя было подать ему помощи въ трудную для насъ эпоху; взятый наконецъ въ плѣнъ Вахтангомъ, онъ окончилъ дни свои въ Персіи; только внукъ его Иракліи получилъ опять достояніе отеческое. Царь Ростомъ укрѣпилъ древній вышгородъ Тифлиса и обновилъ столицу послѣ стольких опустошеній; онъ выстроилъ въ ней великолѣпный дворецъ, на берегу Куры, и обширный караванъ-сарай, который доселѣ носитъ его имя; соорудилъ также и знаменитый Красный мостъ, на рѣкѣ Храмѣ, по дорогѣ въ Персію, который хотя и лишенъ своихъ роскошныхъ караванъ-сараевъ, однако доселѣ свидѣтельствуетъ о величіи Царя.

Чувствуя приближеніе кончины, Ростомъ назначилъ по себѣ преемникомъ Вахтанга, Князя Мухранскаго, изъ младшей линіи Ца- 1658

рей Карталинскихъ, которая происходила отъ Баграта, сына Константина III. Но, по жалкому обычаю того времени, Вахтангъ, прежде нежели сдѣлаться Царемъ, долженъ былъ принять магометанство, и подъ именемъ Шахъ-Наваза вступилъ на престолъ, взявъ за себя и вдову Ростомову Маріамъ. Къ соблазну Христіанъ, на дворѣ царскомъ, мечеть стояла недалеко отъ придворной церкви, и хотя Вахтангъ, какъ и нѣкоторые изъ его преемниковъ, были только по имени Магометанами, однако они должны были исполнять наружно всѣ обрядовыя обязанности корана. Осьмнадцатилѣтнее правленіе Вахтанга было столь же щастливо какъ и Ростомово для Грузіи, отдохнувшей на полвѣка. Турки трепетали его оружія; временно соединилъ онъ подъ своимъ скипетромъ всѣ три царства, поставивъ сына Арчила сперва Царемъ Имеретинскимъ, на мѣсто изгнаннаго Баграта, а потомъ Кахетинскимъ, когда Багратъ опять возвратился въ Кутансъ; Арчилъ, три раза возводимый отцемъ своимъ, столько же разъ былъ низлагаемъ приверженцами Баграта, но Ка-

хетія оставалась ему вѣрною при жизни отца.

Съ кончиною Вахтанга V опять нахлынули на его царство всѣ ужасы междоусобій и внѣшнихъ войнъ. Сынъ его Арчилъ, не удержавшійся при жизни отца на престолѣ Имеретинскомъ, не могъ послѣ него утвердиться и на Карталинскомъ, и удалился съ семействомъ въ Россію, искать себѣ мирной кончины, послѣ бурной жизни и трехъ вѣнцовъ, ему измѣнившихъ. Магометанскій братъ его, Георгій XI, вступилъ на шаткій престолъ по волѣ Шаха Сулеймана, который не хотѣлъ видѣть Христіанина Арчила на престолѣ; но и онъ возмечталъ освободиться отъ ига Персидскаго, и былъ вызванъ въ Персію Шахомъ Гуссейномъ. Внука великаго Теймураза, поставилъ онъ Царемъ, подъ магометанскимъ именемъ Назаръ-Али-Хана; Георгій же принужденъ былъ жить въ Персіи и тамъ сражался за невѣрныхъ, съ возмутившимся противъ Шаха Султаномъ Авганскимъ, который въ послѣдстіи умертвилъ Царя за мирною трапезою. Но внукъ Тей-

1676 1688

мураза не хотѣлъ управлять чуждымъ ему наслѣдіемъ и Шахъ поставилъ намѣстни-
1703 комъ Вахтанга, племянника Георгіева. По смерти Георгія, братъ его Левъ, былъ провозглашенъ Царемъ, но Вахтангъ продолжалъ управлять. Когда же, съ кончиною родителя, ему достался престолъ, Шахъ-Гуссейнъ требовалъ отъ него отреченія отъ Христіанства и Вахтангъ предпочелъ плѣнъ вѣроотступничеству. Братъ
1714 его Іессей, болѣе равнодушный, измѣнилъ вѣрѣ отцевъ и воцарился на краткое время; наконецъ поколебался и Вахтангъ и
1719 получилъ престолъ предковъ. Таково было бѣдственное положеніе Грузіи въ ея последніе годы. Сей Вахтангъ VI, по порядку Царей сего имени, оставилъ однако по себѣ громкую память, хотя и мало царствовалъ, долго отсутствуя въ Персіи. Онъ составилъ полное уложеніе законовъ Греческихъ, Грузинскихъ и Армянскихъ, издавна бывшихъ въ употребленіи, которое доселѣ носитъ его имя и уважается не только Христіанами, но и Магометанами; онъ же, послѣдній Царь династіи

Карталинской, какъ бы предчувствуя скорый исходъ своего царства, самъ потрудился собрать его многовѣковую лѣтопись.

Между тѣмъ Ираклію, уступившему престолъ законнымъ властителямъ дома Карталинскаго, наслѣдовалъ въ Кахетіи сынъ его Константинъ также Магометанинъ, и воевалъ съ Вахтангомъ. Онъ призвалъ себѣ на помощь дикія шайки Лезгинъ, которые съ тѣхъ поръ начали наводнять Кахетію и Карталинію, ибо имъ сдѣлались извѣстны всѣ пути и безсиліе обоихъ царствъ. Константинъ (иначе Магометъ-али-Ханъ) овладѣлъ Тифлисомъ и предалъ его хищности Лезгинъ. Вахтангъ бѣжалъ въ Гори и призвалъ къ себѣ на помощь Турковъ изъ Ахалциха, которые быстро занявъ всѣ его области, заставили удалиться Али-Хана. Въ тоже время сильный Султанъ Авганскій Махмутъ овладѣлъ Персіею и умертвилъ Шаха Гуссейна, со всемъ его родомъ, угрожая распространить далѣе свои завоеванія. Смятенный Вахтангъ, видя себя между оружіемъ Тур-

ковъ и Авганцевъ, рѣшился удалиться въ Россію; Императрица Екатерина милостиво приняла Царя, со всемъ его семействомъ, какъ и дядя его Арчилъ нашелъ себѣ пристанище, при дворѣ великаго Петра.

1724 Опять Іессей былъ поставленъ Царемъ, но уже отъ Турковъ, съ новымъ измѣненіемъ вѣры, ибо изъ Шіита сдѣлался Суннитомъ; въ Кахетіи же провозгласили они Теймураза II, брата умерщвленнаго ими Али-хана; но не долгое время владычество ихъ тяготѣло надъ Грузіею.

До какой степени вѣра, и одна только вѣра поддерживала бѣдствующую страну, посреди ея междоусобій внутреннихъ и нападеній внѣшнихъ, и какъ она была сильна въ пастыряхъ Церкви Грузинской, — тому свидѣтельствомъ можетъ служить слѣдующее событіе, достойное первыхъ временъ Христіанства. Юноша Грузинъ, защищаясь противъ Турка, который хотѣлъ его ограбить, умертвилъ врага и скрылся; подозрѣніе пало на другаго и онъ приговоренъ былъ къ смерти. Настоящій убійца,

видя что за него погибаетъ невинный и самъ имѣя семейство, исповѣдалъ духовному отцу грѣхъ свой и что удерживаетъ его открыть вину. Какъ же поступилъ духовникъ? Памятуя слово евангельское, что пастырь добрый полагаетъ душу свою за овцы своя, онъ явился на судилище Турецкое и просилъ пощадить осужденнаго невинно. — Кто же виновенъ? спросили его судьи. Не онъ и не я, отвѣчалъ мужественный пастырь, но только клянусь именемъ Божіимъ, что осужденный на смерть не есть убійца. На- 1724
прасно судіи угрозами хотѣли принудить его открыть виновнаго; они наконецъ исполнили надъ нимъ приговоръ казни, освободивъ невиннаго.

НАДИРЪ-ШАХЪ. ДИНАСТІЯ КАХЕТИНСКАЯ, ТЕЙМУРАЗЪ II.

Славный Шахъ-Надиръ, сокрушивъ Авгановъ въ Персіи, овладѣлъ престоломъ Софіевъ и двинулся противъ Турковъ; онъ

разбилъ ихъ подъ Эриванью, выгналъ изъ всѣхъ предѣловъ Грузіи и поставилъ своихъ намѣстниковъ въ Тифлисѣ и Гори. Спустя нѣсколько времени, въ знакъ благодарности Теймуразу, за то что схватилъ одного изъ самозванцевъ, которые выдавали себя за дѣтей Шаха Гуссейна, и представилъ къ нему чрезъ сына своего Ираклія, завоеватель провозгласилъ его Царемъ Карта-
1744 линскимъ. Не забылъ онъ и заслугъ юнаго Ираклія, вѣрно ему служившаго въ блистательномъ походѣ противъ Индіи, и провозгласилъ его Царемъ Кахетинскимъ. Походъ Надиръ-Шаха въ Грузію не оставилъ по себѣ столь страшнаго воспоминанія, какъ нашествіе Шахъ-Аббаса, потому что онъ былъ направленъ противъ Турковъ; однако пострадала опять страна, отъ опустошительнаго пребыванія Персовъ. Но если бы продлилось владычество Надира, возобновились бы прежнія бѣдствія, ибо завоеватель началъ требовать съ обоихъ Царей сильной дани и войска, для усмиренія собственныхъ подданныхъ.

Теймуразъ, не будучи въ состояніи

уплатить такой дани, укрылся съ семействомъ въ крѣпкій замокъ Анануръ, а народъ бѣжалъ въ горы. Общее запустѣніе страны принудило однако Царя идти просить милости у Шаха, но дорогою онъ услышалъ о его убіеніи, Магометъ-Ханомъ Каджарскимъ. Родственникъ Надира сталъ властвовать надъ Персіею, подъ именемъ Адиль-Шаха, и женился на дочери Теймураза, но скоро новый Шахъ ослѣпленъ былъ братомъ своимъ Ибрагимомъ. Внутреннія смятенія Персіи дали отдохнуть Грузіи и, во время отсутствія родителя, Ираклій сильною рукою управлялъ его царствомъ. Бывшій правитель Тифлиса Али-Ханъ утвердился въ Ганджѣ и провозгласилъ тамъ самозванца сыномъ Шаха Гуссейна; онъ хотѣлъ принудить Ираклія къ союзу съ нимъ, но былъ отраженъ отъ Тифлиса. Ираклій побѣдилъ и другаго соперника, магометанскаго сына послѣдняго Царя Іессея, который надѣялся овладѣть отцовскимъ наслѣдіемъ. Давно уже Грузія не видала витязя подобнаго Ираклію на своемъ престолѣ. Полчища Лезгинъ, не по-

дозрѣвая его ратной отваги, приблизились къ столицѣ, но были имъ истреблены на поляхъ Марткопскихъ. Между тѣмъ Царь Теймуразъ возвратился изъ Персіи и столь же мужественно сражался съ общими врагами. Жители Эривани просили у него помощи противъ Авганцевъ, осадившихъ ихъ крѣпость, и, по волѣ отца, Ираклій ходилъ освободить Эривань.

Сосѣдняя Ганджа не хотѣла платить условленной дани Грузіи; Ханъ Шекинскій, съ войсками Дагестана и Ширвана, двинулся къ Тифлису и требовалъ дани отъ самаго Теймурза; но какъ молнія налетѣлъ Ираклій и разсѣялось все вражеское скопище. Наступилъ съ сѣвера Ханъ Аварскій, съ своими Лезгинами, и испыталъ такое же пораженіе. Въ это время Ираклій принудилъ Татарскія орды, перекочевавшія изъ южныхъ предѣловъ Грузіи въ область Эриванскую, возвратиться на прежнее жительство, чтобы не опустѣла страна. Опять собрались шайки Лезгинскія и съ двухъ сторонъ напали на Грузію: Ираклій испросилъ себѣ помощь, у великаго Соломона Царя

Имеретинскаго, и разбилъ на голову хищниковъ. Междоусобіе на время утихло въ Персіи: Керимъ-Ханъ одолѣлъ всѣхъ своихъ соперниковъ и былъ милостивъ къ Царямъ Грузіи; но несогласіе возникло между Иракліемъ и отцемъ его; Теймуразъ принужденъ былъ удалиться въ Россію и скончался въ Астрахани, а сынъ его сдѣлался единственнымъ обладателемъ царства. 1762
Тогда явился ему новый соперникъ изъ Россіи, Бакаръ, сынъ удалившагося туда Царя Вахтанга, и нашелъ себѣ приверженцевъ въ Тифлисѣ, ибо тамъ еще свѣжа была память старшей династіи Карталинской; но искатель престола принужденъ былъ бѣжать въ Россію; жестокая казнь ожидала всѣхъ его единомышленниковъ; до сихъ поръ показываютъ въ предмѣстіи Авлабарскомъ песчаный берегъ, гдѣ пылали ихъ костры.

ЦАРСТВОВАНІЕ ВЕЛИКАГО ИРАКЛІЯ.

Ираклій пріобрѣлъ себѣ благоволеніе Керимъ-Шаха, выдавъ ему его соперника

Авганскаго, бѣжавшаго въ Грузію. Имя Царя было уже столь славно повсюду, что къ его покровительству прибѣгали сосѣдніе властители; а между тѣмъ, сильною рукою, непрестанно отражалъ Ираклій нападенія Курдовъ и Лезгинъ. Возмущеніе Эристава Рачи противъ Царя Имеретинскаго и нашествіе Турковъ, побудили Соломона просить покровительства Россіи; Графъ Тотлебенъ посланъ былъ, съ малымъ отрядомъ, на помощь къ Царю: но, еще прежде его прихода, Соломонъ одолѣлъ непокорныхъ и, съ дружиною Русскихъ, выгналъ Турковъ изъ своихъ предѣловъ. Военачальникъ Русскій, соединившись съ Иракліемъ, двинулся къ Ахалциху, но возникшее между ними несогласіе остановило на пути Графа. Не смутился Ираклій; съ горстію храбрыхъ напалъ, въ ущеліи Боржумскомъ, на полчища Турковъ и Лезгинъ, раздѣленныхъ Курою, и истребивъ мосты, одержалъ надъ ними блистательную побѣду. Ираклій же продолжалъ походъ и раззорялъ предѣлы Ахалциха и Карса, доколѣ, съ разрѣшенія Шаха, не заключилъ славнаго мира съ Султаномъ Турецкимъ.

Такъ протекало, въ непрестанныхъ битвахъ, воинственное царствованіе послѣдняго витязя Грузіи: когда мирно было со стороны Персіи и Турціи, Лезгины не давали ему покоя и сдѣлались еще предпріимчивѣе, подъ предводительствомъ Омаръ-Хана Аварскаго, котораго имя записано кровавыми чертами въ лѣтописи сей эпохи. Съ юга безпрестанно тревожила мятежная Ганджа, такъ что Ираклій овладѣлъ наконецъ городомъ и временно поставилъ тамъ своихъ намѣстниковъ; онъ принудилъ и Гуссейнъ-Хана Эриванскаго платить ему обычную дань. Такъ дѣйствуетъ геній одного великаго мужа, ибо не было у Ираклія ни сильныхъ войскъ, ни денежныхъ средствъ, для поддержанія стольнихъ войнъ; но никогда не измѣняло ему мужество и всегда бѣжали предъ нимъ враги.

По смерти Керимъ-Шаха, родственникъ его Али-Муратъ требовалъ покорности отъ Царя, но онъ не хотѣлъ болѣе подчинятьcя непрочнымъ властителямъ Персіи и предпочелъ подданство Россіи. Ираклій, 1784

послалъ въ Георгіевскъ, князей Мухранскаго и Чавчевадзе, заключить условія подданства съ полномочными Великой Екатерины, и Генералъ Потемкинъ, съ малымъ отрядомъ, перешелъ горы для охраненія Грузіи. Омаръ-Ханъ бѣжалъ отъ союзниковъ; смятенная Ганджа умолила Царя возстановить у нее прежній родъ ханскій; но Турки, раздраженные покровительствомъ Россіи, вооружились противъ Ираклія и были опять имъ разбиты, съ помощію Русскихъ. Соломонъ великій умеръ и воцарился въ Имеретіи двоюродный братъ его Давидъ; но племянникъ, того же имени, внукъ Царя Ираклія по матери, убѣдилъ дѣда доставить ему престолъ, на который имѣлъ болѣе правъ. Онъ достигъ цѣли и, оружіемъ Грузинъ, взошелъ на царство съ именемъ Соломона II; но это произвело междоусобіе, въ которое вмѣшались Турки и Лезгины; Изгнанный Давидъ бѣжалъ въ Ахалцихъ и не безъ кровопролитія принудили его отказаться отъ престола.

Но великому Царю, уже достигшему

маститой старости, еще предстояли на концѣ дней тяжкія испытанія, отъ внутреннихъ раздоровъ многочисленнаго семейства. Вахтангъ, сынъ его отъ перваго брака, скончался; Георгію, рожденному отъ втораго, слѣдовалъ престолъ; но Ираклій женился въ третій разъ на дочери Дадіана, Дареджани, и шесть сыновей отъ сего супружества завистливо смотрѣли на многочисленное семейство Георгія, состоявшее изъ девяти сыновей, которые отстраняли ихъ отъ престола. Имя Дареджани или Даріи ознаменовано было многими бѣдствіями, въ лѣтописяхъ Имеретіи и Абхазіи; не болѣе счастія принесло оно и Грузіи. Честолюбивая супруга Ираклія, имѣвшая на него сильное вліяніе, старалась доставить престолъ старшему сыну своему Іулону, послѣ Георгія, который не обѣщалъ быть долговѣчнымъ; она убѣдила Царя, заблаговременно раздать удѣлы дѣтямъ, потому что не ожидала милости отъ его наслѣдниковъ: это было виною несогласій и разоренія столицы, свирѣпымъ Ага-Магометъ-Ханомъ Персидскимъ.

Оскопленый Надиръ-Шахомъ, который умертвилъ его дѣда, Хана Гилянскаго, Ага-Магометъ возвысился послѣ кончины Керимъ-Шаха и, съ помощію храбраго своего племянника, будущаго Фетъ-Али-Шаха, получилъ перевѣсъ надъ прочими удѣльными властителями Персіи. Желая соединить все царство подъ свою державу, онъ пошелъ съ войсками на Карабахъ и послалъ племянника осадить Эривань; но Царь Ираклій спасъ сію крѣпость, скорымъ приходомъ, и тѣмъ навлекъ на себя оружіе Персовъ. Предвидя опасность, онъ сталъ на рѣкѣ Храмѣ, у Краснаго моста, и просилъ себѣ помощи отъ Царя Соломона, разославъ повелѣнія къ дѣтямъ, спѣшить съ войсками къ Тифлису, изъ своихъ удѣловъ; но къ нему явились только пять тысячь Имеретинъ съ Царемъ своимъ, а сыновья медлили; Ираклій, услышавъ о приближеніи сорокатысячной арміи Персовъ, принужденъ былъ отступить къ столицѣ.

При страшной вѣсти о нашествіи вра-

говъ, смятенный народъ собрался предъ дворцемъ и умолялъ Царя, не оставлять города на истребленіе Персамъ, обѣщая биться до послѣдней капли крови; Царь далъ также обѣтъ умереть съ своимъ народомъ, и поставлены были стражи у всѣхъ воротъ, чтобы никого не выпускать. Но малодушествовала Царица и, по совѣту присныхъ, испросила позволеніе себѣ и десяти почетнымъ семействамъ выѣхать изъ Тифлиса. Какъ только узнали о томъ жители, они подумали, что Царь, спасая семейство, не надѣется защитить столицу, по недостатку войска, и толпами бѣжали во всѣ стороны, оставляя домы свои и святыню на произволъ врагамъ. Ираклій, не зная о бѣгствѣ народа, мужественно встрѣтилъ Персовъ на Эриванской дорогѣ и отразилъ первое нападеніе; на другой день возобновилась битва предъ самыми вратами города, и опять Персы принуждены были уступить неодолимому мужеству обоихъ Царей, и малой дружинѣ Имеретинской, хотя изнуренной болѣзнями. Уже Шахъ хотѣлъ отойти, полагая, что къ

Ираклію собрались всѣ силы Грузіи, когда внезанно разсѣялся густой туманъ, укрывавшій отъ него малочисленность непріятеля. Тогда, съ новою яростію, устремились Персы на приступъ, и уже некому было отразить ихъ въ тѣсныхъ улицахъ Тифлиса, потому что все было пусто.

Едва могъ уйти самъ Ираклій, черезъ мостъ Авлабарскій въ Кахетію; Соломонъ съ Имеретинами бѣжалъ черезъ городъ ко Мцхету, гдѣ былъ тогда Католикосъ Антоній. Митрополитъ Тифлисскій Досиѳей, напрасно ожидавшій лошадей отъ Царицы, для спасенія святыни, заключился съ духовенствомъ въ соборѣ Сіонскомъ. Но Персы выломили двери, сожгли иконостасъ, расхитили святыню, избили священниковъ и самаго старца Митрополита сбросили въ быструю Куру, съ виноградной терасы его собственнаго дома; спасся одинъ только ключарь, заблаговременно бѣжавшій съ иконою Иверской Божіей Матери. Великолѣпный дворецъ Царя Ростома преданъ былъ пламени, какъ и весь городъ, такъ

что одно только печальное пепелище осталось отъ бывшей столицы. Ага-Магометъ-Ханъ предложилъ миръ Ираклію на ея развалинахъ; но Царь, горящій мщеніемъ, уже шелъ на него изъ Кахетіи со всѣми войсками. Въ свою очередь бѣжалъ Ханъ и сломалъ за собою одну арку Краснаго моста, чтобы спастись отъ погони. На обратномъ пути въ Персію, онъ былъ умерщвленъ за жестокость, однимъ изъ рабовъ своихъ, и на мѣсто его воцарился племянникъ Фетъ-Али-Шахъ.

Осмидесятилѣтній воитель Ираклій еще однажды явился, съ Русскими войсками, подъ стѣнами Ганджи и покорилъ ее; но уже удрученный годами и скорбію о раздорахъ семейныхъ и утратѣ столицы, онъ видимо клонился ко гробу. Послѣдніе два года провелъ въ Кахетіи, сражаясь противъ Лезгинъ и, послѣ шестидесятилѣтняго царствованія, скончался въ Телавѣ, который сдѣлался мѣстопребываніемъ царскимъ съ раззоренія Тифлиса. Тѣло Царя оставалось тамъ шесть недѣль, по причинѣ мо-

роваго повѣтрія и внутреннихъ смятеній, до погребенія въ Мцхетѣ. Тамъ воцарился и послѣдній Царь Георгій XII, (или XIII по иному счисленію) который провелъ трехлѣтнее царствованіе въ смутахъ воинскихъ, раздорахъ семейныхъ и болѣзняхъ. Царица Дарія, поселясь въ предмѣстіи Авлабара, сильно противодѣйствовала Царю въ Тифлисѣ, и воинственные сыновья ея, разсѣявшіеся по удѣламъ, не признавали надъ собою никакой власти. Старшій сынъ Царя, Давидъ, признанный наслѣдникомъ престола, не могъ надѣяться получить его, ибо Царевичи домогались провозгласить старшаго брата своего Іулона и искали себѣ покровительства въ Персіи. Тогда Георгій, чтобы умирить тревожное царство, вступилъ окончательно въ подданство Россіи, по примѣру отца своего Ираклія, и испросилъ себѣ Русскія войска, для отраженія страшнаго Омаръ-Хана Лезгинскаго; потомъ же, чувствуя приближеніе кончины, совершенно уступилъ царство свое единовѣрному Императору, который одинъ только могъ спасти Грузію,

отъ всѣхъ крамолъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Со смертію Георгія заключилась тысячелѣтняя лѣтопись Багратидовъ и ихъ многострадальной державы, которая является, какъ Іовъ, между всѣми царствами.

Конецъ первой части.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГРУЗІЯ

И

АРМЕНІЯ.

Часть II.

С. П. Б.

1848.

Грузія и Арменія.

ГРУЗІЯ

и

АРМЕНІЯ.

Часть II.

С. П. Б.

Въ тип. III отдѣл. собств. Е. И. В. канцеляріи.

1848.

гдѣ опытная рука начертала своенравныя стези и, подъ оболочкою дикости, утаила свое искуство. Но еще живописнѣе былъ для меня, на концѣ ущелія, перевалъ чрезъ горный хребетъ. Обширное Гогчинское озеро внезапно открылось предо мною, кипящее лучами утренняго солнца, какъ бы огромный щитъ, вставленный въ окраину горъ; горы кругомъ него, уже покрытыя снѣгами, сіяли въ утреннемъ свѣтѣ, самымъ нѣжнымъ румянцемъ. Близко отъ берега чернѣлъ, на утесистомъ острову, древній монастырь Севанскій и Армянское селеніе Чубуклы раскинулось около озера.

Когда я сталъ спускаться съ горы, ко мнѣ на встрѣчу понеслись сорокъ человѣкъ Армянской конницы, въ ихъ восточномъ нарядѣ и вооруженіи; этотъ нечаянный привѣтъ, на берегахъ живописнаго озера, посреди утренней картины горъ, произвелъ на меня впечатлѣніе сильное и пріятное. Дикая, пустынная Арменія, исполненная поэтическихъ развалинъ своихъ городовъ и обителей, представилась мнѣ полною дѣйствительной жизни, какъ будто все ея слав-

ное минувшее внезапно обратилось въ настоящее. Окруженный блестящими всадниками, я продолжалъ путь вдоль по берегу, до того мѣста, откуда можно было переплыть въ монастырь. Сильный вѣтеръ долго препятствовалъ слышать наши крики и выстрѣлы, на острову Севанскомъ, который отстоитъ за двѣ версты: наконецъ медленно двинулся оттолѣ паромъ, единственное средство сообщенія съ берегомъ. На цѣломъ озерѣ нѣтъ ни одной лодки, хотя въ его окружности, усѣянной селами, щитается до трехъ сотъ верстъ и болѣе шестидесяти въ поперечникѣ; но трудность водянаго пути полезна была, во времена владычества Персидскаго. Не осудилъ и я убогаго парома, потому что его толстыя бревна, лучше дощатой лодки, противустояли напору волнъ, и менѣе чувствовалась томительная качка на волнахъ.

Основаніе Севанской обители восходитъ до временъ великаго Просвѣтителя Арменіи, который тамъ соорудилъ первую церковь Воскресенія Христова, на мѣстѣ древняго языческаго капища. Островъ, по

своей неприступности, издавна служилъ крѣпостью, для первой династіи Гайканской, и подъ водами озера еще видны остатки стѣнъ. «Айсъ-эванъ!» вотъ монастырь, сказалъ Просвѣтитель, и оттого произошло названіе Севанга. Дважды былъ онъ раззоренъ въ VIII вѣкѣ, полчищами Лезгинъ и полководцемъ Арабскимъ Мурваномъ; два вѣка спустя обитель сія послужила убѣжищемъ одному изъ Царей Армянскихъ, властвовавшихъ въ Ани, Ашоту, прозванному желѣзнымъ, изъ династіи Багратидовъ. На десяти плотахъ, съ семидесятью отборными воинами, не устрашился онъ напасть на многочисленное войско намѣстника Халифовъ, который стерегъ его на берегу, и бѣжали непріятели.

При выходѣ на островъ меня поразила малочисленность братіи, хотя однако здѣсь ихъ болѣе, чѣмъ въ прочихъ обителяхъ Арменіи, вообще скудныхъ монашествующими. Мнѣ сказали, что Архіепископъ, бывшій Елисаветпольскій, который управлялъ монастыремъ, вызванъ въ Эчміадзинъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми монахами,

коихъ щитается до двадцати. Онѣ ведутъ жизнь самую пустынную, чему можно повѣрить, по уединенному положенію острова. Это была первая обитель Армянская, которую я посѣтилъ; мнѣ любопытно было внутреннее устройство малыхъ келлій, можно сказать облѣпленныхъ около нижней церкви; онѣ раздѣлялись между собою узкимъ переходомъ и примыкали къ низкой трапезѣ. Самая церковь, гдѣ обыкновенно бываетъ богослуженіе, празднуетъ успенію Божіей Матери, какъ большая часть церквей Армянскихъ, и не представляетъ взорамъ никакого благолѣпія. Она построена была въ исходѣ IX вѣка, дочерью Царя Ашота, Маріаміею, супругою князя Сунійскаго, которая сама искала спасенія съ дѣтьми, на пустынномъ острову, отъ жестокости правителя Арабскаго; но всѣ иконы новыя и отзываются живописью западною.

Мы поднялись на вершину острова, гдѣ стоитъ древняя церковь Св. Апостолъ, сооруженная въ 884 году, тою же благочестивою Царевною; говорятъ, что верхов-

ные Апостолы сами указали мѣсто бывшему тогда настоятелемъ обители, а въ послѣдствіи Патріархомъ, Мастоцу. Обновленіе сего храма, въ половинѣ минувшаго вѣка, стерло съ него слѣды древности, но еще сохранились двѣ замѣчательныя двери чугунныя, съ рѣзными фигурами и крестами: западная дверь, проще и древнѣе, сдѣлана усердіемъ Князя Князей Армянскихъ Курда, въ 1176 году, какъ свидѣтельствуетъ надпись, а южная устроена въ XVI вѣкѣ; на ней изображены: Господь, сидящій по среди символовъ Евангелистовъ, воздвиженіе креста, сошествіе Святаго Духа и два Святителя, изъ коихъ одинъ долженъ быть самъ великій Григорій. Третія церковь, во имя Предтечи, того же времени и также изъ дикихъ камней, пристроена, въ видѣ придѣльной, съ сѣверной стороны храма Апостоловъ.

Нѣсколько келлій прилегаютъ къ паперти, но онѣ пусты; только въ одной изъ нихъ спасается послушникъ, по имени Малкъ, изъ зажиточныхъ гражданъ Тифлисскихъ, который ведетъ жизнь самую стро-

гую и, отвергая всякое подаяніе, трудами рукъ своихъ, старается поддержать, осыпающіеся камни ветхаго зданія. Мнѣ сказали, что онъ боится людей и будто помѣшанъ; но взойдя въ его убогую келлію, я увидѣлъ много древнихъ рукописей; предъ нимъ на полу лежало раскрытое житіе Св. Ефрема Сирина. Такъ не безумствуютъ, подумалъ я, и пожелалъ благочестивому отшельнику добраго отвѣта на страшномъ судилищѣ Христовомъ, которое столь пламенными чертами описываетъ Св. Ефремъ.

Дорога въ Эривань пролегала нѣсколько верстъ, по берегу озера, изъ котораго выходитъ рѣка Занга; недалеко отъ ея истока, на выдавшемся мысу, расположилось новое селеніе Малаканское. Я рѣшился провести ночь на станціи Ахтинской, но воспользовался остаткомъ дня, для посѣщенія великолѣпныхъ развалинъ древней обители Кечаруской. Она лежитъ за десять верстъ отъ станціи, между лѣсистыхъ горъ, въ живописномъ ущельи Дарачичахъ, которое славится своими цвѣтами и служитъ лѣтнимъ становищемъ для жителей

Эриванскихъ. Обиліе лѣса и водъ, и близость Занги, шумящей подъ навѣсомъ скалъ у входа въ ущелье, дѣлаютъ это мѣсто очаровательнымъ, особенно въ знойные дни, и нельзя было выбрать лучшаго пріюта для безмолвія иноческаго.

Григорій Магистръ соорудилъ обитель, въ эпоху горькую для народности Армянской, когда пала, вмѣстѣ съ столичнымъ городомъ Ани, третья царственная династія Багратидовъ, и Греческій Императоръ Константинъ Мономахъ держалъ у себя плѣнникомъ послѣдняго Царя Гагика. Весьма замѣчательно, въ лѣтописяхъ Армянской Церкви, лице основателя, имя коего связано почти съ каждымъ великолѣпнымъ зданіемъ своей родины, ибо вездѣ онъ оставилъ по себѣ благочестивую память. Григорій происходилъ отъ знаменитаго рода Пагдавуни, которому принадлежалъ и самъ великій просвѣтитель Арменіи. Отецъ его Васакъ былъ славнымъ воеводою и сокрушилъ полчища Турковъ, когда они вторглись въ малую Азію, подъ предводительствомъ Тогрула, родоначальника Султановъ

Оттоманскихъ. Григорія оклеветали приближенные Царя Гагика, въ преданности Императору Греческому, и принудили искать покровительства въ Царьградѣ, гдѣ получилъ онъ въ дѣтствѣ высокое образованіе. Императоръ сдѣлалъ его правителемъ Месопотаміи, съ почетнымъ титломъ Магистра, ибо Григорій уступилъ ему свои родовыя владѣнія въ области Араратской, которую однако не переставалъ украшать храмами. Прославившись одинаково, подвигами воинскими и учеными твореніями, онъ скончался въ глубокой старости, въ 1058 году; гробница его доселѣ существуетъ въ Каринскомъ монастырѣ Богоматери. Сынъ его Ваграмъ, подъ именемъ втораго Григорія, былъ въ послѣдствіи Католикосомъ, и отъ него опять пошло поколѣніе Іерарховъ Армянскихъ, сродниковъ великаго Просвѣтителя. Расказываютъ о Магистрѣ, что однажды, въ Константинополѣ, имѣлъ онъ преніе съ ученымъ Агаряниномъ Мануче, о превосходствѣ Евангелія надъ Кораномъ. Противнику его казалось, что стихотворное сочиненіе Магомета заключало въ се-

бѣ болѣе вдохновенія, нежели простой рассказъ учениковъ Бога Слова. Магистръ, чтобы доказать ослѣпленному суетною мудростію, какъ легко было бы Евангелистамъ изложить, въ иномъ видѣ, тоже Божественное слово, съ помощію Божіею, въ нѣсколько дней переложилъ всѣ четыре Евангелія на стихи, необычайные по своей красотѣ, и пораженный, симъ чудомъ Агарянинъ, немедленно принялъ святое крещеніе.

Григорій основалъ обитель Кечарускую въ 1033 г., во имя великаго своего предка, тамъ гдѣ уже существовала церковь, построенная за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ княземъ Армянскимъ Апиротомъ. Обѣ еще существуютъ донынѣ, и третья малая церковь стоитъ между ними, но Григоріева далеко превосходитъ величіемъ Апиротову. Внѣшнія стѣны ея покрыты изваяніями и рѣзными крестами, въ которыхъ истощилось искутство каменосѣчцевъ того времени. Надпись надъ южными вратами свидѣтельствуетъ, что Григорій Магистръ соорудилъ ее въ царствованіе Гагика, ибо онъ еще числился, даже и въ плѣну, между

Царями Арменія, и во дни святительства Саркиса или Сергія, дабы святыня сія предстательствовала у Бога, за него и за чадъ его и за его Владыку: «кто прочтетъ, да помянетъ меня во храмѣ.» Прочія надписи, какъ внутри такъ и снаружи, которыми исписаны всѣ стѣны, напоминаютъ только имена великихъ земли, поступившихъ въ число братства Кечарускаго, или пожертвовавшихъ ему свои имущества. Внутренность храма соотвѣтствуетъ его наружности: четыре высокія арки, складенныя изъ дикаго камня, поддерживали легкій куполъ, который обрушился отъ землетрясенія, въ 1827 году, и завалилъ своими обломками помостъ. Обширная трапеза, также изъ дикаго камня, прилегаетъ съ западной стороны къ церкви; еще уцѣлѣлъ въ ней куполъ, на четырехъ гранитныхъ столбахъ; онъ весь украшенъ искусною рѣзьбою, которою особенно отличаются церкви Армянскія. Извнѣ алтаря стоятъ высокія гробовыя плиты, съ надписями и узорочными крестами, ибо на кладбищахъ Армянскихъ, по восточному обычаю,

не довольствуются класть на могилу камни, но и воздвигают их над могилою. На некотором разстоянии к западу от трех церквей, Магистра и Аппрота, возвышается еще одна, в виде колокольни; по сохранившейся надписи видно, что она сооружена гораздо позже в XIII веке, во имя Воскресения Христова, на память всех усопших. Остатки келлий и стен, раскинутые по всему пространству холма, свидетельствуют о прежнем населении обители.

На другой день, около полудня, достиг я Эривани; она еще сохранила свой Персидский характер, с колоннадами тополей, которые подымаются из за каменных оград, и с зеленью садов, раскинутых по берегу Занги. Первое ея впечатление приятно, с окрестных высот Канагира, но внутри города, посреди тесных и грязных улиц, исчезает очарование; самая крепость, хотя и громкая в военной истории сего края, не представляет по наружности ничего величественнаго. Я остановился в опу-

Оттоманскихъ. Григорія оклеветали приближенные Царя Гагика, въ преданности Императору Греческому, и принудили искать покровительства въ Царьградѣ, гдѣ получилъ онъ въ дѣтствѣ высокое образованіе. Императоръ сдѣлалъ его правителемъ Месопотаміи, съ почетнымъ титломъ Магистра, ибо Григорій уступилъ ему свои родовыя владѣнія въ области Араратской, которую однако не переставалъ украшать храмами. Прославившись одинаково, подвигами воинскими и учеными твореніями, онъ скончался въ глубокой старости, въ 1058 году; гробница его доселѣ существуетъ въ Каринскомъ монастырѣ Богоматери. Сынъ его Ваграмъ, подъ именемъ втораго Григорія, былъ въ послѣдствіи Католикосомъ, и отъ него опять пошло поколѣніе Іерарховъ Армянскихъ, сродниковъ великаго Просвѣтителя. Расказываютъ о Магистрѣ, что однажды, въ Константинополѣ, имѣлъ онъ преніе съ ученымъ Агаряниномъ Мануче, о превосходствѣ Евангелія надъ Кораномъ. Противнику его казалось, что стихотворное сочиненіе Магомета заключало въ се-

Мнѣ расказывали романтическое событіе, случившееся въ виду сей залы, которое отзывается повѣстями тысячи одной ночи. Однажды Сардарь взялъ къ себѣ въ гаремъ прекрасную Армянку, уже обрученную жениху, за нѣсколько дней до ихъ свадьбы. Отчаянный любовникъ, пренебрегая опасностью, пришелъ въ лунную ночь на противуположную скалу крутоберегой Занги, чтобы еще однажды взглянуть, хотя издали, на блестящую тюрьму своей невѣсты. Сидя на скалѣ, запѣлъ онъ унылую пѣснь и въ тишинѣ ночи, сквозь ропотъ водъ, услышался голосъ его въ гаремѣ; она выглянула въ окно, она узнала друга своего сердца, и все позабывъ, въ радостномъ восторгѣ, бросилась къ нему изъ окна, не взирая на высоту стѣнъ и утесовъ, не думая о томъ, что ихъ раздѣляетъ рѣка и наблюдаетъ за ними стража. По щастію она упала на дерево и широкими одеждами повисла на вѣтвяхъ; любовниковъ схватили и привели къ Сардарю, и что же? тронулось его суровое сердце такою нѣжною любовью; онъ осыпалъ ихъ дарами и отпустилъ.

Я всталъ до разсвѣта и сѣлъ на уединенномъ балконѣ тѣхъ покоевъ, гдѣ провелъ одну ночь самъ великій Обладатель исполинской державы, простирающейся отъ Ледовитаго моря до Арарата. У ногъ моихъ шумѣла неумолкающая Занга, между утесистыхъ береговъ, на обрывѣ коихъ висѣли дворецъ и гаремъ и обветшавшая крѣпость. По другую сторону раскинулись виноградники Эриванскіе и роскошный садъ Сардаря, весь обросшій тополями. Каменистая дорога подымалась, по крутому берегу рѣки, въ Эчміадзинъ; уже по ней шли ранніе путники, и тянулся караванъ верблюдовъ, и гнали стада свои Курды. Холмъ Иракліевъ, такъ названный въ память воевавшаго здѣсь Грузинскаго Царя, преграждалъ дальнѣйшіе виды; но высоко подымался исполинъ Арменіи, двуглавый Араратъ, весь въ радужныхъ лучахъ восходящаго солнца, и самъ, какъ радуга, оставшійся намъ памятникомъ потопа. Сѣдое чело его, убѣленное вѣковыми снѣгами, достойно было служить подножіемъ ковчегу, въ которомъ сохранился человѣческій

родъ. Рядомъ съ великимъ, малый Араратъ, подымаетъ свою остроконечную вершину, осыпанную также снѣгомъ, какъ бы первый шатеръ, раскинутый родоначальникомъ нашимъ, на пустотѣ вселенной; а кругомъ таже пустыня, какою представлялся міръ послѣ потопа, и дальній хребетъ горъ, которыя заимствуютъ свое названіе отъ Арарата, свидѣтельствуя правильность выраженій Святаго писанія: «и ста ковчегъ на горахъ Араратскихъ.» Здѣсь, съ благоговѣніемъ, должно прочесть страшную библейскую картину потопа.

Еще недавно, на скатѣ горы, древняя обитель Св. Іакова Низивійскаго, обозначала то мѣсто, гдѣ выходецъ ковчега Ной насадилъ первую лозу виноградную. Но внезапно потрясся въ основаніяхъ своихъ вѣковой Араратъ, какъ бы предвѣщая новую бурю вселенной, ибо только для всемірныхъ знаменій одиноко стоитъ онъ на поприщѣ потопа, и погибли селеніе, обитель и самая ихъ долина. Страшно и знаменательно! — Гора, воспріявшая на себя ковчегъ, отъ бурныхъ волнъ потопа, какъ бы

младенца возрожденнаго отъ купели, сама кипитъ внутри волканическими огнями, и глухіе порывы ея бурнаго сердца безпрестанно потрясаютъ всю окрестность. Что же хочешь ты изглаголать намъ, вѣщій старецъ Араратъ, стихійнымъ гласомъ своихъ потаенныхъ бурь?— Засвидѣтельствовать ли слово Апостольское: что какъ первый міръ погибъ предъ лицемъ твоимъ, въ волнахъ потопа, такъ и обновленный міръ Ноевъ гоговится къ иному истребленію огненному, послѣ котораго явятся новыя небеса и новая земля, вѣчныя обители правды? (II. Петр. III. 6, 7.) Говори старецъ, тебѣ должны внимать твои дѣти, вышедшія изъ твоей пустынной колыбели.

СВ. ГРИГОРІЙ ПРОСВѢТИТЕЛЬ.

Дорога отъ Эривани въ Эчміадзинъ лежитъ по широкому полю, кое гдѣ лишь оживленному селеніями, тамъ гдѣ есть протоки воды; но уже однообразіе сей пустынной равнины не прерывается до самой подошвы горъ, ее окружающихъ. Издали видны куполы обители Эчміадзинской и трехъ смежныхъ съ нею церквей, отъ которыхъ она заимствовала свое Турецкое названіе: Учь-келеси. Селеніе Вагаршапатъ, бывшее нѣкогда столицею Царей Армянскихъ, прилегаетъ къ вратамъ монастырскимъ. Но прежде нежели вступить въ

древнюю ограду Эчміадзинскую, исполненную памяти великаго Просвѣтителя Арменіи и святыхъ дѣвъ, съ нимъ пострадавшихъ за Христа, необходимо сказать, хотя вкратцѣ, кто былъ Святитель Григорій? ибо здѣсь, на каждомъ шагу, встрѣчается его имя, ключь Христіанской исторіи Арменіи; безъ сего священнаго имени темны будутъ всѣ расказы о святыни Эчміадзинской.

Въ преданіяхъ Армянской Церкви, Апостолы Варѳоломей и Ѳаддей были первыми ея проповѣдниками и принесли съ собою два священные залога въ просвѣщаемую ими страну: одинъ чудотворную икону Богоматери, писанную Евангелистомъ Лукою, но теперь уже утраченную; другой священное копіе, пронзившее на крестѣ ребро нашего Искупителя. Потому и пишутся они почти всегда, на дверяхъ олтарныхъ, съ сими двумя знаменіями въ рукахъ, если только не замѣнили ихъ, по вліянію Папъ, уже довольно позднему, верховные Апостолы Петръ и Павелъ. Но въ теченіи первыхъ трехъ столѣтій, Хри-

стіанство едва едва держалось въ Арменіи, хотя по мѣстнымъ преданіямъ не прерывалея рядъ Епископовъ, начиная отъ Аддея, рукоположеннаго Апостолами, до Леонтія Архіепископа Кесаріи Каппадокійскія, который въ свою чреду посвятилъ великаго Просвѣтителя.

Григорій происходилъ отъ Пареянскаго рода Царей Арсакидовъ, и зачатъ былъ въ утробѣ материнской, близь той обители, гдѣ почиваютъ мощи Апостола Ѳаддея, когда отецъ его Анакъ переселялся изъ Персіи въ Арменію; тяжкими страданіями надлежало ему искупить нечестіе отца своего и духовное спасеніе отечества.

Въ то время Арташиръ или Артаксерксъ, родоначальникъ династіи Сассанидовъ, свергнулъ съ престола Персидскаго древнюю династію Арсакидовъ, и домогался уничтожить ее и въ Арменіи, гдѣ она водворилась за полтораста лѣтъ до Р. Х. Хозрой, Царь Армянскій, былъ сильнѣйшій соперникъ Арташира и сей новый властитель послалъ родственника царскаго Анака, умертвить его, ибо не надѣялся

иначе одолѣть. Измѣнникъ Анакъ, какъ бы избѣгая гоненія новой династіи Персской, укрылся къ Хозрою и, дружески имъ принятый, два года искалъ случая совершить злодѣйскій умыслъ. Воспользовавшись наконецъ одиночествомъ Царя на ловлѣ, близь столичнаго города Арташата, умертвилъ его и хотѣлъ бѣжать чрезъ Араксъ, но оруженосцы царскіе погнались за убійцей и онъ утонулъ въ водахъ разлившейся рѣки. Хозрой, движимый мщеніемъ, успѣлъ еще, при послѣднемъ издыханіи, приказать истребить весь родъ измѣнника Анака; только особенное усердіе брата кормилицы Григоріевой, при содѣйствіи благодати Божіей, спасло двухъ-лѣтняго младенца отъ руки кровоместниковъ. Его унесли въ Кесарію и на пути таинственно наречено было Ангеломъ, имя Григорія, осиротѣвшему потомку Царей Пареянскихъ. Новые родители воспитали его въ правилахъ христіанскаго благочестія и сочетали бракомъ съ дочерью одного изъ именитыхъ князей Армянскихъ. Вартанъ и Аристагесъ были плодомъ сего

брака. Но Григорій, еще въ юныхъ лѣтахъ, почувствовалъ влеченіе къ жизни отшельнической и убѣдилъ супругу, отпустить его въ пустыню. Она сама, съ младшимъ сыномъ, послѣдовала его примѣру, предоставивъ старшему продолжать собою царственное и вмѣстѣ священное племя Григоріево, которое еще полтораста лѣтъ послѣ него, украшало Іерархами Церковь Арменіи.

Между тѣмъ Царь Персовъ, пользуясь смертію Хозроя, овладѣлъ его державою и старался истребить весь его родъ; но вѣрные вельможи спасли двухъ его младенцевъ, и укрывъ дочь въ неприступной крѣпости Ани, увезли сына Тиридата ко двору Кесарей Римскихъ, коренныхъ враговъ племени Сассанидовъ. Тамъ прославился доблестями воинскими юный Тиридатъ, въ царствованіе Діоклитіана, жестокаго гонителя Христіанъ. Предъ лицемъ его сразилъ онъ на поединкѣ исполина Готескаго, который вызывалъ на бой самаго Императора, и Кесарь въ знакъ благодарности, облекши его порфирой, отпу-

стилъ на царство. Доблестный юноша исторгъ опять свое родовое наслѣдіе изъ рукъ Персовъ. Но не одинъ возвратился Тиридатъ въ отечественную область: съ нѣкотораго времени не отлучно находился при немъ ревностный служитель, близкій его сердцу, хотя и невѣдомый родомъ, на коего возлагалъ онъ всю свою довѣренность. Это былъ самъ великій Григорій; услышавъ о подвигахъ юнаго Царя, при дворѣ Кесарей, онъ оставилъ пустыню, что бы загладить предъ нимъ вину преступнаго отца. Тайная рука Провидѣнія, спасшая его отъ меча Хозроева, привела путемъ страданій и къ высшей цѣли, ему указанной.

Грекъ Агаѳангелъ, ближайшій письмоводитель Тиридата, сохранилъ намъ, въ лѣтописи своей, повѣсть многообразныхъ страданій Св. Григорія, въ которыхъ его поддерживала сверхъестественная сила Божія, и записалъ назидательныя рѣчи, коими онъ исповѣдывалъ Христа Іисуса, посреди самыхъ жестокихъ мукъ. Въ первый годъ царствованія, Тиридатъ хотѣлъ при-

нести торжественную жертву Артемидѣ или Діанѣ, главному божеству Армянскому, и съ негодованіемъ увидѣлъ, что изъ всѣхъ его приближенныхъ, одинъ только Григорій, отказывался участвовать въ требищѣ идольскомъ. «Я вѣрно служу Царю моему земному, сказалъ Григорій, хочу соблюсти вѣрность и небесному.» Тиридатъ, надѣясь одолѣть твердость его мученіями, не лишая однако жизни, изобрѣталъ и умножалъ ихъ, по мѣрѣ изумительнаго терпѣнія святаго мужа, въ продолженіи многихъ дней. Услышавъ изъ устъ Григорія пространное исповѣданіе Божества Христова, предъ лицемъ всего двора своего, разгнѣванный Царь велѣлъ бить его по устамъ, давить тисками грудь и тяжестями рамена; въ такомъ положеніи водили его сперва по всему городу а потомъ подняли на крышу палатъ, и тамъ привязали къ столбу на семь дней. Тщетнымъ оказалось первое испытаніе; также проповѣдь, о суетѣ идоловъ, огласила дворъ Царя. Еще болѣе раздраженный, приказалъ онъ повѣсить Святаго за ноги и предать

біеніе, въ продолженіи другихъ семи дней, но промежду ударовъ слышались только Христіанскія рѣчи, о сотвореніи человѣка, его паденіи, искупленіи и будущемъ судѣ. Новыя мученія ожидали исповѣдника Христова, послѣ третьяго отрицанія служить идоламъ. Ему стиснули руки и ноги, такъ что кровь выступила изъ подъ ногтей, его пригвоздили къ полу а потомъ поволокли, терзали желѣзными когтями, бросали обнаженнаго на терны, сжали голову въ столярномъ станкѣ, надѣли на него мѣшокъ съ известью и сѣрой, чтобы привести въ беспамятство, и хотя въ такомъ положеніи принудить поклониться истуканамъ. Въ уста его лили уксусъ, горькую воду, и растопленное олово, наконецъ обливали имъ все тѣло, и привѣсивъ тяжести къ ногамъ, чтобы разъединить сотрясеніемъ всѣ члены, вытянули его веревками, за связанныя на спинѣ руки, на высокій столбъ; въ такомъ положеніи опять держали нѣсколько дней. — Но сколь ни сильны были мученія, изобрѣтаемыя людьми, еще сильнѣе было покровительство Божіе, со-

блюдавшее святаго для спасенія цѣлаго народа; ибо немощное Божіе крѣпче человѣковъ, говоритъ Апостолъ, и сила Божія совершается въ немощи человѣческой. Не утомился мученикъ, утомился мучитель; узнавъ отъ одного изъ вельможъ своихъ, что Григорій есть сынъ измѣнника Анака, онъ велѣлъ бросить, измученнаго столькими пытками, въ глубокую яму, наполненную ядовитыми животными, въ крѣпости Арташатской, куда обыкновенно ввергали преступниковъ; но и тамъ промыслъ Божій не оставилъ Святаго. Благочестивая вдовица, жившая подлѣ сей темницы, ежедневно бросала ему въ малое отверстіе скудную пищу; такимъ образомъ провелъ 14 лѣтъ, въ непрестанной молитвѣ, будущій просвѣтитель Арменіи, до времени своего явленія міру. Оно должно было ознаменоваться новымъ пролитіемъ крови Христіанской, ибо на костяхъ мученическихъ основалась Церковь распятаго Сына Божія.

Еще царствовалъ жестокій Діоклитіанъ, убійца стольких мучениковъ; чуд-

ственному властителю пришло на мысль: избрать себѣ въ супруги ту изъ дѣвъ своей необъятной державы, которая была бы всѣхъ плѣнительнѣе красотою. Въ Римѣ, подъ руководствомъ благочестивой старицы Гаяны, спасались пятдесятъ дѣвъ, посвятившихъ себя исключительно служенію Христову; изъ нихъ одна, происхожденія царскаго, Рипсима, отличалась своею наружностію и на нее палъ выборъ сановниковъ Кесаря. Испуганныя дѣвы, вмѣстѣ съ наставницею, тайно отплыли въ Палестину и тамъ, на святомъ гробѣ Искупителя, Рипсима обрекла себя небесному жениху.—Божественное видѣніе внушило ей, удалиться въ Арменію, ибо имъ надлежало кровью засвидѣтельствовать о Христѣ, въ странѣ языческой. Онѣ достигли, послѣ долгаго пути, Армянской столицы Вагаршапата и тамъ, поселившись въ убогомъ домѣ близъ винокрадника, проводили время въ молитвахъ, питаясь трудами рукъ своихъ. Изъ числа ихъ Св. Нина, прошила далѣе въ предѣлы Иверіи и сдѣлалась просвѣтительницею народа Гру-

зинскаго; другая же по имени Мана, съ нѣсколькими подругами, предчувствуя близкое гоненіе, водворилась въ пустынныхъ пещерахъ области Таронской, гдѣ въ послѣдствіи основалась знаменитая обитель Предтечи.

До слуха Кесарева достигла наконецъ вѣсть, о мѣстѣ убѣжища Римскихъ дѣвъ; онъ писалъ Тиридату, предоставляя на его волю: или выслать къ нему Рипсиму, или взять ее себѣ въ супруги; Царь предпочелъ послѣднее, но богатые дары его были отвергнуты, избравшею себѣ небеснаго жениха. Раздраженный искалъ силою одолѣть упорство и остался побѣжденнымъ ея твердостію. Но будучи плѣненъ чудною красотою дѣвы, хотѣлъ еще однажды, прежде мученій, испытать всѣ средства убѣжденія, и приказалъ настоятельницѣ Гаянѣ, внушить своей питомицѣ покорность земному владыкѣ. Воздоившая Рипсиму млекомъ ученія Христова, могла ли такъ жестоко противурѣчить себѣ самой? Латинская бесѣда духовной матери съ дочерью подслушана была клевретами Царя. Рипсима еще однажды, осѣненная

Ангельскимъ покровомъ, превозмогла страстные порывы Тиридата; тогда начались истязанія. Ей отрѣзали языкъ, выкололи глаза; веревками растянули нѣжные члены ея къ четыремъ столбамъ и развели подъ нею малый огонь, чтобы жечь по немногу; когда же довольно испеклась мученица, набросали на животъ ея камни, такъ что отъ ихъ тягости проторглась вся внутренность; потомъ уже разсѣкли на части сію чистую жертву, принесшую себя во всесожженіе Богу. Тридцать двѣ подруги царевны, пришедшія собрать ея мученическія останки, избиты были мучителями на томъ же мѣстѣ; одну изъ нихъ, по имени Маріамну, остававшуюся на болѣзненомъ одрѣ, умертвили въ собственномъ ихъ жилищѣ. На другой день дошла очередь мученій до наставницы Гаяны и еще двухъ съ нею жившихъ въ уединеніи дѣвъ. Онѣ подверглись почти одинаковой казни съ Рипсимою, но вмѣсто того, чтобы жечь ихъ огнемъ, съ нихъ содрали кожу, и еще дышущимъ отсѣкли головы. Тѣла всѣхъ 37 мученицъ бросили на съѣденіе птицъ и

звѣрей; но звѣри, болѣе милостивые нежели люди, не смѣли коснуться ихъ останковъ.

Скоро небесная казнь постигла мучителей. На шестой день, звѣрской сердцемъ Тиридатъ и его ближайшіе сановники, подверглись участи Навуходоносоровой. Обезумѣлъ неистовый властитель, давно уже вышедшій изъ предѣловъ человѣческой природы, и подобно вепрю сталъ скитаться съ дикими звѣрями; съ нимъ вмѣстѣ бѣсновались исполнители его казней, терзая собственное тѣло и наполняя страшными воплями окрестности Вагаршапата. Ужасъ объялъ столицу; сестра Царева, Хосровидухтъ, имѣла тайное видѣніе, что одинъ только узникъ, Григорій, можетъ исцѣлить бѣснующихся. Царевна открыла свое видѣніе сановникамъ; но оно должно было повториться нѣсколько разъ, прежде нежели увѣровали ея словамъ. Старшій изъ вельможъ, по имени Ода, посланъ былъ въ Арташатъ, и не вѣря самъ, чтобы еще могъ быть въ живыхъ Григорій, послѣ четырнадцати-лѣтняго забвенія

въ ядовитой ямѣ, возгласилъ надъ ея устьемъ. «Григорій, если ты еще живъ, обвей вокругъ себя веревку, и мы извлечемъ тебя изъ ямы.»—«Богомъ моимъ я живъ!» отвѣчалъ изъ глубины рва мученикъ и, къ общему изумленію, невредимый вышелъ изъ смертной темницы; его облекли въ свѣтлыя ризы и въ радостномъ торжествѣ повезли въ Вагаршапатъ, гдѣ какъ спасителя встрѣтилъ его народъ.

За нѣсколько поприщъ отъ города, Царевна и весь синклитъ, пали къ его ногамъ; въ тоже время, привлеченные неодолимою силою, бѣснующіеся сановники и самъ звѣровидный Царь устремились къ святому и, простершись предъ нимъ, дикими воплями какъ бы умоляли его разрѣшить ихъ. Григорій немедленно исцѣлилъ царедворцевъ, менѣе виновныхъ, но возвративъ самосознаніе Тиридату, не тотчасъ отъялъ звѣрской образъ, внѣшнее выраженіе внутреннихъ его страстей, дабы онъ болѣе вникнулъ въ самаго себя и почувствовалъ всю мерзость своего состоянія. «Не мнѣ поклоняйтесь, говорилъ святой

мужъ всѣмъ принадлежащимъ къ ногамъ его, ибо я только человѣкъ вамъ подобострастный; но поклоняйтесь Создателю неба и земли и насъ человѣковъ, который нынѣ исцѣлилъ васъ.» Потомъ таинственно спросилъ: «гдѣ Божіи серпы?» разумѣя подъ симъ именемъ невинныя жертвы, пострадавшія за Христа, и когда указали ему мѣсто избіенія дѣвъ, онъ собралъ нетлѣнные останки, сохранившіеся невредимо въ теченіи столькихъ дней, обвилъ ихъ въ собственныя одежды, отвергнувъ какъ недостойныя богатыя ризы, принесенныя язычниками. Въ томъ самомъ вертоградѣ, куда собралъ на время святыя мощи мученицъ, остался онъ провести надъ ними ночь, въ уединенной молитвѣ.

Тамъ посѣтило его свыше страшное видѣніе, послужившее къ основанію первопрестольнаго храма Арменіи. Въ полночь увидѣлъ онъ развершіяся небеса и лучь свѣта, сходящій на землю, по направленію коего стремились тьмы Ангеловъ, а предъ ними мужъ высокій, грозный видомъ, съ златымъ молотомъ въ десницѣ. Быстрѣе

орла летѣлъ онъ прямо къ Вагаршапату и сильно ударилъ молотомъ въ землю: застонала земля, потряслись горы, отъ гула громовъ, и изъ нѣдръ земли послышались страшные вопли ада. Потомъ по срединѣ города, близь царскаго дворца, внезапно воздвиглось круглое золотое подножіе, на подобіе олтаря, и на немъ огненный столбъ, а сверху облачный куполъ съ вѣнчающимъ его крестомъ. Вокругъ поднялись сами собою четыре другихъ столба, изъ коихъ три, на мѣстѣ избіенія святыхъ дѣвъ, увѣнчанные также крестами; сводъ изъ облаковъ осѣнилъ все это чудное зданіе, озаренное сіяніемъ крестнымъ. Изнутри его изшелъ внезапно обильный источникъ, на подобіе Эдемскаго, и оросилъ собою все поле окрестъ, сколько лишь могли обнимать оное взоры. Ангелъ Господень предсталъ смятенному Григорію и объяснилъ ему видѣніе: «Страшный мужъ, поразившій молотомъ землю, самъ Господь; огненный столбъ, на златомъ основаніи, соединенный крестообразно съ другими столбами подъ облачнымъ сводомъ, есть святая

соборная Церковь, основанная на незыблемомъ камени Христѣ, и всѣхъ объемлющая подъ сѣнь креста, ибо на немъ принесъ себя въ жертву самъ Единородный Сынъ Божій, помазанный Отцемъ своимъ, въ Первосвященника вѣчнаго. Да будетъ и сіе мѣсто домомъ молитвы и престоломъ священства! Свѣтъ, просіявшій между четырьмя столбами, и произведшій тотъ обильный источникъ, который напоилъ всю землю, есть образъ Божественнаго крещенія, истекающаго изъ соборной Церкви для обновленія человѣчества. Благоговѣй предъ симъ знаменіемъ, даннымъ тебѣ отъ самаго Господа, и здѣсь соорудй ему храмъ.» Когда умолкъ Ангелъ, еще разъ поколебалась земля, и съ наступающимъ утромъ изчезло чудное видѣніе. По сему мѣсто сіе названо было сначала Шогакатъ, т. е. изліяніемъ свѣта, а въ послѣдствіи Эчміадзиномъ, т. е. сошествіемъ Единороднаго, и доселѣ такъ именуется первопрестольная церковь Армянская.

На другой день Царь, со всемъ синклитомъ и народомъ, посѣтилъ святаго въ его

вертоградѣ, и простершись къ ногамъ его опять молилъ о прощеніи, дабы Господь не осудилъ ихъ за грѣхи. Великій Григорій началъ проповѣдывать имъ слово Божіе, но утаивъ и чудное свое видѣніе; въ теченіи шестьдесять дней продолжалъ онъ огласительную проповѣдь, а между тѣмъ указалъ и оградилъ мѣсто, гдѣ видѣлось ему Божественное явленіе, и, водрузивъ на немъ знаменіе креста, положилъ основаніе тремъ другимъ престоламъ, на мѣстѣ избіенія Рипсимы, Маріамны и Гаяны, съ ихъ подругами. Потомъ приступилъ къ созданію самыхъ храмовъ, на предположенныхъ мѣстахъ, въ чемъ ревностно ему содѣйствовали Царь и вельможи; самыя жены носили для строенія камни въ драгоцѣнныхъ своихъ одеждахъ. Когда же приготовлены были гробницы для Св. дѣвъ, Тиридатъ еще однажды палъ къ ногамъ Святаго, умоляя совершенно разрѣшить его отъ тяжкаго наказанія и, по молитвѣ угодника Божія, возвращенъ ему былъ прежній образъ. Раскаявшійся Царь болѣе всѣхъ трудился, для достойнаго погребенія своихъ жертвъ,

и великій Григорій съ честью положилъ тѣла ихъ подъ сводами трехъ церквей. Тогда исключительно занялся сооруженіемъ первопрестольной, и въ то же время разрушалъ окрестныя капища, исцѣлялъ болящихъ и непрестанно поучалъ народъ спасительнымъ истинамъ Христіанства.

Между тѣмъ Царь и весь его синклитъ единодушно положили избрать себѣ пастыремъ Григорія и послать его для посвященія къ Архіепископу Косаріи Леонтію, первенствовавшему въ области Армянской. Долго отрекался смиренный мужъ отъ почести высокаго званія, но ему явился Ангелъ и повелѣлъ принять предопредѣленное Богомъ. Торжественно было шествіе великаго просвѣтителя Арменіи. Царь отпустилъ его на собственной колесницѣ, въ сопровожденіи старшихъ вельможъ и почетной стражи, съ богатыми дарами для церквей Греческихъ, лежавшихъ на пути. Столь же торжественна была встрѣча и въ Косаріи, куда уже достигла молва, о его мученическихъ подвигахъ и чудномъ обращеніи цѣлой страны къ свѣту Христову.

Леонтій рукоположилъ. Григорія въ Епископа всей Арменіи, и далъ ему часть мощей Предтечи и мученика Аѳиногена, пострадавшаго при Діоклитіанѣ, въ основаніе новой церкви. Святитель, на обратномъ пути, повсюду истреблялъ идоловъ, въ предѣлахъ ввѣренной ему области, и близъ горъ Тавроскихъ, на границѣ малой и великой Арменіи, сокрушилъ знаменитое капище Аѳродиты. Тутъ, по божественному внушенію, остановившись на время, крестилъ онъ всѣхъ ему сопутствовавшихъ, въ числѣ двадцати тысячъ, и положилъ въ основанной имъ церкви мощи Предтечи. Въ послѣдствіи устроилась близъ сего мѣста знаменитая обитель Крестителя, называемая Мушъ, которая до нынѣ привлекаетъ въ Эрзерумѣ множество богомольцевъ. Далѣе, на берегахъ Евфрата, встрѣтилъ Святителя самъ Тиридатъ, со всемъ своимъ домомъ; Григорій преподалъ имъ святое крещеніе въ водахъ рѣки, освященной воспоминаніемъ рая, и сдѣлалъ причастникомъ пищи Эдемской, отъ новаго древа жизни, уже не охраняемаго мечемъ Херу-

нима. Но прежде принятія ихъ въ число Христіанъ, наложилъ краткій приготовительный постъ, который соблюдается донынѣ въ Церкви Армянской, на память ея просвѣщенія. Святитель водворился въ царственномъ Вагаршапатѣ и рукоположилъ двѣнадцать Епископовъ, въ различные города своей церковной области. Тридцать лѣтъ продолжалъ свѣтить родинѣ своей великій Григорій, словомъ истины и благимъ примѣромъ, но отъ времени до времени удалялся въ пустыню, для созерцательной молитвы.

Преданіе Церкви Армянской говорить, что по зову великаго Константина, ходилъ онъ однажды съ Царемъ Тиридатомъ въ Царьградъ, гдѣ принятъ былъ съ чрезвычайною почестію. Но, избѣгая славы человѣческой, Святитель послалъ вмѣсто себя, на первый вселенскій соборъ, въ Никею, младшаго сына Аристагеса, котораго незадолго предъ тѣмъ рукоположилъ во Епископа. Аристагесъ, принесъ съ собою правила соборныя, вмѣстѣ съ символомъ Никейскимъ, и они были приняты, съ вели-

нимъ уваженіемъ, просвѣтителемъ Арменіи. Послѣ вселенскаго собора Григорій, видя, что уже достаточно утверждена имъ вѣра Христова въ отечествѣ, рѣшился совершенно оставить міръ; онъ поставилъ на каѳедру сына своего Аристагеса, а самъ удалился въ дикую пещеру области Таронской, гдѣ спасалась нѣкогда одна изъ спутницъ Царевны Рипсимы. Тамъ окончилъ на молитвѣ труженическое поприще, и тамъ однажды сосѣдніе пастухи, обрѣтши невѣдомое имъ тѣло, погребли его въ пустынѣ. Только чрезъ многіе годы, открыто было, по небесному видѣнію, нѣкоему отшельнику, мѣсто погребенія Святителя, и его нетлѣнные остатки перенесли съ честію въ селеніе Тартанъ, гдѣ также устроилась обитель. Дальнѣйшая участь мощей его неизвѣстна, ибо въ пятомъ вѣкѣ, при Императорѣ Зинонѣ, ихъ перенесли въ Царьградъ, а оттолѣ, частію въ Италію, частію обратно въ Арменію. Глава святаго теперь находится въ Неаполѣ, лѣвая рука въ Сисѣ, гдѣ существовала долго патріаршая каѳедра Армянская, во дни кресто-

ГРУЗІЯ

и

АРМЕНІЯ.

Часть II.

С. П. Б.
Въ тип. III отдѣл. собств. Е. И. В. канцелярін.
1848.

которые рисовали на полу яркіе узоры. Портретъ Государя Императора, во весь ростъ, занималъ одну стѣну узкой залы, а вокругъ него, по другимъ стѣнамъ, висѣли портреты древнихъ Царей Армянскихъ, начиная отъ родоначальника Гайкана и современника Господия Авгара, до великаго Тиридата и славныхъ между Хозроями. Въ другой залѣ устланной Персидскими коврами, которая служила пріемною, стоялъ на возвышеніи рѣзной тронъ Патріарха, присланный ему изъ Индіи, а на стѣнахъ, расписанныхъ арабесками, изображены были въ кругахъ всѣ разнообразныя страданія просвѣтителя Арменіи. Покамѣстъ разсматривалъ я восточное убранство сихъ покоевъ, я не слыхалъ какъ, по мягкимъ коврамъ, кто-то подошелъ сзади; положивъ руку ко мнѣ на шею, онъ дружески пригнулъ мою голову себѣ на грудь: — это былъ самъ Патріархъ Нерсесъ. «Здраствуй любезный, сказалъ онъ мнѣ съ свойственною ему привѣтливостію, вспомни гдѣ мы видѣлись съ тобою и гдѣ ты теперь». — «Подъ вашею отеческою сѣнію, отвѣчалъ я, и

радуюсь, что сдержалъ данное слово, посѣтить васъ, въ первопрестольной обители вашей. Ласковый пріемъ Патріарха, въ краю отдаленномъ и чуждомъ, былъ мнѣ особенно пріятенъ. Я имѣлъ щастіе познакомиться съ нимъ, за два года предъ тѣмъ, въ Петербургѣ, когда онъ только что поднялся съ болѣзненнаго одра необычайно исцѣленный, и мало по малу оживалъ. Мы вспомнили обстоятельства того времени, и видно было, что онъ съ удовольствіемъ чувствовалъ себя въ своемъ престольномъ Эчміадзинѣ, во главѣ отечественной Церкви, пламенно имъ любимой и, въ свою очередь, глубоко уважающей своего верховнаго пастыря.

Впрочемъ управленіе Церковью Армянскою, не есть вещь новая для Патріарха Нерсеса. Онъ былъ къ этому приготовленъ съ юнаго возраста, и даже ему какъ бы указано было его высокое назначеніе. Мѣстомъ его рожденія было селеніе Аштаракъ, (за 20 верстъ отъ обители Эчміадзинской) откуда уже произошелъ одинъ изъ Католикосовъ, носившихъ имя Нерсеса, особенно щастливое въ лѣтописяхъ Армянской

Церкви. Прозваніе Аштаракскаго усвоено было второму Нерсесу, чтобы отличить его отъ трехъ другихъ: перваго или Великаго, Строителя и Благодатнаго. Нынѣшній Нерсесъ пятый по счисленію іерархическому. Одинъ опытный старецъ, руководившій его въ молодости, какъ бы по тайному внушенію, переименовалъ его Нерсесомъ, говоря что и онъ, будучи родомъ изъ Аштарака, будетъ великимъ строителемъ; съ самыхъ юныхъ лѣтъ, по чрезвычайнымъ своимъ способностямъ, онъ уже былъ употребляемъ въ дѣлахъ церковныхъ Католикосомъ Лукою, и посланъ имъ въ Смирну и Царьградъ. Въ послѣднихъ годахъ минувшаго столѣтія Нерсесъ, возвратившись въ Арменію, засталъ Католикоса при послѣднемъ издыханіи. По смерти его и Іосифа, изъ дома Князей Аргутинскихъ, который былъ назначенъ въ сѣверной столицѣ нашей, возникли смуты отъ соперничества двухъ Католикосовъ. Даніилъ Цареградскій избранъ былъ общимъ голосомъ народа, а Давида Тифлисскаго насильственно поставилъ Сардаръ

Эриванскій. Нерсесъ терпѣлъ нѣкоторое время заключеніе темничное, вмѣстѣ съ Даніиломъ, но былъ вызванъ въ Россію, Архіепископомъ Ефремомъ, будущимъ Католикосомъ, и возвратился въ Эчміадзинъ тогда только, когда, по вліянію нашего правительства, низложенъ былъ Давидъ и Даніилъ утвердился на каѳедрѣ Армянской. Годъ спустя скончался благочестивый пастырь и все бремя правительственное пало на рамена Нерсеса. Пользуясь особенным расположеніемъ Аббаса Мирзы, не смотря на происки Давида, шесть лѣтъ управлялъ онъ дѣлами церковными, доколѣ не пріѣхалъ въ Эчміадзинъ новый Католикосъ. Ефремъ, избранный ради своего благочестія, былъ однако человѣкъ слабый по характеру. Нерсесъ видя, что люди неблагонамѣренные начали имѣть вліяніе и что ему самому угрожала опасность, отъ тайныхъ покушеній на его жизнь, просилъ удалиться изъ Эчміадзина, и былъ назначенъ Архіепископомъ въ Тифлисъ. Тамъ завелъ онъ училище, собственными средствами, по любви своей къ образованію

духовному, и когда наступила година военная, участвовалъ въ походахъ Князя Паскевича, подъ Эриванью, какъ уже однажды находился въ станѣ Русскихъ при Князѣ Цыціановѣ. Посланный въ 1829 году въ Кишиневъ, въ санѣ Архіепископа всѣхъ Армянъ проживающихъ въ Россіи, Нерсесъ избранъ былъ, послѣ смерти Католикоса Іоаннеса, главою Церкви Армянской, общимъ голосомъ всѣхъ ея сыновъ, разсѣянныхъ по Востоку.

Патріархъ приказалъ отвести мнѣ, на все время моего пребыванія въ обители, свои зимніе покои и, пригласивъ къ трапезѣ, познакомилъ меня съ членами Сѵнода Эчміадзинскаго и другими тамъ живущими Епископами; пріемъ ихъ былъ столь же привѣтливъ какъ и Патріаршій; но взаимное незнаніе языка препятствовало намъ бесѣдовать между собою. Напротивъ того какъ отрадна была для меня бесѣда съ самимъ Патріархомъ, хотя онъ и несвободно владѣлъ языкомъ Русскимъ. Онъ ловилъ слова и угадывалъ заранѣе смыслъ рѣчи, не понимая быть можетъ въ подро-

бности каждаго выраженія, и самъ умѣлъ вѣрно выразить собственную мысль, хотя нельзя было составить полной рѣчи изъ его усѣченныхъ словъ. Огненными глазами договаривалъ онъ то, чего не могли выразить уста, и тутъ я понялъ, какъ много участвуетъ въ бесѣдѣ выраженіе лица и взора, въ которыхъ отражается тайная мысль человѣка. Мы проводили въ разговорахъ цѣлые вечера и многое напечатлѣлось въ моей памяти, ибо я старался узнать все, что относилось до внутренняго и внѣшняго быта Церкви Армянской. При первомъ моемъ посѣщеніи, оставался я только два дня въ Эчміадзинѣ, потому что спѣшилъ осмотрѣть окрестныя обители и Араратъ, доколѣ еще благопріятствовала осенняя погода.

Прежде всего привлекъ мое вниманіе соборный храмъ Эчміадзина. Столько разъ былъ онъ разоренъ и такъ долго оставался въ запустѣніи, что нельзя искать въ немъ много древностей. Преданіе мѣстное утверждаетъ однако, что не смотря на всѣ бѣдствія, испытанныя обителью, самая церковь

сохранила основанія свои, высоту и всѣ размѣры, данные ей великимъ Григоріемъ, хотя въ послѣдствіи обновлены были стѣны. Первыя два разоренія постигли ее, отъ руки Персовъ, скоро послѣ просвѣтителя, въ теченіи полутораста лѣтъ, и оба раза возобновляло ее усердіе знаменитаго рода Князей Мамигонскихъ. Тогда, какъ полагаютъ, вставлены были снаружи въ сѣверную ея стѣну, два изваянія Св. Апостола Павла и великомученицы Ѳеклы, доселѣ видимыя, и крестъ съ Греческою надписью, ибо еще не были изобрѣтены Месробомъ буквы Армянскія. Можно еще разобрать полустертыя слова около креста: «Господи, вонми всякому молящемуся въ церкви сей», а внизу: «Господи, спаси раба твоего Даніила»; остальныя рѣчи непонятны. Послѣ втораго обновленія Княземъ Ваганомъ, въ 483 году, уже болѣе не были сокрушаемы стѣны, хотя самая каѳедра перенесена Католикосомъ Мелетіемъ за тридцать лѣтъ предъ тѣмъ, въ столичный городъ Двинъ, и не ранѣе 1441 года утвердилась опять въ Эчміадзинѣ, во дни

Католикоса Кирилла. Въ сію долгую эпоху осиротѣнія, двое только изъ числа Католикосовъ, Комитасъ въ 615 году и Нерсесъ строитель, въ 705 году, обратили вниманіе на вдовствующую каѳедру Св. Григорія. Первый замѣнилъ деревянный куполъ болѣе великолѣпнымъ, изъ дикаго камня, а Нерсесъ обновилъ всю церковь и этимъ заслужилъ быть можетъ громкое имя Строителя. Но позднѣйшія украшенія собора начинаются гораздо послѣ обратнаго перенесенія каѳедры въ Эчміадзинъ, ибо въ теченіи двухъ сотъ лѣтъ, отъ Кирилла до 1023 года, ничего не говорится въ лѣтописяхъ Армянскихъ, о какихъ либо перемѣнахъ внутри или внѣ храма. Въ началѣ XVII вѣка обитель подверглась чрезвычайной опасности; при нашествіи Шахъ-Аббаса, едва не разрушилъ ее до основанія завоеватель Персидскій, когда, разоривъ богатый городъ Джульфу на Араксѣ, гдѣ процвѣтала торговля Армянская, рѣшился перенести ее въ Персію, вмѣстѣ съ жителями. Насильственно создалъ онъ новую Джульфу, близъ Испагани, и вздумалъ

основать тамъ новый Эчміадзинъ, чтобы на всегда привязать сердца народа къ новому отечеству. Ходатайство старшинъ Армянскихъ спасло обитель отъ конечнаго разоренія; Шахъ удовольствовался взять только нѣсколько камней, изъ четырехъ угловъ собора и отъ главнаго олтаря, чтобы положить ихъ въ основаніе новаго храма Испаганскаго. Однако, послѣ нашествія Шахъ-Аббаса, обитель оставалась въ такомъ бѣдственномъ положеніи, что Католикосъ Моисей принужденъ былъ, въ 1629 году совершенно обновить помостъ и даже утвердить самыя стѣны, изъ коихъ выпадали камни. Преемники его Филиппъ и Іаковъ, воздвигли общими силами величественную колокольню, а Елеазаръ въ послѣднихъ годахъ XVII вѣка, довершилъ внѣшнюю красоту храма, тремя малыми остроконечными куполами. Много потрудился онъ и для внутренняго украшенія церкви, и ему обязаны сооруженіемъ средняго престола во имя Единороднаго. — Такимъ образомъ внутреннее убранство храма, не восходитъ далѣе XVII вѣка;

остроконечная крыша вновь устроена, изъ тесанаго камня, последнимъ Католикосомъ Ефремомъ.

Не смотря однако на разновременныя перестройки, величественнымъ представляется въ цѣломъ все зданіе, напоминающее своими пятью главами нѣчто Византійское, хотя и съ собственнымъ отпечаткомъ вкуса Армянскаго или Грузинскаго. Весьма нарядна трехъ-ярусная колокольня, украшенная рѣзными арабесками по своимъ легкимъ аркамъ: верхній ярусъ ея прозрачный, на осьми малыхъ столбикахъ, по подобію прочихъ куполовъ, а въ среднемъ есть престолъ во имя Архангеловъ. — По сторонамъ колокольни погребены два новѣйшіе Католикоса Даніилъ и Іоаннесъ, а на самой ея паперти два Александра, управлявшіе Церковью Армянскою въ XVIII вѣкѣ. Надъ входными вратами, которыя вычеканены изъ бронзы, съ крестами и арабесками, изображены, стѣнною живописью, видѣніе и мученія св. Григорія, сооруженіе собора Эчміадзинскаго и крещеніе Тиридата. По обѣимъ сторонамъ западныхъ

вратъ лики верховныхъ Апостоловъ, Петра и Павла, свидѣтельствуютъ, какъ я уже замѣтилъ однажды, вліяніе Рима на Церковь Армянскую. Почти въ каждомъ храмѣ вы встрѣтите обоихъ Апостоловъ, или у входныхъ вратъ, или на главномъ олтарѣ, хотя они никогда не проповѣдывали въ предѣлахъ Арменіи, и имъ часто уступаютъ свое законное мѣсто дѣйствительные проповѣдники сей страны Апостолы Варѳоломей и Ѳаддей. — Такое сближеніе съ Римомъ изъясняется изъ самой исторіи края, ибо со времени крестовыхъ походовъ, когда каѳедра Католикосовъ и престолъ послѣдней династіи Рупенидовъ утвердились по сосѣдству Сиріи и Кипра, начались частыя сношенія между властителями Армянъ и Франковъ, и вліяніе Римское распространилось въ Малой Арменіи. Съ тѣхъ поръ проникло много обычаевъ и обрядовъ западныхъ въ самое богослуженіе, хотя преданность Риму возбуждала смуты народныя и стоила жизни нѣкоторымъ изъ Царей. Но и тогда какъ перенесена была каѳедра опять въ Эчміад-

зинъ, не совершенно угасло влiянiе Римское, ибо нѣкоторые изъ Католикосовъ XVI, XVII, и даже послѣдняго столѣтiя, въ смутныхъ обстоятельствахъ обращались къ Папамъ; иные же принимали отъ нихъ дары, которые доселѣ сохранились въ соборѣ Эчмiадзинскомъ, какъ напримѣръ, богая каѳедра, присланная Папою Иннокентiемъ XI, Католикосу Iакову.

Чувство благоговѣнiя проникаетъ въ душу, при входѣ въ древнее святилище Св. Григорiя, высокое но мрачное, освѣщенное двѣнадцатью узкими окнами купола, и одинокою лампадою средняго престола; онъ стоитъ между четырехъ столбовъ, поддерживающихъ куполъ, и сердце невольно влечетъ васъ къ подножiю сего престола, гдѣ просвѣтителю Арменiи явилось чудное видѣнiе и отколѣ дѣйствительно, какъ изъ лучезарнаго источника Шогакатъ, пролилось духовное просвѣщенiе на цѣлую страну. Такiя мѣста, орошенныя молитвеннымъ потомъ и слезами подвижниковъ, особенно дѣйствуютъ на душу, и по свидѣтельству преподобнаго отца нашего Несто-

ра, служатъ болѣе крѣпкимъ основаніемъ для созидаемыхъ надъ ними храмовъ, нежели всѣ богатства человѣческія, Здѣсь молился Св. Григорій, и здѣсь же, чрезъ пятнадцать вѣковъ послѣ него, еще приходятъ молиться и приносить безкровную жертву, не смотря на бурю временъ и народовъ, разрушительно пронесшихся мимо его первопрестольной обители. Благоговѣніе еще умножится, если вспомнить преданіе, что престолъ Единороднаго стоитъ на мѣстѣ перваго алтаря, гдѣ принесъ благодарственную жертву праотецъ Ной, за спасеніе въ его семействѣ всего человѣческаго рода. Тогда объяснится самое видѣніе великаго Григорія: почему предпочтительно это мѣсто указано ему было, Единороднымъ Сыномъ Божіимъ, для приношенія безкровной его жертвы, тамъ гдѣ принесена была жертва образовательная Ноева.

Нынѣшній престолъ Единороднаго, съ четырьмя столбами изъ бѣлаго мрамора, которые поддерживаютъ его рѣзную сѣнь, устроенъ на мѣстѣ прежняго, Католико-

сомъ Аствацатуромъ или Богданомъ, въ началѣ минувшаго столѣтія; онъ же украсилъ мраморомъ и возвышеніе главнаго олтаря. Икона Божіей Матери на престолѣ Единороднаго, осыпанная драгоцѣнными камнями, есть первое приношеніе нынѣшняго Католикоса Нерсеса храму Эчміадзинскому, во время его управленія въ санѣ Архіепископа. Бронзовая рѣшетка окружаетъ престолъ Единороднаго, поднятый на двухъ ступеняхъ отъ помоста; другая рѣшетка поперегъ всей церкви, прикрѣпленная къ основнымъ ея столбамъ, отдѣляетъ среднюю часть ея отъ входной или трапезы; что весьма стѣснительно для народа, во время богослуженія, тѣмъ болѣе, что уже самъ по себѣ не обширенъ соборъ. По лѣвую сторону престола стоитъ у столба рѣзной, весьма нарядный тронъ, изъ драгоцѣннаго дерева, присланный Папою Иннокентіемъ. Тутъ обыкновенно становится Патріархъ, ибо ежедневное богослуженіе, утреннее и вечернее, бываетъ предъ среднимъ престоломъ.

Въ сѣверной и южной частяхъ собора,

гдѣ у насъ бываютъ обыкновенно врата, сооружены усердіемъ Католикоса Елеазара, два престола, во имя Архидіакона Стефана и Предтечи: оба однако обращены къ востоку, и сдѣлались необходимыми для посвященія архіерейскаго. Алтарь Предтечи поднятъ отъ помоста, на трехъ крутыхъ ступеняхъ, и стоитъ подъ сѣнію, въ углубленіи стѣны, на которой написаны Святители Греческіе и верховные Апостолы. Тутъ обыкновенно приготовляютъ новопоставляемаго Архіерея къ посвященію, и собираются около него свидѣтели духовнаго сана, долженствующіе засвидѣтельствовать предъ лицемъ Церкви, о чистотѣ его жизни и служенія. Противуположный престолъ Архидіакона, совершенно одинаковаго устройства, возвышается на семи ступеняхъ, и вокругъ него написаны на стѣнѣ Католикосы Армянскіе, собственно изъ рода великаго Григорія, которые были ближайшими его преемниками: два сына его, Аристагесъ и Вартанъ, и два великихъ правнука, Нерсесъ и Исаакъ. Подлѣ сего престола ставится, въ день посвященія ар-

хіерейскаго, каѳедра Католикоса и по сторонамъ его садятся двѣнадцать Епископовъ, что-бы выслушать исповѣданіе вѣры рукополагаемаго; онъ идетъ къ нимъ, или лучше сказать ползетъ на колѣняхъ, отъ самаго престола Предтечи, и подымаясь также на колѣнахъ, по ступенямъ Стефанова, на каждой изъ нихъ произноситъ особенную молитву; но самое рукоположеніе совершается во время литургіи, на главномъ алтарѣ, послѣ Херувимской пѣсни. На престолѣ Архидіакона приготовляется также проскомидія, если служитъ самъ Католикосъ, и тамъ происходитъ посвященіе іереевъ и діаконовъ, если не самъ онъ ихъ рукополагаетъ, ибо таково преимущество Католикосовъ. Священниковъ и діаконовъ, вопреки каноновъ соборныхъ посвящаютъ нѣсколько вдругъ, на одной литургіи, по обычаю заимствованному у Римлянъ. Достойно вниманія и то, что хотя есть еще три другихъ, такъ называемыхъ Патріарха, въ Церкви Армянской, а именно въ Константинополѣ, Іерусалимѣ и Цисѣ, которые мало по малу пріобрѣли себѣ титло сіе и права,

ни кто изъ нихъ однако не можетъ посвятить Епископа; а если бы и посвятилъ, рукоположеніе не будетъ признано законнымъ, ибо оно должно совершаться только въ Эчміадзинѣ, отъ руки Католикоса, равно какъ только имъ однимъ можетъ освящаться муро: эта необходимость, сосредоточенная въ обители Св. Григорія, служитъ крѣпкою связью, не только вѣрѣ, но и народности Армянской. Въ бытность мою Патріархъ Нерсесъ едва согласился признать одного Епископа, посвященнаго въ Цисѣ во время между патріаршества, и призналъ потому только, что Цисскій присалъ рукоположеннаго имъ въ Эчміадзинъ, испросить ему утвержденіе, извиняясь въ своемъ поступкѣ необходимостію.

Есть еще два престола, во имя Просвѣтителя Григорія и Апостоловъ, братьевъ Зеведеевыхъ, которые устроилъ по обѣимъ сторонамъ главнаго алтаря, Католикосъ Аврамъ; но они, по тѣснотѣ своей, неудобны для богослуженія; на нихъ большею частію совершается только проскомидія, когда бываетъ служба на главномъ. По особенному

чиноположенію Церкви Армянской, рѣдко находится жертвенникъ при главномъ престолѣ, если есть другой въ томъ же храмѣ, ибо въ такомъ случаѣ, онъ заступаетъ мѣсто жертвенника. Главный престолъ Эчміадзинскаго собора празднуетъ успенію Божіей Матери, какъ и большая часть храмовъ Арменіи, предпочтительно посвященныхъ Пречистой Дѣвѣ, и это весьма замѣчательно. На Востокѣ вообще, болѣе чествуется день успенія, особенно въ соборахъ и обителяхъ, на память собора Апостольскаго, сошедшагося отъ концевъ вселенной, для торжественнаго погребенія Богоматери; но въ Арменіи даже рѣдко можно найти церковь, празднующую иному дню. Нѣтъ слишкомъ богатыхъ украшеній на престолѣ; вся лучшая утварь расхищена была въ смутную эпоху войнъ Персидскихъ и Турецкихъ, когда Эчміадзинъ переходилъ изъ рукъ въ руки, и Шахи заставляли Католикосовъ платить тяжкую дань, за свое избраніе или соперничество. Иконостасъ, вставленный въ углубленіи поверхъ престола, пожертво-

ванъ недавно усердіемъ Смирнскихъ Армянъ; онъ искусно вырѣзанъ изъ дерева и на немъ расположены въ четыре яруса, малыя иконы, въ серебренномъ окладѣ, изображающія Праотцевъ и Апостоловъ, страсти Господни и видѣніе Св. Григорія. На вершинѣ его стеклянный образъ Божіей Матери, принесенъ изъ Индіи Католикосомъ Ефремомъ.

Позади есть тѣсное пространство, гдѣ совершается ходъ съ евангеліемъ, во время литургіи, ибо этотъ престолъ не прислоненъ къ стѣнѣ какъ прочіе; по сторонамъ его двѣ двери открываются въ перегородкѣ, украшенной иконами, которая раздѣляетъ поперегъ все возвышеніе алтаря и представляется въ видѣ иконостаса. На холстѣ его изображены, весьма грубою кистію, успеніе, вѣнчаніе и взятіе на небо Божіей Матери; на сѣверныхъ и южныхъ дверяхъ Апостолы Варѳоломей и Ѳаддей, а впереди, на аркѣ алтарной, Святители Николай и Василій, Исаакъ Парѳянинъ и Месробъ, изобрѣтатель буквъ Армянскихъ. Возвышеніе алтаря, называемое

по Армянски бемъ, отъ Греческаго слова вима, на которое можно взойти только съ боковъ, украшено съ лицевой стороны мраморомъ, съ изображеніемъ двѣнадцати Апостоловъ и двухъ діаконовъ, первомученика Стефана и Филиппа. Предъ алтаремъ, у лѣваго столба, поставлена другая каѳедра рѣзная, оклеенная перламутромъ, съ раззолоченною сѣнію; ее устроилъ Католикосъ Аствацатуръ, и такою же рѣзьбою съ перламутромъ отличаются двери обѣихъ ризницъ, по сторонамъ главнаго алтаря. Въ одной изъ нихъ хранятся святыя мощи, а въ другой облачаются священнослужители. Весь соборъ расписанъ внутри не весьма давно, при Католикосѣ Лукѣ, и не отличается хорошею живописью. Тутъ совокуплены лики всѣхъ великихъ святыхъ Церкви Армянской, начиная съ Просвѣтителя; тутъ же и два Григорія, прославившіеся своими учеными трудами, Татевскій и Нарекенскій, и лѣтописецъ Моисей Хорренскій, и два Нерсеса, Благодатный и Ламбронскій, вмѣстѣ съ пустынно-жителями и сонмомъ благочести-

выхъ Царей, каковы Константинъ и Ѳеодосій, Авгаръ и Тиридатъ. Надъ западными вратами написанъ Апостолъ Ѳома, влагающій руку свою въ божественное ребро, пронзенное копіемъ, въ знаменіе того, что оно хранится въ соборѣ Эчміадзинскомъ. Старыхъ же иконъ, прославленныхъ чудесами, не встрѣтилъ я нигдѣ, въ видѣнныхъ мною обителяхъ Армянскихъ, когда напротивъ того Греческія и Грузинскія церкви, доселѣ славятся ими, какъ лучшимъ своимъ сокровищемъ.

Обширный дворъ около собора, средоточіе всего монастыря, окруженъ съ трехъ сторонъ покоями Патріаршими и келліями Епископовъ и Архимандритовъ, составляющихъ братство Эчміадзинское, ибо тамъ нѣтъ почти іеромонаховъ. Двойная длинная трапеза, лѣтняя и зимняя, болѣе чѣмъ на двѣсти человѣкъ, съ каменными скамьями и столами, тянется вдоль южной стѣны двора, свидѣтельствуя о прежнемъ многолюдствѣ. Еще три двора, кромѣ патріаршаго, прилегаютъ съ юга и востока къ главному, и тамъ помѣщаются, въ мно-

гочисленныхъ келліяхъ, приходящіе богомольцы, училище и службы монастырскія. Источникъ свѣжей воды проведенъ подъ основаніе собора: образуя малый водоемъ на гостинномъ дворѣ, выходитъ онъ, подъ именемъ Кан-кана, или текущей воды, въ близь лежащій садъ монастырскій, весьма скудный зеленью. Не богата ею и самая обитель; нѣсколько развѣсистыхъ ивъ, и особеннаго рода яворовъ, на среднемъ дворѣ и на патріаршемъ, немного виноградныхъ лозъ, взбирающихся по стѣнамъ архіерейскихъ келлій: вотъ все что утѣшаетъ взоръ внутри ограды, въ палящіе дни, когда можно найти себѣ облегченіе только въ прохладѣ собора. Кругомъ стѣнъ монастырскихъ, пустая равнина, не представляетъ никакого развлеченія или прогулки, исключая одного довольно пространнаго виноградника, подлѣ церкви Св. Рипсимы.

ГАЯНА, РИПСИМА, ШОГАКАТЪ.

Въ первый день моего пріѣзда я вышелъ подышать свѣжимъ воздухомъ за южную ограду, къ которой прилегаетъ братское кадбище, осѣненное деревьями. Вечеръ былъ тихій и очаровательный; солнце склонялось за Араратъ; пурпурный паръ наполнялъ всю необъятную равнину, простертую у его подошвы, и всѣ окрестныя горы облеклись необычайнымъ свѣтомъ: это придавало особенную торжественность картинѣ, уже и безъ того величественной, по всемірнымъ воспоминаніямъ потопа. Сосѣдняя обитель Гаяны приняла

меня въ свою мирную ограду. Основанная великимъ Григоріемъ, она испытала столько же бурь военныхъ, сколько и его престольный храмъ, и была разрушена Персами, въ первое столѣтіе своего существованія. Ее поднялъ изъ развалинъ Католикосъ Эздра, близкій намъ по общенію, котораго искалъ съ православными, во время походовъ Императора Ираклія противъ Персовъ. Католикосъ Филиппъ, оставившій по себѣ благую память, обновилъ обитель въ половинѣ XVII вѣка, и тридцать лѣтъ спустя Елеазаръ построилъ въ ней паперть, съ двумя придѣлами во имя верховныхъ Апостоловъ. Портретъ его написанъ на столбѣ сей паперти, близъ его гроба, и въ память усопшаго изсѣченъ на стѣнѣ узорный крестъ съ арабесками. Католикосы Армянскіе, послѣднихъ трехъ столѣтій, предпочтительно избирали себѣ усыпальницею паперть блаженной Гаяны, вѣроятно по ея близости къ обители Эчміадзинской и къ общему кладбищу братіи. Здѣсь погребенъ и Лазарь, испытанный многими бѣдствіями, при Шахъ-Надирѣ, и уважа-

емый за свою добродѣтель Іаковъ, Симеонъ и Лука, при которыхъ процвѣтала обитель, и возмутившіе ее своими происками Іосифъ Аргутинскій и Давидъ. Предпослѣдній Католикосъ Ефремъ, по смиренію, просилъ, чтобы его погребли на общемъ кладбищѣ, и доселѣ туда ходятъ многіе поклониться его праху.— Внутри самой церкви не представляется ничего замѣчательнаго; четыре столба поддерживаютъ куполъ, стѣны обнажены, алтарь украшенъ новыми иконами. Главный престолъ празднуетъ также успенію Божіей матери, и съ правой стороны есть въ углубленіи малый придѣлъ, во имя мученицы Гаяны, изъ котораго спускаются, чрезъ тѣсное отверстіе, въ подземелье; тамъ положены были, великимъ Григоріемъ, мученическіе остатки сей блаженной наставницы и двухъ съ нею пострадавшихъ дѣвъ; гробовая келлія ихъ внушаетъ благоговѣніе, напоминая собою подземелья Палестинскія, исполненныя костями святыхъ.

На другой день вышелъ я изъ сѣверныхъ воротъ Эчміадзина, по направленію

двухъ обителей, Рипсимы и Шогакатъ. Онѣ лежатъ за версту отъ царственнаго селенія Вагаршапатъ, которое сохранило только слѣды восточной стѣны бывшаго города. Ближе къ нему обитель св. Маріамны или Шогакатъ, имѣющая одно названіе съ Эчміадзиномъ, потому что съ сего мѣста видѣлъ Св. Григорій, какъ падали лучи свѣта на мѣсто престола Единороднаго. Церковь сія болѣе другихъ пострадала и Католикосъ Нагапетъ, избравшій ее для своего потребенія, выстроилъ совершенно новую на развалинахъ прежней, въ 1697 году. Она менѣе прочихъ, и въ ней нѣтъ подземелья, но съ правой стороны алтаря показываютъ въ придѣлѣ гробницу блаженной Маріамны. На главномъ алтарѣ есть замѣчательный по своей древности складной образъ страстей Господнихъ, письма Греческаго, подобныхъ которому я не видалъ въ церквахъ Армянскихъ. Не далеко отъ ограды остатки церкви, сооруженной по преданіямъ, на самомъ мѣстѣ жительства блаженныхъ дѣвъ.

Обитель Св. Рипсимы отстоитъ на вер-

женіе камня отъ Шогакатъ, и по своему зодчеству мало уступаетъ собору Эчміадзинскому, будучи также украшена пятью главами и колокольнею. И она много пострадала отъ времени и враговъ, послѣ великаго своего основателя. Правнукъ его, Исаакъ Парѳянинъ, обновилъ ее въ послѣднихъ годахъ четвертаго вѣка; но двѣсти лѣтъ спустя опять перестроилъ ее Католикосъ Комитасъ и, найдя въ подземельи мощи святыхъ дѣвъ, съ печатью просвѣтителя на ихъ ракѣ, приложилъ къ нимъ и собственную; а въ половинѣ XVII вѣка благочестивый Филиппъ, видя совершенный упадокъ обители, еще однажды обновилъ ее. Оба они погребены посреди церкви. Съ лѣвой стороны главнаго престола Богоматери есть спускъ, изъ темнаго придѣла въ подземелье, гдѣ погребена была царевна Рипсима, съ тридцатью двумя подругами; на гробницѣ еще показываютъ тѣ камни, которые брошены были на мученицу, когда снизу испекалась она малымъ огнемъ. Издавна глубокое благоговѣніе привлекало многихъ

богомольцевъ въ подземелье Св. Рипсимы; но во время нашествія Шахъ-Аббаса, два миссіонера Латинскіе, пользуясь запустѣніемъ обители, ночью вошли въ церковь и, выломавъ камни главнаго алтаря, извлекли изъ подъ него мощи Царевны. Два монаха Эчміадзинскіе застали ихъ въ минуту святотатства, и силою привели съ собою въ монастырь; но Католикосъ Мелхиседекъ съ равнодушіемъ смотрѣлъ на похищеніе святыни и уже, безъ его воли, другіе Епископы отняли у миссіонеровъ голову Царевны, которая съ тѣхъ поръ хранится въ ризницѣ соборной. Остатки мощей отобраны были у нихъ въ Испагани, по приказанію Шаха; однако онъ уступилъ имъ, цѣною золота, нѣкоторую часть ихъ.

Церковь Армянская почитаетъ блаженную Царевну Рипсиму началкомъ своего спасенія и потому совершаетъ память ея въ первый понедѣльникъ, послѣ отданія праздника сошествія Св. Духа, и въ слѣдъ за нею воспоминаетъ, во вторникъ, наставницу ея Гаяну. Такъ какъ каждая среда исключи-

тельно посвящена Божіей матери, равно какъ каждая пятница честному кресту а воскресенье самому Господу, и въ сіи дни уже не бываетъ у Армянъ празднованія святымъ, то память Маріамны и прочихъ дѣвъ, перенесена на четвергъ той же недѣли. Ближайшая суббота празднуетъ великому просвѣтителю Арменіи, а слѣдующее за ней воскресенье называется собственно Шоганатъ, т. е. изліяніе свѣта Христова на всю Церковь, и потому это есть общее торжество, какъ собора Эчміадзинскаго, такъ равно и всѣхъ церквей Армянскихъ, хотя, какъ я уже сказалъ, большая часть ихъ празднуетъ успенію Богоматери.

За двѣ версты отъ монастыря Рипсимы къ востоку, сохранились еще развалины храма, на томъ мѣстѣ, гдѣ синклитъ и народъ и самъ Царь Тиридатъ, встрѣтили святаго Григорія, послѣ его четырнадцатилѣтняго заточенія. Нерсесъ III, строитель, основалъ тутъ церковь Архангеловъ, во дни Императора Константія, внука Ираклiева, и положилъ подъ основаніе каждаго изъ четырехъ столбовъ ея, по частицѣ

мощей Просвѣтителя, принесенныхъ имъ изъ Царьграда. Но святыня сія не спасла храма отъ конечнаго разрушенія; и теперь еще на пустынномъ холмѣ, посреди обширной равнины Араратской, предъ лицемъ первопрестольной обители, видны печальныя развалины, которыя слывутъ въ народѣ подъ именемъ обрушенной церкви. Я просилъ Патріарха Нерсеса, оградить пространство между остатками четырехъ столбовъ, подъ коими мѣстное преданіе предполагаетъ мощи Святителя, и водрузить по срединѣ каменный крестъ, на память великаго Просвѣтителя Арменіи.

ЛИТУРГІЯ АРМЯНСКАЯ.

Въ церкви Армянской не положено совершать божественной литургіи, въ первые пять дней недѣли, какъ это бываетъ у насъ только во время великаго поста. Армяне изъясняютъ такое отсутствіе утѣшительнаго таинства евхаристіи, чрезвычайнымъ къ нему уваженіемъ, и дозволяютъ себѣ служить обѣдню только по субботамъ и воскресеньямъ, если не случится въ теченіи недѣли, какого либо большаго праздника Господа и Богоматери; въ прочіе же дни, въ замѣнъ литургіи, читаются у нихъ часы, т. е. третій, шестой и девятый, со-

единенные вмѣстѣ. Когда наступила суббота, я просилъ Патріарха, дать мнѣ случай видѣть богослуженіе Армянское, съ возможною отчетливостію, и вмѣстѣ съ тѣмъ позволить приложиться къ святымъ мощамъ, которыя хранятся въ сокровищницѣ Эчміадзинской. Милостиво принялъ онъ мою просьбу и велѣлъ Епископу, служить обѣдню на среднемъ престолѣ Единороднаго, чтобы я могъ удобнѣе наблюдать за ходомъ службы, а членамъ Сvнода показать мнѣ святыню, ибо они только одни имѣютъ это право.

Прежде начатія литургіи, я уже нашелъ собраніе Сvнода предъ боковымъ престоломъ Св. Григорія, на которомъ расположена была драгоцѣнная святыня. Съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія поклонился я предъ сими залогами первыхъ временъ Христіанства, которые чудно уцѣлѣли по-среди стольких бѣдствій, церковныхъ и гражданскихъ.— На возвышеніи алтаря, покрытомъ богатою парчею, стояло священное копіе, которымъ пронзено было нѣкогда божественное ребро нашего Искупителя,

и сердце мое, проникнутое радостнымъ чувствомъ вѣры, не хотѣло подвергать холодному испытанію копіе, какъ нѣкогда испытуемое ребро; я облобызалъ со страхомъ орудіе, источившее намъ во спасеніе кровь и воду, изъ пронзеннаго имъ ребра, какъ будто бы самъ видѣвшій и свидѣтельствовавшій о томъ Апостолъ, указывалъ мнѣ на сіе копіе. Мнѣ бы хотѣлось, въ ту минуту, слышать или произнести предъ нимъ тѣ пѣснопѣнія, которыми оно чествуется въ Церкви Армянской.

«Радуйся крылатый мечь Господній, обоюду острое лезвіе вѣры, ключь неисповѣдимыхъ благъ, источившій намъ воду и кровь, которыми крестимся и пріобщаемся, дабы въ насъ уготовилась обитель пресвятыя Троицы; тобою Христа да восхвалимъ, утвержденіе Церкви.»

«Радуйся цвѣтъ всехвальный, окрашенный кровію Господа Іисуса, искореняющій всѣ недуги и грѣховныя болѣзни; тобою явилъ себя Распятый, Богомъ и человѣкомъ, истинно мертвымъ и живымъ; чрезъ тебя увѣровалъ сотникъ, засвидѣтельство-

немъ его Божество; тобою Христа да восхвалимъ, утвержденіе Церкви.»

Преданіе Церкви Армянской гораздо древнѣе Римскаго, относящаго обрѣтеніе честнаго копія въ Антіохіи, ко временамъ крестовыхъ походовъ. Оно говоритъ, что Апостолъ Ѳаддей принесъ святыню сію въ Эдессу, къ исцѣленному имъ Царю Авгарю, вмѣстѣ съ нерукотворенною иконою Спасителя, и что съ тѣхъ поръ копіе всегда оставалось въ предѣлахъ Арменіи, большею частію въ обители Айриванкъ, а наконецъ перенесено въ первопрестольную обитель Эчміадзинскую, при водвореніи въ ней опять каѳедры Католикосовъ. По тому же преданію, крестообразное знаменіе на лезвіи копія, прорѣзано въ немъ рукою самаго Апостола, въ память креста Господня, и даже древо прикрѣплено было гвоздями, никѣмъ другимъ, кромѣ Апостола. Богатый серебренный кивотъ съ вычеканенными иконами, въ которомъ хранится теперь копіе, уже позднѣйшихъ времёнъ, ибо надпись на немъ свидѣтельствуетъ о усердіи могущественнаго Князя Ар-

мянскаго Проша, сына Васакова, пожертвовавшаго въ XIII вѣкѣ сію утварь обители Айриванкской.

По правую сторону сей первенствующей святыни стоялъ драгоцѣнный крестъ, съ частію честнаго древа, даннаго великимъ Константиномъ Царю Тиридату. По лѣвую позлащенный кивотъ, въ которомъ хранились частицы мощей Предтечи и Апостоловъ, въ разныя времена собранныя. Глава блаженной Рипсимы и четыре серебренныя руки, лежали также на алтарѣ; ибо у Армянъ есть обычай, вкладывать священные останки въ изваянія такого рода, чтобы благословлять ими народъ, какъ бы руками самихъ Святителей. Въ числѣ ихъ была десница Просвѣтителя Арменіи, которою рукополагаются его преемники; она повсюду слѣдовала за ними, и въ Двинъ, и въ Ани, и въ Цисъ, при перенесеніи ихъ каѳедры, и недавно возвращена изъ Испагани, куда увезъ ее одинъ изъ Католикосовъ, послѣ разворенія Персидскаго. Тутъ же и руки Апостоловъ Ѳаддея, и сына великаго Григорія, Аристагеса, и родствен-

ника его Св. Іакова Низивійскаго, который былъ на Араратѣ, и принесъ еще одно сокровище Церкви Армянской, доселѣ въ ней хранимое: это кусокъ отъ негніющаго древа ковчега Ноева. Преданіе мѣстное говоритъ, что Іаковъ желалъ взойти на вершину Арарата, дабы тамъ поклониться ковчегу, но никакъ не могъ достигнуть своей трудной цѣли, и подымаясь цѣлый день на гору, ночью обрѣталъся опять на прежнемъ мѣстѣ. Наконецъ утомленному явился, въ ночномъ видѣніи, Ангелъ и, вручивъ кусокъ желаемаго древа, велѣлъ оставить неудобоисполнимый помыслъ. Оно хранится въ серебренномъ окладѣ, вмѣстѣ съ другими сокровищами. Были между ними и еще частицы святыхъ мощей, Апостольскихъ и Мученическихъ; но я видѣлъ только одну древнюю икону, весьма грубо вырѣзанную на деревѣ, которая изображала снятіе со креста Господа, и, не знаю почему, приписывается свидѣтелю онаго Евангелисту Іоанну.

Покамѣстъ я прикладывался къ святынѣ, Епископъ, долженствовавшій служить ли-

тургію, отслушалъ въ палатіи часы; у средняго престола Единороднаго, и я последовалъ за нимъ въ тѣсную ризницу, по лѣвую сторону главнаго престола, гдѣ онъ сталъ облачаться; а между тѣмъ хоръ клириковъ сталъ противъ затворенныхъ дверей ризницы, и, во время облаченія, пѣлъ соотвѣтствовавшій оному гимнъ. Облаченія Епископовъ и священниковъ Армянскихъ различествуютъ одно отъ другаго, только митрою и омофоромъ; они суть смѣшеніе Греческáго съ Римскимъ, смотря потому какъ постепенно заимствовались различныя ихъ части, отъ той или другой Церкви. Но мнѣ показалось страннымъ, что прежде всякаго одѣянія, когда еще Епископъ не снималъ съ себя обычной рясы, на него надѣли и тотчасъ же сняли, нашу круглую митру, не какъ вѣнецъ святительскій, но во образъ шлема духовнаго, о коемъ упоминаетъ Апостолъ Павелъ, въ посланіи къ Ефесеямъ. Мнѣ пришло на мысль, что когда Епископы Армянскіе приняли отъ Латинянъ новую остроконечную ихъ митру и уступили древнее свое

украшеніе священникамъ и даже діаконамъ, имъ не хотѣлось однако совершенно съ нимъ разстаться, и, въ память минувшаго они еще надѣваютъ прежнюю митру, хотя на одну минуту, при началѣ своего облаченія.

Въ слѣдъ за митрою имъ возлагаютъ на голову вакасъ или навыйникъ, если только позволено, по сходству предмета, назвать такимъ образомъ сію часть облаченія, собственно Армянскаго; онъ окованъ золотомъ, съ вычеканенными на немъ ликами двѣнадцати Апостоловъ, и по окончаніи облаченія, спускается на шею и рамена, изображая, по толкованію Армянскому, нѣчто въ родѣ эфода, съ именами двѣнадцати колѣнъ Израилевыхъ, который носили Первосвященники. Но мнѣ кажется, что и это есть часть одѣянія Латинскаго, только болѣе украшенная, а именно то покрывало или amictum, которое каждый священникъ надѣваетъ себѣ, сперва на голову, а потомъ, въ видѣ капишона, спускаетъ на плечи. Подризникъ, эпитрахиль, поясъ и поручи Греческіе; вмѣсто палицы привязывается къ поясу шел-

ковый платъ, изъ котораго первоначально образовалась палица архіерейская. Епископы Армянскіе удержали въ своемъ облаченіи фелонь, то есть верхнюю ризу, ибо до нихъ не дошелъ позднѣйшій обычай Греческій, носить саккосъ, который употребляли сперва одни Патріархи Царьграда; но ихъ фелонь приняла форму Латинской ризы, pluviale, вмѣсто Греческой, и застегивается пряжкою на груди. Омофоръ однако совершенно Греческій и этому есть причина: на Востокѣ онъ служитъ исключительнымъ знаменіемъ архіерейства, а на Западѣ выражаетъ только милость Папы и дается однимъ старшимъ Архіереямъ; по этому младшіе не хотѣли лишиться своего существеннаго облаченія и удержали восточное. Что касается до митры, то она чисто Латинская, и какъ извѣстно по исторіи, первая была прислана въ даръ Папою Лукіемъ Католикосу Григорію IV, въ 1184 году, во времена крестовыхъ походовъ, а потомъ, равно какъ и перстень, сдѣлалась мало по малу достояніемъ всѣхъ Епископовъ.

Странно, почему предпочли они своему древнему украшенію, новое Латинское, тѣмъ болѣе что митра сія весьма неудобна, отъ двухъ принадлежащихъ ей и висящихъ позади лентъ, которыя надобно всякой разъ продѣвать подъ вакасъ, при снятіи и надѣваніи митры.—Такимъ образомъ Церковь Армянская, желая удержать свою отдѣльность, непримѣтно измѣнила внѣшнее облаченіе священнослужителей. Какъ я уже сказалъ прежде, четвертая династія Королей Армянскихъ, властвовавшихъ въ Сисѣ, много содѣйствовала къ введенію обычаевъ Римскихъ, по частымъ сношеніямъ съ Папами и Латинскими Королями Кипра, особенно въ XIII вѣкѣ. Гетунъ, одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ, нѣсколько разъ оставлявшій волею и неволею престолъ, управлялъ долгое время Армянскимъ народомъ, подъ рясою Францисканскаго монаха; нѣкоторые изъ его преемниковъ созывали соборы и старались насильственно водворить обряды западные, хотя духовенство и Католикосы того времени бо-

лѣе расположены были къ сближенію съ Греками, по духу обоихъ Нерсесовъ, Благодатнаго и Ламбронскаго. Константинъ III, одинъ изъ послѣднихъ властителей Арменіи, заплатилъ даже жизнію, при возмущеніи народномъ, за свое неосторожное рвеніе къ обрядамъ Римскимъ, но тѣмъ не менѣе они проникли въ Церковь.

Казалось бы, литургія Армянская, заимствованная Св. Григоріемъ, вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ духовнымъ, изъ Кесаріи, хотя и за нѣсколько лѣтъ до Василія Великаго, должна удержать его чиноположеніе, болѣе нежели Златоустово, или даже обѣ литургіи сихъ великихъ Іерарховъ могли бы сохраниться въ Церкви, которая была при своемъ началѣ, въ такомъ близкомъ сношеніи съ Кесаріею и Царьградомъ. Напротивъ того порядокъ обѣдни Армянской, хотя и близкій къ Греческому, имѣетъ свои особенности, перемѣшанныя съ нововведеніями Римскими. Вмѣсто трехъ литургій Православной Церкви, у Армянъ только одна, и въ ней есть много молитвъ Златоустовыхъ: ибо великій правнукъ Просвѣти-

теля, Исаакъ, содѣйствовавшій ученому Месробу, въ преложеніи Св. писанія съ Греческаго на свой родной языкъ, вскорѣ послѣ Златоуста, старался сообразить чинъ литургіи Армянской съ Греческою; да и въ послѣдствіи, о томъ же прилагали стараніе, нѣкоторые изъ Католикосовъ и духовныхъ лицъ Армянскихъ. Литургія же, преждеосвященныхъ даровъ вовсе не существуетъ въ Армянской Церкви, хотя о ней упоминается на помѣстномъ Лаодикійскомъ соборѣ, не много позже перваго Вселенскаго.

Когда Епископъ облачится въ ризницѣ, онъ выходитъ насредину церкви, предъ главный алтарь, омыть себѣ всенародно руки, съ предварительными молитвами. Ему предшествуютъ діаконы въ стихаряхъ, съ рипидами и хоругвями, и между ними одинъ пресвитеръ или архимандритъ въ подризникѣ, съ эпитрахилью и въ митрѣ, но безъ ризы. Такое полуоблаченіе странно, тѣмъ болѣе, что пресвитеръ не имѣетъ никакой особенной должности, ибо онъ не содѣйствуетъ при литургіи, какъ у

насъ священники, при служеніи архіерейскомъ. У Армянъ Епископъ и даже Патріархъ совершаетъ служеніе всегда одинъ, съ своимъ протодіакономъ, также какъ и простые іереи, а прочіе стоятъ только по сторонамъ и поютъ иногда вмѣсто клира. Этотъ порядокъ напоминаетъ Латинскій, ибо должно отдать безпристрастную справедливость богослуженію Православному, что только, оно по высокому образованію древнихъ своихъ Іерарховъ, умѣло согласить, въ одно стройное цѣлое, разнообразіе частей. Послѣ умовенія рукъ Епископъ восходитъ на возвышеніе алтаря, для совершенія проскомидіи, и за нимъ задергивается большая завѣса, во всю ширину алтаря, а хоръ становится у его подножія и поетъ молитвенный гимнъ.

Проскомидія, сама по себѣ, весьма коротка, ибо только приносятся на дискосѣ опрѣсноки, по обычаю Римскому, вмѣсто квасного хлѣба, а не вынимаются, какъ у насъ, части изъ просфоръ за живыхъ и усопшихъ; въ чашу же вливаютъ одно

только вино, не растворенное водою, по обычаю исключительно Армянскому, и что довольно странно, на этотъ разъ, главный престолъ служилъ жертвенникомъ. Предъ начатіемъ литургіи, Епископъ, сопровождаемый и предшествуемый своимъ клиромъ, съ рипидами и хоругвями, обходитъ и кадитъ всю церковь, держа въ рукахъ животворящій крестъ, которымъ осѣняетъ онъ и во время обѣдни, при каждомъ возгласѣ до Херувимской пѣсни. Шествіе совершается противуположно нашему, то есть по солнцу, такъ какъ и крестное знаменіе Армяне полагаютъ одинаково съ Римлянами, сперва на лѣвое плечо а потомъ уже на правое.

Во время сихъ приготовительныхъ обрядовъ, Патріархъ взошелъ въ церковь, въ лиловой короткой мантіи, и сталъ на свою каѳедру, присланную изъ Рима Папою Иннокентіемъ. Въ продолженіе литургіи, я слѣдовалъ за ея ходомъ, по Русскому переводу бывшаго Католикосомъ Іосифа Аргутинскаго. Служащій Епископъ сталъ на ступени средняго престола Единороднаго;

протодіаконъ и прочіе клирики стояли по правую сторону, пѣвчіе же за рѣшеткой въ церковной трапезѣ. Божественная литургія началась, какъ и у насъ, благословеніемъ царства Пресвятыя Троицы; вслѣдъ за тѣмъ лики воспѣли антифонъ: «Единородный Сыне и Слове Божій», который въ нашей литургіи помѣщенъ гораздо позже, послѣ великой актеніи и пѣнія избранныхъ псалмовъ. Такъ какъ торжественный гимнъ сей, сложенный Императоромъ Іустиніаномъ, вошелъ, въ числѣ антифоновъ, въ составъ литургіи, не ранѣе VI вѣка: то замѣтно, что Армянская Церковь затруднялась, куда помѣстить его, и вставила при самомъ началѣ. Это свидѣтельствуетъ однако, что еще сто лѣтъ послѣ Халкидонскаго собора, бывшаго камнемъ преткновенія и виною раздора, Армяне не боялись заимствовать свои молитвы отъ Грековъ. Краткая эктенія слѣдуетъ за симъ гимномъ, но предъ каждымъ возгласомъ, оканчивавшимъ тайную молитву Епископа, діаконъ предварялъ словами: «благослови Владыко» и священнослужащій, съ желаніемъ мира, осѣнялъ

крестомъ. Такія осѣненія повторяются часто въ продолженіи литургіи. Должно замѣтить также, что краткія прошенія эктеніи произноситъ діаконъ, а болѣе пространныя, имѣющія видъ молитвы или гимна, читаются или поются всѣмъ клиромъ священниковъ и діаконовъ.

Праздничные антифоны слѣдуютъ за первою краткою эктеніею, и евангеліе обносится діакономъ вокругъ престола, при молитвѣ Епископа: о входѣ святыхъ Ангелъ съ сослужащими въ олтарь. Она взята изъ нашего служебника, хотя тутъ собственно не бываетъ никакого входа: Епископъ остается на мѣстѣ, а діаконъ только обходитъ престолъ, съ рипидами и свѣтильниками; но такъ какъ это есть подражаніе малому входу, бывающему въ нашей литургіи, то и молитва употребляется таже.

Не смѣю утверждать, потому что для этого надобно имѣть вѣрныя доказательства, но такого рода молитвы и самое расположеніе олтарей, которые по необходимости принуждены были удержать завѣсу, даютъ поводъ думать, что и у Армянъ

они изначала были также заграждены; только теперь у нихъ иконостасы отодвинуты и стоятъ на одной линіи съ престоломъ, посему и замѣняются завѣсою. Здѣсь также подѣйствовало вліяніе Римлянъ; ибо достойно вниманія то, что у Коптовъ и Сиріянъ, равно какъ у всѣхъ Восточныхъ исповѣданій, удержаны иконостасы. Нынѣшняя смѣсь ихъ облаченій церковныхъ, полувосточныхъ полузападныхъ, и новизна всѣхъ иконъ, писанныхъ на холстѣ, по обычаю западному, съ ликами верховныхъ Апостоловъ, свидѣтельствуетъ въ пользу моего предположенія, которое однако не могу выдавать за совершенно истинное. Сѣверныя и южныя двери сего иконостаса, въ томъ видѣ, какъ онѣ теперь находятся по обѣимъ сторонамъ престола, и положеніе жертвенника за иконостасомъ, въ тѣхъ церквахъ, гдѣ по неимѣнію другаго престола, дѣлается необходимымъ особый жертвенникъ, обличаетъ также прежнее устройство олтарей. Да и можно ли предполагать, чтобы великіе святильники, каковы были Григо-

ріи и Нерсесы, приняли безотчетно въ чинъ своей литургіи, молитвы, которыя видимо противуречатъ существенному устройству ихъ церквей, тѣмъ болѣе что не всѣ молитвы Греческія, а только нѣкоторыя, вошли въ составъ литургіи Армянской?

Все сіе говоритъ доселѣ въ пользу древняго союза и сходства обѣихъ Церквей; но вотъ гдѣ является разность: въ прославленіи неизреченнаго имени Божія, Трисвятою пѣснію! — Она возглашается торжественно, послѣ хода съ евангеліемъ вокругъ престола, при потрясеніи рипидъ, которымъ знаменуется трепетъ крилъ Серафимовъ, воспѣвающихъ славу Трисвятаго Бога, и этотъ шумъ серебряныхъ рипидъ, хотя и странный для непривыкшаго слуха, не былъ мнѣ непріятенъ. Но горько было слушать прибавленіе словъ: «распятый за насъ» къ славословію Пресвятыя Троицы. Знаю, что мнѣ скажутъ Армяне: «мы относимъ пѣснь сію ко второму Лицу, а не ко всей Троицѣ; мы не полагаемъ, что Божество страдало, и вѣруемъ, что человѣческая только природа Богочеловѣка терпѣ-

ла за насъ мученіе. Если угодно принимаю сіе объясненіе, но тѣмъ не менѣе сожалѣю о разногласіи, когда это у нихъ не догматъ, а только старый обычай.

Но если этотъ обычай, или лучше сказать одно слово, бросаетъ на нихъ непріятную тѣнь сомнѣнія и смущаетъ всю Церковь, равно Восточную и Западную, которыя искони привыкли воспѣвать сію пѣснь во славу Святыя Троицы: то прилично ли однимъ Армянамъ держаться сего прибавленія, которое служитъ камнемъ преткновенія, когда мы видимъ, что они приняли многіе обряды отъ Грековъ и отъ Латинъ? Не хочу и не мѣсто здѣсь входить въ богословское преніе о томъ, какое употребленіе правильнѣе, хотя свидѣтельство столькихъ вѣковъ и великихъ Церквей, показываетъ на чьей сторонѣ правда; но если сами Армяне утверждаютъ, что дѣло не въ догматѣ, а въ словахъ, то согрѣшая противъ братьевъ своихъ, по словамъ Апостола Павла, не грѣшатъ ли они противъ самаго Господа? Не такъ дѣйствовалъ Апостолъ, но исполненный любви, въ

вещахъ меньшей важности, чтó писалъ онъ къ Коринѳянамъ? «Если пища соблазняетъ брата моего, не стану ѣсть мяса во вѣки, что бы не соблазнить брата моего» (1. Кор. VIII. 13.) Здѣсь же дѣло не о тлѣнной пищѣ, но о единствѣ прославленія имени Божія, и тутъ ли мѣсто самолюбію или упорству, отъ которыхъ раздирается нешвенный хитонъ Господа нашего Іисуса, когда одно отброшенное слово, не нарушая догмата, можетъ сблизить разъединенное?

Не смотря на различіе въ славословіи, слѣдующая за нимъ молитва Епископа: «Боже святый, иже во святыхъ почиваяй» опять взята изъ служебника Греческаго, и мудрено невѣрить, чтобы въ началѣ самое славословіе не было сходно съ нашимъ, если одинаковы предшествующія и послѣдующія ему молитвы. Великая эктенія, которая у насъ положена при началѣ литургіи, возглашается у Армянъ послѣ Трисвятой пѣсни, и за тѣмъ слѣдуетъ чтеніе двухъ паремій, Апостола и Евангелія. «Вонмемъ» говоритъ діаконъ, обращаясь съ Евангеліемъ къ народу, и ликъ отвѣтствуетъ: «глаголетъ Богъ.»

Тутъ поется, по Римскому обычаю, символъ вѣры, но не совершенно тотъ который былъ составленъ Св. Отцами, на вселенскихъ соборахъ въ Никеи и Царьградѣ, и принятъ всею Церковью, равномѣрно и Армянскою. Хотя она также называетъ его Никейскимъ, однако въ немъ есть прибавленія, православныя это правда, но не существующія въ подлинникѣ. Подобно Никейскому оканчивается онъ анаѳемою противъ неправомудрствующихъ о Сынѣ Божіемъ, и тѣ же выраженія примѣнены къ искажающимъ догматъ о Духѣ Святомъ, чего однако нѣтъ въ Никейскомъ символѣ, ибо тогда не было еще сей ереси. Не знаю, какимъ образомъ и когда, взошелъ сей новый символъ въ Церковь Армянскую, которая пріемлетъ однако правило третьяго вселенскаго собора Ефесскаго, строго запрещающее что-либо измѣнять въ символѣ. Что касается до времени его возглашенія, то Православная Церковь, охраняя тайны своего исповѣданія отъ невѣрующихъ и оглашенныхъ, благоразумно положила, прежде времени она-

го, изгонять ихъ и даже заключать двери церковныя, при чтеніи символа. Это знаменуется словами діакона: «двери, двери, премудростію вонмемъ». Измѣнившіе же сей таинственный порядокъ въ литургіи Армянской, не вникли въ глубину созерцаній великихъ Святителей Василія и Златоуста, и нарушили постепенность священнодѣйствія, какъ въ этой такъ и въ другихъ частяхъ литургіи. Но возгласъ діаконскій: «двери, двери», сохранился и у нихъ, хотя уже безъ всякой мысли, какъ бы только для указанія того мѣста, откуда былъ вынутъ символъ.

Послѣ того діаконъ произноситъ эктенію, составленную отчасти изъ тѣхъ прошеній, которыя у насъ отнесены ко второй половинѣ обѣдни: о мирномъ провожденіи дня, о Ангелѣ хранителѣ и пр. и ликъ отвѣтствуетъ, какъ и у насъ: «подай Господи». Тогда уже изгоняются оглашенные, маловѣрные, кающіеся и неочищенные, и ликъ поетъ, довольно странно, когда еще не только не было освященія даровъ, но даже и перенесенія ихъ на

престолъ: «тѣло Господне и кровь Спаси-
«теля предъ нами суть; небесныя Силы
«невидимо поютъ: святъ, святъ, святъ Го-
«сподь силъ». Что же это означаетъ? Армяне слышали, какъ у Грековъ поютъ, на преждеосвященной обѣдни, когда переносятся дары, уже преждеосвященные: «нынѣ Силы небесныя съ нами невидимо служатъ, се бо входитъ Царь славы, се жертва тайная совершенна дорvносится» и они вставили у себя эту пѣснь, измѣнивъ ее по своему, предъ самымъ перенесеніемъ даровъ, не вникнувъ, что у нихъ дары тогда еще не освящены, и что потому еще нельзя говорить: «тѣло Христово и кровь Спасителя предъ нами». Многіе изъ нихъ теперь объясняютъ, будто слова сей пѣсни относятся къ будущему. Не въ духѣ обличенія и укоризны, но съ любовію указываю на это безпристрастнымъ судіямъ.

Херувимская пѣснь не всегда поется на литургіи Армянской, а только въ случаяхъ торжественныхъ; въ обыкновенныхъ же службахъ замѣняется другими собственными ихъ гимнами; но тайная молитва

Епископа, при перенесеніи даровъ, во всей цѣлости заимствована изъ служебника Златоустова: «никто же достоинъ отъ связавшихся плотскими похотьми или сластьми, приходити или приближатися, или служити тебѣ Царю славы.» Если даже и не Епископъ, а простой іерей, совершаетъ службу, онъ не отходитъ отъ престола за дарами: это перенесеніе совершенно предоставляется діаконамъ. Разность служенія Епископа съ іерейскимъ состоитъ и въ томъ, что до Херувимской пѣсни онъ осѣняетъ народъ крестомъ, а потомъ только рукою, священникъ же всегда осѣняетъ безъ креста; оба снимаютъ въ это время и до конца литургіи свои митры. Между тѣмъ весь клиръ, при пѣніи гимна и кажденіи еиміама, съ потрясеніемъ рипидъ, участвовалъ въ перенесеніи даровъ, отъ главнаго престола служившаго жертвенникомъ къ среднему, и это шествіе весьма торжественно, не смотря на то, что пѣніе Армянское непріятно для непривыкшаго слуха.—Хоругви, лампады и рипиды предшествуютъ діакону, который несетъ закрытый

дискосъ на потиръ, покрытые воздухомъ, и, съ возвышенія алтаря, показываетъ ихъ народу; молитвенно пріемлетъ ихъ Епископъ и ставитъ на престолъ, безъ всякихъ поминовеній, а потомъ, омывъ себѣ руки, приступаетъ къ совершенію даровъ.

Трогательно возглашеніе діакона, или лучше сказать всего клира, который убѣждаетъ: «съ вѣрою и страхомъ стать на молитву, предъ святою трапезою, не съ сомнѣніемъ, но съ чистымъ умомъ и сердцемъ и добрыми дѣлами, дабы обрѣсти благодать помилованія, на второмъ страшномъ пришествіи Христовомъ.» Тогда, услышавъ привѣтствіе мира изъ устъ Епископа, онъ приглашаетъ всѣхъ цѣловать другъ друга, а не могущихъ пріобщиться божественнымъ тайнамъ, изыти и внѣ двери помолитися. Цѣлованіе идетъ отъ Епископа и діакона ко всѣмъ клирикамъ, которые обнимаются между собою говоря: «Христосъ посреди насъ явися.» Канонъ литургіи, то есть самый порядокъ освященія даровъ, сходенъ съ нашимъ, по духу тайныхъ молитвъ іерейскихъ, которыя составлены, частію изъ

Златоуста и почти одинаковы въ возгласахъ. Однако, вопреки общему уставу литургіи, равно Восточной и Западной, не священнодѣйствующій, а діаконъ внушаетъ молящимся: «возвыситъ горѣ умъ свой, и благодаритъ Господа всемъ сердцемъ». Послѣ пѣнія: «достойно и праведно есть», почти совершенно водворяется порядокъ литургіи Православной, Серафимскою пѣснію: «Святъ, святъ, святъ, Господь Саваоѳъ,» и произношеніемъ словъ Господнихъ надъ хлѣбомъ и чашею, и самымъ возношеніемъ обоихъ: «Твоя отъ твоихъ тебѣ приносяще, о всѣхъ и за вся», и наконецъ тайнымъ на нихъ призываніемъ Св. Духа, съ нѣкоторыми только измѣненіями въ словахъ.

Замѣчательно, что здѣсь Армяне не уступили Римлянамъ и сохранили прежнее православное освященіе даровъ, не словами Господа: «пріимите и ядите», не какъ бываетъ у насъ, собственно призываніемъ Св. Духа, *для* ихъ преложенія. Только ликъ, кромѣ обычнаго «аминь» поетъ, прежде возношенія даровъ, умилительные стихи: «Отче небесный, иже далъ Сына своего на смерть

за ны, яко должника долговъ нашихъ, молимся тебѣ, ради изліянія крове его, помилуй сіе твое словесное стадо»; а послѣ возношенія и освященія: «Душе святый, иже сходяй съ небеси, совершающій таинство сославимаго съ тобою, руками нашими, изліяніемъ крови его, молимъ тя упокой души усопшихъ нашихъ».

Сія часть литургіи Армянской представлялась мнѣ наиболѣе трогательною, по гласному поминовенію усопшихъ въ Бозѣ святыхъ. Почти такое же, но только тайное поминовеніе, совершается въ то же время и у насъ, и еще прежде оно бываетъ на проскомидіи: потому и вставлено у нихъ здѣсь то что было пропущено при началѣ. Епископъ воспоминаетъ сперва пречистую Дѣву, но вмѣстѣ съ нею Предтечу и, не знаю почему, мимо Апостоловъ, первомученика Стефана. Потомъ уже діаконъ, ставъ по правую сторону престола, воспоминаетъ Апостоловъ, Пророковъ, Мучениковъ, Патріарховъ и всѣхъ святыхъ Епископовъ, іереевъ и діаконовъ: «да будетъ память

ихъ въ сей литургіи»; а хоръ ему отвѣтствуетъ: «помяни Господи и помилуй». Онъ называетъ далѣе первыхъ проповѣдниковъ Арменіи, Варѳоломея и Ѳаддея, великаго просвѣтителя ея Григорія и все его семейство до великихъ Нерсеса и Исаака, Месроба изобрѣтателя буквъ, Григорія Нарекенского и Нерсеса благодатнаго, и послѣдователей сего великаго мужа и его брата Григорія, много трудившихся для соединенія церквей. Пріятно также слышать имена святыхъ отшельниковъ, равно Греческихъ и Армянскихъ; и вѣрныхъ Царей Авгара и Константина, Тиридата и Ѳеодосія. Наконецъ произноситъ молитву о всѣхъ вѣровавшихъ мужахъ и женахъ, старцахъ и младенцахъ, усопшихъ во Христѣ; а ликъ непрестанно возглашаетъ: «помяни Господи и помилуй».

Достойно особеннаго вниманія, что въ числѣ поминаемыхъ на каждой литургіи, всею Церковью Армянской, находится Св. Григорій, настоятель обители Нарекенской, прославленный своимъ благочестіемъ и образованіемъ духовнымъ въ X вѣкѣ, коего

гимны поются въ Церкви, и который былъ гонимъ противниками Халкидонскаго собора, за свою приверженность къ его догматамъ, какъ это видно изъ его житія. Онъ долженъ былъ бѣжать изъ столичнаго города Ани и одно только чудо, имъ совершенное предъ лицемъ обвинителей, спасло его отъ осужденія. О немъ говоритъ, какъ о Ангелѣ во плоти, другой благочестивый ревнитель союза, Нерсесъ Епископъ Ламбронскій, уважаемый своею Церковью, и на него ссылается, въ доказательство единомыслія Армянъ съ Греческою. Да и Католикосъ Нерзесъ благодатный, съ братомъ своимъ Григоріемъ, споспѣшествовавшіе къ церковному единству, во дни Императора Мануила, и послѣдователи ихъ, гласно поминаемые на литургіи, подъ именемъ Нерсесіянъ и Григоріянъ, не свидѣтельствуютъ ли въ пользу мира?

Когда окончено поминовеніе усопшихъ, Епископъ воспоминаетъ тайно Апостольскую Церковь и всякое Епископство православныхъ, и гласно Императора со всемъ Августѣйшимъ его домомъ, и Католикоса

Гайканскаго народа; а клиръ, перейдя на лѣвую сторону престола, повторяетъ тоже самое, начиная съ Католикоса. Послѣ тайной молитвы Епископа, заимствованной въ кратцѣ изъ литургіи Св. Василія, о распространеніи благодатныхъ дѣйствій приносимой жертвы на всю Церковь, слѣдуетъ эктенія, составленная смѣшанно изъ нашихъ эктеній, и поется молитва Господня: «Отче нашъ». Тайная молитва Епископа, которой у насъ нѣтъ, весьма трогательно изъясняетъ самый возгласъ, о неосужденномъ призываніи нами небеснаго Отца. «Боже истинный и Отче милосердый, благодаримъ тебя, иже паче блаженныхъ праотцевъ, наше грѣшное естество почтилъ еси, яко имъ нарекся еси Богъ, намъ же, по милости твоей, благоволилъ именоватися Отецъ».

По гласу діакона, всѣ преклоняютъ главы, и произносится молитва, отчасти сходная съ нашею; Епископъ, возвысивъ тѣло Христово, возглашаетъ: «Святая святымъ!» а хоръ отвѣтствуетъ: «Единъ святъ, единъ Господь Іисусъ Христосъ», но тутъ

включены прибавленія, принадлежащія собственно литургіи Армянской. Епископъ произноситъ надъ дарами хвалу каждому лицу пресвятыя Троицы отдѣльно: «благословенъ Отецъ святый, Богъ истинный», и ликъ отвѣчаетъ: «аминь»; тоже и въ тѣхъ же словахъ, о Сынѣ и Духѣ Святомъ, и наконецъ: «благословеніе и слава Отцу и Сыну и святому Духу»; ликъ повторяетъ тоже. Тогда Епископъ, прочитавъ втайнѣ молитву, взятую изъ нашего служебника: «вонми Господи Іисусе Боже нашъ, отъ святаго жилища твоего» обмакиваетъ пречистое тѣло Господне, въ крови потира, и показываетъ оное народу, по обряду Латинскому, обратившись къ нему лицемъ, съ симъ умилительнымъ возваніемъ: «святаго, святаго, пречистаго тѣла и крови, Господа нашего и Спаса Іисуса Христа, вкусимъ со святынею: иже, съ небеси снисшедъ, преподается посредѣ насъ, есть жизнь, надежда, воскресеніе, очищеніе и оставленіе грѣховъ».

Діаконъ возбуждаетъ пѣть псаломъ Господу и завѣса задергивается, для пріоб-

щенія Епископа, но только одного, по обычаю Римскому, а не всѣхъ священнослужителей, какъ это положено въ чинѣ Православной Церкви; ибо что есть самая обѣдня, если не соединеніе вѣрующихъ съ Господомъ и между собою во единое тѣло; и если не всѣмъ безъ изъятія, то кому же преимущественно въ ней участвовать, какъ не священнослужителямъ, которые, по собственному значенію своего званія, суть достояніе Божіе? Не смѣю утверждать, но мнѣ кажется, что самые опрѣсноки, употребляемые Армянами, вмѣсто квасная хлѣба, для святыхъ даровъ, могутъ также быть нововведеніемъ, хотя Армяне крѣпко стоятъ за ихъ древность, увѣряя, что употребленіе ихъ было безразлично съ хлѣбомъ отъ самаго начала. Можетъ ли быть однако, чтобы великій Григорій и правнукъ его Исаакъ, пріемля чинъ служенія Греческаго, когда оно уже совершенно установилось, ибо это былъ вѣкъ Василія и Златоуста, такъ рѣзко отдѣлились отъ своихъ блаженныхъ учителей, и приняли, вопреки имъ, для совершенія таинъ, ветхозавѣтные опрѣс-

сноки, вмѣсто новозавѣтнаго хлѣба, который благословилъ Господь, по окончаніи образовательной трапезы Пасхальной?

Между тѣмъ ликъ поетъ причастные стихи, приличные таинству, съ припѣвомъ аллилуія, на концѣ каждаго. Умилительны и тайныя молитвы причащающагося Епископа, который, подобно какъ у насъ, раздробляетъ на четыре части святое тѣло и влагаетъ въ потиръ говоря: «исполненіе Духа Святаго». Послѣ пріобщенія и благодарственныхъ молитвъ, отчасти заимствованныхъ изъ нашихъ, отдергивается завѣса и діаконъ возглашаетъ: «со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите»; а Епископъ, взявъ чашу, обращается къ народу и пріобщаетъ безъ лжицы, вынимая перстами и раздробляя на части святое тѣло, что довольно неудобно, ибо честная кровь остается на пальцахъ. Какъ только освѣнитъ онъ народъ, завѣса опять задергивается, дабы священнослужащій могъ втайнѣ потребить святые дары, на самомъ престолѣ, для большаго соблюденія святыни, и такая предосторожность похвальна.

Послѣдняя эктенія діакона напоминаетъ нашу; ликъ поетъ благодарственный гимнъ Господу, напитавшему насъ отъ безсмертныя своея трапезы и даровавшему тѣло и кровь свои, во избавленіе міру, и животъ душамъ нашимъ. Опять открывается завѣса, непрестанно свидѣтельствующая о необходимости оставленнаго иконостаса, и Епископъ сходитъ къ народу, читать нашу заамвонную молитву. Но когда ликъ пропоетъ: «буди имя Господне благословенно во вѣки» опять, по обычаю Латинскому, Епископъ начинаетъ читать первую главу евангелія отъ Іоанна: «Въ началѣ бѣ Слово» и этимъ заключается литургія, начатая по чину Греческому, конченная по Римскому. Не съ духомъ осужденія, изобразилъ я ходъ литургіи Армянской, но съ безпристрастіемъ, воздавая хвалу истинно высокому въ ея молитвахъ и указывая только, откуда что заимствовано, дабы видѣли, какимъ образомъ измѣненъ былъ, въ среднихъ вѣкахъ, древній Восточный чинъ ея.

ЭРИВАНЬ. КЕГАРТЪ.

Въ тотъ же вечеръ оставилъ я Эчміадзинъ, чтобы продолжать мое путешествіе по области Армянской. Патріархъ, исполненный благоволенія, отпустилъ со мною собственнаго келейника, для того чтобы мнѣ все было открыто въ монастыряхъ. Смеркалось, когда спустился я въ ущеліе Занги, на крутой мостъ, переброшенный черезъ потокъ; его строили каменщики Греческіе, двѣсти лѣтъ тому назадъ, во времена Шахъ-Аббаса. Какъ тѣни мелькнули предо мною пустыя палаты Сардаря, и гаремъ и крѣпость; кое-гдѣ горѣли огни, въ

уединенныхъ [illegible], надъ рѣкою, и шумѣла Занга, въ вечерней тишинѣ; съ трудомъ могъ я въѣхать подъ темные изгибы воротъ, бывшей Персидской твердыни. На разсвѣтѣ отрадно мнѣ было слышать утреннее богослуженіе, въ соборѣ Эриванскомъ, весьма благолѣпномъ. Тѣ же Греки, которые строили мостъ, соорудили и храмъ, для самихъ себя, какъ меня увѣряли нѣкоторые старожилы, но въ послѣдствіи вѣковъ была отдана Туркамъ, для ихъ исповѣданія Суннитскаго, а наконецъ обращена въ пороховое хранилище. Такъ застали ее войска наши и освятили въ честь Покрова Богоматери, потому что въ этотъ день сдалась сія сторожевая бойница Персіи, какъ нѣкогда, въ тотъ же день, пали твердыни Казанскія, предъ побѣдною хоругвію Россіи.

„Мечеть, бывшая придворною Сардаря, теперь обращена въ арсеналъ, и нарядна своими арабесками, изъ разноцвѣтныхъ кирпичей. Замѣчательная и главная городская мечеть, принадлежащая господствовавшему исповѣданію Шіитовъ; она окружена

базаромъ и караван-сараями, насажденное дерево, подъ которымъ шумитъ фонтанъ; оно развѣсилось на весь широкій дворъ мечети, призывая подъ тѣнь свою поклонниковъ Али. Но я нашелъ Христіанское сокровище въ Эривани, о которомъ даже не знаютъ многіе изъ Армянъ, на краю города, въ уединенной церкви, называемой Зораваръ т. е. святынею сильныхъ. Внутри сего храма спускаются въ подземелье, подобное гробовымъ пещерамъ Рипсиміи и Гаяны, и тамъ гробница Св. Апостола Ананіи, одного изъ семидесяти, которому явившійся Господь, велѣлъ окрестить Савла, избранный имъ сосудъ. Какимъ образомъ могли явиться мощи сіи въ Эривани, не могъ я достовѣрно узнать; но священники той церкви говорили мнѣ, что они подарены были еще великому Григорію. Правдоподобнѣе думать, что некая часть ихъ досталась гораздо позже въ удѣлъ, кому либо изъ Католикосовъ или Царей Армянскихъ. Рядомъ съ гробницею Ананіи есть другая неизвѣстная, въ томъ же подземельи.

На следующее утро посѣтили мы знаменитую обитель Армянскую, извѣстную изъ сказаній, за тридцать верстъ къ востоку отъ Эривани. Тамъ, съ незапамятныхъ временъ, хранилось Св. копіе, которое теперь въ Эчміадзинѣ; имя Гегарти осталось обители отъ копія, и пещерное ея устроеніе было причиною другаго названія: Айриванкъ. Дорога туда лежала, влѣво отъ большой Персидской, сперва по пустыннымъ хребтамъ до широкой долины Бан-нерій, гдѣ нѣкогда существовалъ знаменитый городъ Гарни. Тамъ, на обрывѣ утеса, выстроилъ Царь Тиридатъ величественный дворецъ, для любимой сестры своей Хосровидухтъ, и доселѣ еще видны его остатки, слывущіе въ народѣ трономъ Тиридата; но колоссальные обломки базальтовыхъ колоннъ, съ ихъ громадными подножіями изъ черного гранита, и съ рѣзными капителями Іоническаго ордена, свидѣтельствуютъ болѣе о храмѣ, во вкусѣ Греческомъ, нежели о палатахъ. Поразительна сія гранитная масса обломковъ, сброшенныхъ рукою времени въ одну груду,

на обрывѣ скалы, памятникомъ его особ-ственнаго могущества надъ силами руки человѣческихъ. Воображеніе народное, всегда поэтическое въ своихъ вымыслахъ, образовало изъ сихъ развалинъ одинъ исполинскій тронъ, на который насадило великую тѣнь любимаго Царя своего Тиридата. У его подножія кипитъ горный потокъ въ глубокомъ руслѣ; безчисленные ручьи стремятся, изъ подъ свода скальной, для прохлажденія бывшей царственной усадьбы сестры Тиридатовой. Палаты ея ограждены были со стороны долины, крѣпкою стѣною, которой плиты еще уцѣлѣли, съ полуизрубленною [illegible], освященныя знаменіемъ креста. Нѣсколько развалившихся церквей разбросаны по долинѣ, около нынѣшняго полутатарскаго, полуармянскаго селенія; и свидѣтельствуютъ о прежнемъ величіи Карни. Въ одной изъ нихъ погребенъ знаменитый писатель духовный Мастоцъ, оставившій по себѣ богатое собраніе церковныхъ пѣсней; это Давид-[illegible] народа Армянскаго. Тутъ же былъ положенъ и могущественный [illegible] [illegible]

владѣвшій городомъ Карни въ XIII вѣкѣ, когда уже четвертая династія Рупенидовъ утверждала дальній престолъ свой въ Киликіи; онъ осыпалъ своими благодѣяніями обитель Кегарда.

Дорога къ ней идетъ вверхъ по ущелью, которое стѣсняется все болѣе и болѣе, доколѣ не упрется наконецъ въ неприступныя скалы, откуда бьетъ бурный потокъ Карни. Только восемь верстъ отъ селенія до монастыря; по окрестнымъ горамъ видны развалины церквей, но по мѣрѣ приближенія къ Кегарду, исчезаетъ всякое населеніе, и дикая природа вступаетъ въ полныя права свои, разсѣкая повсюду неподвижныя грани утесовъ; одинъ изъ нихъ совершенно заслоняетъ монастырь, и служитъ какъ бы преддверіемъ сей каменистой пустынѣ, гдѣ во времена ея славы спасались нѣсколько сотъ отшельниковъ. Мы услышали унылый колоколъ прежде, нежели увидѣли зданіе, и этотъ мирный благовѣстъ отраженъ былъ въ столь дикомъ ущельи. Два только инока вышли къ намъ на встрѣчу, потому что больше ихъ не бы-

лю. Еще недавно пустою стояла древняя обитель, и обязана своимъ обновленіемъ усердію бывшаго правителемъ области Армянской, Князя Бебутова, но и досель подвергается она разбоямъ окрестныхъ жителей. Два года тому назадъ ее ограбили Курды, и тѣже два инока, единственные стражи святилища, найдены были связанными въ оградѣ монастыря; такъ опасно ихъ положеніе.

Основаніе Кегарта относится къ глубокой древности, ко временамъ Св. Григорія, и весьма естественно, что такое дикое ущелье могло привлечь къ себѣ любителей безмолвія, въ самую цвѣтущую эпоху иночества. По крайней мѣрѣ достовѣрно то, что правнукъ просвѣтителя, Исаакъ великій, любилъ тамъ уединяться, и около сего времени, должно полагать, иссѣчены были нѣкоторыя пещерныя церкви. Неприступность обители, посреди скалъ ее оградившихъ съ трехъ сторонъ, дѣлала изъ нея твердыню, въ которой спасались Католикосы и Владѣтели Армянскіе, отъ насилія намѣстниковъ Халифовъ; тамъ долго укры-

вался знаменитый по своей лѣтописи, Католикосъ Іоаннъ VI, отъ жестокаго правителя Юсуфа. Безопасность мѣста вѣроятно побудила перенести въ Кегартъ священное копіе, когда сосѣдняя столица Двинъ, сдѣлалась жилищемъ Эмировъ, и опустѣлъ Эчміадзинъ, подвергавшійся безпрестаннымъ нападеніямъ. Сокровище сіе еще болѣе освятило монастырь, въ мнѣніи не только Армянъ, но и Магометанъ; народное преданіе расказываетъ, что во время страшнаго нашествія Шахъ-Аббаса, когда, проникнувъ въ обитель, хотѣлъ онъ коснуться святыни копія, внезапный свѣтъ осіялъ все ущелье: оно наполнилось тьмами Ангеловъ, и въ ту же минуту обратились назадъ лица Персіянъ. «Геръ-гечь!» (видѣлъ, бѣги), воскликнулъ смятенный Шахъ, и первый подалъ примѣръ бѣгства; съ тѣхъ поръ названіе Геръ-гечь осталось обители, въ устахъ Татаръ, вмѣстѣ съ народною легендою.

Иноки ввели насъ сперва въ главную церковь Св. креста, не изсѣченную внутри утесовъ а пристроенную къ нимъ, уже въ

позднѣйшія времена. Устройство ея подобно всѣмъ храмамъ Армянскимъ XII и XIII вѣка: высокія арки подпираютъ куполъ, алтарь возвышенъ, съ двумя ризницами по сторонамъ, молитвенныя келліи въ углахъ и никакихъ украшеній по стѣнамъ; иконы, совершенно новыя, писаны на холстѣ. На входныхъ дверяхъ, съ южной стороны, грубо изваяны голуби, между виноградныхъ лозъ, и два бодящихся тельца, символы чистоты и силы. Обширная трапеза, пристроенная къ церкви, великолѣпна рѣзьбою своихъ карнизовъ и открытаго купола, который опирается на четырехъ столбахъ. Она также носитъ отпечатокъ среднихъ вѣковъ, и надпись на заднихъ вратахъ свидѣтельствуетъ, что куполъ храма былъ сооруженъ въ 1214 году, трудами братіи, при настоятельствѣ пустынника Василія, во время Атабека Захаріи, и сыновей его Шагинъ-Шаха и Авака. Сѣверною стѣною для сей трапезы служитъ самая скала, и въ ней изсѣчены другія церкви, изумляющія терпѣніемъ своихъ созидателей.

Первая, во имя Св. Троицы, ближе къ западнымъ дверямъ трапезы, она почти круглая, со многими углубленіями въ стѣнахъ, и украшена арабесками. Узорные кресты изсѣчены на скалѣ, съ надписями, которыя называютъ жертвователей, прибѣгавшихъ подъ сѣнь сего храма, и вѣроятно тутъ же погребенныхъ ради своихъ даяній. Изъ подъ сѣверной скалы струится источникъ черной воды, горькой и непріятной на вкусъ; въ восточномъ углубленіи есть алтарь на коемъ уже не бываетъ службы. Рядомъ съ церковью Св. Троицы изсѣчена другая, во имя Виѳлеемской Божіей Матери, но алтарь ея несоразмѣрно малъ противъ самой церкви; она освѣщена сверху окнами пробитыми въ скалѣ; входъ въ нее изъ той же трапезы, и въ ней течетъ также горькая вода изъ подъ утеса. На этомъ утесѣ изсѣчены: воловья голова, которая держитъ кольцо, и къ нему два прикованные льва, а подъ ними орелъ несущій ягненка. На аркѣ алтаря Божіей Матери грубо изваяны двѣ райскія птицы, а на дверяхъ ведущихъ въ третью церковь Св. Григорія, Апостолы

Петръ и Павелъ. Сія послѣдняя всѣхъ выше и изящнѣе отдѣлкою; алтарь ея много поднятъ надъ помостомъ, и на немъ сохранилось кресло Епископское, высѣченное также изъ камня. Купель, необходимое условіе всѣхъ церквей Армянскихъ, выдолблена въ той же скалѣ, ибо только внутри храмовъ позволено совершать таинство крещенія у Армянъ. На возвышеніи алтаря, подлѣ каменнаго кресла, изваянъ высокій крестъ, съ двумя Ангелами по сторонамъ, изъ коихъ одинъ съ трубою, а другой съ мечемъ. Какого собственно времени всѣ три церкви, изсѣченныя въ утесѣ, неизвѣстно: но въ Виѳлеемской, которая служитъ преддверіемъ Григоріевой, сохранилась на южной стѣнѣ надпись:

«Въ правленіе благочестиваго, боголюбимаго властителя Грузинскаго Авака и Шагинъ-Шаха, и сына его Захаріи, я Прошъ, сынъ Васака, изъ Хохнава, купилъ отъ владѣтеля страны сей знаменитый сей Айри-ванкъ, вмѣстѣ съ горою и равниною, и всѣми постройками, какія были въ немъ, и выдолбилъ въ скалѣ домъ Божій, въ на-

мять мою, супруги и сына, и все вмѣстѣ съ ними, посвятилъ Св. копію.»

Годъ не выставленъ, но извѣстно, что князь Прошъ властвовалъ въ сихъ предѣлахъ, въ началѣ XIII вѣка, и можно предполагать, что онъ ископалъ въ скалѣ это Виѳлеемское преддверіе, и самую церковь Св. Григорія, и пристроилъ къ нимъ трапезу и соборный храмъ Св. креста; однако названіе Айри-ванкъ, употребленное въ подписи, свидѣтельствуетъ о прежнихъ пещерныхъ церквахъ, и дѣйствительно до сорока тѣсныхъ келлій, съ малыми внутри ихъ алтарями, пробиты въ скалахъ. Сынъ князя Проша, Папахъ, выдолбилъ въ 1288 году, еще одну обширную погребальную церковь для своего рода, надъ тремя первыми; тамъ однако не видно алтаря. Куполъ имѣлъ отверстіе сверху и опирается на четырехъ столбахъ, по образцу трапезной церкви. Тѣсная галлерея, украшенная крестами, служитъ входомъ въ сію каменную сокровищницу смерти, которая превосходитъ, дикимъ своимъ великолѣпіемъ, многія жилища людей, и напоминаетъ тщаніе

Фараоновъ Египетскихъ, о сохраненіи своего праха. Народное преданіе, которое любитъ оживлять самыя обители смерти, говоритъ что гораздо прежде князя Папажа, два труженика, братъ и сестра, движимые благочестивымъ усердіемъ, начали насѣкать, или что вѣроятнѣе обдѣлывать подземную храмину, въ которую спустились изъ верхняго отверстія, но уже не могли опять туда подняться. Они стали пробивать утесъ, чтобы найти себѣ боковой выходъ, но потерявъ направленіе, долбили гору, вмѣсто того чтобы обратиться къ внѣшней сторонѣ скалы. Горестно заснули узники, послѣ напрасныхъ трудовъ, ожидая голодной смерти, ибо уже истощились ихъ запасы, и вотъ ночью, невидимою рукою Ангела хранителя, труженическій молотъ ихъ перенесенъ былъ къ тому мѣсту, гдѣ теперь устье подземной галлереи. Проснувшись они пробили себѣ узкое отверстіе, и могли опять выйти на Божій свѣтъ, но доселѣ показываютъ начатую ими работу въ скалѣ.

Надъ самою крышею соборной трапезы,

посвящены три малыя келліи съ алтарями, какихъ много разсѣяно по окрестнымъ утесамъ, а за оградою, у самаго входа, выдолблено въ отдѣльной скалѣ двухъ ярусное жилье, съ двумя церквами во имя Божіей Матери. Стѣнная живопись отчасти сохранилась, и еще видно вербное торжество Спасителя; надпись на стѣнѣ говоритъ, что въ 1256 году обновлена сія церковь Богородицы, но кѣмъ неизвѣстно; послѣднее разореніе было при Лезгинахъ, менѣе ста лѣтъ тому назадъ. Мѣстное преданіе гласитъ, что въ этихъ келліяхъ первоначально спасался великій Григорій, но достовѣрно можно предполагать, что здѣсь жилъ правнукъ его Католикосъ Исаакъ, ибо лѣтописи Армянскія упоминаютъ о его пребываніи въ обители. Напротивъ, черезъ потокъ Карни, видно еще жилье въ неприступной скалѣ, гдѣ защищался князь Прошъ отъ нападенія Сарацыновъ. Бурно истекаетъ самый потокъ изъ сердца скалъ, нѣсколько выше монастыря, и разбиваясь по камнямъ, образуетъ весною великолѣпный водопадъ, въ глубокомъ ущельи. Мы толь-

ко могли подивиться дикости мѣста избран-
наго иноками, но мнѣ говорили, что весною
это ущелье обращается въ совершенный
садъ, отъ множества душистыхъ кустовъ,
разросшихся промежду скалъ, и малыя по-
ляны, на берегу потока, благоухаютъ
цвѣтами.

Такъ разнообразна своими красотами
обильная природа и то, что намъ кажется
мрачно въ ея осеннюю пору, какъ бы на
склонѣ возраста человѣческаго, дышетъ
опять райскою свѣжестью въ ея весенніе,
для насъ невозвратные на землѣ дни. Когда
мы окончили осмотръ храмовъ и пещеръ,
уже солнце закатилось за горный горизонтъ
и только послѣдніе лучи его, багровыми
красками, сходили съ каменистыхъ вершинъ;
картина была великолѣпна, особеннымъ ве-
личіемъ облеклась дикость пустыни; еще
долго горѣлъ пурпурный гребень скалъ,
огненною чертою рисуясь на темномъ небѣ
востока, и вотъ встала другая очаровятель-
ница, луна, и серебреннымъ рогомъ своимъ
одолѣла вечерніе розовые туманы. Ея том-
нымъ свѣтомъ внезапно поблѣднѣло ущелье,

какъ поблекшія лица его отшельниковъ, и дикая обитель представилась намъ въ болѣе свойственномъ ей образѣ.

АРАРАТЪ.

Утромъ мы опять миновали селеніе Башкарни и долго слѣдовали по ущелію, къ долинѣ Аракса. Вся она почти заселена выходцами изъ Персіи и Турціи, ибо многія тысячи Армянскихъ семействъ устремились, по окончаніи войны, въ мирные предѣлы древняго своего отечества. Пріятно видѣть, отъ подошвы Алагеза до подножія Арарата, всю обширную равнину, гдѣ величаво течетъ Араксъ, обращенную

въ зеленые сады, которые орошаются его живительными водами, ибо безъ искуственныхъ протоковъ, ничего не можетъ расти, на пламенной почвѣ Арменіи. Еще недавно, одни только рѣдкіе аулы Татарскіе, кое-гдѣ разсѣяны были на пустотѣ равнины, на которой не смѣли селиться Христіане, изъ опасенія Курдовъ. Мы спустились къ селенію Двинъ, которое получило свое громкое имя отъ близь лежащихъ развалинъ, и увидѣли въ полѣ обширный двухъ ярусный холмъ, окруженный рвами: это была древняя столица Арменіи. Развалины ея простираются нынѣ между трехъ селеній, изъ коихъ два, Арташиръ и Двинъ запечатлѣны сами историческими именами, а третье, Топра-кале, означаетъ земляную крѣпость или насыпь, въ которую теперь обратилась могущественная нѣкогда столица. Персидское названіе Двинъ, т. е. холмъ, совершенно соотвѣтствуетъ ея нынѣшнему состоянію, ибо одинъ только могильный курганъ гласитъ о минувшемъ величіи цѣлаго царства; а нѣкогда судьба всей Арменіи зависѣла отъ сего холма!

Сынъ Тиридата, младшій Хосрой, перенесъ сюда столицу изъ Арташата, которому вредили болотныя испаренія Аракса, и съ тѣхъ поръ Двинъ, прозванный Востаномъ или Царьградомъ, посреди своей плодоносной равнины, сдѣлался сердцемъ Арменіи; чрезъ него текла вся богатая торговля Индіи съ Западомъ. Когда же въ V вѣкѣ пало, подъ игомъ Персовъ, царство Армянское, отселѣ поднялся витязь Варданъ Мамигонянинъ, съ горстью храбрыхъ, чтобы отразить полчища Издигерда и его Маговъ, которые усиливались ввести огнепоклонство. Варданъ перенесъ сюда столицу духовную изъ Вагаршапата, съ каѳедрою Католикосовъ, и они основались въ Двинѣ, почти на пятьсотъ лѣтъ, до возвеличенія новой столицы Ани, уже при династіи Багратидовъ. Самое лѣтосчисленіе Армянъ, которому донынѣ они слѣдуютъ, воспріяло начало въ Двинѣ; ибо Католикосъ Моисей, исправивъ въ 551 году ошибки календаря, велѣлъ, довольно странно, начинать новую эпоху не отъ Рождества Христова, а отъ созваннаго имъ собора; такимъ образомъ

Армяне отстають, на 551 годъ, отъ всѣхъ Христіанскихъ лѣтосчисленій.

Тяжкія разоренія претерпѣлъ царственный городъ, отъ завоевателей Арабскихъ, при самомъ разгарѣ ихъ вѣры. Приступомъ взятъ былъ Двинъ и разрушенъ почти до основанія; двѣнадцать тысячь жителей пало на его пепелищѣ, сорокъ тысячь уведено въ плѣнъ и надобно было имѣть всю ревность Нерсеса строителя, чтобы возстановить городъ изъ его развалинъ. Нѣсколько лѣтъ спустя бывшая столица Царей Армянскихъ сдѣлалась мѣстопребываніемъ намѣстниковъ Халифа и, укрѣпленная ими въ началѣ VIII вѣка, еще однажды процвѣла подъ ихъ владычествомъ; но она вскорѣ опять подпала игу завоевателей Сарацинскихъ. Еще ужаснѣе ихъ оружія, были для Двина землетрясенія проистекавшія отъ сосѣдства Арарата.

Въ исходѣ IX вѣка трехъмѣсячное, почти непрестанное колебаніе, сокрушило въ немъ храмы и палаты, и жертвою оного сдѣлались до семидесяти тысячь жителей. Съ тѣхъ поръ уже не возставалъ

Двинъ въ прежней краѣ своей, хотя еще до XII вѣка, продолжалъ быть правительственнымъ, по жительству въ немъ Эмировъ. Мало по малу совершенно стерся онъ съ лица земли, и кто найдетъ теперь на пустынномъ холмѣ, мѣсто великолѣпнаго собора Св. Григорія, который воздвигнутъ былъ витяземъ Вартаномъ, и палаты Католикоса Нерсеса, и слѣды бойницъ Эмира Абдалъ-Азиза? Не только зданій, нѣтъ даже и слѣдовъ ихъ!

Страшно стоять на развалинахъ, гдѣ до такой степени истребилось все человѣческое и время сгладило самые камни, оставивъ только черепки и прахъ! Здѣсь, болѣе нежели гдѣ-нибудь, чувствуется все наше ничтожество, особенно когда свободный взоръ, широко объемлетъ окрестныя вершины горъ, сихъ исполиновъ творенія. Одинъ Араратъ уже подавляетъ въ сердцѣ мелкое воспоминаніе частнаго разрушенія, вселенскимъ ужасомъ потопа. Сколько однако столицъ Армянскихъ, одна за другою, стерлись предъ лицемъ сего Арарата, въ одной области, искони носившей его имя

и нынѣ вдвинутой въ предѣлы наши? Двинъ, и подлѣ него, на другомъ холмѣ, Арташатъ, и на равнинѣ Вагаршапатъ, и еще двѣ столицы, приникшія къ нашей грани на берегахъ Арпачая, Ерованташатъ и Ани, чудная въ самыхъ обломкахъ. Можно причислить къ столицамъ Арменіи еще одинъ городъ, процвѣтшій уже во время ея паденія, Джульфу на берегахъ Аракса, отъ которой осталось теперь исполинское кладбище. Все это сокрушилось постепенно у ногъ Арарата, на той равнинѣ, гдѣ еще сохранилась тамъ память перваго поселенія человѣческаго послѣ потопа, въ самомъ имени Нахичевани, съ мнимою или дѣйствительною могилою втораго родоначальника Ноя.

Гостепріимный кровъ ожидалъ насъ на эту ночь, въ домѣ начальника участка Зангибасарскаго, который распоряжался, по сосѣдству двухъ столицъ Армянскихъ, вмѣсто ихъ бывшихъ державныхъ властителей и Эмировъ: sic transit gloria mundi! Мнѣ сопутствовали нѣсколько служащихъ изъ Эривани, и въ числѣ ихъ Абовьянъ, ко-

торый соединялъ образованіе Дерптскаго университета съ мѣстными познаніями края: онъ былъ неутомимымъ спутникомъ Паррота и Абиха на Араратѣ. Утромъ мы были уже опять на коняхъ, по направленію чудной горы сей, и быстрый Араксъ принялъ насъ въ свои завѣтныя воды. Не легкое дѣло отыскать бродъ Аракса, который безпрестанно измѣняетъ свое теченіе, и заставляетъ иногда путешественниковъ дорого платить за свою отвагу. Опытный казакъ указывалъ намъ путь по водамъ; мы слѣдовали за его длинною струею на искось рѣки, чтобы не быть увлеченными ея теченіемъ.

За нами нѣсколько семействъ Курдовъ, которые возвращались съ лѣтняго кочевья, стали переправлять стада свои; они брали себѣ на плеча молодыхъ ягнятъ, напоминая образъ благаго Пастыря, хотя увы! не принадлежатъ сами къ его избранному стаду. Не только въ этомъ, но и въ другихъ случаяхъ, я удивлялся отчетливости, съ какою Евангельскія притчи списывали природу. Привыкнувъ видѣть, у насъ въ

полѣ, пастуха слѣдующаго за разсѣяннымъ стадомъ, я не понималъ Евангельскаго выраженія, которое такъ часто поражало слухъ мой: «и егда своя овцы ижденетъ, предъ ними ходитъ, и овцы по немъ идутъ, яко слышатъ гласъ его; по чуждемъ же не идутъ, но бѣжатъ отъ него, яко не знаютъ чуждаго гласа.» (Іоан. X, 4, 5). Но посреди пастушеской жизни кочующихъ Курдовъ, разрѣшилась мнѣ сія притча, когда я увидѣлъ овецъ ихъ, одна за другою, слѣдующихъ по узкой тропѣ за своимъ пастыремъ, и дѣйствительно знающихъ его голосъ. Курды сіи, которые цѣлыми семействами переходили Араксъ, еще не совершенно возвращались на свои зимовья; но, спустившись съ высотъ Алагеза, временно останавливались на равнинѣ Аракса, потому что могли находить тамъ еще не много корма для скота. Переселеніе ихъ представляло живую картину патріархальнаго быта: жены и дѣти сидѣли въ корзинахъ на ослахъ; коровы и даже собаки были навьючены домашнимъ скарбомъ; подозрительно падали на пришельцевъ взо-

ры смуглыхъ пастуховъ. Время ихъ перекочеванія есть самое опасное для одинокихъ путниковъ, по частымъ разбоямъ, которые трудно остановить, потому что большая часть Курдовъ переходитъ за границу или передаетъ похищенное своимъ единоплеменникамъ, въ Персіи и Турціи, получая отъ нихъ взаимно тѣ же услуги.

Но между сими дикими скитальцами, есть одно племя, болѣе кроткое, по древнимъ воспоминаніямъ Христіанства; это Іезиды, встрѣчающіеся наиболѣе у подошвы Арарата, въ нашихъ предѣлахъ, хотя однако довольно въ маломъ числѣ, потому что при усмиреніи Курдовъ, нынѣшнимъ Визиремъ Порты, Решидъ-Пашею, на нихъ особенно, какъ на иновѣрцевъ, обращено было его оружіе. Ихъ называютъ въ простонародіи поклонниками діавола, Иблиситами, потому что они всегда отзываются о немъ съ осторожностью, говоря: «не надобно проклинать его; онъ можетъ покаяться, и его проститъ Богъ.» Къ какой собственно сектѣ Христіанской принадлежали Іезиды, нельзя достовѣрно дознать,

но нѣтъ сомнѣнія, что они были нѣкогда Христіанами, и будучи отвержены Церковью за ересь, одичали въ своемъ одиночествѣ, и утратили основные догматы; сохранилась однако, въ ихъ темныхъ преданіяхъ, нѣкоторая слабая тѣнь Христіанства. Такъ напримѣръ у нихъ есть двѣ степени священства, какъ бы пресвитеры и клирики (шейхи и пиры), для которыхъ существуетъ особенное посвященіе, съ общественными молитвами, и даже съ облаченіемъ, на подобіе черной ризы поверхъ хитона. Они служатъ свидѣтелями при бракахъ, хотя совершаютъ оные, равно какъ обрѣзаніе и погребеніе, по обычаю Магометанскому, ибо все перемѣшано у Іезидовъ. Они забыли крещеніе, но еще помнятъ таинство пріобщенія, боятся уронить каплю вина на землю, когда пьютъ, потому что почитаютъ его священнымъ напиткомъ, и однажды въ годъ, въ великую Пятницу, ихъ духовные старшины молитвенно раздаютъ народному собранію хлѣбъ и вино, говоря: «тѣло Христово, кровь Христова.» По сему Іезиды не пи-

таютъ къ Христіанамъ той ненависти, какою исполнены къ нимъ фанатическіе Курды; напротивъ того, они уважаютъ духовенство Армянское, принимаютъ отъ него благословеніе, посѣщаютъ иногда церкви и соблюдаютъ нѣкоторые посты на память святыхъ, особенно Георгія и Сергія. Вообще они гораздо мягче нравами и честнѣе Курдовъ, хотя не менѣе воинственны: вотъ каково благое вліяніе вѣры Христовой, даже и въ столь искаженномъ ея видѣ. Почитая Господа Іисуса Христа своимъ Пророкомъ, они называютъ его Свѣтомъ Божіимъ, явившимся отъ Дѣвы Маріи, но не имѣютъ яснаго понятія о искупленіи, и полагаютъ, какъ Магометане, что Господь, позволивъ распять себя на крестѣ, вознесся съ него на небо. Странное народное повѣрье сохранилось между ними, будто бы, во время распятія, одинъ изъ ихъ племени, желая облегчить Господа, похитилъ гвоздь изъ его ноги, и за то пріобрѣлъ для всего народа право похищать, но только безъ насилія. Всѣ сіи свѣдѣнія о Іезидахъ сообщены мнѣ были Абовь-

яновымъ, который самъ слышалъ ихъ отъ Армянскаго священника, долго жившаго между ними.

Приближаясь къ подошвѣ Арарата, мы переѣхали по мосту рѣчку Карасу, не широкую, но чрезвычайно глубокую, которая внезапно выходитъ изъ подъ земли, у подножія горы. Она дала поводъ естествоиспытателямъ думать, что изъ внутренности горы, скопились въ ней одной всѣ водяные ключи, ибо на поверхности Арарата нѣтъ почти нигдѣ источниковъ, хотя вершина его постоянно бываетъ покрыта снѣгомъ. По сему нѣкоторые приписывали самый обвалъ, истребившій селеніе Ахуры, не волканическому изверженію, а только прорыву воды, накопившейся въ пустотѣ горы; но безпрестанныя землетрясенія, которыя, начинаясь отъ Арарата, колеблютъ всю окрестность, свидѣтельствуютъ объ огненной бурѣ, возмущающей сердце сего древняго свидѣтеля потопа, хотя и не открыто жерло его подобно Везувію. Съ казачьяго поста Аралыхъ, куда намъ должно было возвратиться для

ночлега, мы взяли свѣжихъ лошадей и конвой, потому что граница наша, пролегающая между вершинами малаго и большаго Арарата, дѣлаетъ необходимою такую предосторожность. Проводникомъ служилъ для насъ самъ престарѣлый старшина Армянскаго селенія Ахуры, который только съ семью человѣками спасся изъ его страшнаго разрушенія. Оно случилось 20 Іюня 1840 года, въ шесть часовъ вечера, и пять тысячь человѣкъ сдѣлались жертвами обвала. Я просилъ старца, расказать мнѣ о своемъ бѣдствіи, и съ трудомъ сталъ онъ объясняться предо мною, какъ человѣкъ, который, по сильному выраженію Данта, въ одно время и плачетъ и говоритъ:

«Come colui che piange e dice»

«Насъ было до пяти сотъ семействъ въ Ахуры, мы жили счастливо и богато, въ одной моей семьѣ считалось двадцать двѣ души, братьевъ и сестеръ, сыновей и дочерей, и невѣстокъ и внуковъ!» и одинокій залился слезами. «Жена моя была на пастбищѣ на горѣ, и какъ бы предчувствуя бѣду, присылала дважды, въ тотъ

горькій день, звать меня къ себѣ; только вечеромъ могъ я собраться. Семилѣтній любимый внукъ мой, присталъ ко мнѣ: дѣдушка возьми меня съ собою, пожалуйста возьми.» . . . . голосъ старика опять замеръ. Ты взялъ его?—«Ахъ я его не взялъ!» и долго рыданія заглушали рѣчь, такъ что мнѣ совѣстно было распрашивать далѣе. Когда же успокоился, онъ самъ продолжалъ: «вы увидите мѣсто селенія; оно лежало въ малой ложбинѣ, какъ бы въ ущельи и посрединѣ текъ ручей; дома стояли по скату оврага. Солнце уже спускалось къ горѣ, и казалось все ясно; но только ступилъ я на край оврага, вдругъ что то страшно завыло въ горѣ, и вихремъ дунуло изъ нея вдоль ущелья, такъ что, въ одно мгновеніе, день сдѣлался ночью, и я безъ памяти упалъ на землю. Не знаю сколько я пролежалъ, казалось мало, но тутъ ушла вся моя жизнь. Я всталъ, перекрестился: будто ясно, а ничего не вижу; все есть а селенія нѣтъ, припоминаю гдѣ я? сады видны, а селенія нѣтъ, и монастыря нѣтъ; вся долина за-

сыпана камнемъ и землею, я опять упалъ и не хотѣлъ болѣе вставать; что мнѣ одному было жить на свѣтѣ? Солнце стало садиться; тутъ я вспомнилъ, что у меня есть жена, и что она меня къ себѣ звала; хочу итти, вижу идутъ три женщины блѣдныя и говорятъ, что онѣ только что хотѣли спуститься въ селеніе, какъ ихъ опрокинула буря, а кто шелъ впереди тотъ обрушился; и стада не хотѣли итти въ долину, но пастухи силою вогнали и все пропало. Мы стали плакать, да что въ слезахъ; страшно было! Я пошелъ въ гору къ женѣ; она встрѣтила меня, какъ будто ничего не случилось, слышала страшную бурю, но бури бываютъ въ горахъ, и громъ гремитъ и молніи разятъ; она только видѣла, что я какъ мертвый, а того не знала, что изъ всей ея семьи одинъ лишь я живой! Когда услышала не вѣрила, когда же повѣрила, едва не умерла сама. Ночь мы прорыдали, утромъ пришли Курды и отняли послѣднее мое стадо; если можешь, возврати мнѣ это стадо; я просилъ многихъ и нѣтъ успѣха!... вѣдь у меня боль-

ше ничего не осталось, а я былъ богатъ и старшиною, у насъ было двадцать двѣ души! и жена моя умерла съ горя».

Горько опять зарыдалъ старикъ. «Кто же еще спасся?» спросилъ я. «Изъ бывшихъ въ селеніи только семь душъ: я, да четыре женщины, да два мальчика. Одинъ изъ нихъ, двѣнадцати лѣтъ, былъ полузасыпанъ землею на краю оврага. Курды, узнавъ о нашемъ бѣдствіи, какъ волки нахлынули на другой же день, и отрыли мальчика, но и они сжалились и отвели его въ ближнее селеніе; онъ и теперь живъ. Тѣже изъ Курдовъ, которые пришли раскапывать церковь, чтобы ее ограбить, сами погибли подъ ея развалинами, потому что буря возобновлялась въ продолженіи нѣсколькихъ дней, хотя не столь ужасно, но камни не преставали летать, а каковы эти камни, вы увидите по дорогѣ; они были больше заваленныхъ ими домовъ.» Я спросилъ старика: гдѣ онъ теперь живетъ? и онъ отвѣчалъ: «когда постепенно собрались жители Ахуры, бывшіе въ полѣ, или у стадъ, или на промыслѣ,

мы хотѣли раскопать наше пепелище, чтобы опять на немъ поселиться; но не возможно было разрыть этой груды камней, да и къ тому же изсякъ единственный источникъ, который, проходя черезъ селеніе, орошалъ наши сады; а сады были лучшіе во всей окрестности, и теперь еще кое-гдѣ обгорѣлые торчатъ изъ земли: тутъ и огонь и вода все соединилось чтобы истребить насъ. Чудотворный источникъ Св. Іакова, изъ котораго разносили воду по всей Арменіи, для истребленія саранчи, чуть чуть каплетъ теперь подъ скалою, а монастыря его нѣтъ и слѣдовъ. Что намъ было дѣлать безъ воды? Мы поселились недалеко, у самой подошвы горы, въ новомъ Ахуры, но уже стараго не воротишь! Да и насъ не болѣе ста человѣкъ, а тамъ было пять тысячь: такъ покаралъ насъ Господь, за грѣхи наши!»

Селеніе, которое такъ горько оплакивалъ осиротѣвшій старикъ, лежало на сѣверной покатости Арарата, и подъ новымъ, искаженнымъ названіемъ Ахуры, таило древнее Арх-ури, которое свидѣтельство-

вало о древности поселенія. Ард-ури значитъ собственно по Армянски: «насадилъ виноградъ», и незапамятное преданіе указываетъ на мѣсто сіе, славившееся своими виноградниками, какъ на то, гдѣ дѣйствительно праотецъ Ной насадилъ первую лозу.—Гора Масисъ, одна изъ Араратскихъ, наименованныхъ въ книгѣ Бытія, искони ознаменована была памятью ковчега, и это не какое либо частное преданіе Армянское, но общее всего Востока, освященное Св. отцами Церкви. Современникъ паденія Іерусалима, Іосифъ Флавій, въ книгѣ своей о древностяхъ Іудейскихъ, ссылается на болѣе древняго писателя Халдейскаго, Вироса жившаго за много вѣковъ до Р.Х., который говоритъ, что около горъ Кордуанскихъ или Курдскихъ, въ Арменіи, еще существуетъ часть ковчега; жители отрываютъ отъ него смолу, и дѣлаютъ изъ нее амулеты, почитаемыя завѣтными, противъ волхвованія. Писатель церковный Евсевій, говоря о ковчегѣ, указываетъ на тѣже мѣста Арменіи, а Св. Епифаній Кипрскій прямо говоритъ, въ книгѣ о ересяхъ (противъ

Назареевъ, ересь XVII. гл. 4.) что остатки Ноева ковчега доселѣ показываются въ горахъ Курдовъ.

И такъ не должно казаться страннымъ, если Св. Іаковъ Низибійскій, почти современникъ ученыхъ Евсевія и Епифанія, движимый благочестіемъ, ходилъ нарочно въ область Араратскую и подымался на Масисъ, чтобы тамъ видѣть остатки ковчега. И что дивнаго, если кто изъ Ангеловъ, посылаемыхъ Богомъ для служенія человѣкамъ, съ недоступныхъ вершинъ Арарата, дѣйствительно принесъ ему желанное дерево? Быть можетъ, Ангелъ принесъ его, и во свидѣтельство будущимъ невѣрующимъ родамъ, дабы не сомнѣвались въ истинѣ не только потопа, о которомъ гласитъ всемірное преданіе, но и спасительнаго ковчега, который, по словамъ Апостола, былъ образомъ Церкви. На томъ мѣстѣ, гдѣ Св. исповѣдникъ, имѣлъ свое чудное видѣніе, основана была обитель во имя его, Католикосомъ Армянскимъ Анастасіемъ, въ началѣ VII вѣка, ибо онъ самъ былъ родомъ изъ селенія Арх-ури; вѣроятно онъ же

соорудилъ тамъ и церковь, которая, какъ мнѣ говорили, напоминала зодчествомъ своимъ церковь одновременную Св. Рипсимы, что близъ Эчміадзина. Теперь уже нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ церкви и монастыря, указываютъ только ихъ мѣсто.

Можно считать около двадцати верстъ отъ Аралыка до Ахуры, и на разстояніи пятнадцати отъ бывшаго селенія, вся покатость горы усѣяна волканическими камнями. Нѣкоторые изъ нихъ уже разсыпались на куски, но другіе еще стоятъ исполинскими массами, возбуждая невольное удивленіе: какимъ образомъ внутренность горы могла извергнуть или оторвать отъ ребръ своихъ такія громады, чтобы бросить ихъ за пятнадцать верстъ! Каковы же были порывы этой страшной бури, столь далеко разметавшей свои каменные перуны? Эти камни служатъ теперь, по выраженію псалма, прибѣжищемъ зайцамъ, ибо ихъ нѣсколько поднялось изъ за утесовъ и за ними понеслись всадники наши, по скату Арарата. Немного выше, показались одинокія деревья, какъ бы опаленныя и за-

сыпанныя землею, остатки тѣхъ богатыхъ садовъ, которыми славились Ахуры. Мѣсто это служило лѣтнимъ пребываніемъ, для Сардаря и жителей Эривани, и складочнымъ, для заграничной торговли съ пашалыкомъ Баязидскимъ и ханствомъ Макинскимъ, а иногда и таило въ себѣ награбленную Курдами добычу, и быть можетъ за сіе нечистое, не безъ крови добываемое стяжаніе, подверглось Божію гнѣву. Мы подъѣхали съ лѣвой стороны, по глыбамъ камней къ оврагу, въ которомъ лежало и погребено селеніе, и по трудной тропѣ спустились въ его средину, гдѣ еще сохранилась лужайка съ абрикосовыми деревьями, которыя пощадила буря. Тутъ протекалъ нѣкогда ручей, скудный лѣтомъ, но обильный зимними снѣгами: за грудами скалъ видѣнъ слѣдъ его, гдѣ теперь струится дождевая вода. Съ большимъ трудомъ поднялись мы, по скаламъ, къ тому мѣсту, гдѣ стояла нѣкогда обитель Св. Іакова, и уже не могли идти далѣе къ его источнику, отстоявшему еще за версту; ибо каждый шагъ дорого намъ стоилъ, по остріямъ осыпавшихся камней.

Еще видна высокая площадка монастырская, на правой сторонѣ оврага, но уже нельзя распознать гдѣ была церковь, гдѣ ограда. Старшина указывалъ ихъ по догадкѣ, и я помолился о погибшихъ на развалинахъ, надъ мѣстомъ видѣнія Іакова. Говорятъ, что послѣдній Архимандритъ обители, старецъ почтенный, чрезвычайно скорбѣлъ о преждевременной потерѣ своего племянника, и безпрестанно приходилъ плакать надъ могилою юноши, не предвидя своей бѣдственной кончины. Ахъ! какъ часто мы сами скорбимъ, въ слѣпотѣ своей, о тяжкихъ разлукахъ, называемыхъ вѣчными, когда бы надобно было благодарить Бога, за благовременное предохраненіе взятыхъ имъ, въ лоно свое, отъ сей горькой юдоли плача. Отъ монастыря мы опять спустились въ селеніе, къ церкви, которую можно узнать по изваяннымъ на камняхъ крестамъ. Курды унесли мало по малу всю утварь, равно какъ и все что только могли найти, въ разрытыхъ ими домахъ. Тутъ же, подлѣ церкви, старшина со слезами показалъ намъ

мѣсто своего дома, и поклонился до земли семейному праху. За годъ предъ тѣмъ мнѣ случилось видѣть Помпею, занесенную пепломъ Везувія; но здѣсь другую Помпею, Араратскую, указывалъ мнѣ одинъ изъ ея жителей, и не вѣрилось, что только шесть лѣтъ а не столѣтія, протекли надъ нею, какъ надъ первою, и что еще живое существо можетъ такъ ужасно водить, по могиламъ всего своего семейства. И что еще страшнѣе: буря истребившая живыхъ, пощадила мертвыхъ; цѣлое кладбище, расположенное на краю оврага, въ нѣсколькихъ только шагахъ отъ церкви, уцѣлѣло съ своими надписями и крестами. Такимъ образомъ древніе мертвецы имѣютъ каждый свою отдѣльную могилу, а новые всѣ только одну.

Съ горькимъ чувствомъ возвращался я изъ Ахуры; солнце уже спустилось за высокую вершину большаго Арарата, покрытую снѣгомъ, и ярко озарило предъ нами всю необозримую равнину Аракса и противулежащія горы Алагеза. Бѣлѣла дальняя Эривань на скалахъ Занги, и будто бы ви-

двѣлась обитель Эчміадзинская; но не земля, а небо, поразило меня своимъ зрѣлищемъ, въ сію вечернюю торжественную минуту. По глубоко синему небу, какимъ оно бываетъ только на югѣ, перекинулась свѣтлая полоса, въ видѣ радуги, отъ самой вершины Арарата до противуположныхъ горъ. Это было отраженіе одного солнечнаго луча на снѣжной главѣ исполина, и оно странно распространилось чрезъ все небо, на подобіе млечнаго пути; мнѣ же напомнило ту завѣтную радугу, которая впервые утѣшила обновленный міръ послѣ потопа, когда воспріята была Богомъ благодарственная жертва праотца Ноя. Сія небесная дуга сопутствовала намъ до самаго ночлега, доколѣ не воцарилось въ небѣ серебристое свѣтило ночи и не зажглись миріады звѣздъ, которыя такъ поэтически назвалъ одинъ изъ Св. Отцевъ, мозаикою неба.

ХОРВИРАБЪ И АРТАШАТЪ.

Съ разсвѣтомъ мы поднялись; сопровождавшіе насъ всадники, изъ Армянъ и Татаръ, затѣяли скачку на широкихъ лугахъ, омываемыхъ Араксомъ; ловкія ихъ движенія, нарядная одежда и быстрота коней пріятны были для глазъ. Мы ѣхали по направленію утесовъ Арташата, которые возвышались какъ островъ посреди равнины, на другомъ берегу рѣки, и опять переправились мы въ бродъ черезъ ея глубокія воды. Не далеко отъ древней столицы Армянской, надобно было еще переѣхать малый лиманъ Аракса, который образуетъ

болотистое озеро съ западной стороны города. Это было любимое мѣсто ловли, Царей Арсакидовъ; здѣсь нечестивый Анакъ умертвилъ Царя Хосроя, и самъ былъ убитъ его оруженосцами, когда хотѣлъ спастись бѣгствомъ черезъ Араксъ, и въ виду сего мѣста, какъ бы для возмездія за вину отца, святой сынъ его Григорій четырнадцать лѣтъ томился во рву Арташата.

Артаксерксъ I, изъ рода Царей Пареянскихъ, основалъ сію столицу по совѣту врага Римлянъ, Аннибала, искавшаго у него пріюта. Артаксерксъ II ее украсилъ, и собралъ въ ней всѣ кумиры своего царства, устроивъ тамъ и капище огня. Когда же знаменитый полководецъ Римскій Корвулонъ, овладѣлъ твердынею Аннибала, онъ назвалъ ее Нероніею въ честь Императора. Много раззореній испытала столица Арменіи, послѣ того какъ отложилась она отъ новой династіи Сассанидовъ Персидскихъ. Побѣдитель отступника Юліана, Сапоръ раззорилъ до основанія городъ, недавно обновленный великимъ Тиридатомъ, и увелъ въ плѣнъ до пятидесяти тысячъ

его жителей. Быть можетъ это раззореніе, не менѣе вреднаго климата, побудило Хосроя младшаго, сына Тиридатова, перенести столицу свою въ Двинъ, нѣсколько отдаленный отъ Аракса. Полчища Издигерда, сына Сапорова, вторично опустошили Арташатъ, и нужно было все усердіе великаго исповѣдника Вартана, князя Мамигонскаго, чтобы возстановить падшую столицу; онъ спасъ отечество свое и вѣру отъ тяжкаго гоненія Персовъ. Здѣсь соединился и соборъ Епископовъ Армянскихъ, вмѣстѣ съ Католикосомъ Іосифомъ, чтобы мужественно исповѣдать Христа предъ Царемъ огнепоклонниковъ, сперва на хартіи, а потомъ на дѣлѣ, мученическою смертію. Нерсесъ III, прозванный строителемъ, обновилъ, сто лѣтъ спустя, нѣкоторые изъ опустѣвшихъ храмовъ бывшей столицы, которая мало по малу изчезала, и сдѣлалась загороднымъ селомъ Патріаршимъ. Но и оно было отнято у нихъ Эмирами Сарацинскими, когда намѣстники Халифовъ водворились въ сосѣднемъ Двинѣ. Такова горькая участь Арташата, на разва-

линахъ коего уцѣлѣла теперь одна обитель Хорвирабская.

Она явилась намъ на гребнѣ утесовъ, окруженная еще довольно крѣпкою оградою. Пѣшкомъ поднялись мы, по крутой стезѣ къ узкой двери, которая служила единственнымъ входомъ, ибо по бѣдственнымъ обстоятельствамъ края, монастырь былъ часто опустошаемъ, и только со времени владычества Русскаго опять населился; но по обыкновенной скудости братіи, въ монастыряхъ Армянскихъ, ее представителемъ здѣсь былъ одинъ Архимандритъ, и тотъ отлучился въ ближнее селеніе Давалу. Мы послали за нимъ коннаго эсаула, а между тѣмъ сторожъ монастырскій отперъ намъ церковь Св. Григорія, собственно Хорвирабъ, или глубокую яму, гдѣ онъ такъ долго томился; ключи отъ другой церкви унесъ съ собою Архимандритъ, потому что въ ней была ризница. Обѣ обновлены послѣ долгаго запустѣнія, въ послѣднихъ годахъ минувшаго столѣтія, благочестивымъ настоятелемъ ихъ Давидомъ, могила коего при входѣ въ церковь

Хорвираба. Она была сооружена, надъ самою ямою Св. Григорія, въ память его страданій, сестрою Царя Тиридата, и послѣ двукратнаго раззоренія Персидскаго, возстановлена славнымъ вождемъ Арменіи Ваганомъ, княземъ Мамигонскимъ, въ послѣдствіи же Католикосомъ Нерсесомъ строителемъ, который избралъ ее мѣстомъ своего упокоенія. Рядомъ съ нимъ, внутри церкви, гробъ пустынника Вартана, много уважаемаго за святость жизни. Стѣны храма совершенно обнажены, иконы алтаря новы и убоги, но подъ нимъ скрывается сокровище: та глубокая яма, въ которой четырнадцать лѣтъ страдалъ Великомученикъ.

Сквозь тѣсное отверстіе можно спуститься, по двадцати восьми ступенямъ деревянной отвѣсной лѣстницы, на дно священной ямы; она была засыпана до половины, для удобства богослуженія. Что же было во дни Св. Григорія, который наслѣдовалъ ее послѣ львовъ и тигровъ, посланныхъ въ амфитеатры Римскіе, и раздѣлялъ ее съ ядовитыми гадами? Ее об-

ложили въ послѣдствіи тесаннымъ камнемъ, внутри и снаружи, потому что однимъ краемъ она касалась обрыва утесовъ. Малый престолъ вставленъ въ ея восточномъ углубленіи и подъ нимъ положена часть мощей Св. Григорія, однимъ изъ его славныхъ потомковъ, Григоріемъ Магистромъ; другая часть находится, какъ говорятъ, подъ камнемъ, на коемъ видны еще слѣды колѣнъ исповѣдника: такъ неотступно молился онъ о спасеніи своего народа, доколѣ не исполнилась его молитва. Страданія его изображены надъ алтаремъ, и нигдѣ не производятъ они болѣе впечатлѣнія, какъ въ этой могильной ямѣ, свидѣтельницѣ его томленія и прославленія. Еще видно то слуховое окно надъ алтаремъ, въ которое благочестивая старица бросала ему пищу. Выходъ изъ ямы еще труднѣе чѣмъ спускъ, потому что устье ея такъ тѣсно, что въ иномъ мѣстѣ нельзя даже согнуть ноги и перенести ее выше на другую ступень; но трудъ вознаграждается утѣшительнымъ созерцаніемъ мѣста страдальческихъ подвиговъ великаго просвѣтителя Арменіи.

Соборный храмъ, посреди двора монастырскаго, основанъ Нерсесомъ строителемъ во имя успенія, тамъ гдѣ по мѣстному преданію, Апостолы Ѳаддей и Варѳоломей, поставили нѣкогда первую церковь въ честь Богоматери, ибо она сама имъ здѣсь явилась и благословила мѣсто, откол҄ѣ долженъ былъ возсіять свѣтъ вѣры во всю Арменію. Нѣсколько крестовъ, съ благочестивыми надписями, изсѣчены на внѣшнихъ стѣнахъ, а на алтарной изваянъ Св. Григорій спящій въ ямѣ, подъ сѣнью Господа и трехъ Ангеловъ, которые не допускаютъ до него ползущей змѣи. Ожидая Архимандрита мы вышли изъ монастырской ограды, и кругомъ ея, по обрыву скалъ, поднялись на вершину утеса, на которомъ стоялъ нѣкогда вышгородъ Арташата, и гдѣ еще видны слѣды зданій. Три утеса, сросшіеся въ своихъ основаніяхъ, составляли собственно городъ, и около него ясно обозначается черта крѣпостнаго вала съ угловыми башнями. Предмѣстіе выдавалось къ востоку и было также обнесено стѣнами. Сѣверная часть города,

менѣе защищенная природою, болѣе была укрѣплена; съ запада прилегало болотистое озеро, доходившее до Аракса, и протокъ рѣки проникалъ въ низменную часть города. Здѣсь можно подивиться съ какою воинскою опытностію, избралъ это мѣсто Аннибалъ, для крѣпости и столицы, отовсюду огражденной: ибо если съ востока нѣтъ природной защиты, подъ самымъ городомъ, то на разстояніи десяти верстъ смыкались горы: Шарурское, или такъ называемое волчье ущелье, могло остановить въ своихъ тѣснинахъ полчища враговъ, и вмѣстѣ съ Араксомъ прикрыть всю долину Араратскую. Кромѣ проточной воды были внутри Арташата цистерны, изъ коихъ одна, весьма глубокая, о пятидесяти ступеняхъ, совершенно въ Римскомъ вкусѣ, еще сохранилась у подошвы обители Хорвирабской. На одномъ изъ утесовъ, недалеко отъ ограды, два грубо изсѣченные креста, слывутъ въ народѣ крестами ночлега, ибо знаменуютъ то мѣсто, гдѣ оба Апостола, сошедшись, послѣ многотруднаго странствія, провели на мо-

литвѣ ночь, и разошлись опять для мученическихъ подвиговъ. Какъ драгоцѣнны такія народныя преданія, и какъ расположено сердце принимать ихъ съ любовью къ памяти ближайшихъ свидѣтелей Христовыхъ!

Возвратившись въ обитель, въ ожиданіи настоятеля, я сѣлъ у воротъ на обрывѣ утеса, и полный созерцаній минувшаго, долго смотрѣлъ къ востоку, на развивавшуюся предо мною картину. День былъ солнечный, жаркій; вся обширная равнина Араратская сіяла въ полной красѣ своей, усѣянная селами Армянскими и Татарскими. Широко кипѣлъ Араксъ по каменистому руслу, безпрестанно измѣняющій свое теченіе, и вѣрный только подножію исполина, который стережетъ его со временъ потопа. Надъ нимъ, двуглавый Араратъ, посѣдѣвшій снѣгами, смотритъ какъ бы въ иной міръ допотопный. Въ эту минуту его опоясало яркое облако, отдѣливъ бѣлыя вершины отъ темнаго основанія, какъ и самъ онъ принадлежитъ двумъ эпохамъ и двумъ

поколѣніямъ человѣчества. Съ лѣвой стороны тянулась отрасль Даръ-Алагеза, съ красною горою впереди хребта, и снѣжными вершинами Гокчи позади его на горизонтѣ. Отдѣльные утесы Давалу, подобно Арташатскимъ, брошены были пустыннымъ островомъ на равнину, и далѣе ихъ сходились горы въ ущеліе Шарурское, насквозь котораго есть тѣсный проходъ къ Нахичевани, первому населенію Ноя и его гробу. Позади меня возвышались стѣны обители Хорвирабской, на мѣстѣ древней столицы Артаксерксовъ, основанной геніемъ врага Римлянъ: и что же? яма мученика Григорія оказалась прочнѣе твердынь Аннибаловыхъ!

Не болѣе года какъ я былъ въ Римѣ, и видѣлъ тамъ гробницу его соперника Сципіона: и вотъ уже я подъ сѣнію Арарата, на развалинахъ Артаксата, имъ укрѣпленнаго, быть можетъ съ тайною мыслію, чтобы воздвигнуть хотя одно мощное царство на Востокѣ, противъ вседосягавшей руки Римлянъ, которая, и въ глубинѣ Азіи, гнала его изъ области въ область! И вмѣстѣ съ памятью Анниба-

ла, противоборствовавшаго здѣсь всемірной державѣ языческаго Рима, тутъ же и колыбель Христіанства Арменіи, во рву Св. Григорія, и второе начало человѣчества въ лицѣ Ноя, исшедшаго изъ своего чуднаго ковчега, на пустынную вершину Арарата. Какое смѣшеніе воспоминаній, объемлющихъ всѣ вѣка и предѣлы міра! Преисполненный думъ, я въ нихъ терялся, забывая настоящее: все было пусто и тихо кругомъ; слышны были только пронзительный крикъ журавлей, стаею поднявшихся съ озера Арташатскаго, а внизу, у подошвы утеса, томное пѣніе нѣсколькихъ погребателей, хоронившихъ въ сію лѣтописную землю, одного изъ своихъ присныхъ на сосѣднемъ кладбищѣ. Облако пыли давно уже неслось по долинѣ отъ Давалу, скоро раздался топотъ копытъ подъ самымъ утесомъ Хорвираба: — это былъ настоятель.

Но пріѣздъ его мало принесъ намъ пользы, потому что и безъ него мы уже все видѣли, а внутри соборной церкви, перестроенной со временъ Католикоса Нерсеса, не представлялось ничего замѣчатель-

наго. Все въ ней было ново, исключая быть можетъ одной купели, устроеноой въ стѣнѣ, по обычаю Армянскому, съ изваяннымъ сверху Херувимомъ. Отблагодаривъ настоятеля мы поѣхали обратно, въ то же селеніе Камарлу, гдѣ ожидалъ насъ ночлегъ. Хорвирабъ и Арташатъ были крайнею точкою моего путешествія въ южной части Арменіи.

Мнѣ хотѣлось проникнуть сквозь Шарурское ущелье, чтобы видѣть Нахичевань и Джульфу, и поклониться гробу Ноеву, или по крайней мѣрѣ мѣсту его погребенія. Какъ я слышалъ, оно находится внѣ города, подъ сводомъ засыпаннымъ сверху землею, который изнутри поддержанъ однимъ столбомъ и освѣщенъ нѣсколькими лампадами, убогимъ приношеніемъ всѣхъ исповѣданій и племенъ, чествующихъ своего родоначальника. Недавно общество Армянъ Нахичеванскихъ предложило Патріарху выстроить, на свое иждивеніе, церковь на могилѣ Ноя, съ тѣмъ однако же, чтобы не измѣнилось нынѣшнее устройство гробоваго свода. Неизвѣстно

до какой степени справедливо преданіе о могилѣ праотца, но во всякомъ случаѣ оно освящено давностью и согласіемъ разноплеменныхъ поклонниковъ. Гробъ жены Ноевой, Маранда, показываютъ въ предѣлахъ Персидскихъ, за Араксомъ. Но отъ Хорвираба до Нахичевани мнѣ оставалось еще около ста пятидесяти верстъ; я не рѣшился предпринять дальняго пути, потому что спѣшилъ въ Эчміадзинъ, на праздникъ мvроваренія, и хотѣлъ еще прежде осмотрѣть нѣсколько окрестныхъ обителей.

По дорогѣ въ Эривань остановился я для слушанія литургіи, въ селеніи Айсоровъ или Халдеевъ, которые въ 1838 году перешли въ наши предѣлы, въ числѣ четырехъ сотъ душъ, изъ Персидской области Урміи. Съ ними былъ полный церковный причтъ, священникъ, діаконъ и чтецъ; всѣ они, оставивъ заблужденіе Несторіево, приняли Православіе, и съ помощію правительства устроили себѣ малую церковь въ селеніи Кайсохоръ, за двадцать верстъ отъ Эривани. Греческій Архимандритъ при-

шедшій изъ Турціи, съ другими православными поселенцами, послѣ блестящихъ походовъ Князя Паскевича, данъ былъ наставникомъ новообращеннымъ. Онъ перевелъ для нихъ богослуженіе, сперва на Татарскій, а потомъ и на Халдейскій, съ помощью причетника, который довольно образованъ, потому что объѣхалъ почти всю Европу и жилъ долго въ Римѣ. Недавно присоединились къ нимъ тридцать новыхъ семействъ изъ Урміи, откуда охотно отпускаетъ ихъ Несторіянскій Епископъ въ наши предѣлы; они привели съ собою еще одного священника, гораздо болѣе образованнаго нежели первый, потому что онъ имѣлъ сношенія съ миссіонерами Англійскими въ Сиріи. Трудно однако одолѣть невѣжество прежняго клира и самаго народа, и пріучать ихъ къ обрядамъ православнымъ; прежде они имѣли три свои литургіи, много различествующія отъ нашихъ, которыя носятъ имена: Несторія, Ѳеодора, вѣроятно Мопсуестскаго, и Аддея или Апостоловъ.

Церковь сооружена во имя Св. Кири-

ка и Улиты, коихъ мощи положены подъ престоломъ; литургія произносилась на Греческомъ, Халдейскомъ и Славянскомъ языкахъ; но если пріятно было слышать соединеніе сихъ трехъ языковъ, столь разнородныхъ, во славу Господа собравшаго всѣхъ во едино, не утѣшительно было видѣть, какъ мало еще успѣха сдѣлали Айсоры на пути православія, ибо священникъ и діаконъ часто ошибались, и народъ не оказывалъ большаго вниманія къ службѣ, ему почти незнакомой. Къ тому же и благосостояніе новыхъ пришельцевъ еще не упрочено, такъ какъ они не получили до сей поры земель, для надлежащей осѣдлости. Но когда со временемъ все придетъ въ благоустроенное положеніе, особенно при новомъ священникѣ, тогда и сіи новые сыны Православной Церкви не уступятъ въ усердіи старшимъ своимъ братіямъ.

ОКРЕСТНОСТИ ЭЧМІАДЗИНА.

Не болѣе однаго дня оставался я въ Эривани, чтобы только не лишиться воскресной службы, и возвратился въ Эчміадзинъ. Еще оставалось нѣсколько дней до праздника Армянскаго, и мнѣ хотѣлось видѣть замѣчательныя окрестности. Патріархъ предложилъ мнѣ посѣтить, за двадцать верстъ, родину его, селеніе Аштаракъ, около котораго есть много опустѣвшихъ храмовъ. Дорога шла трезъ знаменитое въ лѣтописяхъ Армянскихъ мѣстопребываніе Князей Мамигонскихъ, Ушаганъ. Тамъ жилъ и погребенъ великій освободитель

своей родины, Ваганъ, достойный преемникъ исповѣдника, Князя Вартана, который положилъ кости свои за отечество, чтобы избавить его отъ огнепоклонства. Ваганъ создалъ тутъ церковь и похоронилъ въ ней священные останки великаго Месроба, который изобрѣлъ буквы Армянскія и преложилъ все Св. Писаніе съ Греческаго на родной языкъ. Погребальная церковь Месроба, обнесенная башнями и оградой, доселѣ высится на скалахъ Абарани; бурно кипитъ потокъ, подъ аркою смѣло наброшеннаго моста. Съ благоговѣніемъ вошелъ я во внутренность полуразрушеннаго храма, исполненнаго памятью двухъ величайшихъ благодѣтелей своего отечества. Западная часть сводовъ уже обвалилась и достроена кирпичемъ, но еще крѣпки середина и куполъ, опирающійся на высокихъ столбахъ; стѣны совершенно обнажены и новый иконостасъ не утѣшителенъ для взоровъ, но подъ его помостомъ гробница блаженнаго Месроба. Я спустился пятью ступенями въ подземелье, освѣщенное лампадами.

Пятое столѣтіе, ознаменованное столькими бѣдствіями, для народа Армянскаго, и паденіемъ его царства съ пресѣченіемъ рода Арсакидовъ, было однако высшею эпохою его славы воинской и церковной. Тогда великіе потомки просвѣтителя Григорія, Католикосы Нерсесъ и Исаакъ, управляли царствомъ, посреди безначалія князей и малодушія послѣднихъ Арсакидовъ; тогда Католикосъ Іосифъ, съ пресвитеромъ Леонтіемъ и его дружиною, запечатлѣли кровію вѣру свою въ Персіи, а два славныхъ вождя Мамигонскихъ, Вартанъ и Ваганъ, свергли иго Персовъ; въ то же время, образовались цѣлыя обители Студитовъ, т. е. ученыхъ иноковъ, которые занимались переводами Св. Отцевъ, и возникли, изъ учениковъ Исаака, посланныхъ имъ для образованія въ Грецію, знаменитые писатели: Моисей Хорренскій, Елиссей и Мамврій, но какъ яркое свѣтило возсіялъ между ними блаженный Месробъ. Первые годы юношескаго возраста провелъ онъ при великомъ Нерсесѣ, и послѣ смерти его удалился въ пустыню, гдѣ

изнурялъ тѣло свое подвигами поста. Сынъ великаго отца, Исаакъ, вступивъ на каѳедру, вызвалъ изъ уединенія Месроба, и воспользовался его духовнымъ образованіемъ, для просвѣщенія своего народа. Давно уже чувствовали необходимость буквъ, собственно Армянскихъ, ибо до тѣхъ поръ употреблялись Греческія и Сирскія, не выражавшія достаточно всѣхъ звуковъ чуждаго имъ языка. Услышавъ, что въ Сиріи, нѣкто Епископъ Даніилъ, изобрѣлъ новыя буквы, Месробъ хотѣлъ примѣнить ихъ къ своему нарѣчію, но нашелъ неудовлетворительными. Святитель Исаакъ послалъ его къ знаменитымъ риторамъ Греческимъ, въ Самосъ и Эфесъ, но и тамъ не обрѣлъ онъ желаемаго; то чего искалъ внезапно раскрылось внутри его собственнаго сердца, когда однажды, въ ночномъ видѣніи, напечатлѣлись въ немъ очерки первыхъ буквъ алфавита Армянскаго; проснувшись онъ составилъ полную грамоту. Не своему только народу оказалъ Месробъ сію важную услугу, но тѣмъ же обязаны ему и Грузины.

Когда вполнѣ образовалась грамота

Армянская, Католикосъ послалъ его въ Царьградъ, съ письмами къ Императору Аркадію и Патріарху Аттику, чтобы они содѣйствовали ему своимъ покровительствомъ, для преложенія Св. писанія, съ Греческаго на Армянскій, и Месробъ съ учениками своими совершилъ сіе великое дѣло, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Не смотря на смутную эпоху пятидесятилѣтняго святительства Исаака, который безпрестанно принужденъ былъ переходить изъ Персидской Арменіи въ Греческую, оба они, сильною рукою, двинули просвѣщеніе своего края, и сему времени принадлежатъ почти всѣ лучшія творенія словесности Армянской. Когда же скончался престарѣлый Католикосъ, съ которымъ пресѣклась мужеская отрасль Св. Григорія, Месробъ заступилъ его мѣсто, и не будучи самъ Католикосомъ, полгода управлялъ дѣлами церковными до своей блаженной кончины. Князь Мамигонскій Ваганъ, бывшій въ теченіи сорока лѣтъ правителемъ освобожденной имъ Арменіи, испросилъ себѣ, у сонма Епи-

скоповъ, тѣло усопшаго Месроба. Съ чрезвычайными почестями перенесъ онъ священные его останки, изъ Эчміадзина въ свое родовое помѣстье Ушаганъ, соорудилъ надъ ними величественный храмъ Богоматери, и самъ ради смиренія, велѣлъ погребсти себя, въ одной изъ башень ограды: тамъ и доселѣ прахъ его.

Недалеко отъ селенія уже начинаются сады Аштаракскіе, вдоль рѣки Абарани, самые знаменитые во всей окрестности; но всѣ ручьи ихъ орошающіе обратились, отъ непрестаннаго дождя, въ одинъ шумящій потокъ, который стремился намъ на встрѣчу, по тѣснымъ улицамъ между садовъ. Необходимость заставила отложить до другаго дня дальнѣйшее путешествіе, и остаться на ночь въ Аштаракѣ. Тутъ была нѣкогда крѣпость и видны остатки башень на самомъ обрывѣ скалъ, гдѣ теперь жилище Патріаршее надъ рѣкой. Ученый Епископъ Іоаннесъ Шехатуновъ, описавшій всѣ древности Араратской области, ожидалъ меня въ сосѣдней обители Мугни, Св. Георгія; но усышавъ что я остал-

ся въ Аштаракѣ, поспѣшилъ ко мнѣ на встрѣчу, и я провелъ вечеръ въ полезной для меня бесѣдѣ. Утромъ прояснилась погода; мы поспѣшили, мимо Мугни, прямо къ развалинамъ древняго монастыря Сергіева, близь Татарскаго селенія Уша, за восемь верстъ отъ Аштарака. Онъ былъ основанъ блаженнымъ Месробомъ, который перенесъ туда изъ Персіи останки глубоко уважаемаго въ Арменіи мученика, воеводы Саркиса.

Монастырь сей выстроенъ на скатѣ горы, у подошвы Алагеза, и запустѣлъ только со времени нашествія Шахъ-Аббаса, которое оставило гибельные слѣды по всему краю, но еще доселѣ его развалины свидѣтельствуютъ о прежнемъ величіи. Зданія должно отнести къ двумъ различнымъ эпохамъ: обширная церковь, съ обвалившимся куполомъ, принадлежитъ XIII вѣку, ибо она во вкусѣ Армянскихъ зданій сего времени. Красота зодчества состоитъ въ громадности камней и въ высотѣ аркъ, крестообразно пересѣкающихъ другъ друга; низкіе столбы, прислоненные къ стѣнамъ

поддерживаютъ арки; изъ готическаго окна открывается очаровательный видъ на дальнюю окрестность, къ Аштараку и горамъ Алагеза. Рѣзные кресты и многочисленныя надписи, о бывшихъ пожертвованіяхъ, украшаютъ стѣны; одна изъ нихъ, надъ дверями, свидѣтельствуетъ что въ 1220 году, Князь Іоаннъ Курдъ пристроилъ сію церковь къ прежней, когда ее обрушило землетрясеніе.

Но древняя церковь Месроба, V вѣка, достойна особеннаго вниманія, хотя она совершенно въ развалинахъ; отъ нее уцѣлѣла только алтарная стѣна, съ полусводомъ горняго мѣста; подобной я не встрѣчалъ въ Арменіи, и даже полагалъ сперва, что она была нѣкогда Греческою, потому что стѣнная живопись напоминаетъ наши православные соборы. Влахернская Божія Матерь написана съ Ангелами въ полукуполѣ; но ниже двѣнадцать соборно возсѣдающихъ Апостоловъ, съ стоящимъ позади каждаго Ангеломъ; еще ниже, въ малыхъ углубленіяхъ, изображены восемь стоящихъ Святителей, въ облаченіяхъ Греческихъ, съ евангеліемъ въ рукахъ; изъ числа ихъ мож-

но разобрать только по Гречески имя одного Папы Сильвестра, прочія стерлись; на боковыхъ дверяхъ, со стороны новаго храма, сохранилась еще икона Влахернская, съ предстоящими ей Ангелами. Ничто не можетъ столько доказывать древняго чиноположенія Греческаго въ церквахъ Армянскихъ, какъ сія живописная развалина, ибо тутъ устройство алтаря, и облаченія Святителей православныя. Въ послѣдствіи я слышалъ, что много такихъ церквей, еще не давно существовало въ Арменіи. Что касается до иконостасовъ и облаченій, мнѣ говорили: будто въ Нахичевани на Дону, куда переселились изъ Крыма давніе выходцы Армянскіе, бѣжавшіе отъ разворенія Ани, сохранилось много ризъ, совершенно Гречэскаго покроя; самая завѣсъ, доселѣ виситъ тамъ на аркѣ бывшихъ царскихъ дверей, ибо иконостасъ болѣе выдвинутъ впередъ, и потому священнодѣйствіе можетъ совершаться какъ бы въ алтарѣ.

Куполъ древней церкви Сергіевой обрушился отъ землетрясенія, въ 1827 году, и камнями завалилъ гробницу мученика, ко-

торая находилась съ лѣвой стороны. Имя сего многоуважаемаго Святаго церкви Армянской служитъ камнемъ претковенія между Греками и Армянами, по нелѣпой легендѣ, которая возникла уже довольно поздно, отъ взаимной ненависти обоихъ народовъ, ибо Сергій жилъ гораздо прежде раздѣленія. По чети-минеи Армянской онъ былъ славнымъ воеводою Императора Константія, сына великаго Константина; когда же возстановилось язычество, при отступникѣ Іуліянѣ, роздалъ имущество свое бѣднымъ и, съ юнымъ сыномъ Мартиріемъ, бѣжалъ въ Арменію. Царь Арташиръ принялъ его съ честью, но устрашенный походомъ Іуліяна, совѣтовалъ Сергію удалиться изъ его предѣловъ, къ болѣе могущественному Сапору. Властитель Персіи обрадовался пришествію столь славнаго вождя, и съ помощью его разбилъ полчища Іуліана. Сергій, воинствуя въ рядахъ огнепоклонниковъ, возгорѣлся ревностію обратить ихъ къ истинному свѣту; по его сильному слову, многія тысячи крестились во имя Господа Іисуса. Съ гнѣвомъ

услышалъ о томъ ненавистникъ имени Христова, Сапоръ, но опасаясь вліянія Сергіева на дружины, послалъ къ нему юнаго сына его Мартирія, пригласить ко двору воеводу. Мартирій на пути взятъ былъ въ плѣнъ, и чудесно освобожденъ молитвами отца: потому и пишется всегда вмѣстѣ съ нимъ на конѣ, въ отроческомъ образѣ. Тяжкія мученія ожидали, вмѣсто почести, ревностнаго исповѣдника Христова, при дворѣ огнепоклонника, и онъ, вмѣстѣ съ сыномъ, кровію своею запечатлѣлъ вѣру во Христа. Тѣло его, преданное землѣ въ городѣ Аміантѣ, перенесено было сто лѣтъ спустя, блаженнымъ Месробомъ въ Арменію, и съ тѣхъ поръ воевода Сергій, на равнѣ съ великомученикомъ Георгіемъ, сдѣлался предметомъ особеннаго уваженія Армянъ, и пишется на боковыхъ дверяхъ алтаря, напротивъ Георгія. Память его совершается въ субботу недѣли Мытаря и Фарисея, которая у насъ бываетъ сплошною, т. е. безъ всякаго поста, какъ бы нѣкоторое облегченіе ради предстоящихъ подвиговъ великаго. У Армянъ же напротивъ не-

дѣля сія вся постная, потому ли что они почитаютъ ее преддверіемъ четыредесятницы, или какъ нѣкоторые объясняютъ, въ память первоначальнаго поста, возложеннаго просвѣтителемъ Григоріемъ на весь народъ, когда приготовлялъ его къ Св. крещенію. Но по странной, ни чѣмъ не изъяснимой выдумкѣ, изъ Армянскаго слова арачивуръ т: е: предшествующій, которымъ называется у нихъ этотъ постъ, Греки произвели слово Арцивуръ, и увѣряютъ будто такъ называлась собака одного лже-монаха Сергія, который волхвованіями устрашалъ всю страну, и былъ особенно извѣстенъ по сему спутнику. Когда же однажды его растерзали другія собаки, Сергій наложилъ постъ на всѣхъ окрестныхъ жителей, и этотъ постъ будто бы принятъ былъ Церковью Армянскою.

По моему мнѣнію непростительно изобрѣтать такія сказки, и повторять ихъ безотчетно, въ теченіе столькихъ вѣковъ; а между тѣмъ раздражается ими цѣлый народъ, безъ всякой пользы, ибо можно ли допустить, чтобы увѣровавшіе въ спаситель-

ное имя Христово, если бы даже въ чемъ и погрѣшили, до того забылись, что учредили постъ въ память собаки, предъ великою четыредесятницею, которую они одинаково съ нами содержатъ, ради сорокодневнаго подвига общаго нашего Искупителя? Можно правильнѣе укорить Армянъ за то, что произвольно измѣнили нѣкоторые посты: такъ на примѣръ они сократили, и довольно странно, постъ Рождественскій, хотя сами называютъ его пятидесятницею: одну недѣлю постятся, другую разгавливаются, и такъ продолжаютъ до самаго Богоявленія; Успенскій постъ состоитъ у нихъ изъ одной только недѣли, вмѣсто двухъ. Армяне еще соблюдаютъ четыре пятидневные поста, называемые по временамъ года, въ подраженіе Римскимъ: весенній тотчасъ послѣ Пятидесятницы, когда у насъ Церковь празднуетъ восемь дней сошествіе Св. Духа; лѣтній недѣлю спустя, въ честь самаго просвѣтителя Григорія, обрѣтеніе мощей коего празднуется въ субботу; осенній или Георгіевскій установленъ на память великомученика и обрѣтенія креста Св. Рип-

симы; зимнимъ постомъ называютъ первые пять дней Рождественскаго; отъ Пасхи же и до Вознесенія не держатъ поста, даже въ среды и пятки. Должно однако отдать справедливость Армянамъ, что они строго соблюдаютъ посты, не позволяя себѣ употребленія рыбы, хотя впрочемъ ихъ монашествующіе разрѣшаютъ въ обыкновенные дни на мясо.

Нѣсколько выше развалинъ Сергіевыхъ видѣнъ на Алагезѣ, другой монастырь Благовѣщенія, оставленный со временъ Шахъ-Аббаса; но мы не рѣшились подыматься на гору, и чрезъ селеніе Карпи, нѣкогда богатѣйшее во всей окрестности, а теперь раззоренное, направились къ знаменитой обители Предтечи, Охана-ванкъ. Она опустѣла только недавно, со временъ Царя Грузинскаго Ираклія, когда онъ, подступивъ къ Эривани, увелъ съ собою жителей сихъ мѣстъ, для поселенія ихъ въ Грузіи. Нынѣшній Патріархъ еще помнитъ монастырь населеннымъ, и что туда на разрѣшеніе не разъ посылали изъ Эчміадзина, затруднительные вопросы церковные.

Обширная ограда съ башнями, и величественная церковь Предтечи, уцѣлѣвшая кромѣ купола, свидѣтельствуетъ о прежнемъ величіи. Начало обители относятъ къ великому Григорію и доселѣ совершается богослуженіе въ малой церкви Просвѣтителя, къ которой въ послѣдствіи была пристроена новая. Тамъ положилъ онъ часть мощей Предтечи, принесенныхъ имъ изъ Кесаріи, и меня увѣряли что доселѣ сохраняются они или подъ престоломъ, или подъ гробовой плитою, съ правой стороны церкви. Мнѣ кажется однако, что эта могила кого либо изъ знаменитыхъ настоятелей сего монастыря, въ которомъ, по описаніямъ Армянскимъ, хранился нѣкогда самый убрусъ Господа.

Главная церковь во имя Предтечи, построена была не ранѣе XIII вѣка, Княземъ Армянскимъ Ваче, изъ рода Пахлавуни. Она совершенно во вкусѣ зданій сего вѣка, и замѣчательна высотою сводовъ изъ тесаннаго камня. Предъ церковью обширная трапеза, на четырехъ низкихъ столбахъ, съ арабесками по окраинѣ ея

купола, который прозраченъ, подобно Эчміадзинскимъ, и легко держится на двѣнадцати колоннахъ. Спаситель, посреди мудрыхъ и юродивыхъ дѣвъ, грубо изваянъ надъ дверями, и кресты съ надписями изсѣчены на стѣнахъ. Показываютъ обломки одного каменнаго креста, съ изображеніемъ Спасителя, и говорятъ что этотъ крестъ былъ мѣрою роста Святителя Григорія. Должно полагать, что причиною основанія обители во имя Предтечи, была самая мѣстность, на дикомъ обрывѣ пустынной Абарани, ибо подъ всею церковью простирается обширная пещера; она напоминаетъ Палестинское жилище великаго проповѣдника покаянія, и тамъ виденъ еще тайный подземный спускъ къ самой рѣкѣ. Жители увѣряютъ, будто отсюда перенесены были мощи Св. Георгія, въ новую обитель Мугни, оттого что, при стеченіи богомольцевъ, часто обрывался въ рѣку народъ, по тѣснотѣ мѣста, но это не правдоподобно. Вся окрестность богата была прежде обителями; въ виду Іоанновой, нѣсколько выше по Абарани, вид-

на Сіонская, устроенная тѣмъ же Княземъ Ваче, и еще далѣе въ горахъ находятся развалины Сагмоса-ванкъ, или псаломной обители, куда удалялся на лѣто Св. Григорій, особенно любившій пустынныя мѣста сіи.

Что касается до монастыря Св. Георгія или Мугни, (ибо слово сіе, не знаю почему, всегда выражаетъ церковь Великомученика), я не нашелъ въ ней ничего замѣчательнаго. Не ранѣе XVII вѣка построена обитель и приписана къ Эчміадзину. Зданіе весьма обыкновенно: въ ризницѣ показываютъ часть мощей Св. Георгія, въ серебренной рукѣ благословляющей, по обычаю Армянскому, черепъ Евангелиста Матѳея, и частицу животворящаго креста. Въ придѣлѣ съ лѣвой стороны есть гробовая плита, подъ которою, говорятъ, покоилось все тѣло Великомученика, принесенное изъ Никомидіи великимъ Нерсесомъ; но географъ Армянскій Вартанъ свидѣтельствуетъ только о черепѣ святаго. Мѣстное преданіе утверждаетъ, будто бы за двѣсти лѣтъ предъ симъ, одинъ изъ Царей Грузіи вы-

просилъ себѣ мощи Св. Георгія въ Тифлисъ, только для исцѣленія болящаго сына, и далъ за нихъ аманатами первыхъ бояръ своихъ; но такъ какъ не исцѣлился сынъ его, Царь не хотѣлъ болѣе возвратить мощей и положилъ ихъ въ Бочармскую обитель; оттуда перенесли ихъ, вмѣстѣ съ иконою святаго, въ соборъ Алавердскій, гдѣ и до нынѣ находятся. Однако Мугни не перестаетъ быть мѣстомъ осенняго стеченія богомольцевъ, не только Армянъ, но даже и Татаръ, которые, въ продолженіи семи недѣль, всякую субботу собираются въ обитель, для праздника Св. Георгія. Мы возвратились, въ Аштаракъ, мимо опустѣвшихъ зданій женскаго монастыря Кизильванкѣ, или Краснаго, которымъ нѣкогда славилось это селеніе, бывшее городомъ во время славы Князей Мамигонскихъ.

Съ терасы Патріаршаго дома, гдѣ была прежде крѣпость Аштарака, долго любовался я живописнымъ ущельемъ, изъ котораго стремится шумный потокъ Абарани, подъ три арки древняго моста. Солнце яркими лучами отражалось въ скачущихъ

волнахъ, и на лоснящихся камняхъ, и на пожелтѣвшихъ листьяхъ деревъ. Золотыми столбами подымались тополи по утесамъ и плакучія ивы склонялись къ шумящему потоку. Во глубинѣ ущелья, отъ самаго моста, еще живописнѣе представилась таже картина, вся проникнутая солнцемъ и оттѣненная сумракомъ старыхъ башень на вершинѣ скалъ. Отъ Абараня поднялись мы, утесистою тропою, на голыя высоты, усѣянныя мѣлкимъ камнемъ и кочующими стадами, до самой равнины Эчміадзинской. Намъ открылось поприще славы Руссвой, на тѣхъ же поляхъ, гдѣ за тринадцать вѣковъ предъ тѣмъ, могущественный воевода Мамигонскій Ваганъ, разбилъ полчища Лезгинскія.

Здѣсь, въ 1827 году, храбрый Генералъ Красовскій, съ четырьмя тысячами войска, поспѣшая на помощь къ Эчміадзину, выдержалъ весь напоръ шестидесяти-тысячной арміи Персидской, подъ личнымъ предводительствомъ Аббаса-Мирзы, и побѣдителемъ вышелъ изъ неровнаго боя. Онъ имѣлъ неосторожность ночевать подлѣ

Аштарака, вмѣсто того чтобы продолжать ночью походъ свой къ монастырю, и дорого заплатилъ за свою ошибку. Войска Персидскія преградили ему дорогу; въ самый жаркій день, 8-го Августа, воины наши должны были сражаться съ томительною жаждою и съ непріятелемъ, которому безпрестанно подвозили воду на верблюдахъ. Аббасъ-Мирза, стоявшій въ садахъ Аштарака, перешелъ Абарань, по Ушаганскому мосту, и ударилъ съ тылу на наши обозы, которые прикрывала малая горсть храбрыхъ. Отважный воевода Персидскій, Джафаръ-Кули-Ханъ, оспоривалъ спереди каждый шагъ на безводной пустынѣ, и устроилъ баттарею на курганѣ, который господствовалъ надъ всею окрестностью: здѣсь былъ самый жаркій бой, и однако ни что не могло удержать мужества Русскихъ. Съ паденіемъ Хана началось замѣшательство въ его рядахъ. Еще немного, и полки наши увидѣли передъ собою Эчміадзинъ, хотя въ дали, но тѣмъ не менѣе оживилось ихъ сердце, до самой равнины они уже не дрались, а только пре-

слѣдовали непріятеля, отбиваясь въ то же время съ тыла и отъ Аббасъ-Мирзы; но тяжкій уронъ ожидалъ побѣдителей у самой цѣли. Около садовъ Эчміадзинскихъ Персіяне нарочно пустили, къ изнуреннымъ войскамъ нашимъ, живительную струю воды, которою поливались поля; солдаты бросились толпою къ канавѣ, и въ это время нахлынули Персіяне: нѣсколько сотъ нашихъ погибло надъ самой канавою; жаждущіе, приникнувъ устами къ текущей струѣ, не приподымали даже головы, когда надъ нею занесена была шашка Персидская, и головы катились въ воду. Здѣсь нужно было все хладнокровіе Генерала Красовскаго, чтобы возстановить бой. Съ терасы Эчміадзинскаго собора, Архіепископъ Нерсесъ увидѣлъ бѣдствіе Русскихъ войскъ, и выслалъ имъ на помощь слабый гарнизонъ. Персіане бѣжали и болѣе не возвращались въ наши предѣлы.

Остатокъ героевъ торжественно вступилъ въ ограду; ихъ приняли какъ освободителей первопрестольной обители Армянской. Лице военачальника было такъ

спокойно, расказываетъ доселѣ свидѣтель событія, Патріархъ Нерсесъ, что казалось онъ возвращался съ пріятной прогулки. Утѣшительно слышать расказъ сей, послѣ двадцати лѣтъ, изъ устъ столь знаменитаго очевидца. Высокій обелискъ сооруженъ былъ на полѣ битвы, Патріархомъ Ефремомъ, въ память падшихъ воиновъ, за три версты отъ обители, надъ тою бѣдственною канавою, которая была причиною ихъ мученической кончины; ежегодно, 8 Августа, совершается туда крестный ходъ Армянскаго духовенства, для поминовенія избіенныхъ во брани православныхъ воиновъ. Гдѣ же ты, самъ воевода храбрыхъ, память коего столь священна для народа Армянскаго? Преждевременная кончина застигла тебя, не на ратномъ полѣ, но въ мирномъ жилищѣ, въ Кіевѣ, подъ обломками обвалившагося дома. Вотъ гдѣ иногда встрѣчаетъ нечаянная смерть воиновъ, смѣло ей смотрѣвшихъ въ глаза, тамъ гдѣ она царствуетъ между трупами! Миръ праху твоему добрый воинъ Христовъ Аѳанасій! Ты покоишься у входа въ дальнія пещеры

отшельниковъ Печерскихъ, часто поминаемый любившими тебя въ Кіевѣ, и твой престарѣлый участникъ въ освобожденіи Эчміадзина, уже въ санѣ Патріарха, приходилъ также молиться на твою могилу.

День склонялся къ вечеру, когда мы стали спускаться въ равнину Эчміадзинскую; солнце было закрыто облаками, и черная туча подвигалась отъ Арарата; сверкали молніи, глухіе раскаты грома страшнымъ эхомъ раздавались по горамъ. Намъ открылись, въ одно мгновеніе, три славныя нѣкогда столицы Армянскія, на необъятной равнинѣ: ближе всѣхъ Вагаршапатъ, теперь убогое селеніе вокругъ престольной обители, съ разсѣянными около церквами, Гаяны, Рипсимы и Шогакатъ; на лѣво, у подножія Арарата, въ чуть видной дали, двойной утесъ обозначалъ древній Артаксатъ, основанный Аннибаломъ; вправо, на самомъ горизонтѣ, подъ горою Кульпе, возвышался остроконечный холмъ Армавира, бывшаго нѣкогда сердцемъ языческой Арменіи, какъ Эчміадзинъ сдѣлался сердцемъ Христіанской.

Кое гдѣ, на равнинѣ мелькалъ віющійся Араксъ, не разлучный со всѣми славными и горькими событіями народа Армянскаго, какъ и древній блюститель ковчега Араратъ. Предъ нами, у самаго начала равнины, какъ призракъ, стоялъ обелискъ Русскихъ воиновъ. Уже начиналась буря и капалъ крупный дождь. Мнѣ сопутствовали два Армянскихъ Епископа; мы остановились подлѣ обелиска и совершили безмолвную молитву на память усопшихъ. Гостепріимная обитель, за которую они шли, укрыла насъ отъ непогоды; старецъ Нерсесъ досказалъ мнѣ видѣнное мною, живымъ языкомъ сердца.

ТОРЖЕСТВО МУРОВАРЕНІЯ.

Я опять возвратился къ уединенному образу жизни Эчміадзинской, и проводилъ большую часть времени въ разговорахъ съ Патріархомъ. Поучительна бываетъ всегда бесѣда старцевъ, прошедшихъ сквозь долгое поприще жизни; тѣмъ занимательнѣе она, когда престарѣлый труженикъ шелъ по вершинамъ а не по удолью сего поприща, и свѣтлымъ умомъ съ высока наблюдалъ мимотекущія событія. Многое расказалъ мнѣ Нерсесъ, о частныхъ случаяхъ своей дѣятельной жизни, и о тѣхъ переворотахъ, гражданскихъ и церковныхъ,

которыхъ былъ свидѣтелемъ, сообщилъ и о нѣкоторыхъ подвигахъ, истинно мученическихъ, которые вѣдаетъ одинъ только небесный раздаятель вѣнцевъ. Всего болѣе тронуло меня произшествіе, случившееся при глазахъ Нерсеса, когда онъ былъ еще Архимандритомъ въ Смирнѣ: одинъ дервишъ, тридцать лѣтъ скитавшійся по улицамъ города, въ послѣдніе три года постоянно просилъ у всѣхъ Христіанъ, вмѣсто милостыни, только молитвъ. Когда же наконецъ созрѣло благочестивое желаніе его сердца, онъ явился въ судилище Магометанское, и явно исповѣдалъ себя Христіаниномъ. По приговору судей, съ воплями повлекла его раздраженная чернь, на мѣсто казни. Нерсесъ, увидѣвъ съ терасы своего дома необыкновенное движеніе, спросилъ проходящихъ и услышалъ о чудномъ обращеніи дервиша. Греки, свидѣтели мученической кончины, собирали кровь его въ платки и нѣкоторые едва не сдѣлались сами жертвою ярости народной: они вывлекли однако изъ моря брошенное тѣло страдальца, и тайно отправили его въ Венецію.

Я спрашивалъ Патріарха: какимъ образомъ, находясь безпрестанно между Персіанами и Турками, не только избѣжалъ онъ ихъ мести, за свою преданность Россіи, но даже пріобрѣлъ ихъ довѣренность? — «Они вѣрили моему слову, отвѣчалъ Нерсесъ, потому что между Азіатцами первая добродѣтель есть твердое исполненіе даннаго обѣщанія. Къ тому же Персіане имѣли всегда уваженіе къ святынѣ Эчміадзинской, а я пользовался особеннымъ расположеніемъ Аббаса-Мирзы. Дважды посѣщалъ онъ обитель, во время моего управленія, и всегда благоговѣйно въ ней обращался; ему понравились двѣ иконы Богоматери, принесенныя изъ Персіи Патріархомъ Симеономъ, и онъ хотѣлъ взять ихъ съ собою; но я сказалъ, что нельзя оставить безъ украшенія алтарь, и Аббасъ-Мирза удовольствовался однею, которую хранилъ у себя съ большею честію. Когда же, по смерти Патріарха Даніила, и въ отсутствіи избраннаго нами Ефрема, Давидъ, бывшій прежде Патріархомъ, возобновилъ свои козни, и меня позвали въ станъ Персидскій,

подъ Хорвирабъ, я смѣло ему воспротивился предъ лицемъ Аббасъ-Мирзы. Давидъ имѣлъ на своей сторонѣ Сардаря Эриванскаго и семь Хановъ, но я сталъ между ними и спросилъ Царевича Персидскаго: какое участіе могутъ имѣть Ханы въ избраніи Патріарха чуждой имъ вѣры? развѣ сами хотятъ принять ее? — Справедливо ли имъ вступаться въ дѣло столь святое для насъ, тѣмъ болѣе что уже имѣемъ законнаго Патріарха? Если же кто либо изъ Хановъ, или самъ Давидъ, имѣетъ что либо противъ меня, пусть теперь же обвиняетъ въ лице, и никто изъ нихъ не раскрылъ противъ меня уста. Тогда Аббасъ-Мирза не только принялъ меня благосклонно, но по моей просьбѣ двѣ недѣли остался подъ монастыремъ Хорвирабскимъ, ожидать прибытія новаго Патріарха Ефрема, который ѣхалъ изъ Россіи.»

Во свидѣтельство уваженія Персовъ къ Католикосамъ Армянскимъ, Патріархъ приводилъ мнѣ примѣръ Шахъ-Надира, который требовалъ, чтобы Католикосъ Авраамъ опоясалъ его мечемъ, по примѣру Султановъ

Турецкихъ, возводимыхъ такимъ образомъ на царство. Однажды Шахъ пригласилъ его къ столу и замѣтивъ, что старецъ ничего не ѣстъ по причинѣ поста, велѣлъ немедленно приготовить другую пищу, и съ тѣхъ поръ всегда наблюдался этотъ порядокъ для его гостя. Когда же, послѣ смиреннаго Авраама, взошелъ на каѳедру горделивый Лазарь, чрезвычайно любившій пышность, не умѣлъ онъ заслужить расположенія Шаха. Однажды владѣтель Персіи, встрѣтивъ цѣлый рядъ навьюченныхъ лошаковъ, подъ роскошными попонами, спросилъ какому Сардарю принадлежитъ караванъ? Когдаже услышалъ что Патріарху, прогнѣвался, и велѣлъ взять въ казну всѣ вьюки, говоря: «не таковъ былъ добрый отецъ нашъ Авраамъ.»

Мнѣ любопытно было знать: какимъ образомъ исчезли всѣ богатства, которыми славилась Эчміадзинская обитель, довольно убогая нынѣ? Патріархъ сказалъ: «лучшимъ временемъ для Эчміадзина было минувшее столѣтіе, когда послѣ нашествія

Шахъ-Аббаса, опять возстановилось благоденствіе. Помню, при Патріархахъ Симеонѣ и Лукѣ, богатство наше, церковное и хозяйственное; мы имѣли цѣлыя стада верблюдовъ и табуны конскіе, а теперь нѣтъ почти лошадей на дворѣ Патріаршемъ. Раззореніе началось въ послѣдніе годы Патріарха Луки, когда Ага-Магометъ-Ханъ Персидскій воевалъ съ Царемъ Иракліемъ. Патріархъ, думая лучше сохранить сокровища церковныя, раздѣлилъ ихъ на четыре части; двѣ отправилъ къ дружественнымъ Пашамъ Карса и Баязида, въ предѣлы Турецкіе, одну въ Тифлисъ, гдѣ надѣялся крѣпко на защиту Ираклія, и одну утаилъ въ Эчміадзинѣ, приготовляясь къ нашествію Персидскому. Но расчеты человѣческой мудрости оказались совершенно невѣрными, и вопреки всѣмъ ожиданіямъ, только та часть спаслась, которая хранилась въ Эчміадзинѣ; ибо Ага-Магаметъ-Ханъ, миновавъ монастырь, почти до основанія раззорилъ Тифлисъ, а мнимые союзники удержали у себя ввѣренное имъ добро. Послѣ кончины Патріарха, когда начались искательства

Давида Тифлискаго, для пріобрѣтенія каѳедры, много израсходовалъ онъ, дабы преклонить на свою сторону Сардаря Эриванскаго и, услышавъ о приближеніи Русскаго отряда, приготовилъ нѣсколько вьюковъ съ сокровищами церковными; Давидъ надѣялся бѣжать съ ними въ Эривань, но спасся только одинъ, а вьюки его были захвачены и исчезли. Въ это смутное время, когда не было почти никакого управленія въ обители, расхищена была ея драгоцѣнная библіотека, потому что каждый бралъ изъ нее что хотѣлъ, и лучшія книги продавались за безцѣнокъ.»

Я пожелалъ видѣть остатки сей библіотеки, и дѣйствительно нашелъ ее въ жалкомъ состояніи. Она имѣетъ теперь не болѣе семи сотъ книгъ, печатныхъ и рукописныхъ, наиболѣе Армянскихъ, которыя расположены въ трехъ небольшихъ покояхъ, поверхъ жилья Патріаршаго. Что касается до иностранныхъ, то никто не можетъ разобрать ихъ, по незнанію, духовными лицами Армянскими, какого-либо

языка кромѣ собственнаго. Богословскія и историческія сочиненія, съ истолкованіемъ Св. Отцевъ Греческихъ и Армянскихъ, составляютъ главное отдѣленіе въ этой библіотекѣ, и многое можно бы извлечь изъ нихъ, какъ для исторіи народа, такъ и для догматовъ, но кто займется симъ ученымъ дѣломъ? Между рукописями я не нашелъ слишкомъ древнихъ, восходящихъ далѣе XII вѣка, и это понятно, ибо только, въ половинѣ XIV вѣка, каѳедра Католикосовъ перешла опять изъ Циса въ опустѣвшій Эчміадзинъ, и вѣроятно библіотека начала собираться съ того времени. Самое древнее Евангеліе, VII вѣка, по Армянскимъ сказаніямъ, увезено было однимъ изъ Католикосовъ въ Испагань, и теперь Нерсесъ требуетъ оное обратно. Но я тамъ нашелъ три пергаментныя рукописи: творенія Нерсеса благодатнаго, и сношенія его съ Императоромъ Греческимъ Мануиломъ, для соединенія Церквей, писанныя менѣе ста лѣтъ послѣ его смерти, т. е. въ XIII вѣкѣ. Тамъ же и вѣрный списокъ, хотя не подлинный,

собора бывшаго въ Румъ-кале при его преемникѣ Григоріѣ IV, въ 1177 году, ради общенія съ Церковью Православною.

Наступилъ наконецъ вечеръ субботній, предъ торжествомъ мνросвященія, которое на сей разъ совпадало у Армянъ съ другимъ праздникомъ, обрѣтенія креста Царицею Еленою. Торжественная вечерня была началомъ воскреснаго служенія; все духовенство, въ облаченіи, встрѣтило Патріарха у дверей его дома, съ рипидами, кадилами и свѣчами. Онъ вышелъ въ короткой лиловой мантіи, съ посохомъ въ рукѣ; старшій изъ Архіепископовъ облекъ его въ багряную мантію, поверхъ лиловой; діаконы понесли предъ нимъ покрывало, особенное отличіе Патріаршаго сана у Армянъ, знаменующее по ихъ толкованіямъ то, которое лежало на главѣ Моисея. Изъ исторіи видно, что такое покрывало, вмѣстѣ съ посохомъ, прислано было отъ Папы Иннокентія II, въ 1141 году, Католикосу Григорію III; но я никакъ не могъ понять настоящаго значенія сей утвари, которой нѣтъ ни на Западѣ, ни на

Востокѣ. Сами Армяне употребляютъ ее только при помазаніи своихъ Католикосовъ, осѣняя ихъ, въ ту минуту, покрываломъ. Здѣсь, въ первый разъ, увидѣлъ я и діаконовъ въ митрахъ, что мнѣ показалось весьма страннымъ, потому что это головное украшеніе, какъ знаменіе власти, принадлежитъ Епископамъ и только по снисхожденію, дозволяется Архимандритамъ, но во всякомъ случаѣ несвойственно низшимъ служителямъ Церкви. Что касается до свѣщниковъ, то вмѣсто нашихъ трикирій и дикирій, которые символически знаменуютъ Св. Троицу и двоякую природу Богочеловѣка, у Армянъ они вожжены четырьмя свѣчами, безъ всякаго таинственнаго смысла.

Шествіе Патріарха, отъ своихъ покоевъ до собора, подъ сѣнію балдахина, въ сопровожденіи всего духовенства, при звукѣ колоколовъ, было весьма торжественно, и краткая вечерня, совершавшаяся въ храмѣ, посреди общаго безмолвія, произвела на меня впечатлѣніе благоговѣйное; но за то послѣдующія служенія, утреня

и самая литургія, были весьма тягостны для сердца, отъ безчинія народнаго. Незная ни языка, ни богослуженія Армянскаго, я не могъ слѣдовать за ходомъ службы, и только изрѣдка ловилъ нѣкоторые гимны и молитвы, сходные съ нашими, которые въ послѣдствіи мнѣ объяснили. Такимъ образомъ за вечернею, послѣ чтенія первыхъ псалмовъ и краткой эктеніи, предъ алтаремъ Единороднаго, весь ликъ возгласилъ умилительную пѣснь: «Свѣте тихій, святыя славы,» которая, по своей глубокой древности, перешла изъ Іерусалима во всѣ народы; пѣты были и вечерніе стихи псалмовъ: «Господи воззвахъ къ тебѣ, услыши мя, и да исправится молитва моя.» Патріархъ облачился въ фелонь съ митрою, а хоръ воспѣлъ протяжно трисвятую пѣснь, и послѣ нѣсколькихъ стихиръ, въ честь креста, служеніе окончилось чтеніемъ евангелія, которое самъ Нерсесъ принесъ съ главнаго престола на середину церкви.

Нѣсколько часовъ спустя начались отходныя ко сну молитвы, съ повечеріемъ

и полунощницею, отдѣльно отъ утрени; ибо старецъ, не надѣясь на свои силы, предоставилъ себѣ краткій отдыхъ между долгими служеніями. Часа въ четыре до разсвѣта началась утреня; съ трудомъ можно было проникнуть въ церковь, въ которой народъ занималъ только третью часть, ибо служба совершалась предъ алтаремъ Единороднаго, на серединѣ. Отъ говора и шума нельзя было слышать ни одного слова; служилъ же самъ Патріархъ, потому что по чиноположенію церкви Армянской, всякій Епископъ долженъ совершать утреню какъ простой священникъ, ежели приготовляется къ обѣднѣ; но Патріарху прислуживали Епископы, какъ діаконы, то облачая его, то подавая различную утварь. И то и другое не сходно съ православнымъ чиномъ, гдѣ такъ строго опредѣлена должность каждаго, и Епископъ не вступаетъ въ обязанности іерейскія, а только на литію и полѵелей исходитъ изъ алтаря, на середину церкви, съ своимъ клиромъ; кольми паче, не только Епископы, но даже и пресвитеры, не

исполняютъ и предъ лицемъ Патріарха, ни какихъ служебныхъ дѣйствій, предоставленныхъ однимъ діаконамъ, какъ служителямъ по самому значенію ихъ сана.

Утомительно было бы объяснять весь порядокъ полунощной и утренней службы, во многомъ сходной съ нашею и наполненной безпрестаннымъ чтеніемъ псалмовъ. Скажу только вкратцѣ, что никогда не читаютъ болѣе двухъ или трехъ псалмовъ одинъ за другимъ; псалтырь у Армянъ раздѣлена иначе на каѳизмы нежели у насъ, и вмѣсто двадцати считаютъ ихъ только восемь. То что у насъ называется канономъ и положено во второй половинѣ утренни, бываетъ у нихъ въ концѣ полунощницы; на утренни же поются большею частью трипѣсницы, составленные изъ пѣсни трехъ отроковъ Вавилонскихъ, и гимны Нерсеса благодатнаго; вечернія молитвы его чрезвычайно умилительны, и во всѣхъ его твореніяхъ проявляется высокая душа его.

Патріархъ, стоявшій во все время служенія, противъ алтаря Единороднаго, или

подлѣ своей каѳедры, трижды облачался для чтенія евангелія: въ первый разъ на концѣ полунощницы, чтобы послѣ канона въ честь креста, возгласить о страстяхъ Господнихъ; вторично посреди утренни, на полѵелеѣ, который совершенно напоминаетъ нашъ, выходомъ священнослужителей на средину церкви, для чтенія воскреснаго евангелія, и пѣніемъ хвалебныхъ псалмовъ. Память усопшихъ совершается всегда на воскресной утренни, и ради сего читается евангеліе, которое на этотъ разъ было замѣнено крестнымъ за полунощницею, по случаю праздника, если только не ошибаюсь. Величаніе Богоматери (т. е. пѣснь ея: величитъ душа моя Господа) предшествуетъ полѵелею, который называется у Армянъ чиномъ мѵроносицъ, вѣроятно по случаю пѣнія воскресныхъ тропарей, упоминающихъ о ихъ пришествіи ко гробу, и вскорѣ послѣ того начинается, посреди церкви, торжественное пѣніе: «слава въ вышнихъ Богу.» Предъ самымъ окончаніемъ утренни, Патріархъ читалъ въ третій разъ евангеліе, о женѣ помазавшей мѵ-

ромъ ноги Іисусовы, по случаю наступившаго торжества мvроваренія.

Возвращеніе Патріарха въ его покои совершилось безъ особеннаго торжества, равно какъ и выходъ его къ обѣдни, хотя встрѣчало опять все духовенство; но толпа народная была столь велика, что самъ онъ едва могъ пройти въ церковь. Вся чернь собралась изъ окрестностей Эривани, и не было принято никакихъ мѣръ для водворенія порядка. Покамѣстъ Патріархъ облачался въ одной ризницѣ, а двѣнадцать Епископовъ приготовлялись къ служенію съ нимъ, въ другой, волненіе народа дошло до высочайшей степени; всѣ стремились черезъ перегородки къ главному алтарю, чтобы ближе быть къ Св. мvру. Армяне полагаютъ, что оно чуднымъ образомъ варится само собою. Серебренный котелъ, подъ парчевымъ покровомъ, поставленъ былъ на возвышеніи алтаря, и уже за шесть недѣль прежде въ немъ приготовлено было мvро, но только не освящено; каждый день, очередной священникъ долженъ былъ прочесть надъ нимъ все евангеліе. Торжество мvроваренія, со-

совершающееся довольно рѣдко, почитается самымъ главнымъ въ Церкви Армянской, такъ какъ Св. мνро разсылается повсюду, изъ одного лишь Эчміадзина, и можетъ быть освящено только Католикосомъ, а потому служитъ союзомъ единства для всей церкви Армянской. Молва о чудѣ привлекаетъ богомольцевъ со всѣхъ сторонъ Арменіи; но на сей разъ позднее время года и недавно бывшее торжество, по случаю посвященія Нерсеса, удержали почетныхъ посѣтителей отъ вторичнаго прихода. Замѣчательно однако, что Церковь Армянская исполненная такого благоговѣнія къ Св. мνру, опустила, въ смутную эпоху своихъ гражданскихъ переворотовъ, другое спасительное помазаніе елеемъ болящихъ, хотя оно считается въ числѣ седми таинствъ, равномѣрно на Западѣ какъ и на Востокѣ.

Патріархъ приступилъ къ служенію литургіи на главномъ алтарѣ, совершенно по тому же чину какъ я видѣлъ священнодѣйствіе Епископа или Архимандрита, но съ тою разницею, что по сторонамъ его

безгласно стояли облаченные Епископы, вмѣстѣ съ прочимъ клиромъ. Для совершенія проскомидіи, ходилъ онъ къ алтарю первомученика Стефана, въ сѣверное отдѣленіе храма, гдѣ приготовлена была святыня мощей. Во время Херувимской пѣсни, все духовенство пошло съ хоругвями и рипидами за Св. дарами, къ алтарю Стефанову, и въ качествѣ діакона понесъ ихъ Епископъ Іоаннесъ Шехатуновъ, на главный престолъ, кругомъ всей церкви. Вслѣдъ за нимъ прочіе Епископы несли честные крестъ и копіе и мощи съ ароматами, которыми должно было совершиться освященіе мѵра. Шествіе было торжественно, не смотря на вопли народа; величественно и самое освященіе, но отъ шума нельзя было слышать ни одного слова, не смотря на то что я находился подлѣ алтаря. На серединѣ его возвышенія, передъ серебреннымъ котломъ стоялъ Патріархъ, и съ глубокимъ благоговѣніемъ читалъ молитвы, не обращая ни малѣйшаго вниманія на бурю народную, кипѣвшую у подножія алтаря; по сторонамъ его двѣнадцать

Епископовъ держали въ рукахъ святыню, которую постепенно ему подавали, и все пространство алтаря было наполнено клиромъ, въ богатыхъ ризахъ.

Вмѣстѣ съ молитвами освященія, три евангелія, Матѳея, Луки и Іоанна, читались надъ предуготовленнымъ мνромъ, (какъ мнѣ въ послѣдствіи объяснялъ Патріархъ), всѣ три о женѣ помазавшей мνромъ ноги Іисусовы; читали также два посланія Іоанновы, о духовномъ помазаніи, и рѣчь Петрову изъ книги дѣяній, о помазаніи Христа на спасеніе міра, и нѣсколько паремій, изъ пророчествъ Исаіи и Захаріи, изъ пѣсней Соломона и изъ книгъ Исхода и Бытія, о помазаніи Первосвященника Аарона и о голубицѣ Ноевой, принесшей сличную вѣтвь. Между каждымъ чтеніемъ возглашались антифоны, и Епископы вслѣдъ за Патріархомъ, одинъ за другимъ, читали продолжительныя молитвы. Самъ онъ произнесъ послѣднюю, въ которой приглашалъ всѣхъ единодушно испросить сошествіе Духа Святаго на предлежавшее мνро. Потомъ Патріархъ влилъ

въ него благовонные соки травъ, масти и ароматы, съ драгоцѣннымъ масломъ и остаткомъ прежняго освященнаго мура, и осѣнилъ крестообразно сей новый благовонный составъ, животворящимъ крестомъ и копіемъ, и десницами святыхъ, Апостола Ѳаддея и просвѣтителя Григорія, сына его Аристагеса и Іакова Низибійскаго. Это самая торжественная минута, ибо здѣсь ожидаютъ совершенія чуда: кипѣнія мура внутри котла; шумъ и вопли умножились до чрезвычайности, такъ что многіе падали, отъ нахлынувшей толпы. Окончательная эктенія діакона и молитва Патріарха надъ Св. муромъ, заключены были чтеніемъ евангелія отъ Марка, о посланіи Господомъ своихъ учениковъ, съ властью исцѣлять болящихъ, при помазаніи ихъ елеемъ.

Послѣ освященія мура задернулась завѣса, потому что утомленный Патріархъ хотѣлъ нѣсколько отдохнуть и перемѣнить облаченіе. Литургія продолжалась обыкновеннымъ порядкомъ, отъ возгласа: «цѣлуйте другъ друга цѣлованіемъ мира.» Между тѣмъ народъ началъ прикладываться къ серебрен-

ному котлу, въ которомъ находилось священное мvро, и всѣ съ благоговѣніемъ осязали его теплоту. Почти нельзя было стоять подлѣ алтаря, отъ натиска толпы; съ трудомъ могъ выйти самъ Патріархъ по окончаніи литургіи, уже безъ всякаго церемоніяла. Гостепріимная трапеза, для всего духовенства и почетныхъ посѣтителей, ожидала насъ въ его восточныхъ покояхъ и, не смотря на свое утомленіе, радушный старецъ привѣтливо предсѣдательствовалъ за нею.

На другой день я долженъ былъ оставить Эчміадзинъ, но мнѣ хотѣлось сохранить въ памяти моей впечатлѣніе его исторической равнины и окрестныхъ горъ. Я взошелъ на плоскую крышу Патріаршаго дома, чтобы насладиться оттолѣ сею величественною панорамою. Это было при закатѣ солнца; оно спускалось за дальній хребетъ горъ Араратскихъ, и ярко озарило двуглавое чело исполина, отъ котораго начиналась горная цѣпь. Пурпурнымъ свѣтомъ исполнилась опять вся равнина, какъ въ первый вечеръ моего пріѣзда, будто

что-то багровое плавало въ воздухѣ, и такимъ румянцемъ горѣли всѣ окрестныя вершины. Казалось, въ первый вечеръ обновленнаго міра, когда вышелъ праотецъ нашъ изъ своего потопнаго дома, не могло отраднѣе представиться ему лице земли, согрѣтой лучами всеоживляющаго солнца: такъ все кипѣло жизнью и свѣтомъ вокругъ! Я просилъ взошедшаго со мною Епископа Іоаннеса, назвать мнѣ окрестныя горы и радостно изумился ихъ лѣтописнымъ именамъ: Кегамъ и Арамъ и Араилъ къ востоку, запечатлѣны именами первыхъ родоначальниковъ племени Гайканскаго, и между ними Семирамида оставила также свое громкое имя одной изъ горъ, въ память войны Ассиріянъ съ отринувшимъ ихъ Царицу вождемъ Араиломъ. Но вотъ и новѣйшія варварскія названія заступили мѣсто библейскихъ. Тупая вершина Алагеза подымается напротивъ остроконечнаго Арарата, ограждая съ сѣвера его равнину, и отъ него бѣжитъ къ полдню низменная отрасль Даръ-Алагеза, доколѣ не сливается на небосклонѣ съ пустынею Аракса.

Два темныхъ утеса этой цѣпи указываютъ мѣсто Кегарта, обители копія: холмъ Артаксата къ полудню, а къ сѣверу холмъ Армавира, означаютъ дальнія грани сей лѣтописной равнины, гдѣ протекла, подобно Араксу, двадцати-вѣковая слава царства Армянскаго, и оставила по себѣ одну только духовную столицу Св. Григорія, Эчміадзинъ. Отъ Ноя до Артаксерксовъ и Хосроевъ, отъ Просвѣтителя Григорія, до нынѣшняго Патріарха Нерсеса, какое необъятное поприще для глубокихъ думъ, начинающееся волнами потопа, и непрестанно растущее, въ неизсякаемомъ потокѣ временъ и событій!

Трогательно для меня было прощаніе съ Эчміадзиномъ, по тому вниманію, которое не переставалъ мнѣ оказывать почтенный старецъ до послѣдней минуты моего отъѣзда. Мимоходомъ зашелъ я въ открытый соборъ, чтобы помолиться у алтаря Единороднаго, и цѣлью моей молитвы было присоединеніе Церкви Армянской къ Вселенскому союзу. Епископы, со мною бывшіе въ храмѣ, конечно не подозрѣвали, что въ сію

минуту я о нихъ молился, хотя и они провожали меня съ любовію до воротъ обители. Множество собравшагося народа, по случаю торжества мvроваренія, наполняло площадь Вагаршапата; воспоминаніе Эчміадзина оставило пріятное впечатлѣніе въ моемъ сердцѣ.

О НЕСОГЛАСІИ АРМЯНСКОЙ ЦЕРКВИ СЪ ПРАВОСЛАВНОЮ.

Ознакомившись такимъ образомъ, съ верховною іерархіею, святынею и богослуженіемъ Армянской Церкви, что могу сказать о ея отдѣленіи отъ Церкви Православ-

ной, въ которомъ она находится уже столько вѣковъ?—Надобно только вздохнуть, о произвольномъ недоразумѣніи, и вспомнить слова однаго изъ величайшихъ, ея свѣтильниковъ, Нерсеса Архіепископа Ламбронскаго: «Изъ за чего мы раздѣляемся? если разсмотримъ дѣло безпристрастно, то не имѣемъ никакого основанія противиться великой Церкви Греческой. Мы говоримъ: Христосъ есть Богъ и человѣкъ; они же: Христосъ имѣетъ двѣ природы; разность въ словахъ, а не въ самомъ дѣлѣ. Праздники и обряды возникли отъ любви: посему неприлично, ради соблюденія своихъ праздниковъ, уничтожить любовь, для коихъ они были учреждены. Церковь Греческая есть источникъ и начало Христіанской вѣры, отъ которой Армяне заимствовали все что имѣютъ, и она это сохранила неизмѣнно, допуская улучшеніе только во славу Божію. И так примемъ предложенныя намъ условія съ любовію, какъ завѣты предшественниковъ нашихъ, а не какъ принесенныя намъ отъ чужихъ». Такъ говорилъ, въ исходѣ XII вѣка, просвѣщен-

ный мужъ предъ соборомъ Епископовъ Армянскихъ, соединившихся для мира церковнаго по зову Католикоса.

Но не такъ судили первые нарушители мира въ V вѣкѣ, и не всегда такъ разсуждаютъ донынѣ тѣ, которымъ бы надлежало внимать Ламбронскому проповѣднику. Нѣтъ, болѣе памятно имъ жестокое слово Католикоса Моисея, который отвѣчалъ, на миролюбивый зовъ Императора Маврикія, въ VI столѣтіи: «того не будетъ, чтобы я перешелъ когда либо рѣку Азотъ, и вкусилъ бы евхаристію, совершаемую на квасномъ хлѣбѣ, и пилъ бы отъ чаши растворенной водою!» Какъ далека эта рѣчь, отъ проникнутой Христовою любовью рѣчи Нерсеса, хотя она болѣе простительна была въ то время, нежели теперь.

Тогда, по смутнымъ обстоятельствамъ гражданскимъ, не могли участвовать Армяне на соборѣ Халкидонскомъ, ибо рушилось ихъ царство подъ оружіемъ Хосроевъ и Персидское иго тяготѣло надъ одною половиною нѣкогда цвѣтущей державы. Должно съ безпристрастіемъ ска-

зать, что и Греческіе Императоры, обладавшіе западною половиною Арменіи, не искали пріобрѣсти любви своихъ подданныхъ, часто являясь между ними съ огнемъ и мечемъ. Когда же опять возстановилось царство Армянское, подъ скипетромъ Багратидовъ, Греки были виною его паденія, захвативъ новую столицу Ани и послѣдняго Царя Качика. Гораздо прежде сего печальнаго событія, еще около времени Халкидонскаго собора, энотиковъ или согласительная грамота Императора Зинона, отвергавшаго соборъ сей, и указъ его преемника Анастасія, который запрещалъ даже говорить о немъ, чтобы прекратить волненіе возникшее на Востокѣ, могли служить извиненіемъ для Армянъ, особенно когда ближайшіе къ нимъ Епископы Сирійскіе возставали противъ собора. Это побудило Католикоса Армянскаго Бабкена, въ 491 году, на частномъ соборѣ Эчміадзинскомъ, глухо отринуть Халдиконскій, не вникая въ его догматическія опредѣленія.

Камнемъ претвновенія для Армянъ служило то, что въ Халкидонѣ не обратили

вниманія на три такъ называемыя статьи или сочиненія, собственныхъ или соседнихъ къ нимъ Епископовъ, Феодора Мопсуестскаго, Иваса Едесскаго и Феодорита Кирскаго, которые у нихъ были оглашены за приверженцевъ ереси Несторіевой. Симъ обстоятельствомъ воспользовались люди недоброжелательные и внушили Армянамъ, будто бы Вселенскій соборъ, осуждая ересь Евтихія, впалъ въ противоположную ересь Несторія. Евтихій сливалъ въ лицѣ Господа Іисуса Христа, Божество его и человѣчество въ одну природу, такъ что отъ сего ученія подвергалось страданію самое Божество; а Несторій напротивъ того признавалъ въ Искупителѣ двѣ природы, Божескую и человѣческую, но вмѣстѣ съ тѣмъ раздѣлялъ его на два отдѣльныя лица, полагая что послѣ рожденія отъ Пречистой Дѣвы, соединилось Божество съ человѣчествомъ. Церковь же Православная отвергая ту и другую хулу, учитъ, что еще въ дѣвственной утробѣ пречистой своей Матери, Слово стало плотію, по изреченію Евангелиста, и родился отъ нея совершен-

ный Богъ и совершенный человѣкъ, въ одномъ лицѣ своемъ соединяющій двѣ природы, божественную и человѣческую. Несовершенство языка Армянскаго, не имѣющаго утонченности Греческаго для выраженій богословскихъ, не мало препятствовало къ разъясненію истины, ибо нельзя было отличить на онемъ опредѣлительно слово ипостась, т. е. лице, отъ слова естество или природа. Такимъ образомъ когда Греки говорили, что въ Господѣ Іисусѣ Христѣ двѣ природы, Армяне принимали это за два лица, и сами на оборотъ, желая выразить въ немъ одно лице, выражали одно естество, къ соблазну Грековъ.

Но какъ никогда не бываетъ безвреднымъ отсѣченіе вѣтвей отъ корня ихъ возрастившаго, такъ и отпаденіе Церкви Армянской отъ Вселенскаго союза съ Церквами Царьграда, Кесаріи и Іерусалима, откудѣ заимствовала свое просвѣщеніе духовное, отозвалось въ послѣдствіи для нее погрѣшностями. Такимъ образомъ, при самомъ началѣ разрыва, приняла она отъ Петра Фулона или Гнафея (бѣлильника),

неправильно вторгшагося на патріаршую каѳедру Антіохіи, неправильное славословіе. Церковь Армянская отнесла къ единому лицу Господа Іисуса трисвятую пѣснь: «Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный,» которую вся Церковь воспѣваетъ въ честь Святыя Троицы; и хотя, при такомъ изъясненіи, слова: «распныйся за ны,» и другія, прибавляемыя ею къ сей пѣсни, не заключаютъ собственно ереси, ибо и Господь намъ есть Богъ, святый, крѣпкій, и безсмертный: однако такое отклоненіе Армянъ отъ вселенскаго согласія, возбудило противъ нихъ нареканіе въ ереси Евтихіевой, приписывающей страданіе Божеству. Апостолъ же внушаетъ намъ добровольно отказываться отъ предметовъ, соблазняющихъ братій нашихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ свои особые посты, праздники и обряды, невольно возникли отъ долгаго отчужденія Церкви Армянской, сиротливо забытой на Востокѣ, среди воинскихъ бурь, и малое въ началѣ отдѣленіе умножилось до такой степени, что народное имя Армянъ сдѣлалось выраженіемъ особаго исповѣданія и

предметомъ нареканій, часто неправильныхъ.

Надобно сказать правду, Греки не щадили Армянъ и распространяли о нихъ многія нелѣпости, какъ напримѣръ: сказку о пестѣ Арцывура, почитая ихъ зараженными всякою ересью. Не менѣе вражды питали къ нимъ и Армяне, не примѣчая, что уже не столько догматы вѣры, сколько самая ихъ народность, легко смѣшиваемая съ религіею на Востокѣ, у народовъ лишенныхъ самобытности, положила между ними рѣзкую и по несчастію враждебную черту. Упорно отвергали они соборъ Халкидонскій, отнюдь не вникая въ его догматы и, какъ бы позорнымъ именемъ, клеймили прозваніемъ Халдиконца тѣхъ изъ благонамѣренныхъ своихъ Епископовъ, которые яснѣе видѣли истину. Это тѣмъ болѣе непростительно, что послѣ пятаго Вселенскаго собора, уже не было имъ причины чуждаться общенія съ Церковью Православною: ибо при великомъ Императорѣ Іустиніанѣ, сто лѣтъ послѣ собора Халкидонскаго, торжественно осуждены были

три сомнительныя для нихъ статьи. Что же касается до шестаго и седьмаго Вселенскихъ соборовъ, то ихъ опредѣленія согласны были съ догматами Армянской Церкви, о двухъ воляхъ Божественной и человѣческой, въ одномъ лицѣ Господа, Іисуса и о чествованіи святыхъ иконъ.

Случалось однако по временамъ, что она находилась въ союзѣ съ Православною, потому что Императоры Греческіе неоднократно старались о возстановленіи мира; но естьли благонамѣренные изъ Католикосовъ, принимали общеніе, то народъ, возбуждаемый фанатиками, при малѣйшей возможности, опять отторгался отъ союза. Мало дѣйствовалъ благой примѣръ сосѣдней Церкви Грузинской, которая твердо держалась единства съ Православною; Католикосъ ея Киріонъ, въ 580 году, торжественно провозгласилъ соборъ Халкидонскій, вопреки проклятіямъ Католикоса Армянскаго Аврамія, на его Двинскомъ соборищѣ, и Католикоса Моисея, упорно отвергавшаго миролюбивыя приглашенія Императора Маврикія. Однако, въ XII вѣкѣ,

Нерсесъ Ламбронскій указывалъ своимъ единовѣрцамъ на благодатный примѣръ Церкви Грузинской, которая процвѣтала, сохранивъ союзъ свой въ Царьградомъ, когда напротивъ того осиротѣвшая Церковь Армянская держалась на слабой вѣткѣ, и волновалась всякимъ вѣтромъ бурь военскихъ и церковныхъ.

Первый примѣръ желаннаго мира съ Православіемъ подалъ мудрый Католикосъ Эздра, въ началѣ VII вѣка, когда пришелъ на соборъ въ Θеодосіополь, нынѣшній Эрзерумъ, по зову Императора Ираклія, который воевалъ противъ Хосроя Персидскаго. Не силою оружія убѣдился Эздра, но требовалъ отъ Императора изложенія вѣры и, увѣрившись въ догматахъ Православія, принялъ исповѣданіе Халкидонское. Съ тѣхъ поръ многія тысячи Армянъ, живущихъ въ предѣлахъ Греческой Арменіи приняли обряды Православной Церкви, праздники и посты, и евхаристію стали совершать на квасномъ хлѣбѣ, съ чашею вина растворенняго водою. Остатки сихъ православныхъ Армянъ доселѣ существуютъ

въ Анатоліи, около города Севасты или Сиваса, въ числѣ двѣнадцати селеній, и они извѣстны подъ именемъ Хайхорумъ, которое составилось изъ производнаго слова Гайко-Румъ т. е. Армяно-Грековъ. Но благочестивый Эздра подвергся ненависти, будучи обвиняемъ въ пристрастіи къ Грекамъ, и тоже испыталъ одинъ изъ величайшихъ его преемниковъ, Нерсесъ строитель, за то что сообщился на литургіи съ внукомъ Ираклія, Императоромъ Констанціемъ. Онъ принужденъ былъ даже оставить свою каѳедру, отъ безпорядковъ гражданскихъ, и ею овладѣлъ жесточайшій противникъ Православія, Іоаннъ Маназгердскій. Сей Іоаннъ созвалъ, не въ столичномъ Двинѣ, но въ маломъ городѣ своемъ Маназгердѣ, нѣсколько Епископовъ и, въ самыхъ непріязненныхъ выраженіяхъ, предалъ анаѳемѣ соборы Халкидонскій и Эрзерумскій.

Не такъ поступилъ кроткій преемникъ Нерсеса, Іоаннъ Философъ, который однако держался преданія отечественной Церкви. Онъ соединилъ новый соборъ въ Дви-

нѣ, возстановилъ порядокъ церковный и даже обряды собственно Армянскіе, не согласные съ Греческими, но не коснулся собора Халкидонскаго, ибо самъ былъ воспитанъ при святомъ отшельникѣ Ѳеодорѣ Трихинѣ; когда же начала водворяться въ Арменіи ересь Фантастиковъ, учениковъ Іуліана Галикарнасскаго, который почиталъ воплощеніе Христово за призракъ, Іоаннъ написалъ противъ нихъ сильное возраженіе, въ коемъ признавалъ рѣшительно двѣ природы во Христѣ. Такъ сильно было однако предубѣжденіе Армянъ, что одинъ изъ ихъ извѣстныхъ писателей, Вартанъ, называетъ неправославными весь рядъ Католикосовъ отъ Эздры до сего Іоанна, за союзъ ихъ съ Греками, чѣмъ собственно доказываетъ ихъ Православіе. Ошибочно смѣшиваетъ онъ дѣянія жестокаго Іоанна Манасгердскаго съ дѣяніями Іоанна Философа, называя его возстановителемъ правъ и догматовъ своей Церкви и врагомъ Халкидонцевъ. Не должно смѣшивать его и съ другимъ Католикосомъ Іоанномъ, равно именитымъ не неблагопріят-

нымъ Церкви Православной, который жилъ сто лѣтъ спустя, и болѣе извѣстенъ подъ именемъ Историка, по современной лѣтописи имъ составленной. На шестомъ и на седьмомъ Вселенскихъ соборахъ присутствовали, по сознанію самихъ Армянъ, нѣкоторые изъ ихъ Епископовъ, слѣдственно не имѣютъ они причины, не признавать Вселенскаго ихъ достоинства.

Патріархъ Фотій старался возстановить нарушенное единство, чрезъ посланнаго въ Ани, Архіепископа Никейскаго Іоанна, и нашелъ себѣ сотрудника въ Католикосѣ Захаріи, хотя сильно было противудѣйствіе Епископовъ Армянскихъ. Іоаннъ принужденъ былъ разъяснять догматы Халкидонскаго собора и они приняты были съ такою оговоркою: «естьли кто полагаетъ ихъ противурѣчащими Апостольскимъ преданіямъ, и по какому либо потворству не отвергаетъ, тотъ самъ отверженъ; естьли же напротивъ кто знаетъ, что Халкидонскій и послѣдующіе за нимъ соборы, согласны съ правилами трехъ первыхъ, но дерзаетъ клеветать на нихъ или прокли-

нать, тотъ самъ себя проклинаетъ.» Но это не прямое соглашеніе, не произвело ни какого союза и, сто лѣтъ спустя, иной ревнитель Православія, изъ Католикосовъ Армянскихъ, Ваганъ, былъ лишенъ каѳедры, по суду своихъ Епископовъ, за приверженность къ догматамъ Греческимъ. Впрочемъ такое враждебное чувство Армянъ противъ Грековъ понятно въ ту эпоху, потому что вскорѣ послѣдовало паденіе царства Багратидовъ, подъ мечемъ Императора Константина Мономаха.

Замѣчательное явленіе въ Церкви Армянской!—Великій просвѣтитель Григорій заимствуетъ отъ Грековъ просвѣщеніе духовное, и доколѣ благочестивый родъ его держитъ кормило святительское, паства его соблюдаетъ союзъ Православія; послѣдній Католикосъ изъ его племени, Исаакъ великій, посланіемъ своимъ обличалъ три статьи, не осужденныя на соборѣ Халкидонскомъ, и онѣ отвергнуты на пятомъ Вселенскомъ соборѣ. Вотъ лучшее свидѣтельство, что четвертый соборъ не долженъ былъ служить камнемъ претыкновенія для

Армянъ, естьли бы они лучше вникли въ сущность дѣла. Послѣ Исаака великаго, въ теченіе шести сотъ лѣтъ, разнородные Католикосы восходятъ на каѳедру Св. Григорія, и кромѣ нѣкоторыхъ именитыхъ изъ ихъ числа; они въ разрывѣ съ Церковью Православной.

Григорій Магистръ, изъ царственнаго дома Паглавуни, которому принадлежалъ и Св. Григорій, получаетъ въ управленіе отъ Кесарей Месопотамію и благопріятствуетъ Православію. Племянникъ его, Католикосъ Григорій мучениколюбецъ, такъ прозванный, потому что собиралъ житія и кости мучениковъ, восходитъ опять въ XI вѣкѣ на каѳедру святаго своего предка и управляетъ ею въ теченіе пятидесяти лѣтъ. Мнѣніе его о двухъ природахъ во Христѣ Іисусѣ, было столь православно, что онъ собственноручно скрѣпилъ свидѣтельство о томъ же, въ книгѣ Іоанна Философа, съ осужденіемъ противъ мудрствующихъ иначе. Племянникъ его, также Католикосъ Григорій, вступаетъ въ сношеніе съ Императоромъ Мануиломъ о мирѣ церковномъ. Братъ Григорія Нерсесъ

благодатный продолжаетъ сіи сношенія, и тройнымъ изложеніемъ вѣры старается оправдать себя предъ Церковью Православной, употребляя правильныя выраженія о двухъ природахъ. Нѣкоторые изъ Армянъ упрекаютъ его въ честолюбіи, будто бы желалъ онъ патріаршества; но хотя ни онъ, ни его предшественники и послѣдователи, не носили собственно сего титла, усвоеннаго Патріархамъ Греческимъ, развѣ достоинство Католикоса, т. е. главы отдѣльной Церкви, не поставляло его на равнѣ съ ними? Современники лучше оправдали благія намѣренія Нерсеса, усвоивъ ему имя благодатнаго и причисливъ къ лику святыхъ. Преждевременная смерть не позволила ему довершить начатаго: но его племянники, Католикосъ Григорій младшій и Нерсесъ Архіепископъ Ламбронскій, довершили подвиги мира на соборахъ Тарса и Румъ-Кла, не смотря на сопротивленіе многихъ изъ числа своихъ вельможъ. Тамъ послѣдовало разрѣшеніе недоумѣній и тридцать три Епископа, Великой и Малой Арменіи, единодушно подписали со-

гласіе подъ актомъ соборнымъ, соединявшимъ Церковь Армянскую съ Православною Смерть Императора Мануила воспрепятствовала довершенію желаннаго союза, ибо за нею послѣдовали безпорядки въ имперіи и взятіе столицы крестоносцами. Но что же послѣ? — еще одинъ, изъ рода Паглавуни, возсѣлъ на каѳедру Св. Григорія, а за нимъ слѣдовали опять разнородные Католикосы, и Церковь Армянская, отклоняясь отъ Православія и частію отъ собственныхъ преданій, начала одно время сближаться съ Латинскою, подъ вліяніемъ крестоносцевъ; она даже измѣнила самое облаченіе и устройство своихъ храмовъ въ угожденіе Риму.

Тогда явился еще одинъ ревнитель Православія въ великой Арменіи, Захарія изъ рода Аргутинскихъ, знаменитый воевода или Спасаларъ Царицы Тамари, правитель столичныхъ нѣкогда городовъ Ани и Лори, братъ коего Іоаннъ принадлежалъ къ Церкви Православной. Захарія, чувствуя безпорядки собственной Церкви и тягость раздѣленія, при безпрестанныхъ своихъ

сношеніяхъ съ народомъ Грузинскимъ, писалъ о томъ въ Цисъ къ Царю Армянскому Леону и Католикосу Іоанну VII. Онъ просилъ, чтобы ему позволено было, подобно Грузинамъ, имѣть во время похода богослуженіе въ шатрѣ, и чтобы оно всегда совершалось съ приличнымъ благолѣпіемъ, при содѣйствіи діаконовъ, которые почти совсѣмъ были уничтожены въ Церкви Армянской. Захарія просилъ еще, что бы тамъ, гдѣ Армяне находились вмѣстѣ съ Греками и Грузинами, имъ позволено было въ тоже время совершать праздники успенія и воздвиженія.

Царь и Католикосъ соборно опредѣлили: богослуженіе всегда совершать торжественно а не скрытно или тайнѣ, по искаженному истолкованію слова таинство, и чтобы на литургіи не только воспоминать живыхъ, но и усопшихъ, ибо начало вкрадываться заблужденіе, о безполезности молитвы за упокой. Разрѣшено также было воеводѣ праздновать успеніе и воздвиженіе вмѣстѣ съ Греками, имѣть при себѣ священнослуженіе въ шатрѣ,

подтверждено иконопочитаніе и строгое наблюденіе, чтобы не посвящался никто на высшія степени церковныя, мимо низшихъ, а монашествующіе безвыходно пребывали бы въ обителяхъ. Дѣянія сего собора показываютъ въ какомъ упадкѣ находился тогда порядокъ церковный въ Арменіи.

Воевода Захарія, не смотря на опредѣленія собора Цисскаго, не рѣшился однако принять ихъ безъ утвержденія собственныхъ Епископовъ, ибо тогда сѣверная или великая Арменія находилась подъ владычествомъ Царей Грузинскихъ, и составляла какъ бы особенную область церковную. Въ Лори созваны были верховные Епископы древнихъ столицъ Ани и Двина, Карса и Албаніи, съ предстоятелями славныхъ обителей Ахпата и Санагина. Это было въ 1205 году; большая часть отцевъ Армянскихъ изъявили согласіе на опредѣленія своего Католикоса, но суровый родственникъ воеводы, Григорій Татевскій настоятель Ахпата и Санагина, съ нѣкоторыми другими, отвергли соборъ и разошлись по своимъ мѣстамъ, стараясь по-

всюду возбуждать себѣ приверженцевъ. Захарія, несмотря на ихъ сопротивленіе, исполнилъ рѣшеніе соборное, и велѣлъ, въ своемъ присутствіи, совершить первую торжественную литургію. Онъ хотѣлъ водворить новыя правила и въ обителяхъ Ахпата и Санагина; но Григорій вооружился противъ него не только словомъ но и мечемъ, и отразилъ отъ своихъ монастырей посланныхъ воеводою; потомъ же, въ свою очередь, принужденъ былъ бѣжать и удалился въ Карабахъ, въ славную обитель Татевскую, давшую ему свое имя. Оттолѣ не преставалъ онъ возставать противъ всякаго сближенія Католикосовъ съ Православіемъ, проклиная соборъ Халкидонскій; его творенія и пѣсни церковныя доселѣ ходятъ между Армянами, возбуждая въ нихъ не доброжелательство къ Православію, хотя впрочемъ это не есть мнѣніе всей ихъ Церкви, представляемой Католикосомъ и соборомъ, но выражаетъ только заносчивость одного лица, которое вышло изъ повиновенія Церкви, по смутнымъ обстоятельствамъ времени.

Сношенія Императора Греческаго Ма-

нуила, о мирѣ церковномъ, съ благонамѣренными Католикосами, Нерсесомъ и Григоріемъ, достойны особеннаго вниманія. Они изданы были въ свѣтъ, на Греческомъ и Латинскомъ языкахъ, въ книгѣ о древнихъ писателяхъ (Veterorum scriptorum), и теперь дополнены новыми актами, которые издалъ въ Римѣ Кардиналъ Анжело Маіо; въ нынѣшнемъ году явились, въ Русскомъ переводѣ, съ Армянскаго подлинника, нѣкоторые изъ сихъ любопытныхъ актовъ, вмѣстѣ съ окружнымъ посланіемъ Нерсеса благодатнаго; но весьма жаль, что при этомъ опущены самые переговоры философа Греческаго Өеоріана съ Католикосомъ, объясняющіе весь ходъ дѣла.

Зять Императора Алексій, обозрѣвая области Армянскія вступилъ въ прѣніе, съ братомъ Католикоса Григорія, Нерсесомъ, и просилъ его отвѣчать письменно на нѣкоторые вопросы, касавшіеся догматовъ: о двухъ природахъ во Христѣ, Трисвятой пѣсни, о празднованіи Рождества вмѣстѣ съ Богоявленіемъ, опрѣснокахъ и винѣ, не растворенномъ водою при евхаристіи, и о

постахъ Церкви Армянской, разнствующихъ съ православными. Нерсесъ, благоразуміемъ своихъ отвѣтовъ, возбудилъ въ Императорѣ желаніе вступить въ ближайшее сношеніе съ Церковью Армянскою, чтобы возстановить согласіе. Онъ писалъ о томъ Католикосу Григорію, въ 1160 году, но уже письмо его застало на каѳедрѣ Нерсеса благодатнаго, и онъ вторично написалъ о тѣхъ же предметахъ къ Мануилу, въ выраженіяхъ еще болѣе согласныхъ съ Православіемъ. Говоря о догматѣ воплощенія, такъ отзывался Католикосъ: «единое существо и единое лице, изъ двухъ естествъ, въ единомъ Іисусѣ Христѣ, соединены неслiянно и неизреченно.» Справедливѣе не могла бы выразиться и самая Церковь Православная, хотя въ другихъ мѣстахъ случалось Нерсесу, употреблять и свойственныя Армянамъ нареченія; о единой природѣ, по сбивчивому ихъ понятію о ипостаси и естествѣ. Сіе вторичное изложеніе вѣры, еще болѣе возбудило ревность благочестиваго Императора и онъ послалъ, для личныхъ съ нимъ совѣщаній о вѣрѣ, ученаго инока

Θеоріана, прозваннаго философомъ, которому далъ въ спутники, вѣроятно для языка, Армянскаго монаха Іоанна Утмана, изъ монастыря Македонскаго.

Обращая вниманіе только на главные предметы, служившіе виною раздора, Θеоріанъ избралъ, въ основаніе своихъ бесѣдъ, самое посланіе Нерсеса, и началъ съ догмата о двухъ природахъ, отвергаемаго Армянами. Будучи глубоко проникнутъ чтеніемъ Св. Отцевъ, Θеоріанъ приводилъ во свидѣтельство Католикосу изреченія самыхъ великихъ учителей Церкви, и зная, что главною опорою противникамъ служатъ слова Св, Кирилла Александрійскаго: «единая природа Слова воплощеннаго», старался убѣдить, что это ни сколько не выражаетъ понятія Армянскаго, о единой природѣ во Христѣ, а напротивъ сходно съ изреченіемъ евангельскимъ: «Слово плоть бысть»: то есть что Божественная природа приняла человѣческую и воплотилась; посему не сказано: «Христосъ, но Слово плоть бысть,» и въ сихъ краткихъ словахъ ясно выражено лице Богочеловѣка. Θео-

ріанъ старался доказать Католикосу, что нѣтъ никакого отношенія между православнымъ догматомъ Халкидонскимъ, о двухъ природахъ во Христѣ, и еретическимъ ученіемъ Несторія, раздѣлявшаго на двое единое лице Господа; но Нерсесъ крѣпко держался словъ Кирилла: «единая природа Слова воплотившаяся.» Онъ говорилъ, что такъ какъ во времена сего святаго, не было никакой ереси противуположной сему ученію, то и не было ему ни какой причины употребить такое выраженіе, естьли бы внутренно не былъ убѣжденъ въ его истинѣ. Тогда Ѳеоріанъ доказалъ ему, изъ тѣхъ же книгъ отеческихъ, что въ этомъ случаѣ Св. Кириллъ основывался на словахъ Св. Аѳанасія великаго, который употребилъ ихъ противъ ереси Арія, такъ какъ сей отличалъ Слово Божіе, внутреннее, несозданное, принадлежащее существу Божію, отъ Слова созданнаго, какимъ почиталъ онъ Іисуса Христа. По сему Св. Аѳанасій, отвергая такое различіе говорилъ опредѣлительно, что онъ признаетъ: «единую природу Слова воплотившуюся». Это

такъ сильно подѣйствовало на Католикоса Нерсеса, что онъ сказалъ: «теперь я успокоился касательно сихъ словъ, потому что увидѣлъ первоначальную ихъ причину, которая доселѣ мнѣ была сокрыта». Когда же пришелъ къ нему Сирскій Епископъ и упрекалъ въ согласіи съ Греками, Нерсесъ прямо отвѣчалъ, что не покорился бы волѣ Патріарха или Императора, если бы самъ не убѣдился въ истинѣ, и потому не можетъ противиться ученію Отцевъ. О если бы теперь, смиренное сознаніе Нерсеса благодатнаго, нашло себѣ подражаніе въ его единовѣрцахъ, ради мира церковнаго!

Чтобы совершенно уничтожить всякое недоумѣніе, Өеоріанъ предложилъ сличить догматы Халкидонскаго собора съ ученіемъ Отцевъ, особенно Св. Кирилла, болѣе уважаемаго Армянами, и нельзя было найти въ его выраженіяхъ, ни одной черты не сходной съ исповѣданіемъ Халкидонскимъ. Нерсесъ благодатный опять сказалъ Өеоріану: «я ничего не нахожу въ семъ опредѣленіи противнаго православной

мірѣ, и удивляюсь, почему наши предшественники такъ безотчетно оное порицали. Думаю однако, что такъ какъ сей святой соборъ вооружился противъ многихъ ересей, то врагъ спасенія будучи пораженъ имъ въ самое сердце, воздвигъ противъ него столь многихъ враговъ». Естьли искреннія и благочестивыя слова сіи, которыя можетъ быть не находятся въ рукописяхъ Армянскихъ, но взяты однако изъ современныхъ актовъ Өеоріана, покажутся для иныхъ сомнительными, то пусть они прочтутъ, опять у себя, изложеніе вѣры Нерсеса, который прямо исповѣдывалъ во Христѣ: «двѣ природы въ одномъ существѣ или ипостаси, то есть лицѣ Господнемъ»; а если такъ вѣровалъ Нерсесъ, то остается только сожалѣть о долгомъ и напрасномъ разрывѣ.

Когда такимъ образомъ разрѣшено было главное недоумѣніе, не много труда стоило Өеоріану, разрѣшить вопросъ, и о двухъ воляхъ, необходимо истекающихъ отъ двухъ природъ, Божественной и человѣческой; этотъ догматъ не встрѣтилъ сопротивленія,

какъ потому что нѣкоторые Армянскіе Епископы присутствовали на шестомъ Вселенскомъ соборѣ его утвердившемъ, такъ и отъ того что предубѣжденіе падало только на одинъ Халкидонскій. Не такъ легко было согласить Католикоса, исключить изъ Трисвятой пѣсни, неправильное прибавленіе: «распныйся за ны». Нерсесъ оправдывалъ свой обычай, тѣмъ что Армянская Церковь относитъ пѣснь сію, не ко всей Троицѣ, а только къ лицу Сына, и потому прибавленіе не заключаетъ въ себѣ никакой ереси; Өеоріанъ представлялъ ему напротивъ примѣры отеческіе и обычай всей Церкви Вселенской. Однако Нерсесъ, не сказавъ ничего рѣшительнаго, предложилъ перейти къ другому предмету; въ послѣдствіи же писалъ къ Католикосу Іаковитовъ, излагая ему требованія Императора: «перемѣнить нѣкоторые обряды и признать двѣ природы для насъ удобно, но отказаться отъ прибавленія къ Трисвятой пѣсни мы не можемъ». Видя, съ какою искренностію я привожу слова Нерсеса, равно благопріятныя и неблагопріятныя Церкви Православной, Армяне

не могутъ упрекнуть меня въ пристрастіи. Причина же, по которой Нерсесъ затруднялся отложить сіе прибавленіе, весьма понятна: догматъ о двухъ природахъ былъ недоступенъ большей части народа; напротивъ того Трисвятая пѣснь, которую такъ торжественно воспѣваютъ Армяне на литургіи, была въ устахъ у каждаго, и потому обычай сей слишкомъ глубоко пустилъ свои корни. Однако Нерсесъ, въ первомъ посланіи къ Императору писалъ: «что есть ли бы существовало согласіе между обѣими сторонами, то и это бы можно было устроить съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, то есть, чтобы въ первый разъ пѣніе Трисвятаго относилось къ Богу Отцу, во второй къ Сыну, а въ третій къ Духу Святому».

Праздники Рождества и Богоявленія, совершаемые у Армянъ въ одинъ день, по древнему преданію, были также предметомъ разсужденія. Католикосъ ссылался на давность обычая и старался доказать, изъ словъ Евангелиста Луки, разчисленіе дней. Ѳеоріанъ указывалъ на разность мѣсяцевъ

лунныхъ и солнечныхъ, измѣняющихъ самые дни, и основывался на рѣчи Златоуста, который выводилъ расчетъ дней, отъ переписи народной бывшей во время Августа, и говоритъ что въ Римѣ, откуда произошелъ сей обычай, можно справиться по актамъ, о днѣ рожденія Господа. Нерсесъ памятуя, что и въ празднованіи Пасхи, жители Азіи, не смотря на давность своего обычая, принуждены были уступить общему порядку Церкви Вселенской, охотно соглашался уступить въ этомъ предметѣ, лишь бы только согласились въ другихъ важнѣйшихъ.

Обращено было вниманіе и на то, изъ чего составлялось въ Арменіи святое муро, ибо тамъ, по недостатку въ маслѣ, употреблялся елей изъ сочевицы. Странно почему не было разсуждаемо о томъ, что Армяне не растворяли вина водою при Евхаристіи и служили на опрѣснокахъ, хотя Нерсесъ касался довольно пространно сихъ предметовъ въ своемъ посланіи. Однако и тамъ выражался онъ весьма миролюбиво: «Господь требуетъ отъ

насъ правую вѣру и непорочныя дѣла, а не то чтобы мы, на квасномъ или безквасномъ хлѣбѣ, совершали таинство; то же скажемъ и о винѣ: съ водою ли совершаютъ или безъ воды, ни тѣмъ, ни другимъ не умножается похвала, но напротивъ прославляются тѣ, которые приносятъ дары Богу съ чистымъ сердцемъ». Когда происходили сіи бесѣды, случай подалъ поводъ къ новому вопросу: Армянскіе священники начали совершать обѣдню, по своему обычаю внѣ церкви. Католикосъ старался объяснить Θеоріану, что по ихъ преданію одна только литургія можетъ совершаться внутри церкви, а народъ всегда долженъ находиться внѣ оной, ради благоговѣнія къ святому мѣсту и сознанія своей грѣховности; но Θеоріанъ доказалъ ему, изъ словъ отеческихъ, что стояніе внѣ церкви почиталось степенью наказанія; Католикосъ отвѣчалъ, что и это отступленіе легко исправить.

По окончаніи бесѣды Нерсесъ сказалъ трогательную рѣчь Θеоріану, въ которой желая усомниться, по той отчетливости

съ какою записалъ онъ каждое слово, и потому что рѣчь Католикоса совершенно соотвѣтствовала благодатному духу его посланія къ Императору: «Христіанская душа ваша, писалъ онъ Мануилу, желала чтобы совершилось соединеніе Церкви и, въ единодушіи чадъ ея, прославлялась Святая Троица, вмѣсто существовавшей до нынѣ взаимной хулы святой вѣры и преданій. Мы же, съ своей стороны, столько готовы участвовать въ этомъ дѣлѣ, что не только обращаясь въ живыхъ, но даже изъ гроба, естьли бы это было возможно, явились подобно Лазарю, по призванію вашему, на богоугодное дѣло. (Слова сіи находятся въ подлинникѣ Армянскомъ). Опасаюсь однако, что въ настоящее время, усердной моей готовности представится значительное затрудненіе, и я долженъ бояться, чтобы островъ нашъ, окруженный солеными водами невѣрія, не былъ поглощенъ различными волнами крамолъ, какія могутъ подняться; но мы вѣримъ милости Божіей, ибо въ васъ возбуждена ревность предковъ вашихъ, великихъ Константина и Θеодосія, которые

не столько заботились о временномъ своемъ царствѣ, сколько о твердости вѣры. Болѣе шести сотъ лѣтъ, какъ раздѣлились члены Христовы; теперь нужно употребить много духовныхъ врачеванiй любви, чтобы смягчить ожесточенiе, и это послѣдуетъ, есть-ли вы внушите вашему духовенству и народу, отложить о насъ враждебный образъ мыслей, всякiя укоризны и хулы; но прежде всего издайте повелѣнiе, чтобы во всѣхъ церквахъ имперiи вашей, принесено было молебствiе Господу Богу, о благомъ окончанiи благаго дѣла, какъ и мы предписали сiе всѣмъ церквамъ нашимъ, да изречетъ Господь, послѣ столь долговременной распри, милостивое довольно.»

Такъ писалъ Католикосъ Государю, и столь же умилительно говорилъ Өеорiану· «Я бы самъ желалъ быть анаөемою ради моей братiи, по словамъ Апостола Павла, ибо добрый пастырь долженъ положить душу свою за овцы своя, чтобы когда либо сказать дерзновенно на судѣ: се азъ и дѣти яже ми даде Богъ. Я уже писалъ къ Епископамъ моимъ, чтобы собрались на

совѣщаніе и предложу имъ всѣ тѣ свидѣтельства, на которыхъ думаютъ утверждаться, и тѣ какія ты мнѣ представилъ. Самъ я съ начала буду дѣйствовать въ пользу моихъ, потомъ мало по малу уступать истинѣ и открывать заблужденія, и надѣюсь что овцы мои гласа моего послушаютъ. Естьли же и не всѣ соберутся, то я, вмѣстѣ съ единомышленными, отправлю въ царствующій градъ повѣренныхъ для соединенія съ Церковью Православною.» Потомъ, удаливъ всѣхъ, со слезами заклиналъ онъ Ѳеоріана: убѣдить Императора, дабы повелѣлъ Патріарху, въ полномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукахъ, возгласить съ амвона соборной церкви, умиротворительныя молитвы, о спасеніи Армянъ, не только живыхъ но и усопшихъ, дабы пало средостѣніе вражды и уничтожилось столько проклятій, скопившихся въ теченіе многихъ вѣковъ.» При прощаніи Католикосъ вручилъ два письма къ Императору, одно тайное, въ которомъ прямо высказывалъ свое искреннее желаніе соединиться съ Церковью Православною, и

то, что онъ принимаетъ Халкидонскій соборъ, наравнѣ съ тремя первыми; но въ открытомъ письмѣ, Нерсесъ старался только смягчить черты различія въ вѣрѣ и обрядахъ, между Греками и Армянами, и даже защищалъ нѣкоторыя свои мнѣнія и обычаи. Онъ писалъ, что доселѣ ихъ болѣе раздѣляло недоумѣніе, нежели дѣйствительная разность: ибо Армяне, заключая по словамъ нѣкоторыхъ обитателей Чернаго моря, называвшихъ себя Греками, почитали всѣхъ Грековъ единомышленниками Несторія, а Греки, судя по словамъ не добрыхъ выходцевъ изъ Арменіи, клеветавшихъ на свое отечество, принимали ихъ всѣхъ за единомышленниковъ Евтихія. Въ изложеніи же догмата, о двухъ природахъ, избѣгалъ опредѣленности выраженій, вѣроятно чтобы согласоваться съ тѣмъ, какъ онъ хотѣлъ потомъ дѣйствовать на соборѣ, изъ опасенія крамолъ; исповѣдывалъ однако и двѣ природы, основываясь на свидѣтельствѣ святыхъ Отцевъ, но иногда старался удержать исповѣданіе единой, будто бы по словамъ Св. Кирил-

ла, дабы съ самаго начала не устрашить своихъ. Онъ поступалъ такъ не съ дурною цѣлію, хотя однако послѣдствія не оправдали сего образа дѣйствія, ибо въ предметахъ вѣры, должно столь же прямо говорить какъ и дѣйствовать.

Когда Ѳеоріанъ возвратился въ Царьградъ, тамъ сперва не хотѣли вѣрить, чтобы Католикосъ былъ дѣйствительно такъ склоненъ къ Православію, и полагали, что онъ только на словахъ соглашался слѣдовать святымъ Отцамъ. Императоръ, желая оправдать его въ глазахъ духовенства, рѣшился открыть всей Церкви искреннее желаніе Нерсеса и, обнаруживъ его тайное письмо собору, немедленно отвѣчалъ, вмѣстѣ съ Патріархомъ, на оба его посланія. Въ отвѣтѣ на тайное, выхваляли они его ревность къ Православію; въ открытомъ же письмѣ, просили уклоняться, при изложеніи догматовъ вѣры, отъ неопредѣленныхъ выраженій. Патріархъ собственно писалъ, что хотя его изложеніе вѣры исполнено мудрости и не чуждо Православія, однако нѣкоторыя выраженія приводятъ

въ соблазнъ читающихъ; а такъ какъ у Православныхъ яснѣе опредѣлено ученіе, о двухъ природахъ во Христѣ, то желательно, чтобы и Католикосомъ оставлены были обоюдныя изрѣченія и замѣнены подлинными Халкидонскаго собора. Всѣ сіи обстоятельства не находятся въ книгѣ недавно изданной на Русскомъ языкѣ; умолчено тамъ и о вторичномъ посольствѣ Ѳеоріана, съ условіями мира.

Отъ Армянъ требовалось: произнесенія проклятій противъ Евтихія, Севера и Элура, рѣшительное признаніе двухъ природъ въ единомъ лицѣ Господа Іисуса, принятіе Халкидонскаго собора наравнѣ съ прочими Вселенскими, отложеніе въ Трисвятой пѣсни неправильнаго прибавленія «распныйся за ны», совершеніе Евхаристіи на квасномъ хлѣбѣ и смѣшеніе воды съ виномъ, употребленіе масличнаго мvра, отправленіе не только литургіи, но и прочихъ церковныхъ службъ, внутри храма и въ присутствіи народа; къ этому присоединено было еще одно условіе, относившееся до самаго Католикоса, но

оставленное на его произволъ: что если преемники его хотятъ пользоваться покровительствомъ имперіи, пусть предоставятъ свое избраніе Императору.

Өеоріанъ прибылъ вторично въ Арменію въ 1172 году, и хотя еще не были созваны Епископы, однако Нерсесъ рѣшился открыть совѣщаніе съ тѣми, которые были около него; дѣйствуя по плану прежде условленному, онъ сталъ защищать ученіе, о единой природѣ въ лицѣ Господнемъ; Өеоріанъ, съ своей стороны, опровергалъ ученіе Армянъ, и обѣ стороны упорно защищали свое мнѣніе. Но какъ ни осторожно дѣйствовалъ Нерсесъ, не скрылась отъ Армянъ тайная его мысль, ибо еще прежде совѣщанія разнесся слухъ, что Католикосъ соглашается перейти въ Церковь Греческую, и уже писалъ о томъ Императору. При этомъ спутникъ Өеоріана, Армянскій инокъ Іоаннъ, сдѣлалъ важную ошибку, ибо въ полномъ собраніи Епископовъ, напоминалъ Нерсесу о его письмѣ, говоря: что они пришли къ

нему, не для споровъ, а для окончательнаго рѣшенія дѣла.

Тогда недовольные Епископы явно возстали противъ своего Католикоса и онъ приведенъ былъ въ самое непріятное положеніе; преніе о двухъ природахъ отложено до полнаго собора; начали говорить о предметахъ меньшей важности, какъ то о разности въ праздникахъ, о матеріи мура, и о томъ, что у Армянъ не растворяется вино съ водою при Евхаристіи. Нерсесъ защищалъ сей обычай, неправильно опираясь на слова Златоуста противъ еретиковъ, называемыхъ Идропарастатами, которые употребляли одну только воду для таинства. Ѳеоріанъ изъяснилъ ему сію ошибку и привелъ во свидѣтельство древнѣйшую литургію Іакова брата Божія, въ которой уже упомянуто, о соединеніи вина съ водою.

Пренія ни чѣмъ не окончились, но не смотря на то Нерсесъ не оставилъ намѣренія, созвать всѣхъ своихъ Епископовъ, и извѣстилъ о томъ писменно Императора и Патріарха, прося ихъ быть снисхо-

дительными къ различію обрядовъ, не составлявшихъ сущности вѣры. Особенно убѣждалъ онъ Патріарха Михаила, чтобы вознесены были въ церквахъ молитвы, о мирѣ церковномъ, и созванъ для совѣщаній соборъ въ Царьградѣ, въ тоже время какъ онъ самъ созоветъ свой въ Арменіи.

Не суждено было однако Нерсесу благодатному, видѣть соединеніе Армянъ съ Церковью Православною, для котораго столько трудился; онъ скончался въ слѣдующемъ 1173 году. Не смотря на то Императоръ не оставилъ начатаго дѣла, и продолжалъ сношенія съ племянникомъ Нерсеса, Григоріемъ IV, заступившимъ его мѣсто. Изъявляя сожалѣніе о потерѣ, какую претерпѣли Армяне и особенно Григорій, онъ убѣждалъ не прекращать сношеній для достиженія желаннаго мира.

Собрались наконецъ Епископы и ученые мужи Армянскіе, въ городѣ Рум-кла, въ 1179 году. Епископовъ было тридцать три и сверхъ того присутствовали многія лица, какъ духовныя такъ и свѣтскія; Католикосъ Сирскій прислалъ отъ себя повѣ-

ренныхъ; Католикосъ Албанскій находился тутъ лично. Собору Армянскому предложены были условія, не задолго предъ тѣмъ постановленныя на соборѣ Константинопольскомъ и, по вліянію Нерсеса Архіепископа Ламбронскаго, они были приняты. Такъ расказываютъ намъ вкратцѣ это событіе Греческіе акты, и они кажутся согласными съ ходомъ всего дѣла и прежнею перепискою Католикосовъ. Но не совсѣмъ такъ представляютъ оное акты Армянскіе, писанные неизвѣстно кѣмъ, а по мнѣнію нѣкоторыхъ самимъ Нерсесомъ Ламбронскимъ; такъ напримѣръ, при самомъ началѣ Императоръ, сокрушаясь о кончинѣ Католикоса Нерсеса, будто бы велѣлъ воспоминать имя его по праздникамъ, въ числѣ первыхъ Святыхъ. Церковь Православная никогда не сопричисляла такъ легко къ лику Своихъ Святыхъ; естьли бы Нерсесъ поступилъ въ число ихъ, то чествовался бы и понынѣ, но о немъ нигдѣ не упоминается въ святцахъ Греческихъ.

Въ тѣхъ же актахъ Императоръ пишетъ утѣшительное посланіе Католикосу

чрезъ Өеоріана, а получаетъ отвѣтъ чрезъ нѣкоего священника Конста·тина, родомъ изъ Грековъ, котораго проситъ Григорій, чтобы посвятили въ Архіепископы Іерапольскіе, въ предѣлахъ Арменіи.

Католикосъ писалъ, что требованія Императора и собора отвращаютъ нѣкоторыхъ отъ мира, по причинѣ закоснѣлыхъ въ нихъ привычекъ, и кромѣ того, есть многіе, съ коими нельзя разсуждать какъ съ духовными, ибо ихъ еще должно питать млекомъ подобно младенцамъ; ради нихъ просилъ онъ смягчить нѣкоторыя изъ предложенныхъ условій, Это весьма правдоподобно но далѣе, въ самомъ расказѣ событій, сказано нѣчто странное, будто всѣ условія были уступлены Армянамъ: «Католикосъ былъ весьма обрадованъ отвѣтнымъ письмомъ Императора и собора (которое однако не помѣщено), потому что вмѣсто девяти статей, о коихъ настояла рѣчь при Католикосѣ Нерсесѣ, и которыя казались намъ обременительными, ограничились только требованіемъ отъ насъ существеннаго единогласія на счетъ вѣры: по из-

слѣдованіи же дѣла находили вѣру нашу православною и согласною съ преданіями Св. Отцевъ.»

Естьли бы таково было мнѣніе Церкви Православной, то не о чемъ было бы и прежде спорить, и созывать соборы или предлагать условія. Өеоріанъ же, какъ видно изъ предыдущаго, уступая въ предметахъ меньшей важности, настоятельно требовалъ однако исповѣданія двухъ природъ во Христѣ и торжественнаго признанія собора Халкидонскаго, ибо, послѣ шести сотъ лѣтняго разногласія, надобно же было быть логическимъ въ своихъ дѣйствіяхъ и не глухо сказать: «примиряюсь», а объяснить, почему ссорились и на чемъ мирились.

Вмѣсто того, изъ актовъ Армянскихъ явствуетъ, что на соборѣ въ Рум-кла, по изслѣдованіи предметовъ, заключавшихся въ письмахъ Императора и Патріарха, все въ нихъ найдено Православнымъ, касательно догмата о воплощеніи Господа, и все множество Епископовъ, съ готовностію подписались, въ принятіи всего въ нихъ

изложеннаго, обѣщая сохранить неизмѣнно, чѣмъ положенъ конецъ злой распри; а за тѣмъ написанъ отвѣтъ, отъ лица всего собора, изъявляющій согласіе безъ всякаго прекословія и объясняющій исповѣданіе Армянское.

Что же тутъ излагается? — Въ письмѣ къ Императору, прежде всего ссылаются на посланіе Католикоса Нерсеса и изчисляются три первыхъ Вселенскихъ собора, съ клятвою на Арія, Македонія, Несторія и даже Евтихія, противъ котораго былъ собранъ четвертый Халкидонскій; но ни слова не сказано объ этомъ соборѣ, хотя его признаніе было основнымъ камнемъ мира; потомъ пространно излагается ученіе святыхъ Отцевъ о Божествѣ и человѣчествѣ Господа, но въ такихъ выраженіяхъ, которыя прямо не относятся къ существу предмета; въ такомъ же духѣ приводятся тексты изъ Св. писанія: «соображая всѣ сіи доводы, пишетъ соборъ Армянскій, усматриваемъ, что Св. Отцы говорили не о единомъ естествѣ, но о двухъ соединенныхъ, которыя дѣйствіемъ и волею

совершали дѣянія, иногда Божескія, иногда человѣческія, въ единомъ лицѣ, и потому да вѣдаете, что мы не уклоняемся отъ богословскаго ученія Св. Отцевъ.» Это православно, но замѣтно уклоненіе, если не отъ самаго догмата, то отъ опредѣленности принятыхъ Церковію выраженій, хотя тутъ же сказано: «вѣруемъ сердцемъ въ правду и устами исповѣдуемъ истину, во услышаніе всей Церкви Православной, о таковомъ исповѣданіи всей нашей Церкви.»

Въ письмѣ къ Патріарху Ѳеодору, преемнику Михаила Анхіальскаго, тѣ же неопредѣленныя выраженія о главномъ догматѣ; болѣе говорится о мирѣ и любви, и воздается хвала Императору и усопшему Святителю, за ихъ ревность къ Церкви. «Примите отъ насъ отвѣтъ сей, пишутъ Епископы Армянскіе, какъ вы отцы собора, такъ и ты, избраніемъ Божіимъ, избранный на первый престолъ вселенной. Изъ православнаго посланія вашего, мы ясно уразумѣли, что всеблагому Богу благоугодно было, чрезъ посредство

ваше въ настоящее время, устарѣлую вражду между Церквами обратить въ миръ и, всемъ вообще соборомъ нашимъ, воздали мы честь истиннымъ богословскимъ разсужденіямъ вашимъ, яко согласнымъ съ преданіемъ древнихъ Св. Отцевъ. Симъ исцѣлились мысли наши отъ клеветъ и, съ распростертыми объятіями любви, приняли мы писаніе ваше. Знаемъ, что мудрости вашей не нужно пространное объясненіе, для удостовѣренія, но мы желаемъ тѣмъ дать мудрости мудрыхъ поводъ судить о согласіи нашемъ, на православное исповѣданіе.» Но въ этомъ исповѣданіи замѣтно также многословіе, желающее уклониться отъ требуемыхъ выраженій догмата. Умалчивая собственно, о прибавленіи къ Трисвятой пѣсни, соборъ исповѣдуетъ однако, что ею прославляется вся Пресвятая Троица (а не одно лице Сына Божія). Не упоминая о соборѣ Халкидонскомъ, Епископы говорятъ, что исповѣдуютъ, согласно съ Православною Церковію, во Христѣ, неизреченное соединеніе двухъ естествъ и двѣ воли, но о празд-

никахъ и обрядахъ нѣтъ ни слова; напослѣдокъ они такъ заключаютъ свое посланіе: «Если же кто вздумаетъ несообразное говорить вамъ о таинствѣ вѣры нашей, таковаго отженяйте, яко отступающаго отъ истины: ибо мы имѣемъ похвалу во свидѣтельствѣ совѣсти нашей, и вы устарѣлую ненависть обратите на главу человѣконенавистника врага, а къ собратіямъ утвердите миръ и любовь; самъ же Богъ мира и любви да пребудетъ съ вами, аминь.»

Замѣчательны подписи соборныя, по множеству Епископовъ, коихъ считается до тридцати трехъ и по важности занимаемыхъ ими эпархій; ибо тутъ, кромѣ двухъ Католикосовъ Григорія и Стефана Албанскаго, собраны имена Архіепископовъ всѣхъ древнихъ столицъ Армянскихъ: Ани, Двина, Эдессы, Карса, Киликіи, и городовъ Антіохіи, Іерусалима, Кесаріи. Слѣдственно тутъ участвовала вся Церковь Армянская и этотъ полный и единодушный соборъ весьма утѣшительно выражалъ, хотя не совершенно точными словами, но не край-

ней мѣрѣ благорасположеннымъ духомъ, стремленіе свое къ Православію; неопредѣленность же выраженій объясняется словами самаго Католикоса Григорія: «что, по причинѣ закоренѣлыхъ привычекъ, многіе отвращаются отъ возстановленія мира, и съ ними надобно обращаться какъ съ дѣтьми.» Должно отдать полную справедливость переводчику актовъ Армянскихъ, что книга его много объяснила недоумѣній и содѣйствуетъ къ взаимному сближенію. Желательно, чтобы она болѣе и болѣе дѣлалась извѣстною, равно Православнымъ и Армянамъ, ибо она можетъ принести благіе плоды.

Рѣчь просвѣщеннаго Архіепископа города Тарса, Нерсеса Ламбронскаго, которая возбудила всѣхъ къ миру церковному, на соборѣ въ Рум-кла, разительно выражаетъ пагубныя послѣдствія разрыва и драгоцѣнна духомъ любви ее проникающимъ: «Если разсмотрѣть дѣло безпристрастно, говоритъ Нерсесъ, то намъ нѣтъ причины спорить; Христосъ есть Богъ и человѣкъ, тоже значитъ что и сказать: Христосъ имѣ-

етъ два естества. Но почему же доселѣ такъ не объясняли сихъ выраженій? почему говорили намъ даже противное? Богу принадлежитъ судить о томъ. Однако многіе изъ нашихъ такъ исповѣдывали, по примѣру древнихъ святыхъ. Для чего мы опустили здѣсь безъ вниманія слова философа и Католикоса Іоанна, который ясно сіе подтверждаетъ свидѣтельствомъ Отцевъ? Для чего забыли о согласіи съ симъ ученіемъ Католикоса Эздры и его собора? о согласіи съ великою Греческою Церковію Католикоса Вагана и князей и учителей, приставшихъ къ его мнѣнію? Изъ числа сихъ послѣднихъ былъ одинъ, божественный и между многими превосходный, Ангелъ въ образѣ человѣка, Григорій Нарекенскій. Для чего забыли о сношеніяхъ, по случаю нынѣшняго собора, Св. отца нашего Нерсеса, котораго вы видѣли собственными очами, вы вѣрные ученики его, созидающіе на основаніи, имъ положенномъ? Всѣ сіи мужи имѣли и проводили въ исполненіе настоящее намѣреніе, которое вы должны довести до цѣли, и этимъ возвеселить

Церковь Божію. Были на сторонѣ нашей многіе другіе отцы и начальники нашего народа, достаточно извѣстные ученымъ мужамъ, которые знакомы съ ихъ писаніями.»

«Но были въ тоже время и такіе, которые съ нами спорили? и я знаю сихъ людей, понимаю силу ихъ словъ. Но хотя и могъ бы признавать ихъ мудрыми и святыми, однако же не могу согласиться, чтобы они послѣдовали закону любви. Съ своими мечтательными понятіями, они не считали преступленіемъ, нарушить единство Церкви Христовой и погрѣшили упорствомъ. Богъ да проститъ имъ, по молитвамъ вашимъ, сіи тяжкіе грѣхи и заблужденія, и да не помянетъ имъ, какъ они усиляли сіе зло.»

«Напоенная Павломъ Греція procвѣла; она именуется матерью мудрости. Священное Писаніе, которое мы имѣемъ, отъ нихъ и Отцами ихъ передано намъ. Іисусъ Христосъ, по свидѣтельству Апостола, поставилъ престолъ ихъ царства, столпомъ и утвержденіемъ Христіанской вѣры. Но хотя бы и ихъ временное владычество пало, цар-

ство Христово пребудетъ непоколебимо. Они строго и неизмѣнно сохраняютъ достоинство духовныхъ постановленій, или, если допускаютъ какія либо измѣненія, то приличныя во славу Божію. Напротивъ того мы, какъ извѣстно изъ исторіи, съ начала имѣли нѣсколько неразумныхъ правителей. Примемъ же, изъ предложенныхъ намъ условій тѣ, которыя можемъ принять; примемъ ихъ съ любовію, какъ завѣты нашихъ предшественниковъ, а не какъ принесенныя намъ отъ чужихъ; примемъ охотно съ кротостію, ко славѣ Божіей.»

Наконецъ, въ числѣ прочихъ побужденій къ соединенію, выставляетъ Нерсесъ и бѣдственное положеніе своего отечества: «Вспомните, что наша колеблющаяся Церковь держится на слабой розгѣ, и что мы, въ нашемъ бѣдственномъ положеніи, должны призвать на помощь себѣ столицу міра. Вѣрьте, что въ нашихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ получимъ утѣшеніе отъ Императорской щедрости, и что наше странствованіе найдетъ покой въ благоохраняемой пристани.»

Однако, не смотря на рѣчь Нерсеса и на единодушный соборъ своихъ Пастырей, въ томъ же нерѣшительномъ положеніи находится и до нынѣ Церковь Армянская, хотя чувствуетъ свое сближеніе съ нами; изъ устъ ея членовъ исторгается невольное сознаніе, что вѣра ихъ одинакова съ Православною, но недостаетъ у нихъ духа сказать рѣшительное «пріемлю». Господь же Іисусъ Христосъ, желающій всѣмъ человѣкамъ спастися и въ разумъ истины пріити, да устроитъ желанное примиреніе, во славу своего имени.

РАЗВАЛИНЫ АНИ.

Я возвращался изъ Эчміадзина въ Тифлисъ, по другой дорогѣ на Александрополь, потому что имѣлъ намѣреніе посѣтить, на берегахъ Арпачая, великолѣпныя развалины Ани, бывшей столицы Багратидовъ. Мнѣ сопутствовалъ начальникъ крѣпости Эриванской, у котораго въ домѣ я нашелъ болѣе гостепріимный кровъ, нежели въ опустѣвшихъ палатахъ Сардаря, съ ихъ зеркальными залами. Путь нашъ лежалъ черезъ бывшую Персидскую крѣпость Сардаръ - Абадъ, которая менѣе Эриванской заслуживаетъ это громкое названіе. Вдали, съ лѣвой стороны, видны были холмъ Армавира, и гора Кульпы,

славящаяся соляными розсыпями, близь которой, по преданіямъ Армянскимъ, разбиты были Персами полчища отступника Юліана. Мы направились къ сѣверу и, проѣхавъ еще верстъ пятьнадцать по равнинѣ, стали подыматься на первыя высоты горъ Талынскихъ. На вершинѣ утеса, показались развалины церкви и бойницы, слывущія черными въ народѣ. Когда же поднялись на гору, увидѣли самую крѣпость Талынскую, складенную изъ тесаныхъ камней, и достроенную кирпичимъ; въ ней долго обитали Персидскіе правители сей области.

Внутри первой ограды, еще видна цитадель и тройная башня изъ краснаго камня, съ глубокими погребами но уже обрушенными сводами; странною своею формою, она напоминала болѣе феодальный нежели восточный замокъ; надъ дверями грубо изваяна фигура человѣческая, обезглавленная временемъ, которую жители почитаютъ стражемъ сокровищъ, утаенныхъ въ башнѣ; подлѣ, есть развалины малой церкви Армянской. Смерклось, пока мы

обходили крѣпость Талынскую, а намъ еще оставалось болѣе десяти верстъ до селенія Мастары, въ горахъ; съ темнотою настигъ насъ первый октябрскій снѣгъ, и на каждомъ шагу труднѣе становилась дорога; наконецъ мы совершенно ее потеряли и только, по лаю собакъ, могли угадать селеніе. Утромъ поразителенъ былъ крутой переходъ изъ осени въ зиму: вся высокая площадка между горъ Мастары, покрылась глубокимъ снѣгомъ, и свѣжимъ его румянцемъ горѣли на зарѣ окрестныя вершины. Нѣкоторые изъ всадниковъ нашего конвоя пустились на порошу, отыскивать свѣжіе слѣды зайцевъ и лисицъ. Послѣ двадцати верстъ, конной дороги, спустились мы къ рѣкѣ Арпачаю, и намъ открылось, на противоположномъ берегу, обширное поле развалинъ; еще за пять верстъ отъ Ани, исполинскія врата уже отверзали пустынный входъ къ ея чуднымъ останкамъ. Армянская Пальмира красовалась вдали, сонмомъ своихъ храмовъ и мечетей, минаретовъ и бойницъ, какъ будто люди еще ее не покинули на жертву времени.

Мы приближались къ ней по лѣвой сторонѣ рѣки, и увидѣли, подъ береговыми скалами, знаменитый монастырь Кошаванкъ, богато обстроенный, гдѣ погребены внуки просвѣтителя Григорія, Католикосы Іосифъ и Даніилъ, и многіе изъ Царей Багратидовъ. Съ казачьего поста, расположеннаго на горѣ противъ Ани, предстала во всей красѣ своей древняя столица.

Неужели дѣйствительно пусты Ани?—но этотъ величественный соборъ, который господствуетъ, по срединѣ города, надъ всѣми зданіями, развѣ не готовъ выпустить, изъ подъ своихъ сводовъ, толпы народа? Отъ чего же, по сторонамъ его, два минарета? Одинъ изъ нихъ, совершенно уединенный, еще бы можно принять за колокольню соборную, хотя въ восточномъ вкусѣ; но отъ чего къ другому пристроена мечеть, на обрывѣ утесовъ? неужели, въ царственной столицѣ Багратидовъ, поклонники Магомета такъ близки съ исповѣдниками Господа Іисуса? Кто объяснитъ такое противорѣчіе, по среди мертвой тишины сего какъ бы очарованнаго города, гдѣ не вид-

но не только людей, но даже и призрака человѣческаго? Но вотъ опять церкви, разсѣянныя вправо отъ собора, и одна изъ нихъ круглая, на подобіе башни, а за нею тянется цѣлая ограда исполинскихъ твердынь, изъ краснаго камня, какъ бы облитыхъ кровью, хотя уже нѣтъ ни осаждающихъ ни осажденныхъ! Что за пустынный холмъ возвышается влѣво отъ собора, съ полуаркадами и полусводами, которые или не довершили люди, или обрушило время? Это вышгородъ столицы, это бывшія палаты Багратидовъ! Теперь я вижу, что Ани пусты, и что рука времени ихъ также коснулась, хотя многое оцѣпенѣло, въ страшномъ сжатіи сей роковой руки, и еще будто живо! Вышгородъ обличаетъ мертвенность Ани; съ палатъ царскихъ началась страшная жатва смерти, но еще есть довольно на этой каменной нивѣ. Напрасно стоятъ повсюду храмы: нѣтъ въ нихъ болѣе молитвы! Если есть еще пустынныя церкви на окрестныхъ горахъ, или внѣ ограды, на пространствѣ поля, бывшаго нѣкогда городомъ: то это лишь памятники

минувшей славы; нѣтъ болѣе Ани! Изъ всѣхъ ея оконъ зіяетъ смерть; это одна постоянная гостья стольнихъ жилищъ; она встрѣчаетъ путника во всѣхъ вратахъ и храмахъ и чертогахъ? Если вы не хотите нарушить очарованія, возбужденнаго чуднымъ зрѣлищемъ опустѣвшей столицы, окиньте быстрымъ взоромъ всѣ ея каменныя сокровища, и не вникайте въ грустныя подробности развалинъ. Если же хотите вникнуть въ ихъ плачевную повѣсть, онѣ вамъ отзовутся минувшею жизнью.

Ани, ничтожная крѣпость Тиридата, процвѣла только при династіи Багратидовъ, когда она утвердилась въ области Ширакской. Удивительна судьба сего знаменитаго рода, который въ одно время занялъ царственные престолы Арменіи и Грузіи, и можетъ состязаться древностью со всѣми царскими родами Европы и Азіи; не даромъ въ гербѣ Багратидовъ, вмѣстѣ съ хитономъ Господнимъ, праща и псалтырь предка ихъ Царя Пророка! По древнѣйшимъ лѣтописямъ Арменіи и Грузіи, на которыя ссылаются и писатели Грече-

скіе, они ведутъ свое начало отъ плѣнниковъ Еврейскихъ, племени Давидова, посланныхъ Навуходоносоромъ къ Царю Армянскому. Еще до Р. Х. при династіи Пареянской, уже они имѣли исключительное право, возлагать вѣнецъ на властителей Арменіи. Послѣ паденія Арсакидовъ, когда славный родъ Князей Мамигонскихъ уже не въ силахъ былъ ограждать свою родину, отъ насилія Персовъ и Арабовъ, племя Багратидовъ наслѣдовало его могуществу и сдѣлалось душею бѣдствующей Арменіи. Начиная съ седьмаго вѣка, все болѣе возрастала слава Сумбатовъ и Ашотовъ, которыхъ имена передавались изъ рода въ родъ, вмѣстѣ съ почетными титлами Патриціевъ и Магистровъ, отъ Императоровъ Греческихъ. Халифы избирали ихъ своими намѣстниками, доколѣ мученическая кровь исповѣдника Сумбата, не окрасила пурпуромъ царскимъ его мантію для потомства. Знаменитый сынъ его Ашотъ почтенъ былъ титломъ Шагинъ-Шаха, или Князя-Князей, и въ тоже время Императоръ Греческій Василій прислалъ

ему царскую корону; но еще тогда городъ Багаратъ, близь Аракса, былъ столицею обновленнаго царства. Сынъ и преемникъ Ашота, Сумбатъ мученикъ, достойный внукъ исповѣдника, утвердился въ городѣ Шурагели, тойже области Ширагской; но междоусобіе князей Армянскихъ стоило ему вѣнца и жизни: онъ предалъ самъ себя въ руки жестокаго намѣстника Халифовъ и кровью своею запечатлѣлъ вѣру во Христа. Сыновья мученика, Ашотъ желѣзный и Аббасъ, поддержали колеблющееся царство, но слава Ани начинается только съ сыномъ Аббаса, Ашотомъ III или милостивымъ, который перенесъ туда столицу.

При немъ соорудились всѣ лучшіе ея памятники; супруга его Хосрови-духтъ, не уступая въ ревности Царю, соорудила два знаменитые монастыря, Санагинъ и Ахпатъ, пережившіе славу столицы; а сынъ Ашота, Гургенъ, началъ новую династію отдѣльныхъ властителей Лори, на берегахъ Бомбака. Сумбатъ III Шагинъ-Шахъ, продолжалъ начатое отцемъ украшеніе новой столицы, которая при немъ получила

громкое названіе Ани, о тысячи церквахъ, и слово сіе обратилось въ священную клятву для народа. Сумбатъ соорудилъ крѣпкую стѣну изъ краснаго камня, съ башнями необычайной толщины, которыя доселѣ поражаютъ взоры, и обвелъ внѣшній городъ стѣною, съ глубокимъ рвомъ; она простиралась до нынѣшнихъ пустынныхъ воротъ, что за пять верстъ отъ Ани. Сынъ его Гагикъ I построилъ великолѣпную соборную церковь посреди столицы, и убѣдилъ Католикосовъ переселиться въ Ани; ему приписываютъ и строеніе обители Св. Григорія, на подобіе Эчміадзинской. Это было самое блестящее время для города и династіи Багратидовъ; тогда процвѣтало въ Ани и другое славное племя Пахлавунское, давшее Арменіи великаго воеводу Ваграма и Григорія Магистра. Саркисъ, первый изъ Католикосовъ основавшихся въ Ани, соорудилъ близъ своихъ палатъ богатую церковь, въ честь святой Рипсимы, и оставилъ по себѣ каѳедру Петру, которому суждено было испытать много бѣдствій, въ теченіе долгаго своего

правленія, ибо благоденствіе Ани кончилось съ Царемъ Гагикомъ. Малодушный сынъ его Іоаннъ сдѣлался игралищемъ князей ему подвластныхъ и сильныхъ сосѣдей. Царь Грузіи Георгій II овладѣлъ его столицей и, подъ конецъ слабаго царствованія, Іоаннъ вынужденъ былъ дать писменное обѣщаніе Императору Греческому Роману, по которому отказывалъ ему по смерти все свое царство. Императоръ потребовалъ исполненія завѣщанія, но воевода Ваграмъ вооружился противъ Грековъ и воцарилъ племянника царскаго, юношу Гагика. Удачны были его первыя битвы противъ Грековъ и Турковъ, но внутреннія смятенія побудили его идти въ Царьградъ, на зовъ Императора Мономаха, и онъ уже болѣе не возвращался въ Ани. Это случилось въ 1045 году; войска Императора заняли столицу, и Мономахъ принудилъ Гагика отречься отъ престола предковъ. Тридцать пять лѣтъ влачилъ онъ еще бѣдственную жизнь въ предѣлахъ имперіи, и наконецъ былъ умерщвленъ по частной враждѣ. Родственникъ его Ру-

пенъ, или Рувимъ, бѣжалъ въ Киликію и тамъ основалъ новое царство, которое сблизилось съ крестоносцами и держалось до ихъ паденія. Туда перешла въ послѣдствіи и каѳедра Католикосовъ; она озарилась новымъ блескомъ, когда опять воосѣлъ на нее родъ великаго Просвѣтителя. А между тѣмъ оставленная столица Ани предана была горькой своей участи, отъ совершеннаго безначалія, посреди непрестанныхъ нападеній Персовъ и Турковъ, Грековъ и Грузинъ, состязавшихся другъ съ другомъ въ предѣлахъ бывшаго царства Армянскаго.

Нѣсколько разореній послѣдовали одно за другимъ, когда еще живъ былъ послѣдній Царь Галикъ, до котораго доходили горькія вѣсти о бѣдствіяхъ его столицы. Прежде всѣхъ вторглись въ нее Персы, вскорѣ послѣ покоренія Греческаго, и славный воевода Ваграмъ палъ жертвою любви къ отечеству, которое уже не могъ защитить. Не много лѣтъ спустя, сильный Султанъ Сельджукидовъ, Кизиль-Арсланъ, взошелъ въ 1064 году, въ предѣлы Арменіи

и осадилъ Ани. Послѣ долгой осады и кровопролитнаго приступа, онъ овладѣлъ городомъ и все въ немъ предалъ огню и мечу; не было пощады ни какому возрасту и полу, кровью жителей окрасились воды Арпачая; духовенство наиболѣе подверглось истязаніямъ и святыня храмовъ была расхищена; большая часть жителей уведена въ плѣнъ и многіе изъ нихъ бѣжали въ Польшу и Крымъ. Ѳеодосія, Нахичевань и Ростовъ населились въ послѣдствіи выходцами изъ Ани.

Съ тѣхъ поръ, хотя и возстала опять Ани изъ своихъ развалинъ, но уже никогда въ прежней славѣ, и внѣшняя часть города почти совершенно истребилась. Фадлунъ, князь племени Турецкаго, испросилъ себѣ у Султана дымящіяся развалины Ани, и отдалъ ихъ внуку своему Мапуче; новая династія магометанскихъ властителей, на краткое время, возстановила благоденствіе города; мечети, которыя доселѣ тамъ видны, принадлежатъ къ этой эпохѣ. Мануче покровительствовалъ Христіанамъ и позволилъ Католикосу Григорію поставить

себѣ намѣстника въ его столицу, а братъ владѣтеля, полководецъ Григорій, открыто исповѣдывалъ Христіанство. Слабый преемникъ могущественнаго отца, Абуласваръ, не въ силахъ былъ противустоять частымъ нападеніямъ ордъ Татарскихъ, и хотѣлъ уступить область свою Султану Малекъ-Шаху. Тогда Царь Грузіи, Давидъ возобновитель, освободившій все свое царство отъ полчищь иновѣрныхъ, вступилъ по просьбѣ жителей въ Ани, въ 1124 году, и возстановилъ тамъ царство Христіанское. Преданіе говоритъ, что когда Давидъ велѣлъ опять освятить церковь соборную, которая была основана его бабкою, супругою перваго Царя Гагика, и обращена въ мечеть при династіи магометанской, онъ подошелъ ко гробу Царицы и сказалъ: «радуйся Царица, Богъ избавилъ церковь твою отъ Агарянъ;» — внезапно послышался изъ гроба замогильный голосъ: «Богу благодареніе!»

По смерти возобновителя Давида, сынъ Абуласвара Фадлунъ, пользуясь ослабленіемъ царства Грузинскаго, овладѣлъ опять

городомъ Ани, и подобно дѣду, не только не преслѣдовалъ Христіанъ, но даже не отнялъ у нихъ и соборнаго храма; однако, во время его правленія, церковь сія повреждена была отъ сильнаго землетрясенія, которое много истребило въ Ани. Городъ перешелъ опять въ руки Грузинъ, при могущественномъ Царѣ Георгіѣ, отцѣ Тамари; онъ выдержалъ въ немъ сильную осаду Турковъ, временно принужденъ былъ его уступить и, снова овладѣвъ имъ, поставилъ тамъ воеводою великаго Саркиса, изъ рода Аргутинскихъ. Предѣлы Арменіи не преставали быть поприщемъ битвъ, между Грузинами и ордами Татарскими. Сыновья великаго Саркиса, изъ коихъ Захарія принадлежалъ исповѣданію Армянскому, а Іоаннъ Православному, и дѣти ихъ долго охраняли силою своего оружія ввѣренную имъ область; но въ 1240 году, при сынѣ Шахинъ-Шаха, Захаріи, нахлынули полчища Монголовъ и пробилъ роковой часъ для Ани. Избіеніе посланниковъ Монгольскихъ навлекло мщеніе. Долгая осада, голодъ и болѣзни изнурили гражданъ;

многіе бѣжали въ станъ непріятельскій, и коварные Монголы всѣхъ принимали ласково, чтобы скорѣе убѣдить къ сдачѣ; но когда, повѣривъ ихъ льстивымъ обѣщаніямъ, сдался городъ, обнаружилась вся злоба варваровъ: Ани обратилась въ страшное пепелище, по которому навалены были трупы, изморенныхъ голодомъ и избіенныхъ мечемъ; раззореніе Альпъ-Арсланово ничто было противъ Монгольскаго. Только малая часть жителей могла спастись въ нынѣшніе предѣлы наши и населила Астрахань. Имя опустошителя Чормагана, кровью напечатлѣлось на развалинахъ столицы. Когда рука человѣческая казалось уже излила на нее все, что только можетъ изобрѣсти дикая ярость, самыя стихіи вооружились противъ бѣдствующихъ остатковъ: страшное землетрясеніе выгнало въ 1319 году послѣднихъ жителей изъ Ани, и сокрушило въ ней остатки пышныхъ палатъ и храмовъ; но не смотря на то еще нѣкоторые стоятъ и свидѣтельствуютъ о древней красотѣ города. Что же долженствовали быть Ани во времена ихъ

славы? Не напрасно историкъ раззоренія, обращаетъ къ нимъ плачь благодатнаго Нерсеса, который горько сѣтовалъ о паденіи другой столицы Армянской, Эдессы: «Нѣкогда ты была подобна прекрасной невѣстѣ, подъ ея дѣвственнымъ покрываломъ, которою любовались близкіе и отдаленные желали ее видѣть; но какъ сонъ изчезла красота твоя, какъ убѣгающій потокъ, и кровожадный мечь враговъ твоихъ не насытился, доколѣ не упился въ тебѣ кровью святыхъ, и не наполнились трупами ихъ стогны твои и святилища; олтари Божіи, предназначенные для иной безкровной жертвы, окрасились кровью исповѣдниковъ Христовыхъ!»

Когда мы довольно насладились пустыннымъ зрѣлищемъ Ани, и собрано было достаточное число провожатыхъ, для безопаснаго посѣщенія развалинъ, мы стали спускаться къ берегу Арпачая, по глубокому оврагу, гдѣ были также замѣтны остатки зданій. Древній Ахуреанъ или Арпачай, течетъ подлѣ Ани, между двухъ отвѣсныхъ скалъ, и надобно сходить къ

глубокому руслу, по каменистой тропѣ, пробитой въ утесахъ. Пронзительный холодъ обвѣялъ насъ подъ сумрачнымъ ихъ навѣсомъ: Арпачай сердито кипѣлъ по камнямъ, не охотно открывая влажную стезю свою къ очарованной столицѣ. Геній тысячи одной ночи представилъ бы этотъ бѣшенный потокъ, у подножія Ани, заколдованнымъ стражемъ сего таинственнаго города тысячи одной церкви: въ наименованіи его уже дѣйствуетъ воображеніе восточное, ибо оно умѣетъ, одною яркою чертою, рѣзко обрисовать предметъ. Надобно было отыскать бродъ Арпачая, посреди его камней; опытный житель сихъ мѣстъ открывалъ намъ дорогу, строго напоминая, чтобы мы держались его струи, однако не безъ приключенія обошлась переправа: старшина Мастарскій, отклонившись у самаго берега отъ указаннаго пути, обрушился съ лошадью въ глубокую подводную яму, и съ трудомъ могли извлечь его на прибрежные камни. Восходъ по утесамъ былъ также труденъ какъ и спускъ: когда мы поднялись на камени-

стый берегъ ущелья, намъ представилась еще гора, хотя уже не столь отвѣсная, по скату коей раскинуты были печальные остатки Ани.

Трехъ ярусная мечеть, какъ бы нѣкая бойница, стала на вершинѣ горы поперегъ малой ложбины; изъ пустаго ряда ея оконъ, казалось готовъ былъ посыпаться огненный дождь ядеръ. Надъ нею подымался высокій минаретъ, созданный воображеніемъ восточнымъ, чтобы стоять на стражѣ завѣтныхъ сокровищь: ибо не напрасно, въ преданіяхъ Курдовъ и Армянъ, еще такъ свѣжи разсказы о тайныхъ кладахъ отжившаго города. Не возможно было идти прямо къ мечети по крутизнѣ; довѣряясь опытности нашего вожатаго, мы слѣдовали за нимъ вправо, по окраинѣ утесовъ; тамъ еще стояла высокая арка воротъ, отъ которыхъ перекинутъ былъ нѣкогда смѣлый мостъ на противоположный берегъ; доселѣ видны остатки моста, будто готоваго перебросить чрезъ бездну свою обрушенную дугу, какъ человѣкъ, кото-

рый напрягается прыгнуть и еще не может на то рѣшиться.

«Я Багратъ, сынъ Заропая Аркацуновъ, построилъ сіи врата, для входа въ обитель Св. Григорія, въ лѣто. . . » Такъ написано было на сихъ одинокихъ вратахъ, уже не открывающихъ и не затворяющихъ никакого входа, ибо кругомъ просторный пустырь. Недалеко отъ нихъ, на самомъ обрывѣ скалы, дѣйствительно стоитъ бывшая женская обитель Св. Григорія, вся изъ краснаго камня, которую соорудилъ Царь Гагикъ I въ 1000 году, по образцу Эчміадзинской, предназначивъ ее для усыпальницы своему роду. Еще сохранилась церковь, но уже обрушились всѣ окружавшія ее зданія; подъ нею видны келліи въ скалѣ и глубокія пещеры, а выше въ горѣ начало крытаго хода, который велъ мимо обители къ рѣкѣ; своды его теперь обвалились. Мы хотѣли спуститься къ монастырю, но проводникъ остановилъ насъ, указывая на солнце; я понялъ, что не много времени намъ оставалось, и что еще много такихъ каменныхъ сокровищъ въ Ани, и

повиновался нѣмому указанію. Нѣсколько далѣе развалины церкви осѣняли глубокое устье пещеры, которая слыветъ безвыходною въ народѣ. Тутъ подымалась стезя на вершину горы, гдѣ были разбросаны Ани, покрытыя саваномъ снѣга, которымъ только наканунѣ ранняя зима повила сію мертвую Царицу пустыни.

Первая предстала намъ, на краю города, великолѣпная церковь, вся въ изваяніяхъ, съ чудными карнизами изъ арабесковъ; нарядный портикъ ея легко опирался на одну порфировую колонну, во вкусѣ восточномъ. Надъ дверями изображенъ былъ Спаситель, а по сторонамъ его, снятіе со креста и одно сонное видѣніе, которое я не умѣлъ себѣ объяснить: въ головахъ спящаго стояла Божія Матерь, и надъ нимъ парили три Ангела; быть можетъ это самое видѣніе побудило къ основанію церкви. На внѣшней аркѣ, которую поддерживала красная колонна, странно начертаны были нагія женщины, обвитыя змѣями, вѣроятно Фуріи; но какъ могли миѳологическіе символы найти мѣсто въ преддверіи Христіанскаго святилища? Я взо-

шелъ въ церковь и удивился православному ея устройству и стѣнной живописи: на горнемъ мѣстѣ видна была Влахернская Божія матерь, съ предвѣчнымъ младенцемъ на рукахъ; Спаситель пріобщалъ подъ двумя видами Апостоловъ; а ниже его стояли двѣнадцать Святителей, между коими можно разобрать Греческія имена: Николая, Леонтія, Аристагеса, сына великаго Григорія; на боковыхъ стѣнахъ написаны входъ въ Іерусалимъ и успеніе Божіей Матери. Замѣчательно, что всѣ надписи или Греческія или Грузинскія; Армянскихъ вовсе нѣтъ. Это было бы довольно странно въ Армянской столицѣ, если бы сего не объясняла внѣшняя надпись, изсѣченная на алтарной стѣнѣ: «Церковь сооружена при Атабегѣ Спасаларѣ Шагинъ-Шахѣ, въ 700 году Армянскаго лѣтосчисленія» (т. е. въ 1251 году,) слѣдственно въ то время, когда Ани были во владѣніи Грузинскихъ Царей. Атабегъ Спасаларъ Шагинъ-Шахъ, т. е. воевода, Князь Князей, есть титулъ, который даже обратился въ собственное имя внуку великаго Саркиса. Послѣ ран-

ней смерти отца своего Захарія, онъ находился подъ опекою дяди Іоанна, который принялъ Православіе при Царицѣ Тамарѣ и, подъ именемъ своего племянника соорудилъ церковь въ честь Богоматери: не самъ ли Іоаннъ изображенъ спящимъ подъ ея сѣнью? Время не позволяло мнѣ снимать всѣ надписи, трудныя для самихъ Армянъ; я довольствовался уловить хотя одно имя и годъ, и переходилъ такимъ образомъ, отъ памятника къ памятнику, на этомъ обширномъ полѣ смерти. Не далеко отъ церкви къ востоку кончался городъ, о чемъ свидѣтельствуютъ остатки огромныхъ воротъ, съ прилегавшею къ нимъ стѣною.

Нѣсколько выше, на пустынной площади, возвышается другая круглая церковь замѣчательной архитектуры, которая отчасти напомнила мнѣ Іерусалимскую мечеть Омара: по двѣнадцати аркадъ въ каждомъ изъ ея двухъ ярусовъ, и еще сохранилась внутри стѣнная живопись. Тамъ гдѣ былъ престолъ, написанъ Спаситель, окруженный Архангелами, въ другихъ

углубленіяхъ четыре Евангелиста и лики святыхъ; надписи всѣ Армянскія и одна на вратахъ свидѣтельствуетъ, что церковь была сооружена въ патріаршество Петра, при Іоаннѣ Сумбатѣ, сынѣ Царя Гагика. Отъ этой церкви перешли мы, по грудѣ обломковъ, усыпавшихъ сію нѣкогда лучшую часть столицы, къ великолѣпному собору, который соорудили Царь Гагикъ и супруга его Грузинская Царевна. Зданіе отличается отъ всѣхъ прочихъ обширностію и характеромъ зодчества, собственно Армянскаго, потому что оно украшено рѣзьбою по стѣнамъ вмѣсто живописи; куполъ уже обвалился, но прочность стѣнъ устояла противъ землетрясенія. Здѣсь откликнулась нѣкогда мертвая Царица правнуку своему Давиду, когда онъ привѣтствовалъ ее съ освобожденіемъ храма изъ рукъ невѣрныхъ; но теперь не кому откликнуться въ цѣлой Ани на голосъ привѣта! Весь городъ одна могила; если же отозвались бы всѣ его мертвые, дрогнули бы и пали остатки палатъ и храмовъ, какъ при звукѣ послѣдней трубы!

Великолѣпныя палаты Царя Гагика на-

ходились подлѣ самаго собора: кто разберетъ царскіе чертоги въ этой массѣ обломковъ, убѣленныхъ снѣгомъ!—Одинокій минаретъ возвышается на ихъ мѣстѣ, свидѣтелемъ разрушенія; за нимъ видна еще одна уцѣлѣвшая церковь, круглая на подобіе Сумбатовой. Близко отъ собора, на самомъ обрывѣ горы, та великолѣпная мечеть, которою я любовался издали; она въ изящномъ Мавританскомъ вкусѣ; наружная стѣна ея покрыта надписями Куфическими, но ни кто изъ насъ не зналъ Арабскаго языка. Должно полагать однако, что ее соорудилъ не первый обладатель Ани, Эмиръ Мануче, потому что онъ обратилъ главный соборъ въ храмину своей вѣры, но внукъ его Фадлунъ, сынъ изгнаннаго Абуласвара, когда опять овладѣлъ городомъ и далъ обѣщаніе не касаться собора. Найденный мною въ послѣдствіи переводъ сей надписи подтвердилъ мое мнѣніе. Обвалившійся помостъ мечети не позволилъ спуститься въ два ея нижнихъ яруса, висѣвшіе надъ крутизною, но верхній являлъ слѣды чрезвычайнаго великолѣпія: шесть цѣльныхъ

столбовъ, изъ краснаго камня, посрединѣ храмины, и еще двѣнадцать прислоненныхъ кругомъ ея стѣнъ, поддерживали низкіе своды, которые испещрены шахматными плитами, краснаго и чернаго цвѣта. Множество арабесковъ изсѣчено по карнизамъ и капителямъ столбовъ; самый помостъ представлялся, изъ подъ груды обломковъ, въ видѣ шахматной доски, хотя другаго узора нежели своды. Очаровательный видъ открывался изъ пустыхъ оконъ, на утесистые берега Арпачая и въ дальнюю окрестность.

Солнце уже склонялось къ закату, а еще вышгородъ Ани, ярко озаренный его лучами, манилъ насъ къ себѣ, на южную оконечность столицы. Съ одной только стороны, можно было подойти къ вышгороду, и тутъ возвышались крѣпкія башни; одна изъ нихъ, уже почти обрушенная, стояла на стражѣ у входа. Я изумился крѣпкому положенію сего мѣста, когда увидѣлъ что другая рѣка, столь же крутобрегая, подступила съ этой стороны къ Ани: обѣ онѣ, Алаза и Арпачай, бурно стека-

ются на краю вышгорода, ограждая его поясомъ своихъ скалъ; тамъ, гдѣ наиболѣе кипятъ ихъ воды, выростаетъ одинокій утесъ, увѣнчанный обителью, которую не тронули люди, ради ея неприступности, и забыло время на пустынномъ острову. Окраина вышгорода обнесена была двойною стѣною съ башнями: онѣ обрушились, какъ бы ради своей безполезности, ибо здѣсь природа оградила Ани, крѣпче руки человѣческой. Сохранились однако остатки трехъ церквей, расположенныхъ кругомъ ограды, въ залогъ иной болѣе прочной защиты; одна изъ нихъ, со стороны Арпачая, представляется въ видѣ воротъ, своею высокою аркою.—Холмъ вышгорода, весь облѣпленный обломками, украшенъ былъ нѣкогда палатами Багратидовъ и Эмировъ; но отъ нихъ остались только три аркады: средняя въ два яруса, съ такими же украшеніями какъ и мечеть Фадлуна, и быть можетъ той же руки. Дикой очаровательный видъ открылся намъ, съ высоты царственнаго холма, въ ущелья обѣихъ рѣкъ и на всю окрестность, не смотря на ея бѣ-

лое однообразное покрывало. Что то страшное вѣяло изъ ущелья, гдѣ уже побѣдителемъ стремился Арпачай, поглотивъ быструю Алазу; сумракъ, вмѣстѣ съ вечернимъ туманомъ, глубоко сходилъ въ это устье. Багровые лучи еще озаряли площадь, внутри стѣнъ, и поле за стѣнами, гдѣ были Ани, но въ нихъ все было мертво.— Только мы, чуждые посѣтители, говоромъ своимъ оживляли могильную тишину сей многолюдной нѣкогда столицы, но и насъ самихъ изгоняла ночь изъ негостепріимнаго города, гдѣ уже ни для кого не было крова.—Какое ничтожество дѣлъ человѣческихъ!

Мы бѣжали изъ вышгорода, чтобы удѣлить еще нѣсколько минутъ на развалины; когда же остановились на обрывѣ Алазы, у той круглой церкви, которая видна была отъ собора, внезапно поднялись на противоположномъ берегу, изрытомъ пещерами, вопли Курдовъ, жителей сихъ пустынныхъ мѣстъ. Изумленные появленіемъ странниковъ, въ столь позднiе часы дня, они скликали стада свои и прятались въ

подземелья. Встревоженный криками Курдовъ, вожатый спѣшилъ привести насъ на другую оконечность города, къ самымъ стѣнамъ, гдѣ сохранились одни великолѣпныя палаты; мимоходомъ мы обошли другія еще пространныя развалины, которыя слывутъ банями, но болѣе похожи на остатки дворца и церкви, соединенныхъ вмѣстѣ.—Не это ли мраморное святилище, которое соорудилъ, въ честь святой Рипсимы, Католикосъ Саркисъ, когда перенесъ каѳедру въ Ани и построилъ тамъ свои палаты? Пусть рѣшитъ этотъ вопросъ болѣе опытный посѣтитель. Зданіе, къ которому привелъ насъ вожатый, дѣйствительно заслуживало вниманіе, ибо это были единственные чертоги, которые уцѣлѣли промежду многихъ церквей. Они касались съ одной стороны городскихъ стѣнъ, а съ другой спускались многими ярусами, по отвѣсному берегу Алазы, усѣянному также развалинами. Фронтонъ ихъ былъ украшенъ шахматными плитами; большіе ворота открывали входъ во внутренность зданія, быть можетъ караванъ-сарая или жилища

какихъ либо вельможъ, но конечно не Царей, по сосѣдству городской стѣны. Мнѣ бы хотѣлось назвать его чертогами знаменитаго рода Пахлавуни, славнаго полководца Ваграма или племянника его Григорія Магистра, ибо пріятно одушевлять живыми именами безжизненность развалинъ.

Отъ сихъ пустынныхъ палатъ направились мы, вдоль городской стѣны, еще вооруженной грозными башнями Царя Сумбата, къ городскимъ воротамъ, потому что невозможно было долѣе медлить.—Еще багровѣе казались, при вечерней зарѣ, исполины сіи, складенные изъ огромныхъ плитъ краснаго гранита; они стоятъ на стражѣ пустой столицы, какъ воинъ блюдетъ ввѣренное его храненію, не испытывая: есть ли что подъ завѣтнымъ замкомъ? Царь Сумбатъ, воздвигшій сіи громады въ лучшую эпоху славы Багратидовъ, окопалъ ихъ глубокимъ рвомъ, донынѣ видимымъ, отъ крутаго берега Алазы до столь же отвѣсныхъ скалъ Арпачая, и сдѣлалъ неприступнымъ этотъ единственный входъ въ столицу. Но другая обширная стѣна, кото-

рою обнесъ онъ внѣшній городъ или предмѣстье, уже не существуетъ. На цѣломъ полѣ развалинъ стоитъ только одинокая церковь, изящной архитектуры, которую какъ говорятъ выстроилъ богатый пастухъ, по обѣту ради благоденствія стадъ своихъ, когда уже бывшій городъ обратился въ пастбище: sic transit gloria mundi! Высокія врата, между двухъ круглыхъ башень, чрезвычайной толщины, открыли намъ выходъ изъ царственныхъ развалинъ Ани; солнце сѣло, а намъ надлежало еще воспользоваться остатками вечера, чтобы проѣхать полемъ до пяти верстъ, для сокращенія дороги, и найти болѣе удобный бродъ Арпачая.

Совершенно смерклось когда мы приблизились къ тѣмъ высокимъ воротамъ, которыя видѣли утромъ, съ противоположнаго берега. Отъ нихъ тянулся остатокъ ограды вверхъ по рѣкѣ, и видно было, что тутъ находился главный спускъ, а вправо шла дорога въ древнюю обитель, Кошавангъ, и не доходя до нее стояли въ лощинѣ три опустѣвшія церкви. Самыя врата, чрезвы-

чайно высокія, состояли изъ двухъ круглыхъ столбовъ, въ видѣ башень или минаретовъ, соединенныхъ легкою аркою; на одномъ изъ нихъ уцѣлѣла вершина, на подобіе церковной главы, время сбило другую. Городъ, въ который нѣкогда они открывали входъ, изчезъ позади ихъ, такъ что нельзя угадать теперь, гдѣ лицевая сторона сихъ воротъ? Подумаешь, что это тріумфальная арка, воздвигнутая въ честь какого либо побѣдителя, и дѣйствительно то были торжественныя врата, которыми время вошло въ Ани и срыло ихъ до основанія! Слишкомъ темно было, чтобы искать надписи; всѣхъ приличнѣе была бы для нихъ, созданная геніемъ Данта, для его Адскихъ воротъ:

Per me si va nella citta dolente,
Per me si va nel eterno dolore,
Per me si va tra la perduta gente;
Lasciate ogni speranza voi ch'entrate.

Черезъ меня въ плачевный городъ путь,
Черезъ меня въ плачъ вѣчный дверь открыта,
Черезъ меня къ душамъ погибшимъ путь;
Входящіе надежду отложите!

Надобно было имѣть всю опытность нашего вожатаго, старожила этихъ мѣстъ, чтобы спуститься, по утесистой тропѣ, къ глубокому руслу Арпачая и найти, или лучше сказать угадать, въ темнотѣ знакомый ему бродъ, чрезъ быстрыя воды. Я вздохнулъ свободно, когда мы вышли на нашъ берегъ, и еще болѣе остался доволенъ, когда достигли ближайшаго селенія для ночлега, потому что весь день почти не сходили съ лошадей. Сильный морозъ укрѣпилъ ночью выпавшій снѣгъ на берегахъ Арпачая, вдоль котораго лежала дорога въ Александрополь. Частыя развалины видны были на противоположной сторонѣ: то сломанный мостъ, то какая либо одинокая церковь, или нѣсколько храмовъ вмѣстѣ, остатки древняго города Шурагеля (Ширакованъ), гдѣ основался Царь мученикъ Сумбатъ, прежде нежели внукъ его Ашотъ милостивый перенесъ столицу въ Ани.

ЛОРИ, САНАГИНЪ И АХПАТЪ.

Пріятно было отдохнуть немного въ Александрополѣ; его новыя зданія, всѣ изъ тесанаго камня, кругомъ правильной площади, напомнили мнѣ уѣздные города Россіи. Великолѣпна гранитная крѣпость, съ изящною церковью во имя Царицы Александры; это залогъ царственной супружеской любви, которая измѣнила прежнее названіе мѣста Гимри, въ болѣе близкое для сердца, подобно тому какъ нѣкогда первая крѣпость, павшая за Кавказомъ предъ оружіемъ Русскихъ, Ганджа, получила имя Елисаветполя. Другая, весьма убогая церковь, привлекла мое вниманіе въ

Александрополѣ: она была основана Греками, которые послѣдовали изъ Эрзрума, за славою нашего оружія. Священникъ ихъ привезъ съ собою много драгоцѣнныхъ утварей и старинныхъ иконъ; между сею святынею особенно замѣчательно, по своей древности, одно Евангеліе, писанное золотомъ на пергаментѣ, съ иконными заглавіями; оно можетъ восходить до первыхъ вѣковъ Христіанства. Подобное видѣлъ я, только въ Императорской библіотекѣ, которое пріобрѣтено изъ Греческаго монастыря Св. Георгія, въ предѣлахъ Требизондскихъ.

Я имѣлъ намѣреніе продолжать путешествіе черезъ Ахалцихъ, чтобы видѣть сію замѣчательную область, не давно пріобрѣтенную нами, основное гнѣздо Христіанства въ предѣлахъ Грузіи; но ранніе снѣга покрыли хребетъ Ахалцихскій, и мнѣ надлежало ѣхать, по большой дорогѣ Тифлиской, на Караклисы. Не сожалѣлъ я однако о невольной перемѣнѣ моего пути, когда увидѣлъ очаровательное ущелье Бамбакское, съ тремя великолѣпными обите-

лями Санагина, Ахпата и Ахталы. Первая половина дороги отъ Александрополя, по такъ называемымъ мокрымъ горамъ, покрытымъ снѣгомъ, была чрезвычайно затруднительна въ коляскѣ, и переѣздъ черезъ Безобдалъ, на вершинѣ коего постоянно бушуютъ снѣжныя мятели, стоилъ большихъ усилій. На самомъ перевалѣ горы, гдѣ какъ будто открываются ворота, между двухъ отроговъ, встрѣтила меня сильная непогода; невозможно было проѣхать верхомъ сквозь это устье, вслѣдъ за коимъ начинался крутой обрывъ, занесенный снѣгомъ. Силою рукъ, на веревкахъ, спустили коляску, и разчищали для нее дорогу, извивавшуюся по скату горы; а между тѣмъ, на каждомъ шагу, еще затрудняла насъ встрѣча червадаровъ, со вьюками, и погонщиковъ съ ихъ волами. Но радушное гостепріимство ожидало меня, по ту сторону Безобдала, въ домѣ начальника батареи, расположенной въ Джелалъ-оглу.

Зима уже водворилась на высокой плоскости Лори, какъ бы у насъ въ Россіи, хотя еще только начинался Ноябрь; непріят-

но было видѣть берега рѣки Каменки, такъ рано покрытыми снѣгомъ, въ краю полуденномъ, прославляемомъ за свой климатъ. Посреди бывшаго землянаго укрѣпленія Джелалъ-оглу, стоитъ убогая деревянная церковь, основанная однимъ изъ тѣхъ тайныхъ подвижниковъ, которые будучи невѣдомы міру, извѣстны Богу. Простой солдатъ, по имени Иванъ Бобырь, вѣрно отслуживъ Царю, хотѣлъ послужить еще Богу; онъ употребилъ до четырехъ сотъ рублей серебромъ собственныхъ денегъ, накопленныхъ въ продолженіи долговременной службы, на покупку лѣса и для платы работникамъ, и какъ одинъ изъ нихъ трудился самъ при сооруженіи церкви; когда же достигъ желанной цѣли, просился посѣтить святыя мѣста Іерусалимскія; но не былъ допущенъ начальствомъ, такъ какъ еще не кончился срокъ его службы, а между тѣмъ его посѣтило тяжкое испытаніе: однажды, при рубкѣ дровъ, упало на него бревно и переломило ему крестецъ; съ тѣхъ поръ онъ лежитъ на одрѣ болѣзни, безъ всякаго движенія, въ

маломъ домикѣ, который успѣлъ себѣ выстроить, въ виду основанной имъ церкви, и все его утѣшеніе состоитъ въ слышаніи духовнаго чтенія. Когда ему становится тяжко отъ болѣзни, онъ немного подымется на постели, посмотритъ въ окно на свою церковь, и ему сдѣлается какъ будто легче. Такъ протекаютъ для него дни и никогда неслышно отъ него ропота; но уже его мысли начинаются мѣшаться отъ постоянныхъ страданій, хотя мысль о Богѣ никогда его не оставляетъ.

Отправивъ коляску прямо въ Тифлисъ, самъ я рѣшился ѣхать верхомъ, по ущелію Бамбакскому, чтобы видѣть развалины и обители, разбросанныя по берегамъ потока Каменки. Первая представилась мнѣ Лори, за семь верстъ отъ Джелалъ-оглу, древняя столица одной отрасли Багратидовъ Армянскихъ, которая началась сыномъ Ашота милостиваго, Гургеномъ, и извѣстна подъ именемъ Коричіанской. Сынъ Гургена Давидъ, прозванный безземельнымъ, потому что въ долгое воинственное свое царствованіе, никогда не могъ удер-

жать за собою завоеванныхъ имъ земель, прославилъ однако малое царство Лорійское, и нашелъ себѣ наконецъ участокъ земли въ обители Санагинской. При внукахъ его, Давидѣ и Аббасѣ, въ началѣ XII вѣка, постигло первое раззореніе ихъ столицу, когда полчища вождя Сарацинскаго Кизиль-Арслана, прошли огнемъ и мечемъ ущелье Бамбакское и опустошили въ одно время съ Лори, обители Санагинъ и Ахпатъ. Скоро потомъ династія Коричіянская утратила родовое свое владѣніе, которое отняли у него Цари Грузіи, усилившіеся со временъ Давида возобновителя. Георгій III осаждалъ, уже въ подвластной ему Лори, воеводу своего Князя Ивана Орбеліана, хотѣвшаго возвести на тронъ его малолѣтнаго племянника. Потомки Давида безземельнаго едва держались, въ малой своей крѣпости Маднаспертской, и совершенно исчезли въ продолженіи XIII вѣка, уже на службѣ Хановъ Монгольскихъ. Было время, когда и Крестоносцы, изъ графства Эдесскаго, заходили въ Лори, но не могли тамъ основаться. Послѣднее ея раззореніе, послѣ ко-

тораго уже не возставала изъ своихъ развалинъ, было ей нанесено ордами Монгольскими, опустошившими всѣ окрестные предѣлы Лорійскіе.

Когда я посѣтилъ сію пятую изъ столицъ Армянскихъ, которыя встрѣчались на моемъ пути, столь близко одна отъ другой, она была занесена глубокимъ снѣгомъ, подобно какъ и Ани, и отчасти напоминала ея мѣстность. Хотя берега Каменки не такъ высоки какъ у Арпачая, однако крѣпость основана также на сліяніи двухъ рѣкъ; устье Акзи-Біюка дѣлаетъ недоступнымъ остроконечный мысъ Лори, обнесенный со стороны земли крѣпкою стѣною. Бывшая твердыня въ большомъ упадкѣ, однако еще держится и весьма недавно, въ послѣднюю войну Персидскую, служила убѣжищемъ для всѣхъ окрестныхъ жителей. Но внутри боевой ограды, столь величественной снаружи, какое мирное поселеніе пріютилось посреди обломковъ! Пять семействъ Армянскихъ прилѣпили сакли свои, къ развалинамъ палатъ и бойницъ, и занимаются исклю-

чительно пчеловодствомъ, которому способствуютъ роскошные луга около Лори. Столица Давида беземельнаго обращена въ мирный пчельникъ и славится медомъ, вмѣсто оружія Багратидовъ:—о суета суетствъ и всяческая суета! Посмотримъ что еще осталось внутри ея стѣнъ? Существуетъ церковь, болѣе Греческая нежели Армянская, по внутреннему устройству: низкіе своды поддержаны двумя столбами, три арки образуютъ наружный притворъ. Священникъ ближняго селенія приходитъ, по большимъ праздникамъ, совершать литургію для убогихъ жителей Лори. Другая церковь, слывущая Греческою, болѣе однако во вкусѣ Армянскомъ и складена изъ гранитныхъ плитъ, съ крестообразными арками и высокимъ куполомъ. Отъ третьей церкви осталось только одно основаніе, подлѣ мыса, съ котораго былъ крутой спускъ къ рѣкѣ на самое устье. Лѣтомъ видъ съ этаго мѣста долженъ быть очарователенъ. Говорятъ, что слѣды палатъ царскихъ еще видны въ Лори, вмѣстѣ съ остатками башень, которыя служили мостовымъ укрѣпленіемъ, когда суще-

ствовалъ мостъ черезъ Каменку. Съ вершины стѣнъ окинулъ я бѣглымъ взоромъ окрестность и видѣлъ на поляхъ много развалинъ церквей, болѣе Греческихъ, ибо здѣсь издавна было поселеніе Грековъ; мы проѣхали двѣ, еще населенныя деревни, по дорогѣ къ Санагину, и видѣли въ нихъ церкви, зодчествомъ своимъ свидѣтельствующія о прежнемъ благоденствіи сихъ мѣстъ, доколѣ не прошелъ тутъ мечь Татарскій.

Широкая долина Лори, простиравшаяся въ длину болѣе нежели на тридцать верстъ, начала постепенно стѣсняться, когда бурный потокъ Бамбака, вырвался изъ своего каменистаго ущелья, чтобы слиться съ Каменкою или Дебедой. Противоположныя горы, сближавшіяся мало по малу, совершенно сошлись около селенія Узунларъ, а между тѣмъ, хотя мы подвигались къ сѣверу, тепло становилось чувствительнѣе и снѣгъ изчезалъ на поляхъ. Великолѣпная церковь, еще издали, поразила насъ своимъ необычайнымъ зодчествомъ въ Узунларѣ, хотя время коснулось ея наружныхъ портиковъ; уцѣлѣли однако столпы и ар-

кады высокой паперти, окружавшей съ трехъ сторонъ церковь, совершенно во вкусѣ Греческомъ. Колокольня до половины обрушилась, и видны остатки ограды. Внутренность храма, хотя и обнаженнаго, еще носитъ слѣды прежняго величія и замѣчательна высотою сводовъ. Строителемъ его былъ знаменитый своею ученостію Католикосъ Іоаннъ, прозванный Философомъ, который родился въ Узунларѣ, а погребенъ недалеко отъ своей родины въ Ардеви; тамъ существуютъ еще остатки двухъ великолѣпныхъ церквей, построенныхъ въ память его, славнымъ воеводою Захаріею. Іоаннъ управлялъ церковью Армянскою въ VII столѣтіи, послѣ Нерсеса строителя, и старался умирить внутреннія ея смятенія, возникшія отъ разореній Персидскихъ. Лице сего Католикоса было предметомъ многихъ противорѣчій и нареканій, потому что его смѣшиваютъ съ современнымъ ему Іоанномъ Маназгердскимъ; который созвалъ враждебный Православію соборъ, и слыветъ у нѣкоторыхъ также Философомъ. Но писанія истиннаго

философа до такой степени были въ пользу ученія Халкидонскаго, что ихъ принимали въ свидѣтельство, во время сношеній Императора Мануила съ Нерсесомъ благодатнымъ, о союзѣ церковномъ.

По счастливому случаю мы нашли, въ Узунларѣ, Греческаго старшину близь лежавшихъ мѣдныхъ заводовъ, и онъ вызвался быть нашимъ проводникомъ по ущелію; надобно было спѣшить къ ночи въ Санагинъ, ибо уже солнце садилось, а еще оставалось десять верстъ до монастыря и дорога предстояла каменистая. Близко отъ Узунлара спустились мы, по утесистой лѣстницѣ, съ камня на камень, на самое дно глубокаго ущелья Бамбакскаго, къ его кипящему потоку, и лѣтняя атмосфера дохнула намъ опять въ этой очарованной долинѣ: въ одну минуту перешли мы изъ одного времени года въ другое. Тамъ не только не было снѣга, но даже плодовитыя деревья сохранили свои листья, и дикій виноградъ ласкался около ихъ развѣсистыхъ вѣтвей. Прыгалъ и пѣнился потокъ по камнямъ, не такъ какъ дикій Терекъ

въ Дарьялѣ, наводящій ужасъ на свое мрачное ущелье, но какъ веселый ребенокъ, который вырвался на свободу и заигрываетъ со всѣми, кто только встрѣтится ему на пути. И скачущія воды и пожелтѣвшія листья деревъ, все было прозрачно и ярко, въ пурпурѣ заходящаго солнца; оно будто гналось лучами вслѣдъ за потокомъ, по извивавшемуся ущелью, коегдѣ поражая струистаго бѣглеца, золотыми ударами своихъ лучей, если не успѣвалъ онъ укрыться подъ скалу, и ярко сіяли всѣ утесы, какъ бы въ вѣнцахъ, радуясь своему минутному блеску. Въ такомъ волшебномъ свѣтѣ представилось мнѣ это чудное ущелье, оттого ли что меня поразила внезапная перемѣна климата, или дѣйствительно красота его возбуждала невольный восторгъ. Легкая арка моста, смѣло перекинутая черезъ потокъ, довершила очарованіе, ибо только такой воздушный переходъ могъ соединять между собою фантастическіе утесы, которые, одинъ за другимъ, возставали предъ нами, отличаясь дикостію своихъ формъ.

Мнѣ довелось, въ теченіе трехъ дней, нѣсколько разъ подыматься и спускаться, по широкимъ ступенямъ сего моста, когда переходили мы съ берега на берегъ, изъ обители въ обитель. Грубо изваянные львы и человѣческія головы украшаютъ каменныя перилы его тринадцати уступовъ; древняя икона Саркиса, или Сергія, поставлена было у восхода, со стороны Узунлара, теперь же замѣнена изваяннымъ крестомъ. Надпись свидѣтельствуетъ, что Царица Нана, супруга Аббаса, Царя Лорійскаго, и сестра великаго воеводы Захаріи, соорудила въ XII вѣкѣ каменный путь сей по водамъ, въ обитель, гдѣ почиваютъ ея предки. Двѣ дороги раздѣляются отъ моста: одна на лѣво вдоль потока, ведетъ въ монастырь Ахпатскій, отстоящій за семь верстъ, другая вправо на гору въ сосѣдній Санагинъ; но этотъ восходъ по утесамъ, при вечерней темнотѣ, былъ для насъ гораздо труднѣе спуска.

Пріятный и образованный настоятель обители, Архимандритъ Саркисъ, будучи предваренъ о моемъ пріѣздѣ, встрѣтилъ

насъ во вратахъ, съ малолѣтними своими питомцами, о коихъ заботится, какъ отецъ о дѣтяхъ; онъ самъ завелъ и содержитъ училище, доброхотными пожертвованіями, и по своей любознательности описалъ всѣ монастыри и развалины Бамбакскаго ущелія и окрестныхъ мѣстъ. Пріемъ его былъ чрезвычайно радушенъ и соединенъ съ свѣтскою привѣтливостью, которой не ожидаешь въ столь дикомъ уединеніи. Ночь мы провели въ его келліяхъ, а на утро, послѣ литургіи воскресной, занялись подъ его руководствомъ осмотромъ обители. Она была основана, по мѣстнымъ преданіямъ, въ IX вѣкѣ, монахами бѣжавшими отъ Императора Греческаго Романа, который принуждалъ ихъ принять соборъ Халкидонскій; но древность ея возводятъ гораздо выше, не только до временъ Просвѣтителя, но даже до Апостоловъ Варѳоломея и Ѳаддея, будто бы благословившихъ мѣсто сіе, освященное въ послѣдствіи Григоріемъ. Напротивъ того лѣтописцы Грузинскіе приписываютъ Царямъ своимъ основаніе Санагина и Ахпата, такъ какъ они находятся въ

предѣлахъ Грузіи, а не Арменіи. Одно лишь то достовѣрно, что оба монастыря процвѣли не ранѣе X вѣка, при династіи Багратидовъ, когда младшая вѣтвь ихъ властвовала въ Лори и Давидъ беземельный прославилъ свое царство. Обѣ соборныя церкви, въ Санагинѣ и Ахпатѣ, сооружены супругою Ашота милостиваго, матерью Царей Сумбата Анійскаго и Гургена Лорійскаго; потому оба Царя сіи вмѣстѣ изображены, на внѣшней алтарной стѣнѣ обоихъ храмовъ, держащими въ рукахъ церкви, воздвигнутыя ихъ матерью. Санагинъ сдѣлался царственною усыпальницею династіи Лорійской и могущественныхъ Ата-беговъ, властвовавшихъ послѣ Царей въ Ани, и славнаго рода Пахлавуни, освященнаго великимъ Григоріемъ. Ахпатъ же, хотя и служилъ мѣстомъ упокоенія для нѣкоторыхъ царственныхъ особъ, однако не былъ собственно погребальнымъ монастыремъ, подобно Санагину. Тамъ была учреждена въ послѣдствіи каѳедра архіепископская, почти не зависѣвшая отъ Католикосовъ, которые не могли даже быть избираемы и по-

священы, если при этомъ дѣйствіи не участвовалъ Архіепископъ Ахпатскій, въ числѣ четырехъ главныхъ лицъ Іерархіи Армянской. Въ Ахпатѣ Православіе встрѣтило сильный отпоръ, равно какъ и въ монастырѣ Татевскомъ, что въ Карабахѣ, ибо тамъ соединялись частные соборы, подъ предсѣдательствомъ своихъ Архіепископовъ, чтобы осудить дѣйствія благонамѣренныхъ Католикосовъ.

Оружіе Султана Сельджукидовъ Кизиль-Арслана и Царей Грузіи, для которыхъ ущелье Бамбакское служило большою дорогою въ Арменію, страшное нашествіе ордъ Монгольскихъ Джагатая и частые набѣги Лезгинъ, хотя и оставили бѣдственные слѣды въ сихъ обителяхъ, однако каменная ихъ громада устояла противъ нападенія враговъ и дѣйствія времени. Но въ послѣднихъ годахъ минувшаго столѣтія временно опустѣли оба монастыря, когда безсиліе Грузіи открыло отважному Хану Лезгинскому Омару, свободный путь въ ущелье, и небыло ни какой возможности обитать въ сихъ предѣлахъ, отъ частыхъ

разореній. Только со времени владычества Русскаго, населились опять монастыри, хотя скудно въ нихъ число братіи, по обычаю Армянскому: исключая Эчміадзина, наполненнаго большею частію Епископами и Архимандритами, которые составляютъ Сvнодъ и дворъ Патріаршій, я нигдѣ не встрѣчалъ, собственно братіи, болѣе двухъ или трехъ иноковъ.

Архимандритъ Саркисъ показалъ намъ въ соборной церкви Св. Спаса, величественной по своему объему и по высотѣ стройнаго купола, драгоцѣнную святыню, соблюдаемую въ ризницѣ: это часть животворящаго креста, и ухо Св. Апостола Өаддея, въ драгоцѣнномъ ковчегѣ, которое принесъ изъ Индіи одинъ изъ Князей Орбеліановъ. Древній родъ ихъ, ведущій свое начало изъ Китая, будучи изгнанъ при Царѣ Георгіѣ III изъ Грузіи, властвовалъ въ XII вѣкѣ, подъ покровительствомъ Монголовъ, въ предѣлахъ Карабаха, Арарата и Лори. Обширная трапеза, изъ дикаго камня, пристроена къ церкви; она опирается на четыре столба, въ сооруженіи

коихъ участвовали четыре царевны Лорійскія, дочери Гургена; рядомъ съ нею сооружена другая изящная трапеза, или лучше сказать паперть, Ата-бегомъ Захаріею, предъ малою церковью Богоматери, которую построилъ Св. Григорій, на мѣстѣ благословенномъ Апостолами. Низменные своды сей паперти поддержаны по срединѣ шестью гранитными столбами. Обѣ онѣ служили усыпальницею, для великихъ мужей царства и церкви Армянскихъ. Тутъ и великій дѣдъ Григорія Магистра, отецъ полководца Ваграма, и самъ Ваграмъ и другія владѣтельныя особы, управлявшія отдѣльными областями распавшагося царства. Тутъ же Григорій Архіепископъ Татевскій и сынъ его Іоаннъ, возобновившіе соборную церковь въ XII вѣкѣ, и нѣкоторые изъ знаменитыхъ церковныхъ учителей, какъ то: Нерсесъ философъ, Вартанъ, Діоскоръ, бывшій краткое время Католикосомъ. Между обѣими церквами Спаса и Богоматери, которыя сообщаются только посредствомъ своихъ папертей, узкое пространство обращено было, Григоріемъ Магистромъ, въ такъ называемую Ака-

демію или школу, гдѣ преподавалось, подъ сѣнію храмовъ, духовное образованіе юношамъ. Еще видно, на восточной оконечности, мѣсто гранитной каѳедры и выдолбленныя вдоль стѣнъ сѣдалища для учениковъ, или быть можетъ для совѣщанія самихъ учителей, ибо ихъ неболѣе двѣнадцати. Снаружи сей галлереи, между двухъ выдавшихся алтарей, находилась гробовая палатка царственнаго племени Лорійскаго, но недавно взяты были камни ея и обнажились памятники перваго Царя Гургена и Давида безземельнаго; его прозваніе какъ будто хотятъ оправдать и по смерти, оспоривая у него послѣдній участокъ уступленной ему земли.

Еще одна малая церковь во имя Св. Григорія, построена отдѣльно отъ соборной связи къ востоку, и подлѣ нее великолѣпная зала, служившая нѣкогда библіотекою, а потомъ обращенная въ маранъ или винный погребъ. Она вся изъ гранита, съ рѣзными столбами, которые поддерживаютъ перекрестныя арки сводовъ; изваянныя арабески по всѣмъ карнизамъ. Кру-

томъ стѣнъ видны углубленія, предназначенныя для книгъ; но книги были утаены во времена Монголовъ, въ одной изъ пещеръ Бамбакскаго ущелья, а когда опять нашли ихъ, въ послѣднихъ годахъ минувшаго столѣтія, бросили безъ вниманія въ сырой маранъ, и тамъ онѣ истлѣли. Внѣ ограды, стоитъ малая погребальная часовня, надъ могилою великихъ Ата-беговъ Ани: Саркиса сына Ваграмова, ихъ родоначальника, и дѣтей его Захаріи и Іоанна, и внуковъ Шагинъ-Шаха и Авака. Надъ крышею часовни, остатки открытыхъ престоловъ, сооруженныхъ для того, чтобы безкровная жертва, приносилась надъ самымъ прахомъ именитыхъ усопшихъ. Тутъ же и узорочный крестъ, воздвигнутый надъ гробомъ Архіепископа Григорія, много трудившагося для обновленія обители при Царѣ Георгіѣ, отцѣ Тамари, а нѣсколько далѣе развалины малой церкви Іакова брата Божія.

По другую сторону монастыря есть еще часовня, во имя Сергія, съ великолѣпнымъ водохранилищемъ, которое было устроено

изъ дикаго камня, усердіемъ воеводы Захаріи, для снабженія обители Санагинской водою изъ горныхъ источниковъ; но теперь большая часть трубъ уже испорчены; вообще вся обитель держится только усердіемъ настоятеля и одного изъ Князей Аргутинскихъ, которому принадлежитъ малое селеніе близь монастыря. По всему видно, что Санагинъ, равно какъ и Ахпатъ, были важными точками образованія и управленія духовнаго, для Великой Арменіи въ среднихъ вѣкахъ, когда каѳедра Католикосовъ находилась въ Малой и опустѣлъ Эчміадзинъ. Сосѣдство Грузіи, могущественной въ XI, XII, XIII вѣкахъ, защищало оба монастыря отъ нападенія Магометанъ. Тѣмъ непріятнѣе видѣть теперь совершенный упадокъ сихъ обителей, въ такой близости отъ Тифлиса, гдѣ процвѣтаетъ торговля Армянская, ибо онѣ находятся на пути въ Эчміадзинъ, и принадлежатъ богатѣйшей изъ всѣхъ эпархіи Тифлиской.

Не болѣе семи верстъ разстоянія отъ Санагина до Ахпата; но мы не спускались опять къ потоку, а избрали другую крат-

чайшую дорогу, хотя и весьма трудную, по верховью овраговъ, поросшихъ лѣсомъ. Еще деревья были покрыты листомъ, багровыя ягоды кизиля сыпались на насъ съ густыхъ вѣтвей, застилавшихъ дорогу и прохлаждали жажду, ибо день былъ совершенно лѣтній; яркими лучами оживлялось сіе романтическое уединеніе, какъ бы нарочно созданное для иноковъ. Издали представился намъ Ахпатъ на пригоркѣ, окруженный селеніемъ и садами, подъ навѣсомъ другихъ высокихъ горъ. Зданія его мнѣ показались еще величественнѣе Санагинскихъ, но и запустѣніе въ высшей степени. Въ воскресный день тамъ даже некому было служить обѣдни, если бы не совершалъ ее сельскій священникъ, хотя въ монастырѣ живетъ на покоѣ Епископъ, но при немъ даже нѣтъ ни одного причетника. Столѣтній монахъ, почти при послѣднемъ издыханіи, лежавшій на смертномъ одрѣ, составлялъ вмѣстѣ съ симъ Епископомъ всю братію монастырскую, и гдѣ же это?—въ Ахпатѣ, безъ согласія коего нельзя было избирать Католикосовъ! Въ Сана-

гинѣ есть по крайней мѣрѣ три инока и училище, стараніемъ Архимандрита Саркиса.

Самъ онъ вызвался провожать насъ въ Ахпатъ и далѣе по ущелью; но Епископъ Аретюнъ не хотѣлъ уступить ему въ привѣтливости и ходилъ со мною по церквамъ своей обители. Послѣ Царицы Хосровь-Анушь, супруги Ашота милостиваго, которая воздвигла соборный храмъ во имя честнаго креста, главнымъ благодѣтелемъ Ахпата, былъ его Архіепископъ Іоаннъ, племянникъ великаго воеводы Захаріи. Онъ пристроилъ къ собору великолѣпную паперть, какъ бы окованную гранитными перекрестными обручами; нарядная рѣзьба украшаетъ стѣны и своды. Двери были открыты въ соборъ, освѣщенный яркими лучами солнца: видъ дальняго алтаря, котораго свѣтильники едва мелькали и дымились въ обильномъ изліяніи сихъ лучей, производилъ впечатлѣніе благоговѣйное, какъ будто что-то не земное проливалось отъ престола. Паперть сія избрана усыпальницею великихъ, и въ числѣ ихъ три Царевны, дочери Гургена Лорійскаго, со-

орудившія столбы въ обители Санагинской; но ревностный Архіепископъ Іоаннъ не захотѣлъ лечь далеко отъ своего племени, хотя вся жизнь его протекла въ Ахпатѣ. Ему приписываютъ и строеніе библіотеки, стольже изящной какъ въ Санагинѣ, складенной изъ гранита позади собора, которая обращена теперь также въ маранъ. Есть еще одна великолѣпная паперть или трапеза, вся въ рѣзныхъ украшеніяхъ, съ цвѣтами изваянными вокругъ открытаго купола: ее пристроилъ Епископъ Гамаспъ, предшественникъ Іоанна, къ древней убогой церкви Богоматери, которою вѣроятно началась обитель. Онъ же соорудилъ и нарядную колокольню, вѣнчающую зданія Ахпата; но эти каменныя громады, надъ коими истощено было столько усилій человѣческихъ, теперь почти оставлены людьми, какъ будто, надѣясь на ихъ вѣковую прочность, не чувствуютъ они, болѣе нужды поддерживать исполинскаго дѣла рукъ своихъ.

АХТАЛА.

Ахпатъ былъ послѣдній монастырь Армянскій, который видѣлъ я на обратномъ пути моемъ въ Тифлисъ; хотя утѣшительны были для меня благосклонные пріемы духовенства Армянскаго, однако сердце мое жаждало родственной стихіи Православія: трудно съ разборчивостію осматривать святыню, когда душа привыкла безотчетно ей покланяться; тяжко думать, что близкое намъ чуждо другимъ и на оборотъ, и еще труднѣе описывать видѣнное, посреди взаимныхъ предубѣжденій; вотъ почему вздохнулъ я свободнѣе, когда встрѣтила меня опять родная святыня и притомъ Греческая.

Спустившись по каменной тропѣ, пробитой въ утесахъ, на дно ущелія, мы слѣдовали вверхъ по теченію Джебеды, до каменнаго моста Царицы Наны и, по другую сторону потока, поднялись оврагами къ Греческому селенію Маданъ или Алваръ. Оно раскинуто амфитеатромъ, по скату горы, и напоминало собою веселыя деревни острововъ Архипелага; мѣдная руда, добываемая жителями, служитъ источникомъ ихъ единственной промышленности; но мнѣ говорили, что жилы металла истощаются, какъ это уже случилось съ серебренными рудниками Ахталы, по неопытности въ разработкѣ: всякой роетъ по своему произволу, не слѣдуя направленію жилъ, и оттого вода часто заливаетъ глубокія шахты, исконанныя въ видѣ колодцевъ.

Любопытно бы узнать достовѣрно, съ какого времени началось здѣсь населеніе Греческое, которое было многолюдно, судя по остаткамъ опустѣвшихъ деревень: теперь не болѣе шести составляютъ приходъ Греческій Мадана. Но еще недавно здѣсь существовала особенная эпархія Гре-

ческая, каѳедра коей находилась въ великолѣпной обители Ахтальской, за двадцать верстъ ниже, по тому же потоку. Туда приглашалъ меня настоятель Санагинскій, увѣряя, что все видѣнное мною въ его обители и въ Ахпатѣ, ничто въ сравненіи съ опустѣвшею церковію Ахталы, и я убѣдился на опытѣ въ истинѣ его словъ. Но сколько ни старался я узнать, отъ мѣстныхъ старожиловъ, о началѣ эпархіи Ахтальской, никто не могъ удовлетворительно отвѣчать мнѣ. Архимандритъ, занимавшійся описаніемъ этихъ мѣстъ, говорилъ, что еще Императоръ Греческій Ираклій, во время своихъ походовъ противъ Персовъ, въ VII столѣтіи, услышавъ о металлической рудѣ сего ущелія, послалъ для ея разработки рудокоповъ Греческихъ, и такое преданіе можетъ быть вѣроятно. Что касается до начала обители, то оно непремѣнно должно восходить далѣе XII вѣка, ибо тотъ же Архимандритъ видѣлъ, въ развалинахъ одной церкви близь Ахталы, надпись Армянскую на крестѣ: «воздвигнутъ въ 1244 гогу, ради спасенія Авака, во дни аббат-

ства Гамазаспа и настоятельства Петра II». Авакъ былъ Ата-бекомъ Ани, и какъ сынъ православнаго воеводы Іоанна, хотя и племянникъ Армянскаго Князя Захаріи, вѣроятно самъ исповѣдывалъ Православіе. Извѣстно, что Гамазаспъ, будучи Епископомъ, настоятельствовалъ въ Ахпатѣ, и по сему санъ его выраженъ Армянскимъ словомъ, тогда какъ настоятельство Петра выражено по Грузински, и безъ всякаго сомнѣнія относится къ Ахталѣ, которую напрасно стараются присвоить себѣ Армяне. Такимъ образомъ, уже въ XIII вѣкѣ, видно преемство настоятелей Ахталы, а можетъ быть и Епископовъ, которые прекратились только въ наше время. Предпослѣдній Гедеонъ удалился въ Царьградъ, откуда былъ присланъ, а послѣдняго Іоакима торжественно посвящалъ Католикосъ Антоній II, съ полнымъ соборомъ двѣнадцати Епископовъ Грузинскихъ, въ Сіонскомъ храмѣ Тифлиса; онъ скончался не позже 1821 года.

Я провелъ ночь въ Маданѣ, подъ гостепріимнымъ кровомъ одного изъ старшинъ Греческихъ, и рано утромъ собрался въ

путь къ Ахталѣ, опять черезъ тотъ же мостъ Наны и по берегу того же потока; ибо другая кратчайшая дорога, по горамъ, была непроходима отъ снѣга. Если бы кто посмотрѣлъ со стороны на многолюдный поѣздъ нашъ, по живописному ущелію, онъ показался бы необычайнымъ, по смѣшенію лицъ и одеждъ. Тутъ былъ и священникъ Греческій, и архимандритъ Армянскій, въ своемъ черномъ куколѣ вмѣсто клобука, и нѣсколько старшинъ Греческихъ въ нарядныхъ одеждахъ, и почетный конвой изъ Армянъ и Татаръ, вооруженныхъ по своему обычаю и вкусу. Эта конная толпа двигалась въ безпорядкѣ, между садовъ и утесовъ, съ шумомъ переходя горные ручьи, которые стремились въ бурный потокъ и умножали дикую красоту ущелія.

Подлѣ того мѣста, гдѣ подымалась крутая стезя къ Ахпату, миновали мы крѣпость Каяну, орлиное гнѣздо, приникшее къ вершинѣ утеса, которую выстроилъ Епископъ Ахпатскій Іоаннъ и раззорили Монголы. Ущеліе мало по малу расширялось,

по мѣрѣ приближенія къ Ахталѣ, не теряя впрочемъ красоты своей, ибо безпрестанно выдвигались уступами горы изъ за горъ, или открывались по сторонамъ малыя удолія, съ тополями и виноградными садами. Но потокъ Каменки или Джебеды продолжалъ столь же быстро стремиться по каменистому руслу, своенравно упираясь въ горы и требуя, чтобы разступились, доколѣ наконецъ не проложитъ себѣ болѣе широкаго ложа уже по долинамъ; тамъ встрѣтитъ онъ бѣгущую къ нему на встрѣчу рѣку Храмъ, и промчавшись вмѣстѣ съ нею, подъ величественными арками краснаго моста Царя Ростома, окончитъ бурное свое теченіе въ не менѣе быстрыхъ волнахъ Куры.

Не далеко отъ ущелія Ахталы, мы переправились въ бродъ на лѣвую сторону потока, промежду камней, о которые шумно разбивались волны; нѣсколько саклей съ виноградниками раскинуты были на берегу и подлѣ протекалъ малый ручей. Русло его открыло намъ горную стезю къ обители, а не далеко отъ устья крѣпкая

бойница приросла къ утесу, такъ что можно было принять башню за продолженіе скалы; тутъ же на долинѣ остатки той церкви, гдѣ списалъ Архимандритъ надпись о настоятеляхъ Ахталы. Не болѣе версты отъ устья ручья до развалинъ, которыя внезапно являются какъ нѣкое волшебное созданіе. Это выдавшійся гребень горы, съ трехъ сторонъ окруженный пропастями, поросшій вѣковыми деревьями и высеребренный, по голому темени, остатками брошенной руды. На металлической почвѣ встаетъ величественный храмъ, весь въ кружевныхъ арабескахъ, какъ бы въ царской одеждѣ, которою облекла его Тамарь, и рядомъ съ храмомъ, на окраинѣ скалъ, зіяетъ своими пустыми окнами длинная стѣна ея палатъ; высокій фронтонъ ихъ смотритъ въ пропасть, поверхъ деревъ и бойницъ, какъ будто есть еще кому смотрѣть изъ его оконъ. Круглыя башни, сросшіяся съ утесомъ, одна за другою взбираются на гору, какъ бодрые воины подающіе другъ другу руку, чтобы одолѣть недоступную твердыню; а на тѣсномъ

гребнѣ горы, по которому пролегаетъ единственная стезя въ ограду, какъ бы по лезвію меча, громадныя ворота, съ зубчатыми бойницами, стоятъ еще на стражѣ опустѣвшаго позади ихъ замка: они не хотятъ никому выдать священнаго залога, ввѣреннаго ихъ храненію. Прежде нежели проникнуть подъ завѣтные своды, окиньте взорами окрестность и вы изумитесь бывшему ея населенію и нынѣшней пустотѣ.

По всѣмъ горамъ церкви или остатки церквей; въ сосѣднихъ скалахъ, дико подъемлющихъ свои голыя вершины, видны человѣческія гнѣзда отшельниковъ, «обновленныхъ юностію орлею» по словамъ псалма, для подвиговъ свыше нежели человѣческихъ. Еще недавно одинъ изъ сихъ земныхъ Ангеловъ воспарилъ къ небу, на крыліяхъ своей молитвы. Къ востоку, на отдѣльной горѣ, противулежащей утесу Ахтачы, стоитъ уцѣлѣвшая церковь Св. Георгія, безъ осѣненія коего ничто не можетъ быть твердо, въ землѣ просвѣщенной его родственницею Ниною. Въ долинѣ, раздѣляющей обѣ горы, другая цер-

ковь во имя Св. Троицы, ею проповѣданной. Къ западу, по ту сторону горы, опять совершенно уцѣлѣвшая церковь Св. Григорія Богослова. На самомъ гребнѣ противъ воротъ, какъ передовое укрѣпленіе духовной твердыни, стоитъ еще полуобрушенная церковь Златоуста, вся въ роскошныхъ узорахъ, какъ будто Тамарь и преемники ея благочестія хотѣли украсить, каменными плетеницами цвѣтовъ, это священное преддверіе. И внутри самой ограды есть двѣ малыя церкви, изъ коихъ одна посвящена Св. Василію великому, чтобы дополнить тройственное число Вселенскихъ учителей; но что всего горестнѣе: посреди столь недавняго запустѣнія, никто не можетъ сказать: кто первый соорудилъ сіи храмы, въ которыхъ человѣческое искуство достигло столь высокаго развитія, и кто раззорилъ ихъ?

Греки расказываютъ, будто Тамерланъ, выстрѣлилъ съ горы Св. Георгія, въ окно алтарное, и пробилъ внутри храма ликъ Богоматери, но еще не было пушекъ во дни Тимура. Достовѣрнѣе отнести это къ поз-

днѣйшимъ завоевателямъ, ибо многіе проходили, съ огнемъ и мечемъ, по Бамбакскому ущелію. Старожилы помнятъ еще населеніе Ахталы, опустѣвшей послѣ страшнаго нашествія Омаръ–Хана Лезгинскаго, въ 1784 году, когда истребилъ онъ всѣхъ жителей, укрывшихся внутри церкви. Греки питаютъ глубокое уваженіе къ сему мѣсту, и дважды въ годъ, на рождество и успеніе Богоматери, приходитъ сюда священникъ совершать литургію, посреди многочисленной толпы богомольцевъ всѣхъ исповѣданій. Таинственныя легенды о кладахъ и болѣе вѣрные расказы о чудесахъ, которыя не престаютъ совершаться на мѣстѣ посвященномъ Матери Божіей, еще живы въ народѣ. Не весьма давно дѣвочка, собиравшая кизиль на вершинѣ утеса, оборвалась съ него въ глазахъ родителей; отчаянные устремились искать ея трупъ у подошвы и увидѣли, что она, съ дѣтскою простотою, продолжала собирать ягоды, бывшія причиною ея паденія.

Таковы преданія Грековъ; Грузины же, и самые образованные, ничего не знаютъ о

Ахталѣ; она даже не упомянута въ географіи Царевича Вахуштія. Нѣкоторые изъ нихъ, не довольствуясь Тамарью, приписываютъ основаніе обители полумиѳическому Царю своему Гургъ-Арслану; Армяне, которые любятъ воспоминанія древняго своего могущества, присвоиваютъ себѣ начало Ахталы, по случаю ея сосѣдства съ Ахпатомъ и Санагиномъ, хотя ничѣмъ не могутъ доказать такого притязанія. Еще иные говорятъ, что Ахтала знаменуетъ клятву и основана, послѣ губительной болѣзни, навлеченной проклятіемъ неизвѣстнаго инока. Но теперешніе владѣтели Ахталы, Князья Меликовы, увѣряли меня, что по преданію до нихъ дошедшему отъ ихъ отцевъ, Императоръ Ираклій выстроилъ сію церковь по обѣту: когда, во время похода его въ Персію, онъ услышалъ страшную вѣсть, что Скиѳы съ одной стороны, а Персы съ другой, подступили къ его столицѣ, онъ далъ обѣщаніе соорудить обитель Богоматери на томъ мѣстѣ, гдѣ услышитъ о спасеніи Царьграда, и радостная вѣсть сія пришла къ нему въ Ахталѣ. По-

тому и написана, на вратахъ и на горнемъ мѣстѣ, икона Влахернскія Божіей Матери, такъ какъ предъ сею чудотворною иконой Патріархъ Сергій, во время осады, читалъ всю ночь несѣдальную пѣснь, акаѳистъ; это радостное событіе воспоминается повсемѣстно въ пятую субботу великаго поста, подъ названіемъ Похвалы Божіей Матери.

Съ какой стороны ни взглянешь на чудное зданіе Ахтальскаго собора, не знаешь откуда болѣе имъ восхищаться, ибо ничего подобнаго не встрѣчалъ я въ Грузіи, по изящности отдѣлки, и такое сокровище совершенно брошено и забыто! Главный очеркъ его напоминаетъ соборный храмъ Мцхета, хотя въ меньшемъ размѣрѣ: также возвышается средина церкви, съ остроконечною крышею, но уже обвалился куполъ. Паперть состоитъ изъ трехъ аркъ, въ Византійскомъ вкусѣ, и каждая дуга отличается разнообразіемъ арабесковъ. Чтобы понять совершенно то, что усиливаюсь выразить словомъ, надобно видѣть; ибо одинъ только глазъ можетъ принять впе-

чатлѣніе всего, что извлекъ здѣсь геній человѣческій изъ каменной массы: каждый прямой очеркъ стѣны или крыши смягченъ узорчатымъ карнизомъ, каждая дуга двери или оконъ, обвита каменною плетеницею цвѣтовъ; сердцевина малыхъ круговъ и квадратовъ, разбросанныхъ въ видѣ украшеній по стѣнамъ зданія, представляется тонкимъ кружевомъ, сплетеннымъ изъ камня; кресты, изваянные надъ алтаремъ и на боковыхъ фронтонахъ, въ высшей степени изящны. Въ нихъ отразилось самозабвеніе людей, которые жертвовали цѣлыми годами своей жизни, лишь бы только ихъ произведенія были достойны высокаго назначенія, а имя тружениковъ вѣдомо одному Богу. Но если нѣтъ словъ для описанія, есть сердце для сочувствія, и конечно то безотчетное и глубокое благочестіе, съ которымъ созидались святилища лучшихъ временъ, есть необходимая вина того невольнаго благоговѣнія, которое проникаетъ душу при входѣ въ ихъ завѣтную внутренность; ибо тамъ еще вѣетъ молитвою, даже и отъ

обнаженныхъ стѣнъ; тамъ сердце жаждетъ молиться, хотя бы и среди развалинъ, болѣе нежели въ новомъ великолѣпіи храмовъ, и глаза хотятъ плакать, и сами собою подгибаются колѣна, на вѣковомъ помостѣ, изрытомъ слѣдами лучшихъ молитвенниковъ.

Первое что поражаетъ взоры, внутри святилища, есть колосальное изображеніе Божіей матери Влахернской, поверхъ низкаго иконостаса, на яркой лазури горняго мѣста. Она сидитъ съ предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ, на пурпурномъ ложѣ, и свѣжесть красокъ достойна изумленія; но лице и грудь Пречистой Дѣвы пробиты ядромъ. Первое раззореніе церкви относятъ къ временамъ, предшествовавшимъ не только Тимуру, но и Монголамъ; по мѣстному преданію, Царица Тамарь только довершила снизу одинъ изъ двухъ столбовъ трапезы, который чудно висѣлъ на воздухѣ, съ тѣхъ поръ какъ разбили его основаніе, чтобы потрясти лежавшій на немъ сводъ; такъ прочно было зданіе, что оно удержалось и на одномъ столбѣ, доколѣ Тамарь не подставила новое основаніе подъ дру-

гой. Куполъ обрушенъ, не рукою враговъ, а отъ руки времени, и жалко видѣть великолѣпное зданіе безъ кровли, подверженное всѣмъ непогодамъ. Это не препятствуетъ однако совершать въ немъ литургію, и доселѣ существуетъ атласный иконостасъ, который былъ поставленъ въ церкви, въ началѣ нынѣшняго вѣка, при управленіи горною частію Графа Мусина-Пушкина. Гробъ послѣдняго Епископа Іоакима подъ открытымъ куполомъ, и съ глубокимъ уваженіемъ притекаютъ къ нему Греки, помня своего добраго пастыря, послѣ коего совершенно опустѣла Ахтала.

Горнее мѣсто внутри алтаря на трехъ ступеняхъ, а надъ нимъ лики Апостоловъ и Святителей. Подъ иконою Влахернской Божіей матери, Спаситель, вдвойнѣ написанный какъ въ Софійскомъ соборѣ Кіева, пріобщаетъ подъ двумя видами Апостоловъ, подходящихъ къ нему съ обѣихъ сторонъ, и около надпись Греческая: «пійте отъ нея вси.» Ниже Вечери тайной представлены въ два ряда знаменитѣйшіе Святители, но въ ихъ расположеніи не замѣтно

строгой постепенности церковной. Такимъ образомъ Іаковъ, братъ Божій, написанъ въ среднемъ окнѣ, противъ Сильвестра, Папы Римскаго, а между оконъ Василій великій и Златоустъ; надписи вездѣ Греческія и Грузинскія. Въ нижнемъ рядѣ Святителей, начиная отъ лѣвой руки, можно разобрать имена Св. Апостола Тимоѳея, Акакія, Діонисія Ареопагита, Евсевія Самосатскаго, Кирилла Іерусалимскаго, Іакова Низивійскаго, Аѳанасія великаго и другаго Кирилла, Амфилохія Иконійскаго, Григорія Акраганскаго, Ѳаддея Селунскаго, Павла Цареградскаго, Петра Александрійскаго и еще нѣкоторыхъ. На аркѣ алтарной діаконы, со свитками въ рукахъ, въ которыхъ, Грузинскими писменами, начертаны тайнодѣйственныя молитвы. Умилительно стоять, посреди такого сонма угодниковъ Божіихъ, какъ будто съ нами и за насъ молящихся у престола Божія. Жертвенникъ и ризница, по древнему чину, отдѣлены отъ алтаря. Въ тайныхъ покояхъ, построенныхъ нѣсколькими ярусами надъ ризницей, укрылись несчастные жители Ахталы, во время наше-

ствія Омаръ-Хана; но вопль заключеннаго съ ними младенца открылъ ихъ убѣжище неистовымъ врагамъ, и всѣ сдѣлались жертвою ихъ ярости. Кругомъ всѣ стѣны церкви покрыты также живописью, хотя не столь хорошо сохранившеюся какъ въ алтарѣ, отъ дѣйствія непогоды чрезъ обвалившійся куполъ. Еще видны однако двѣ большія картины, рождества и успенія Богоматери, которымъ празднуетъ сія церковь, и замѣчательны между оконъ два Симеона Столпника, старшій и младшій. Ихъ уединенные столпы образованы самимъ простѣнкомъ, а кругомъ написаны всѣ именитые отшельники, Греческіе и Грузинскіе; это свидѣтельствуетъ о пустынномъ назнаніи обители Ахтальской и о Греческихъ ея поселенцахъ. Многіе лики святыхъ уже стерлись, но еще сохранился, въ углу трапезы, свѣжій образъ Царицы Тамари, въ вѣнцѣ и порфирѣ, съ двумя ей близкими по сердцу, супругомъ Давидомъ и сыномъ Георгіемъ, которыхъ однако можно угадать только по смѣжности ихъ съ Царицею.

И такъ вездѣ, на всѣхъ уже забытыхъ памятникахъ древней Грузіи, въ пустыняхъ и лѣсахъ, въ дебряхъ и ущеліяхъ, гдѣ даже не думаешь встрѣтить творенія рукъ человѣческихъ, вездѣ печать величія Тамари, этой чудной жены, которая умѣла геніемъ своимъ сосредоточить въ себѣ всю предшествовавшую и всю послѣдующую славу ея царства! Отъ самаго избытка своей славы, она, какъ баснословный призракъ, носится доселѣ надъ всѣми развалинами, одушевляя ихъ мертвенность жизнію своего имени.

Назовите Тамарь, и вамъ откликнутся всѣ горы и долины Иверіи, отъ моря и до моря, какъ бы волшебныя струны ея пѣвца Руставеля; онъ будто передалъ свои живые звуки даже неодушевленнымъ предметамъ, дабы они всегда и согласно прославляли великую Царицу! Есть рѣдкіе Геніи, въ коихъ олицетворилась вся ихъ эпоха, отъ совершеннаго ихъ созвучія съ каждымъ порывомъ, съ каждою мыслію, можно сказать съ каждымъ біеніемъ сердца своего народа!—Такова царственная Та-

марь, свѣтлая отрасль Царя Пророка и Царя обновителя Давида! Она стала на грани всего славнаго и всего горькаго, что посѣтило ея родину и, несмотря на свою женскую оболочку, мужескою рукою держала собранныя ею бразды всего царства. Если бы кто захотѣлъ изобразить символическое лице самой Грузіи, сей царственной красавицы, подъ ея бѣлою чадрою, съ крестомъ и скиптромъ и мечемъ въ рукѣ, обагренными собственною ея кровію за Христа, и въ свѣтломъ вѣнцѣ, вмѣстѣ мученическомъ и царскомъ: — пусть изобразитъ сію земную дѣву, простертою предъ ликомъ небесной Дѣвы, которая избрала ее своимъ удѣломъ; но прежде, пусть всмотрится въ неизгладимыя доселѣ, во всѣхъ сердцахъ и на всѣхъ святилищахъ, черты Царицы и, въ образѣ Грузіи, предстанетъ Тамарь!

Конецъ второй части.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГРУЗІЯ

И

АРМЕНІЯ.

Часть III.

С. П. Б.

1848.

Грузія и Арменія.

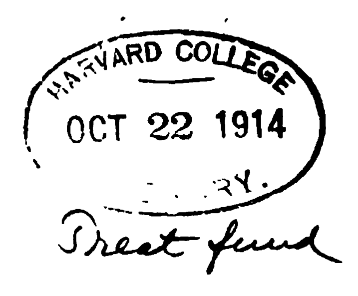
ГРУЗІЯ

И

АРМЕНІЯ.

Часть III.

С. П. Б.
Въ тип. III отдѣл. собств. Е. И. В. канцеляріи.
1848.

Отъ Санктпетербургской Духовной Цензуры печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Октяб. 10 дня, 1847 года.

Цензоръ Казанскаго собора Протоіерей,

Тимоѳей Никольскій.

ОБИТЕЛЬ СВ. АНТОНІЯ МАРТКОБСКАГО.

Возвратясь въ Тифлисъ, послѣ пятинедѣльнаго странствованія по Арменіи, я нашелъ городъ оживленный присутствіемъ Князя Намѣстника и его многочисленной свиты, потому что уже окончились военныя дѣйствія и всѣ собрались на зиму въ Тифлисъ. Черезъ нѣсколько дней Экзархъ предложилъ мнѣ, ѣхать съ нимъ, за двадцать верстъ отъ города, въ пустынную обитель Св. Антонія Марткобскаго, которую хотѣлъ онъ возстановить изъ развалинъ и благословить лично начало работъ.

Хотя и не сохранилось житія Св. от-

шельника, одного изъ тринадцати Сирскихъ Отцевъ, но память его въ большемъ уваженіи у народа, по той нерукотворенной иконѣ Спасовой, которую онъ принесъ съ собою изъ Сиріи. Преданіе говоритъ, что она чудно отпечатлѣлась, отъ прикосновенія къ священному подлиннику Эдесскому, и для нея стекались въ обитель многочисленные богомольцы, до временъ завоевателя Тамерлана. Испуганный его нашествіемъ, настоятель Марткобскій, Епископъ Георгій, заклалъ чудотворную икону въ стѣнѣ и унесъ съ собою тайну о ней въ могилу, ибо самъ былъ убитъ въ разоренной обители; всѣ поиски остались тщетными. Послѣ Тамерлана возстановилась опять обитель, хотя и не въ прежнемъ великолѣпіи; но въ половинѣ минувшаго столѣтія ворвались въ нее Лезгины и умертвили всю братію; съ тѣхъ поръ она опустѣла; землетрясеніе въ 1827 году довершило бѣдствіе, паденіемъ купола надъ гробомъ отшельника. Однако не прекратилось усердіе народное къ святому мѣсту, и постоянно, въ день успенія Богоматери, бывшій

храмовымъ, и въ слѣдующій за нимъ праздникъ нерукотвореннаго Образа, граждане Тифлисскіе, равно Грузины и Армяне, толпами идутъ на пустынную гору святаго Антонія и многіе получаютъ исцѣленіе. Весьма недавно одинъ разслабленный, пролежавъ нѣсколько дней при гробѣ Святаго, возвратился съ обновленными силами. Это побудило Экзарха, съ помощію нѣкоторыхъ благотворителей, приступить къ возстановленію обители. Священный долгъ сей какъ бы лежалъ на Архипастырѣ Грузіи, съ тѣхъ поръ какъ самый списокъ съ древней иконы, принесенной Антоніемъ, поставленъ былъ въ придѣлѣ каѳедральнаго собора Сіонскаго.

Не болѣе пяти верстъ отъ селенія Мартгоби, куда перенесена была каѳедра послѣднихъ Епископовъ Руставскихъ, до развалинъ пустыннаго монастыря на вершинѣ горы, поросшей лѣсомъ; нельзя иначе туда подняться какъ верхомъ. Мѣсто сіе должно быть очаровательно лѣтомъ, отъ роскошной зелени; но уже листья опали при нашемъ посѣщеніи, и густой туманъ, об-

ложившій горы, лишилъ насъ прекрасныхъ видовъ, какъ бы для того, чтобы устремить все вниманіе къ самому святилищу. Приближаясь къ монастырю, еще отъ насъ закрытому горою, мы внезапно обрадованы были звукомъ малаго колокола, который только наканунѣ повѣсили надъ остатками бывшихъ воротъ. Вся обитель, обширная нѣкогда, предстала намъ изъ тумана, на сей разъ, оживленная толпою народа, который собрался изъ окрестныхъ селеній, при вѣсти о пришествіи Экзарха. Архимандритъ Марткобскій съ сосѣдними священниками, въ полномъ облаченіи, встрѣтили своего пастыря, у входа въ развалины, и трогательно было видѣть, посреди обломковъ, церковное шествіе. Многіе прослезились, вспомнивъ древнюю славу обители, когда опять услышали священные гимны, почти сто лѣтъ не оглашавшіе своды храма, которые съ тѣхъ поръ успѣли обрушиться. Экзархъ, взойдя въ церковь, сталъ на колѣни подлѣ гроба Св. Антонія и, послѣ умилительнаго молебна нерукотворенному Образу и Преподобному, надѣлъ

на себя эпитрахиль одного изъ священниковъ и самъ прочелъ молитвы на обновленіе храма.

Въ числѣ молившихся были Греческіе каменьщики изъ Трапезонда, которые немедленно должны были приступить къ работѣ, и по усердію три первые дня трудились безъ платы. Крестьяне сосѣднихъ селеній, принадлежавшихъ нѣкогда обители, вызвались возить даромъ лѣсъ и кирпичь на крутую гору для строенія. Плодомъ такого общаго усердія было то, что уже въ нынѣшнемъ году, на праздникъ успенія, освящена была придѣльная церковь во имя Св. Антонія, въ обширной трапезѣ, прилегающей къ собору. Такъ дѣйственна была первая молитва о обновленіи святилища! Гробовая плита отшельника, покрытая на сей разъ парчевою пеленою, возвышалась подъ открытымъ небомъ, хотя и внутри церкви, лишенной купола, по лѣвую сторону иконостаса, низкаго и каменнаго, съ котораго уже стерлись его фрески. Онѣ уцѣлѣли въ олтарѣ, особенно на лѣвой стѣнѣ, менѣе подвер-

гавшейся сырости; можно было разобрать на горнемъ мѣстѣ лики Богоматери, Апостоловъ и Святителей, между коими яснѣе видны Василій великій и Златоустъ. На стѣнахъ собора сохранились только Пророки Исаія и Авдій, Св. Екатерина и два царскіе лика, Вахтанга Гургъ-аслана и Давида возобновителя, изъ коихъ одинъ основалъ, а другой обновилъ храмъ Мартковскій; тутъ же, на западной стѣнѣ, написанъ нерукотворенный образъ Спаса, поддерживаемый Ангелами, и около него выломаны камни, ибо здѣсь искали иноки утаенную икону.

Замѣчательно, что надъ нѣкоторыми иконами были надписи Русскія, потому вѣроятно, что они были писаны Русскими художниками, присланными вмѣстѣ съ іереями, отъ Царя Θеодора Іоанновича, Царю Кахетинскому Александру, при посольствѣ Князя Звѣнигородскаго, въ 1586 году, ибо благочестивый Самодержецъ Русскій, заботился о возстановленіи благолѣпія церковнаго въ землѣ единовѣрной, пострадавшей отъ Персовъ.

Однако большая часть уцѣлѣвшихъ фресковъ должна подвергнуться разрушенію, при перестройкѣ храма, отъ сильныхъ трещинъ въ старыхъ стѣнахъ. Съ южной стороны церковь виситъ надъ пропастью, но туманъ наполнялъ ее, такъ что мы, казалось, стояли въ облакахъ, а въ ясную погоду оттолѣ можно видѣть церковь Св. Давида, на горѣ Тифлисской. Обширная ограда, съ остатками болѣе нежели пятидесяти келлій, свидѣтельствуетъ о прежнемъ населеніи обители. За версту отъ нея, у подошвы горы, уцѣлѣла въ лѣсу церковь рождества Богоматери, сооруженная въ началѣ XVI вѣка, Епископомъ Руставскимъ Иларіономъ, а за версту отъ монастыря, на вершинѣ горы, существуетъ уединенный столбъ, на коемъ спасался великій подвижникъ, по примѣру Сирійскаго столпника Симеона.

Если одинъ завоеватель Востока раззорилъ обитель, то другой, покоритель Индіи и Персіи, воздалъ ей должную почесть. Шахъ-Надиръ, зная, что при всѣхъ нападеніяхъ на Грузію, Марткоби служило мѣ-

стомъ собранія ратниковъ, для защиты отечества, и что тамъ хранилась даже ихъ воинская хоругвь, пожелалъ видѣть пустынную обитель; это было только за десять лѣтъ до ея конечнаго разоренія Лезгинами, при настоятельствѣ старца Зинона, который пережилъ разрушеніе. Шахъ велѣлъ поставить шатеръ свой, у входа въ обитель, и совершилъ тамъ полуденную молитву; Цари Теймуразъ и Ираклій поздравили его съ исполненіемъ благочестиваго намѣренія. Почтенный видъ престарѣлаго настоятеля произвелъ сильное впечатлѣніе на Шаха; онъ посадилъ его и самъ погрузился въ глубокое молчаніе; ему представили и ту славную хоругвь, которая столько разъ вѣяла предъ полками храбрыхъ. Надиръ могъ спокойно на нее смотрѣть, ибо самъ способствовалъ Грузинамъ, изгнать Турковъ изъ ихъ предѣловъ. Надъ гробомъ преподобнаго Антонія спросилъ онъ: какой Царь положенъ въ храмѣ? «не Царь, а отшельникъ», сказалъ ему Ираклій. — «Чье же знамя?» спросилъ Шахъ. «Во имя Святаго ополчался народъ, отвѣчалъ Ираклій, и

нынѣ знамя сіе осѣнило побѣдные полки Ирана, союзные Иверіи». Шахъ Надиръ, обратясь къ своимъ намѣстникамъ, тогда же повелѣлъ имъ уважать вѣру воинственнаго народа, никогда не колебавшуюся посреди потрясенія царства, и пожертвовалъ обители 200 тумановъ или червонцевъ Персидскихъ и двѣсти восточныхъ драгоцѣнныхъ камней, для украшенія иконъ и гроба Преподобнаго. — Какъ назидательна такая побѣда отшельника надъ завоевателемъ и вольная ему дань, собиравшаго въ Индіи дань съ великаго Могола! — Поздно вечеромъ возвратились мы въ селеніе Марткоби и на другой день въ Тифлисъ.

ТИФЛИСЪ.

Я уже ознакомился отчасти съ городомъ, въ первые дни моего пріѣзда, и хотя онъ заключаетъ въ себѣ немного замѣчательныхъ древностей, старался однако не оставить ихъ безъ вниманія. Тифлисъ, почти совершенно истребленный пожаромъ въ послѣднее нашествіе Персидское Аги-Магометъ Хана, много измѣнился со времени владычества Русскаго. Собственно старый городъ, заключавшійся внутри стѣнъ, которыхъ теперь уже нѣтъ, обитаемъ только старожилами, издавна имѣвшими тамъ свои домы, и оживленъ большимъ база-

ромъ, съ караванъ-сараями въ совершенно восточномъ вкусѣ. Европейцу, проходящему по тѣснымъ изгибамъ сего базара, или подъ темными сводами караванъ-сарая, и еще не сроднившемуся съ Азіею, изумительно видѣть всю жизнь народную наружи: всякій ремесленникъ, въ открытой лавкѣ, занимается спокойно своимъ ремесломъ, не обращая вниманія на мимотекущую толпу и на караваны верблюдовъ и лошаковъ, вьюками своими задѣвающихъ за его лавку. Теплыя ванны минеральныхъ водъ, на краю стараго города, составляютъ одно изъ достоинствъ Тифлиса, и дали ему даже свое имя, ибо Тифлисъ значитъ теплый. Внѣ стараго города, тамъ, гдѣ были прежде виноградники царскіе и Кашветское кладбище Св. Георгія, новый городъ ежедневно украшается зданіями въ Европейскомъ вкусѣ, съ болѣе правильными улицами. Домъ Князя Намѣстника, стоявшій долго одинокимъ на краю новаго населенія, теперь уже посреди Европейскаго Тифлиса; надъ нимъ живописно подымаются, между садовъ, строенія по горѣ

Св. Давида и отъ него все болѣе и болѣе расширяется городъ къ заставѣ и рѣкѣ; площадь Эриванская служитъ центромъ.

Царь Георгій не узналъ бы теперь дворца своего, на берегу Куры, гдѣ болѣзненно провелъ три года своего царствованія, потому что прежній дворецъ его предковъ, внутри стараго города, представлялъ тогда одно печальное пепелище. Домъ послѣдняго Царя обращенъ теперь въ благоустроенное жилище начальника артиллеріи, а на томъ мѣстѣ, гдѣ стояли палаты древнихъ Царей до Ираклія, выстроенъ надъ самой рѣкою домъ гражданскаго губернатора. Это одно изъ лучшихъ мѣстъ города, потому что оно освѣжается водою и постояннымъ теченіемъ воздуха, по руслу рѣки. По совершенной простотѣ и даже убожеству княжескихъ жилищъ въ Тифлисѣ и вообще въ Грузіи, нельзя судить о бывшихъ палатахъ царскихъ, которыя украсились въ теченіе многихъ столѣтій, хотя иногда и были разоряемы. Магометанскій Царь Ростомъ, особенно великолѣпный въ своихъ зданіяхъ, который об-

новилъ городскія стѣны послѣ нашествія Шаха-Аббаса, украсилъ съ восточною роскошью и дворецъ своихъ предковъ. Намъ сохранилось описаніе его пріемной залы, въ книгѣ одного западнаго путешественника, Шардена, который торговалъ въ Персіи драгоцѣнными камнями и приведенъ былъ монахами Капуцинскими ко двору Вахтанга Шахъ-Наваза, преемника Ростомова.

«Дворецъ царскій, говоритъ онъ, конечно одно изъ лучшихъ украшеній Тифлиса; его обширныя залы обращены къ рѣкѣ и пространный садъ, ихъ окружаетъ. Тамъ есть особенное отдѣленіе для птицъ всякаго рода, и лучшее собраніе соколовъ; передъ дворцомъ, на четыреугольной площади, можетъ помѣститься до тысячи лошадей; она окружена лавками и примыкаетъ къ длинному базару напротивъ дворцовыхъ воротъ. Съ вершины сего базара весьма великолѣпенъ видъ на площадь и на лицевую сторону палатъ. Пріемная зала простирается на 18 сажень въ длину и на 7 въ ширину, и совершенно открыта, какъ галлерея, со стороны рѣки. Потолокъ ея,

убранный какъ бы мозаикою, опирается на множество тонкихъ позлащенныхъ столбовъ, отъ 6 до 7 сажень высоты, и весь помостъ устланъ богатыми коврами. Три малые камина согрѣвали залу, въ которой Шахъ-Навазъ принялъ путешественника, по ходатайству миссіонеровъ.» Замѣчательно, что говоритъ онъ о своихъ единовѣрцахъ, вслѣдъ за описаніемъ дворца.

«Не болѣе тринадцати лѣтъ, какъ ихъ послали изъ Рима, (а онъ пишетъ въ 1640 году) подъ именемъ врачей, что было причиною хорошаго ихъ пріема. Они поселились въ Тифлисѣ и Гори. Шахъ-Навазъ, Магометанскій Царь, далъ имъ дома въ обоихъ городахъ, съ полною свободою отправлять свое богослуженіе. Они принесли ему письма отъ Папы и пропаганды, съ богатыми дарами, ему, Царицѣ, Католикосу и первостепеннымъ вельможамъ, что повторяютъ каждые два года. Нѣсколько разъ уже хотѣли ихъ выгнать, за обращеніе въ свою вѣру; но они умѣли сдѣлать себя необходимыми, такъ какъ въ Грузіи вовсе нѣтъ врачей и хирурговъ. Папа позволилъ

имъ пріобрѣтать деньги за лѣченіе, для своего содержанія, и имъ платятъ обыкновенно мукою, виномъ, скотомъ и молодыми невольниками; они же продаютъ то, что имъ не нужно. Сверхъ того они получили и другія разрѣшенія, духовныя и свѣтскія, какъ напримѣръ: служить обѣдню безъ причетника, во всякомъ мѣстѣ и во всякой одеждѣ; разрѣшать всякіе грѣхи, одѣваться какъ заблагоразсудятъ, содержать лошадей и прислугу; имѣть невольниковъ, заниматься куплею и давать деньги въ ростъ: однимъ словомъ, они пользуются столь обширными преимуществами, что дѣйствительно никто изъ самыхъ привиллегированныхъ сановниковъ Церкви не можетъ съ ними въ этомъ сравниться. (Не должно забывать, что Шарденъ говоритъ здѣсь, о самомъ строгомъ орденѣ Капуциновъ, которые въ Римѣ ходятъ босыми). Не смотря однако на всѣ сіи хитрости и послабленія, они мало имѣютъ успѣха между Грузинами, ибо кромѣ своего невѣжества, народъ сей такъ упоренъ, что почитаетъ постъ главнымъ дѣломъ въ религіи и не

признаетъ Капуциновъ за Христіанъ, по разности ихъ поста, такъ что они сами принуждены соблюдать посты Грузинъ и сдѣлались, по внѣшности, какъ бы ихъ единовѣрцами. (Такимъ образомъ путешественникъ, думая укорить Грузинъ, воздаетъ имъ невольную похвалу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обличаетъ, какія средства позволялъ себѣ употреблять Римъ, для своихъ совращеній).

«Сперва собиралось много народа въ церковь Капуцинскую въ Тифлисѣ, ибо онъ былъ привлеченъ новостію богослуженія и малымъ хоромъ, составленнымъ изъ пяти голосовъ и двухъ инструментовъ; теперь же туда приходятъ не болѣе пяти или шести бѣдныхъ, получающихъ отъ церкви содержаніе. Иноки учредили школу, но и въ ней не болѣе осьми мальчиковъ и то бѣдныхъ, которые туда приходятъ менѣе для ученія, нежели для хлѣба, по сознанію самихъ добрыхъ отцевъ. Они мнѣ часто говорили, что содержатъ свои миссіи, не ради какой либо значительной пользы, но для чести Римской Церкви, которая, по

словамъ ихъ, не была бы Католическою, если бы не имѣла своихъ служителей во всѣхъ частяхъ населеннаго міра». — Что сказать о такого рода миссіяхъ, столь безпристрастно описанныхъ? Мы обратимся опять къ палатамъ.

Дворецъ Вахтанговъ и Ираклієвъ заключалъ въ себѣ до трехсотъ покоевъ, имѣлъ въ своей оградѣ четыре церкви и по несчастію одну мечеть, устроенную Ростомомъ, по невольному исламизму Царей, до Теймураза отца Ираклієва. Еще видно на площади мѣсто, гдѣ стояла главная придворная церковь Св. Георгія, куда собирался весь дворъ въ торжественные дни. Другая малая, также во имя Великомученика, доселѣ существуетъ и служила придворною, при послѣднемъ Царѣ. Въ ней замѣчательна по своей древности и окладу икона Св. Георгія. Церковь была основана, въ 1710 году, Царевичемъ Симономъ, братомъ законодателя Вахтанга, и при ней обиталъ, въ сосѣднемъ домѣ, старшій сынъ послѣдняго Царя Давидъ. Старый дворецъ простирался, со всѣми своими службами, до

самаго подворья Католикосовъ, у Анчисхатскаго собора, гдѣ они временно помѣщались, ибо настоящее ихъ жилище было въ первопрестольномъ Мцхетѣ. Католикосъ Доментій первый тутъ поселился, въ началѣ минувшаго вѣка, подлѣ дворца Князей Багратіоновъ-Мухранскихъ, родственниковъ царскихъ, и по его примѣру тамъ обитали послѣдніе Католикосы Николай и два Антонія.

Особенно замѣчательно между ними лице старшаго Антонія или великаго, какъ онъ слыветъ въ народѣ, сына Магометанскаго Царя Іессея. Онъ былъ ревнитель просвѣщенія духовнаго и ему обязана Церковь Грузинская собраніемъ житій ея святыхъ и сочиненіемъ многихъ каноновъ, вмѣсто утраченныхъ въ бѣдственную эпоху разореній Персидскихъ. Но частыя его сношенія съ миссіонерами, отъ которыхъ научился языку Латинскому и старался заимствовать просвѣщеніе, возбудило противъ него подозрѣніе духовенства. Царь Теймуразъ воспользовался сею молвою, чтобы удалить непріязненнаго ему Католикоса, изъ

династіи Карталинской, и поставилъ на его мѣсто благочестиваго старца Іосифа, который однако не хотѣлъ принять на себя титла верховнаго пастыря Грузіи. Антоній удалился въ Россію, и оправдавшись предъ Св. Синодомъ въ нареканіяхъ, противъ него возникшихъ, получилъ въ управленіе эпархію Владимірскую; тамъ еще болѣе пріобрѣлъ познаній духовныхъ, но уже безукоризненныхъ для своего православія. Царь Ираклій, по смерти отца, вызвалъ опять Антонія и возвратилъ ему каѳедру, ибо онъ всегда оставался съ нимъ въ дружественныхъ сношеніяхъ. Расказываютъ, что смиренный пастырь, желая убѣдить въ своемъ православіи паству и духовника, его подозрѣвавшаго, при первомъ торжественномъ служеніи, въ присутствіи его и самаго Царя, произнесъ громогласно символъ вѣры, на великомъ выходѣ, съ дискосомъ въ рукахъ. Потомъ, подошедши къ непреклонному духовнику, во свидѣтельство своей правоты, сталъ предъ нимъ на колѣни и всенародно умолялъ, оставить неправильное подозрѣніе и дать ему цѣлова-

ніе мира; но упорный старикъ ни слова не отвѣчалъ владыкѣ и даже отвернулся отъ него. Тогда Антоній, дѣйствуя уже какъ Католикосъ, самъ запретилъ ему священнослуженіе и удалилъ его изъ Тифлиса; родъ сего священника почитается неблагословеннымъ и доселѣ.

Соборъ Анчисхатскій, у котораго находилось подворье, празднуетъ рождеству Богоматери, и былъ сооруженъ въ VII вѣкѣ, при Царѣ Адарпасіѣ, Католикосомъ Вавилою, послѣ котораго на долго прекратился рядъ Первосвятителей Грузіи. Онъ называется Анчисхатскимъ, отъ древняго города Анчи, въ области Ахалцихской, гдѣ во времена иконоборства сокрытъ былъ образъ Спасовъ, нерукотворенный по преданіямъ Грузинскимъ, привезенный изъ Греціи. Послѣ завоеванія области Атабековъ Турками, Католикосы озаботились перенести святыню сію въ Тифлисъ. По мнѣнію благочестивыхъ, священная икона, чуднымъ образомъ, отпечатлѣлась на дскѣ, какъ и Марткобская, отъ прикосновенія къ подлиннику; но ликъ больше обыкновеннаго

образа человѣческаго и много пострадалъ отъ времени, такъ что не ясны черты. Серебряный окладъ, съ драгоцѣнными привѣсками, весьма древній; Грузинская надпись на иконѣ служитъ для нея историческимъ объясненіемъ:

«Благослови Боже Католикоса-Патріарха Доментія, обновившаго сей нерукотворенный образъ. Онъ сперва принесенъ изъ Эдессы въ Константиноградъ; но когда Левъ Исавръ и другіе иконоборцы появились, въ то время перенесли его въ Кларжети (западную Грузію, прилежащую къ Черному морю, нынѣ въ рукахъ Турокъ), и поставили въ епископской каѳедральной Анчійской церкви, по повелѣнію Царицы Тамари (значитъ, въ концѣ XII вѣка), которая приложила къ нему серебро и другія вещи для украшенія. Образъ сей оковалъ приличною ризою Іоаннъ Анчійскій (Епископъ). Когда же Самцхе (вся западная Грузія) обратилась въ Магометанство, тогда прибылъ туда Тифлисскій купецъ, купилъ его значительною цѣною и благоговѣйно представилъ дядѣ нашему, Католи-

косу-Патріарху Доментію (II), который пріобрѣлъ оный себѣ дорогою цѣною и поставилъ въ Тифлисской каѳолической церкви, въ царствованіе дѣда нашего Царя Вахтанга. Но потомъ древо и риза весьма обветшали, и потому мы, «осѣненіе Царей всея Грузіи» Католикосъ-Патріархъ Доментій, паки возобновили и оковали ризою, образъ и кивотъ, съ прибавленіемъ драгоцѣнныхъ камней и жемчуга. Христе Боже! Прости всѣ согрѣшенія мои, избави отъ видимыхъ и невидимыхъ мукъ, и удостой стоянія одесную тебя, и сохрани Царя Царей Грузинскаго Вахтанга Багратіонова, и супругу его Царицу Русудань, и сыновей ихъ Баграта и Георгія и дщерей, и избави ихъ отъ искушенія. 1688 года».

Странно и вмѣстѣ замѣчательно: старый городъ, обнесенный стѣнами и слѣдственно охранявшій палаты царскія и главную святыню, и сокровища народной торговли, заключаетъ въ себѣ однако наиболѣе церкви Армянскія, а не Православныя; ихъ число еще уменьшилось, съ уничтоженіемъ трехъ придворныхъ, а казалось бы

столица царства Грузинскаго должна имѣть болѣе храмовъ своего исповѣданія, нежели чуждаго. Теперь же, въ объемѣ городскихъ стѣнъ, кромѣ соборовъ Сіонскаго и Анчисхатскаго, малой придворной церкви Св. Георгія и двухъ Греческихъ подворьевъ, изъ коихъ одно Синайское, а другое Іерусалимское Св. креста, есть еще одна Латинская, прочія же всѣ Армянскія. Подворье Іерусалимское основано было Вахтангомъ Гургъ-асланомъ и носило громкое имя Голгоѳы; уже около трехсотъ лѣтъ какъ оно пожертвовано, благочестіемъ Царей Грузинскихъ, святому гробу, вѣроятно Георгіемъ IX, послѣ его похода въ Іерусалимъ.

Въ числѣ замѣчательныхъ церквей Армянскихъ: Крестная, близъ площади дворцовой, сохраняющая въ ризницѣ своей часть главы первозваннаго Апостола, и недалеко отъ нее Могни или Св. Георгія. Гораздо выше въ полугорѣ, на которой крѣпость, стоятъ древній храмъ Божіей матери, основанный въ XI вѣкѣ, вѣроятно при Давидѣ возобновителѣ, послѣ освобожденія имъ Тифлиса, и такъ называемый Пет-

ханкскій, бывшій Виолеемъ, который соорудилъ благочестивый Царь Вахтангъ, для воспоминанія священной мѣстности Палестинской. Нѣсколько ниже Виолеемскаго собора, устроенъ недавно дѣвичій монастырь Армянскій, а на одной высотѣ съ соборомъ сохранились остатки древняго языческаго капища огнепоклонниковъ. Оно четвероугольное съ куполомъ, въ видѣ храма, и сложено изъ кирпича; по красному цвѣту издали можно отличить его отъ массы бѣлыхъ зданій, живописно подымающихся съ подошвы горы, почти до ея вершины, гдѣ нависли надъ ними голыя скалы, увѣнчанныя вышгородомъ. Крутыми уступами восходитъ на сію вершину древняя городская стѣна, укрѣпленная башнями, и упирается въ самый вышгородъ, испытанный столькими приступами.

Сооруженіе его предшествовало основанію самаго Тифлиса, но онъ былъ укрѣпленъ Вахтангомъ Гургъ-асланомъ въ V вѣкѣ, и Бакаръ, сынъ его, построилъ въ немъ церковь Святителя Николая, обновленную вмѣстѣ съ крѣпостію, при маго-

метанскомъ Царѣ Ростомѣ; доселѣ существуютъ ея развалины. Императоръ Ираклій взялъ приступомъ крѣпость, въ VII вѣкѣ, и это было первое ея паденіе; завоеватели Арабскіе, овладѣвъ столицею, укрѣпились въ вышгородѣ. Во время нашествія Сельджукидовъ Альпъ-арсланъ, раззорившій городъ, не пощадилъ и его твердыни, и большихъ усилій стоило Давиду возобновителю, исторгнуть ее изъ рукъ Турковъ. На краткое время овладѣлъ ею Султанъ Хорасанскій Джелалъ-эддинъ, ознаменовавшій столькими ужасами свое владычество, и вскорѣ Царица Русудань должна была уступить Монголамъ развалины вышгорода и столицы; но хотя и подъ игомъ Монгольскимъ, завѣтная твердыня перешла опять въ руки природныхъ Царей, ибо Орда, тяготѣвшая всею массою своею на ихъ землѣ, не нуждалась въ сторожевыхъ бойницахъ. Иначе дѣйствовалъ свирѣпый Тамерланъ. Багратъ VI выдержалъ здѣсь кровопролитную его осаду и взятъ былъ въ орлиномъ гнѣздѣ своемъ; но сынъ его Георгій очиствлъ опять вышгородъ отъ

полчищь Татарскихъ. По усиленіи новой династіи Персидской Софіевъ, крѣпость Тифлисская досталась въ руки Шахъ-Измаилу и Шахъ-Тамазу, при завоеваніи ими столицы, а Царь Ростомъ, избранный Шахъ-Аббасомъ, озаботился ея обновленіемъ: всѣ доселѣ стоящія башни воздвигнуты вновь или поддержаны его мощною рукою. Въ свою очередь овладѣли крѣпостью Турки, но они пренебрегли древнимъ вышгородомъ, на гребнѣ утеса, и основали новый Метехскій замокъ, у самаго моста черезъ Куру. Съ тѣхъ поръ старая твердыня стала приходить въ упадокъ: уже при послѣднемъ Вахтангѣ законодателѣ, въ началѣ минувшаго столѣтія, она была въ жалкомъ положеніи. Великій Царь Ираклій старался нѣсколько поддержать ее, но послѣ раззоренія Персидскаго, крѣпость была опять оставлена, какъ безполезная, и служитъ теперь только для храненія пороха.

Нѣсколько разъ подымался я къ подошвѣ горнаго замка, по крутымъ стезямъ стараго города отъ Виѳлеема, или съ противуположной стороны отъ ботаническаго

сада, и только однажды могъ проникнуть въ его внутренность, уже весною, передъ отъѣздомъ изъ Тифлиса, потому что ворота его всегда были заключены. Но трудное восхожденіе вознаграждалось чудными видами, особенно изъ садовой калитки на верху горы; нечаянность зрѣлища умножаетъ очарованіе и старожилы Тифлисскіе любятъ изумлять ею пріѣзжихъ. По тѣснымъ улицамъ базара, они обведутъ васъ около подошвы горы, увѣнчанной замкомъ, по другую ея сторону, гдѣ разведенъ, подъ навѣсомъ башень и скалъ, поэтическій садъ и, по уступамъ виноградныхъ терасъ, вы непримѣтно подыметесь къ городской стѣнѣ. Тогда отворятъ передъ вами калитку и, въ ея тѣсной рамѣ, внезапно представится чудное зрѣлище, раскинутаго у ногъ вашихъ, Тифлиса и излучистой рѣки, и снѣжнаго хребта Кавказскаго, на дальнемъ горизонтѣ. Стѣна идетъ по самому гребню горы, какъ бы по лезвію меча, и потому никакъ нельзя ожидать за стѣною такого быстраго спуска и столь чудной панорамы.

Если же, съ вершины утесовъ, спуститься трудною стезею въ нижній городъ, на Метехскій мостъ, соединяющій его съ другою крѣпостію и предмѣстіемъ Авлабара: опять представятся взорамъ разнообразные виды, исполненные воспоминаній историческихъ. Посмотрите къ полдню, куда мчится изъ-подъ моста бѣшеная Кура, съ шумомъ ударяя въ утесъ Метеха и потомъ въ противолежащій болѣе отлогій берегъ, испещренный домами и деревьями: очаровательна весною эта роскошная колоннада природы, изъ множества стройныхъ тополей и чинаръ, образуя нѣчто цѣлое, какъ бы нѣкія волшебныя палаты, у подножія стараго замка; сурово смотритъ на нихъ, съ недоступной вершины, сей каменный вѣнецъ Тифлиса, надвинутый рукою невѣдомыхъ Царей на острый гребень горы. Напротивъ его виситъ на скалѣ, надъ самой рѣкою, болѣе доступный замокъ Метехъ, освященный древнимъ храмомъ Богоматери, который стоитъ на краю пропасти, усмиряя собою бурное стремленіе водъ.

Посмотрите черезъ арку другаго моста, смѣло переброшеннаго съ утеса на утесъ, ибо тутъ только можно было оковать бурную рѣку: какъ издали она мчится по широкому руслу, готовая сокрушить всѣ преграды и самую скалу, на которой утверждены оба моста. Съ обѣихъ сторонъ широко раскинулись Тифлисъ и Авлабаръ, городъ и предмѣстье, одинъ украшенный древнею святынею своихъ храмовъ, другой, какъ бы еще въ младенчествѣ дикой природы, оживленный стадами верблюдовъ, которые съ крикомъ спускаются отъ горныхъ саклей на песчаный берегъ. Но болѣе величественное зрѣлище кончаетъ опять горизонтъ: тамъ дикій Кавказъ подъемлетъ къ небу свои вѣковыя вершины и въ ихъ промежуткѣ сіяетъ, на синемъ эфирѣ дѣвственными снѣгами, отовсюду видимый двуглавый Казбекъ. Посреди шумной суеты моста, по которому течетъ вся городская жизнь Тифлиса, невыразимо торжественна эта горная даль, ясная, тихая, какъ бы проблескъ вѣчности, сквозь разорванное покрывало времени.

Но что за часовня приникла къ скалѣ Метехской, какъ бы таинственный входъ въ подземелье? — Это память священнаго подвига: тутъ пострадалъ Св. мученикъ Або за вѣру Христову, отъ намѣстника Халифовъ; здѣсь усѣкли его мечемъ и сожгли его останки, и бросили самый пепелъ въ мимотекущую Куру.

СВ. АБО И ШУШАНИКА.

Отъ Магометанскихъ родителей происходилъ Св. Або, но призванъ былъ благодатію къ свѣту истины и, научившись съ дѣтства составлять благовонныя масти, удостоился помазанія истиннаго мѵра Христа. Юношей послѣдовалъ онъ изъ Багдада, за

владѣтелемъ Иверскимъ Нерсесомъ, сыномъ Адарнасія, изъ царскаго племени Сассанидовъ, котораго по трехлѣтнемъ заключеніи отпустилъ Халифъ, правительствовать въ бѣдствующей землѣ своей. Въ обществѣ Христіанъ, мало по малу, позналъ Або всѣ заблужденія своего закона и достоинство Христіанскаго. — Исповѣдуя его внутренно, онъ еще не рѣшался исповѣдать явно въ Тифлисѣ, гдѣ тогда было мѣстопребываніе намѣстника Халифа; но когда новое нашествіе Арабское, принудило владыку его удалиться за хребетъ Кавказа, къ Царю Хозарскому, Або, вѣрный своему долгу, послѣдовалъ въ изгнаніе и внялъ въ странѣ языческой, для него безопасной, небесному званію. Онъ крестился между Хозарами и, пришедши въ Абхазію вмѣстѣ съ Нерсесомъ, къ православному владѣтелю Греческому, свободно предался благочестивому влеченію своего сердца: строгій постъ и молитвы были постояннымъ его упражненіемъ.

Господь, котораго пламенно возлюбилъ юный подвижникъ, готовилъ ему свѣтлый

вѣнецъ предназначенный, по словамъ Апостола, всѣмъ возлюбившимъ его пришествіе. Племянникъ Нерсеса, Стефанъ, избранъ былъ отъ Халифа правителемъ Грузіи, и убѣдилъ дядю возвратиться съ семействомъ въ отечественные предѣлы. Напрасно Нерсесъ и самъ владѣтель Абхазіи, тронутые благочестіемъ юноши, умоляли его не подвергать себя опасности въ Тифлисѣ, и довершить подвигъ молитвы въ Абхазіи: нѣкое тайное чувство влекло мученика на поприще, ему предназначенное; онъ какъ бы стыдился прежняго своего малодушія и мужественно послѣдовалъ въ Тифлисъ за своимъ владыкою, гдѣ открыто сталъ исполнять всѣ заповѣди церковныя. Возгорѣлись яростію Магометане; они обвинили Або въ вѣроотступничествѣ предъ Эмиромъ, но еще при самомъ началѣ деньги и ходатайство владѣтеля Стефана извлекли его изъ темницы; оба Эристава опять убѣждали юношу удалиться въ Абхазію: Або остался непреклоннымъ и болѣе прежняго являлся ревностнымъ исполнителемъ истиннаго ученія, воспріятаго имъ отъ всего сердца.

Опять его представили на судилище Эмиру. «Размыслилъ ли ты о томъ, что предпринялъ?» спросилъ гнѣвный судія; «размыслилъ и есмь Христіанинъ, спокойно отвѣчалъ Або; если бы не вѣдалъ я, что творю, не былъ бы ученикомъ Христовымъ». — «Но знаешь ли, что тебя ожидаетъ смерть?» грозно возразилъ ему Эмиръ. — «Не умру, но живъ буду, отвѣтствовалъ юноша, ибо вѣрую, что если со Христомъ распнусь, съ нимъ и воскресну. Ты же твори, что умыслилъ надо мною; увѣщанія твои напрасны; пребуду непоколебимъ какъ та стѣна, къ которой ты прислонился.» — «Безумный, воскликнулъ Эмиръ, какую сладость находишь ты въ такомъ вольномъ самопожертвованіи?»— «Если хочешь познать сію сладость, вѣруй и крестись», отвѣчалъ юноша, и уже не было ему надежды на пощаду, послѣ такихъ обличеній.

Его отвели однако въ темницу на нѣсколько дней, чтобы дать время одуматься; ибо крайнимъ безчестіемъ было для Магометанъ, обращеніе ихъ единовѣрца къ

свѣту Христову; но сіи краткіе дни послужили ему только для приготовленія къ мученической кончинѣ; онъ провелъ ихъ въ непрестанной молитвѣ, бесѣдуя съ приходившими Христіанами, о предстоявшемъ ему подвигѣ. Наканунѣ, предузнавъ день своей кончины, Або просилъ, чтобы всѣ пресвитеры города Тифлиса, принесли о немъ умилостивительную жертву Господу, и продалъ верхнюю свою одежду, для покупки ладона и свѣчь. Въ самый день Богоявленія пріобщился онъ тѣла и крови Христовой, которыя принесли ему изъ ближайшей церкви, и помазавъ главу свою благовоннымъ елеемъ, какъ бы на нѣкое торжество, сказалъ: «теперь я готовъ». — Въ ту же минуту явились воины и повели его къ Эмиру, для конечнаго исповѣданія имени Христова, и прямо изъ судилища на казнь. Радостно сталъ онъ на колѣни, сложилъ крестообразно руки и подклонилъ голову подъ мечь, произнося молитву благоразумнаго разбойника: «помяни мя Господи во царствіи твоемъ.» Трижды ударили его тупою стороною меча, надѣясь устра-

шить, въ четвертый отдѣлилась голова. Закоснѣлые враги испросили тѣло его у Эмира, чтобы не сдѣлалось оно предметомъ уваженія Христіанъ, и сожгли близъ Метехскаго моста, пепелъ же бросили съ ожесточеніемъ въ Куру; но свѣтъ небесный облисталъ рѣку, и явилъ святость мученика, врагамъ имени Христова.

Новая крѣпость Метехская возвышается на скалѣ, надъ мѣстомъ страданія мученика Або, и мимо ея теперь пролегаетъ дорога на Авлабаръ и въ Кахетію. Путешественникъ Шарденъ пишетъ, что она была устроена въ 1576 году, славнымъ вождемъ Турецкимъ Мустафой Пашею, при покореніи Тифлиса, со многими другими замками въ Грузіи, и что въ его время дорога пролегала въ Персію, чрезъ самую крѣпость. Подчиненные Шахамъ Цари Иверскіе принуждены были встрѣчать ихъ посланниковъ, за вратами города, и при малѣйшемъ подозрѣніи могли быть удержаны въ стѣнахъ крѣпости. Она и теперь служитъ мѣстомъ заключенія всѣхъ преступниковъ; зданія ея обновлены Царемъ

Ираклiемъ и потомъ опять при Русскомъ правительствѣ. Археологи Грузинскiе производятъ названiе Метехъ, отъ слова знаменующаго обрывъ, что сообразно съ мѣстностiю; другiе же отъ Греческаго слова метохи или подворье, хотя здѣсь однако никогда не было пристанища пришельцевъ Греческихъ. Древняя церковь Вахтанга Гургъ-аслана, празднующая похвалѣ Богоматери, и прозванная въ его время Геесиманiею, стоитъ на неровной скалѣ, какъ на подножiи, во всемъ величiи простаго, но смѣлаго зодчества. Долго находилась она въ запустѣнiи, ибо магометанскiй Царь Шахъ-Навазъ обратилъ ее въ пороховое хранилище, и такъ оставалась она до временъ Ираклiя, который обновилъ ее, когда свергнулъ иго Персидское. Пострадавшая при нашествiи Аги-Магометъ-Хана, она опять была возобновлена благочестивымъ Царемъ Георгiемъ, и съ тѣхъ поръ постоянно совершается въ ней богослуженiе.

Куполъ храма сооруженъ былъ Царемъ Димитрiемъ самопожертвователемъ, послѣ

нашествій Хорасанскаго и Монгольскаго, отъ коихъ пострадали всѣ церкви Тифлисскія; но все прочее носитъ строгій характеръ временъ Вахтанга, и каменныя внѣшнія украшенія соотвѣтствуютъ стройности и величію высокихъ сводовъ; замѣчательно внутреннее устройство обширнаго олтаря, съ углубленіемъ горняго мѣста и двумя отдѣленіями въ Греческомъ вкусѣ. Уже нѣтъ древней чудотворной иконы Богоматери Метехской, утраченной въ эпоху нашествій Персидскихъ; но въ бывшемъ діакониконѣ, гдѣ устроенъ былъ малый придѣлъ, возвышается доселѣ гробница, священная для народа Грузинскаго: тутъ почиваетъ подъ спудомъ святая Царевна Шушаника или Сусанна, пострадавшая въ VI вѣкѣ за вѣру Христову отъ мужа огнепоклонника. Преданія Грузинъ и Армянъ несогласны между собою о ея происхожденіи, ибо Церковь Иверская, совершающая память ея 28 августа, называетъ Сусанну дочерью Грузинскаго Царя, не упоминая впрочемъ какого (судя по времени можетъ быть Вахтанга); Армяне же говорятъ въ

житіяхъ святыхъ, что она была дочь знаменитаго ихъ вождя Вардана, Князя Мамигонскаго, который освободилъ отечество свое отъ ига Персовъ. Но и тѣ и другіе единодушны въ описаніи мученій, какія перенесла она отъ нечестиваго Васкена, владѣтеля Ранскаго или Карабаха, который измѣнилъ Христіанству, изъ угожденія Царю Персовъ, и даже вступилъ при жизни жены, во второй незаконный бракъ съ его дочерью.

Услышавъ горькую вѣсть о двойной измѣнѣ мужа своего, святая Шушаника удалилась съ дѣтьми изъ царскихъ чертоговъ и припавъ къ алтарямъ, умоляла Бога отцевъ своихъ, спасти ее и дѣтей отъ ярости мучителя. Васкенъ, надѣявшійся сперва обольстить ее ласковымъ словомъ, велѣлъ потомъ силою привлечь въ палаты и, въ присутствіи брата своего, за то что не хотѣла раздѣлить съ нимъ трапезы, осыпалъ ее жестокими побоями, такъ что повредилъ ей глазъ и разбилъ голову желѣзомъ. Вступившійся братъ спасъ ее отъ смерти; истерзанную заключилъ Васкенъ въ

темницу; но тамъ обрѣла она Христіанское утѣшеніе въ бесѣдѣ Католикоса Самуила и духовника своего; самые стражи тронуты были ея твердостію и доставляли ей пищу; сама же она чуждалась пищи, какъ отъ избытка печали, такъ и потому, что гнушалась получать ее отъ невѣрныхъ; едва согласилась узница вкусить немного хлѣба и вина изъ рукъ духовника. Война Персовъ съ Греками отвлекла на время Васкена отъ своей области, и страждущая могла выдти изъ заключенія, чтобы поселиться опять подлѣ церкви, въ убогомъ домѣ. Единственнымъ утѣшеніемъ ея была молитва, въ теченіи великаго поста; но къ страстной недѣлѣ возвратился мужъ и новыми жестокостями отягчилъ ея участь.

Ругаясь надъ святынею и священнослужителями, которые хотѣли вступиться за Царевну, онъ опять повлекъ ее изъ храма во дворецъ и оттолѣ въ тюрьму, уже не только силою, но даже по землѣ и колючимъ терніямъ, которые раздирали ея одежду и нѣжные члены. Напрасно братъ его, однажды ее спасшій отъ ярости му-

жа, вступался за несчастную; онъ только могъ умолить мучителя, снять съ ея шеи тяжелыя цѣпи, подъ бременемъ коихъ она изнемогала; сама Царевна не захотѣла снять оковы съ ногъ своихъ, чтобы онѣ служили ей свидѣтельствомъ и оправданіемъ на страшномъ судилищѣ Христовомъ. Шесть лѣтъ томилась она въ заключеніи, почти не вкушая пищи, посѣщаемая Епископами и подъ конецъ свыше облагодатствованная даромъ исцѣленій, которыя источала другимъ, сама же покрытая ранами, дабы исполнилось надъ нею Апостольское слово, что сила Божія въ немощи совершается. Многихъ утверждалъ въ вѣрѣ чудный примѣръ ея, но не тронулось сердце мучителя, совратившаго дѣтей своихъ къ огнепоклонству, доколѣ не постигла его достойная казнь. Въ седьмой годъ предала она Богу праведную душу, напутствованная святыми дарами отъ руки Епископа Іоанна, и онъ съ честію похоронилъ ее въ той церкви, близь которой она столь долго томилась. Когда же произошло отдѣленіе Церкви Армянской отъ Православной, Ка-

толикосъ Кирiонъ перенесъ тѣло царственной мученицы въ Тифлисъ, въ Метехскій соборъ, и тамъ доселѣ она почиваетъ во утвержденіе града, крѣпче той скалы, на коей основанъ храмъ.

Нѣсколько выше Метехской крѣпости, стоитъ на обрывѣ башня бывшаго дома Царицы Даріи, вдовы Ираклія; ея придворная церковь обращена, въ 1819 году, въ мужескую Преображенскую обитель, на мѣсто упраздненнаго монастыря Кавтахевскаго. Онъ былъ основанъ Греческою Царевною Ириною, супругою Давида возобновителя, въ лѣсистомъ ущеліи, за пятьдесятъ верстъ отъ Тифлиса, но опустѣлъ отъ безпрестанныхъ нападеній Лезгинскихъ; теперь однако князья Тархановы усердствуютъ возобновить его на свое иждивеніе. Со времени упраздненія, святыня Кавтахевская перенесена была въ новую обитель и доселѣ хранится въ ея церкви. Чудотворная икона Божіей Матери, прославленная многими исцѣлѣніями, обличеніемъ лжесвидѣтелей и примиреніемъ враждующихъ, ежегодно бываетъ носима для молебновъ

въ окрестныя селенія упраздненнаго монастыря, ибо отъ нея чаютъ они плодоносія полей своихъ. Она украшена богатымъ окладомъ и драгоцѣнными камнями и, судя по ея древнему высокому письму, конечно была принесена Царевною изъ Константинополя, вмѣстѣ съ прочею святынею; надпись на ней свидѣтельствуетъ только о позднѣйшемъ ея украшеніи:

«Облако свѣта, кивоте закона, купино неопальная, юже видѣ Моисей! мы, подъ кровъ твой прибѣгая, великаго и славнаго Царя Георгія сопрестольница, трехъ государствъ сардаря Микеладзева дочь, Царица Хварешана, соизволили украсить тебя всѣхъ красоту, надежду нашу, Кавтахевская Богородица, которую мы, видѣвъ отъ разбойниковъ разграбленною, вторично и нынѣ украсили честно, да и ты помози намъ предъ Сыномъ твоимъ и Царемъ нашимъ. Къ окончанію же украшенія сего приспѣла на насъ опредѣленная смерть, изъ ничтожнаго сего міра исшествіе; я, по кончинѣ моей, избираю предъ тобою покоище и здѣсь будетъ моя могила: Мати свѣ-

та, ты мнѣ помози. Отъ Адама 7203, отъ Р. Х. 1696. Скончалась же Февраля 24, въ первомъ часу, въ день недѣльный».

Подлѣ иконы хранятся, въ деревянномъ кивотѣ, черепы Св. Апостола Ѳомы и Св. Михаила Малеина, и кость Великомученика Георгія, перенесенные также изъ обители; но лучшее ея сокровище поставлено въ другомъ кивотѣ, на горнемъ мѣстѣ алтаря. Это часть деревяннаго дискоса или блюда, послужившаго для Тайной вечери Христовой, которое, по благочестивому преданію, перенесено было изъ Іерусалима въ Царьградъ, а оттолѣ супругою Давида въ Грузію, и положено въ основанномъ ею монастырѣ Кавтахевскомъ. При нашествіи Тамерлана, святыня сія закладена была, съ драгоцѣнною утваріою, въ пещерѣ близь монастыря, и обрѣтена нечаянно при послѣднихъ нападеніяхъ Лезгинскихъ, иноками, которые хотѣли найти въ горѣ болѣе потаенное мѣсто, для сокрытія остальныхъ сокровищь. Ветхость блѣднаго дерева, какъ бы источеннаго временемъ, свидѣтельствуетъ о глубокой древности священнаго блюда: оно

обломано неправильно, имѣетъ въ длину одинъ аршинъ, въ ширину же четверть, а въ толщину около полувершка, исключая выгнутаго ободка, который нѣсколько толще. Все блюдо покрыто было, уже въ послѣдствіи, тонкимъ серебрянымъ листомъ съ позолотою, на которомъ вычеканены были цвѣты и фигуры: еще видно между ними крыло ангельское, и на ободкѣ въ кругахъ были лики Апостоловъ, но теперь уцѣлѣлъ только одинъ ликъ Апостола Петра; надпись Грузинская, слѣдственно украшеніе сдѣлано уже въ Грузіи.

Если, по давности времени и бѣдственнымъ обстоятельствамъ края, утрачены письменные документы о семъ сокровищѣ, или можетъ быть хранятся въ какомъ либо невѣдомомъ архивѣ монастырскомъ, то нѣтъ причины сомнѣваться въ благочестивомъ преданіи, сохранившемся до нашихъ временъ. Столько святыни Греческой перенесено было въ Грузію, черезъ супружество ея властителей съ Царевнами, и сами Цари такъ ревностно пріобрѣтали подобныя сокровища, паче злата и сребра, что

нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ нахожденіи сей драгоцѣнной святыни въ Тифлисѣ. При начальномъ обращеніи страны, не были ли присланы изъ Царьграда гвозди и подножіе креста? При Багратѣ великомъ, Давидѣ и Тамари; весьма много священныхъ предметовъ досталось въ наслѣдіе Грузіи, и должно отдать ей справедливость, что она умѣла сохранить ихъ, не смотря на всѣ ужасы нашествій Монгольскихъ и Тамерлановыхъ и Персидскихъ; ради сихъ залоговъ сохранилась и она сама, посреди ея разгромовъ.

Говоря о сокровищахъ Кавтахевскихъ, сохраняемыхъ въ Преображенскомъ монастырѣ, упомяну и о той святынѣ, которая еще уцѣлѣла въ Сіонскомъ соборѣ, послѣ всѣхъ его раззореній; должно однако сказать, что она перенесена была въ соборъ послѣ нашествія Персидскаго. Такимъ образомъ Провидѣніе спасло лучшее сокровище Грузіи: виноградный крестъ Св. Нины, возвращенный изъ Россіи, и списокъ съ нерукотворенной иконы Спасовой, взятый въ Сіонъ изъ подворья Марткобскаго. Не весь-

ма давно поступила туда еще одна древняя икона Богоматери, съ ликомъ Св. Нины, на задней позлащенной доскѣ; она долго находилась въ каѳедральной церкви бывшей Нинощминдской эпархіи, нынѣ упраздненной въ Кахетіи, и взята была оттолѣ послѣ паденія сводовъ древняго храма, устроеннаго изъ языческаго капища, при самомъ началѣ Христіанства въ Грузіи. Внутри сей складной иконы хранится еще болѣе драгоцѣнное сокровище: довольно большая часть животворящаго креста, съ частицами мощей вокругъ него расположенныхъ: Великомученика Георгія, Св. Ѳеодора, Евстаѳія, безсребренныхъ и сорока мучениковъ, Христофора и Параскевы, Евѳимія, Игнатія, Евгенія и Ермолая. Трогательная надпись, внутри и снаружи иконы, свидѣтельствуетъ о усердіи Царя Арчила, богато ее украсившаго въ 1678 году. Такова его молитва, начертанная кругомъ креста:

«О животворящее древо, не лиши меня жизни, какъ перваго отца нашего Адама, но буди мнѣ помощникъ и покровитель въ

сей и будущей жизни; равно и вы, все множество мучениковъ, будьте ходатаями предъ Богомъ Царю Арчилу». Хроникона годъ 365. И къ святой просвѣтительницѣ Нинѣ молитвенно онъ взываетъ: «Святая равноапостольная Нина, буди ходатайницею въ обѣ жизни, Царю Арчилу, который пожертвовалъ симъ, во спасеніе души своей, и, въ преспѣяніе царства своего, украсилъ образъ твой».

Замѣчательны, въ ризницѣ Сіонской, нѣсколько древнихъ панагій и митръ, изъ коихъ одна, окованная золотомъ съ вѣнцемъ вокругъ, перенесена была изъ Алавердскаго собора, не смотря на завѣтную клятву на ней начертанную. Ее пожертвовала Царевна Елена, супруга несчастнаго Давида, падшаго въ битвѣ съ Царемъ Ростомомъ Магометаниномъ, въ Кахетіи, предъ лицемъ великаго Теймураза отца своего, который бѣжалъ потомъ въ Россію. Туда удалилась и Елена съ сыномъ своимъ Иракліемъ, впослѣдствіи воцарившимся въ Тифлисѣ, и, какъ видно изъ надписи, устроила митру сію на Русскія деньги:

«Царя Царей Государя Теймураза и Царицы Цариць Хорошани, дщери Грузинскаго Государя, невѣстка, сына и первенца ихъ Царя Давида, супруга Елена Царица, дщерь Діасамидзева, пожертвовала Великомученику и побѣдоносцу Георгію Алавердскому, въ поминовеніе сихъ Государей и сына моего. Содѣлано въ воспоминаніе свѣтлѣйшихъ Царевичей Луарсаба и Георгія, и Царицы Нестаръ-Дареджани, и во здравіе сына моего Царя Ираклія и семейства его, и во здравіе Царицы Кетевани и въ воспоминаніе души моей, въ то время, когда отъ великаго Государя Россійскаго я пріѣхала къ Шаху-Сулейману въ Испагань, и тамъ заказала сдѣлать изо всего мною пріобрѣтеннаго. Хроникона 371.»

ПРАЗДНИКИ. СВ. ГОРА ДАВИДОВА.

Около праздника Рождества Христова пріѣхалъ въ Тифлисъ Патріархъ Армянскій и всѣ почетные граждане устремились къ нему на встрѣчу, къ Эриванской заставѣ. Пѣшій, окруженный духовенствомъ, которое несло надъ нимъ балдахинъ, взошелъ онъ въ каѳедральную обитель Пашаванкъ, гдѣ устроилъ себѣ жилище, когда еще былъ Архіепископомъ Тифлиса. Неизвѣстно когда и кѣмъ она основана, но, по Армянскому переводу слова, означаетъ мо-

настырь Паши; путешественникъ Шарденъ говоритъ, что есть преданіе о нѣкоемъ Пашѣ, тронутомъ истиною вѣры Христовой, который далъ будто бы средства къ устроенію обители. Положеніе ея на берегу рѣки живописно; она обнесена оградою и, кромѣ обветшавшей церкви Св. Іакова Низивійскаго, имѣетъ еще довольно обширный и величественный соборъ Богоматери, въ которомъ совершаются всѣ духовныя торжества Армянскія. Но престарѣлый Патріархъ не принималъ въ нихъ дѣйственнаго участія, какъ по слабости здоровья, такъ и потому что не имѣлъ при себѣ довольно Епископовъ, для соборнаго служенія. Обыкновенно двѣнадцать Архіереевъ становятся по сторонамъ его у олтаря; въ Тифлисѣ же ихъ находилось съ пріѣзжими не болѣе четырехъ. Архіепископъ города, Карапетъ, который привелъ съ собою изъ Эрзерума многія тысячи Армянъ въ Ахалцихъ, послѣ славной войны Турецкой, совершалъ богослуженіе.

Сиротливъ для Армянъ всерадостный праздникъ Рождества Христова, потому что

держась стараго обычая, не хотятъ они праздновать день сей вмѣстѣ со всѣми Христіанами, отдѣльно отъ Богоявленія. Это особенно было замѣтно въ Тифлисѣ: всѣ свѣтскія власти, прямо отъ Экзарха, послѣ литургіи соборной, почли обязанностію поздравить и Патріарха, съ столь великимъ днемъ. Старецъ, окруженный своимъ домашнимъ клиромъ, принималъ ихъ поздравленія и потомъ самъ ѣздилъ всѣхъ поздравлять; а между тѣмъ день сей былъ даже постнымъ у Армянъ, по случаю приближавшагося праздника Богоявленія. Торжество крещенія совершалось у нихъ, съ возможнымъ великолѣпіемъ и съ обрядами, которые отчасти напоминали наши, ибо и у нихъ выходили также, съ крестами и хоругвями, на Іордань. Одно только казалось страннымъ, хотя это есть болѣе обычай народный, сдѣлавшійся обрядомъ, нежели постановленіе церковное: почетный гражданинъ избирается при торжествѣ, для воспріятія изъ воды освящающаго ее креста, какъ бы самаго крещаемаго Господа, и онъ даже называется въ этотъ день вос-

пріемникомъ, богатыми дарами вознаграждая церковь за такую почесть.

По распоряженію Экзарха, заботящагося о благолѣпіи церковномъ, весьма величественно было шествіе духовенства православнаго изъ Кашветской церкви Св. Георгія, что на горѣ противъ дворца Намѣстника, къ рѣкѣ и черезъ мостъ, на ея противоположный берегъ. Тамъ устроена была Іорданъ и стояли войска, ожидавшія окропленія своихъ знаменъ; весь берегъ унизанъ былъ народомъ и особенно живописными представлялись утесы, близь дома послѣдняго Царя Георгія, покрытые женщинами въ бѣлыхъ чадрахъ, какъ бы призраками. Когда духовная процессія проходила черезъ мостъ, съ обѣихъ сторонъ рѣки, толпа всадниковъ проскакала по водамъ подъ мостомъ, подобно тому какъ у насъ припадаютъ на пути подъ иконы, чтобы принять ихъ осѣненіе; но въ воинственномъ народѣ Закавказскомъ и самые обряды духовные носятъ отпечатокъ ихъ ратнаго духа. При звукѣ колоколовъ и громѣ пушекъ погрузили животворящій

крестъ и множество народа устремилось въ рѣку, для купанія въ освященныхъ водахъ. День былъ ясный, хотя и холодный; вдали старецъ Казбекъ, въ снѣжномъ вѣнцѣ своемъ, смотрѣлъ изъ-за горнаго хребта, на сію великолѣпную картину.

Вскорѣ послѣ праздника пріѣхалъ изъ Мингреліи Владѣтель ея Давидъ Дадіанъ, недавно утвержденный въ наслѣдіи предковъ, грамотою Императорскою, послѣ кончины отца своего Левана. Въ домѣ Князя Чавчевадзе, на прекрасной дочери коего онъ женатъ, имѣлъ я случай познакомиться съ симъ пріятнымъ и образованнымъ Княземъ, который любитъ чтеніе духовное и знаетъ нашу литературу. Іерусалимъ, постоянная цѣль его желаній, послужилъ для нашего сближенія, ибо въ частыхъ о немъ бесѣдахъ мы коротко узнали другъ друга. Владѣтель звалъ меня къ себѣ въ Мингрелію, и я пользовался его обширными знаніями отечественной древности, чтобы прояснить себѣ нѣкоторыя темныя мѣста лѣтописи сего края, особенно послѣднихъ временъ; ибо тамъ все основано на преданіи, кото-

рое наиболѣе соблюдается во владѣтельныхъ домахъ. Иногда мы посѣщали вмѣстѣ святыню Тифлисскую, и однажды, въ день его Ангела, святаго Давида Возобновителя, 26 января, прямо изъ церкви Князя Намѣстника, пошли помолиться на гору Св. Давида Гареджійскаго.

Много было другихъ причинъ, кромѣ собственнаго праздника, причинъ болѣе близкихъ сердцу, которыя побуждали Дадіана идти на молитву въ гору: исцѣленіе любимой супруги, только что возвратившейся отъ вратъ смертныхъ, и рожденіе сына, наслѣдника Мингреліи; но какъ никогда не бываетъ совершенною радость человѣческая, ибо по словамъ пѣсней церковныхъ: «кая житейская сладость бываетъ печали непричастна?» въ тотъ же день пришла ему горькая вѣсть, о кончинѣ ближайшаго родственника и друга. Медленно подымались мы, по крутой извилистой стезѣ, къ уединенной церкви, ибо труденъ горный восходъ сей, какъ всякій путь ко спасенію. Мы шли и бесѣдовали, о подвигахъ отшельника Гареджій-

скаго, который здѣсь основалъ сперва орлиное гнѣздо свое, доколѣ клевета народная не побудила его оставить неблагодарныхъ, не умѣвшихъ оцѣнить его благодатнаго между ними жительства. Когда мы останавливались иногда, на поворотахъ крутой стези, для краткаго отдыха, глазамъ нашимъ представлялась, очаровательная панорама Тифлиса, и та изящная церковь Кашветская Великомученика Георгія, которая была вновь сооружена, усердіемъ Князей Амилахваровыхъ, на самомъ мѣстѣ обличенія жены, оклеветавшей отшельника.

От подвиговъ первыхъ пустынножителей; непримѣтнымъ образомъ, перешла наша рѣчь и къ новымъ искателямъ спасенія, трудною стезею иночества. Я говорилъ Владѣтелю, о устрояемой въ Мцхетѣ, послѣ многихъ годовъ ожиданія, обители женской, единственной во всей Грузіи, при бывшей келліи равноапостольной Нины, и спросилъ его: справедливо ли то, что расказываютъ о настоятельницѣ, такъ какъ она происходитъ изъ княжескаго ро-

да Мингрелiи, Пагава? Владѣтель подтвердилъ мнѣ сiю трогательную повѣсть, достойную первыхъ времёнъ Христiанства, и она глубоко напечатлѣлась въ моемъ сердцѣ.

«Я самъ, говорилъ онъ, былъ дѣйствующимъ лицемъ въ этомъ происшествiи, и первый открылъ ея убѣжище, а потому лучше всѣхъ могу засвидѣтельствовать истину. Вы видѣли остатки необычайной красоты, на изнуренномъ лицѣ ея, уже въ зрѣлыхъ теперь лѣтахъ, и можете судить что она была прежде. Мать страстно ее любившая, на нее возлагала всю будущую надежду своего дома, и старалась заблаговременно найти ей именитаго жениха: но Богъ судилъ иначе, и вмѣсто земнаго она обручилась небесному. По обычаю нашей земли, Княжна была помолвлена еще въ дѣтствѣ, за Князя Сванетскаго, но онъ умеръ скоропостижно. Въ другой разъ обручили ее родители съ однимъ изъ почетныхъ Князей Мингрельскихъ; но и этотъ женихъ, по несчастному случаю, убился на охотѣ. Княжна приняла это за указанiе

промысла Божія и не хотѣла болѣе связывать себя узами брака, хотя мать сильно настаивала выдать ее за мужъ. Видя непреклонность дочери, проистекавшую отъ ея чрезвычайной набожности, она отправила ее къ старшей замужней сестрѣ и, въ теченіе цѣлаго года, не велѣла пускать въ церковь, чтобы развлечь ея благочестивую наклонность. Но какъ обыкновенно бываетъ, гоненія за вѣру, только утвердили ее въ вѣрѣ.

Вѣсть о томъ дошла до моей матери, которая и прежде слышала о набожности молодой Княжны. Какъ Владѣтельница Мингреліи, она употребила свое вліяніе, чтобы освободить ее изъ заточенія; но хотя и повиновалась Княгиня, однако не переставала, домашними непріятностями, принуждать дочь свою къ замужству; уже найденъ былъ и третій женихъ, также изъ Князей Мингрельскихъ: тогда рѣшилась бѣжать изъ дома родительскаго Княжна Дарія. Въ мужеской одеждѣ успѣла она ускользнуть изъ подъ строгаго надзора и, присоединившись къ аробщикамъ, которые

везли свои товары въ Тифлисъ, достигла съ ними Мцхета, тѣмъ же путемъ и также съ людьми чуждыми, какъ нѣкогда пришла туда и блаженная Нина. При малой келліи святой просвѣтительницы нашей обитала тогда благочестивая старица, ей сонменная, и съ нею нѣсколько непостриженныхъ сестеръ, которыя питались трудами рукъ своихъ и воспитывали при себѣ малолѣтнихъ дѣвицъ, научая ихъ грамотѣ и рукодѣлью. Тутъ укрылась Княжна, расказавъ старицѣ свои приключенія и какъ рѣшилась она наконецъ посвятить себя единственно на служеніе Богу. Не могла отказать ей въ пристанищѣ та, которая сама себя посвятила молитвѣ, и такъ протекло пять лѣтъ, въ теченіе коихъ жители убогаго селенія Мцхета, привыкли видѣть прекраснаго мальчика, который ходилъ иногда на базаръ, для закупки мѣстныхъ припасовъ ихъ малой обители.

Между тѣмъ безутѣшно было семейство Княжны, ибо всѣ поиски о ней въ Мингреліи остались тщетными: ее уже оплакивали какъ мертвую; но еще носились од-

нако темная молва, будто она жила въ Карталиніи. Я былъ тогда при особѣ Главнокомандующаго и мнѣ пришло на мысль, остановиться въ Мцхетѣ, чтобы спросить у настоятельницы; не слыхала ли она что либо о Княжнѣ Мингрельской? При первомъ моемъ вопросѣ она смутилась и съ безпокойствомъ начала смотрѣть на одну изъ сестеръ, какъ бы спрашивая ее: открыть ли тайну? Когда же я сталъ настоятельнѣе требовать отъ нее сознанія, добрая старица расказала мнѣ истину и доставила случай видѣть Княжну. Она обрадовалась мнѣ, но вмѣстѣ испугалась, полагая что я хочу ее принудить возвратиться домой; но я ее успокоилъ и обѣщалъ ходатайствовать у ея матери, чрезъ посредство моей; дѣйствительно Владѣтельница убѣдила Княгиню, не тревожить болѣе своей дочери, потому что уже прошло довольно времени для ея испытанія. Съ тѣхъ поръ она оставалась при настоятельницѣ Нинѣ, до ея кончины и заступила ея мѣсто.»

«Мнѣ пріятно дополнить вамъ эту тро-

гательную повѣсть, сказалъ я. До сихъ поръ одна только община, не утвержденная на правахъ монастырскихъ, находилась при келліи Св. Нины, скудно питаясь трудами рукъ своихъ. Теперь же, по благословенію Св. Сѵнода, Экзархъ рѣшился устроить здѣсь настоящую обитель женскую, единственную во всей Грузіи: въ день Апостола Андрея Первозваннаго, просвѣтившаго вашу Мингрелію и отечество наше свѣтомъ Христіанства, Княжна Дарія и шесть при ней сестеръ были пострижены въ соборѣ Мцхета, настоятелемъ пустыни Гареджійской, благочестивымъ старцемъ Архимандритомъ Іоанномъ. Экзархъ уступилъ имъ собственный домъ Католикосовъ для жительства, пока обновится ихъ убогое жилище, и предполагаетъ обновить самый соборъ Самтаврскій, первую митрополію Иверіи, при которой будетъ находиться обитель инокинь, возникшая подлѣ келліи Св. Нины».

Бесѣдуя такимъ образомъ мы непримѣтно достигли вершины горы, гдѣ вмѣсто убогой часовни, поросшей кустарни-

комъ, основана была, въ началѣ нынѣшняго вѣка, церковь во имя Преображенія. Не было священника и потому не могли мы войти въ ея внутренность, но одна изъ старицъ, при ней живущихъ, отворила намъ желѣзную рѣшетку пещернаго склепа подъ церковью. Тамъ юная и прекрасная вдова знаменитаго автора нашего, столь бѣдственно погибшаго въ Персіи, соорудила ему изящный памятникъ. Конечно она хотѣла изобразить себя, въ образѣ молодой женщины, простертой, съ выраженіемъ скорби и покорности, у подножія распятаго Господа, и трогательна надпись на бронзовомъ мавзолеѣ: «творенія твои сдѣлали тебя безсмертнымъ для твоего отечества; но для чего могла пережить тебя твоя Нина!»

Всякій четвергокъ исключительно посвященъ памяти Св. Давида, потому что въ четвергъ послѣ Пятидесятницы совершается его праздникъ, и отъ ранняго утра до поздняго вечера, можно видѣть здѣсь длинную вереницу богомольцевъ, особенно женщинъ, въ ихъ бѣлыхъ покрывалахъ; онѣ

мимъ тѣни живописно подымаются и спускаются по витой стезѣ, ведущей къ горней церкви отшельника. Съ благоговѣніемъ приложились мы къ древней иконѣ Св. Давида Гареджійскаго, которая по случаю обновленія церкви, перенесена была въ подземельный склепъ; потомъ помолились и надъ прахомъ усопшаго, о спасеніи души его.

Я познакомился съ незабвеннымъ Грибоѣдовымъ, въ цвѣтущіе годы молодости, посреди роскошной природы Крыма, и знакомство его оставило во мнѣ глубокое впечатлѣніе. Мы совершили съ нимъ нѣсколько пріятныхъ поѣздокъ, въ очаровательныхъ долинахъ Таврическихъ, и вмѣстѣ восходили на горный шатеръ Чатырдага. Онъ былъ тогда въ полномъ блескѣ своей литературной славы: его Горе отъ ума переходило изъ устъ въ уста и обратилось въ пословицу; но всѣ его мечты стремились въ Грузію, къ тому предмету, который одушевлялъ его восторги; онъ пламенно звалъ меня туда, за Черное, предъ нами разстилавшееся море, за снѣжные верхи Кавка-

ва. . . и вотъ я исполнилъ теперь давнее его желаніе, но я стоялъ уже надъ его могилой! — Три года спустя, я увидѣлъ его, на нѣсколько минутъ въ Москвѣ, когда летѣлъ онъ курьеромъ, съ радостною вѣстію о заключеніи мира съ Персіею; потомъ еще нѣсколько минутъ, на обратномъ пути его въ Грузію, когда уже онъ былъ назначенъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при дворѣ Персидскомъ, и полный радостныхъ надеждъ видѣлъ предъ собою близкое ихъ исполненіе. . . онѣ исполнились! — Но не прошло года, и въ Яссахъ достигла до меня горькая вѣсть о его ужасной кончинѣ. — Миръ тебѣ, кратко блеснувшій намъ геній! да успокоитъ и тебя, въ одной изъ многихъ своихъ обителей, всемилостивый Искупитель, къ ногамъ коего припала твоя плачущая вдова.

Я пригласилъ Князя взойти въ пещеру, гдѣ изъ разсѣлины утеса струится вода, испрошенная молитвою Св. Давида. Накопляясь въ сердцѣ камней, въ природномъ водоемѣ, въ которомъ можно видѣть, сквозь пробитое отверстіе, всю ея кристальную

свѣжесть; она истекаетъ оттолѣ тонкою струею, какъ бы самыя слезы святаго отшельника, проливаемыя о своихъ грѣхахъ и всего міра; это тихое журчаніе, вмѣстѣ съ отрадною свѣжестію, внушаетъ сладкое чувство, подъ низменными сводами пещеры. Утѣшительно тамъ для души, хотя на краткую минуту, заключиться въ самой себѣ; если же и видѣть предъ собою міръ, то не болѣе, какъ сколько открывается онъ изъ сей уединенной келліи.

Что же представилось намъ изъ устья пещеры, во глубинѣ разступившагося подъ нами ущелія? Сперва нѣсколько виноградниковъ, уступами сбѣгавшихъ къ подошвѣ горы; потомъ, по мѣрѣ того, какъ расширялась горная разсѣлина, открылась часть города, обогнутая крутою дугой серебристой рѣки, какъ бы напряженною тетивою лука, готоваго выстрѣлить. Влажная дуга сія, блиставшая лучами солнца, простиралась отъ высокихъ тополей инженернаго сада, гдѣ погребенъ послѣдній магометанскій Царь Іессей, мимо монастыря Армянскаго, гдѣ обитаетъ нынѣшній Патріархъ

Нересь, до собора Анчисхатскаго, бывшаго подворьемъ Католикосовъ Грузинскихъ. Сколько воспоминаній на столь маломъ пространствѣ! Тутъ и послѣднее безчестіе Грузіи, въ лицѣ ея невольнаго отступника Царя, зарытаго въ саду, вдали отъ гробовъ своихъ предковъ, которыхъ вѣрѣ онъ измѣнилъ. Тутъ и восточная обитель, главы духовной народа, нѣкогда сильнаго, усѣявшаго остатками своихъ столицъ, южные предѣлы наши. Тутъ же наконецъ, въ обители православныхъ Католикосовъ, одна изъ величайшихъ святынь Грузіи, икона, по мѣстному благочестивому преданію, напечатлѣвшаяся отъ прикосновенія къ подлиннику Эдесскому! Ближе къ намъ красовалась бѣлая церковь Кашветская, стройнымъ своимъ станомъ выходившая изъ прочей массы зданій. Живописная груда Азіатскихъ и Европейскихъ домовъ, между коими тянулись, на подобіе древняго Римскаго водопровода, многочисленныя арки каравансарая, дополняли собою разнообразіе своенравной картины; а вдали, позади раскинутаго по высотамъ предмѣстія Авла-

барскаго, пустынное кладбище, неминуемая цѣль человѣческой жизни, могильными своими камнями напоминало, чтобы не слишкомъ увлекались взоры, красотами житейскими.

Наступила масляница и начались увеселенія, которыхъ не было въ теченіе цѣлой зимы. Блистательный балъ данъ былъ Княземъ Намѣстникомъ, и конечно лучшіе балы сѣверной столицы должны уступить ему по оригинальности, ибо тутъ соединялись Азія и Европа, со всѣми очарованіями поэтическаго Востока. Царевны и Княжны Грузинскія, въ ихъ отечественной одеждѣ, и Армянскія почетныя дамы, владѣтельные и упраздненные Ханы нѣкоторыхъ окрестныхъ ханствъ, Султаны отъ рода Гиреевъ Крымскихъ, живущіе между Черкесами, и Уцміи, происходящіе отъ Халифовъ, Беки Татарскіе, напоминающіе времена Монголовъ, и дикіе Горцы, Лезгины, Осетины, Чеченцы и Кабардинцы, въ своихъ воинственныхъ нарядахъ, составляли пеструю, но величественную массу: они знаменовали собою присутствіе Намѣстника

Великаго Царя, котораго держава, начинаясь отъ льдовъ Океана, простиралась до внутреннихъ пустынь Азіи и небесной имперіи Китая. Нигдѣ болѣе, какъ въ Тифлисѣ, въ залахъ Князя Намѣстника, нельзя быть поражену, нынѣшнимъ разнообразіемъ столькихъ племенъ, покорныхъ манію одного Владыки.

Привѣтливое обращеніе знаменитаго хозяина и его благородной супруги, одушевляя все сіе странное общество, соединяло его въ одно цѣлое. Должно сказать правду: внутреннее сознаніе своего достоинства и высокаго рода, которое никогда не можетъ уронить себя, потому что оно врождено и есть неотъемлемая собственность, внушало и здѣсь, радушнымъ хозяевамъ, снисходительность къ низшимъ и вниманіе къ древнимъ родамъ, равно Христіанскимъ и Магометанскимъ; это самое пріобрѣтало имъ любовь сихъ представителей минувшаго величія своихъ предковъ, ибо ничто не уважается столько на Востокѣ, какъ древность рода, восходящая часто до баснословныхъ временъ.

Посреди шумнаго вихря Европейскихъ танцевъ, внезапно дикіе звуки восточной музыки прерывали стройный оркестръ; звуки сіи, непріятные для нашего слуха, имѣли особенную прелесть для Азіатцевъ, и замѣтно было какъ начинали сверкать ихъ огненные глаза, при первомъ сотрясеніи струнъ роднаго инструмента. Тогда составлялся тѣсный кругъ, на серединѣ обширной залы, и лучшіе плясуны, всякаго возраста и званія, являлись одинъ за другимъ на скользкое поприще, сперва робко озираясь во всѣ стороны, а потомъ смѣлые и свободные въ своихъ движеніяхъ, какъ бы въ родномъ ущеліи предъ своимъ ауломъ. Лезгины и Чеченцы плясали свою народную пляску, въ ея начальной простотѣ, и вотъ, вслѣдъ за ними выступали юноши и дѣвы Грузинскіе, которые уже примѣнили сію дикую пляску къ болѣе образованному духу своего общества; они смягчили, выраженіемъ болѣе нѣжныхъ чувствъ, смѣлую отвагу тѣлодвиженій, которая выражала одно только стремленіе къ битвамъ. Здѣсь можно было разгадать начальное

происхожденіе пляски, у народовъ болѣе близкихъ къ первобытному ихъ состоянію, которая у насъ образованныхъ обратилась въ безцвѣтное и безотчетное увеселеніе. Когда же, при выходѣ изъ ослѣпительнаго блеска залы и ея душной атмосферы, васъ обвѣвала благовонная прохлада Грузинской ночи и надъ вами сверкало яркое звѣздное небо: эта чудная природа будто упрекала человѣка, какъ можетъ онъ равнодушно жертвовать ея чистыми наслажденіями, для насильственно изобрѣтенныхъ увеселеній, которыя по мѣрѣ образованія все болѣе и болѣе удаляютъ отъ природы.

Послѣдніе дни масляницы были до такой степени благорастворены теплотою весеннею, хотя это было въ первыхъ числахъ февраля, что уже можно было ожидать полнаго развитія весны; но холодный мартъ, безумный, какъ его называютъ Грузины, своими порывистыми вѣтрами и дождями, напомнилъ намъ, что всякая страна платитъ дань своему климату. Почти весь великій постъ прошелъ въ такомъ ненастьи, и это воспрепятствовало мнѣ со-

вершить нѣсколько поѣздокъ, въ Мангписъ и на развалины древней крѣпости Орбельяновъ въ Сомхетію. Однако, на шестой недѣлѣ, возвратилось опять красное время и страстная недѣля особенно вознаградила за всѣ непогоды. Чувствуя уже въ себѣ болѣзнь, я пользовался, сколько могъ остатками силъ до Пасхи, чтобы исполнить Христіанскій долгъ говѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдать, въ свободныя минуты, за богослуженіемъ Церкви Армянской, въ присутствіи ея Патріарха, какъ я это дѣлалъ и въ Римѣ предъ лицемъ Папы, ибо мнѣ не могъ представиться другой болѣе удобный случай.

Особенно трогателенъ показался мнѣ обрядъ Армянскій умовенія ногъ, хотя онъ и не столь близокъ, какъ у насъ, къ точному исполненію словъ евангельскихъ. Дѣйствіе сіе происходитъ во время вечерни и довольно продолжительно, ибо составлено изъ чтенія паремій, Апостола и Евангелія, относящихся къ предмету. Возвышеніе устроено было въ церкви, наравнѣ съ алтаремъ, и двѣнадцать стульевъ поставле-

ны по сторонамъ Патріаршаго кресла. На сей разъ самъ престарѣлый Нерсесъ принялъ участіе въ священнодѣйствіи. По недостатку Епископовъ, пресвитеры заступали ихъ мѣсто; Епископы были въ мантіяхъ, а священники въ ризахъ; каждый изъ нихъ садился по очереди на патріаршее мѣсто; Патріархъ же, въ полномъ облаченіи, ради смиренія сидѣлъ на коврѣ, у подножія креселъ, и омывъ ноги возсѣдавшаго на его каѳедрѣ, цѣловалъ ихъ; но мнѣ показалось страннымъ, что послѣ сего онъ ихъ еще помазывалъ масломъ, и не древеснымъ а коровьимъ, котораго употребленіе несвойственно для церкви. Когда же окончилъ умовеніе, онъ сѣлъ на свою каѳедру, и старшій изъ духовенства, Архіепископъ Тифлиса, облачившись въ свою чреду, омылъ ему ноги, въ знакъ почести, подобающей отъ ученика верховному учителю. Великолѣпіе одежды патріаршей, изъ Индѣйской парчи, и его митры, унизанной жемчугомъ, на которой вышиты подвиги святаго просвѣтителя Арменіи, соотвѣтствовало величавой наружности старца; онъ вполнѣ былъ

проникнутъ совершаемымъ дѣйствіемъ и внушалъ невольное благоговѣніе.

Менѣе торжественна была церемонія великаго пятка, на которой только присутствовалъ, а не дѣйствовалъ Патріархъ. По окончаніи паремій, четыре Епископа въ облаченіяхъ съ двѣнадцатью священниками, въ свѣтлыхъ а не черныхъ ризахъ, подняли съ возвышенія алтарнаго плащаницу, совершенно нашу, ибо на ней были вышиты и буквы Славянскія. Патріархъ, въ багряной мантіи, съ посохомъ въ рукахъ, слѣдовалъ за ними, сопровождаемый почетными гражданами; весь дворъ былъ наполненъ народомъ, особенно женщинами въ бѣлыхъ покрывалахъ. Всякое погребальное шествіе умилительно, кольми паче Христово, по воспоминанію крайняго смиренія Божественнаго страдальца, ради насъ недостойныхъ. Старецъ, духовная глава народа, долженствующій представлять для него, своимъ саномъ Того, за чьимъ гробомъ онъ шелъ, возбуждалъ много благочестивыхъ думъ. Но самые обряды не имѣли желаннаго благолѣпія и нестройность тол-

пы безпрестанно нарушала порядокъ, ибо служба вечерняя довершалась внѣ храма, на площадкѣ предъ вратами; тутъ читано было евангеліе надгробное. Духовенство выстроилось въ два ряда, отъ дверей церковныхъ къ плащаницѣ, имѣя во главѣ Патріарха. Архіепископъ ходилъ нѣсколько разъ окадить плащаницу, клиръ и народъ, и когда приложился къ ней Патріархъ, шествіе возвратилось тѣмъ же порядкомъ въ церковь; но уже не бываетъ какъ у насъ ночнаго хода на утрении. Я даже слышалъ, что и самая плащаница не есть необходимость для богослуженія Армянскаго; вмѣсто нея носятъ обыкновенно крестъ, а на сей разъ, ради большей торжественности, употребили плащаницу, и при томъ Русскую, по ветхости или по неимѣнію въ ризницѣ собственной.

Мнѣ невозможно было присутствовать въ великую субботу, на поздней литургіи, которую совершалъ также Архіепископъ, по слабости Патріарха; она окончилась по захожденіи солнца, ибо соединена какъ у насъ съ вечернею, и наполнена чтеніемъ

паремій. Но у Армянъ она уже составляетъ начало торжества пасхальнаго, потому что, въ самую ночь Пасхи, нѣтъ у нихъ торжественной утрени нашей, столь возвышенной и глубокой, и самая литургія Пасхи не ознаменована никакимъ особеннымъ торжествомъ: оттого всѣ болѣе усердствуютъ быть на литургіи субботней, и такъ какъ на оной возглашается евангеліе о воскресеніи, тоже что и у насъ, съ нѣкоторыми воскресными гимнами: то Армянская Церковь допускаетъ послѣ литургіи нѣкоторое послабленіе поста, то есть сыръ и яица, хотя нѣтъ еще совершеннаго разрѣшенія до слѣдующаго утра.

Свѣтло было торжество пасхальное въ соборѣ Сіонскомъ, которое совершалъ Экзархъ, съ своимъ Викаріемъ и осмью Архимандритами, Греческими, Грузинскими и Русскими, въ присутствіи Князя намѣстника, всѣхъ властей и почетныхъ дамъ Тифлисскихъ. Послѣ крестнаго хода кругомъ собора, Экзархъ, окруженный всемъ клиромъ, при свѣтѣ безчисленныхъ свѣчь и лунномъ сіяніи, сталъ на ступеняхъ крыль-

ца и возгласилъ радостное «Христосъ воскресе!» и когда, при сихъ всеоживляющихъ словахъ, раскрылись врата храма, заблиставшаго внутри огнями: торжественность сего мгновенія не могла сравниться ни съ какими впечатлѣніями земными: воистину воскресъ Христосъ!

КАРТАЛИНІЯ. ЦИЛКАНЪ.

Приблизилось время моего отъѣзда, которому благопріятствовала ранняя Пасха, но нечаянная болѣзнь удержала меня еще на двѣ недѣли, и можно сказать, мимо меня пролетѣли первые ароматы полуденной весны, столь быстрой и душистой. Уже отцвѣли миндальныя деревья, начальные вѣст-

ники пробужденія природы; всѣ сады Тифлисскіе одѣты были розовою пеленой распустившихся абрикосовъ, яблонь и грушъ, такъ что самая ихъ зелень мало была примѣтна, подъ роскошью древесныхъ цвѣтовъ. Окрестные сады, по теченію Веры и Куры, начинали наполняться гуляющими; во мнѣ также горѣло сильное желаніе оставить городъ и подышать опять горнымъ воздухомъ, на пути къ отечеству, въ благословенныхъ долинахъ Имеретіи и Мингреліи. Владѣтель Мингреліи, давно уже звалъ меня къ себѣ; братъ его, воспитанный въ горахъ, но проведшій свою молодость въ сѣверной столицѣ нашей, въ блестящемъ кругу военной молодежи, вызвался быть моимъ спутникомъ, до предѣловъ своей родины.

Отрадно и вмѣстѣ полезно было для меня его общество: горецъ по рожденію, наѣздникъ и поэтъ, со всѣми пылкими порывами своей природы, но смягченной образованностію свѣтскою, онъ являлъ въ себѣ рѣдкое соединеніе сихъ двухъ совершенно противуположныхъ началъ. Благородная душа его открыта была все-

му высокому и горѣла любовью къ родинѣ; воображеніе южное облекало яркими красками каждый предметъ, и множество древнихъ преданій, о битвахъ своихъ предковъ и созданныхъ ими обителяхъ, тѣснились въ душѣ его; въ жилахъ кипѣла кровь Дадіановъ, и еще отрокомъ, въ горахъ, куда былъ отданъ на воспитаніе, по обычаю своей земли, наслышался онъ воинскихъ пѣсней родной земли, и самъ сложилъ много звучныхъ стиховъ, во славу присныхъ. Воспитанный въ духѣ глубокаго благочестія, которое еще такъ чисто въ неустарѣвшемъ обществѣ горныхъ сыновъ, онъ началъ свое образованіе съ псалтыря и, зная хорошо Св. писаніе, умѣлъ разбирать старыя церковныя писмена, которыя для многихъ остаются загадочными, въ опустѣвшихъ развалинахъ, потому что новый Грузинскій языкъ разнствуетъ буквами отъ древняго, какъ Русскій отъ Славянскаго; не многіе, даже изъ числа духовныхъ, умѣютъ читать старинныя надписи. Если же еще прибавить, что этотъ спутникъ, который ухаживалъ за мною, послѣ моей бо-

лѣзни, со всею заботливостію Горца, и служилъ посредникомъ во всякой бесѣдѣ, по знанію двухъ языковъ Грузинскаго и Мингрельскаго, былъ сынъ и братъ владѣтельнаго Князя, родственникъ всѣхъ первостепенныхъ лицъ, духовныхъ и свѣтскихъ, которыя встрѣчались намъ на пути: то можно себѣ представить, сколько утѣшенія доставилъ онъ мнѣ своимъ обществомъ.

Настала минута разлуки, горькая во всякое время, и еще болѣе, когда чувствуешь, что со многими прощаешься уже навсегда. Отблагодаривъ Князя Намѣстника и его супругу, за всѣ милости, которыми меня осыпали, съ свойственнымъ имъ радушіемъ, я просилъ моихъ короткихъ знакомыхъ собраться у меня, потому что еще не въ силахъ былъ посѣтить всѣхъ. Грустно было мнѣ оставить Экзарха, котораго духовныя бесѣды служили для меня лучшимъ утѣшеніемъ, во все время долгаго моего пребыванія въ Тифлисѣ. Съ Патріархомъ простился я еще утромъ. «Зачѣмъ бѣжишь ты изъ своей родной земли? сказалъ мнѣ почтенный старецъ; не всѣ ли,

отъ подножія Арарата, разбрелись по вселенной? и вотъ мы только одни твердо держимся нашей родины.» Много было глубокаго въ этихъ краткихъ словахъ! Нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ поѣхали провожать меня за городъ и тамъ возобновились прощанія: имъ предстоялъ скорый походъ, а при такихъ условіяхъ тяжело разставаться.

Было уже темно, когда подъѣхали мы къ собору Мцхетскому; но мнѣ хотѣлось еще разъ поклониться его завѣтной святынѣ. Въ сумракѣ, особеннымъ величіемъ, облеклись широкіе размѣры храма; опять, какъ и въ первый день моего посѣщенія, горѣло нѣсколько свѣчь предъ тѣмъ столбомъ, подъ коимъ хранился хитонъ Господень, привлекая взоры и чувства къ сему священному мѣсту. Я помолился надъ гробами Царей Ираклія и Георгія, и родственнаго имъ Католикоса Антонія, и помянулъ весь рядъ державныхъ и святителей, почивающихъ подъ сѣнію тринадцативѣковаго святилища. Протоіерей благословилъ меня иконою Св. Нины, молящейся у

чуднаго столба, надъ могилою Сидоніи, тутъ погребенной съ хитономъ въ рукахъ. Настоятельница вновь учреждаемой обители, бывшая княжна Мингрельская, взошла въ соборъ съ своими убогими сестрами, пожелать мнѣ счастливаго пути. Это прощаніе со святынею Мцхета, внутри его соборнаго храма, и съ убогими инокинями, которыя прилѣпились къ келліи святой просвѣтительницы Грузіи, умилительно было для сердца, уже потрясеннаго недавними словами разлуки. Съ ихъ молитвеннымъ напутствованіемъ оставилъ я древнюю столицу, которой внѣшняя слава такъ давно уже померкла; но никогда не угаснетъ духовный свѣтъ, отселѣ пролитый на всю землю Иверскую, ревностію одной смиренной жены, плѣнницы Нины.

На станціи Гартискарской остановились мы для ночлега; оттолѣ расходятся дороги: одна въ Имеретію, на Гори и Сурамъ, по которой мы должны были ѣхать къ западу, вдоль Кавказскаго хребта; другая къ сѣверу чрезъ самый хребетъ. Мы отклонились немного отъ большой дороги, за 10

верстъ отъ Мцхета, чтобы посѣтить знаменитую нѣкогда церковь Цилканскую, гдѣ была каѳедра одного изъ тринадцати Сирскихъ отцевъ, Св. Іессея. Онъ взятъ былъ неволею, съ горы Зедазенской, отъ своего блаженнаго учителя Іоанна, Католикосомъ Евлавіемъ, въ Епископы Цилканской паствѣ, и прославился въ ней даромъ чудесъ. По мѣстному преданію, какъ нѣкогда Григорій великій чудотворецъ Неокесарійскій, Іессей привелъ къ своему городу течевіе Ксани, маніемъ пастырскаго жезла, которымъ указалъ новое русло покорной ему рѣкѣ. Церковь Цилканская, весьма замѣчательная по своей древности и зодчеству, во вкусѣ Эчміадзинскомъ, основана была гораздо прежде Іессея, при самомъ началѣ Христіанства Грузіи, Бакаромъ, сыномъ Царя Миріяна, для обращенія окрестныхъ народовъ; сюда принесена была изъ Царьграда чудотворная икона Божіей Матери, написанная, по преданію, Евангелистомъ Лукою, на доскѣ яслей Господнихъ. Но теперь церковь въ совершенномъ запустѣніи: южная стѣна ея отошла, куполъ по-

косился и даже входъ въ нее запрещенъ, изъ опасенія падающихъ камней. Служба продолжалась въ маломъ придѣлѣ Св. мученицы Марины, имя коей, не знаю почему, очень часто встрѣчается въ храмахъ Грузинскихъ. Наконецъ и тамъ по ветхости прекратилось богослуженіе, а чудотворная икона перенесена была въ малую храмину, гдѣ могли только служить одни молебны; нынѣшній Экзархъ, ревнуя о благѣ своей паствы, поспѣшилъ возобновить придѣльную церковь и желаетъ возстановить самый соборъ, къ которому питаютъ особенное усердіе всѣ окрестные жители, памятуя, что изъ него проистекло къ нимъ просвѣщеніе духовное.

Не смотря на запрещеніе, мы взошли въ пошатнувшійся соборъ, чтобы поклониться въ немъ гробу великаго Святителя Іессея; онъ въ жертвенникѣ и мимо его восходятъ на ступени возвышенія алтарнаго; но гробница не ознаменована никакимъ украшеніемъ и нельзя отличить простую плиту ея отъ ступени. Иконостасъ каменный, низкій, какъ въ древнѣйшихъ хра-

махъ Грузіи; на немъ вмѣсто иконъ фрески, на которыхъ едва можно распознать Деисусъ и нѣсколько ликовъ Апостольскихъ; на столбахъ, по сторонамъ иконостаса, стертые лики тринадцати отцевъ Сирскихъ, изъ коихъ еще видны три: Іосифъ Алавердскій, Исидоръ Самтавійскій и самъ Іессей Цилканскій, какъ бы сохранившійся ради памяти своего святительства въ этомъ храмѣ. Тамъ гдѣ стояла, подъ сѣнію, чудотворная икона Божіей Матери, противъ Архіерейской каѳедры, чуть видны на стѣнѣ три лица: едва ли это не избраніе Св. Іессея Католикосомъ Евлавіемъ, въ присутствіи Аввы Іоанна, который передаетъ ученика своего Архипастырю? Впрочемъ такъ повреждены всѣ фрески, что уже трудно разобрать. Птицы летаютъ внутри опустѣвшаго храма.

Я просилъ, чтобы отслужили молебенъ Матери Божіей, въ той убогой храминѣ, гдѣ находилась ея чудотворная икона, напоминавшая нашу Влахернскую, и когда, послѣ молитвы, прикладывался къ ея лику, внимательно разсмотрѣлъ я сію святы-

ню. Мнѣ кажется, что самое лице было обновлено, потому что, въ противномъ случаѣ, удивительна свѣжесть красокъ, густыми слоями положенныхъ, какъ бы лѣпная работа, въ то время какъ живопись, подъ жемчужною ризой, совсѣмъ поблекла. Впрочемъ и нѣкоторыя другія иконы, почитаемыя за самыя древнія въ Грузіи, писаны такою же грубою кистію и густыми слоями. Въ нихъ нѣтъ того темнаго колорита и строгости въ чертахъ, какими отличаются иконы Византійскаго письма. На иконѣ Цилканской примѣтно двоякое украшеніе: одно весьма древнее эмалевое и жемчужное; таковы вѣнецъ на главѣ Пречистой Дѣвы и четыре кружка, въ коихъ написаны по эмали мученики Ѳеодоръ и Димитрій, и безсребренные Косма и Даміанъ; по сторонамъ Богоматери видны два Архангела. Второй окладъ не столь древній, изъ чеканнаго серебра, съ драгоцѣнными привѣсками и съ ликомъ Св. Георгія, устроенъ былъ въ минувшемъ столѣтіи, Княземъ Иваномъ Мухранскимъ, изъ боковой линіи Царей Карталинскихъ, которымъ до-

селѣ принадлежитъ владѣніе Мухрань, недалеко отъ Цилкана.

Дорога наша лежала чрезъ это обширное селеніе, гдѣ видѣнъ домъ владѣльцевъ, окруженный, на подобіе замка, деревянною стѣною, съ башнями и теремами. Быстрый потокъ Ксани, давшій свое имя Эриставамъ Ксанскимъ, принялъ насъ въ свои бурныя весеннія воды, часто опасныя для путешественниковъ. Близь Самтависа, скучная равнина Карталинская пересѣчена лѣсистымъ оврагомъ, гдѣ иногда кроются хищники Осетинскіе, въ голодное время. Селеніе Самтависъ, украшено древнею церковію Царя Вахтанга Гургъ-аслана, почти современнаго отшельнику Сирскому Исидору, который тутъ основался; она была обновлена въ 358 году Грузинскаго хроникона, или въ 1673 году нашего лѣтосчисленія, Княземъ Димитріемъ Амилахваровымъ, какъ написано на древней иконѣ Спасителя, внутри храма, и тамъ до нынѣ погребается княжескій родъ сей, имѣющій возлѣ свои помѣстья. Ихъ старый замокъ и монастырь видны на горѣ; неподалеку се-

леніе Чалы, гдѣ хранятся, въ домовой ихъ церкви, многія древнія иконы, перенесенныя въ смутныя времена, изъ пустыни Шіомгвинской и Мцхета. Родъ Амилахваровыхъ, одинъ изъ знаменитыхъ въ Грузіи, возведенъ былъ въ княжеское достоинство, потому что предокъ ихъ пожертвовалъ своею жизнію, для спасенія Царя Георгія VIII. Амилахваръ есть искаженное слово Арабское Эмиръ-ахоръ, или великій конюшій, званіе, которымъ пользовались старшіе изъ Князей сего дома, при дворѣ царскомъ.

Весьма изящна рѣзьба, на внѣшнихъ стѣнахъ храма Самтавійскаго, особенно виноградныя лозы и крестъ, изваянный со стороны алтаря, съ надписью: «да утвердитъ Господь въ вѣкъ вѣка.» Мѣстное преданіе указываетъ самое углубленіе, отколѣ исторглось пламя, во дни Тамерлана, когда свирѣпый завоеватель хотѣлъ сокрушить на стѣнѣ большой крестъ, доселѣ ее осѣняющій. Какъ утѣшительны такія преданія и какъ отрадно для народа молиться въ храмѣ, ознаменованномъ столь чуд-

нымъ событіемъ! Съ такою твердою вѣрою прошла и устояла бѣдная Грузія, сквозь всѣ завоеванія, огнепоклонниковъ Персовъ, Арабовъ, Сельджукидовъ, Монголовъ Батыя и Татаръ Тамерлана, Оттомановъ и новыхъ Персовъ Шахъ-Исмаила, Шахъ-Аббаса и Надира, до нашихъ временъ. Каменная ограда, уже обветшавшая, съ башнями и бойницами, свидѣтельствуетъ о бранной эпохѣ; еще недавно, безъ укрѣпленія, не могла держаться никакая обитель, потому что шайки Лезгинъ безпрестанно скитались по большимъ дорогамъ, и тутъ лежалъ главный путь ихъ въ Ахалцыхъ, гдѣ продавали они своихъ плѣнныхъ. Церковь Самтавійская величественна внутри, хотя уже приходитъ въ ветхость и почти обнажена; она празднуетъ Вознесенію Господню и имѣетъ еще одинъ придѣлъ, во имя Предтечи. Замѣчательна древняя икона Спасителя, при которой хранится нѣсколько драгоцѣнныхъ складней и крестовъ, съ частицами святыхъ мощей. Живопись ея напоминаетъ Цилканскую, свѣтлыми красками, хотя не столь густыми,

но ее почитають современною Царю Вахтангу, жившему въ V' вѣкѣ. Иконостасъ новый, деревянный, прислоненъ къ старому каменному, весьма низкому. Въ алтарѣ, кругомъ горняго мѣста, сохранились отчасти лики Апостоловъ и двадцати четырехъ Святителей, имена коихъ трудно разобрать. Помостъ весь устланъ гробницами Амилахваровыхъ, благодѣтелей обители. Въ жертвенникѣ каменная плита знаменуетъ мѣсто погребенія Св. Исидора, пришедшаго изъ Сиріи, вмѣстѣ съ аввою Іоанномъ, но житіе коего совершенно неизвѣстно. Это былъ послѣдній изъ отцевъ Сирійскихъ, могилѣ коего я поклонился. Въ Кахетіи посѣтилъ я гробы Давида Гареджійскаго въ его пустыни, Стефана въ обители Хирской, Епископа Іосифа въ каѳедральномъ соборѣ Алавердскомъ, Зинона въ уединенной церкви Икальто и Антонія Марткобскаго, среди развалинъ его монастыря, нынѣ обновляемаго. Въ Мцхетѣ мнѣ указали, подъ алтаремъ, мѣсто упокоенія Св. Авива мученика, Епископа Некресскаго, и въ пещерѣ Мгвимской пустыни

могилу ея основателя Св. Шіо, а на горѣ Зедазенской, въ оставленной всѣми церкви, самый гробъ великаго аввы Іоанна, главы 13 отцевъ Сирскихъ. И вотъ, оставляя Грузію, успѣлъ я еще помолиться, надъ гробами Св. Епископа Іессея, въ Цилканѣ, и отшельника Исидора въ Самтависѣ. Остальныя три гробницы Сирскія были мнѣ недоступны; только издали увидѣлъ я церковь, гдѣ почіетъ Пирръ Бретскій; Михаилъ же Улумбійскій и Ѳаддей Степан-цминдскій были слишкомъ далеки отъ моего пути; но для меня утѣшительно и то, что изъ числа тринадцати, я могъ по крайней мѣрѣ поклониться десяти.

ГОРИ, УПЛИСЦИХЕ, АТЕНЕ, СІОНЪ.

Отъ Самтависа до Гори, на разстояніи сорока верстъ, ничего занимательнаго не представляла голая равнина Карталинская: по сторонамъ ея тянулись горные хребты, но видъ Гори уже поражаетъ издали своею необычайностію. Малый городъ приникъ къ подножію утеса, который внезапно вырастаетъ, какъ островъ изъ морской пучины, посреди ровнаго поля, и увѣнчанъ старымъ замкомъ; сама природа указала мѣсто сіе для защиты человѣка, по несчастію отъ подобныхъ себѣ. Еще недавно

однѣ только стѣны сіи могли служить спасеніемъ отъ проходящихъ шайками Лезгинъ; они осмѣливались проникать въ предмѣстіе города, такъ что принуждены были укрѣплять отъ нихъ самыя мельницы. Русское гостепріимство ожидало насъ въ домѣ градоначальника С**. Онъ вызвался проводить насъ, на слѣдующій день, въ пещерный городъ Уплисцихе и въ очаровательную долину Атенскую, а между тѣмъ предложилъ воспользоваться остаткомъ дня, чтобы посѣтить вышгородъ Гори. Невозможно было избрать лучшаго мѣста для крѣпости, которая совершенно пришлась по утесу, зубчатымъ вѣнцемъ своимъ, какъ иному царственному челу свойственнымъ украшеніемъ представляется корона. Основаніе крѣпости относятъ ко временамъ самымъ отдаленнымъ, но она была нѣсколько разъ обновляема, и даже при Царѣ Иракліѣ еще могла отражать напоръ враговъ. Шахъ-Надиръ чувствовалъ всю ея важность и посылалъ своихъ намѣстниковъ въ Гори, властвовать надъ Грузіею. Теперь, по водвореніи мира, ничего въ ней не оста-

лось, кромѣ одной церкви, также опустѣвшей, которую относятъ, какъ все древнее, къ Царицѣ Тамари.

Весьма замѣчательна тераса, многими уступами спускающаяся къ рѣкѣ, съ крытыми ходами, для тайнаго добытія воды. Колоссальное ея устройство свидѣтельствуетъ о важности самой крѣпости, служившей ключемъ Карталиніи, на сліяніи Ляхвы и Куры. Одинъ изъ очаровательныхъ видовъ сей живописной страны, открывается съ вышгорода Гори на всю равнину, далеко бѣгущую къ снѣжному хребту Кавказа. Шумная Ляхва, раздѣляясь на многіе рукава, серебристыми полосами, блеститъ по широкому руслу, а нѣсколько далѣе бурная Кура, однимъ потокомъ, стремится поглотить въ себя сію новую данницу Кавказскаго хребта. На коническомъ утесѣ противоположнаго берега бѣлѣетъ древняя обитель креста, куда часто притекаютъ для молитвы благочестивые жители Гори; вдали раскрывается устье Атенскаго ущелья. Малый, но веселый городокъ, домами своими, облѣпилъ со всѣхъ

сторонъ осѣняющій его утесъ, какъ дѣти робко держатся за одежду матери; панорама сія достойна лучшей кисти нашихъ живописцевъ. Заходящее солнце замѣнило ихъ кисть своими лучами, съ чрезвычайнымъ искуствомъ обозначивъ ярко выдающіеся предметы сей чудной картины, и дозволяя мѣстами оттѣнять ее вечернему сумраку. Долго мы любовались, доколѣ не угасло за горами свѣтило.

Между осмью церквами различныхъ исповѣданій въ Гори, одна въ особенности привлекла мое вниманіе, драгоцѣнною святынею, въ ней хранящеюся съ шестаго вѣка, когда Грузія была подвластна Императорамъ Греческимъ. Великій Іустиніанъ, столько заботившійся о распространеніи Христіанства, прислалъ владѣтелю Иверіи Стефану, возведенному имъ въ придворный санъ Куропалата, икону складную, писанную на холстѣ, Деисусъ, т. е. Спасителя, съ Божіею Матерію и Предтечею по сторонамъ. Она доселѣ сохранилась въ Успенской церкви, съ удивительною цѣлостію, хотя отчасти осыпались краски. Живопись

отличается отъ такъ называемой Византійской, X вѣка, свѣтлымъ колоритомъ и болѣе пріятными очерками. Не знаю почему образъ сей называется у Грузинъ оконіосъ, не отъ Греческаго ли слова икона? Но вотъ еще замѣчательное событіе: Императоръ прислалъ при сей иконѣ своего придворнаго іерея, Іоанникія Горгіани, и родъ его съ тѣхъ поръ поселился въ Грузіи; церковь же и чудотворная икона потомственно переходили, отъ отца къ сыну, до нашихъ временъ. Старецъ священникъ, показывавшій мнѣ сокровище своей церкви, носитъ тоже имя Горгіани и надѣется, что его потомки сохранятъ древнее достояніе отцевъ своихъ. Какъ умилительно такое преемство въ священнодѣйствіи, не прерывающееся тринадцать столѣтій. Мудрено ли, что на такихъ твердыхъ началахъ, не поколебалась въ православіи единовѣрная намъ Церковь Иверская?

Слѣдующій день мы посвятили посѣщенію замѣчательныхъ окрестностей Гори, и начали съ Уплисцихе, внизъ по теченію Куры, за 10 верстъ отъ города. Одно сіе

имя, замокъ или крѣпость Уплоса, уже свидѣтельствуетъ о глубокой древности, если вспомнить, что Уплосъ былъ сынъ полумиѳическаго Мцхетоса, давшаго свое имя древней столицѣ, и внукъ Картлоса, котораго память сохранилась въ названіи цѣлой области. Картлосъ же имѣлъ отцемъ Ѳоргама, родоначальника Грузинъ и Армянъ, и считался правнукомъ Іафета, слѣдственно въ четвертомъ поколѣніи отъ Ноя.

Что сказать о такой древности, которой истину подтверждаетъ самая мѣстность и памятники, не похожіе на нынѣшнія жилья человѣческія. Уплисъ-цихе есть городъ пещеръ, выдолбленныхъ на верху утеса, какъ селились люди въ первыя времена, послѣдовавшія всемірному потопу, и какъ сохранился обычай доселѣ, въ нѣкоторыхъ младенчествующихъ племенахъ. Впрочемъ Уплисъ-цихе, по выгодному его положенію надъ рѣкою, долго удерживалъ жителей въ прохладѣ своихъ пещеръ, ибо по лѣтописи Грузинской извѣстно, что Царь Арсакъ, жившій въ эпоху завоеваній Римскихъ,

предъ самымъ рождествомъ Христовымъ, много украсилъ сей подземный городъ, и слѣды украшеній видны, въ правильно изваянныхъ аркахъ съ лѣпной работою. Благочестіе Христіанское воспользовалось столь необычайнымъ убѣжищемъ на скалахъ, чтобы помѣстить алтари свои въ опустѣвшихъ уже пещерахъ; каменная Армянская церковь, весьма древняя, единственное зданіе Уплисъ-цихе, служитъ доказательствомъ, что еще въ средніе вѣка тутъ было населеніе. Жители ближайшихъ деревень доселѣ сходятся туда, на второй день Пасхи.

Отдѣльный утесъ, какъ бы отторгшійся отъ береговаго хребта, который состоитъ весь изъ своенравныхъ наростовъ мягкаго камня, служитъ основаніемъ Уплисъцихе. Кура отступила теперь отъ его подножія, но и доселѣ одна только узкая тропа, изсѣченная въ скалѣ, открываетъ входъ на ея вершину, сквозь остатки городскихъ воротъ. Легко было защищать такую крѣпость: Отъ привратной башни, выдолбленная стезя восходитъ все выше, образуя мно-

гія вѣтви или улицы, по сторонамъ коихъ видны слѣды лавокъ также въ скалѣ, и этотъ каменный базаръ какъ будто ожидаетъ купли; мѣстами есть и протоки для дождевой воды, чтобы удобно стекала она съ утеса въ осеннее время. Всего лучше сохранилась такъ называемая царская арка или палата, на самомъ краю утеса, откелѣ открывается великолѣпный видъ, на все теченіе Куры и противолежащія Тріалетскія горы. Арка высока, съ правильнымъ полусводомъ въ Римскомъ вкусѣ, и открываетъ входъ въ глубокую пещеру, которая служила пріемною залой, а по сторонамъ есть еще два подземныхъ покоя, вѣроятно жилые. Дадіанъ увѣрялъ меня, будто въ каждомъ изъ лѣпныхъ украшеній арки есть надпись Грузинская, но нельзя было это ясно разобрать; выспренняя тераса примыкала къ сему жилищу, вѣроятно царскому, ибо оно на лучшемъ мѣстѣ, и есть слѣды ограды, его отдѣлявшей отъ прочихъ. Другая, столь же замѣчательная подземная палата, съ каменною стѣнкой впереди, уцѣлѣла на самой срединѣ города, недалеко

отъ церкви, и служитъ теперь для загона скота: такъ измѣняется мірская слава! Передняя часть обрушилась, но еще сохранилась пространная зала, обнесенная съ трехъ сторонъ арками, высѣченными въ камнѣ; брусья изваяны на плоскомъ потолкѣ, какъ бы въ подражаніе дереву; позади сихъ аркъ много жилыхъ келлій, и есть углубленія въ стѣнахъ; отверстіе въ сводѣ служило для воздуха и свѣта. Дадіанъ прочелъ надпись Грузинскую на боковой аркадѣ: «я Шавтели потрудился здѣсь и, работая по цѣлымъ днямъ, не точилъ моего рѣзца въ продолженіе цѣлой недѣли». Годъ хроникона Грузинскаго означенъ 110, но по немъ нельзя ясно опредѣлить эпоху, ибо это лѣтосчисленіе весьма сбивчиво. Если же тутъ предполагается послѣдній хрониконъ, то число сіе будетъ соотвѣтствовать 1425 году.

Выше сей залы есть церковь, изсѣченная въ той же скалѣ, съ престоломъ, прислоненнымъ къ стѣнѣ подъ окномъ, и съ отдѣльнымъ жертвенникомъ; такое расположеніе святилища, обращеннаго къ востоку,

свидѣтельствуетъ, что оно принадлежало православнымъ. Около него выдолблено много келлій, соединенныхъ между собою, и нѣсколько пониже есть еще малые покои, съ лѣпнымъ украшеніемъ на сводѣ и алтаремъ въ углубленіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тутъ былъ монастырь и даже многолюдный; но кѣмъ онъ основанъ и когда оставленъ?—лѣтописи молчатъ, а камни не возглаголютъ. Такъ все утрачено въ бѣдной Грузіи, раззоренной столькими нашествіями варваровъ. Есть еще много жилищь, разсѣянныхъ по всему пространству города до внѣшняго гребня скалы, гдѣ была градская стѣна, но они не заслуживаютъ особеннаго вниманія; ничего нѣтъ и въ каменной церкви Армянской, ибо всѣ иконы ея новыя. Мы спустились изъ пустыннаго города, не по прежней стезѣ, но сквозь широкое отверстіе, посреди его площади, которое выдолблено улиткою въ сердцѣ скалы, для добытія воды, и многими ступенями сводило къ тайному водоему, когда рѣка омывала еще подножіе утеса; и теперь, въ полноводіе, она подсту-

паетъ къ сему подземному устью, которое не могло быть замѣтно непріятелю. Такова чудная крѣпость Уплоса, напоминающая близость потопной эпохи!

Трудная переправа предстояла намъ черезъ Куру, на двойномъ чолнѣ, который долженъ былъ поднять наши дроги и всѣхъ насъ; лошадей пустили вплавь и быстрое теченіе унесло ихъ, вдоль противоположнаго каменистаго берега, на песчаный островъ; насъ ожидала таже участь; но не было другаго средства переправиться черезъ Куру, съ большимъ трудомъ причалили мы къ тому же острову и перенесены были на рукахъ жителей, черезъ узкій рукавъ рѣки, до ихъ селенія; старшина принялъ насъ съ большимъ радушіемъ и съ свѣтскою непринужденностію. «Есть ли у тебя чѣмъ угостить насъ?» спросилъ его Дадіанъ.— «Взойдите только въ саклю, отвѣчалъ онъ, разстилая ковры въ ея преддверіи, теперь уже вы въ моихъ рукахъ и я угощу чѣмъ богатъ. Конечно, такіе дорогіе гости, сколько бы я ихъ ни звалъ, не согласились бы посѣтить меня, еслибы ихъ не выну-

дилъ къ тому случай.» Дѣйствительно его угощенiе было весьма прилично, потому что всѣ сосѣди на перерывъ посылали къ нему все, что только находили у себя готоваго для пищи. Скажу еще одно слово о честности сего добраго народа: при затруднительномъ спускѣ изъ Уплисцихе оборвался у меня золотой лорнетъ, и я не замѣтилъ своей потери, доколѣ не нагналъ меня мальчикъ и не возвратилъ мнѣ найденной вещи, хотя по блеску и вѣсу металла очень могъ судить о ея цѣнѣ.

Отдохнувъ не много, мы продолжали путь въ Атенское ущелiе и мимоходомъ посѣтили, противъ Уплисцихе, еще подземелье, съ Армянскою внутри его церковью Св. креста. Говорятъ, что весьма пространны были подземные проходы сего потаеннаго жилья, и пустота земли, отзывавшаяся подъ ногами, подтверждала истину сказанiя. Этотъ плоской утесъ есть какъ бы продолженiе того, въ которомъ изсѣчена древняя столица внука Картлосова; она открывается отселѣ во всей ея своенравной красотѣ, съ просвѣтами своихъ величествен-

ныхъ аркъ, зіающая глубокими устьями пещеръ, какъ бы поглотившихъ все населеніе и ожидающихъ себѣ новыхъ жертвъ.— Видно, что тутъ былъ городъ, но какъ бы инаго допотопнаго поколѣнія людей, давно уже стертаго съ лица земли.

Отъ селенія Хидиставъ, гдѣ находился древній мостъ черезъ Куру, теперь уже обрушенный, начинается роскошное ущеліе Атенское, вверхъ по теченію рѣки Таны. Оно открывало единственный путь, сквозь Тріалетскія горы, къ Ахалциху и потому кипѣло жизнію въ цвѣтущія времена Грузіи, какъ о томъ свидѣтельствуютъ доселѣ остатки замковъ и храмовъ, безпрестанно встрѣчающіеся на берегахъ потока. Все опустѣло въ послѣднюю бѣдственную эпоху, когда при слабости ея раздѣлившихся Царей, вторглись Лезгины въ ихъ беззащитное царство и сдѣлались полными его обладателями. Царь Ираклій, едва освободившись отъ Персовъ, боролся съ Лезгинами всю свою жизнь и ничего не могъ сдѣлать. Славный воитель Кавказа, Генералъ Ермоловъ, первый удержалъ шай-

ки хищниковъ, расположивъ военные штабы на самыхъ опасныхъ точкахъ; чувствуя всю важность Атенскаго ущелья, онъ ввѣрилъ оное храброму Князю Эристову, надѣливъ его тамъ многими землями. Съ тѣхъ поръ прекратились грабежи и мало по малу возвращающіеся жители могутъ наслаждаться спокойствіемъ въ своихъ виноградникахъ. Почтенный старецъ, встрѣтилъ насъ наканунѣ въ Гори, и отъѣзжая въ Тифлисъ, поручилъ племянникамъ угостить насъ въ своемъ Атенскомъ владѣніи; тамъ ожидала утомленныхъ гостепріимная трапеза, въ его сельскомъ домикѣ.

Ущеліе Атенское одно изъ самыхъ живописныхъ, какія я только видѣлъ въ Грузіи, потому что не имѣетъ суровой дикости, обыкновеннаго характера горныхъ проходовъ, но привѣтливо улыбается путнику, и какъ бы манитъ его, шумомъ водъ своихъ, въ своенравные изгибы стѣсняющихся горъ; онѣ безпрестанно открываютъ взорамъ новыя красы природы, заграждая каменною стѣною позади все что

уже пройдено; но стѣна сія усѣяна виноградниками и селеніями, увѣнчана храмами и древними замками, которые такъ поэтически сошлись въ это ущеліе, чтобы оживить его воспоминаніями минувшаго. А между тѣмъ бурный потокъ Таны несется по камнямъ, то подмывая какую нибудь старую башню, отважно ставшую посреди его волнъ, то падая шумно съ утесовъ, тамъ гдѣ они дерзнули преградить ему тѣсный путь, или разливаясь по зеленому лугу, подъ навѣсомъ яворовъ и липъ, если гдѣ либо раздвинулось ущеліе, чтобы дать мѣсто усадьбѣ, на какомъ нибудь уединенномъ холмѣ. Такова самая Атена, съ тремя ея церквами, бывшая нѣкогда городомъ и оставившая сладкое свое имя всему ущелію. Замѣчательно повтореніе Греческихъ названій Аѳинъ, Коринѳа, Олимпа и еще другихъ, во многихъ мѣстахъ Грузіи.

Версты за двѣ отъ Атенъ, далѣе во глубину ущелья, стоитъ на обрывѣ утеса, надъ шумнымъ потокомъ, во всей поэтической красотѣ своей, древняя опустѣвшая

обитель Сіонская, отзывающаяся лучшими временами Грузіи, когда Цари ея, по родственнымъ связямъ съ Императорами, могли выписывать зодчихъ изъ Царьграда.— Багратъ II основалъ храмъ сей, во имя Успенія Богоматери, и далъ ему сладкое имя Сіона; ибо въ благочестивой Грузіи исконии, какъ я уже сказалъ, Сіонами назывались всѣ храмы, посвященные успенію Богоматери. Славная своими бѣдствіями Царица Русудань, дочь Тамари, обновила церковь; лице ея изваяно также какъ и лики Баграта и его супруги, на внѣшнихъ стѣнахъ, въ одеждахъ восточныхъ, съ другими невѣдомыми лицами, быть можетъ изъ царскаго двора, ибо они представлены благоговѣйно стоящими, съ опущенными руками. Есть и нѣкоторыя изображенія изъ ветхаго завѣта: Самсонъ, раздирающій львиную пасть, и изъ житія святыхъ, Евстаѳій на ловлѣ оленей, и нѣсколько надписей Греческихъ, Грузинскихъ и Армянскихъ. Одинъ изъ путешественниковъ, Дюбуа, говоритъ будто видѣлъ и Славянскую, но я ее не замѣтилъ, потому

что не былъ предваренъ. Армянская называетъ зодчимъ нѣкоего Павла, быть можетъ находившагося при дворѣ царскомъ, ибо нѣтъ никакого сомнѣнія, что церковь сія никогда не могла принадлежать Армянамъ, какъ по внутреннему своему устройству, такъ и потому, что сюда не доходила ихъ область.

Вотъ что разобралъ Дадіанъ, изъ древней Грузинской надписи, сохранившейся на южной внѣшней стѣнѣ, ближе къ алтарю: «Во имя Бога, я Григорій, рабъ Миріана сына Тарханова, начальникъ Атенской крѣпости, воздвигъ дома и города, тогда какъ прославилъ Богъ Всемогущій, Царя Царей, Баграта, который приказалъ праху своему Миріану, повелителю моему а своему вельможѣ, сооружать зданія въ селахъ и городахъ. Помощникомъ въ томъ Богъ и счастіе Царя, и какъ пожелало царствіе его, такъ я и воздвигъ оныя; помиловало насъ царствіе его, и щедро пожаловало дома и города, въ потомственное владѣніе, Миріану и подданнымъ его, которые въ силахъ были воздвигнуть сіи зданія. Я

воздвигъ дома, города и пожертвовалъ Св. Сіону Атенскому, празднующему Богоматери, для вѣчнаго поминовенія Царя Царей Баграта Севаста и сына его Георгія. Такъ равно и для поминовенія Миріана праха его, а моего господина и воспитателя, учредилъ совершать литургію въ субботу на первой недѣлѣ великаго поста, въ день Св. Ѳеодора, чтобы совершалъ оную настоятель обители и кто по немъ будетъ».

Внутренность храма Сіонскаго величественна и состоитъ изъ четырехъ полукружій, крестообразно расходящихся отъ четырехъ основныхъ столбовъ, которые поддерживаютъ сферическій куполъ, весьма легкій и пріятный для глазъ. Все зданіе еще крѣпко и не трудно его обновить; алтарь отдѣленъ, какъ мнѣ случалось видѣть въ нѣкоторыхъ древнихъ церквахъ Кахетіи, низкою стѣнкою, на которой поставлены малые столбы, связанные арками; средняя служила для царскихъ вратъ. Столбы сіи въ Сіонскомъ храмѣ лучшаго мрамора; есть изваянія на боковыхъ аркахъ, гдѣ были сѣверныя и южныя двери;

алтарь возвышенъ на трехъ ступеняхъ, равно какъ и горнее мѣсто, на коемъ еще есть слѣды каѳедры. Мѣстами весьма хорошо сохранилась живопись, можетъ быть не современная основанію храма, но лучшей Византійской кисти; особенно въ среднемъ окнѣ алтаря замѣчательна икона Предтечи и напротивъ нѣкоего Аввы въ кукулѣ, быть можетъ великаго Антонія; иконы сіи какъ будто только что вышли изъ подъ кисти; Апостолы и десять Святителей, кругомъ горняго мѣста, повредились отъ сырости. Въ правомъ крылѣ болѣе уцѣлѣли фрески: сонъ Іосифа, срѣтеніе Господне и благовѣщеніе, въ которомъ фигура Ангела замѣчательной красоты и была бы достойною новѣйшихъ художниковъ.

Ущеліе Атенское произвело на меня впечатлѣніе самое пріятное, какъ по красотѣ мѣста и весенняго вечера, такъ быть можетъ и потому, что я впервые испытывалъ свои силы послѣ болѣзни. Молодой мѣсяцъ освѣтилъ намъ возвратный путь къ Хидиставу и мы могли перейти пѣшкомъ по новому мосту, который строитъ

заботливый градоначальникъ Гори, на старыхъ каменныхъ основаніяхъ, уже испытанныхъ долгимъ временемъ и бурными водами Куры. Онъ сдѣлалъ этотъ мостъ, мѣстными средствами, не требуя никакой помощи и надѣялся такъ его довершить, что не только конные, но и малые экипажи могли бы по немъ ѣздить. Путешественникъ, которому такимъ образомъ облегчаютъ путь, не долженъ молчать, по чувству благодарности. Въ Гори, мы нашли владѣтельнаго Князя Абхазіи Михаила Ширвашидзе, который прибылъ въ Тифлисъ, за нѣсколько дней до нашего отъѣзда, и условился совершить съ нами часть дороги, не стѣсняя насъ однако многочисленностію своей свиты, при недостаткѣ лошадей. Онъ предложилъ мнѣ присутствовать, на праздникѣ Великомученика Георгія въ Хони, за Кутаисомъ, гдѣ есть его древняя церковь, а я звалъ его съ собою въ обитель Гелатскую; мы дали другъ другу слово съѣхаться въ Кутаисѣ, чтобы совершить обѣ поѣздки, и еще нѣсколько разъ встрѣчались опять на дорогѣ.

СУРАМЪ. ИМЕРЕТІЯ.

Можно было опасаться, чтобы разлитіе быстрой рѣки Ляхвы, умноженной дождями, не преградило намъ дороги въ Имеретію, но съ помощію рукъ человѣческихъ благополучно переправились мы черезъ многочисленные рукава ея. Малая отрасль горъ отдѣляетъ долину Ляхвы отъ низменной равнины, простирающейся до Сурама, по теченію Куры. Здѣсь послѣднія селенія Карталинскія, нѣкогда богатыя, но пришедшія въ упадокъ, въ послѣднія времена опустошеній Лезгинскихъ.

Мы посѣтили древній городъ Урбнисъ, извѣстный уже во дни Македонскаго завоевателя; тамъ останавливалась Св. Нина, на пути въ Грузію, и долго существовала каѳедра одного изъ Архіереевъ Карталинскихъ. Теперь это убогое селеніе на берегу Куры, замѣчательное только по своей древней церкви, основанной Вахтангомъ Гург-асланомъ. Она празднуетъ Архидіакону Стефану, коего часть мощей тамъ хранится, но мы не могли проникнуть въ ея внутренность, по отсутствію священника. Архитектура внѣшняя совершенно простая, безъ всякаго украшенія и безъ купола; фронтонъ треугольный, какъ въ древнихъ базиликахъ Римскихъ; зданіе обширно, съ окнами неправильно расположенными въ два яруса; на немъ лежитъ печать глубокой старины; была ограда, но обрушилась, уцѣлѣла надворотная башня, служившая архіерейскимъ теремомъ, и нѣсколько келлій; на дворѣ опрокинута каменная древняя купель, продолговатой формы, и около храма, какъ вообще на всемъ пространствѣ стараго города, жители находятъ много монетъ Греческихъ и Римскихъ.

За три версты отъ Урбниса, на большой дорогѣ, лежитъ селеніе Руисъ, самое богатое во всей окрестности, которое было также городомъ; здѣсь имѣлъ пребываніе великій Царь Давидъ возобновитель, когда еще Тифлисъ былъ въ рукахъ Сарацинскихъ; здѣсь созвалъ онъ, при своемъ воцареніи, соборъ всѣхъ Епископовъ Грузіи, для исправленія безпорядковъ церковныхъ. Не думаю, чтобы нынѣшній храмъ Руисскій, хотя и древній, восходилъ до временъ Царя Давида; основаніе его, или быть можетъ обновленіе, приписываютъ Царю Александру, послѣ котораго раздѣлилась Грузія; вторичное обновленіе Царю Симону, воителю противъ Турковъ, въ рукахъ коихъ окончилъ дни свои. Но величайшее сокровище Давида хранится донынѣ въ храмѣ: большія серебреныя складни, съ чеканною на нихъ иконой Богоматери, въ полтора или два аршина высоты; внутри же большая часть животворящаго креста, съ тремя стами частицъ святыхъ мощей. — Сколь ни богата Грузія, посреди денежнаго своего убожества, подобны-

ми сокровищами, Руисское едва ли не превосходитъ всѣ прочія, и нельзя не удивляться усердію древнихъ ея Царей, которые вступая въ родственныя связи съ Императорами Греческими, ничего другаго себѣ не просили какъ только святыни. Такимъ образомъ дѣдъ Давида, Багратъ, женатый на дочери Императора Романа, Еленѣ, многое пріобрѣлъ своему царству, и самъ Давидъ, имѣвшій въ супружествѣ Греческую Царевну Ирину, завѣщалъ также Грузіи нѣсколько драгоцѣнныхъ залоговъ.

Далѣе за Руисомъ, не далеко отъ первой станціи, стоитъ влѣво у самой дороги, малая церковь селенія Саволаскеви, которая заключаетъ въ себѣ церковную утварь опустѣвшей обители Улумбійской, одного изъ Сирскихъ отцевъ. Тутъ чудотворная икона Божіей матери Улумбійской съ младенцемъ на рукахъ, напоминающая нашу Иверскую, болѣе нежели въ полтора аршина высоты, но письма свѣтлаго, лучшихъ временъ живописи Византійской, и вовсе не обновленнаго. Удивительно, какъ мо-

гла она такъ долго и хорошо сохраниться. Здѣсь можно еще лучше судить о древнемъ характерѣ письма Греческаго, предшествовавшаго среднимъ вѣкамъ. На сей иконѣ двойной окладъ, какъ и на Цилканской, и есть драгоцѣнные камни; новѣйшій серебреный устроенъ усердіемъ Князя Амирадже, при Царѣ Ираклiѣ въ 1767 году, и на немъ вычеканены рождество Богоматери, благовѣщеніе и обрученіе Св. Дѣвы Іосифу. Мнѣ кажется слѣдовало бы перенести такую богатую и замѣчательную икону, изъ пустынной убогой церкви, стоящей далеко отъ малаго селенія, въ какой либо городской соборъ или обитель, потому что здѣсь можетъ она когда либо подвергнуться похищенію. Даже въ Руисѣ она была бы болѣе сохранна; а между тѣмъ въ той же церкви есть еще много другихъ древнихъ иконъ, перенесенныхъ изъ той же обители Улумбійской; онѣ не писаны, но вычеканены изъ серебра и разставлены поверхъ иконостаса, на которомъ уже нѣтъ для нихъ мѣста. Замѣчательны между ними: вербное торжество Спа-

сителя, благовѣщеніе, срѣтеніе и цѣлованіе Елисаветы, крещеніе и вознесеніе. — Есть еще одна писанная, небольшая икона Спасителя, съ мощами въ задней доскѣ, но уже ликъ почти стерся отъ древности, равно какъ и Греческая надпись.

Напротивъ убогой церкви, заключающей въ себѣ столько сокровищъ Улумбійскихъ, или Олимпійскихъ, по Греческому началу сего имени, видна въ право отъ большой дороги, на разстояніи не болѣе двухъ верстъ, другая малая церковь Бретская, гдѣ почиваетъ блаженный Пирръ, одинъ изъ тринадцати отцевъ Сирскихъ: но не смотря на все мое желаніе посѣтить его гробницу, время не позволяло намъ отклониться въ сторону. Мысленно поклонился я пустынному отцу, который посвятилъ себя духовному просвѣщенію страны ему чуждой, не оставивъ по себѣ однако никакой памяти благихъ своихъ дѣлъ, вѣдомыхъ единому Богу, но не записанныхъ въ преданіяхъ человѣческихъ.

Самая скучная и пустынная дорога пролегала до Сурамскаго поста, по низмен-

нымъ равнинамъ заливаемымъ Курою, гдѣ нѣтъ поселенія, потому что лѣтомъ угрожаетъ лихорадка. Раздумье взяло меня на этомъ постѣ, гдѣ раздѣляются дороги въ Ахалцихъ и Имеретію? не ѣхать ли мнѣ вверхъ по теченію Куры, чрезъ живописное ущеліе Боржомское, въ древнее Саатабаго или область Атабековъ, обращенную въ пашаликъ Ахалцихской? Красота ущелія, усѣяннаго остатками замковъ на утесахъ, которые подмываетъ сердитая Кура; крѣпость Ахалцихская, прославленная кровопролитнымъ приступомъ нашихъ войскъ; древній великолѣпный монастырь Сафарскій, опустѣвшее нынѣ мѣсто погребенія славныхъ Кваркваровъ и Манучаровъ изъ рода Атабековъ, которые долго служили оплотомъ Грузіи противъ Турковъ; самая ихъ область, исполненная памятью великой Царицы Тамари, гдѣ даже предполагаютъ ея могилу въ пещерномъ замкѣ Вардзи, — все привлекало меня въ Ахалцихъ; но время мнѣ измѣнило: болѣзнь въ Тифлисѣ похитила у меня двѣ недѣли; пароходъ, ожидалъ меня на берегу Мин-

греліи перваго Мая и слово, данное Владѣтелю Абхазіи, посѣтить вмѣстѣ съ нимъ Гелатъ, удержало меня отъ любопытной поѣздки; скрѣпя сердце поворотилъ я къ Сураму, на Имеретинскую дорогу.

Грустнымъ показался мнѣ вышгородъ Сурамскій, на своемъ отдѣльномъ утесѣ, облѣпленномъ городскими домами, малое подобіе Гори. Это была крайняя точка Карталинская и поприще частыхъ состязаній Царей ея съ Имеретинскими, послѣ несчастнаго раздѣленія Грузіи на три царства. Здѣсь великій Царь Соломонъ, пришедшій на помощь Ираклію, съ малымъ числомъ войскъ, разбилъ большое полчище Лезгинское и тѣмъ навсегда освободилъ свое царство отъ ихъ набѣговъ, болѣе направленныхъ на Грузію. Горный хребетъ, поросшій лѣсомъ, отдѣляетъ предѣлы Карталиніи отъ Имеретинскихъ и служитъ природною между ними границею; она рѣзко обозначена, не только противуположнымъ направленіемъ всѣхъ рѣчныхъ истоковъ, но даже нравами и одеждою жителей. Имеретія, по собственному смы-

слу слова, значитъ: по ту сторону горы, и это вполнѣ выражается тяжелымъ перевалом. Дождливая погода умножала трудность пути; едва могли мы подняться на горный хребетъ. Достигнувъ самой вершины, мы стали спускаться въ Имеретію, по теченію малой рѣчки, Чхерули. Ночь застигла насъ въ горахъ; подлѣ насъ съ утеса на утесъ, падала рѣка обозначая узкую дорогу въ горной разсѣлинѣ, какъ бы нарочно проложенную для сообщенія Амеровъ или Грузинъ съ Имерами, т. е. горцевъ по сю сторону съ горцами по ту. Шумный ливень преслѣдовалъ насъ, по скользкимъ обрывамъ; съ радостію достигли мы наконецъ малой станціи Молитвы, наполненной проѣзжими, которые также искали въ ней укрыться отъ непогоды.

Еще цѣлый день продолжалось путешествіе наше до Кутаиса, которое можно было назвать прогулкою, при благопріятной погодѣ, по самымъ очаровательнымъ ущеліямъ и долинамъ Имеретіи. Дорога слѣдовала по теченію рѣчки Чхерули, которая пробивала себѣ каменное ложе въ

самомъ сердцѣ горы, представляя съ обѣихъ сторонъ виды, то самые дикіе, то смѣющіеся: иногда громада скалъ, поросшихъ мрачными соснами, висѣла надъ пѣнистымъ потокомъ; иногда напротивъ открывалась какая либо смѣющаяся поляна, съ сельскимъ домикомъ и пасущимися около стадами, напоминавшими Швейцарію. На поворотѣ ущелія, тамъ гдѣ наиболѣе сосредоточились его ужасы, крѣпкій замокъ Чхари, сталъ твердою стопою на выдавшемся утесѣ, обросшемъ чащею лѣса, такъ что съ вершины бойницъ его далеко можно было слѣдить мимоходившихъ путниковъ, по сей единственной неизбѣжной стезѣ. Ущеліе стало расширяться при впаденіи Чхерули въ широкую Квирилу; намъ открылись въ право на высокой горѣ обширныя остатки крѣпости Римской Шаропанъ, временъ Помпея и Митридата, или лучше сказать укрѣпленнаго стана сихъ завоевателей вселенной, которые вездѣ оставили по себѣ неизгладимые слѣды. Нельзя было избрать мѣста болѣе крѣпкаго и удобнаго, господствующаго надъ теченіемъ

двухъ большихъ рѣкъ: это ключь Имеретіи, и геній Римскій проявляется изъ самыхъ развалинъ.

Мы переѣхали на паромѣ быструю и глубокую Квирилу, древній Фазисъ, который подъ симъ именемъ извѣстенъ былъ Римскому міру, и даже удерживалъ его и послѣ своего соединенія съ Ріономъ. Но болѣе смиренная Квирила уступаетъ громкому имени сего мощнаго потока, въ волнахъ коего теряется близъ Кутаиса. Ничего нельзя представить себѣ очаровательнѣе долинъ Имеретинскихъ, исполненныхъ растительной жизни и самыхъ роскошныхъ даровъ природы. Здѣсь совершенно другое царство нежели Грузія, носящее свой осо бенный характеръ, согрѣтое теплымъ дыханіемъ полдня, какъ это обыкновенно случается съ поморіемъ, обращеннымъ къ западу. — Красота природы все болѣе и болѣе умножается, съ приближеніемъ къ древней столицѣ Имеретіи. Изъ очарованной долины Квирильской мы поднялись на высоты, оперенныя густымъ лѣсомъ, чтобы потомъ опять спуститься въ другую доли-

ну такъ называемой Красной рѣчки, на верховьяхъ коей стоятъ двѣ знаменитыя обители, Гелатъ и Моцамети. Это любимое мѣсто вечернихъ прогулокъ жителей Кутаиса. Наконецъ, при захожденіи солнца, открылся намъ бывшій вышгородъ Царей Колхидскихъ и Абхазскихъ. Бѣлая стѣна его обрушеннаго собора, какъ призракъ, подымалась изъ вечерняго тумана надъ новымъ городомъ, который опять возраждался у подножія той же завѣтной твердыни, вмѣстѣ съ нимъ испытавшей столько истребительныхъ бурь.

КУТАИСЪ.

Митрополитъ Давидъ Имеретинскій, изъ княжескаго рода Церетелли, дядя по матери Дадіану, будучи извѣщенъ о прибытіи нашемъ, просилъ одного изъ почетныхъ гражданъ Кутаиса, принять насъ у себя въ домѣ, потому что не было у него помѣщенія въ убогомъ жилищѣ на вышгородѣ. Всѣ князья Имеретинскіе, собранные тогда въ Кутаисъ, по случаю открытія губерніи, поспѣшили видѣть давняго своего знакомца Дадіана, и домъ нашъ наполнился гостями; я почелъ первымъ дол-

гомъ, на слѣдующее утро, вмѣстѣ съ моимъ спутникомъ, посѣтить старца Митрополита, посвященнаго въ санъ сей еще при послѣднемъ Царѣ Соломонѣ. Перейдя каменный мостъ черезъ Ріонъ, бурно біющій волнами въ его древнія арки; я поднялся по крутой тропѣ, съ камня на камень, въ старый вышгородъ, который еще помнитъ баснословные дни золотаго руна Язонова. Недавно лишенный своего чуднаго собора и крѣпкихъ стѣнъ, стоитъ онъ, отовсюду открытый на скалахъ и, въ обнаженномъ величіи, еще господствуетъ надъ новымъ городомъ и шумною рѣкою и дальнею окрестностію, какъ будто бы все ему покорно, отъ горнаго хребта и до моря.

Грустно поразила меня бѣлая высокая развалина собора Багратова, но прежде нежели осмотрѣть его поэтическіе остатки, иззубренные временемъ, сокрушаемые людьми, я поспѣшилъ принять благословеніе Владыки. Вмѣстѣ съ нимъ взошли мы въ нынѣшнюю соборную церковь Успенія, убого пріютившуюся, въ южномъ преддверіи древняго великолѣпнаго храма. По крайней мѣ-

рѣ уцѣлѣла нѣкоторая святыня внутри сей малой церкви, какъ останки снастей послѣ страшнаго кораблекрушенія. Утѣшительно мнѣ было приложиться къ древней чудотворной иконѣ Кутаисской Божіей Матери, прославленной еще при двухъ Багратахъ, въ одиннадцатомъ вѣкѣ. Судя по величинѣ образа онъ долженствовалъ быть мѣстнымъ; его серебряная чеканная риза, съ позолотою, тогоже времени: сверху изваянъ Деисусъ и Ангелы, Апостолы по сторонамъ, а внизу три Святителя и Николай Чудотворецъ, съ мученицами Екатериною и Мариною, По надписи видно, что украшеніе иконы возобновлено при Царѣ Александрѣ сынѣ Георгія, уже послѣ раздѣленія Грузіи. Къ большой иконѣ Кутаиской прислонена малая, но гораздо древнѣйшая, Божіей Матери съ предвѣчнымъ Младенцемъ, въ позлащенной ризѣ съ драгоцѣннымъ вѣнцомъ; она перенесена была изъ упраздненной Палеостомской обители, что близь Поти. Сохранился и серебряный кивотъ съ образа Пицундской Богоматери, на которомъ изображена она вмѣстѣ съ вер-

ховными Апостолами. Списокъ сей знаменитой иконы украшенъ былъ великолѣпно Католикосами, послѣ ея перенесенія въ Гелатъ, чтобы и Кутаисская ихъ каѳедра не лишена была столь драгоцѣннаго сокровища. Это серебряныя позлащенныя складни, съ изображеніями всѣхъ священныхъ воспоминаній храма Пицундскаго: великій Императоръ Іустиніанъ основалъ его во имя Пречистой Дѣвы, для обращенія Абхазіи, гдѣ нѣкогда проповѣдывали Апостолы Андрей Первозванный и Симонъ Кананитъ, и куда хотѣли сослать Златоуста. Посему оба Апостола и Златоустъ, съ Ангеломъ своимъ Предтечею, представлены по сторонамъ Божіей Матери стоящей, которая держитъ въ рукахъ своихъ божественнаго младенца, сходно съ тѣмъ, какъ у насъ пишутъ ея икону радости всѣхъ скорбящихъ.

Еще одно сокровище, утѣшительное для сердца Русскаго, показалъ мнѣ Митрополитъ: серебряный малый кивотъ, съ частицами святыхъ мощей и оконечностію одного изъ гвоздей Господнихъ, въ масти-

кѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что когда сынъ Царя Грузинскаго Вахтанга Шахъ-Наваза, Арчилъ, нѣсколько разъ возводимый на престолъ Имеретинскій, бѣжалъ въ послѣдній разъ изъ своего непрочнаго царства въ единовѣрную Россію, онъ взялъ изъ сего кивота священный гвоздь, чтобы принести его въ даръ царственнымъ своимъ покровителямъ. Тогда бывшій Католикосъ Абхазіи, скорбя объ утратѣ такого сокровища для родной земли, нагналъ Царя Арчила за вратами города, и умолилъ его отломить, хотя малую частицу священнаго гвоздя, на память его долгаго храненія въ соборѣ Кутаисскомъ. Мѣстное преданіе, записанное въ лѣтописяхъ Грузинскихъ, свидѣтельствуетъ, что гвоздь сей послужившій къ распятію Господню, прислалъ былъ въ даръ Императоромъ Константиномъ первому Христіанскому Царю Грузіи Миріану, при его крещеніи, чрезъ Св. Евстаѳія Епископа Антіохійскаго, вмѣстѣ съ подножіемъ честнаго креста; святыня сія была положена въ великолѣпномъ соборѣ Манглисскомъ, развалины коего еще существуютъ за со-

рокъ верстъ отъ Тифлиса. Императоръ, Ираклій, воюя въ VII вѣкѣ противъ Хозроя Персидскаго, унесъ съ собою въ Царьградъ Манглійское сокровище, за не покорность тогдашняго властителя Грузіи Стефана; но въ XI вѣкѣ Баграть IV, женившись на дочери Императора Романа Аргира, Еленѣ, испросилъ себѣ обратно завѣтную святыню, принадлежавшую его предкамъ, вмѣстѣ со многими другими, которыми обогатилъ онъ свое царство, и положилъ честной гвоздь въ довершенномъ имъ соборѣ. Гвоздь сей теперь хранится въ Москвѣ въ Успенскомъ соборѣ, а въ ризницѣ есть позлащенный вѣнчикъ или кивотъ, устроенный въ половинѣ тринадцатаго вѣка, Царемъ Иверскимъ и Абхазскимъ Наринъ-Давидомъ, сыномъ Русудани, какъ начертано на вѣнчикѣ Грузинскими буквами.

Митрополитъ велѣлъ открыть сѣверныя двери Успенской церкви и ввелъ меня на середину бывшаго великолѣпнаго собора, нынѣ обращеннаго въ почетное кладбище. О суета суетствъ! храмъ, для котора-

го два великіе Баграта истощили сокровища своего царства и искуство лучшихъ художниковъ Греціи, ибо дѣйствительно, судя по остаткамъ, это былъ самый превосходный изъ всѣхъ храмовъ Грузіи, теперь служитъ усыпальницею, предѣлы коей обозначены стѣнами бывшаго храма! Нельзя и доселѣ довольно надивиться тонкости высокихъ стѣнъ, которыя однако поддерживали такое большое зданіе, и красотѣ наружныхъ изваяній, мѣстами уцѣлѣвшихъ около аркъ и оконъ, особенно со стороны алтаря. Одинъ только рисунокъ можетъ ихъ изобразить, потому что онѣ неуловимы словомъ, и отъ времени до времени все болѣе истребляются. Входный портикъ, противуположный алтарю, напоминалъ древніе притворы базиликъ Римскихъ съ колоннами; но теперь это безобразная масса обрушенныхъ капителей и камней, съ остатками изваяній. Сѣверная стѣна храма болѣе другихъ уцѣлѣла и на ней еще сохранилось подъ окномъ, обвитымъ изящными арабесками, изображеніе знаменія Богоматери Греческаго письма, пострадавшаго отъ времени.

Есть и отрывки надписей кое-гдѣ по стѣнамъ, какъ бы прерванныя рѣчи, окаменѣвшій отголосокъ минувшаго: «о Царь, повелѣвающій всѣми Царями, превознеси мощнаго Баграта Куропалата, Царя Абхазскаго и Карталинскаго, и родителей его и Царицу и сына его! аминь.» Какъ умилительно такое молитвенное воззваніе, въ пустотѣ обрушеннаго собора Багратова, и тутъ же какъ скромно выражено созиданіе храма: «когда положено было основаніе круговращался годъ пасхальный 223.» (1003 нашего лѣтосчисленія). Можнобы добавить стольже кратко и выразительно: «когда совершено было раззореніе круговращался годъ 1691.» Есть еще умилительная надпись: «и зодчій сего храма воскреснетъ также! Господи помилуй раба твоего Моисея.» Теперь, когда самый храмъ сдѣлался кладбищемъ, едва ли не всѣхъ приличнѣе смиренныя слова сіи, выражающія упованіе почившихъ нѣкогда около церкви, какъ нынѣ упокоивающихся внутри оной. Но время, этотъ поэтическій украситель всякой развалины, замѣнилъ на стѣнахъ собор-

ныхъ роскошныя ваянія Багратовы, зеленою мантіей, которая великолѣпнѣе его порфиры, какъ превосходятъ, по словамъ Господнимъ, лиліи сельныя всю пышность облаченій Соломоновыхъ. Оно одѣло густымъ плющемъ, какой только можетъ произрастить благословенная природа юга, сѣверную стѣну храма: повсюду разбѣжавшіяся вѣтви смягчаютъ иззубренныя окраины, обвивая ихъ, доколѣ, поднявшись съ арки на арку, не положили дикаго вѣнца природы, на развѣнчанную главу святилища Багратова.

Кто же нанесъ святотатную руку на великолѣпное зданіе?—Чтобы понять возможность такого событія, во времена столь близкія къ нашимъ, надобно взглянуть на бѣдственную исторію послѣднихъ трехъ вѣковъ царства Имеретинскаго, со времени раздѣленія Грузіи послѣ великаго Царя Александра. Кахетія и Карталинія иногда соединенныя въ одно царство, имѣли почти всегда одинаковую участь и боролись только между собою или съ превозмогавшею силою Шаховъ Персидскихъ; шай-

ки Лезгинскія начали опустошать ихъ не ранѣе минувшаго столѣтія. Но Имеретія, т. е. другая сторона горъ, отдѣлившихъ собственно Грузію отъ поморія Чернаго, кромѣ одного царства, не опредѣленнаго въ своихъ границахъ, распалась еще на пять владѣній, болѣе или менѣе сильныхъ. Первое мѣсто занимали Дадіаны Мингрельскіе, какъ обладавшіе болѣе обширнымъ участкомъ, древнею Колхидою, и нерѣдко смѣняли слабыхъ Царей; второе Атабеки, или владѣтели одной изъ древнѣйшихъ частей Грузіи, гдѣ столько памятниковъ ея начальнаго Христіанства. Кваркквары и Манучары, славнѣйшіе изъ Атабековъ, долго служили оплотомъ Имеретіи противъ возраставшей силы Турковъ, хотя сами часто воевали съ единовѣрными, доколѣ княжество ихъ не обратилось въ пашалыкъ. Между Атабеками и Дадіанами возникли Гуріели, отъ родоначальника ихъ Маміи, и безпрестанно вмѣшивались въ дѣла Иметинскія. Владѣтель Абхазіи на поморіи, опустошаемомъ Турками, и Князья Сванетовъ въ горахъ, у подошвы Эльборуса,

были менѣе страшными сосѣдями для Имеретіи; но за то Цари Грузинскіе, поддерживаемые силою Шаховъ, старались покорить себѣ соперниковъ Имеретинскихъ, и нерѣдко въ лицѣ ихъ состязались двѣ болѣе сильныя державы, Турція и Персія, которыя радовались пролитію крови Христіанской, воздвигая оружіе своихъ данниковъ. Въ такомъ бѣдственномъ положеніи, между столькихъ сосѣдей, можно вообразить, что должна была испытать нещастная Имеретія. Горькимъ доказательствомъ внутреннихъ и внѣшнихъ ея смятеній можетъ служить то, что въ теченіе 370 лѣтъ, отъ основанія отдѣльнаго царства въ Кутаисѣ и до подданства его Россіи, смѣнилось на престолѣ Имеретинскомъ тридцать Царей, изъ коихъ весьма немногіе умерли на своемъ мѣстѣ, ибо въ числѣ ихъ семь погибли насильственою смертію, три были ослѣплены, двадцать два свергнуты съ престола, на который восходили опять иногда до семи разъ. Чего можно было ожидать отъ такого царства? — Изложу только вкратцѣ главные его перевороты, чтобы яснѣе была сія кровавая картина.

Багратомъ, дальнимъ потомкомъ Давида сына Русудани, начинается, въ 1455 году, рядъ отдѣльныхъ властителей Имеретіи, при которыхъ испытала она столько бѣдствій, и это имя, вмѣстѣ съ именами Георгіевъ и Александровъ, почти безпрестанно повторялось, славно или позорно, на престолѣ Имеретіи, до двухъ послѣднихъ Соломоновъ. При Багратѣ начались уже междоусобія съ Царями Грузіи, которыя продолжались и при его преемникѣ Александрѣ. Внѣшніе враги воспользовались раздорами внутренними и нахлынула орда Татарская, въ 1509 году, раззорившая Кутаисъ и обитель Гелатскую, мѣсто погребенія его предковъ; одинъ только вышгородъ столицы спасся отъ иноплеменныхъ. Багратъ II, его сынъ, является счастливымъ воителемъ противъ Атабековъ; онъ беретъ лучшее ихъ сокровище, чудотворную икону Божіей матери Ацкурской, изъ ущелія Борджомскаго и ставитъ ее въ Гелатъ; тамъ же, въ крѣпости монастырской, заключаетъ двухъ своихъ соперниковъ Атабека Кваркваръ и Левана Дадіана. Это

самая блестящая эпоха малаго царства. Баграть участвовалъ и въ славномъ походѣ Палестинскомъ современныхъ ему Царей Карталиніи и Кахетіи, Георгія и Левона. Георгій, его наслѣдникъ, мирится съ Атабеками и со славою отражаетъ первое нападеніе Турковъ. По смерти сильнаго Георгія, безпокойные сосѣди Дадіаны и Гуріели начали вступаться въ престолонаслѣдіе его дѣтей и внуковъ. Правнукъ его Александръ III, славнѣйшій изъ Царей Имеретіи, возстановилъ на краткое время благосостояніе своего царства. Не только побѣдилъ онъ сосѣдей, дерзнувшихъ съ нимъ состязаться, но даже властно распоряжался собственнымъ ихъ наслѣдіемъ, замѣнилъ Липарида Дадіана Вамекомъ, а Гуріеля Кайхозрова Димитріемъ, сокрушилъ и полки Грузинскіе, пришедшіе къ нимъ на помощь. Чувствуя однако, что не можетъ держаться безъ помощи болѣе сильныхъ союзниковъ, просилъ ее отъ единовѣрной державы Русской. Торжественно принялъ онъ у себя посланника Царя Алексѣя Михайловича, и присягнулъ ему на

вѣрность. Но вмѣстѣ съ великимъ Александромъ, погребеннымъ въ Гелатѣ, погребено было навсегда и благоденствіе его царства. Наступила самая позорная эпоха, въ 1660 году, съ воцареніемъ юнаго Баграта, его сына, которому суждено было испытать на себѣ всѣ бѣдствія, какія только могутъ обурѣвать Царя и человѣка.

Виною всѣхъ золъ была новая Гоѳолія или Мессалина позднѣйшихъ временъ, вторая жена Александрова, Нестаръ-Дареджань, дочь Кахетинскаго Царя Александра. Она начала съ кровосмѣшенія, женивъ пятнадцатилѣтняго пасынка Баграта, на родной своей племянницѣ Кетевани, дочери Теймураза, и потомъ, забывъ всякій стыдъ, предложила юношѣ расторгнуть бракъ сей, чтобы обвѣнчаться съ нею самой. Отринувшій ее Царь былъ ослѣпленъ мачихой, лишился и жены и царства; сама она овладѣла престоломъ и раздѣлила его съ избраннымъ ею въ супруги, изъ подвластныхъ Князей, Вахтангомъ. Раздраженные Имеретины призвали на помощь Вамека

Дадіана, который ослѣпилъ Вахтанга: какъ вороны на трупъ налетѣли всѣ сильные сосѣди на потрясенное царство. Атабеки уже не существовали; но Асланъ-Паша Ахалцихскій вмѣшался вмѣсто нихъ въ дѣла Имеретинскія, возстановилъ слѣпаго Баграта и взялъ съ собою въ плѣнъ его неистовую мачиху, съ мужемъ и племянницею, хотя она была супругою Царя. Тѣмъ не окончились его бѣдствія, ибо слѣпому владыкѣ суждено было дѣлаться непрестаннымъ игралищемъ столь же слѣпой судьбы. Шахъ-Навазъ Царь Грузіи, будучи зятемъ великаго Дадіана Левана, котораго родъ отрѣшилъ отъ престола отецъ Багратовъ, двинулся противъ Вамека и мимоходомъ низложилъ Баграта. Онъ поставилъ на его мѣсто своего сына Арчила, котораго также перебрасывала судьба съ одного престола на другой, изъ Имеретіи въ Кахетію, минуя всегда прямое наслѣдіе его Грузію. Взаимныя условія Порты Оттоманской съ Персіею, заставили Шахъ-Наваза вызвать сына Арчила изъ Кутаиса, гдѣ въ третій разъ воцарился Ба-

гратъ. Казалось онъ могъ бы оставаться покойнымъ, но вотъ вспыхнула война съ новымъ Дадіаномъ, заступившимъ мѣсто Вамека, и побѣдитель Багратъ, по коварному совѣту Епископа Гелатскаго, взялъ за себя жену плѣнника Левана, выдавъ за него собственную сестру.

Совѣтникомъ и распорядителемъ дѣлъ царственныхъ является нѣкто Сехнія-Чекадзе, человѣкъ закоснѣлый въ злодѣйствахъ, выдавшій сперва Царя Вахтанга Вамеку, а потомъ крѣпость Кутаиса Туркамъ, на краткое однако время, ибо весь ихъ гарнизонъ вырѣзанъ былъ Имеретинами. Коварная Дареджань не преставала строить новые ковы въ Ахалцихѣ; богатыми дарами убѣдила она Султана, возвратить ей царство и отмстить за честь своихъ воиновъ въ Кутаисѣ. Съ мечемъ въ рукахъ проникла Царица въ бывшую область, окруженная дружинами Турецкими, Мингрельскими и Гурійскими, и опять выдала вышгородъ Туркамъ. Багратъ бѣжалъ, но сами Имеретины, возбужденные Сехніей, отмстили Царицѣ за всѣ ея ужа-

сы. Какъ нѣкогда Гоѳолія въ преддверіи Соломонова храма, такъ во вратахъ крѣпости, въ виду собора, умерщвлена была нечестивая жена.

Слѣпой мужъ ея Вахтангъ выданъ былъ ослѣпленному имъ Баграту, который въ ярости, съ помощію чужой руки, самъ нанесъ смертный ударъ въ сердце своего врага. «Ты мнѣ вырвалъ очи, я тебѣ вырву сердце», воскликнулъ онъ, довершая месть свою. Опять вмѣшались Дадіанъ и Гуріель въ дѣла Имеретинскія и свергли Баграта; Гуріель занялъ его мѣсто. Имеретины просили помощи у Шахъ-Наваза Грузинскаго, но Царь, заботясь болѣе о сынѣ своемъ Арчилѣ, старался поссорить подданныхъ съ Багратомъ, и съ помощію Дадіана хотѣлъ покамѣстъ воцарить у нихъ злодѣя Сехнію. Однако на сей разъ слѣпой Багратъ, поддерживаемый вѣрными подданными, одолѣлъ Дадіана и Шахъ-Наваза, и самъ воцарился въ пятый разъ. Сехнія былъ умерщвленъ, но вскорѣ опять Паша Ахалцихскій увелъ на два года въ плѣнъ несчастнаго Баграта, уступивъ мѣсто его Да-

діану. Возстановленный въ шестой разъ онъ еще однажды былъ свергнутъ Царемъ Арчиломъ, и только съ помощію Паши Эрзрумскаго, возсѣлъ въ седьмой и послѣдній разъ на шаткій свой престолъ, на которомъ однако успѣлъ скончаться, потому только что недолго пожилъ; Гуріель немедленно захватилъ его наслѣдіе. Такимъ образомъ, въ теченіе двадцати лѣтъ, Имеретія испытала столько переворотовъ, сколько иногда не случается и въ теченіе цѣлыхъ столѣтій.

Не болѣе счастія ожидало и сына Багратова Александра IV, хотя Гуріель уступилъ ему законное наслѣдіе. Неблагодарностію заплатилъ онъ сему владѣтелю, и самъ былъ сверженъ съ престола Арчиломъ. Годъ спустя, въ 1691 году, Паша Ахалцихскій возстановилъ Александра, но дорого заплатило его царство за такую помощь. Великолѣпный соборъ Кутаискій былъ взорванъ на воздухъ варварами, которые не въ силахъ будучи сокрушить крѣпкаго зданія, подложили по угламъ порохъ; время и люди довершили его истре-

бленіе. Нѣсколько лѣтъ спустя, Имеретины, какъ бы въ отмщеніе Царю своему за допущенное ими разореніе собора, выдали его Царю Грузіи, который удавилъ своего плѣнника, и потомъ они еще два раза воцаряли у себя Арчила, бѣжавшаго наконецъ въ Россію. Протекло еще болѣе 50 лѣтъ, бѣдственныхъ для Имеретіи, ибо Гуріели и Паши Ахалцихскіе безпрестанно возводили и свергали дѣтей и внуковъ несчастнаго Александра, доколѣ не воцарился наконецъ правнукъ его, сынъ другаго Александра, Соломонъ, прозванный великимъ, по своимъ доблестямъ, истинно царскимъ.

Свѣтлое лице его является предъ началомъ новой эпохи для Имеретіи, подобно какъ и лице великаго Ираклія въ Грузіи, какъ бы для того, чтобы достойнымъ образомъ заключить тысячелѣтній рядъ Багратидовъ на трехъ престолахъ Карталиніи, Кахетіи и Имеретіи. Но и Соломонъ испыталъ много бѣдствій, доколѣ не утвердился въ достояніи предковъ. Турки, опасаясь силы его характера, возму-

тили противъ него собственныхъ его подданныхъ, подъ предводительствомъ могущественнаго Эристава Рачи, (или верхней Имеретіи) и поставили Царемъ двоюроднаго брата его Теймураза. Изгнанный владѣтель долженъ былъ скитаться по лѣсамъ, съ немногими присными, и въ такомъ горестномъ положеніи встрѣтилъ онъ Пасху, что даже не имѣлъ при себѣ священника для возглашенія радостныхъ гимновъ воскресенія. Благочестивый Царь торжествовалъ однако, какъ могъ, великій день сей; на столѣтнемъ дубѣ вырѣзалъ онъ знаменіе креста и, съ малымъ числомъ вѣрныхъ, трижды обошелъ освященное имъ дерево, воспѣвая во мракѣ ночи и дубравы: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ».

Вспомнивъ примѣръ одного изъ величайшихъ своихъ предковъ, Царя Александра, вступившаго въ дружескую связь съ Россіею, Соломонъ просилъ въ свою очередь помощи у великой Екатерины, и храбрый генералъ Тотлебенъ былъ посланъ очистить Имеретію отъ Турковъ. Но воинственный Царь началъ съ ними сражать-

ся еще прежде пришествія союзниковъ, и самъ выгналъ стражу Оттоманскую изъ своей столицы. Отрядъ Русскій довершилъ начатое имъ пораженіе, совершенно изгнавъ непріятеля изъ всѣхъ укрѣпленныхъ мѣстъ. Тогда, по общему совѣту съ союзниками, Царь Соломонъ рѣшился взорвать на воздухъ вышгородъ Кутаиса и всѣ главные замки, чтобы не дать возможности Туркамъ держаться въ его предѣлахъ. Полезно, быть можетъ, но грустно было для Имеретіи, паденіе ея завѣтной твердыни Кутаиса, которая, отъ самыхъ первыхъ временъ царства Абхазскаго, почиталась неодолимымъ оплотомъ. Сильною рукою отразилъ Соломонъ и закоснѣлыхъ хищниковъ Грузіи, Лезгинъ, близъ Сурама; но не довольно долго царствововалъ, чтобы упрочить начатое имъ благосостояніе своей земли. Онъ умеръ въ 1782 году, бездѣтнымъ. Князья Имеретинскіе избрали двоюроднаго брата его Давида, сына Георгіева; но Царь Грузинскій Ираклій вмѣшался въ дѣла чуждаго царства; убѣжденный просьбами другаго родственнаго ему

Давида, сына Арчила, брата Соломонова; онъ посадилъ его на престолъ, подъ именемъ Соломона II, болѣе лестнымъ для Имеретіи. Соперникъ его бѣжалъ къ Туркамъ; но сему послѣднему Соломону суждено было пережить свое царство. Принявъ сперва подданство Россіи, онъ началъ вступать въ тайныя сношенія съ Турками, противъ законно признанной имъ власти. Вызванный въ Тифлисъ Царь бѣжалъ оттуда въ Требизондъ и тамъ скончался въ 1815 году. Съ нимъ пресѣклась линія Имеретинскихъ Царей, но княжескій родъ Багратіоновъ Имеретинскихъ, происходящій отъ различныхъ вѣтвей царственнаго колѣна, доселѣ существуетъ въ предѣлахъ Россіи. Такова краткая, но печальная лѣтопись послѣднихъ временъ Имеретіи, вся написанная самою драгоцѣнною кровію ея Царей, князей и народа, доколѣ наконецъ не водворился въ ней глубокій миръ, подъ сѣнію Русскаго орла.

За нѣсколько шаговъ отъ развалинъ собора, къ востоку, другія развалины древняго вышгорода, который подъ именемъ

Ухимеріона былъ еще славенъ, во дни Царей Лазовъ, и почитался неприступною твердынею Царей Абхазскихъ, когда они властвовали надъ всею Грузіею. Восточная часть ихъ владѣній, по мѣстному, болѣе открытому положенію, часто дѣлалась жертвою Персовъ, Монголовъ и Татаръ. Здѣсь же наипаче держались властители Иверскіе за оплотомъ горъ Сурамскихъ, ихъ отдѣлявшихъ отъ равнины Карталинской, и до времени паденія державы Греческой, поморіе Черное благопріятствовало ихъ дружескимъ сношеніямъ съ Императорами. Царь Соломонъ самъ разрушилъ основное гнѣздо своихъ предковъ, какъ бы предчувствуя, что вскорѣ уже не будетъ предстоять въ немъ нужды. Теперь видны только одни печальные слѣды минувшей силы: остатки большаго зданія, служившаго дворцемъ во времена Лазовъ, на самомъ высокомъ мѣстѣ крѣпости; ямы и погреба, свидѣтельствующія о прежнемъ населеніи, и древняя церковь Космы и Даміана, бывшая мечетью при владычествѣ Турковъ, уже не освященная послѣ ихъ изгнанія,

ибо Царь Соломонъ жилъ въ нижнемъ городѣ, какъ и его предшественники. Крытый ходъ, изсѣченный въ скалѣ, сводитъ многими ступенями къ живому ключу, біющему у подножія утеса, который омывается Ріономъ; такіе ходы существуютъ во многихъ вышгородахъ Закавказскихъ. Отъ цитадели расположена была, по вершинѣ горы, другая крѣпость, которая заключала въ себѣ соборъ Багратовъ и царскія палаты; теперь на мѣстѣ ихъ убогій деревянный домъ Митрополита; нѣсколько старыхъ башень съ каменными пристройками, обращены въ жилья для духовнаго училища; высокія каменныя ворота одиноко стоятъ на пустырѣ бывшей крѣпости; здѣсь, какъ полагаютъ, убита была неистовая Дареджань. Развѣсистые яворы, величаво растущіе посреди крѣпостнаго луга, осѣняютъ теперь приходящихъ, въ знойные дни, искать прохлады подъ ихъ навѣсомъ, тамъ гдѣ нѣкогда надежда на вѣрную защиту собирала жителей Кутаиса въ сей бывшій оплотъ ихъ царства.

Но какой очаровательный видъ, одно

лишь чего время и люди не могли лишить древняго Ухимеріона, открывается съ развалинъ вышгорода на всю горную и дольнюю окрестность! — Ріонъ кипитъ у подошвы его утеса, сердито исторгаясь изъ дальняго ущелія; какъ разъяренный конь, весь покрытый пѣною, скачетъ онъ бѣлыми клубами по камнямъ и подмываетъ берега свои, одѣтые роскошною зеленью. Напротивъ былъ увеселительный дворецъ послѣднихъ Царей, прозванный зеленымъ цвѣтомъ по богатству своей растительности; теперь одна только башня указываетъ его мѣсто. Весь нижній городъ въ садахъ обвитъ, какъ змѣинымъ кольцомъ, своенравнымъ теченіемъ Ріона; вверхъ по лѣсистому ущелію рѣки величаво представляется древняя обитель Гелатская. Но это еще только ближніе виды; какая кисть изобразитъ очарованіе дальнихъ? Къ сѣверу предъ вами снѣжная цѣпь Кавказа: горы Лечгума тянутся по небосклону, иногда исторгаясь исполинскими вершинами изъ прочей семьи гигантовъ; между ними господствуетъ кристалловидный Квамли. Правѣе дикій хре-

беть Рачи съ горою Фазиса или Фазисмта, откуда истекаетъ сей бурный соперникъ Ріона, теряющійся въ его волнахъ подъ Кутаисомъ. Къ югу склоняются болѣе смиренныя высоты Ахалциха и Гуріи, въ объемѣ коихъ роскошно разостлалась до моря вся цвѣтущая долина Имеретіи и Мингреліи, и посреди сего благодатнаго Ѳдема, исполненнаго всѣми дарами природы, отрадно катятся соединенныя воды Фазиса и Ріона, замѣнившія ему райскія рѣки Тигра и Евфрата.

Осмотрѣвъ вышгородъ, спустился я въ нижній городъ, собственно Кутаисъ, гдѣ мало однако сохранилось предметовъ для любопытства. Не только дома, но и самыя церкви, которыхъ очень немного, всѣ новыя и не представляютъ никакого благолѣпія ни внутри, ни снаружи: это каменные свидѣтели той бурной эпохи, сквозь которую прошла, въ теченіе послѣднихъ вѣковъ, бѣдствующая столица Имеретіи. Малая церковь во имя обновленія храма Іерусалимскаго, служила придворною; если кто взглянетъ на ея голыя стѣны, сведен-

ныя аркою, и потомъ на великолѣпные остатки собора Багратовъ, тотъ не повѣритъ, что тутъ царствовали ихъ потомки. Колокольня имѣетъ болѣе характера древности и при ней существовалъ малый придѣлъ. Тутъ же видны слѣды царской усадьбы, отъ которой осталась каменная тераса надъ Ріономъ и вѣковыя липы, подъ сѣнію коихъ искали себѣ прохлады властители Имеретіи. Еще стоитъ, на берегу рѣки, такъ называемый золотой чердакъ, или пріемная зала царская, гдѣ представлялся Царю Александру, въ 1654 году, посланникъ Царя Алексѣя Михайловича, Никифоръ Толченовъ; но это зданіе лишено теперь своихъ золотыхъ украшеній и стѣнной живописи, ибо оно уже давно обращено въ складочное мѣсто. Нѣсколько далѣе еще довольно обширныя развалины, слывущія также дворцомъ: кто разгадаетъ всѣ сіи обломки, въ нынѣшнемъ ихъ запустѣніи? — Но еще сохранился, въ своемъ привольномъ просторѣ, подлѣ двора царскаго, прежній мейданъ, или зеленый лугъ, гдѣ совершались конскія ристалища воинственныхъ Име-

ретинъ, предъ лицемъ ихъ Царей, ибо это было любимое ихъ упражненіе. Тутъ нерѣдко рѣшалась и судьба малаго царства, смятеніями народными, особенно во время послѣднихъ переворотовъ, когда уже непрочные властители, изгнанные Турками изъ вышгорода, не были ограждены стѣнами внутри своей столицы. Богатый растительностію садъ прилегаетъ къ сей замѣчательной площади и къ берегамъ пѣнистаго Ріона, дополняя красотами природы то, что неумолимое время, рукою людей, похитило у древней столицы Колхиды.

Вечеромъ пріѣхалъ въ Кутаисъ Владѣтель Абхазіи, Князь Михаилъ, и мы согласились съ нимъ, на другой день, посѣтить обитель Гелатскую. Митрополитъ Давидъ, по своимъ родственнымъ отношеніямъ къ Дадіану, предложилъ намъ сопутствовать и пригласилъ насъ къ себѣ на трапезу въ вышгородъ, прежде отправленія въ Гелатъ. Мы воспользовались симъ случаемъ, чтобы просить старца отслужить торжественную литургію, въ наступавшій день тезоименитства Государыни Императрицы, въ древней

обители, и старецъ съ любовію принялъ нашу просьбу. Ему самому хотѣлось показать намъ великолѣпный храмъ Царя Давида возобновителя, во всемъ его блескѣ, исполненнымъ славою церковною, хотя и при малыхъ средствахъ какими самъ пользовался. Поѣздка сія въ Гелатъ и Моцамети, съ Митрополитомъ Имеретіи и Владѣтелемъ Абхазіи, была весьма замѣчательна и оставила во мнѣ впечатлѣніе самое пріятное.

МОЦАМЕТИ.

Весенній вечеръ благопріятствовалъ нашей конной поѣздкѣ; гористая дорога пред-

ставляла на каждомъ шагу живописные виды; отовсюду вѣяло на насъ благовоніями южной природы, которая была въ полномъ цвѣтѣ; особенно благоухали высокіе желтые цвѣты, на подобіе сельскихъ лилій, которые тамъ называются ели, у насъ же неизвѣстны. Владѣтель Абхазіи съ своею воинскою свитою, въ блестящемъ вооруженіи, дополнялъ поэзію мѣстности, украшенной развалинами башенъ на скалахъ и въ ущеліяхъ. Я видѣлъ себя посреди феодальнаго быта временъ давно уже минувшихъ, со всѣми ихъ оттѣнками, какіе мы только привыкли читать въ рыцарскихъ легендахъ; воображеніе сильно играло во мнѣ, какъ въ самые ранніе годы, и я давалъ ему просторъ, чтобы наслаждаться свѣжестію впечатлѣній.

На половинѣ дороги Гелатской мы поворотили въ право, мимо селенія, черезъ прилегавшіе сады и чащу лѣса, къ пустынной обители Мучениковъ, или Моцамети, которая стоитъ въ самомъ дикомъ уединеніи, на утесахъ Красной рѣки. Тутъ существовалъ нѣкогда городъ, раззоренный

Арабскимъ завоевателемъ, и нельзя было избрать мѣста болѣе приличнаго для безмолвія иноческаго. Между нависшимъ утесомъ и пѣнистымъ потокомъ проникли мы, сквозь малое отверстіе бывшей ограды, на нижній дворъ монастырскій, а потомъ, поднявшись по утесу, переступили на другую скалу, которая служитъ основаніемъ обители; подъемный мостъ, защищаемый башнею, единственное ея сообщеніе съ міромъ. Вокругъ шумная рѣка обогнула все тѣсное пространство монастыря; остался одинъ только узкой перешеекъ и тотъ укрѣпленъ башнею на обрывистомъ утесѣ. Нѣсколько убогихъ келлій тѣснятся около сихъ бойницъ; съ колокольни открывается строгій, но чудный видъ на лѣсистое ущеліе Красной рѣки, которая съ шумомъ разбиваетъ всѣ преграды и будто хочетъ вторгнуться въ убогое гнѣздо отшельниковъ. Кругомъ все пусто и дико, камни и лѣсъ и бурныя волны, все говоритъ тебѣ: «молись, здѣшняя жизнь обнажена предъ тобою какъ эти скалы; ищи вѣчной!» Съ сердечнымъ умиленіемъ, которое невольно

раждается въ такихъ мѣстахъ, какъ бы предназначенныхъ для молитвы, взошли мы въ древнюю церковь Св. мучениковъ Давида и Константина и поклонились ихъ ракѣ.

Церковь, малая и тѣсная, празднуетъ благовѣщенію, а два ея придѣла нерукотворенному образу Спасову и успенію Богоматери. Она была основана въ XI вѣкѣ великимъ Царемъ Багратомъ, который перенесъ въ нее, изъ подземнаго склепа, мощи царственныхъ мучениковъ; глубокая ея древность отзывается въ самомъ зодчествѣ и иконахъ. Только недавно ее расширили, когда вмѣсто глухихъ стѣнъ, отдѣлявшихъ боковые придѣлы, устроены были арки; но, по тѣснотѣ главнаго алтаря, престолъ его приставленъ къ стѣнѣ, какъ въ нѣкоторыхъ изъ древнихъ святилищъ Грузіи. На горнемъ мѣстѣ написанъ Спаситель съ символами Евангелистовъ и Архангелами; на сводахъ церкви большой крестъ и по шести Апостоловъ, сѣдящихъ съ каждой стороны, а въ малыхъ кругахъ Пророки. Прочая живопись отчасти стер-

лась. Между древними иконами замѣчательна знаменіе Богоматери, напоминающая чертами и колоритомъ ту, которая чествуется въ Цилканѣ. Храмовой образъ благовѣщенія написанъ съ ликами мучениковъ Давида и Константина; глубокой древности принадлежитъ и выпуклая среброкованная икона рождества Христова, которому поклоняются вокругъ Ангелы, пастыри и волхвы.

Въ алтарѣ показали намъ древній выходный крестъ, носимый предъ Архіереями, чеканнаго серебра, съ изваяніями Спасителя, Богоматери, мучениковъ и надписью, которую не могли разобрать по ветхости. Самая рака мучениковъ въ правомъ придѣлѣ Спаса, весьма недавняя хотя и въ древнемъ вкусѣ, стоитъ на двухъ, рѣзныхъ деревянныхъ львахъ, поддерживающихъ саркофагъ. Мнѣ пріятно было слышать, что ее устроилъ нашъ соотечественникъ, нѣкто Султановичъ, который долгое время надзиралъ за больницами Кутаиса, и питая особенное уваженіе къ сему мѣсту, пожертвовалъ раку съ тѣмъ, чтобы его по-

гробли въ обители: исполнилось его благочестивое желаніе. Достойно вниманія, что во всей Грузіи и Имеретіи одни только мощи сихъ мучениковъ, открыто почиваютъ, какъ у насъ въ Россіи; прочіе всѣ подъ спудомъ.

Владѣтель Абхазіи, исполненный благоговѣнія къ святынѣ мощей, которыя впервые посѣтилъ, просилъ почтеннаго старца, Игумена Порфирія, отслужить для него молебенъ мученикамъ; невольно палъ онъ на колѣни, со всѣми своими вооруженными людьми, когда, при открытіи раки, необычайное благовоніе повѣяло отъ мощей на всю церковь. Я не зналъ дотолѣ, о усердіи Владѣтеля къ угодникамъ Божіимъ, и съ удовольствіемъ услышалъ отъ Игумена, сколько пожертвовалъ Князь въ пользу обители: она почти вся обновлена на его деньги и подаяніемъ матери его изъ рода Дадіановъ. По окончаніи молебна, сложивъ всякое оружіе, мы подходили прикладываться къ мощамъ, вслѣдъ за Княземъ Михаиломъ, и это мнѣ напомнило нашу благочестивую родину. Оба мученика ле-

жатъ рядомъ въ одной ракѣ, подъ общимъ покровомъ, который осѣненъ большимъ крестомъ и не подымается съ ихъ нетлѣннаго лика; но ясно обозначены ихъ честныя главы и все тѣло.

Кто же сіи царственные мученики, уединенно почіющіе въ пустынной обители? это владѣтели Аргветскіе, братья по плоти, дѣвственники хотя и воители, ибо крѣпость ихъ тѣла обращена была на борьбу съ врагами видимыми и невидимыми, а не на потворство слабостямъ постыднымъ, и громки были, въ день брани, имена Князей Давида и Константина. Когда въ половинѣ VIII столѣтія Халифъ Мирванъ глухой наступилъ, съ полчищами Арабскими, на Иверскую страну, владѣтели сѣверной части Имеретіи не убоялись, съ оружіемъ въ рукахъ, встрѣтить и разбить его передовыя дружины. Раздраженный Халифъ двинулся противъ нихъ со всѣми силами и велѣлъ непремѣнно схватить отважныхъ витязей. Плѣнниками предстали они въ Кутаисѣ предъ лице побѣдителя. Тамъ сперва, льстивыми рѣчами, хотѣлъ онъ при-

влечь ихъ въ свою вѣру, но мужественные воины Господа Іисуса Христа, съ презрѣніемъ отвергли всѣ его предложенія и были брошены въ темницу, въ той надеждѣ, что томительное заключеніе, изнуривъ ихъ тѣлесныя силы, поколеблетъ и нравственныя. Въ продолженіе девяти дней терзали ихъ всякими пытками и послѣ сего подосланы были Халифомъ его Имамы, для вторичнаго искушенія вѣры исповѣдниковъ, но они нашли ихъ стольже твердыми какъ и въ первый разъ; тогда мучитель повелѣлъ исполнить надъ ними жестокій приговоръ.

Сперва подвергли обоихъ братьевъ позорному біенію, привязавъ ихъ головою внизъ; потомъ повѣсили имъ на шею тяжелые камни, чтобы бросить ихъ въ Ріонъ со скалы вышгорода. Царственные мученики просили только дать имъ время на молитву и нѣсколько облегчить тяжелое бремя, чтобы они могли поднять взоры свои къ небу; тогда свергнули ихъ въ Ріонъ; но громъ прокатившійся по небу, какъ бы отголоскомъ ихъ пламенной молитвы, устрашилъ мучителей; они разбѣжались, а меж-

ду тѣмъ, не смотря на тяжесть камней, не погрузились тѣла, но легко носились по водѣ, не увлекаемыя потокомъ и разрѣшенныя отъ всѣхъ узъ. Къ вечеру таинственный свѣтъ озарилъ подвижниковъ и чудное сіяніе привлекло на берегъ четырехъ воиновъ изъ ихъ дружины. Они услышали голосъ, повелѣвавшій имъ взять изъ воды тѣлеса мучениковъ и нести ихъ для погребенія, отъ зари и до зари, по направленію къ востоку, до того мѣста, гдѣ ихъ настигнетъ денница; утро застало ихъ на развалинахъ города, разореннаго Халифомъ, тамъ гдѣ теперь обитель. Въ древнемъ погребальномъ склепѣ положили они священную ношу, и триста лѣтъ спустя, ради непрестанныхъ исцѣленій, истекавшихъ отъ сего мѣста, великій Царь Багратъ, по явленія мучениковъ, выстроилъ церковь надъ склепомъ, куда и перенесъ страдальческіе останки. Церковь празднуетъ ихъ память 6 Октября. Недалеко отъ обители доселѣ показываютъ на скалахъ слѣды ихъ крови, а подъ крестомъ, воздвигнутымъ на пути, самые камни висѣвшіе на ихъ выѣ.

ГЕЛАТЪ. ГРОБЪ ЦАРЯ ДАВИДА.

Возвратившись тою же каменистою тропою, отъ Моцаметы на дорогу Гелатскую, мы переѣхали въ бродъ Красную рѣку, въ виду самой обители, и поднялись къ ней мимо монастырскаго селенія, по крутому скату, усѣянному садами. Митрополитъ прежде насъ прибылъ въ Гелатъ. Игуменъ съ братіею встрѣтили во вратахъ Владѣтеля Абхазіи и сейчасъ ударили въ колоколъ къ вечерни, ибо насъ ожидали для начатія службы; но уже такъ смерклось, что нельзя было ничего разобрать въ обширномъ

храмѣ. Мы только приложились къ древнимъ чудотворнымъ иконамъ и, утомленные долгимъ путемъ, вошли въ приготовленные для насъ покои прежнихъ Митрополитовъ Гелатскихъ. Съ дубовой терасы, ихъ окружавшей, взоры погружались въ обширную долину, простирающуюся до Кутаиса по ущелію Красной рѣки: вечерній туманъ плавалъ по вершинамъ горъ и молодой мѣсяцъ блѣдно озарялъ предметы, серебристымъ свѣтомъ поборая краски потухавшей зари.

Мнѣ хотѣлось въ тотъ же вечеръ, поклониться гробу святаго Царя Давида возобновителя, основавшаго Гелатъ, и меня привели къ прежнему полуденному входу въ монастырь, съ упраздненною церковью, который напоминалъ наши святыя врата. Церковь замыкалась нѣкогда желѣзными вратами Дербента, которыя велѣлъ поставить надъ собою воитель; на прагѣ обители, смиренно, избралъ онъ себѣ мѣсто покоя, чтобы и по смерти охранять ее, невольно извлекая у мимоходящихъ молитву за душу Царя, черезъ могилу коего

переступали. Большая гранитная плита доселѣ лежитъ поперегъ привратной церкви, но кости святаго Царя были перенесены, великимъ Соломономъ, въ тайное мѣсто надъ сводами жертвенника соборнаго, чтобы спасти ихъ отъ хищности Лезгинъ. «Се покой мой въ вѣкъ вѣка, здѣ вселюся, яко изволихъ и» начертано, большими Грузинскими буквами, на камнѣ. Какъ умилительна сія псаломская надпись, избранная самимъ Давидомъ, изъ словъ другаго Царя Давида, его предка! Тутъ была и еще надпись, ямбическими стихами, гласившая, какъ бы отъ лица усопшаго Царя, о его неумирающей славѣ; но ее нельзя уже теперь разобрать, и она сохранилась только въ преданіи:

Нѣкогда, въ Начармачевѣ, семерыхъ Царей пиромъ я угощалъ,
Турковъ, Персовъ, Арабовъ, изъ предѣловъ царства моего изгналъ,
Рыбы изъ рѣкъ Амерскихъ въ рѣки Имерскія я пересадилъ,
Все же сіе совершивъ, руки на персяхъ кончаясь сложилъ.

Одна половина желѣзныхъ вратъ уже

не существуетъ; говорятъ будто бы ее употребили для гвоздей на крышу церковную. Арабская куфическая надпись гласитъ: «что они были скованы, во имя Бога благаго и всемилосердаго, славнымъ Эмиромъ Шавиромъ, сыномъ Эль-Фазла, въ 455 году эгиры.» (т. е. 1063). Нѣкоторые предполагаютъ, что врата сіи были взяты Давидомъ не изъ Дербента, но изъ покоренной имъ Армянской столицы Ани, гдѣ властвовалъ родъ Шавира. Во всякомъ случаѣ прилично осѣняютъ они собою гробницу великаго Царя, какъ замогильный трофей его славы.

Изъ всѣхъ властителей Иверіи не было лица болѣе свѣтлаго, и до такой степени ярки лучи сего царственнаго свѣтила, что они осіяли впередъ цѣлое столѣтіе, до послѣднихъ дней славной его правнуки Тамари. Давидъ и Тамарь, вотъ два крѣпкія звѣна, на коихъ держалось все благоденствіе ихъ царства! Давидъ вызвалъ изъ запустѣнія все свое царство, отъ моря и до моря, свѣялъ съ него пепелъ сожженныхъ селъ и городовъ, и стеръ съ лица

родной земли ея безчестіе. Какъ нѣкогда святой его предокъ, Царь и Пророкъ Израилевъ, еще отрокомъ занесшій пращу противъ исполина Филистимскаго, рано вооружился и сей Давидъ противъ полчищь иновѣрныхъ. Долго лилась до него кровь Христіанская, но при немъ она оплодотворила свою родную землю, усѣянную костьми невѣрныхъ; въ ужасѣ стали предъ нимъ и обратили тылъ вожди Сельджукидовъ, не вѣдавшіе дотолѣ пораженія, Мелекъ-Шахъ и Мелекъ-Султанъ. Сорокалѣтнее царствованіе Давида, сходное числомъ лѣтъ и обиліемъ славы, съ владычествомъ Царя Израилева, было однимъ непрерывнымъ рядомъ побѣдъ, ибо онъ непрестанно взывалъ къ Богу отцевъ своихъ, о помощи свыше. Видимо содѣйствовалъ Царю святой Георгій, покровитель соименной ему земли, и, на бѣломъ конѣ своемъ, не разъ являлся въ пылу его битвъ съ Агарянами, златою своей иконой отражая, на самыхъ персяхъ Давида, меткія ихъ стрѣлы.

Ратные его подвиги были отголоскомъ крестовыхъ; вѣсть о взятіи Іерусалима не-

исполнила его новою ревностію. Много сокровищь, послалъ онъ въ святой градъ своихъ предковъ, для обновленія его храмовъ; многіе воздвигъ и у себя изъ ихъ печальныхъ развалинъ, такъ что имя Возобновителя было ему усвоено потомствомъ. Если стоятъ еще великолѣпныя святилища, на скалахъ Иверіи, если встрѣчаются чудные ихъ остатки въ дебряхъ и лѣсахъ, гдѣ только думаешь напасть на какой либо слѣдъ дикаго звѣря, — всѣ сіи величественные памятники или Давидовы или Тамарины! Повсюду ихъ звонкія имена и свѣтлые лики. Одною рукою Давидъ сокрушалъ враговъ, другою подымалъ опрокинутое ими, и что всего достойнѣе удивленія: онъ, который провелъ всю свою жизнь въ тревогахъ ратныхъ и казалось долженъ бы только умѣть владѣть мечемъ, онъ былъ и величайшимъ богословомъ своего времени, какъ достойный ученикъ блаженнаго Аввы Арсенія Икальтскаго.

Ничего не желалъ онъ столь пламенно, какъ мира церковнаго внутри своихъ предѣловъ, и ничего такъ не любилъ, какъ

чтеніе Св. Отцевъ. Однажды, когда еще древняя столица его предковъ, стонала подъ игомъ невѣрныхъ, и онъ искалъ, съ малымъ числомъ воиновъ, удобнаго мѣста для приступа, внезапная жажда овладѣла Царемъ въ виду непріятеля, но не жажда воды, а слова Божія; и что же? забывъ то, что было цѣлію его прихода, онъ слѣзъ съ коня, сѣлъ подъ тѣнію дерева и углубился въ чтеніе божественной книги, которую всегда имѣлъ при себѣ. Пронзительный вопль мгновенно пробудилъ его отъ глубокихъ думъ: мимо его бѣжали его воины, преслѣдуемые врагами, и опасность ему угрожала. Тогда только опамятовался Царь и, отдавъ книгу оруженосцу, схватилъ мечь, чтобы отразить Агарянъ: они узнали Давида!

При самомъ началѣ царствованія искалъ онъ умиротворить Церковь, но сынъ браней не мѣшался въ пренія Святителей, какъ нѣкогда и великій Константинъ, а только укрѣплялъ своею властію ихъ священные каноны. Столица Армянская Ани пала предъ его оружіемъ, очищенная имъ отъ

Сарацынъ, и внутри обновленнаго собора, откликнулась ему, гласомъ благодаренія, бабка его Царица, изъ глубины могилы. Благочестивый Давидъ хотѣлъ водворить церковное согласіе, между древними и новыми своими подданными, и хотя не достигъ желанной цѣли, по упорству противниковъ, однако глубокимъ своимъ познаніемъ въ дѣлахъ вѣры, возбудилъ невольное удивленіе даже въ разномыслящихъ.

И вотъ, еще въ силѣ возраста и въ полномъ цвѣтѣ надеждъ, приближается къ нему умиротворительный часъ смерти: крестообразно сложилъ онъ мощныя руки свои, бывшія мечемъ и щитомъ царству, и возлегъ отдохнуть отъ великихъ дѣлъ своихъ, въ созданной имъ обители Гелатской: — «Се покой мой въ вѣкъ вѣка,» воззвалъ онъ, словами праотца своего къ Богу отцевъ своихъ, и какъ отголосокъ великой души его, жаждавшей мира, онѣ напечатлѣлись на его гробѣ. — Стали надъ нимъ и затворились, желѣзными своими заперами, добытыя имъ нѣкогда Дербентскія врата Кавказа, символомъ заключившейся для

него временной жизни; но свѣтло раскрылись предъ нимъ райскія врата небеснаго царствія, и благодарная Церковь Иверіи вписала сего новаго Давида, въ число царственныхъ угодниковъ Божіихъ, предводимыхъ предкомъ его Царемъ-Пророкомъ.

ХРАМЪ И ИКОНЫ ГЕЛАТА.

Митрополитъ Давидъ совершалъ самъ на слѣдующее утро торжественную литургію, съ молебствіемъ о здравіи Императрицы, въ присутствіи Владѣтеля Абхазіи и всѣхъ насъ, собравшихся на молитву въ соборномъ храмѣ въ Гелатѣ. Памятуя, какъ свѣтло празднуется радостный день сей въ сѣверной столицѣ, я еще съ большимъ

умиленіемъ молился въ уединенной обители, посреди людей мнѣ чуждыхъ, съ которыми сошелся въ краю отдаленномъ. Самое богослуженіе на языкѣ незнакомомъ, въ пустотѣ обширнаго собора, съ величественными обрядами архіерейскими, при нынѣшнемъ убожествѣ Церкви Имеретинской, производило глубокое впечатлѣніе на сердце. Все минувшее Иверіи какъ бы встало и олицетворилось предъ моими глазами, ибо если измѣнился гражданскій бытъ ея, не измѣнился церковный, вѣрный чрезъ столько лѣтъ Греческому образцу своему. Весьма ограничено было число священнослужителей, особенно діаконовъ при Митрополитѣ, но величественная его осанка соотвѣтствовала богатству облаченія древнихъ временъ, извлеченнаго изъ ризницы Гелатской. Четыре пѣвчихъ составляли весь хоръ, весьма монотонный, но не пронзительный для слуха, исключая нѣкоторыхъ начальныхъ нотъ, похожихъ на жалобные тоны и часто повторяемыхъ. Но вотъ что замѣчательно; во всей Имеретіи и Мингреліи хоръ, вмѣсто Грузинскаго: «Господи по-

милуй, отвѣчаетъ по Гречески: «Киріелейсонъ», и это знаменуетъ ближайшее сообщеніе Имеровъ, т. е. Горцевъ по сю сторону хребта съ Греками, которые легче могли съ ними сноситься черезъ Черное море, нежели съ болѣе отдаленными Грузинами. Признаюсь звучное «Киріелейсонъ» было гораздо отраднѣе, нежели Грузинское: »Упаль́ Шегвицкгале» къ которому я никогда не могъ привыкнуть.

По окончаніи службы, пока приготовлялась въ нашихъ покояхъ гостепріимная трапеза Митрополита для его посѣтителей, я воспользовался временемъ, чтобы осмотрѣть во всей подробности обитель Гелатскую, ибо она, по особому счастію, болѣе другихъ сохранила древность церковную и въ нее постепенно сносили, изъ раззоряемыхъ церквей, всѣ уцѣлѣвшія сокровища. Католикосы Абхазскіе, уже нѣсколько вѣковъ отдѣленные отъ Иверскихъ, будучи угрожаемы оружіемъ Турковъ на берегу Чернаго моря, перенесли каѳедру свою, въ половинѣ XVII вѣка, изъ Пицунды въ болѣе отдаленный Ку-

таисъ; главную же святыню довѣрили они Гелату, который сдѣлался любимымъ мѣстомъ ихъ пребыванія. Послѣ упраздненія Католикосовъ обитель сія продолжала быть каѳедрою особаго Митрополита; послѣдній изъ нихъ, осмидесятилѣтній старецъ Евѳимій, выѣхалъ въ Россію въ 1820 году, когда уже царство Имеретинское поступило въ подданство Имперіи. Тогда только Гелатъ перешелъ въ непосредственное вѣдѣніе Митрополитовъ Имеретинскихъ, и былъ ими избранъ для лѣтняго жилища.

Три церкви, одна за другою, стоятъ по направленію отъ запада къ востоку, въ оградѣ монастырской; главная изъ нихъ празднуетъ успенію Богоматери, и величественна своею Византійскою массою, съ папертями и притворами, которые украшены изваяніями, и съ остроконечнымъ куполомъ, вѣнчающимъ все зданіе; она напоминаетъ собою большую часть храмовъ Грузинскихъ. Но на ней не лежитъ особаго отпечатка изящества, какой поражаетъ доселѣ въ развалинахъ собора Багратова. Давидъ возобновитель и Католикосъ Евдо-

монъ избрали себѣ другой образецъ, великолѣпный соборъ Пицунды, но выполнили его во вкусѣ Грузинскомъ, а позднѣйшіе довершители исказили пристройками наружную простоту храма. Камни, изъ котораго складено зданіе, огромны, особенно по угламъ; въ одномъ изъ нихъ болѣе двухъ сажень длины и одна ширины. Мѣстная легенда, обыкновенно любитъ превозносить подвиги основателей, ибо они всегда кажутся исполинами въ сравненіе потомковъ, не имѣющихъ довольно силы, чтобы поддержать созданное ими; она гласитъ, что этотъ громадный краеугольный камень положилъ мощною рукою самъ Давидъ, и кто увидитъ его перстень, тотъ отчасти сему повѣритъ.

Но если наружность собора не поражаетъ красотою, за то внутренность, сохранившая всѣ строгіе размѣры зодчества Іустиніанова, вполнѣ удовлетворяетъ взоры, стройною гармоніею всѣхъ частей; она напоминала мнѣ устройство нашихъ древнѣйшихъ храмовъ, Софійскаго и Печерскаго, современныхъ Гелату. Изъ внѣшняго

притвора, тремя дверями, входятъ, подъ навѣсомъ хоровъ, во внутренность самаго храма, который простирается на одиннадцать сажень, отъ преддверія до иконостаса. Форма его крестообразна, потому что хоры продолжаются и по бокамъ, какъ у насъ въ Кіевѣ; но поперечная вѣтвь креста, длиною въ семь сажень, свободна отъ втораго яруса и придаетъ много легкости храму, чего недостаетъ въ лаврѣ Печерской и у Св. Софіи. Олтарь раздѣленъ, по древнему чину, на три части; иконостасъ каменный и низкій; поверхъ его отрадно поражаетъ взоры, какъ въ Софійскомъ соборѣ, мозаическое изображеніе Матери Божіей, достойное лучшихъ временъ мозаики Венеціянской, хотя это весьма древній даръ Императора Алексія Комнина Царю Давиду возобновителю. Я не могъ оторвать взоровъ отъ сего чуднаго изображенія, гдѣ самый вѣрный рисунокъ выполненъ камнями, со всею легкостію кисти, и вмѣстѣ съ тѣмъ выражено, строгими очерками и цвѣтами, высокое достоинство предмета.

Матерь Божія изображена въ золотомъ

полѣ, стоящею на багровой землѣ; она легко поддерживаетъ свое зеленое покрывало, на которомъ сидитъ ея божественный младенецъ, благословляющій одною рукою, имѣющій свитокъ въ другой. Такъ обыкновенно изображались Влахернская и наша Печерская иконы. Три звѣзды на челѣ и раменахъ Пречистой Дѣвы; золотая бахрама по краямъ покрывала, искусно обозначаетъ волнистое движеніе сей одежды, которая спускается до самыхъ ногъ и обливаетъ стройный высокій ея станъ. Зеленый однообразный цвѣтъ гораздо приличнѣе тѣхъ яркихъ красокъ, голубой и багряной, которыя сдѣлались какъ бы необходимою принадлежностію ризъ Богоматери; но пурпурныя сандаліи показываютъ царственное ея достоинство. Весь въ бѣломъ сидитъ предвѣчный Младенецъ на лонѣ своей земной Матери, и такъ отрадны оба лика, что слѣдовало бы ихъ списать для подражанія въ нашихъ храмахъ. Два преклоненныхъ Архангела, Гавріилъ и Михаилъ, стоятъ по сторонамъ, въ голубыхъ діаконскихъ стихаряхъ, въ знаме-

ніе служительскаго своего назначенія; крестообразно опоясанные орари ихъ какъ бы осыпаны драгоцѣнными камнями; оконечности бѣлыхъ крилъ блещутъ радужными цвѣтами, а въ рукахъ благоговѣйно держатъ они монограмъ человѣческаго имени Сына Божія, въ свѣтлыхъ кругахъ, ІС. ХС., которое нѣкогда Архангелъ возвѣстилъ Дѣвѣ. Какъ все это исполнено мысли и красоты! — Вечеромъ, когда подымается во мракѣ паникадило, предъ самый ликъ Богоматери, онъ сіяетъ особеннымъ свѣтомъ, при отблескѣ золотаго поля вокругъ.

Таковъ драгоцѣнный даръ сей, достойный обоихъ державныхъ. Но прежде нежели войти во внутренность алтаря, я остановился предъ святынею иконостаса, являющаго цѣлый рядъ древнихъ чудотворныхъ иконъ, которыя почитаются залогомъ спасенія всей Иверіи. Первая и болѣе всѣхъ именитая, привлекающая благоговѣйное вниманіе, есть икона Хахульской Божіей Матери, писанная по преданіямъ Евангелистомъ Лукою и принесенная Царемъ Давидомъ, изъ одного древняго хра-

ма, области Кларджетской; начало же ея восходитъ до первыхъ временъ Христіанства на поморіи Черномъ, гдѣ проповѣдали Апостолы Андрей первозванный и Симонъ Кананитъ. Пречистая Дѣва представлена безъ божественнаго Младенца, темнымъ колоритомъ, какъ наша Владимірская, и совершенно сходна съ тою иконою, которая теперь находится въ алтарѣ придворной церкви зимняго дворца. (Сія послѣдняя почитается руки Евангелиста и привезена изъ Патраса, что въ Морен; на задней доскѣ ея есть Императорскій гербъ Палеологовъ.) Имя Хахульской сохранилось иконѣ отъ знаменитой обители Царя Баграта II, уже раззоренной нынѣ, и что весьма замѣчательно, она не утратила ни одного изъ драгоцѣнныхъ украшеній, которыми осыпали ее Цари, отъ временъ Давида.

Если разобрать сіи различныя украшенія, скопившіяся вѣками и всѣ надписи, то много лѣтописнаго и поэтическихъ преданій присоединится къ внутреннему достоинству святыни. Такимъ образомъ жемчужная

риза, облекающая Пречистую Дѣву, и нѣкоторые изъ крупныхъ перловъ пожертвованы Царемъ Давидомъ возобновителемъ, по его завѣщанію, въ которомъ онъ настоятельно сіе повелѣваетъ сыну своему Димитрію. Четыре огромныхъ лала и семь малыхъ, сіяющихъ въ вѣнцѣ, составляли повязку славной его внуки, Царицы Тамари, и каждый лалъ имѣетъ свое имя, что весьма звучно по Грузински: «оболà, кеделà, медегà»; оболà т. е. сиротка, большій изъ всѣхъ лаловъ и потому сирый, что нѣтъ ему равнаго; кеделà, или преграда, лалъ, отдѣляющій сиротку отъ другихъ меньшихъ, и медегà, или приближающійся по величинѣ своей къ главному. Трогательна самая легенда о пожертвованіи сихъ камней. Тамарь, въ торжественный день, собиралась идти въ соборъ Гелатскій къ обѣднѣ, и прикрѣпляла лалы къ царской своей повязкѣ, когда пришли ей сказать, что нищая проситъ милостыни у дверей ея монастырскаго терема. Царица велѣла подождать докучливой нищей и когда, по выходѣ изъ палаты, хотѣла

подать ей милостыню, нищую не могли уже найти. Смущенная Тамарь, упрекая себя что отказала, въ лицѣ убогой жены, самому Господу Іисусу, сняла съ себя то, что было виною ея замедленія, царскую свою повязку изъ лаловъ, и надѣла ихъ на вѣнецъ Богоматери, болѣе достойной такого украшенія. Что можетъ быть выше сего царственнаго смиренія? Если разрыть лѣтописи Грузинскія и прислушаться къ преданіямъ народнымъ, сколько подобныхъ примѣровъ можно бы внести въ нравственную сокровищницу исторіи!

Чего ни коснешься въ драгоцѣнной иконѣ Хахульской, все отзовется древнею славою Грузіи; взгляните на богатое ожерелье изъ крупныхъ перловъ: это опять приношеніе Царицы Тамари, но уже совершенно по иному случаю. Оно принадлежало Эмиру Арабскому Кіасъ-Султану, предводителю войскъ Халифа Багдадскаго, которые были разбиты ея супругомъ, Давидомъ Сосланомъ или прекраснымъ. Драгоцѣнные сіи монисты, вмѣстѣ со знаменемъ Халифа, принесены были благодарною Царицею, въ

даръ небесной Царицѣ, какъ о томъ гласитъ въ стихахъ надпись на иконѣ; она почти не переводима по трудности древняго языка.

«Небеса небесъ устроившее Богоначаліе,
Сынъ, пребываяй искони и во вѣки,
Духъ Божій, совершаяй все изъ небытія,
Троица совершенная во единомъ Божествѣ!
Создавъ изъ земли первороднаго человѣка,
Ты промыслила паки обратить къ себѣ ослушника,
Когда сей уклонился отъ безсмертія къ смерти.
Рожденный тобою сподобилъ насъ возродиться
Изъ тьмы во свѣтъ и озариться свѣтомъ,
Самъ пострадавъ за насъ и исцѣливъ наши страсти,
Тобою, глаголю, рожденный, о Дѣва, о коей Давидъ
Радовался, предвидя Сына Божія быть твоимъ Сыномъ.
Ты меня, Тамаръ, — твой прахъ, нынѣ и присно,
Сподобила быть помазанною и тебѣ усвоенною
Въ горнемъ Эдемѣ! — Я же, на югъ и на сѣверъ
Обладая царствомъ, приношу тебѣ въ даръ
Халифовъ знамя, купно съ ожерельемъ,
Изъ добычи ревнителей лжепророка.
Давидъ стрѣлецъ, подобно сынамъ Ефремлимъ
Вооружась, разбилъ Султана съ Атабагомъ,
Въ Иранѣ воевавшихъ на него.
Воины наши, на тебя уповающіе, Невѣста,
Сокрушили и стерли Агарянъ.
Изъ ратной ихъ корысти часть сію
Тебѣ въ даръ приношу, да умолишь за меня Бога и Сына твоего.

Вотъ и еще одна ямбическая надпись на той же иконѣ, трогательно выражающая, вмѣстѣ съ смиренною молитвою Царицы, нѣжную любовь ея къ сыну своему Георгію Лашѣ, единственной ея отрасли. Тамарь какъ бы напоминаетъ Пречистой Дѣвѣ о ея Предвѣчномъ младенцѣ, чтобы преклонить милость ея къ своему отроку; не оставляетъ она тутъ же припомнить и о родствѣ своемъ съ Царемъ Пророкомъ, которымъ всегда столько гордились всѣ Багратиды.

Невѣста всечистая, промысломъ Вышняго,
Отъ дѣвическихъ кровей Твоихъ таинственно зачевшая Сына Божія
И родившая Его во спасеніе человѣкамъ! —
Ты, украшая украсила и величая возвеличила меня,
Тамарь, отъ именитаго племени Давидова:
Сего ради и я нынѣ возжелала украсить Твой образъ,
Матери съ Сыномъ, да хранишя матерь и сына.

Окладъ Хахульской иконы изъ чистаго золота и на ободкѣ оной эмалевые круги, съ ликами Спасителя, Ангеловъ, трехъ Святителей, Николая чудотворца, Безсребренниковъ и великомученика Пантелеймона; во-

кругъ еще одинъ ободокъ съ ликами Апостоловъ. Икона, малая сама по себѣ, вставлена въ широкое золотое поле, усѣянное крупными бирюзами, перлами и лалами; оно также украшено эмалевыми изображеніями Господа, Ангеловъ и нѣкоторыхъ угодниковъ Божіихъ, расположенныхъ правильными полукружіями около средней иконы, промежду драгоцѣнныхъ камней, а внизу изображены знаменіе Богоматери и Архангелы. Все сіе богатство эмали, жемчуга, лаловъ, гранатъ и яркой бирюзы, поражаетъ взоры великолѣпіемъ, нынѣ необычайнымъ въ Грузіи. Сверхъ сего оклада есть еще обширный серебряный кивотъ, столь же богато украшенный; на немъ изваяны Спаситель и Ангелы, а внизу, между трехъ чеканныхъ золотыхъ бляхъ, лики Евангелистовъ. Апостолы и мученики изображены эмалью на складняхъ, въ которыя вставлены драгоцѣнные кресты. Я хотѣлъ, съ возможною подробностію, представить все богатство сей завѣтной иконы, чтобы могли судить, каково было благолѣпіе храмовъ Грузинскихъ, во вре-

мена славы Царей Давида и Тамари, и позже, доколѣ рука завоевателей не расхитила святыни. Еще одна надпись на иконѣ, весьма темная по смыслу, свидѣтельствуетъ, что и Царь Димитрій, сынъ Возобновителя исполнилъ завѣщаніе отца, украшеніемъ ввѣреннаго ему залога: вотъ сколько историческихъ памятниковъ на одной иконѣ. Надпись сія также въ стихахъ и есть какъ бы молитвенное воззваніе отъ лица Димитрія, названнаго новымъ Соломономъ, къ Пречистой Дѣвѣ, которой онъ напоминаетъ родство свое съ праотцемъ ея Давидомъ, общимъ ихъ родоначальникомъ; но вѣроятно она начертана послѣ Димитрія, ибо нельзя такъ о себѣ выражаться:

«Между древнимъ Богоотцемъ (Давидомъ) и новымъ Царемъ Соломономъ (т. е. Димитріемъ), ты процвѣла, о Царица! (если считать тысячелѣтнее разстояніе отъ Богоматери къ Царю-Пророку обратно и почти столько же впередъ къ сему Царю Грузіи.) По происхожденію (отъ того же рода) и по праву (царскому) су-

губо сими дарами облеченъ Димитрій. Онъ, подобно небесному солнцу, озарилъ богатыми утварями видъ твоего храма (Гелатскаго), и нынѣ, какъ отрасль Давидова, тебѣ (той же отрасли) о Богородице! обладательницѣ всего міра, съ душею и тѣломъ и симъ храмомъ, предаетъ себя твоему милосердію».

Это священное родство, которому такъ тепло вѣрили обладатели Иверіи, ведущіе родъ свой отъ Давида, послѣ плѣненія Вавилонскаго, и это родственное участіе, которое они испрашивали, почти въ каждой молитвенной надписи, на украшаемыхъ ими иконахъ Пречистой Дѣвы, исполнено младенческой простоты и вмѣстѣ глубокой поэзіи, проникающей сердце. При богатомъ кивотѣ Хахульской иконы привѣшено на цѣпи золотое изваяніе, въ видѣ кадильной крышки, осыпанное жемчугомъ и четырьмя огромными лалами, съ ликами Спасителя, Божіей Матери и Ангеловъ, которые вычеканены на золотѣ между дорогихъ камней. Оно висѣло нѣкогда надъ большимъ крестомъ честнаго древа, и по преданію

вылито изъ того золота, которое принесли Волхвы изъ Персиды, родившемуся въ Виѳлеемѣ Царю, когда увидѣли звѣзду его на Востокѣ. — Конечно нельзя ничѣмъ утвердить достовѣрность такихъ преданій, но какъ умилительно встрѣтить ихъ въ пустынѣ и слѣдовать за ихъ постепенностію, по крайней мѣрѣ отъ временъ Тамари, Давида и Баграта!

Подлѣ иконы Хахульской, какъ бы подъ сѣнію священнаго сокровища обители Гелатской, хранится, въ лѣвомъ углу иконостаса, святыня мощей, уцѣлѣвшихъ въ эпоху разворенія. Это часть черепа побѣдоносца Георгія и великомучениковъ Димитрія и Ѳеодора Стратилата, и кости Самсона странопріимца, съ нѣкоторыми другими уже безъименными. Тутъ же, подъ стекломъ деревяннаго кивота, заключена въ золотомъ сердцѣ, осыпанномъ жемчугомъ и дорогими камнями, часть сударя Господня, коимъ было обвито чело его при погребеніи и который обрѣтенъ, по словамъ евангельскимъ, свитымъ особе во гробѣ, по воскресеніи Христовомъ. Какая

святыня! и кому она извѣстна въ уединеніи Гелата? а безъ сомнѣнія она была принесена Царевнами Греческими, Еленою или Ириною, когда они вступали въ супружество съ великими Багратомъ и Давидомъ.

Если продолжать описаніе драгоцѣнныхъ иконъ Гелатскихъ, отъ лѣвой руки къ правой, по стѣнѣ иконостаса, какъ обыкновенно читаются писмена хартій, то и здѣсь опять представится много лѣтописной древности, хотя и не всегда въ одинаковомъ великолѣпіи, ибо ничто не можетъ сравниться, съ богатствомъ иконы Хахульской. Подлѣ нее первое мѣсто занимаетъ икона Ацкурской Божіей матери, которую славный воитель Палестинскій Царь Багратъ, перенесъ изъ города Ацкура, принадлежавшаго Атабекамъ въ Борджомскомъ ущеліи. Живопись ея не имѣетъ никакого сходства съ такъ называемымъ Греческимъ письмомъ; скорѣе можно назвать оное Персидскимъ, по яркости и пестротѣ красокъ и по самому облику, ибо совершенно восточная красота блистаетъ въ чертахъ пречи-

стой Дѣвы и божественнаго Младенца; даже цвѣтъ волосъ ея и бровей черный, вмѣсто обыкновеннаго русаго. На иконѣ золотая риза и она вставлена, подобно Хахульской, въ другое позлащенное поле, на коемъ изображены эмалью успеніе, три Святителя, Апостолы и двѣнадцать праздниковъ по сторонамъ. Внизу надпись, что Царь Царей Георгій и супруга его Тамарь, съ сыномъ Александромъ, пожертвовали на икону золотую ризу. Это долженъ быть второй Георгій, по списку Имеретинскихъ Царей, братъ Ростома и сынъ Константина, который царствовалъ въ началѣ XVII вѣка. Соломонъ великій, по словамъ той же надписи, устроилъ второй позлащенный окладъ; а въ задней доскѣ иконы вставлено много святыхъ мощей, весьма древнихъ но неизвѣстныхъ.

Третія икона, собственно Гелатской Божіей матери съ Младенцемъ, сидящимъ на ея колѣнахъ, и Архангелами по сторонамъ, подобна Влахернской; она не писана, но вычеканена изъ позлащеннаго серебра, и гораздо древнѣе Ацкурской. Царя

Баграть и Елена, но не великіе предки Возобновителя, а тѣ, которые царствовали въ XVI вѣкѣ, устроили для нее большой серебреный кивотъ со складнями, на которомъ изваяны страсти Господни и нѣкоторые изъ двѣнадцати праздниковъ. На задней доскѣ также много частицъ неизвѣстныхъ мощей.

По другую сторону царскихъ вратъ, не замѣчательныхъ потому что онѣ новыя, поставлена большая икона Спасителя, въ серебряномъ окладѣ, безъ надписи, но вѣроятно Греческая и временъ Давида возобновителя, ибо въ евангеліи, которое держитъ Господь, начертано по Гречески: «Азъ есмь свѣтъ міру.» Рядомъ съ нею еще большая икона Спасова, въ позлащенномъ окладѣ, съ правильно благословляющею рукою и Греческою надписью: «Царь славы;» она украшена въ XIII вѣкѣ, усердіемъ Царя Давида Нарина, сына Русудани, дочери великой Тамари. Возлѣ, уже внѣ иконостаса, прислонена къ нему весьма большая и драгоцѣнная икона Божіей Матери стоящей, съ младенцемъ на рукахъ, въ золотомъ

и отчасти серебряномъ полѣ, котораго листы отпадаютъ отъ ветхости. На вѣнцѣ Богоматери весьма крупные гранаты, жемчуги и бирюза. Царь Багратъ великій, основатель собора Кутаискаго, стоитъ на колѣняхъ предъ Богоматерью, ибо онъ устроилъ сію икону и это вѣрный портретъ Царя, замѣчательной красоты. Онъ отличается отъ новѣйшаго Баграта Іерусалимскаго, который написанъ на стѣнахъ храма, съ окладистою черною бородою. На немъ голубая мантія, подбитая горностаемъ, поверхъ краснаго полукафтанья съ золотыми застежками. Корона его совершенно похожа на ту, которую доселѣ хранятъ въ ризницѣ Гелатской подъ его именемъ. Дважды была украшаема сія замѣчательная икона, имѣющая кромѣ святыни еще достоинство историческое портрета. Это видно по двойному числу круговъ, по ней разсыпанныхъ съ ликами Святыхъ: двѣнадцать болѣе древнихъ изъ эмали, двѣнадцать новѣйшихъ чеканнаго серебра. Подъ великолѣпною иконою Баграта стоятъ двѣ малыя, изъ выпуклаго серебра, великомученика Георгія

и Св. Маманта, сидящаго на львѣ съ крестомъ въ рукахъ. Тутъ же еще одинъ небольшой образъ Спаса, въ золотомъ окладѣ, съ ликами верховныхъ Апостоловъ и Евангелистовъ на эмали, который былъ устроенъ, судя по надписи, новѣйшею Царицею Тамарью изъ рода Дадіановъ,

Послѣ священныхъ иконъ, привлекающихъ къ себѣ благоговѣйное вниманіе, невольно устремляются взоры на историческія и церковныя фрески, доселѣ украшающія стѣны собора. Неизвѣстно, когда были они обновлены, но конечно по древнимъ рисункамъ, и если принять въ соображеніе, что тутъ написанъ Католикосъ Захарія, перенесшій каѳедру въ Гелатъ, при великомъ Царѣ Александрѣ въ половинѣ XVII вѣка, то къ сему времени можно отнести и стѣнную живопись храма, вѣроятно имъ обновленнаго и едва ли опять обновляемаго въ смутную эпоху междоусобій. Съ лѣвой стороны иконостаса гдѣ изображены равноапостольные Цари Константинъ и Елена, какъ первые храмоздатели, замѣчательна бѣлая фигура Католикоса Аб-

хазскаго Евдемона; онъ строилъ въ XI вѣкѣ соборъ Гелатскій по образцу своей Пицундской каѳедры, вмѣстѣ съ великимъ Царемъ Давидомъ возобновителемъ. Самъ Давидъ представленъ держащимъ въ рукахъ церковь Гелата, въ зеленой далматикѣ и коронѣ, въ Греческомъ вкусѣ. Длинная борода отличаетъ его отъ послѣдующихъ ликовъ царскихъ, и въ сравненіи съ ними замѣтенъ исполинскій ростъ его. Лѣвѣе стоятъ Багратъ и супруга его Елена, но не великіе предки Давида, потому что въ ихъ время еще существовала обитель Гелатская. Это славный освободитель Іерусалима, второй изъ Багратовъ по списку отдѣльныхъ Царей Имеретіи, властвовавшій въ началѣ XVI вѣка; далматика его подобна Давидовой, но багрянаго цвѣта, а корона иной остроконечной формы; длинные усы вмѣсто бороды обличаютъ уже другую эпоху. Онъ написанъ рядомъ съ Возобновителемъ, потому что много благодѣтельствовалъ его обители и принесъ сей въ даръ икону Ацкурскую, Цари же Имеретинскіе, до него бывшіе, мало замѣчательны. Кто была

супруга его Елена? я не могъ дознаться въ лѣтописяхъ. Она также въ коронѣ, съ бѣлой фатою и въ голубой далматикѣ. У обоихъ въ рукахъ кресты, такъ какъ и у двухъ послѣдующихъ изображенiй Царя Георгiя, сына Багратова, и супруги его Русудани, дочери Черкескаго Князя, одѣтыхъ совершенно также какъ и ихъ царственные родители. Между ними написанъ малолѣтный сынъ ихъ, въ розовомъ платьѣ съ серебряными по немъ кругами, и въ шапкѣ похожей на вѣнецъ. Онъ названъ тутъ Багратомъ; но по лѣтописи у Георгiя было только два сына, Константинъ и Леонъ; не ошибка ли это живописца, или быть можетъ представленъ какой-либо не царствовавшiй ихъ отрокъ.

Поверхъ сихъ державныхъ ликовъ написана на стѣнѣ большая картина входа Господня во Iерусалимъ, быть можетъ имѣющая нѣкоторое отношенiе къ торжественному вшествiю Баграта во Св. градъ, съ побѣдоносными своими союзниками, Царями Грузiи и Кахетiи. Надъ нею воскресенiе Христово, которое въ древности не изобра-

жали иначе, какъ изведеніемъ изъ сокрушеннаго ада душъ ветхозавѣтныхъ вѣрующихъ праотцевъ; ибо прежніе иконописцы не отваживались представить таинственной минуты воскресенія, которая сокрыта была даже отъ Мvроносицъ и Апостоловъ; теперь же смѣлѣе сдѣлалась кисть художниковъ, и вмѣсто того, чтобы представлять воиновъ, помертвѣвшими отъ землетрясенія по словамъ евангельскимъ, ихъ представляютъ спящими, какъ они о себѣ солгали по наущенію Фарисеевъ, или даже смотрящими въ лице воскресшему, чего не могли сами Апостолы. Въ простѣнкахъ, между боковыхъ оконъ, лики двухъ великомучениковъ Θеодора Тирона и Стратилата. Еще выше Спаситель, осѣняющій омофоромъ, и около него на двѣнадцати престолахъ, Апостолы, судіи земли. Противуположная стѣна посвящена вся благоговѣйнымъ воспоминаніямъ пречистой Дѣвы. Она представлена, въ темной одеждѣ, сѣдящею на одрѣ посреди ликовъ пророческихъ и праведныхъ. Царь Давидъ, въ вѣнцѣ подобномъ Багратову, играетъ на псал-

тирѣ, который походитъ на Греческую лиру. Надъ симъ торжественнымъ соборомъ Матерь Божія изображена опять на одрѣ, но уже лежащею, въ минуту блаженнаго ея успенія, окруженная Апостолами, срѣтаемая самимъ Господомъ. Въ простѣнкахъ оконъ другіе два великомученика, Георгій и Димитрій, а повыше таинственное собраніе Апостоловъ, которыхъ приносятъ облаки, для воздавія послѣдняго долга пречистой Дѣвѣ, уже отшедшей къ божественному Сыну своему.

На столбахъ, поддерживающихъ хоры, по древнему обычаю, написаны мученики и мученицы, положившіе кости свои въ основаніе вселенской Церкви, а на двухъ основныхъ столбахъ, на коихъ лежитъ куполъ, колоссальныя изображенія Предтечи и отца его Захаріи, и двухъ праведныхъ женъ Анны и Елисаветы; тутъ и четыре столпника, изъ коихъ два Симеона, старшій и младшій. Подлѣ бывшаго мѣста Католикосовъ, написанъ знаменитый Захарія, перенесшій сюда свою каѳедру, и неизвѣстный Митрополитъ Гелата, а на хо-

рахъ, гдѣ существовали два придѣла, есть еще полустертые лики Святителей и двѣ иконы знаменія Богоматери. Но всего умилительнѣе были для меня фрески олтаря, который исполненъ славою Богоматери; тамъ изображены рождество ея и введеніе во храмъ, цѣлованіе Елисаветы и срѣтеніе Симеономъ, и праведные ея родители съ Ангельскимъ соборомъ.

Подъ великолѣпною мозаикою Комнина, начертана Греческими буквами, вокругъ всего горняго мѣста, Херувимская пѣснь, и она олицетворена таинственною картиною, въ которой хотѣли представить: какъ должны мы образовать изъ себя Херувимовъ, непрестанно воспѣвающихъ трисвятую пѣснь. Поелику мы должны, отложивъ всякое житейское попеченіе, подъять Царя всѣхъ, носимаго Ангельскими чинами, и такъ какъ при погребеніи всегда поется: «Святый Боже,» то и здѣсь изображены небесные чины, вмѣсто насъ погребающими Сына Божія, въ образѣ человѣческомъ. Всѣ они облечены въ діаконскія служебныя ризы, съ крестообразно сло-

женными орарями: предшествующіе несутъ церковныя хоругви, свѣтильники и кадила; послѣдующіе плащаницу, подъ сѣнію рипидъ, и торжественно обходятъ гробовой утесъ, поставленный на срединѣ ихъ шествія, а внутри его уже возстаетъ изъ мертвыхъ Спаситель. Какая высокая мысль и какъ назидательно поражаетъ она взоры священнодѣйствующаго у престола! Тройное окно проливаетъ свѣтъ, съ горняго мѣста, на весь алтарь: по сторонамъ его изображено, какъ въ нашихъ древнихъ святилищахъ, пріобщеніе Апостоловъ подъ двумя видами и съ двумя ликами Спасителя. Онъ подаетъ съ одного края трапезы божественное тѣло свое шести ученикамъ, облеченнымъ въ священническія фелони, и опять онъ же даетъ вкушать, съ другаго края, божественную чашу прочимъ шести Апостоламъ; трапезу же охраняютъ Ангелы, въ видѣ діаконовъ, съ рипидами въ рукахъ. Такое ясное указаніе, на узаконенный самимъ Господомъ образъ преподанія святыхъ его таинъ, не есть ли сильное обличеніе противъ Римлянъ, и не для того ли

картина сія всегда писалась въ древнихъ алтаряхъ, чтобы никогда не могли поколебаться Православные въ этомъ основномъ чиноположеніи литургіи? Вездѣ проглядываетъ мысль и всегда глубокая.

Горнее мѣсто возвышено на четыре ступени отъ помоста, для сидѣнія Епископовъ и пресвитеровъ, и на восемь для Католикоса. Кругомъ написанъ сонмъ Святителей, древнихъ таинниковъ благодати, изливающейся на служителей алтаря: три великихъ Іерарха, Аѳанасій и Павелъ Александрійскіе, Кириллъ Іерусалимскій, Григорій Акраганскій, часто встрѣчающійся въ храмахъ Грузинскихъ, хотя мѣсто его подвиговъ въ Сициліи, и первомученикъ Архидіаконъ Стефанъ. На престолѣ лежитъ древнее евангеліе Грузинское, переведенное и писанное въ IX вѣкѣ Св. Георгіемъ Аѳонскимъ, знаменитымъ своею ученостію отшельникомъ Иверскаго монастыря на Св. горѣ; оно великолѣпно писано на пергаментѣ, съ раскрашенными по золоту картинами на каждой страницѣ, лучшей живописи Византійской, и не уступаетъ рос-

копью тѣмъ Греческимъ книгамъ, которыя я видѣлъ въ библіотекѣ Ватиканской. На концѣ есть Греческая приписка руки Св. Георгія, о употребленіи надстрочныхъ знаковъ, и молитва его о томъ, чтобы не исправляли вновь исправленнаго имъ тщательно еванґелія. Видѣлъ я и другое еванґеліе того же Святаго, въ церкви Св. Георгія, но оно гораздо меньше и не столь великолѣпно.

РИЗНИЦА И ПРИДѢЛЫ.

Если же кто желаетъ видѣть остатки утвари, царственной и церковной, еще уцѣлѣвшей отчасти послѣ стольких воинскихъ бурь, пусть попроситъ чтобы ему раскрыли ризницу Гелатскую, въ бывшемъ отдѣленіи діаконикона. Тамъ, между новѣй-

шими сокровищами, особенно замѣчательны золотые дискосы и чаша, осыпанные бирюзою, Католикоса Виссаріона, который любилъ великолѣпіе, и митра, осыпанная жемчугомъ, послѣдняго Католикоса Максима, скончавшагося въ Кіевѣ въ 1795 году. Митрополитъ Давидъ служилъ въ ней обѣдню и говорилъ мнѣ, что другую подобную ей митру увезъ съ собою Католикосъ въ Россію; она должна находиться въ ризницѣ Софійской или Печерской. Златокованный поясъ съ перлами и ризы, шитыя жемчугомъ, соотвѣтствуютъ сей митрѣ, но уже ихъ не употребляютъ отъ тяжести. Особенно великолѣпенъ омофоръ, съ ликами святыхъ, Спиридона и Кирилла, и двѣнадцатью праздниками, которые всѣ шиты жемчугомъ, равно какъ и Греческія ихъ надписи. Неизвѣстно къ какому времени можно отнести сіе богатое облаченіе Католикосовъ, но вѣроятно оно еще среднихъ вѣковъ, до паденія Царьграда.

Изъ старыхъ вещей показали мнѣ костяной посохъ святительскій и два креста Царя Баграта: одинъ сломанный изъ

корналина, съ камнями большею частію выпавшими. Тутъ же и корона великаго Баграта, которую можно узнать на всѣхъ его ликахъ. Она изъ дорогой парчи, въ видѣ шапки и вся унизана жемчугомъ; на шести ея зубцахъ по малому кресту, составленному изъ перловъ и лаловъ; седьмой крестъ болѣе другихъ, изъ такихъ же камней, вѣнчаетъ остроконечную вершину; на верхней части, вышитой жемчугомъ, Спаситель, три Іерарха и четыре Евангелиста, а внизу, подъ зубцами короны, тайная вечеря, пріобщеніе Апостоловъ и умовеніе ногъ, для всегдашней памяти о заповѣданномъ смиреніи и общеніи тѣла и крови Господней. Какъ много чувства въ избраніи сихъ предметовъ евангельскихъ, для украшенія вѣнца! и едва ли есть, гдѣ-либо въ мірѣ, другая корона, съ умовеніемъ ногъ надъ царскимъ челомъ.

Вотъ еще одно неоцѣненное сокровище, выражающее, до какой степени были проникнуты любовію къ святынѣ, древніе властители Иверіи: перстень Царя Давида возобновителя, съ мощами Св. Георгія вну-

три и прекрасно вырѣзаннымъ ликомъ Великомученика сверху для печати. Такимъ образомъ, не только его священнымъ ликомъ, но даже святынею его мощей, запечатлѣвалъ Царь Давидъ всѣ свои царственные акты, и сколько надобно было стараться направлять ихъ по заповѣдямъ евангельскимъ, чтобы потомъ дерзнуть утвердить такою печатію! Великая душа Давида заключалась въ исполинскомъ тѣлѣ, судя по огромности перстня, въ который два моихъ пальца свободно входили. Послѣ сего можно повѣрить всѣмъ легендамъ о его необычайной силѣ, и о тѣхъ громадныхъ камняхъ, какіе собственноручно положилъ въ утвержденіе созидаемаго имъ храма. Къ сожалѣнію не могъ я отыскать житія сего великаго мужа церкви и царства, которое было написано ученымъ духовникомъ его Арсеніемъ. Рукопись сія была взята Митрополитомъ, для брата своего Князя Церетелли, и послѣ его смерти осталась въ рукахъ племянника, у котораго не могутъ ее найти. Я просилъ однако и Митрополита и Дадіана, употребить всѣ воз-

можныя старанія къ отысканію сей драгоцѣнной рукописи, ибо другаго списка нѣтъ въ цѣлой Грузіи. Тамъ только, со всею подробностію, можно прочесть подвиги славнаго Царя. Отъ невниманія иноковъ утрачено и другое писменное сокровище: подлинное завѣщаніе Давида, составленное со словъ его духовникомъ Арсеніемъ, юному сыну Царю Димитрію; въ немъ проявляется благочестивый духъ Давида, а можетъ быть есть и нѣсколько словъ, прибавленныхъ самимъ Арсеніемъ въ пользу Церкви. Подлинникъ, какъ я слышалъ, у Генералъ-лейтенанта Князя Багратіона, и не погрѣшилъ бы онъ, еслибы возвратилъ въ обитель священный актъ сей, хранившійся въ ней столько столѣтій. Къ счастію есть списки и я предлагаю здѣсь переводъ, сдѣланный съ одного изъ нихъ Дадіаномъ.

«Повелѣваетъ и напоминаетъ Царь Царей Давидъ, въ день смерти и во время исхода его изъ міра, чрезъ уста наши, недостойнаго и смиреннаго богомольца своего, аввы инока, вамъ всѣмъ вельможамъ и зна-

менитымъ царства его Католикосамъ, Епископамъ, Эриставамъ и всѣмъ въ милости у него бывшимъ. Былъ я отъ природы любителемъ безсмертія, славы и владычества, и не памятовалъ о таковомъ днѣ, навсегда сводящемъ меня въ могилу; не могъ я разстаться съ суетою временной жизни, доколѣ сама она меня не оставила и, обремененнаго множествомъ грѣховъ, скорбнымъ не представила къ Судіи, многія милости явившему мнѣ въ семъ мірѣ. Во первыхъ далъ онъ мнѣ сына сего Димитрія, который мудростію, доблестями, храбростію и благочестіемъ, лучше меня и воистинну таковымъ надлежало Царю быть, данному отъ Бога живущимъ въ православіи на землѣ. Отхожу предъ Судію, отъ коего воспріялъ царство, утѣшенный, что отрокъ сей всегда дѣйствовалъ по тайной мысли моего сердца. И прежде желалъ я отдохнуть отъ заботы житейской, возведя его на царство, о чемъ Богу только, мнѣ и духовнику моему извѣстно уже два года; но мгновенность превозмогла и, по силамъ ожидаемое многолѣтіе, измѣнило; мнѣ въ воз-

мездіе дана та же скорбь моего отца: краткость житія сего, отъ которой отвращалъ я мои взоры. Нынѣ, промысломъ правосуднаго Бога, отзываюсь я, а на царство наслѣдственное призывается онъ, и на вновь пріобрѣтенное, трудами моими и вашими, отъ Никопсіи до моря Дербентскаго, и отъ Осетіи до Соера и Арагаца. Я поручилъ ему чадъ и Царицу, призывая посредникомъ на сіе Бога, дабы брата своего младшаго воспиталъ, и если по милости Божіей явится способнымъ, да поставитъ Царемъ послѣ себя надъ моимъ наслѣдіемъ, и сестрамъ да оказываетъ почесть, яко чадамъ моимъ любезнымъ. Все совершилъ я, силою честнаго животворящаго древа, и ему вручаю сіе осчастливившее меня знаменіе, и мои царскіе доспѣхи, и сокровища верхнія и нижнія; пѣнязи же да наслѣдуетъ Константинъ младшій, а мои собственные драгоцѣнные каменья и жемчуги жертвую Хахульской Богоматери. Дукаты и вотиніаты Атенскаго сокровища, кровію моею пріобрѣтенныя, если не пожалѣетъ Царь Димитрій, все да передастъ

духовнику моему; иначе, хотя половину ихъ предъ Богомъ отъ него требую, дабы, если какіе монастыри наслѣдія моего я обидѣлъ, духовникъ мой ихъ бы вознаградилъ, они же да молятся обо мнѣ. Еще остался у меня монастырь, погребальное мѣсто для костей моихъ и дѣтей моихъ, не довершеннымъ, и печаль сія со мною пребудетъ; нынѣ сынъ мой Царь Димитрій, да довершитъ оный, для вѣчнаго поминовенія меня и его самаго съ потомствомъ. Что уже роздано мною, того отнюдь да не коснется; какія же мною пріобрѣтены мѣста, необитаемыя и населенныя, и тѣ, какъ авва Арсеній и Католикосъ разсудятъ, такъ да пожалуетъ ихъ Царь Димитрій, выдавъ на оныя грамоты безъ малѣйшаго закоснѣнія».

Исполненный памятію великаго Давида, прежде нежели оставить сооруженный имъ соборъ, поклонился я, въ трапезной части, гробу послѣдняго изъ царственныхъ его потомковъ, который почіетъ подъ сѣнію Гелатскаго храма. Великій Соломонъ, одинъ только изъ всѣхъ Царей Имеретинскихъ, погребенъ внутри самой церкви, вѣроятно

по глубокому къ нему уваженію народа; два послѣднихъ Царя скончались въ Транезондѣ, а всѣ предшественники, по примѣру основателя Давида, устрояли для себя за живо особыя придѣлы, или ихъ хоронили въ основанныхъ прежде, ближайшими родственниками. Сколько была проникнута великая душа Соломона, царственнымъ величіемъ своего рода, о томъ можно судить, по украшеніямъ его богатырскаго меча, который доселѣ хранится въ Мингреліи у Дадіана: на позлащенныхъ ножнахъ изображенъ Пророкъ Наѳанъ, предсказывающій Царю Пророку Давиду, о грядущей славѣ сына его Соломона и о утвержденіи престола въ родѣ его вѣчно. Но Пророкъ таинственно возвѣщалъ, въ лицѣ Соломона, вѣчное царство Мессіи, которое позднѣйшіе потомки Давида отнесли къ временному продолженію царскаго своего племени.

Въ боковомъ придѣлѣ, съ правой стороны собора, посвященномъ Первозванному Апостолу, показываютъ одну именитую могилу, которую три мѣста оспориваютъ другъ

у друга, — столь велика слава погребенной! это гробъ великой Царицы Тамари. Нѣкоторые ищутъ его въ горахъ Сванетіи; другіе украшаютъ именемъ ея гробницу въ пещерной церкви Вардзи, за Ахалцихомъ, потому что тамъ существуютъ ея лѣтніе чертоги, изсѣченные въ скалѣ; но такъ какъ извѣстно по исторіи, что Царица скончалась близъ Кутаиса, въ замкѣ своемъ Тамарисцихе, то гораздо правдоподобнѣе, что ее погребли въ обители, созданной ея предкомъ, потому что въ Грузіи свято соблюдается обычай родовой усыпальницы. Зачѣмъ было нести тѣло Царицы, по непроходимымъ горамъ и ущеліямъ, въ дальній Вардзи? Въ лѣтописи Вахуштія сказано, о погребеніи въ пещерѣ Вардзійской Царя Константина II, убитаго въ сраженіи противъ Турковъ, въ 1417 году. Весьма естественно и то, что ее положили въ особомъ придѣлѣ Гелатскаго собора, съ южной стороны, какъ и предокъ ея Давидъ почиваетъ отдѣльно въ привратной церкви. Если же придѣлъ устроенъ во имя Первозваннаго, то кромѣ глубокаго уваженія къ

просвѣтителю сихъ мѣстъ, можно предполагать, что первый супругъ Тамари, сынъ Андрея Боголюбскаго, соорудилъ придѣлъ сей въ честь Ангела своего родителя. Митрополитъ Давидъ увѣрялъ меня, что до времени Царя Александра, отца Соломонова, ежегодно, въ день памяти Царицы Тамари, подымали гробовую плиту ея и служили панихиду; а такое постоянное преданіе должно быть на чемъ нибудь основано. Очень можетъ быть, что обычай сей прекратился съ тѣхъ поръ, какъ Царь Александръ похоронилъ здѣсь супругу свою Марію, изъ рода Дадіановъ, какъ видно изъ надписи на дорогой иконѣ, имъ пожертвованной. Онъ избралъ для себя мѣсто упокоенія въ томъ же придѣлѣ, а до того не видно: былъ ли кто погребаемъ подлѣ великой Тамари, ради глубокаго къ ней уваженія? Супруга Соломона Марія и малолѣтній сынъ его, лежатъ въ другомъ смѣжномъ придѣлѣ Св. Марины, и написаны на стѣнахъ, вмѣстѣ съ другими Царицами и Царевнами, которыя тутъ же погребены.

Съ лѣвой стороны собора, придѣлъ во

имя Спаса, избранъ былъ усыпальницею многихъ великихъ Царей. Тамъ славный воитель Багратъ и супруга его Елена написаны на стѣнахъ, и оба Георгія; изъ новѣйшихъ же Ростомъ и Симонъ, не много царствовавшіе въ бурную эпоху. Вѣроятно и первый Александръ между сими усопшими, хотя уже нельзя различить его портрета на стѣнѣ. Славный Католикосъ Захарія, обновитель Гелата, смиренно положенъ у входныхъ дверей сѣвернаго притвора, который исписанъ ликами пустынножителей Греческихъ и Грузинскихъ; одинъ изъ нихъ одѣтъ въ тростниковую рясу, съ Греческою надписью: «травою облеченъ и ею питался». Великій Царь Александръ II, и жестокая жена его Дареджань погребены, судя по ихъ портретамъ, въ западномъ преддверіи храма, гдѣ устроенъ придѣлъ благовѣщенія надъ гробомъ Католикоса Іосифа, брата Соломонова. Въ той же паперти есть еще придѣлъ Св. Марины, гдѣ также погребались царственные усопшіе, но лики ихъ стерты и перемѣшаны съ пустынножителями.

Противъ западныхъ вратъ собора стоитъ небольшая церковь Святителя Николая, ничѣмъ не замѣчательная: алтарь во второмъ ярусѣ, а въ низу живетъ невѣдомый молчальникъ, уже тридцать лѣтъ посвятившій себя столь трудному подвигу. Недалеко отъ сей церкви была обширная трапеза, отъ которой уцѣлѣли только наружныя стѣны и довольно красивый входъ. Къ востоку отъ собора, древнѣйшая изъ всѣхъ церковь Св. Георгія, основана Царемъ Давидомъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ явился Великомученикъ и указалъ ему строить, ибо прежде Царь думалъ основаться нѣсколько выше. Духовникъ Царя Арсеній, вмѣстѣ съ нимъ молившійся въ минуту чуднаго явленія, слышалъ только небесный голосъ и видѣлъ, что преклоняется на землю Давидъ, но не удостоился созерцать лицемъ къ лицу Великомученика. Церковь не обширна и на ней лежитъ отпечатокъ глубокой древности. Въ иконостасѣ высоко вставлена чудотворная икона Пицундской Божіей Матери, основаніе Христіанства всей Абхазіи, перенесенная сюда Католи-

косомъ Захаріею. Она не велика и одѣта золотою ризою съ драгоцѣнными камнями, лалами, жемчугомъ и бирюзою. Божія Матерь стоитъ, съ предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ, по сторонамъ ея Архангелы и Предтеча съ Златоустомъ. На задней доскѣ вложено честное древо и много частицъ Св. мощей неизвѣстныхъ. Надпись свидѣтельствуетъ о неоднократномъ ея украшеніи.

«И прежде предрекли о тебѣ, нетлѣнная, лики Пророковъ: Давидъ назвалъ тебя кивотомъ чистоты, Соломонъ вмѣстилищемъ, Исаія облакомъ, родительницею Эмануила; я же вѣруя сему приступилъ къ украшенію святаго твоего образа, дабы мнѣ удостоиться стать одесную Сына твоего, подобно Пророкамъ. Я всего сѣвера и Абхазіи Католикосъ Евдемонъ Чхетисдзе, оковалъ и украсилъ сей образъ пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и присно-дѣвы Маріи съ Сыномъ; самый образъ золотомъ и драгоцѣнными камнями и жемчугомъ свѣтло украсилъ, а поле и дверцы серебромъ, и поставилъ въ храмѣ Пицундской Божіей Матери, для моленія

и всегдашняго поминовенія, прощенія и утѣшенія грѣшной моей души и оставленія грѣховъ моихъ, аминь. — Христе! помилуй душу Маміи Дадіана, и будь покровителемъ его во вѣки и сына его Дадіана Леона прославь Господи въ сей и другой жизни, аминь. Окованъ и окончанъ сей образъ хроникона 256, отъ сотворенія міра въ 7406 году, отъ Р. Х. 1568, индикта 11-го.

Другая икона, столь же драгоцѣнная, есть вѣрный списокъ съ Пицундской, съ тѣми же ликами святыхъ. На второмъ серебряномъ ея окладѣ изображены Апостолы, Предтеча, Златоустъ и Николай чудотворецъ, а на складняхъ благовѣщеніе; тутъ же и лики Царей Георгія и Тамари, богато ее украсившихъ въ началѣ XVII вѣка. На горнемъ мѣстѣ тѣснаго алтаря написаны знаменіе Богоматери, два верховные Апостола и что весьма странно три отрока Вавилонскихъ. На стѣнахъ фрески гораздо лучшей кисти нежели въ соборѣ; онѣ не уступятъ живописи Сіонскаго въ Атенскомъ ущеліи. Царь Багратъ и супруга его Елена, съ сыномъ, особенно замѣ-

чательны; лице Баграта выражаетъ мужественную красоту. Напротивъ его неизвѣстные Царь и Царица, вѣроятно Георгій и Русудань, и еще Царевичь Александръ, бывшій въ послѣдствіи Царемъ, и Теймуразъ сынъ Баграта. Трудно различить и привести въ лѣтописный порядокъ сіе родословіе въ лицахъ, полустертыхъ на стѣнахъ храма.

Владѣтель Абхазіи, съ особеннымъ благоговѣніемъ, приложился къ иконѣ Пицундской Божіей матери, сему древнему достоянію его народа, и просилъ меня списать для него надпись съ задней доски. «Если когда либо, говорилъ онъ мнѣ, возстановится опять опустѣвшій храмъ Пицунды и туда возвратятъ нашу священную икону, то я могу васъ увѣрить, что всѣ мои подданные обратятся къ Христіанству, ибо они до сихъ поръ уважаютъ святое мѣсто, даже и Магометане. Самая вѣра начала упадать въ нашихъ предѣлахъ съ тѣхъ поръ только, какъ унесли оттуда Пицундскую Божію матерь». Такія слова, въ устахъ владѣтельнаго Князя Абхазіи, были весьма замѣчательны и достойны вниманія.

Возвратясь изъ храма, мы сѣли за трапезу Митрополита, въ обширной дубовой залѣ настоятельскихъ покоевъ. Трапеза сія опять напомнила мнѣ феодальныя времена: Владыка сидѣлъ въ верхнемъ концѣ; по сторонамъ его Владѣтель Абхазіи и Дадіанъ, съ ближайшими ихъ родственниками и присными; противуположный конецъ занимала свита до послѣдняго человѣка, ибо никто не былъ исключенъ изъ гостепріимной трапезы; оруженосцы и конюшіе, наравнѣ съ своими владѣтелями, ѣли хлѣбъ соль Владыки, но только сидѣли ниже. Прислуга Митрополита приносила блюда и сама себя угощала за особымъ столомъ, въ той же залѣ: это была сцена изъ рыцарскаго романа.

Послѣ трапезы мы стали собираться въ обратный путь и еще однажды зашли въ соборъ, поклониться чудотворнымъ иконамъ Хахульской, Ацкурской и Гелатской Богоматери. Я посѣтилъ опять могилу великаго возобновителя Царя Давида, прощаясь съ нимъ какъ бы съ живымъ, ибо такіе люди не умираютъ и геніемъ своимъ

всегда присутствуютъ тамъ, гдѣ наиболѣе совершили великихъ дѣлъ. Братія проводила своего владыку за врата. Немного по выше посѣтили мы еще малую женскую обитель Преображенія, основанную Царемъ Давидомъ на томъ мѣстѣ, гдѣ сперва хотѣлъ онъ строить Гелатъ. Церковь тѣсна и убога; тамъ сохранились четыре древнія иконы Спасителя и Богоматери, изъ выпуклаго серебра. Нѣсколько убогихъ инокинь вышли принять благословеніе Митрополита; но, въ ихъ одеждѣ и въ полуобрушенныхъ келліяхъ, ничего не было похожаго на бытъ монастырскій. Самая обитель Гелатская, хотя и богатая церквами и утварію, скудна помѣщеніемъ для братіи и числомъ монашествующихъ. Настоятель ея живетъ при архіерейскомъ домѣ въ Кутаисѣ, и когда бы самъ Владыка не посѣтилъ монастыря съ своею свитою, то древняя обитель Давидова предстала бы намъ въ запустѣніи, тѣмъ болѣе грустномъ, если вспомнить времена ея славы и кто былъ ея основателемъ.

ТАМАРИСЦИХЕ.

Солнце садилось, когда мы возвратились въ Кутаисъ, утомленные не столько дорогою, сколько внимательнымъ осмотромъ всѣхъ древностей Гелата. Слѣдующій день былъ назначенъ для отдыха, но я воспользовался утреннимъ временемъ, чтобы посѣтить за 10 верстъ отъ города, въ обширной долинѣ Ріонской, остатки бывшаго дворца Тамари или Тамарисцихе, гдѣ она скончалась. Груда развалинъ, какъ бы нѣкій холмъ, показываетъ, что зданіе было обширно, но уже нельзя разобрать

всѣхъ его частей подъ обломками; уцѣлѣла до половины круглая зала, сложенная изъ кирпича, въ самомъ центрѣ палатъ; стройный, высокій полусводъ еще виситъ надъ нею, угрожая ежечаснымъ паденіемъ, но отважные и доселѣ подымаются на его вершину, чтобы оттолѣ насладиться обширнымъ видомъ на Ріонъ и окрестныя горы. Подлѣ развалинъ дворца стоитъ полуобрушенная придворная церковь, съ малыми остатками стѣнной живописи. Вся алтарная часть ея поросла густымъ плющемъ, который пустилъ толстые корни вверхъ по стѣнамъ и скрѣпляетъ ихъ, какъ бы желѣзными связями. Природа милостивѣе людей и сжалилась надъ остатками палатъ великой Царицы, которыя по частямъ и не весьма давно разобраны были для строенія новаго города. — И такъ вотъ гдѣ отдыхала Тамарь отъ своихъ славныхъ подвиговъ! Не думаю, чтобы въ какой-либо исторіи существовало царственное лице, до такой степени сосредоточившее въ себѣ всѣ преданія, предшествовавшихъ и послѣдующихъ временъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ столь

свѣтлое и чистое отъ всякой укоризны, какъ сія Тамарь.

Двѣ знаменитыя поэмы, одна при жизни, другая по смерти, были написаны въ честь великой Царицы, лучшими поэтами Грузіи. Самая поэзія страны сей, изобразивъ въ пѣсняхъ своихъ славную ея владычицу, какъ бы отказалась воспѣвать что либо иное, и вдохновеніе эпическое угасло вмѣстѣ съ Тамарью; одни только лирическіе порывы, отъ времени до времени пробуждались въ пѣсняхъ народныхъ, въ которыхъ однако часто опять звучало ея волшебное имя. — Я слышалъ, что одна изъ сихъ поэмъ, собственно Тамаріяда, замѣчательна болѣе преодолѣніемъ трудностей языка, нежели духомъ поэзіи, ибо въ ней непрестанная игра словъ и часто повторяются риѳмы, по срединѣ и на концѣ стиха. Но другая поэма, Барсова кожа, Шоты Руставеля, придворнаго пѣвца Царицы, который, какъ гласитъ преданіе, писалъ по вдохновенію любви къ сей недоступной владычицѣ его сердца, отзывается симъ нѣжнымъ чувствомъ и исполнена дѣвствен-

наго огня поэзіи. Я ознакомился въ переводѣ только съ первою ея пѣснію, но могъ оцѣнить по ней красоту всей поэмы.

Руставель перенесъ поприще ея въ счастливую Аравію и, не дерзая прямо указывать на царственныя лица, изящными чертами представилъ ихъ, въ образѣ иныхъ властителей вымышленнаго имъ царства. Могущественный Царь Георгій, оставляющій престолъ свой единственной дочери Тамари, является подъ именемъ славнаго Царя Ростевана, а юная дочь его Тинатина, солнце востока, есть поэтическій образъ Тамари.

Въ Аравіи былъ Ростеванъ, Государь взлелѣянный Богомъ,
Великій и щедрый и кроткій, мощный народомъ и войскомъ,
Прозорливый умный судья, любившій и правду и милость,
Умѣвшій владѣть и меча и рѣчей властительной силой.

Имѣлъ онъ одну только дочь, юное солнце Востока,
Которая въ сонмѣ планетъ поражала могуществомъ блеска;

Она отнимала у всѣхъ и разумъ и сердце и душу;
Хвалить ее могъ лишь мудрецъ, языкомъ многозвучнымъ высокимъ.

Царевна звалась Тинатиной, и вотъ когда перси прекрасной
Вполнѣ развились и стала она соперницей солнца;
Возсѣвъ величаво на тронъ, посреди визирей своихъ вѣрныхъ,
Повелъ съ ними ласковый Царь благосклонныя царскія рѣчи:

«Когда въ ароматномъ саду засохнетъ увядшая роза,
На мѣсто изчезнувшей тамъ появится роза иная;
Свѣтило ужь гаснетъ и вотъ вы видите сумракъ безлунный.
Не лучше ль на тронъ возвести младую соперницу солнца?»

Вельможи сказали Царю: «Государь, что смущаетъ васъ старость?
Когда бы царица садовъ и увяла, довольны мы ею:
Ея ароматъ и краса плѣняли насъ долго и пышно,
И можетъ ли спорить звѣзда съ потухающей полной луною?»

Сколько восточной поэзіи въ сей искренней бесѣдѣ Царя съ своими подданными! Не забылъ и себя влюбленный поэтъ, подъ

роскошными чертами юноши Автандила, плѣненнаго Тинатиной.

Рожденъ отъ вождя, Автандилъ, былъ первымъ вожденъ Ростевана.
Онъ станомъ стройнѣй кипариса, а ликомъ и свѣтелъ и ясенъ,
Еще безбородъ, но душею подобенъ кристаллу алмаза.
Густыя рѣсницы Царевны терзали въ немъ пылкую душу.

Таилъ онъ на сердцѣ любовь и, въ долгой разлукѣ съ прекрасной,
Ланитъ его розы гасили свой пурпуръ, но встрѣтясь
Румянцемъ онъ вспыхивалъ вновь и рана опять раскрывалась.
Печальна нѣмая любовь, мертвитъ она юное сердце.

Юношу радуетъ возведеніе на царство предмета его любви; онъ надѣется чаще видѣть Тинатину, хотя и на престолѣ, окруженную всемъ блескомъ царскимъ. Между тѣмъ Царь Ростеванъ объявляетъ всенародно, о избраніи своей дочери, и самъ возводитъ ее на тронъ.

Она почитала себя недостойною отчаго трона,
И полонъ слезою росы садъ пышно рдѣющей розы;
Отецъ говоритъ Тинатинѣ, а сладки отцовскія рѣчи:
«Пока не сбылось это, жегъ непрерывный огонь
моюю душу!
На прахъ и на розу равно сіяетъ роскошное солнце,
И ты изливай свою милость равно на могущихъ и
слабыхъ,
Щедротой привяжешь ты всѣхъ, и тотъ, кто при-
вязанъ, ужь связанъ;
Щедроты Царей даютъ плодъ, какъ чинары цвѣ-
тущаго рая;
Напитки и яства полезны, но тщетно хранить ихъ
безъ нужды:
Подашь ихъ — себѣ же въ добро; чего не подашь,
то пропало»!

Радостно принимаетъ Тинатина родительскіе совѣты и въ тотъ же день открываетъ свою сокровищницу подданнымъ, чтобы ничего изъ принадлежавшаго Царевнѣ не оставалось у Царицы.

Въ тотъ день раздарила она хранимое съ ранняго
дѣтства,
Такъ, что исчерпалась вся кошница сокровищъ
обильныхъ.
Расхитили все, что дано, какъ будто добычу отъ боя:
И тучныхъ арабскихъ коней, и груды каменей много-
цѣнныхъ...

Такъ вихри метаютъ и рвутъ даянье обильное снѣга...
Никто не забытъ на пиру, нѣтъ гостя съ пустыми руками!

Послѣ роскошнаго пира, внезапною думою омрачилось чело Царя. Старшій изъ вельможъ, по совѣту Автандила, поднялся съ кубкомъ въ рукахъ, разсѣять тайную грусть владыки Арабовъ, и спросилъ его: не отъ того ли мраченъ, что дочь его растратила щедрою рукою его богатства, и не сокрушается ли о ея избраніи на царство? Улыбнулся Ростеванъ и благодарилъ визиря за хитрость; въ рѣчахъ его отзывается все благородство его духа:

«Кто говорилъ, что я скупъ, тотъ вѣрно хотѣлъ сказать шутку;
Не то огорчаетъ насъ, нѣтъ, на сердцѣ иная забота:
Нашъ кравчій сѣдой, наша старость, исчерпала дни молодые,
А нѣту въ Аравіи всей такого надежнаго мужа,
Кто могъ бы меня замѣнить вамъ навыкомъ ратнаго дѣла.
Одна у меня только дочь, Царица, возросшая въ нѣгѣ,
А сына Богъ не далъ, и то печалью мой вѣкъ сокращаетъ...

Хоть тѣнь бы метателя стрѣлъ или въ мячъ игрока удалаго!
Есть Автандилъ..... да и онъ отъ того, что воспитанъ былъ мною.»
Молча и гордо внималъ юноша царскія рѣчи,
И тихо склонясь улыбнулся; — прекрасенъ былъ смѣхъ Автандила,
Блеснула зубовъ бѣлизна и разсыпался лучъ ея въ полѣ.

Чтобы понять всю прелесть сего выраженія, которое можетъ казаться усиленнымъ, надобно посмотрѣть на смуглое лице Арабское, когда улыбкою раскроется жемчугъ зубовъ; и можно ли выразить съ большею поэзіею дѣйствіе старости надъ Царемъ?

«Нашъ кравчій сѣдой, наша старость, исчерпала дни молодые».

Автандилъ, довѣряясь милости Царя, предлагаетъ ему смѣлый вызовъ: помѣриться съ нимъ въ полѣ, предъ лицемъ всего войска, игрою въ мячь или метаніемъ стрѣлъ на ловлѣ, съ тѣмъ, чтобы побѣжденный ходилъ три дня безъ чалмы. Ми-

лостиво принять вызовъ. Царь назначаетъ себѣ для прислуги двѣнадцать оруженосцевъ, Автандилъ одного только вѣрнаго Шермандина; охотникамъ велѣно устроить обширную облаву и высмотрѣть больше звѣрей. На разсвѣтѣ Автандилъ, весь вооруженный, въ золотой чалмѣ и пурпуровой одеждѣ, явился на бѣломъ конѣ, подъ окномъ Царя, и звалъ его на ловлю. Толпы любопытныхъ наполняли поле; Государь велѣлъ своимъ придворнымъ вести вѣрный счетъ выстрѣламъ и сравнивать раны на охотѣ. Описанія ея достойны эпической кисти старца Омира.

Вотъ ужь стекается дичь, гонимая шумной облавой...
Пестро и огромно все стадо: тутъ прыгаютъ легкія серны.
Вѣтвисторогатый олѣнь и канджаръ и пугливыя козы;
Соперники прянули къ нимъ.... смотрите картина прекрасна!
Вотъ луки и стрѣлы въ рукахъ, вращаемыхъ съ ловкою силой;
Копытами взрытая пыль клубится и день омрачаетъ,
Свистящія стрѣлы летятъ, окровавляютъ все поле,
Пустые колчаны Царя и вождя наполняютъ стрѣлами;

Подстрѣленный звѣрь недвижимъ, онъ падаетъ тутъ же на мѣстѣ.

Помчались по лугу, согнали звѣрей въ необъятную кучу,
И били ихъ грудами тутъ, такъ что прогнѣвали Бога.
Багровѣло поле отъ крови, соперники облиты ею,
Младой Автандилъ, какъ чинаръ багряноцвѣтущій въ Эденѣ.

Но вотъ Ростеванъ съ Автандиломъ ужъ минули поле до края,
За полемъ струится рѣка и скалы нависли надъ нею,
Пугливые звѣри бѣгутъ и кроются въ лѣсъ недоступный,
Отстали отъ нихъ два ловца, утомленные долгою битвой.
Они говорили другъ другу съ улыбкой: побѣда за мною.
И шутки мѣнялись у нихъ какъ у равныхъ товарищей поля.

Они спрашиваютъ у прислуги, кто изъ нихъ побѣдитель? и оруженосцы, не страшась царскаго гнѣва, объявили, что изъ двухъ тысячь звѣрей, убитыхъ въ облавѣ, сощитали они двадцать стрѣлъ Автандиловыхъ болѣе нежели царскихъ, и Царь цѣнилъ слова ихъ, какъ нѣкій выигрышъ:

Онъ радовался побѣдѣ питомца и любовался имъ, какъ соловей своей розой. Оба сѣли отдохнуть подъ тѣнію дерева, на берегу потока. Здѣсь начинается завязка поэмы: Аравійскій Царь видитъ юношу, носящаго барсову кожу, которая даетъ это названіе всему творенію Руставеля.

Смотрятъ, а юноша дивный сидитъ надъ потокомъ
и плачетъ,
Покоясь какъ левъ, въ поводу онъ держитъ коня
воронаго,
Оружье, сѣдло и приборъ, разубраны жемчугомъ
пышно.....
Плачь сердца слезами тоски обрызгалъ свѣжую розу.

Могучіе члены красавца окинуты кожею барса
И барсовой кожей покрыто чело молодаго героя;
Съ нимъ крѣпкій окованный кнутъ, толще руки Голіаѳа...
Узрѣли и взоровъ отвесть не могли, удивляясь видѣнью.

И посланъ слуга пригласить юношу полнаго скорби,
Поникшаго блѣднымъ челомъ, съ очами безъ жизни и взора,
Слезы хрустальнымъ дождемъ каплютъ съ рѣсницъ
его черныхъ....
Слуга подошелъ и молчитъ, не до рѣчей ему стало.

Тутъ море тоски, онъ не можетъ слышать посланника рѣчи.
Ни криковъ веселыхъ отъ войскъ, разсыпанныхъ вдоль по зарѣчью;
Непостижимо рыдало то сердце, упавшее въ пламя,
Плачь съ кровью изъ глазъ выступалъ, какъ волны сквозь щели преграды.

Проникнутый ужасомъ рабъ донесъ ему царскую волю,
А юноша плача не внемлетъ, онъ чуждъ впечатлѣнія жизни,
Далеко леталъ онъ душою подъ мрачнымъ вліяніемъ думы.
Осмѣлился посланный вновь донести ему зовъ Государя....
Онъ устъ не раскрылъ, этихъ устъ, подобныхъ младенчеству розы.

Оскорбился Царь, пренебреженіемъ его зова, и велѣлъ двѣнадцати оруженосцамъ силою привести къ нему сидящаго у потока; тогда только очнулся незнакомецъ, услышавъ звукъ оружія, тяжко вздохнулъ,

Руку лишь поднялъ къ очамъ, слезы горячія выжалъ,
Поправилъ оружье, потомъ ободрилъ мускулистыя руки,

Сѣлъ на коня и поѣхалъ сторонкой, не бросивъ на стражу
Ни взора вниманья, Царю не вылѣчивъ сердца въ недугѣ.
Но воины руки простерли, чтобъ взять молодаго упрямца......
Горе! что съ ними сбылось, то видѣть врагу было бъ жалко!
Онъ билъ другъ объ друга ихъ всѣхъ, для помощи не было мига;
Иныхъ убивалъ онъ кнутомъ, разсѣкая по самыя груди.......

Разгнѣванный Царь устремился за нимъ въ погоню со всѣми воинами; но Барсова кожа металъ людьми въ людей и въ прахъ обращалъ настигавшихъ:

А самъ онъ, гордъ и безпеченъ, ѣдетъ и зыблется станомъ,
Конь его движется тише, чѣмъ лучь разостлавшійся въ полѣ.
Увидѣвъ же близко Царя, стегнулъ онъ кнутомъ свою лошадь,
И мигомъ отъ взоровъ изчезъ какъ молвія! — Похоже то было,
Что онъ или къ небу взлетѣлъ, или вдругъ провалился сквозь землю;
Искали слѣдовъ, не нашли и слѣда забытаго въ полѣ;

И молвилъ задумчиво Царь: конецъ моихъ радостей близокъ,
Вижу наскучило Богу веселье дней моихъ долгихъ,
Время смѣнитъ ихъ душѣ, раскаянья скорбными днями;
Отнынѣ я въ гробъ понесу неисцѣлимую рану,
Но воля да будетъ Творца, то воля его благодати.

Тогда глубокое уныніе овладѣло опять Царемъ; молча заключился онъ въ свои палаты. Кроткая Тинатина тихо подошла къ почивальнѣ отца, и услышавъ отъ придворныхъ о его тяжкой печали, не смѣла взойти, ожидая родительскаго зова.

Время прошло и спросилъ: «а желанная дочь моя гдѣ же?
Вода моя мирная, радость, веселье дней моихъ долгихъ,
Зовите, какъ могъ я безъ ней нести мое бремя печали?
Пусть горе развѣетъ мнѣ лаской, пусть язвы мнѣ сердца излечитъ.»
Послушна родительской воли, вошла въ почивальню Царица,
Подобная лику луны, когда она въ полномъ сіяньи.

Горестный родитель расказалъ ей печальное событіе ловли и о дивномъ незна-

конць, который, истребивъ его воиновъ, изчезъ предъ ними, какъ духъ.

«И сладость даровъ Всемогущаго стала мнѣ горестью лютой,
Забылъ я тѣ дни, когда жизнь мнѣ улыбалась кроткимъ весельемъ.»
Но дочь говоритъ: «доложу мое неразумное слово;
Къ чему, Государь, безъ нужды роптать на судьбу и на Бога?
Свершится ли бѣдствіе съ тѣмъ, кто былъ виновникомъ блага?
Отецъ мой, вы Царь надъ Царями, обширна Аравія ваша,
Пошлите повсюду гонцевъ развѣдать о томъ незнакомцѣ,
И скоро вы будете знать, человѣкъ онъ иль духъ безтѣлесный?»

Гонцы разосланы по всѣмъ предѣламъ Аравіи, и спустя годъ возвратились съ вѣстію, что нигдѣ не могли найти чуждаго юношу, въ барсовой кожѣ.

Царь выслушалъ все и сказалъ: «мудро судила Царица.
Скитающій духъ то предсталъ, отверженный высями неба,

И онъ то меня обаялъ навожденіемъ силы нечистой.
Покинемъ же грусть и печаль и будемъ счастливы какъ прежде!»

Но спокойствіе Царя не успокоило великой души его дочери; она непремѣнно хочетъ узнать, кто былъ наконецъ этотъ таинственный витязь, и выборъ ея палъ на Автандила, для исполненія сего труднаго подвига.

Тѣмъ временемъ вождь Автандилъ небреженъ сидѣлъ въ своей спальнѣ,
Безпечно онъ пѣлъ, подъ перстами звучала стогласная арфа...
Вдругъ быстро вбѣжалъ къ нему негръ, посланникъ и рабъ Тинатины:
«Чинаровый станъ, онъ сказалъ, встань и иди къ луноликой!»
Судьба привела, наконецъ, Автандилу быть позвану къ милой.
Онъ всталъ и одѣлся въ кабу, драгоцѣннѣйшей ткани Востока.
Онъ радъ, онъ спѣшитъ въ первый разъ на свиданіе къ розѣ...
О сладко любезную видѣть и сердцемъ быть близко къ желанной!

Съ достоинствомъ чистой души идетъ Автандилъ величавый
Къ тѣмъ взорамъ, чей лучъ непорочный такъ много далъ слезъ ему тайныхъ.

Она, несравненная, краше луны перловидной, сидѣла,
И будто сурова, красуясь, какъ молнья блистала очами.

Какъ скромно и вмѣстѣ какъ нѣжно невольное сознаніе ея любви, ради коей она требуетъ отъ своего витязя, идти успокоить родителя и отыскать по бѣлому свѣту, незнакомца въ барсовой кожѣ.

«Хотя на устахъ у тебя лежитъ заповѣдная тайна,
Но слухи дошли до меня о чувствѣ, хранимомъ тобою:
Я знаю, глаза непрерывно свой жемчугъ кропятъ на ланиты;
Ты розой уколотъ, ты любишь и страждетъ въ плѣну твое сердце.

Исполни же просьбу мою, вдвойнѣ я владѣю тобою:
Ты подданый мой — и тебѣ нѣтъ соперника въ царствѣ;
Потомъ, говорятъ ты влюбленъ... но надежны ли слухи объ этомъ?
Ищи же, далеко ли близко ль, гдѣ бъ ни былъ исчезнувшій воинъ.

Три года дано тебѣ срока: иди, выполняй порученье:
Отыщешь, лети побѣдитель, съ веселою вѣстью къ Царицѣ,

Не сыщешь — повѣрю, то правда, онъ духъ безтѣлесный, незримый!
И розу тебѣ сохраню, какъ даръ непорочный и чистый.»

Восторгъ юноши, которому впервые открылось все его счастіе, описанъ слишкомъ цвѣтистыми красками Востока, чтобы можно было передать ихъ вѣрно на языкѣ, не привыкшемъ къ такимъ выраженіямъ; но печаль разлуки описана болѣе доступною кистію. — Автандилъ является къ Царю и проситъ дозволенія идти сражаться съ его врагами, обѣщая поразить ихъ въ сердце, могучимъ мечемъ Тинатины, чтобы всѣ народы вѣдали ея славу; и Царь его отпускаетъ съ честію, хотя не безъ тайной скорби. Двадцать дней и ночей ѣхалъ отважный путникъ,

И всюду была съ нимъ она, чей пламень горѣлъ въ его сердцѣ.

Онъ имѣлъ на границѣ городъ, крѣпкій и страшный для сосѣдей; тамъ, собравъ войска на тридневную ловлю, открылъ вѣрному другу Шермандину тайну своего сердца.

«Я молодъ, я жажду служить лучезарной Царицѣ Арабовъ;
Она утолила мой огнь отраднымъ елеемъ надежды,
И я ль уклонюсь отъ бѣды, я ль не пойду къ ней отважно?
Надежныхъ гонцевъ отъ себя посылай къ Царю за вѣстями,
И всякую мысль устрани, что нѣтъ меня здѣсь на границѣ;
Въ охотѣ и битвахъ своихъ старайся быть сходнымъ со мною,
Свято храни мою тайну и жди меня ровно три года;
Если чинаръ не падетъ, онъ вновь осѣнитъ тебя тѣнью,
Если же въ срокъ не вѣрнусь, плачь по мнѣ воплемъ посмертнымъ
И бѣднымъ раздай по душѣ богатую милость казною.»

Съ трепетомъ услышалъ Шармандинъ послѣднюю волю любимаго вождя; напрасно умолялъ онъ Автандила, позволить ему раздѣлить съ нимъ славный подвигъ; гордо отвѣчалъ юноша:

«Одинъ я Царицею посланъ, одинъ я свершу мое дѣло;
Не сыплется даромъ жемчугъ, когда онъ не купленъ трудами;
Бѣдствіе губитъ равно одного человѣка и многихъ.
Паду ль и одинъ, если Богъ сохранитъ меня силами неба?

Онъ послалъ трогательное завѣщаніе своему народу, поручая его на время вѣрному намѣстнику Шармандину:

«На время рѣшился я бросить радости нѣги и чаши,
А пищу свою возложить на промыслъ, да лукъ съ тетивою.
Лежитъ на мнѣ бремя и долгъ покинуть родимыя горы,
И можетъ быть нѣсколько лѣтъ одинокимъ быть странникомъ въ мірѣ.
Да будетъ вамъ вмѣсто меня Шармандинъ мой намѣстникомъ царства,
Пока отъ меня не получитъ онъ вѣсть о судьбѣ моей темной».
Окончивъ завѣтъ сей, онъ водозвучный и сладкорѣчивый,
Собрался въ безвѣстный свой путь, всталъ опоясался златомъ,
Выйдя на лугъ, онъ вскочилъ на коня, повернулъ его ловко
И быстро помчался въ свой путь одинокій... А въ мысляхъ печальныхъ
Всюду была съ нимъ она, чей пламень горѣлъ въ его сердцѣ.

Такова первая пѣснь этой восточной поэмы, исполненной вдохновеніемъ палящаго неба Грузіи, и любовію сердца Руставеля. Къ сожалѣнію, я не могъ про-

честь остальныхъ ея пѣсень, еще ожидающихъ перевода того же поэта Бартдинскаго. Если есть нѣкоторыя погрѣшности въ гекзаметрахъ, это не мѣшаетъ однако достоинству самой поэмы. Дадіанъ, который передавалъ ему мысли и слова, съ языка чуждаго переводчику, будучи самъ проникнутъ родною поэзіею, умѣлъ отгадывать свойственныя ей выраженія на языкѣ Русскомъ, не вполнѣ ему извѣтномъ. Онъ непрестанно твердилъ мнѣ стихи Руставеля, и я съ удовольствіемъ внималъ имъ на самыхъ мѣстахъ, прославленныхъ его лирой, предъ остатками палатъ той великой Царицы, которой посвятилъ онъ чистые восторги своего сердца. Нѣкоторыя черты его поэмы какъ бы олицетворились передо мною въ слѣдующее утро, на праздникѣ народномъ въ Хони, гдѣ древній бытъ Имеретіи предсталъ мнѣ въ играхъ и ристалищахъ, подобныхъ тѣмъ, какія описывалъ Руставель въ своей Барсовой кожѣ.

ХОНИ.

Всѣ почетные жители Кутаиса устремились на праздникъ Св. Георгія, за 30 верстъ въ селеніе Хони. Церковь его весьма древняя, вросшая въ землю, основана была еще въ первые вѣка Христіанства, по случаю побѣды, одержанной Лазами надъ Гуннами, которые вторглись въ Колхиду изъ за Кавказскаго хребта. Но преданіе народное, не охотно восходящее дальше Тамари, приписываетъ и сію церковь ея благочестію. Мы поспѣли къ началу обѣд-

ни; Владѣтель Абхазіи ожидалъ насъ въ тѣсномъ храмѣ, исполненномъ народа; три священника служили литургію, но, не смотря на большое стеченіе богомольцевъ, не было великолѣпія въ утвари церковной. По окончаніи службы, покамѣстъ духовенство собиралось выдти для молебна, на обширный лугъ передъ храмомъ, мы поспѣшили осмотрѣть его древности. Мало стѣнной живописи сохранилось, кромѣ какъ въ алтарѣ, гдѣ еще видѣнъ на горнемъ мѣстѣ Деисусъ съ Ангелами, пріобщеніе подъ двумя видами и Пророки въ кругахъ. Замѣчательна, на лѣвой стѣнѣ у иконостаса, древняя икона Великомученика въ ростъ, въ $2^1/_2$ аршина, изъ выпуклаго чеканнаго серебра. Онъ изображенъ стоящимъ, а не на конѣ, ибо такой образъ писанія гораздо новѣе. На немъ броня чешуйчатая изящной работы, съ наручниками и поножами, во вкусѣ рыцарскихъ вооруженій; мантія поверхъ брони; одною рукою онъ держитъ копье, другою опирается на кованый щитъ. Спаситель съ Ангелами изображенъ надъ его главою, въ

серебряномъ полѣ. По надписи видно, что великолѣпный окладъ пожертвованъ Царемъ Георгіемъ, сыномъ Баграта Куропалата, въ лучшую эпоху искуства. Еще одна надпись свидѣтельствуетъ о вторичномъ украшеніи иконы:

«Велика слава Господа, который далъ намъ силу достойно служить ему; но ты, для твоего Владыки, въ каждый изъ трехсотъ шестидесяти пяти дней, непрестанно мучился и, въ воздаяніе за сіи мученія, толикократнымъ же числомъ чудесъ одаренъ, о вѣрный служитель Св. Троицы, глава мучениковъ Св. Георгій Хонскій! Съ надеждою къ тебѣ прибѣгаю, я властитель Леванъ Дадіанъ, чтобы ты не удалилъ милости твоей, въ сей жизни, отъ меня и отъ супруги моей; сохрани и даруй мнѣ побѣду.»

Къ сему большому образу прислонена малая икона Божіей матери, такъ называемая Анчисхатская, вѣроятно потому что перенесена была изъ Тифлисскаго собора сего имени. Тутъ же и выносный крестъ Царя Баграта, съ ликами Господа и свя-

тыхъ, выкованный изъ серебра при Архіепископѣ Захаріи, какъ видно изъ надписи. Есть еще одна небольшая икона Св. Георгія на конѣ, въ иконостасѣ, драгоцѣнная по своему украшенію изъ крупной бирюзы. Она была пожертвована великимъ Леваномъ Дадіаномъ, по случаю его побѣды надъ соединенными силами Царей Имеретинскаго и Кахетинскаго, при замкѣ Багдадѣ близь Кутаиса. Такъ гласитъ громкая надпись на задней доскѣ:

«Седьмикратно непобѣдимый великомученикъ Св. Георгій Хонскій и Анчисхатскій! пожертвовали и поставили въ храмѣ твоемъ, образъ сей, мы, Государь Дадіанъ Леванъ, въ то время, когда сражались въ Багдадѣ, противъ Царя Георгія и Кахетинскаго властителя, и силою твоею мы побѣдили: самаго Царя взяли въ плѣнъ и всѣхъ Имеретинскихъ и Кахетинскихъ вельможъ, а нѣкоторые ушли; Царь же Кахетинскій былъ Теймуразъ и при немъ его дѣти. Въ тоже время взяли мы городъ Чхари и всѣхъ жителей перевели въ Зугдидъ, построили и украсили го-

родъ Ругскій. Нынѣ же пожертвовали и поставили сію икону, въ храмѣ твоемъ, и еще даровали въ Хони одинъ дымъ, ради долгоденствія нашего, и супруги нашей Царицы Нестанъ-Дареджани, и сына нашего первороднаго Александра и Манучара, дабы они возрасли, и ради отпущенія грѣховъ моихъ; совершенъ же и украшенъ въ годъ хроникона 324 (1636)».

Икону сію, съ большимъ торжествомъ, вынесли на обширный лугъ, осѣненный вѣковыми липами, посреди селенія, для того чтобы весь народъ могъ участвовать въ молитвѣ; самая мѣстность благопріятствовала въ Хони такого рода собраніямъ. Величественно было это молебствіе подъ открытымъ небомъ, въ тѣни столѣтняго дерева, при вѣяніи церковныхъ хоругвей. Около духовенства составился тѣсный кругъ конныхъ и пѣшихъ, изъ почетныхъ князей Имеретіи, въ полномъ вооруженіи; толпа народа покрывала всю обширную площадь, въ глубокомъ безмолвіи, и только послѣ молебна послышались радостные выстрѣлы. Когда окончилось богослуженіе,

начались игры, не измѣняющіяся съ незапамятныхъ временъ и какъ бы освященныя Церковію. Клирики вынесли изъ храма огромный мечь и бросили его въ толпу; народъ раздѣлился на двѣ стороны: каждая хотѣла отвлечь къ себѣ мячь. Та, которая гнала его обратно къ церкви, принадлежала дому старшихъ князей Имеретіи, Сехніи; на противуположной сторонѣ были всѣ прочіе Имеретинскіе князья. Девяностолѣтній старецъ Сехнія, представитель своего рода, сидѣлъ подъ деревомъ, окруженный домашними, и возбуждалъ народъ взглядомъ и рѣчью, ибо успѣху или неудачѣ суевѣріе народное приписывало благоденствіе и несчастіе цѣлаго года. Свалка сдѣлалась ужасная: конные и пѣшіе бросались на мячь и палками старались отогнать его въ свою сторону; многіе падали подъ лошадей, дикими воплями оглашалась вся площадь. Два раза партія Имеретинская отбивала мячь и оба раза одолѣвалъ Сехнія. Наконецъ клирики, воспользовавшись близостію мяча къ церкви, выхватили его изъ рукъ народа и поспѣш-

но унесли во внутренность храма, чтобы успокоить волненіе.

Немного спустя начались конскія скачки. Надобно видѣть нарядную одежду Имеретина, чтобы понять всю прелесть сего ристанія: верхняя темная чуха его, съ серебряными галунами и патронами, стянутая поясомъ съ золотыми насѣчками, обнаруживаетъ въ одно время и широту богатырскихъ плечь и стройность гибкаго стана, созданнаго для тѣлесныхъ упражненій. Легкая сафьянная обувь, какъ будто вылита по щегольской ногѣ, замѣчательно малой въ сравненіе высокаго роста Имеретинъ; она вооружена острою шпорой, мучительною для лошадей, по короткости Азіятскихъ стремянъ, безъ которой однако никто изъ наѣздниковъ не садится на коня. Странно, откуда этотъ рыцарскій обычай могъ проникнуть на Черное поморіе, когда въ сосѣдней Грузіи и Арменіи никто не носитъ шпоръ. Густые, развѣвающіеся волосы украшены, а не покрыты, плоскою круглою шапочкою, съ серебряными узорами по черному полю и съ краснымъ под-

боемъ, которая едва держится на тонкомъ шнуркѣ; она придаетъ много оригинальной красоты правильнымъ лицамъ, съ ихъ черными усами и огненнымъ взоромъ. Многіе изъ нихъ казались списками съ лица Багратова, которое такъ впечатлѣлось въ моей памяти послѣ фресковъ Гелата, и можетъ служить вѣрнымъ типомъ Имеретинскаго облика. Эта шапочка, которую одинаково носятъ всѣ жители поморія, Имеретины, Мингрельцы и Абхазцы, есть ничто иное, какъ древняя скіавія Грековъ, и безъ сомнѣнія перешла отъ нихъ въ покоренную ими Колхиду.

Ристаніе началось скачкою въ запуски: двà ряда всадниковъ выстроились на лугу; промежду нихъ носились, по два и по три, самые отчаянные наѣздники, на быстрыхъ Имеретинскихъ бачахъ и кровныхъ Карабахскихъ жеребцахъ; ихъ сбруи и сѣдлы блистали Азіатскою роскошью. Нѣсколько разъ летали взадъ и впередъ тѣ же всадники, при одобрительныхъ кликахъ народа, и судьи изъ князей провозглашали побѣдителей. Другой награды не было и не

искали; каждый оставался доволенъ своимъ удальствомъ. Послѣ скачки составился кружокъ для иной конной игры, собственно Арабской, джерида. Отборные всадники, на лучшихъ коняхъ, раздѣлились на двѣ дружины, и одинъ за другимъ выскакивали впередъ, чтобы бросить длинную палку въ противника; быстро, на всемъ скаку, обращали они своихъ коней и какъ вихрь кружились кони на заднихъ ногахъ; но отъ строгости удилъ и шпоръ много страдали, подъ своими ловкими всадниками. Два молодыхъ князя особенно отличались съ обѣихъ сторонъ: одинъ, на золотистомъ конѣ Карабахскомъ, въ зеленой бархатной чухѣ, не старше пятнадцати лѣтъ, всѣхъ искуснѣе металъ джеридъ; другой, нѣсколько по-старше, на бѣломъ конѣ, въ пестромъ ахалукѣ изъ Персидской шали, изумлялъ своимъ наѣздничествомъ. На нихъ обращено было общее вниманіе, и дѣйствительно всѣ ихъ движенія были картинны, особенно когда съ мѣста пускали коня или внезапно осаживали его другъ передъ другомъ. Тотъ, что на бѣломъ ко-

нѣ, долженъ былъ еще всякій разъ съ нимъ бороться, когда хотѣлъ двинуть впередъ: какъ только вонзалъ шпоры раздраженный всадникъ, бурно взвивался подъ нимъ его конь, съ такими дикими прыжками, что казалось не могъ онъ усидѣть; но всадникъ какъ бы приросъ къ сѣдлу, гибкостію стана слѣдуя за всѣми движеніями лошади и, новыми усиленными ударами шпоръ, побѣждалъ ее упорство, прежде нежели состязаться съ соперникомъ; на лицѣ его была написана увѣренность въ своемъ искуствѣ, съ чувствомъ самодовольствія, что столько было свидѣтелей его побѣды.

Игра продолжалась, доколѣ наконецъ утомленіе всадниковъ и ихъ коней не заставило ее прекратить. Тогда начались хороводы и пляски, отдѣльными кружками подъ тѣнію липъ, и веселье не прерывалось до самаго вечера.

МИНГРЕЛІЯ. МАРТВИЛЬСКАЯ ОБИТЕЛЬ.

Не болѣе 15 верстъ отъ Хони до Мартвиля, каѳедральной обители Епископовъ Мингрельскихъ и вмѣстѣ погребальной для рода Дадіановъ; но нельзя было переѣхать черезъ бурную рѣку Цхени-цкали, или конскія воды, которая до такой степени поднялась отъ дождей, что даже не всякій отважный всадникъ рѣшался ее переплыть. Мы принуждены были спуститься 20 верстъ, по лѣвому ея берегу до Марани, гдѣ хо–

дитъ паромъ, потому что тамъ бурный потокъ дѣлается болѣе спокойною рѣкою: это граница Имеретіи и Мингреліи. Подданные Дадіана встрѣтили брата своего владѣтельнаго Князя, со всѣми знаками любви и уваженія; верховыя лошади, посланныя къ намъ на встрѣчу Владѣтелемъ, ожидали на противоположномъ берегу. Я отправилъ коляску до устья Цхени-цкали, чтобы спустить ее по Ріону въ Редутъ-кале, и верхомъ продолжалъ путешествіе по Мингреліи. Великолѣпная растительность поражала при первомъ шагѣ: густой лѣсъ, изъ самыхъ роскошныхъ деревъ юга, тянулся вдоль берега, перевитый весь лозами дикаго винограда. Солнце садилось, когда мы ступили на землю Мингрельскую; мнѣ пріятно было видѣть радость Дадіана, какъ только почувствовалъ себя на родной землѣ; онъ не могъ насытиться бесѣдою съ окружавшими его соотечественниками, которыхъ свободное обращеніе было однако проникнуто глубокимъ благоговѣніемъ, что совершенно свойственно Востоку. Первую ночь провели мы въ Марани, въ дубовомъ

домѣ, устроенномъ Владѣтелемъ, по случаю частыхъ своихъ проѣздовъ.

Рано собрались мы въ путь, чтобы засвѣтло достигнуть Мартвиля, отъ котораго отдалились почти на 40 верстъ, а намъ еще надлежало посѣтить дорогою Епископа Мингрельскаго Антонія, изъ рода Дадіановъ, въ его помѣстьи, гдѣ ожидалъ насъ Владѣтель Абхазіи. Селеніе Антопъ разсѣяно въ чащѣ лѣса, около убогой деревянной церкви, и двѣ небольшія избы, похожія на Малороссійскія хаты, составляли лѣтнее жилище Епископа; онъ уступилъ одну изъ нихъ Владѣтелю. Послѣ обильной трапезы, Антоній, предложилъ намъ свою коляску до Мартвиля, и не смотря на дурныя дороги, мы довольно рано поспѣли въ обитель, чтобы насладиться ея очаровательнымъ видомъ, еще до захожденія солнца. Издали она уже видна на высокомъ холмѣ, поросшемъ лѣсомъ, который подымается одиноко и какъ бы назнаменованъ для великаго событія. И дѣйствительно оно совершилось: по мѣстнымъ преданіямъ, на этомъ холмѣ водрузилъ Св.

Апостолъ Андрей Первозванный первый крестъ въ предѣлахъ Мингреліи, какъ у насъ на горахъ Кіевскихъ, срубивъ древній дубъ, осѣнявшій языческое требище: посему церковь носитъ названіе Чконъ-диди, т. е. большаго дуба, и это обратилось въ титулъ эпархіи, ибо Епископы Мингреліи называются Чконъ-дидели; Мартвиль же есть болѣе древнее наименованіе мѣста, и означаетъ по Мингрельски мученика, потому что до проповѣди евангельской, тутъ приносились человѣческія жертвы, и вѣроятно это самое побудило Апостола, избрать сіе мѣсто для водруженія искупительнаго креста.

Нельзя было иначе подняться на вершину холма, какъ только верхомъ или пѣшкомъ, въ чащѣ лѣса, переплетеннаго виноградными лозами; онѣ перебѣгали съ дерева на дерево, связывая ихъ роскошными плетеницами, въ одну очарованную дубраву; кое-гдѣ были разсѣяны хижины и разнообразили собою дикую прелесть холма. На усѣченной его вершинѣ, нѣкогда

обнесенной стѣнами и недоступной по своимъ обрывамъ, возвышается древняя обитель, въ которую нельзя иначе проникнуть какъ сквозь тѣсныя врата колокольни. Но какіе очаровательные виды открываются во всѣ стороны, съ западной площадки холма, осѣненнаго тремя вѣковыми дубами! Вся Мингрелія и Имеретія у ногъ вашихъ до самаго моря; къ полдню излучистое теченіе Цхени-цкали рисовалось, какъ бы на картѣ, по долинѣ Мингрельской, и бѣлѣли Хони съ окрестными селеніями; горы Гурійскія кончали горизонтъ, а ближе къ западу, на тройной вершинѣ холмовъ, виднѣлись развалины Наколакеви, древней столицы Медеи, и море, въ вечернихъ лучахъ солнца, золотою чертою довершало картину. Къ сѣверу живописное ущеліе Абаши манило въ дальній снѣжный хребетъ Сванетскихъ горъ, которыми грозился старецъ Кавказъ, а на востокъ тянулась другая его мощная отрасль Лечгумская, съ свѣтлою вершиною Квамли, одного изъ семи исполиновъ горнаго хребта. Все сіе чудное зрѣлище, угасавшее предъ нами вмѣстѣ съ

солнцемъ, возсіяло опять изъ утреннихъ тумановъ, съ первыми лучами дня.

Настоятель Мартвильскій съ семью иноками, которые составляли все братство обители, встрѣтили торжественно брата своего Владѣтеля, и отпѣли для него панихиду надъ гробомъ родителей. Грустно было первое впечатлѣніе погребальнаго монастыря, для Дадіана, который лишился сперва матери а потомъ отца, во время долгаго своего отсутствія въ Россіи; я старался, сколько можно, сократить пребываніе наше въ церкви, чтобы не возбуждать въ немъ печальныхъ думъ. Соборная церковь, во имя успенія, не обширна и напоминаетъ внутреннимъ устройствомъ Сіонскую, что въ долинѣ Атенской. Если вѣрить Греческой надписи, начертанной красными буквами, при входѣ въ жертвенникъ, то должно почитать основателемъ храма Константина великаго, ибо онъ тутъ изображенъ держащимъ въ рукахъ церковь, а надпись гласитъ: «Константинъ Государь создалъ Чкон - дидскую церковь.» Трудно однако отнести къ его времени храмъ

сей, хотя и весьма древній. Въ лѣтописи Грузинской Вахуштія сказано, что его соорудилъ Георгій Владѣтель Абхазскій, отецъ Константина, провозглашеннаго Царемъ Карталинскимъ въ X вѣкѣ, и весьма вѣроятно, что въ подписи подразумѣвается сей Константинъ, украсившій быть можетъ обитель. Паперть, съ двумя придѣлами Архангеловъ и успенія, также погребальными, пристроена гораздо позже, и испортила наружный фасадъ. Есть еще одинъ придѣлъ успенія, въ застѣнкѣ близь Архіерейскаго мѣста, и Св. Георгія подлѣ алтаря, гдѣ теперь ризница.

Главный престолъ мраморный, на пяти столбикахъ, воздвигнутъ надъ корнемъ дуба, срубленнаго Апостоломъ, и это преданіе должно быть близко Русскому сердцу, по сходству отечественныхъ воспоминаній. Великолѣпное евангеліе Св. Георгія Святогорца, подобное тому что въ Гелатѣ, доселѣ служитъ напрестольнымъ. Ликъ Влахернской Божіей Матери, съ Архангелами и Святителями, видѣнъ на горнемъ мѣстѣ. Чудотворная икона Мартвильской Богомате-

ри хранится въ церкви, въ особенномъ кивотѣ: она представлена стоящею, съ предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ и Ангелами по сторонамъ; около нее, въ эмалевыхъ кругахъ, изображены верховные Апостолы и Евангелисты и Св. Мартиніянъ и Тарасій, вѣроятно бывшіе патронами первыхъ украсителей иконы, а на позлащенномъ, новѣйшемъ ея окладѣ, изваяны чеканною работою Св. Троица, тѣ же Апостолы и Святители Николай и Спиридонъ; тутъ же, промежду драгоцѣнныхъ камней, вставлены два камня отъ Св. гроба, и два креста съ частями животворящаго древа. Икона сія есть завѣтная святыня всей Мингреліи и къ ней съ большимъ усердіемъ стекаются богомольцы. Подлѣ нее, въ деревянномъ кивотѣ, хранится еще одинъ древній образъ Богоматери, въ золотой ризѣ, перстъ Іоанна Предтечи, два жемчужныхъ креста и панагія, съ животворящимъ древомъ. Святыня сія, какъ гласитъ надпись, ввѣрена храненію Пречистой Дѣвы Мартвильской, Митрополитомъ Гавріиломъ, сыномъ Бежана Дадіана, который собралъ кресты из-

давна утраченные и вновь ихъ украсилъ, внушая своимъ преемникамъ носить ихъ во время богослуженія; но строгая клятва произнесена имъ, на тѣхъ изъ Дадіановъ, Епископовъ или Князей, которые когда либо осмѣлятся взять сіе сокровище изъ обители.

Мѣстная икона Богоматери довольно богато украшена Епископомъ Евдемономъ, изъ рода Абакидзе, въ 1651 году, судя по молитвенной надписи. — Онъ проситъ превысшую Херувимъ, принять отъ него сіе даяніе, какъ божественный Сынъ ея принялъ двѣ лепты отъ вдовицы. Храмовой образъ Спасителя недавно украшенъ Митрополитомъ Гавріиломъ, при покойномъ владѣтелѣ Леванѣ, и все его семейство поименовано въ молитвѣ, въ низу образа. Есть еще три малыя иконы Богоматери, богато украшенныя надъ жертвенникомъ, въ придѣлѣ Архангеловъ и на гробѣ последней Владѣтельницы Мареы. Надписи почти всѣ одного содержанія; древнѣйшая изъ нихъ относится къ великому Левану:

«О всепѣтая Божія невѣста, Дѣва, пре-

высшая семи небесъ и славнѣйшая Херувимъ, надежда и прибѣжище всѣхъ Христіанъ, Матерь свѣта, пресвятая Мартвильская Богородице! Молю тебя, упованіе мое, я Дадіанъ Леонъ, сынъ Владѣтеля Манучара, который возобновилъ образъ твой, по обстоятельствамъ истертый и разбитый; я велѣлъ оковать его нашимъ серебромъ и вызолотить, осыпать и украсить нашими рубинами и жемчугами, во спасеніе супруги нашей, владѣтельницы Нестанъ-Дареджани, и во оставленіе грѣховъ ея и въ возращеніе сыновъ нашихъ, Александра и Манучара, и дочери нашей Зилихани; по хроникону 329 года (1662)».

Если кто хочетъ изучить родословіе Дадіановъ, тотъ можетъ прочесть его въ лицахъ, хотя и не полное, на стѣнахъ Мартвильскаго храма, какъ фрески Гелата знакомятъ съ династіею Царей Имеретинскихъ. Я говорю не полное, потому что прежнее поколѣніе Дадіановъ, начиная отъ великаго Маміи, въ XIV вѣкѣ, погребалось или въ обители Бедіи, которой развалины еще видны въ Самурзаханской области, или въ су-

ществующемъ донынѣ монастырѣ Хопи. Тамъ славный воитель Вамекъ собралъ, изъ покоренныхъ имъ земель Черкесскихъ, мраморные остатки Греческихъ колоннъ, которыя доселѣ встрѣчаются въ горахъ на древнемъ торговомъ пути, нынѣ оставленномъ. Второе поколѣніе Дадіановъ, потомковъ Липарида, который объявилъ себя независимымъ, послѣ раздѣленія Грузіи въ XV вѣкѣ, избрало себѣ усыпальницею горную обитель Челинджихи, въ сѣверной части Мингреліи; тамъ и доселѣ видны ихъ гробовые памятники, съ изваянными сверху фигурами усопшихъ, какъ въ рыцарскихъ склепахъ запада.

Предпослѣдній Князь сего рода, великій Леванъ, знаменитый въ XIV вѣкѣ своими побѣдами надъ Царями Имеретіи, горько прославился и преступленіями: изувѣчивъ первую жену свою, Княжну Абхазскую, отнялъ онъ у дяди супругу его Дареджань, которая не уступала красотою и пороками Имеретинской Царицѣ сего имени. Не было благословенія Божія незаконному браку; всѣ дѣти умирали отъ

разслабленія, а внукъ его, юный Леванъ, лишенъ былъ престола родственникомъ Вамекомъ. Но сей Вамекъ не умѣлъ воспользоваться дружескимъ союзомъ съ Шахъ-Навазомъ, сильнымъ Царемъ Грузіи, который посадилъ сына своего Арчила на престолъ Имеретинскій и хотѣлъ женить его на дочери Вамека. Любовь ея къ одному изъ князей Мингрельскихъ, разстроила честолюбивый замыслъ отца и лишила его престола и жизни: раздраженный отказомъ Шахъ-Навазъ, наступилъ на него со всѣми силами; Вамекъ бѣжалъ въ горы Сванетскія и тамъ былъ умерщвленъ, а дѣти его удалились въ Россію, гдѣ продолжался отъ нихъ родъ Дадіановъ. Внукъ великаго Левана получилъ опять область отца, но съ нимъ пресѣклось второе поколѣніе Владѣтелей. Князья Чекваны, родственники по женской линіи, сдѣлались правителями Мингреліи, и первымъ изъ нихъ былъ великій Кація, коего имя повторялось въ новой династіи; не только третій изъ нихъ принялъ званіе Дадіана, означающее Владѣтеля. Родъ сей избралъ себѣ погребальнымъ мѣстомъ оби-

тель Мартвильскую. При входѣ съ сѣверной стороны, написаны на стѣнѣ Kaціи Дадіанъ и супруга его Сеудія, тутъ погребенные, и сынъ ихъ Георгій съ женою Еленою, родители покойнаго Владѣтеля Левана. Надъ ихъ ликами есть на стѣнѣ молитвенное воззваніе къ Матери Божіей:

«О ты, превысшая семи небесъ и славнѣйшая Херувимъ, отъ которой прозябъ плодъ, освящающій неплодныхъ, стирающій проклятіе Адамово и расторгающій узы, его связавшіе, и въ благословеніе ихъ обращающій! Ты, обиталище Духа Святаго, ковчегъ священной скиніи, которую назвалъ Исаія легкимъ облакомъ, лѣствицею возводящею на небо, чрезъ которую Богъ сошелъ на землю, Мартвильская Богородица, подобная небесамъ! я, надѣющійся на твое храненіе, Владѣтель Легхума и Саннасара, Салипартіяна' и всей Мингреліи.....» (остальное стерлось).

При выходѣ изъ церкви намъ представилась башня, на самомъ обрывѣ холма, къ верхнему ярусу ея была приставлена

снаружи деревянная лѣстница, съ сломанными ступенями, которая колебалась отъ сильнаго вѣтра, такъ что по ней опасно было подыматься. Въ этой башнѣ спасается столпникъ, при малой церкви великаго столпника Симеона, котораго образъ изваянъ надъ входомъ. Имя подвижника Іессей, и онъ недавно переселился въ сіе горнее жилище изъ глубины лѣсовъ, когда упразднилась келлія, по смерти прежняго столпника Романа: и такъ древніе образы подвиговъ, столпниковъ и молчальниковъ, еще не прекратились по ту сторону Кавказа. Отъ подножія сей башни видна была въ лѣсу, на сосѣднемъ холмѣ, пустынная обитель Благовѣщенія, одного изъ великихъ тружениковъ Мингреліи, Архіепископа Антонія отъ рода Дадіановъ, который долгое время управлялъ своею паствою, въ минувшемъ столѣтіи, и славился краснорѣчіемъ и святостію жизни. Его простое и неприготовленное слово сильно дѣйствовало на князей и народъ; но старецъ пожелалъ окончить дни въ уединеніи и, устроивъ себѣ обитель въ виду Мартвиль-

ской каѳедры, уступилъ ее племяннику своему Виссаріону, равно благочестивому, а самъ еще 30 лѣтъ подвизался, въ постѣ и молитвѣ, въ мирномъ жилищѣ, избранномъ имъ на прагѣ вѣчности; тамъ почиваетъ прахъ его и многіе стекаются ко гробу пастыря, оставившаго по себѣ благую память.

РАЗВАЛИНЫ НАКОЛАКЕВИ.

Въ дубовыхъ келліяхъ Чкондиделя (т. е. Епископа Мартвильскаго), убранныхъ въ восточномъ вкусѣ, провели мы ночь и на разсвѣтѣ, насладившись еще однажды очаровательнымъ видомъ съ высоты холма, спустились въ долину, сквозь чащу виноград-

наго лѣса. Двухдневное путешествіе наше, отъ монастыря до Зугдида, мѣстопребыванія Дадіана, было исполнено патріархальной поэзіи нравовъ Мингрельскихъ, воспоминаній историческихъ и красотъ природы; но первый день особенно изобиловалъ ими и оставилъ во мнѣ впечатлѣніе самое пріятное. Мы нѣсколько отклонились къ сѣверу отъ нашей дороги, чтобы видѣть въ ущеліи водопадъ Абаши, и пять верстъ слѣдовали въ верхъ по теченію рѣки, до того мѣста, гдѣ она падаетъ съ камня на камень, въ тѣсномъ руслѣ, подъ навѣсомъ густой дубравы. Два зыбкихъ бревна перекинуты черезъ пѣнящійся потокъ, для отважнаго путника, а внизу кипитъ Абаша, и гложетъ камни, которые сгладила какъ мраморную доску. Если не высокъ водопадъ, то невыразимо дики его бурные порывы и имъ соотвѣтствуетъ дикость окрестной природы. Отъ водопада Абаши возвращались мы, внизъ по ея теченію, нѣсколько разъ переѣзжая рѣку, доколѣ совершенно ее не оставили, въ виду Мартвильской обители, чтобы направиться по-

чти безъ всякой дороги, черезъ поля и овраги, къ развалинамъ Наколакеви.

Первый отдыхъ имѣли мы на высокомъ холмѣ, близъ уединенной церкви, около которой разсѣяно было въ лѣсу селеніе Мингрельское. Вдали еще красовалась отовсюду видимая обитель Мартвильская; недалеко, въ чащѣ лѣса, стояли полуобрушенныя башни, сильнаго нѣкогда Бежана Дадіана, который имѣлъ большое вліяніе на дѣла своей родины въ минувшемъ столѣтіи. Насъ провожалъ, по приказанію Владѣтеля, начальникъ участка Мартвильскаго, отъ берега Абаши до берега Техуры. Дадіанъ взялъ съ собою изъ монастыря пятнадцатилѣтняго мальчика, князя Пагаву, чтобы сдѣлать его нукеромъ или пажемъ при своей женѣ, дочери послѣдняго Владѣтеля Гуріи, ибо такого рода служба въ обычаяхъ Мингрельскихъ. Ловкій мальчикъ подавалъ намъ лошадей, держалъ стремя и вмѣстѣ садился съ нами за столъ, какъ это бывало въ феодальныхъ замкахъ, гдѣ отроки изъ лучшихъ фамилій служили при старшихъ князьяхъ. Въ столь юномъ

возрастѣ, Мингрельская отвага обнаруживалась во всѣхъ его дѣйствіяхъ: наканунѣ, когда весьма немногіе изъ взрослыхъ рѣшались на челнокѣ переплыть черезъ бурный Цхени-цкали, держа за поводъ своихъ коней, отрокъ смѣло переплылъ рѣку верхомъ, чтобы только полюбоваться скачкою въ Хони. Но аристократическая спѣсь проявлялась въ немъ весьма разительно, при исполненіи нукерской должности. «Есть-ли кто при тебѣ?» спросилъ его Дадіанъ. «Никого», отвѣчалъ онъ. — «Но кто же будетъ смотрѣть за твоею лошадью?» — «Я взялъ съ собою конюха, опять отвѣчалъ Пагава, но при мнѣ нѣтъ никого изъ нашихъ дворянъ.» Вотъ какъ судилъ пятнадцатилѣтній мальчикъ, который полагалъ, что для его княжескаго достоинства необходимо имѣть дворянина, хотя самъ онъ былъ не больше коннаго пажа, при братѣ своего Владѣтеля.

На дорогѣ встрѣтили насъ еще два князя Пагавы, родственники отроку, уже преклонныхъ лѣтъ, одинъ на мулѣ, другой на лошади. Они долго ожидали нашего про-

ѣзда въ полѣ, подъ уединеннымъ деревомъ; но, приближаясь къ Дадіану, спѣшились, въ знакъ глубокаго уваженія къ своему природному Князю и цѣловали его въ колѣно; когда же сѣли опять верхомъ, начали весьма свободно съ нимъ бесѣдовать, называя его только владыкою, Батуни. Мнѣ нравилась такая непринужденность въ обращеніи, соединенная съ глубокимъ чувствомъ преданности. Но и тутъ пренебреженіе къ низшимъ разительно бросалось въ глаза: за князьями бѣжали во всю дорогу ихъ саисы или конюхи, съ тяжелыми бурками на плечахъ, въ самые знойные часы дня, и почти никогда не отставали, на разстояніи многихъ верстъ. Какъ согласить такое рабство съ свободнымъ духомъ народа Мингрельскаго, когда тѣ же саисы обѣдаютъ за однимъ столомъ съ своими господами?

Давно уже представлялась намъ тройная вершина лѣсистой горы, съ развалинами Наколакеви; но дорога къ ней извивалась между полянъ и садовъ селенія, скрытаго въ чащѣ лѣса, и малый потокъ, впа-

дающій въ Техуру, часто пересѣкалъ нашъ путь; наконецъ подъѣхали мы къ живописной развалинѣ городскихъ воротъ, поросшихъ густымъ плющемъ, и чрезъ сію тріумфальную арку времени, вступили на обширный лугъ, осѣненный вѣковыми смоковницами и липами. Съ одной стороны шумѣлъ быстрый потокъ Техуры, съ другой подымалась крутая гора, вся покрытая лѣсомъ, и на скатѣ ея стоялъ многобашенный замокъ. Нѣсколько обрушенныхъ зданій, временъ давно минувшихъ, и нѣсколько новѣйшихъ хижинъ, свидѣтели протекшей славы и нынѣшняго убожества, раскинуты были по свѣжей зелени луга, подъ навѣсомъ деревъ. — Это была Наколакеви или Археополисъ, Христіанская столица Лазовъ; это была Эа, языческая столица Колхиды, прославленная чародѣйствами Медеи и Цирцеи, куда стремился Язонъ за баснословнымъ руномъ, и гдѣ Улиссъ былъ плѣнникомъ волшебницы Цирцеи, по сказанію Одиссеи. Страшно погрузиться въ такую глубокую древность, которая еще звучитъ стихами старца Омира. Патріар-

хальная сцена, достойная временъ Одиссеи, представилась намъ посреди развалинъ Эи: тамъ природа, всею своей растительною силой, боролась съ остатками человѣческихъ твореній и одолѣвала ихъ, ибо всякая развалина одѣта была пышною зеленью, какъ иногда люди сами украшаютъ свои жилища, для сельскаго праздника.

Самые почетные изъ Князей Мингрельскихъ, отъ рода Дадіановъ и Пагавы, встрѣтили тутъ брата своего Владѣтеля, котораго еще не видали по смерти его отца. Всѣ они были въ глубокомъ траурѣ, т. е. кромѣ темнаго платья, по обычаю своей земли, не стригли волосъ и не брили бороды, ибо еще не минуло года, послѣ кончины Владѣтеля Левана. Нѣкоторые изъ нихъ были присными усопшаго, распорядителями его домашняго быта и спутниками непрестанныхъ ловлей, которыя страстно любилъ. Арчилъ Дадіанъ, болѣе всѣхъ къ нему близкій, имѣлъ помѣстье по ту сторону Техуры, и былъ какъ бы хозяиномъ сихъ развалинъ. Но въ числѣ Князей, одно старческое лице, также изъ ро-

да Дадіановъ, напомнило мнѣ Нестора Иліады: длинная сѣдая борода его внушала невольное уваженіе. Старецъ, недавно лишившійся сына, единственной своей опоры, еще болѣе согнулся подъ бременемъ лѣтъ и съ трудомъ ходилъ, опираясь на длинный свой посохъ; но и онъ, вспомнивъ прежнюю отвагу, выѣхалъ встрѣтить Князя, и не иначе садился какъ по его приглашенію, воздавая должную почесть его роду. Такое уваженіе столѣтняго старца къ молодому человѣку, потому только что онъ принадлежалъ къ владѣтельному дому, показывало патріархальность нравовъ Мингреліи, еще привязанной къ преданіямъ отеческимъ. Скромная трапеза была приготовлена для насъ подъ роскошною тѣнію смоковницы; всѣ пили изъ серебряныхъ кубковъ, одинъ за здравіе другаго, передавая кубокъ поочередно сосѣду съ низкимъ поклономъ. Это радушное угощеніе, посреди развалинъ, было также исполнено поэзіи Омирической.

Тогда приступили мы къ осмотру развалинъ. Арчилъ Дадіанъ прежде всего

ввелъ насъ въ устье сквозной пещеры, и по ея крутому извивистому спуску, совершенно нечаянно вышли мы къ водамъ Техуры; но здѣсь рѣка казалась озеромъ, потому что она образовала правильную дугу между крутыхъ береговъ, поросшихъ лѣсомъ, и не было видно ни откуда, ни куда течетъ она въ этомъ овальномъ водоемѣ, будто бы нарочно устроенномъ руками человѣческими, для великолѣпной царской купальни. Подземный проходъ сей тайно доставлялъ воду жителямъ нижняго города и замку, построенному на скатѣ холма, и въ самый вышгородъ подымали ее на вьюкахъ, вдоль гребня крѣпостной стѣны. Мы возвратились опять на пространный лугъ, огражденный бойницами, и взошли въ единственную церковь, уцѣлѣвшую посреди развалинъ.

Она складена, частію изъ дикаго камня, частію изъ кирпича, и, по своимъ Византійскимъ формамъ, являетъ глубокую древность. Можно согласиться съ мнѣніемъ ученыхъ путешественниковъ, которые относятъ ее ко временамъ Іустиніана, ибо

извѣстно по исторіи Прокопія, что онъ соорудилъ церковь у Лазовъ, когда Царь ихъ обратился въ Христіанство: и такъ эта церковь можетъ быть шестаго вѣка и вѣроятно посвящена была Богоматери, какъ большая часть храмовъ Іустиніановыхъ. Но здѣсь она носитъ названіе сорока Мучениковъ, потому что въ правомъ придѣлѣ показываютъ сорокъ кружковъ, правильно расположенныхъ на помостѣ, гдѣ будто бы погребены священные останки страдальцевъ Севастійскихъ. Мѣстное преданіе называетъ даже озеромъ сорока Мучениковъ ту живописную часть рѣки Техуры, которою мы любовались изъ подземелья, и утверждаетъ будто бы они пострадали на этомъ мѣстѣ. На чемъ-нибудь однако должно быть основано такое преданіе: если, быть можетъ, Императоромъ Іустиніаномъ, даны были частицы мощей Св. мучениковъ, для новаго храма, и тамъ положены они, по образцу ихъ погребенія въ Севастійской церкви: то не мудрено, что благочестіе новообращенныхъ Христіанъ искало себѣ усвоить и поприще ихъ страданій;

самая необычайность Техурскаго водоема располагаетъ вѣрить его таинственному назначенію.

Жертвенникъ въ древнемъ храмѣ, соотвѣтствующій придѣлу мучениковъ, выдается впередъ алтаря, какъ въ пещерной церкви Натлисмцемели въ Грузіи, и сѣверная дверь приходится съ боку; иконостасъ низкій, каменный, по образцу древнихъ святилищь. На стѣнахъ еще кое-гдѣ сохранились фрески: святители, пустынники и мученики, вѣроятно всѣ сорокъ Севастійскихъ; не забыты Константинъ и Елена, которые встрѣчаются во всѣхъ церквахъ Мингреліи и Имеретіи; на горнемъ мѣстѣ еще видѣнъ Спаситель съ символами Евангелистовъ. Подлѣ храма стоитъ полуобрушенная колокольня, уже позднѣйшихъ временъ, и обширное зданіе изъ дикаго камня, все поросшее плющемъ и деревьями; оно слыветъ въ народѣ дворцемъ, и дѣйствительно похоже, по своему объему и прочности, на царскія палаты. По всему скату горы, до самой ея вершины расположенъ былъ древній городъ Археополисъ

и есть слѣды улицъ и домовъ, но вся гора до такой степени заросла густымъ лѣсомъ, что нѣтъ возможности лѣтомъ проникнуть сквозь чащу до вышгорода; мы должны были сдѣлать большой кругъ, чтобы подняться на вершину горы.

Старецъ Дадіанъ уже не могъ за нами слѣдовать; съ трудомъ посадили его на лошадь, но какъ Несторъ Иліады, и онъ говорилъ моему спутнику: «Ахъ! если бы возвратились прежнія мои силы, когда я съ отцемъ твоимъ Леваномъ и съ дѣдомъ Георгіемъ, неутомимо ѣзжалъ на охоту и воевалъ противъ недруговъ нашихъ! а теперь одолѣла старость, отпусти меня.» Онъ присовокупилъ слово, трогательное въ устахъ старца, предъ молодымъ человѣкомъ, ибо оно выражало уваженіе къ владѣтельному роду, ради коего забывался и преклонный возрастъ: «Батуни, когда же позволишь ты мнѣ придти снять съ тебя сапоги, въ твоемъ Зугдидскомъ домѣ?» Прощаясь съ старцомъ, я пожелалъ ему крѣпости душевной, при недостаткѣ тѣлесныхъ силъ, для перенесенія родительской

скорби. — Онъ изумился и отвѣчалъ: «кто могъ сказать тебѣ о моемъ горѣ? неужели не чуждо оно и чужому!» — Видно, что старецъ былъ тронутъ вниманіемъ къ его потери. Мы разстались во вратахъ поросшихъ плющемъ: эта зеленая развалина была какъ бы образомъ его маститой старости. Тутъ же во вратахъ встрѣтилъ насъ сынъ Арчила, молодой Дадіанъ, который, по нѣкоторымъ юношескимъ проступкамъ, оставилъ домъ Владѣтеля Мингрельскаго, чтобы служить Владѣтелю Абхазіи. По сей ли причинѣ, или отъ того, что въ обычаяхъ страны сей, неприлично изъявлять свои чувства въ присутствіи начальственныхъ лицъ, но свиданіе сына съ отцемъ было совершенно холодно; они только издали поклонились и даже не подали другъ другу руки; юноша вмѣшался позади всѣхъ въ толпу нукеровъ.

Съ трудомъ поднялись мы на крутую гору Наколакеви, къ уцѣлѣвшей отчасти оградѣ вышгорода. Предъ нимъ выдавалась площадка на обрывѣ утесовъ, и оттолѣ открылись намъ пространные очаро-

вательные виды, до самаго Мартвиля и Хони; лѣсистое ущеліе Техуры, быстро текущей у подножія горы, далеко извивалось къ сѣверу, умножая дикую красоту картины. Есть особенное наслажденіе для сердца, какъ бы парить надъ землею на такихъ выспренниихъ мѣстахъ: видно что человѣкъ жаждетъ простора и созданъ для болѣе обширнаго горизонта, нежели тотъ, въ которомъ онъ всуе мятется. Внутренность вышгорода завалена была лѣсомъ, сломаннымъ бурею; это лучшее мѣсто для ловли: олени и козы и дикіе кабаны стремятся изъ чащи, черезъ груду развалинъ, и прорываются сквозь недоступныя нѣкогда стѣны Археополиса. Какая противуположность на разстояніи вѣковъ! Посреди вышгорода небольшая церковь совершенно простой архитектуры, изъ дикаго камня, гласитъ о давноминувшемъ; внутри ея есть каменное сѣдалище кругомъ стѣны, но уже нѣтъ иконостаса. На западной оконечности вышгорода уцѣлѣли стѣны обширнаго зданія въ три яруса, но уже съ обрушенными сводами; оно слыветъ также двор-

цомъ и имѣло сообщеніе съ нижнимъ замкомъ: — вотъ все, что осталось отъ древней столицы Цирцеи и Лазовъ, Эи и Археополиса!

Мы спустились отъ вышгорода на противуположную сторону горы, по гребню коей пролегала узкая тропа, болѣе для пѣшихъ, нежели для конныхъ; на берегу Техуры есть еще остатки теплыхъ минеральныхъ водъ, временъ Греческихъ, надъ которыми хочетъ устроить Владѣтель новыя бани. Болѣе десяти верстъ оставалось намъ ѣхать до ночлега, по глубокимъ оврагамъ и горамъ, поросшимъ лѣсомъ, доколѣ не спустились опять въ живописную долину Техуры, усѣянную сельскими усадьбами Князей Мингрельскихъ. Въ дубовыхъ палатахъ старшаго изъ нихъ, Князя Чечуа, приготовили для насъ гостепріимный пріютъ и пріятно было отдохнуть, въ вечерней прохладѣ, послѣ утомительнаго дня. Двѣ обширныя залы изъ тесанаго дуба, съ крытою галлереею вокругъ, составляли верхній ярусъ княжескаго дома: въ одной изъ нихъ висѣла его родословная, съ Мингрель-

скимъ гербомъ золотаго руна. Замѣчательно какъ сохранилось сіе баснословное преданіе древней Колхиды въ нынѣшней Мингреліи, гдѣ конечно немногіе знаютъ повѣсть о походѣ Аргонавтовъ и едва слышали имя Язона.

Столь же утомительный путь предстоялъ намъ на слѣдующій день; еще около 50 верстъ оставалось до Зугдида, но менѣе любопытнаго встрѣчалось дорогою. Уже нѣсколько лѣтъ, какъ сорвало бурею новый мостъ черезъ Техуру; мы переправились на утломъ паромѣ, и ѣхали, однообразнымъ полемъ, до другой бурной рѣки Хопи: это была средняя часть Мингреліи, менѣе гористая и потому не живописная. На берегу рѣки, встрѣтили Дадіана родственные ему Князья того же имени, въ домѣ коихъ онъ былъ воспитанъ. Въ Мингреліи, старшіе изъ Князей, имѣютъ обыкновеніе, выпрашивать себѣ на воспитаніе дѣтей Владѣтеля, чтобы чрезъ то укрѣпить связи свои съ владѣтельнымъ домомъ. Жены Князей, оставивъ собственныхъ младенцевъ, сами кормятъ грудью знамени-

тыхъ питомцевъ и молочное родство сіе почитается крѣпче кровныхъ узъ, ибо отрокъ возрастая, дѣлается членомъ новаго семейства, чуждаясь родительскаго дома. Такъ былъ воспитанъ и Дадіанъ, въ горахъ на берегу Хопи, до 15-ти лѣтъ. Радостью заблистали глаза его, когда онъ увидѣлъ родственную рѣку, на берегахъ коей провелъ первые годы своей молодости; онъ зачерпнулъ серебряною азарпешкою свѣжую струю, и жадно глоталъ ее, какъ бы впивая жизненныя силы, со всѣми отрадными воспоминаніями дѣтства. «Никакая вода не можетъ для меня сравниться съ водою Хопи, говорилъ мнѣ Дадіанъ, и я никогда не переѣзжаю родную рѣку, не утоливъ изъ нея жажды.» — Но для меня вода ея не имѣла особеннаго вкуса, хотя и въ знойный день, потому что мы оба пили съ различными впечатлѣніями.

Послѣ краткаго отдыха, на казачьемъ посту Хопи, мы продолжали путь и здѣсь опять мѣста сдѣлались разнообразнѣе и гористѣе. Бурно было теченіе Чаницкали, или рѣки Лазовъ, которая удержала на-

мять сего народа въ землѣ, нѣкогда ему принадлежавшей; Мингрельцы ихъ прямые потомки. Многобашенный замокъ Чаквинжи, или колодезь Лазовъ, такъ прозванный отъ своего глубокаго кладезя, представился намъ вдали на утесѣ, какъ рыцарскіе замки на берегахъ Рейна; но чего нѣтъ по сосѣдству Германской рѣки: снѣжныя Сванетскія горы опять потянулись по небосклону, окраиною сей чудной картины. Съ высотъ противуположнаго берега, еще однажды, какъ отъ Мартвиля, открылась намъ, во всей своей красѣ, великолѣпная Мингрелія, и радостно разбѣгались взоры по ея обширнымъ долинамъ, то къ суровому хребту Кавказа, то къ свѣтлой полосѣ моря. Спустились и очарованіе исчезло; опять однообразныя поляны и лѣсъ, доходившій до самаго Зугдида, который избрали Дадіаны, по теплому климату, для своего зимняго пребыванія.

ЗУГДИДЪ.

За версту отъ Зугдида, въ густомъ лѣсу, встрѣтилъ насъ Владѣтель Давидъ, уже давно ожидавшій нашего пріѣзда; отраденъ былъ радушный привѣтъ его въ краю для меня чуждомъ, гдѣ, посреди дружескихъ заботъ, можно было забыть въ немъ санъ обладателя Мингреліи. Прежде нежели ввести меня въ домъ свой, онъ пригласилъ пройти черезъ садъ, любимый предметъ его сельскихъ занятій, и дѣйствительно

обиліе цвѣтовъ Европейскихъ, подъ роскошнымъ небомъ Азіи, привлекательно для взоровъ. По срединѣ сада пространная бесѣдка, вся изъ дуба, съ рѣзными украшеніями въ восточномъ вкусѣ, часто служитъ для семейныхъ пиршествъ. Новый дворецъ Владѣтеля каменный, въ два яруса, выстроенъ и убранъ по Европейски, и весьма пріятно, послѣ утомительнаго пути по мѣстамъ дикимъ, найти такое покойное убѣжище. Это былъ вечеръ субботній, но ради гостепріимства Князь Давидъ оставилъ всенощное бдѣніе; должно отдать справедливость благочестію всего владѣтельнаго дома Мингреліи: церковь для него служитъ лучшимъ утѣшеніемъ и никто изъ семейства не пропускаетъ ни одного богослуженія. Въ ихъ домашнемъ кругу слушалъ я на слѣдующее утро, воскресную литургію, въ соборной церкви Зугдида, которая построена по особенному случаю, повелѣніемъ Императора Александра, въ память положенія честнаго пояса Богоматери.

По сказанію пролога и минеи, чудотворный поясъ сей былъ принесенъ изъ

Іерусалима, въ царствованіе Θеодосія младшаго, въ V вѣкѣ, и положенъ въ золотомъ ковчегѣ, подъ царскою печатію, въ церкви Богоматери, что на мѣдномъ торжищѣ Царьграда, въ Халкопратіяхъ. Четыреста лѣтъ спустя, супруга Императора Льва премудраго, Зоя, одержимая бѣснованіемъ, по соборной о ней молитвѣ, имѣла видѣніе, что получитъ здравіе, если на нее возложатъ поясъ Богоматери, хранящійся въ Халкопратіяхъ. Открыли запечатлѣнный издавна кивотъ, обрѣли въ немъ чудотворный поясъ и, какъ только Патріархъ осѣнилъ имъ страждущую Царицу, она исцѣлилась. Съ тѣхъ поръ установлено праздновать память сего событія 31 Августа, а святыня запечатлѣна, въ томъ же ковчегѣ до новаго чуда. Дочь Императора Романа Аргира, получившая также исцѣленіе отъ сего пояса, въ исходѣ X вѣка, вступила въ бракъ съ знаменитымъ Царемъ Абхазіи и Грузіи, Багратомъ Куропалатомъ; она умолила отца, отпустить съ нею въ дальнюю страну, половину чудотворнаго пояса, вмѣстѣ съ иною

драгоцѣнною святынею, которую принесла въ благословеніе новому своему царству. Поясъ Богоматери положенъ былъ сперва въ великолѣпной обители Бедійской, которую вѣроятно основала сія Царица, недалеко отъ моря въ предѣлахъ Самурзаханскихъ, а потомъ перенесли святыню въ Мартвиль, гдѣ находилась она долгое время. Бывшая Правительница Мингреліи Нина, дочь Царя Георгія, (которая недавно скончалась въ Петербургѣ) при вступленіи своемъ въ подданство Россіи, послала сей драгоцѣнный поясъ, какъ лучшее сокровище, въ даръ Императору Александру. Но благочестивый Монархъ, возвратившій Грузіи крестъ равноапостольной Нины, не хотѣлъ удержать и сего священнаго залога Мингреліи; онъ великолѣпно украсилъ его дорогими камнями и отослалъ опять къ Правительницѣ, съ милостивою грамотою, въ которой писалъ: что честный поясъ сей будетъ служить между ними залогомъ, ея преданности а его покровительства. Императоръ тогда же велѣлъ выстроить каменную церковь въ Зугдидѣ, для храненія

сего сокровища, и оно доселѣ тамъ хранится, въ особенномъ кивотѣ, предъ иконостасомъ.

Ликъ Богоматери весьма древній, написанъ на верхней части пояса, который походитъ на діаконскій орарь и сложенъ въ видѣ эпитрахили; нижняя часть совершенно ветха. Жемчугъ, изумруды и яхонты украшаютъ сіи драгоцѣнные остатки и разсыпаны по золотому полю, на которомъ они лежатъ. Это конечно одинъ изъ самыхъ древнихъ памятниковъ, который остался намъ отъ первыхъ временъ Христіанства. На престолѣ церкви Зугдидской есть еще малый ковчегъ, съ частицею животворящаго древа и мощей Предтечи, и тамъ же лежатъ богатоукрашенные святцы, на Грузинскомъ языкѣ, съ рисунками по золоту. Недавно возвращены изъ Петербурга двѣ древнія большія иконы, Спаса и Богоматери, которыя принадлежали послѣдней Имеретинской Царицѣ Аннѣ, супругѣ Соломона и дочери Владѣтеля Каціи, прадѣда нынѣшняго Дадіана. Духовникъ Князя и всего его семейства, старецъ Давидъ,

совершавшій божественную службу, былъ самъ весьма замѣчательнымъ лицемъ во ввѣренной ему церкви, по святости своей жизни и усердію, ибо не смотря на глубокую старость, не опускалъ ни одного дня безъ священнодѣйствія, строго исполняя всѣ церковныя службы. Отрадно было для меня сосѣдство церкви Зугдида, потому что наступили дни священные для каждаго Христіанина: отданіе праздника Пасхи, когда въ послѣдній разъ воспѣвается радостное «Христосъ воскресе!» и вознесеніе Господне, вѣнецъ его земнаго подвига. Хотя я и не понималъ языка Грузинскаго, но совершенное сходство богослужебнаго чина и нѣсколько словъ Дадіана, объясняли мнѣ время извѣстныхъ молитвъ, а усердіе молящихся располагало къ молитвѣ. Въ примѣръ сего усердія скажу только, что наканунѣ вознесенія, тетка Владѣтеля, шестидесятилѣтняя старица, въ проливной дождь, сдѣлала пятьдесятъ верстъ верхомъ, чтобы не пропустить всенощной; когда мы взошли въ церковь, утомленная сидѣла на коврахъ и вода текла съ

ея одежды; но какъ только началось богослуженіе, Княгиня встала и бодро выстояла продолжительную службу, какъ бы съ обновленными силами.

Четыре дня провелъ я подъ гостепріимнымъ кровомъ Дадіана и, въ продолженіе сего времени, почти непрестанныя непогоды не позволяли осмотрѣть окрестность. Намъ, жителямъ равнинъ, странно кажется, какъ можно селиться на ровныхъ мѣстахъ, имѣя подъ рукою горы, но горцамъ напротивъ нравится просторъ. Впрочемъ Зугдидъ сдѣлался мѣстнымъ пребываніемъ Дадіановъ, только со временъ великаго Левана, для усмиренія буйной Самурзаханской области и для береговой стражи, ибо тогда безпрестанныя нападенія Турковъ угрожали поморію. Говорятъ, что лѣтнее пребываніе въ Горди, посреди Лечгумскихъ горъ, чрезвычайно живописно и славится чистотою воздуха, когда напротивъ того Зугдидъ подверженъ всѣмъ болѣзнямъ поморія.

День спустя послѣ нашего пріѣзда, прибылъ Владѣтель Абхазіи, съ тестемъ сво-

имъ Дадіаномъ, и домъ Владѣтеля Мингреліи наполнился посѣтителями. Время, свободное отъ богослуженія и краткихъ прогулокъ, протекало въ бесѣдахъ, весьма для меня занимательныхъ съ обоими Владѣтелями, ибо я изучалъ мѣстные обычаи и обстоятельства края. Однажды, во время сихъ бесѣдъ, Князь Михаилъ Абхазскій видя, что у меня нѣтъ четокъ, которыя всѣ тамъ носятъ, снялъ съ руки тестя и отдалъ мнѣ, въ знакъ своего расположенія, серебряныя четки, весьма драгоцѣнныя по своей исторической древности, ибо они принадлежали великой Царицѣ Тамари и переходили изъ рода въ родъ, въ поколѣніи Владѣтелей земли Сванетской. Извѣстно, по общему преданію Грузіи, что въ неприступныя горы Сванетіи, при нашествіи непріятелей, уносимы были сокровища Царей Абхазскихъ, и еще многія тамъ можно найти, особенно драгоцѣнныя иконы. Тесть Князя Михаила получилъ царственныя четки, въ приданое за своею женою, дочерью Татархана, нынѣшняго Владѣтеля Сванетовъ. Мнѣ было совѣстно лишать его

вещи, столь дорогой въ моихъ понятіяхъ, хотя я радъ былъ имѣть у себя памятникъ Царицы, глубоко мною уважаемой; но Князь настоятельно требовалъ, чтобы я ихъ принялъ. «Какъ гость, вы имѣете право на все что только вамъ понравится, говорилъ онъ, а принадлежащее тестю моему есть какъ бы моя собственность». Равнымъ образомъ и тесть Владѣтеля, съ своей стороны, просилъ меня не прекословить зятю, и не оскорблять его самаго отказомъ. Владѣтель приглашалъ меня посѣтить его Абхазію, обѣщая выѣхать ко мнѣ на встрѣчу въ Очамчиры, на берегъ моря, ибо я долженъ былъ, отъ Редутъ-кале, плыть на пароходѣ вдоль поморія и заходить въ нѣкоторыя пристани. Онъ совѣтовалъ мнѣ осмотрѣть, за 10 верстъ отъ Очамчиръ, развалины древней каѳедры Епископской Мокви, еще украшенныя мраморомъ и стѣнною живописью, и ближе къ морю, знаменитую чудесами Св. Георгія церковь Илори, гдѣ хранится его древняя икона, и великолѣпные остатки обители Дранды, недалеко отъ Сухума. Но морская непогода и разлитіе

водъ Ингура, воспрепятствовали намъ обоимъ исполнить взаимное обѣщаніе. Владѣтель Абхазіи оставилъ Зугдидъ, нѣсколько часовъ раньше меня, и мы болѣе не видались.

Это было перваго Мая, въ праздникъ вознесенія. Пароходъ ожидалъ меня на другой день въ пристани Редутъ-кале, за 50 верстъ отъ Зугдида: нельзя было долѣе медлить; послѣ обѣдни я собрался въ путь, чтобы еще до ночи достигнуть Редута. Спутникъ мой хотѣлъ непремѣнно проводить меня, до крайней точки владѣній братнихъ, и тѣмъ вдвойнѣ исполнить долгъ пріязни и гостепріимства. Самъ Владѣтель, по чувству дружескаго ко мнѣ расположенія, поѣхалъ провожать меня за нѣсколько верстъ. Не безъ глубокой грусти мы простились, потому что въ теченіе зимы успѣли сблизиться въ Тифлисѣ, а радушный пріемъ въ Зугдидѣ скрѣпилъ нашу пріязнь. Князь Давидъ обѣщалъ пріѣхать осенью въ Россію и утѣшительна была надежда на скорое свиданіе.

Опять потянулись до самаго моря рос-

кошныя лѣса Мингрельскіе, обвитые виноградниками. Дикое обиліе природы ничего не требовало отъ рукъ человѣческихъ, кромѣ направленія лозъ по вѣтвямъ древеснымъ, и то лишь отъ времени до времени. Малые ручьи, черезъ которые еще наканунѣ можно было свободно перейти, обратились отъ сильнаго дождя въ бурные потоки и задерживали насъ, переправою на утлыхъ челнокахъ. Нагіе Мингрельцы, верхомъ на нашихъ лошадяхъ, пускали ихъ вплавь. На половинѣ дороги до Анакліи, подступилъ съ лѣвой стороны широкій Ингуръ, отдѣляющій Мингрелію отъ буйной Самурзахани, и провожалъ насъ, въ тѣни вѣковой дубравы, до самаго устья. По его мутнымъ кипящимъ волнамъ, я уже видѣлъ, что нельзя было ожидать свиданія съ Владѣтелемъ Абхазіи. Все было пусто вокругъ; мнѣ казалось по описаніямъ, что я въ дѣвственныхъ лѣсахъ Америки, гдѣ еще природа не испытала надъ собою руки человѣческой, и пустынныя рѣки, какъ змѣи, широко ходятъ по дремучимъ лѣсамъ. Такъ мы достигли Анакліи, и

здѣсь измѣнилась картина. Это малая рѣчная пристань, населенная отчасти Турками, гдѣ процвѣтала нѣкогда торговля. Еще издали услышали мы пѣсни: пришельцы Анатоліи, въ своихъ нарядныхъ одеждахъ, составивъ кружокъ, плясали на базарѣ, подъ монотонный звукъ роднаго инструмента. Нѣсколько судовъ стояли у берега рѣки, подъ стѣнами развалившейся крѣпости; вдали шумѣло море.

Грустно взглянулъ я на Дадіана, при видѣ шумной стихіи, которая должна была разлучить насъ на слѣдующее утро; молча отвѣчалъ онъ тѣмъ же взглядомъ, ибо безъ словъ мы поняли другъ друга и продолжали путь нашъ къ Редутъ-Кале, отстоявшему еще на 15 верстъ отъ Анакліи. Мы приглядывались къ дальнимъ вѣтриламъ въ пустотѣ моря; мы прислушивались къ бурному реву валовъ, которые набѣгали, одинъ за другимъ, на низменный берегъ, гонимые девятымъ пѣнистымъ валомъ, и шумно разстилались предъ нами, у самыхъ конскихъ ногъ. Кони Мингрельскіе, не привыкшіе къ сей чуждой для нихъ

стихіи, храпѣли и съ ужасомъ отскакивали отъ напора волнъ, какъ Ипполитовы кони, при появленіи морскаго чудовища. Давно уже не видалъ я моря, и вечерній неспокойный видъ его наводилъ невольное уныніе. Медленно подвигался я по зыбкому песку, повторяя въ памяти моей сей многозвучный стихъ Иліады:

Идетъ безмолвный по брегу немолчно шумящаго моря.

Смерклось, а еще не было видно Редута; дальнія зарницы освѣщали море и колеблющіяся на немъ суда, но не ратнаго флота Ахеянъ. Наконецъ показались городскіе огни, но разлившіяся воды Хопи внезапно преградили намъ путь. Мы должны были, на казачьемъ челнокѣ, долго плыть по рукаву рѣки, въ совершенномъ мракѣ, и съ большимъ трудомъ, по глубокой грязи, пѣшіе достигли приготовленнаго для насъ ночлега. Пароходъ уже приходилъ наканунѣ и долженъ былъ опять придти съ разсвѣтомъ изъ Сухума; онъ останавливался въ открытомъ морѣ, ибо

нельзя подходить къ опасному берегу Мингреліи, лишенному пристаней. Но на землѣ сей, для меня гостепріимной, грустны были мнѣ послѣдній вечеръ и послѣднее утро, за которыми слѣдовала долгая разлука съ путникомъ, близкимъ моему сердцу. Больно всякое разставанье, но есть хотя нѣкоторая постепенность, въ окружающихъ предметахъ, когда отъѣзжаешь сухимъ путемъ, и нѣтъ никакой, когда уноситъ тебя быстрая волна, какъ бы совершенно въ иной міръ. Отъ избытка сердца на сей разъ говорили не уста, но взоры, а намъ не хотѣлось имѣть свидѣтелей нашихъ чувствъ. Молча мы обнялись на берегу, и еще долго подавали знакъ рукою, какъ бы привѣтствуя другъ друга, но уже на разлуку, а быстрый катеръ увлекалъ меня, по широкому каналу до устья Хопи, гдѣ шумнымъ прибоемъ волнъ боролось съ рѣкою море. И какъ слаба человѣческая природа! — болѣзненное физическое чувство одержало верхъ надъ нравственнымъ, когда закружилась голова отъ морскаго волненія; надо мною сбылся хотя и не

въ полномъ смыслѣ сей выразительный стихъ Данта:

Poscia più che il dolor potè il digiuno.
Потомъ болѣзнь превозмогла и горе.

АБХАЗІЯ. ПИЦУНДА.

Если тягостна была разлука на берегахъ Мингреліи, пріятная встрѣча ожидала меня на пароходѣ: Начальникъ Черноморской линіи, съ которымъ я началъ мою службу, по чувству давней пріязни, пожелалъ везти меня до Керчи, вдоль береговъ живописной Абхазіи. Въ первые годы молодости мы раздѣляли съ нимъ

скромную хату, посреди цвѣтущихъ садовъ Малороссіи, или палатку кавалерійскаго лагеря, и вотъ, послѣ стольких лѣтъ, онъ раздѣлилъ со мною каюту, на бурной пучинѣ Чернаго моря. И дѣйствительно бурно было оно въ теченіе десятичасоваго плаванія, отъ Редута до Сухума; мимо меня мелькнули Илори и Очамчиры и Дранды, и ни на что не могъ я обратить даже минутнаго вниманія отъ сильной качки. Когда же мы стали входить въ широкій заливъ Сухумскій, хотя и безпокойный при западныхъ вѣтрахъ, погода начала утихать, и я могъ любоваться съ палубы красотою окрестныхъ горъ; однако мнѣ хотѣлось провести ночь на берегу. Сильный запахъ розъ обвѣялъ меня въ оградѣ бывшей Турецкой крѣпости: аллеи Италіянскихъ тополей, которыми обсажены всѣ зданія, обвиты были розовыми кустами, до половины ихъ стройнаго стана. Нигдѣ, даже въ Мингреліи, не видалъ я столь богатой растительности. Это было въ самомъ началѣ весны; все цвѣло и благоухало и дышало необычайною жизнію для насъ жителей

сѣвера. Наши береговыя укрѣпленія обязаны своею роскошною зеленью, первому начальнику Черноморской линіи Раевскому, который по своей страсти къ ботаникѣ, украсилъ ихъ лучшими произведеніями Крымской природы, и умѣлъ сдѣлать наслѣдственнымъ вкусъ свой къ садоводству, въ охранителяхъ сихъ твердынь; каждая изъ нихъ представляется малымъ садомъ, такъ что забываешь о потокахъ крови, которыми они были обагрены, и о непрестанной опасности имъ угрожающей; виноградныя лозы ихъ обыкновенное украшеніе, а иногда, въ какомъ либо громоносномъ бастіонѣ, уединенно цвѣтетъ тюльпанное дерево.

Отдохнувъ ночь въ Сухумѣ, я уже могъ съ обновленными силами продолжать морское путешествіе. На разстояніи двухъ часовъ отъ сей Турецкой крѣпости, которая заступила мѣсто древней Діоскуріи, средоточія Греческой торговли на берегу Понта, мы увидѣли довольно обширныя развалины, тамъ гдѣ малая рѣчька Псирстъ впадаетъ въ море. Еще стояла круглая

башня, вся обросшая плющемъ, и мѣстами обрушенная ограда тянулась вдоль берега, столь же роскошно украшенная рукою времени. Это была Анакопи, древняя Никопсія Грековъ, о которой упоминаетъ Царь Давидъ возобновитель въ своемъ завѣщаніи, какъ о крайней точкѣ западныхъ своихъ предѣловъ. Позади нее углубляется въ горы знаменитое ущеліе Трахейское, проникающее внутрь Абхазіи, и на гребнѣ утеса видны остатки замка Трахеи, который Греки отняли у Абазговъ, послѣ кровопролитной осады въ царствованіе Іустиніана. Для меня драгоцѣнно было другое историческое преданіе, записанное въ хроникѣ Царя Вахтанга, который говоритъ, что одинъ изъ проповѣдавшихъ здѣсь Апостоловъ, Симонъ Кананитъ, скончался и погребенъ въ Никопсіи.

Мы сошли на берегъ, чтобы посѣтить церковь, на которую указываетъ мѣстное преданіе, какъ на погребальную Апостола, и долго ее искали посреди развалинъ Никопсіи, ибо по незнанію языка не могли объясниться съ жителями, дико на насъ

смотрѣвшими. Намъ пришло на мысль, что она должна быть въ горномъ замкѣ Трахейскомъ, и мы уже хотѣли туда подыматься, когда одинъ изъ проводниковъ, съ ближняго казачьяго поста, вызвался указать намъ желанную церковь. Онъ возвратилъ насъ опять къ развалинамъ Никопсіи и, позади ограды, вывелъ на довольно обширную поляну, усѣянную также обломками. Она была ограждена прибрежными скалами Псирсты, которая омывала своими волнами дикое, живописное мѣсто, какъ бы нарочно созданное природою, чтобы приманить на жительство людей. Посрединѣ стояла церковь, небольшая, но почти совершенно уцѣлѣвшая, кромѣ обвалившагося купола; западный ея притворъ заваленъ камнями и заросъ дикими растеніями, какъ и самая вершина церкви; входъ отъ южнаго притвора, надъ коимъ видѣнъ еще полустертый ликъ Спасителя. Устройство храма совершенно Греческое, съ тройнымъ раздѣленіемъ алтаря и полукружіемъ горняго мѣста; поразительна тонкость стѣнъ, складенныхъ изъ Римскаго кирпича, и высо-

та стройныхъ сводовъ, которые опираются на чрезвычайно легкіе столбы; живопись уже стерлась, но на западной стѣнѣ еще видны успеніе Богоматери и два мученика. Гробницы Апостольской нельзя разпознать; но предполагая, что святыя мощи положены были, по древнему обычаю, подъ самымъ престоломъ, я помолился надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ онъ нѣкогда стоялъ, и призвалъ имена обоихъ Апостоловъ Симона и Андрея, просвѣтившихъ страну сію. Утѣшительна молитва на такихъ мѣстахъ, освященныхъ стопами первыхъ учениковъ Христовыхъ. Въ минеи Грузинской, обители Св. Давида Гареджійскаго, сохранилось житіе Андрея Первозваннаго, переведенное съ Греческаго, которое гораздо полнѣе нашего и довольно описываетъ его странствованіе кругомъ Чернаго поморія.

Продолжая плаваніе наше, отъ Анакопи къ Пицундѣ, мы на краткое время остановились противъ Бамборъ и наслаждались очаровательнымъ видомъ широкой долины Лехны, у подножія горъ Абхазскихъ. Вдали на холмѣ видѣнъ былъ домъ Вла-

дѣтеля Михаила, въ селеніи Сууксу и церковь, или малая обитель, гдѣ живетъ при немъ Архимандритъ; но мы не сошли на берегъ, чтобы не безпокоить семейство Князя, зная о его отсутствіи. Немного далѣе песчаный мысъ Пицунды, поросшій вѣковыми соснами, выдался въ море, какъ бы приглашая пловцевъ отдохнуть въ его гостепріимной пристани. Не смотря на песчаный слой, море такъ глубоко, что пароходъ нашъ могъ подойти къ самому берегу. Природа обильно одарила мѣсто сіе, предназначенное для водворенія Христіанства въ Абхазіи: здѣсь долго пребывалъ Первозванный Апостолъ; сюда, хотя и невольно, предназначали другаго великаго проповѣдника истины, Златоуста; здѣсь наконецъ великій Іустиніанъ основалъ изящный храмъ Богоматери, до нынѣ уцѣлѣвшій въ древней красѣ своей и ожидающій обновленія: его высокій куполъ видѣнъ былъ съ моря, промежду сосновыхъ вершинъ. Первымъ моимъ движеніемъ было устремиться, черезъ вѣковую рощу, къ древнему святилищу. Нельзя не имѣть вѣры

къ преданіямъ, освященнымъ глубокою вѣрою народа, съ незапамятныхъ времень. Если несправедливо то, что Св. Апостолъ здѣсь довершилъ земной свой подвигъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, о его долгомъ пребываніи на сихъ мѣстахъ, и быть можетъ многія истязанія испыталъ онъ за слово истины, въ городѣ Пиѳіонѣ, ибо все поморіе было наполнено колоніями Эллинскими. Внѣ сосновой рощи стоялъ храмъ, посреди развѣсистыхъ вязовъ и смоковницъ, обвитыхъ виноградомъ, во всей роскоши дикой природы Абхазіи; вокругъ него ограда грубо складена изъ булыжника, уже въ позднѣйшія времена, ибо частыя нападенія принудили Католикосовъ, искать себѣ защиты въ стѣнахъ и бойницахъ.

Чувство восторга и глубокаго благоговѣнія исполнило мое сердце, когда проникнувъ внутрь ограды, остановился я предъ великолѣпнымъ святилищемъ Іустиніана. Оно дѣйствительно носитъ на себѣ печать того времени и изящества, даже и въ состояніи упадка, какъ великіе мужи, подъ бременемъ тяжкихъ испытаній, сокрушае-

мые, но не сокрушенные. Строгіе размѣры зодчества Византійскаго пріятно поражаютъ взоры въ обширномъ зданіи, которое отчасти поросло плющемъ и кустами, пробившимися сквозь его разсѣлины. Основаніе его изъ дикаго камня, стѣны пестро сложены полосами, частію изъ кирпича; тройное полукружіе образуетъ алтарь; двухъярусный портикъ, до половины обрушенный, пристроенъ къ трапезной части храма; двое малыхъ сѣней по сторонамъ и сферическій куполъ легко вѣнчаетъ стройное зданіе; но мѣдные листы его были сорваны и треснули вѣковые своды. Кругомъ роскошная зелень деревъ и сосновый боръ, и снѣжныя горы Кавказа на небосклонѣ, дополняли краснорѣчивое зрѣлище запустѣвшаго храма.

Я взошелъ въ его внутренность и еще большимъ умиленіемъ исполнилось сердце; меня обвѣяло нѣчто родное, какъ бы кто дохнулъ на меня древнею святынею Кіева и Новгорода; казалось недавно только прекратилось священнодѣйствіе, и отголосокъ гимновъ будто звучалъ еще въ пустотѣ об-

наженныхъ сводовъ. Тремя дверями входятъ, изъ западнаго притвора въ трапезную часть, которая осѣнена хорами, какъ въ лаврѣ Печерской и обѣихъ Св. Софіяхъ. Каменный иконостасъ, весьма низкій, былъ подобенъ Сіонскому, что въ Атенской долинѣ; сквозными арками малыхъ колоннъ своихъ онъ не заслонялъ глубокаго алтаря, и видны были на горнемъ мѣстѣ остатки стѣнной живописи: Влахернская Божія Матерь съ Архангелами и пріобщеніе подъ двумя видами. Двѣнадцать стоящихъ Святителей, окружали высокую каѳедру Католикоса и сопрестоліе Епископовъ и пресвитеровъ, возвышенное на пять ступеней отъ помоста. Еще четырнадцать ликовъ святыхъ, въ малыхъ кругахъ, воскресеніе Лазаря и умовеніе ногъ, слабо видны были на стѣнахъ алтаря, и нѣсколько изображеній Апостольскихъ въ куполѣ между оконъ; вся же прочая живопись стерлась или отбита. Но легкая сферическая форма купола, хотя и треснувшаго, производила впечатлѣніе отрадное: душа какъ бы порывалась на молитву, подъ воздушными

сводами сего храма, располагающаго къ богомыслію. Сколько бы ни должна превозмогать духовная природа человѣка его грубую оболочку, нельзя не сознаться, что внѣшнее благолѣпіе святилища невольно дѣйствуетъ на душу.

Достоинъ вниманія престолъ Пицундскаго храма, составленный весь изъ мраморныхъ обломковъ, съ изваянными на нихъ крестами, какъ будто бы кто нарочно раззорилъ воздвигнутый прежде на этомъ мѣстѣ и опять собралъ его изъ разбитыхъ частей. Нѣкоторые полагаютъ, что это воинскіе трофеи славнаго воителя Вамека Дадіана, ходившаго войною въ горы въ XV вѣкѣ, и собравшаго тамъ остатки Греческихъ памятниковъ, для храмовъ Пицунды и Хопи. Невѣроятно однако, чтобы Вамекъ замѣнилъ своими трофеями первобытный престолъ, который конечно не былъ составленъ изъ обломковъ, и едва ли подвергался разрушенію; это загадка для археологовъ, но, и при нынѣшнемъ обновленіи, не должно касаться оригинальнаго престола. Давно ли прекратилась на немъ

божественная служба? — не знаю; то лишь извѣстно, что и послѣ перенесенія каѳедры Католикосовъ въ Гелатъ, въ половинѣ XVII вѣка, они продолжали приходить для священнодѣйствія въ оставленную ими Пицунду, хотя однажды въ годъ, вѣроятно на праздникъ успенія Богоматери или на память Первозваннаго Апостола, ибо преданіе народное переименовало въ честь его святилище. Рукоположеніе Епископовъ, подвластныхъ Католикосу Абхазіи, и освященіе мνра совершалось всегда въ храмѣ Пицундскомъ, по древнему уваженію къ сему мѣсту, какъ видно изъ путевыхъ записокъ Патріарха Іерусалимскаго Досиѳея.

Утратился лѣтописный рядъ Католикосовъ Абхазіи, которые возсѣдали въ святительской славѣ, на горнемъ мѣстѣ храма Пицундскаго, какъ преемники Первозваннаго Апостола, и простирали духовную власть свою далеко въ горы, до предѣловъ Грузіи. Нѣтъ сомнѣнія, что приморскія эпархіи гораздо древнѣе Иверскихъ, ибо отселѣ началось Христіанство; но лѣтопись Грузинская сохранила намъ имена своихъ

Католикосовъ, начиная отъ Петра, жившаго при Царѣ Вахтангѣ въ V вѣкѣ, до VIII столѣтія, когда временно они прекратились, по смутнымъ обстоятельствамъ царства. При Давидѣ возобновителѣ опять является Католикосъ Грузіи, знаменитый Іоаннъ III, участвовавшій во всѣхъ его соборахъ, и уже рядъ верховныхъ Святителей не прерывается до младшаго Антонія, брата послѣдняго Царя. Въ Абхазіи напротивъ того не сохранились имена ея Іерарховъ, хотя нѣтъ сомнѣнія, что каѳедра Пицундская не оставалась безъ пастырей, развѣ только по временамъ, въ смутныя эпохи. Въ житіи Давида возобновителя названъ современный ему Католикосъ Евдемонъ, вмѣстѣ съ нимъ устроившій обитель Гелатскую, по образу Пицундской; но въ завѣщаніи Царя и въ лѣтописяхъ упомянуто только, во множественномъ числѣ, о присутствіи на соборахъ Католикосовъ, но безъ имени. Нельзя однако предполагать, чтобы тутъ подразумѣвался Католикосъ Армянскій, странствовавшій тогда въ Киликіи, хотя столичный городъ Ани подвла-

стенъ былъ Давиду, и чтобы въ славную эпоху предковъ его Багратовъ, собственно Царей Абхазскихъ, не было Католикосовъ въ Пицундѣ. Лѣтописи Грузинскія вспомнили о нихъ только въ позднѣйшія времена: въ исходѣ XIV вѣка является Католикосъ Арсеній и потомъ, спустя нѣкоторое время, Іоакимъ, а за нимъ уже непрерывный рядъ Католикосовъ, имена коихъ намъ извѣстны изъ дарственныхъ грамотъ. Ихъ считается 18, и между ними самые знаменитые были два Малахіи, одинъ Князь Абашидзе, а другой сынъ Владѣтеля Гуріи, еще два Евдемона, Захарія, перенесшій каѳедру, и три послѣднихъ: Виссаріонъ сынъ Эристава Рачи, Іосифъ Царевичь, братъ великаго Соломона, и Максимъ, скончавшійся въ Кіевѣ. Мы обязаны лѣтописнымъ порядкомъ сихъ Католикосовъ, ученому изысканію Академика Броссе.

У входа въ святилище, въ западномъ его притворѣ, находится особый придѣлъ, устроенный гораздо позже, съ гробницею уже упраздненною, которая служитъ предметомъ многихъ толковъ. На внѣшней стѣ-

нъ его сохранилось отчасти изображеніе Архангела Михаила и Великомученика Георгія на конѣ. Внутри, въ полукругломъ углубленіи къ востоку, есть малой престолъ и надъ нимъ начертанъ ликъ Спаса поверхъ трехъ Святителей, съ Греческою надписью: «Богъ во святыхъ почивающій.» Тутъ же въ стѣнѣ видно мѣсто для жертвенника и храненія сосудовъ, и опять Греческая надпись, съ грубыми ошибками и полустертыми буквами; если я не ошибся вотъ ея содержаніе: «Помяни Господи раба твоего Параскева живописца, который устроилъ храмъ и куполъ при владычествѣ (не разобрано слово) Католикоса Евдемона. Ты вся вѣси, исполни сіе.» Годъ 7-й хроникона соотвѣтствуетъ 1320-му. На стѣнахъ написаны распятіе Господне, снятіе со креста, погребеніе съ Греческими словами: «погребальный плачь», и изведеніе праотцевъ изъ ада надъ престоломъ. На дверяхъ Спаситель и два верховные Апостола, а напротивъ, надъ пустою гробницею, Апостолы Андрей и Симонъ. Есть еще двѣ могилы подъ помостомъ, закладенныя

досками, изъ которыхъ вѣетъ мертвою сыростію.

Преданіе народное указываетъ на главную гробницу, какъ на ту раку, въ которой покоились мощи Первозваннаго, и лики обоихъ Апостоловъ на стѣнѣ о томъ гласятъ. Въ одной дарственной грамотѣ минувшаго столѣтія, Княгини Анисіи Абашидзе, написано такъ: «Мы сдѣлались достояніемъ святаго Апостола Андрея, который былъ мучимъ въ землѣ людоѣдовъ Анухаретъ, и погребенъ на мѣстѣ, называемомъ Бичвинта (Пицунда). Господь прославилъ его честное тѣло, и по его повелѣнію была тутъ построена церковь во имя Божіей Матери, сдѣлавшаяся каѳедрою Католикосовъ.» (годъ 1731). И такъ по всему поморію издавна утвердилось мнѣніе, что Апостолы покоятся одинъ въ Пицундѣ, другой въ Никопсіи. Еще одно мѣстное преданіе называетъ сію гробницу Златоустовою, ибо извѣстно по исторіи, что его хотѣли сослать въ пустынный Пиѳіонъ, не довольствуясь суровымъ заточеніемъ въ предѣлахъ Малой Арменіи, гдѣ

кромѣ холоднаго климата, непрестанно его тревожили набѣги Исавровъ, нынѣшнихъ Курдовъ. Но извѣстно и то, что Златоустъ не дошелъ до мѣста заточенія и скончался дорогою близъ Команъ. — Такъ описаны его послѣднія минуты:

Златоусту наступило время его всесожженія; поприще совершилъ онъ, вѣру соблюлъ, и ему, подобно какъ Апостолу Павлу, готовился вѣнецъ правды, который Господь воздаетъ всѣмъ возлюбившимъ его явленіе. Враги его исходатайствовали наконецъ у Императора повелѣніе сослать его еще глубже, на поморіе негостепріимнаго Понта. Три мѣсяца продолжалось утомительное странствіе; двое стражей сопровождали святаго, не давая ему ни малѣйшаго отдыха; но одинъ изъ нихъ, болѣе человѣколюбивый, иногда оказывалъ втайнѣ нѣкоторое снисхожденіе; другой же воинъ, нрава звѣрскаго и суроваго, раздражался даже, если встрѣчавшіеся на пути просили его пощадить слабаго старца. И въ проливной дождь, и въ знойный полдень, выводилъ онъ нарочно своего узни-

ка, чтобы промочить до костей или опалить священное чело его, лишенное волосъ, и не позволялъ останавливаться въ городахъ или селеніяхъ, чтобы укрѣпиться банею, необходимою для его изнуреннаго тѣла. Такъ достигли они города Команъ и прошли мимо, остановившись для ночлега въ уединенной церкви мученика Василиска, Епископа Команскаго, который пострадалъ при суровомъ Максиминѣ Даіѣ, вмѣстѣ съ пресвитеромъ Антіохійскимъ Лукіаномъ. Ночью явился спящему труженику мученикъ Василискъ и сказалъ: «мужайся, братъ Іоаннъ, завтра мы будемъ вмѣстѣ»; явился заблаговременно и священнику той церкви, говоря: «приготовь мѣсто брату моему Іоанну, ибо уже приходитъ.» На утро тщетно умолялъ стражей своихъ Златоустъ, остаться въ церкви хотя до полдня, надѣясь сложить къ тому времени тяжкое бремя жизни; онъ принужденъ былъ продолжать путь, но болѣзнь его такъ усилилась, что сами мучители рѣшились возвратиться. Тогда, предчувствуя скорую кончину Іоаннъ, не вкушая пищи,

измѣнилъ одежды свои и весь облекся въ бѣлое, даже до обуви, роздалъ присутствующимъ немногое, что имѣлъ съ собою, и причастившись страшныхъ таинъ Христовыхъ, произнесъ предъ всѣми свою послѣднюю молитву, которую заключилъ обычными словами: «благодареніе Богу за все!» потомъ сказалъ тихое предсмертное аминь, и простершись на одрѣ, испустилъ духъ. — Великое множество иноковъ и дѣвъ, сосѣднихъ обителей Арменіи и Понта, стеклись на его погребеніе въ пустынной церкви Команской, и святое тѣло новаго мученика положено было съ честію, близь пострадавшаго, подобно ему, блюстителя сего мѣста Василиска. Но не прошло тридцати лѣтъ, и болѣе славнымъ торжествомъ почтены были нетлѣнные останки Святителя. Самъ онъ, какъ бы подвигнутый молитвенною грамотою воспріятаго имъ отъ купели Императора, Θеодосія младшаго, и ученика своего Прокла, Архіепископа Царьградскаго, перенесенъ былъ на поприще своихъ духовныхъ подвиговъ, и поставленъ опять на

ту каеедру, которая оглашалась его златыми бесѣдами.

Гдѣ же Команы, мѣсто кончины Златоуста, до котораго было три мѣсяца хода отъ Арабиссы, изъ Малой Арменіи?—Городъ сего имени показанъ на древнихъ картахъ на юго-западъ отъ Требизонта, между Амассіею и Токатомъ, на рѣкѣ Ирисѣ (нынѣшнемъ Токатъ-су) и довольно вѣроятно, что непрестанная опасность отъ Исавровъ заставила сдѣлать большой обходъ къ Трапезонту, чтобы потомъ уже слѣдовать вдоль поморія, населеннаго Греческими колоніями, или быть можетъ плыть моремъ въ Пиеіонъ. Между тѣмъ я слышалъ отъ Князей Гуріи, что въ одной изъ обителей ихъ земли, показываютъ донынѣ могилу Златоуста, и собственно въ томъ монастырѣ, который служитъ теперь, близъ главнаго города Озургетъ, каеедрою для Епископа Гуріи. Я просилъ Экзарха Грузіи, спросить о томъ писменно Преосвященнаго Евеимія, и получилъ отзывъ, что ни въ его каеедральномъ монастырѣ Шемокъ-меди, ни въ Джуматскомъ, который ближе къ мо-

рю, нѣтъ могилы Златоуста, если только вѣрны его свѣденія. Достойно замѣчанія то, что на древней иконѣ Пицундской, Святитель всегда пишется вмѣстѣ съ Ангеломъ своимъ Предтечею, по сторонамъ Божіей Матери.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что преданіе о погребеніи Первозваннаго Апостола и Златоуста въ Пицундѣ, не имѣетъ историческаго вѣроятія, ибо хотя Апостолъ проповѣдывалъ въ Абхазіи, но окончилъ подвигъ свой въ Патрасѣ Морейскомъ, а Златоустъ, не дошедшій до Пицунды, перенесенъ, какъ мы видѣли, изъ Команъ въ Царьградъ; но весьма вѣроятно, что часть нѣкая мощей ихъ отдѣлена была Императоромъ Іустиніаномъ для храма Пицундскаго. Можно предполагать и то, что сами Католикосы, послѣ запустѣнія Никонсіи, перенесли мощи Апостола Симона Кананита, изъ раззоренной его церкви въ свой каѳедральный соборъ, ибо гораздо невѣроятнѣе забвеніе такой великой святыни, въ мѣстѣ столь близкомъ. Что касается до другихъ гробницъ въ помостѣ, то

онѣ могли быть мѣстомъ упокоенія Католикосовъ, и хотя Греческая надпись надъ жертвенникомъ неудовлетворительно разобрана, однако въ ней, кажется, есть имя Католикоса Евдемона, быть можетъ современника Царя Давида, ибо годъ хроникона написанъ сбивчиво. Переводъ же Дюбуа, съ именемъ нѣкоего Католикоса Ваурафа, совершенно невѣренъ.

Съ западной стороны храма видны еще остатки трехъ малыхъ церквей, гораздо позднѣйшаго времени, а къ востоку доселѣ бьетъ изъ земли ключь свѣжей воды, который мѣстное преданіе приписываетъ молитвамъ Первозваннаго. Утѣшительно, въ пустынной Абхазіи, утолять жажду свою струями, освященными Апостольскою молитвою! — Нѣтъ въ Пицундѣ походной церкви, какъ въ прочихъ укрѣпленіяхъ Абхазскаго и Черкесскаго берега, потому что предположено обновить великолѣпный храмъ Іустиніана, и уже присланъ архитекторъ для сего истинно полезнаго дѣла, которое опять возвратитъ всю Абхазію къ Христіанству, особенно если тутъ учредит-

ся каѳедра Епископская и миссія духовная. Есть тамъ однако молитвенный домъ, со всею нужною утварью для устройства церкви, и даже довольно богато украшены иконы: вездѣ проявляется благочестіе Русскихъ воиновъ. Въ сѣняхъ сей молитвенной храмины виситъ небольшой Генуэзскій колоколъ, на которомъ изваяны ликъ Богоматери, Вероника съ убрусомъ и Епископъ въ латинской митрѣ, и выставленъ годъ 1529. Кто пожертвовалъ колоколъ сей? неизвѣстно; но занесенный съ запада въ сіи предѣлы, онъ и донынѣ сзываетъ православныхъ къ утреннему и вечернему богослуженію, въ оградѣ Пицундской обители.

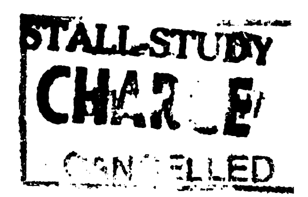
Это былъ вечеръ субботній; съ радостію услышалъ я серебристый звукъ его благовѣста ко всенощному бдѣнію. Столь же отрадно было для меня молиться, на мѣстѣ евангельской проповѣди Первозваннаго въ Абхазіи, какъ и на горахъ Кіевскихъ. Я имѣлъ духовное утѣшеніе посѣтить почти всѣ мѣста, ознаменованныя его подвигами, начиная отъ Іерусалима и до

чуждой для насъ Амальфи, гдѣ хранится сокровище его мощей; оставался не посѣщеннымъ одинъ только Патрасъ, въ которомъ онъ довершилъ свое Апостольское поприще.

На утро просилъ я отслужить часы, въ погребальномъ придѣлѣ большаго храма, ибо не было освященнаго престола для литургіи. Малый, но стройный хоръ кантонистовъ, огласилъ гимнами священные своды и невольно забилось сердце при сихъ торжественныхъ звукахъ. Вокругъ все было тихо и ясно и какъ бы родственно: едва колыхались, Майскимъ вѣтромъ, густыя вершины отечественныхъ сосенъ; ярко сіяли, утреннимъ солнцемъ, родные намъ снѣга, на дальнемъ хребтѣ Кавказа, и плавно колебалось море, синею волною манившее усталаго путника въ дальнюю его родину.

Конецъ третьей и послѣдней части.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

STALL-STUDY
CANCELLED